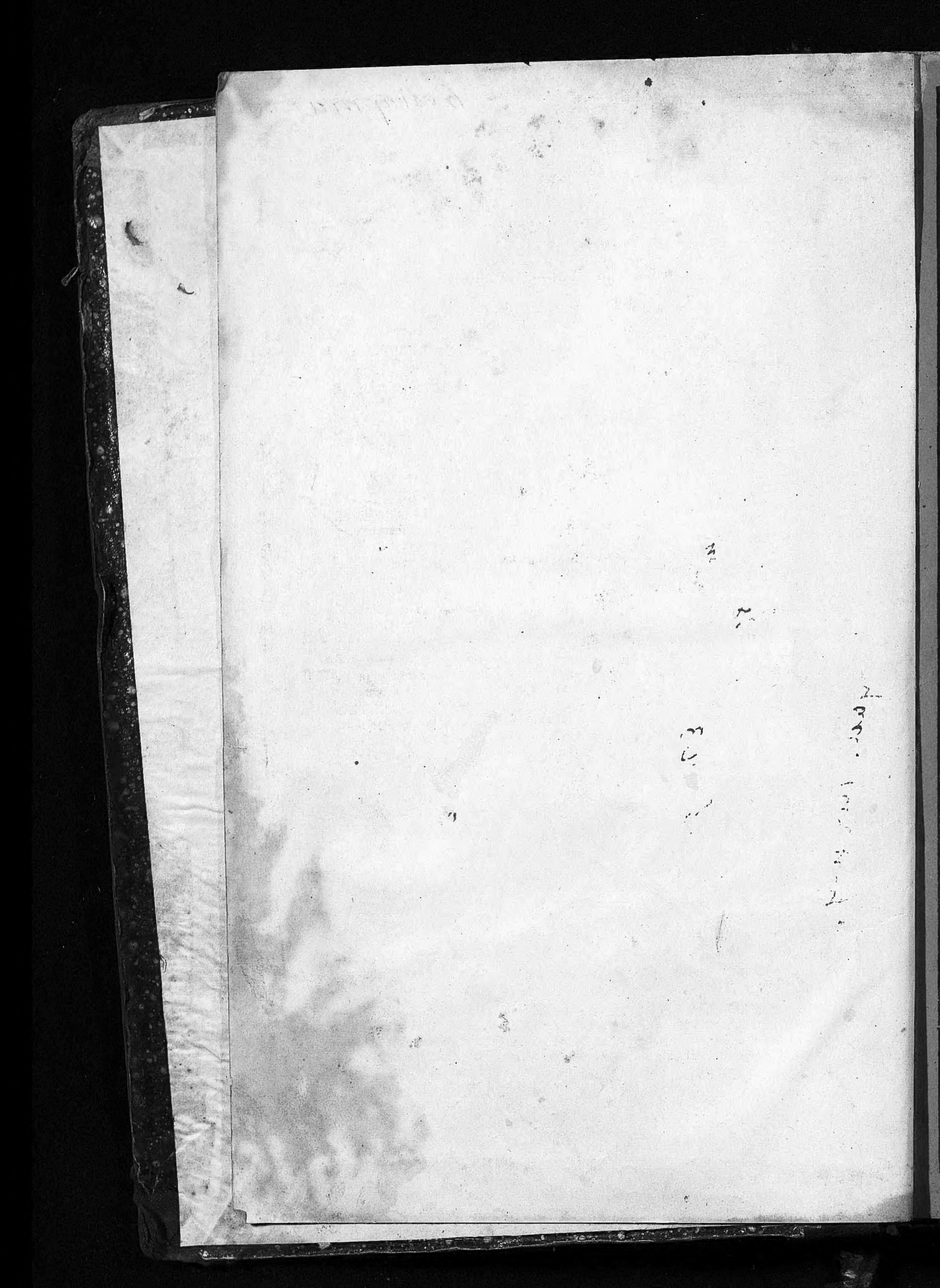
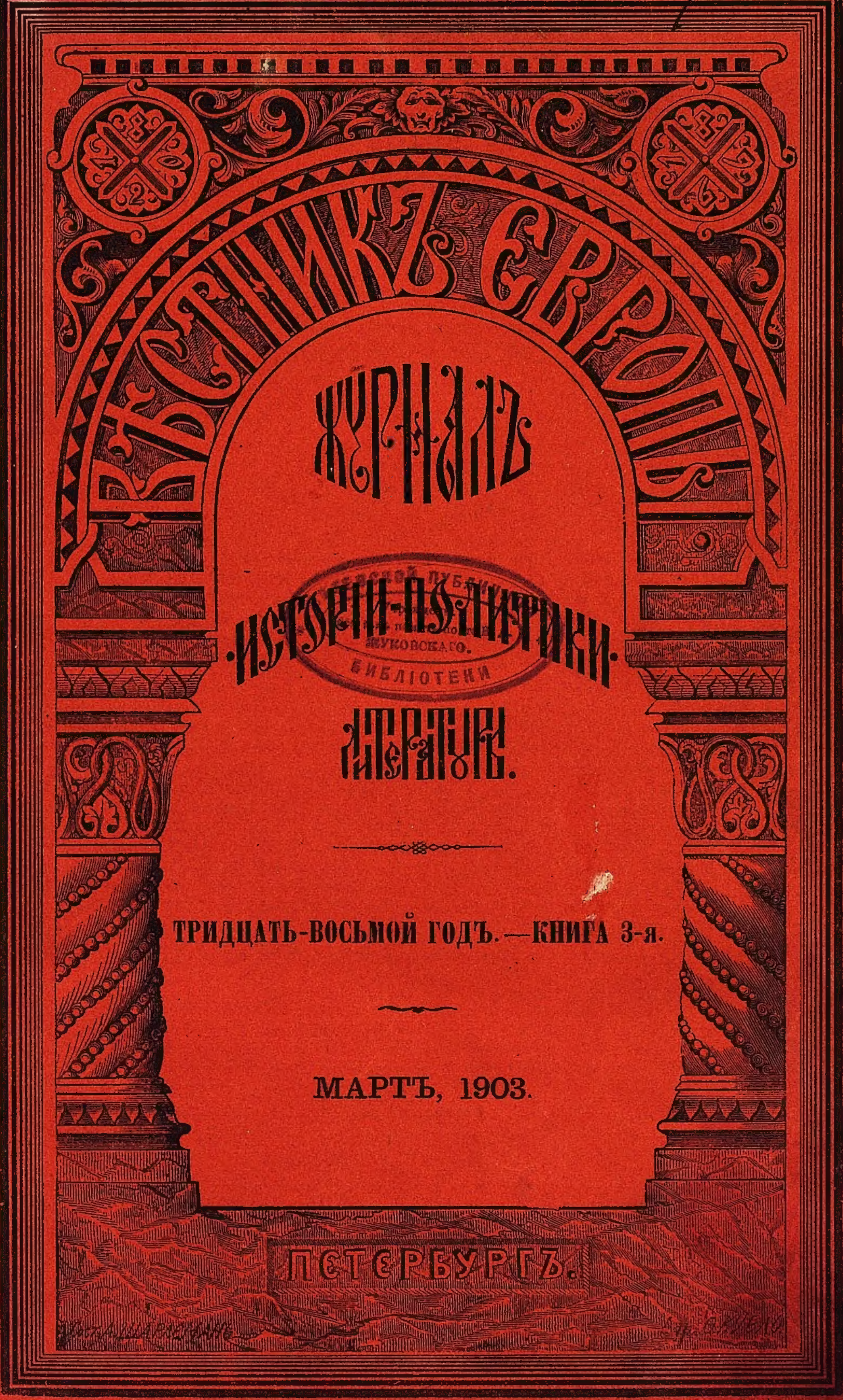




ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1903.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXVII. — ТОМЪ CCCXCIV.— 1/14 МАРТА 1903.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

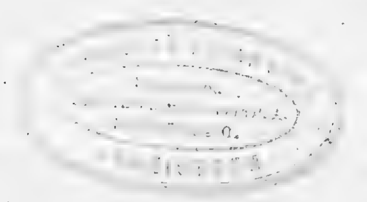
Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903

3224



ДВОРЯНСТВО

и

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

Весь сельско-хозяйственный строй Россіи основанъ на взаимодѣйствіи двухъ по преимуществу землевладѣльческихъ сословій—дворянскаго и крестьянскаго.

Мы разсмотрѣли (см. 1898, іюль, 5; 1899, янв., 83; 1900, янв., 5) условія быта и землевладѣнія крестьянскаго сословія; теперь остается еще обратиться къ изслѣдованію положенія дворянскаго землевладѣнія и связаннаго съ нимъ дворянскаго вопроса.

За послѣдніе годы вопросъ объ упадкѣ дворянскаго землевладѣнія и объ опасности разложенія всего дворянскаго сословія занималъ всеобщее вниманіе. Дворяне разныхъ губерній представляли записки, въ которыхъ излагались причины бѣдственнаго, по ихъ мнѣнію, положенія дворянства, и указывались мѣры, необходимыя для поднятія дворянскаго благосостоянія.

Всѣ эти заявленія и ходатайства были подвергнуты затѣмъ разсмотрѣнію и обсужденію въ правительственныхъ сферахъ; результатомъ всего этого явилось изданіе ряда законовъ и мѣропріятій, клонящихся къ огражденію дворянскаго сословія и дворянскаго землевладѣнія.

Такимъ образомъ, острый періодъ дворянскихъ стяжаній окончился; все, что правительство считало возможнымъ сдѣлать въ удовлетвореніе желаній дворянства,—сдѣлано, и дворянскій вопросъ можно считать получившимъ, по крайней мѣрѣ временно, свое завершеніе.

Поэтому именно теперь полезно окинуть общимъ взглядомъ всю эту минувшую эпоху, составить себѣ общую картину хода дворянскаго вопроса и подвергнуть совершившееся безпристрастной оцѣнкѣ.

I.

Первоначально общественный бытъ слагался совершенно естественнымъ путемъ. Въ каждой группѣ людей, будь это родъ или племя, или народъ, выдвигались впередъ наиболѣе энергическіе и способные люди, становясь подъ тѣмъ или другимъ названіемъ во главѣ рода, или племени, или народа. Въ общественныхъ дѣлахъ они привлекали обыкновенно къ совѣту старшинъ,—такимъ образомъ при правителѣ установлялся совершенно естественнымъ путемъ правительственный совѣтъ. Но такъ какъ при первоначальномъ развитіи общественности между отдѣльными племенами происходили постоянныя войны, то правителямъ приходилось избирать, кромѣ того, изъ народа лицъ, наиболѣе храбрыхъ и способныхъ, изъ которыхъ такимъ образомъ составлялась ихъ дружина. При дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни, старшины и дружинники, со временемъ, начинаютъ составлять изъ себя нѣкоторымъ образомъ высшее сословіе, естественную аристократію. Таковъ, приблизительно, былъ естественный ходъ развитія почти во всѣхъ странахъ.

Но затѣмъ, съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи, въ этомъ положеніи происходитъ существенное измѣненіе. Являются посторонніе завоеватели, подчиняютъ себѣ все мѣстное населеніе и обращаютъ его въ совершенное рабство. Въ такой завоеванной странѣ правители—уже не личности, вышедшія изъ самого народа, а посторонніе люди, совершенно другого племени. Вслѣдствіе того, они начинаютъ смотрѣть на прежнихъ обитателей покоренной земли какъ на низшее племя, естественно обреченное на рабство. Такъ, напримѣръ, норманны, покорившіе англо-саксовъ, образовали изъ себя высшее правящее сословіе, а весь англосаксонскій народъ обратили въ рабовъ, лишенныхъ всякихъ правъ, какъ лицъ низшаго племени; отсюда — родовая теорія о *бѣлой* и *черной кости*. Таковъ былъ ходъ дѣла почти во всѣхъ феодальныхъ странахъ.

Въ Россіи племенного различія не существовало потому, что страна не подпадала власти чужеземныхъ завоевателей [1]); не

---

[1]) Татарское владычество не затрогивало внутренняго устройства страны.

существовало потому долгое время и чисто-сословныхъ привилегій. Власть была въ рукахъ высшаго класса; низшій классъ, крестьяне хотя и терпѣли по временамъ разныя притѣсненія, но на нихъ все-же смотрѣли не какъ на людей другой породы, не какъ на рабовъ, а какъ на народъ.

Къ сожалѣнію, такое отношеніе между высшимъ и низшимъ классами и у насъ не сохранилось вполнѣ. Вслѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ при Борисѣ Годуновѣ, приписки ихъ къ разнымъ заводамъ при Петрѣ Великомъ и раздачи крестьянъ во владѣніе разныхъ лицъ при Екатеринѣ II — крестьяне постепенно стали переходить въ положеніе рабовъ. Кромѣ того, введенная Петромъ Великимъ подушная подать положила глубокую сословную рознь между податнымъ классомъ и свободными людьми. Дѣло дошло до того, что въ теченіе довольно продолжительнаго времени крестьянъ продавали и дарили какъ рабовъ, отдѣльно отъ земли и даже съ разлученіемъ семействъ. При такомъ положеніи дѣла и у насъ въ нѣкоторой степени установились тѣ же отношенія между высшимъ и низшимъ сословіями, какъ и въ феодальныхъ государствахъ, и у насъ явилось нѣчто въ родѣ понятія бѣлой и черной кости, только отчасти смягчаемое принадлежностью и высшаго, и низшаго класса къ одной и той же религіи. Вотъ почему, между тѣмъ какъ въ феодальныхъ государствахъ бракъ дворянина съ рабыней былъ совершенно немыслимъ, у насъ нерѣдко встрѣчались случаи брака помѣщика на крѣпостной дѣвкѣ, обыкновенно послѣ прижитія съ нею дѣтей.

Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, эти печальныя отношенія между двумя классами одного и того же народа прекратились сами собою.

Измѣнились, однако, не только соціальныя отношенія дворянства къ земледѣльческому классу народа,—измѣнилось и самое административное положеніе дворянства.

До 1861 г. все внутреннее управленіе страны, за исключеніемъ сферы городскихъ интересовъ, находилось въ рукахъ дворянства. Помѣщики держали въ своихъ рукахъ значительную долю административныхъ, полицейскихъ и даже судебныхъ функцій по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. За исключеніемъ дѣлъ, подпадавшихъ подъ уголовный законъ, крестьянское населеніе почти не знало другой административной власти, кромѣ своего помѣщика. Въ эти взаимныя отношенія включалась вся мѣстная жизнь въ деревнѣ. Но, кромѣ того, значительная часть такъ-

называемыхъ коронныхъ функцій, касавшихся административной и судебной практики, находилась также въ рукахъ выборныхъ отъ дворянства. Однимъ словомъ, дворянство въ лицѣ помѣщиковъ и выборныхъ чиновъ сосредоточивало въ себѣ все мѣстное управленіе.

Такое положеніе дѣла рѣзко измѣнилось съ отмѣною крѣпостного права, и затѣмъ естественно возникъ вопросъ: какая будетъ въ будущемъ роль русскаго дворянства.

Создалась цѣлая литература по этому вопросу, при чемъ съ самаго начала выдѣлились два рѣзко противоположныя направленія.

Почти никто въ нашей литературѣ не отрицалъ необходимости дальнѣйшаго существованія дворянства въ качествѣ государственнаго и общественнаго фактора. Но относительно того, какія мѣры необходимы для поддержанія значенія дворянства и въ чемъ должна выразиться въ будущемъ его роль—мнѣнія раздѣлились.

По мнѣнію однихъ, дворянству грозитъ въ будущемъ, если ему не оказать существенной поддержки, опасность полнѣйшаго разложенія. Далѣе всѣхъ шли въ этомъ отношеніи „Московскія Вѣдомости", восклицавшія: „неужели мы должны спокойно смотрѣть на гибель дворянства, если мы знаемъ, что за нимъ должно послѣдовать крушеніе и монархіи"... Усматривая въ дворянствѣ главную опору престола и отечества, сторонники этого мнѣнія ратовали за предоставленіе дворянству разныхъ исключительныхъ правъ и за поддержаніе этого сословія дарованіемъ ему различныхъ вспомоществованій. Сторонники этого мнѣнія стояли, вмѣстѣ съ тѣмъ, за усиленіе корпоративной обособленности дворянства и мѣстами доходили до такой крайности, что упрекали тѣхъ изъ дворянъ, которые посвящаютъ свою дѣятельность земскому дѣлу, въ ихъ равнодушномъ отношеніи къ исключительно дворянскимъ, кастовымъ интересамъ.

Другіе,—несомнѣнно болѣе значительная группа писателей, въ числѣ которыхъ можно указать на Б. Чичерина, Евреинова, Новикова, Маркова,—подтверждая, что всюду, гдѣ существовало дворянство, оно являлось вѣрнымъ и цѣннымъ слугою престола и отечества, возражали, однако, основываясь на указаніяхъ всей нашей исторіи, что безграничною преданностью отечеству всегда отличался весь русскій народъ безъ различія состояній. Эта группа писателей усматривала условія дальнѣйшаго полезнаго вліянія дворянства на судьбы Россіи не въ усиленіи сословной, кастовой обособленности, а напротивъ, въ просвѣти-

тельномъ воздѣйствіи дворянства на остальное населеніе, какъ сословія, поглощающаго въ себѣ всю интеллигенцію страны, вслѣдствіе постепеннаго включенія въ свой составъ индивидуальностей, чѣмъ-либо выдающихся какъ на служебномъ поприщѣ, такъ и въ другихъ областяхъ дѣятельности. Дворянство—сословіе, призванное вліять въ воспитательномъ отношеніи на низшіе классы народа въ силу какъ высшаго своего развитія и образованія, такъ и въ силу того административнаго положенія, которое за нимъ оставлено правительствомъ. Такъ Г. А. Евреиновъ заключаетъ свою монографію: „Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства"—словами: „область мѣстнаго управленія представляетъ широкое поле для развитія и усиленія политическаго значенія помѣстнаго дворянства. Въ этомъ направленіи, а не въ развалинахъ видимо разрушающагося прежняго сословнаго строя слѣдуетъ искать пути, на которомъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, помѣстному дворянству могутъ быть предоставлены болѣе широкіе способы полезнаго служенія государству".

Исторія показываетъ намъ, что дворянство только тамъ сохраняло свое значеніе, гдѣ оно принимало живое участіе въ развитіи благосостоянія страны, сохраняя связь и съ землею, и съ народомъ, и проявляя, въ качествѣ интеллигентнаго и наиболѣе состоятельнаго класса землевладѣльцевъ, свое цивилизующее вліяніе на низшій земледѣльческій классъ—участіемъ въ мѣстной администраціи и содѣйствіемъ къ развитію и усовершенствованію сельскаго хозяйства. Обладая бо̀льшими передъ крестьянами-земледѣльцами свѣдѣніями и бо̀льшими средствами, оно имѣетъ, между прочимъ, возможность производить разные агрономическіе опыты, часто дорого сто̀ящіе и не приносящіе немедленнаго дохода, но обѣщающіе въ будущемъ благодѣтельные для сельскаго хозяйства результаты. Играть такую роль дворянство способно только при условіи постояннаго обновленія своего состава, привлеченіемъ въ свою среду выдающихся дѣятелей изъ разныхъ сферъ общественной дѣятельности. Напротивъ того, тамъ, гдѣ дворянство заботилось исключительно и эгоистически о сохраненіи своихъ привилегій на счетъ благосостоянія другихъ классовъ народа, крѣпко держась своего кастоваго устройства, оно неизбѣжно было обречено на гибель.

Первоначально, преимущественныя права дворянства совершенно не имѣли характера привилегій, а представляли естественную принадлежность класса людей, на которомъ зиждилось все внутреннее управленіе страны. Затѣмъ, по мѣрѣ перехода

разныхъ мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ функцій въ руки должностныхъ лицъ центральнаго правительства,—преимущественныя права высшаго сословія начинали терять отчасти свою естественную цѣлесообразность и превращались въ привилегіи. Несмотря на то, вездѣ, гдѣ дворянство продолжало принимать участіе въ мѣстной жизни страны, по своей связи со всѣмъ земледѣльческимъ сословіемъ, его преимущественное положеніе (насколько оно не нарушало естественныхъ правъ другихъ сословій)—сохранялось, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, т.-е. съ устраненіемъ изъ числа привилегій такихъ остатковъ прежнихъ временъ, которые уже были совершенно несогласны съ развитіемъ государства. Преимущественное право высшаго сословія по участію, напримѣръ, въ мѣстномъ управленіи могло сохраняться безвредно, какъ справедливое условіе той дѣятельности, которая ожидалась отъ дворянства.

Живой примѣръ оскудѣнія дворянства, не понявшаго своихъ обязанностей по отношенію къ народу, представляетъ Франція; тамъ сохранились еще дворянскія фамиліи, принадлежавшія къ высшей аристократіи,—но значеніе дворянства, какъ высшаго сословія, въ жизни страны совершенно уничтожилось. Произошло это потому, что французское дворянство постепенно утратило всякую живую связь съ народомъ и отказалось отъ всякаго общественнаго служенія на пользу страны. Поглощенное придворною жизнью, дворянство жадно держалось своихъ кастовыхъ привилегій и въ своихъ отношеніяхъ къ низшему земледѣльческому классу проявляло только эксплуатаціонныя стремленія, истощая народъ обязательными послугами въ свою пользу и ничего не дѣлая для поднятія его благосостоянія и развитія. Вотъ почему французская революція могла совершенно упразднить значеніе дворянства, какъ сословія, не имѣвшаго уже живыхъ корней въ странѣ. И въ Англіи была революція, и тамъ Кромвель опирался на низшіе классы,—но такъ какъ тамъ дворянство было органически связано съ жизнью и интересами всего сельскаго сословія, то ни революція, ни Кромвель, не могли окончательно сломить значенія дворянства въ странѣ. То же самое какъ въ Англіи, въ противоположность Франціи, мы видимъ и въ Германіи.

По какому же направленію пойдетъ русское дворянство?

Вся его предшествующая историческая жизнь и самая эпоха послѣднихъ пятидесяти годовъ, при всемъ различіи, внесенномъ ими въ проявленія нашей бытовой жизни, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что роль дворянства въ Россіи не закончена, что ему предстоитъ еще дальнѣйшая дѣятельность на пользу го-

сударства и народа, и что оно составляетъ естественное, необходимое звено въ составѣ русскаго организма. Никакъ нельзя согласиться потому съ пессимистическимъ взглядомъ на будущность дворянства, который нашелъ себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ дворянскихъ запискахъ; никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что всему дворянскому сословію грозитъ разложеніе.

Наше дворянство до сихъ поръ тѣсно связано съ землей, какъ мы увидимъ дальше; несмотря на всѣ измѣненія, происшедшія за послѣднее время въ дворянскомъ землевладѣніи, ему принадлежитъ еще въ сельской средѣ выдающееся значеніе. Россія до сихъ поръ преимущественно земледѣльческая страна; уже это одно создаетъ неразрывную связь между дворянскимъ землевладѣніемъ и сельскимъ классомъ народа. Нѣкоторое время послѣ освобожденія крестьянъ, въ средѣ нашего дворянскаго землевладѣнія сильно развился абсентеизмъ. Между тѣмъ, только оставаясь на мѣстахъ, живя въ своихъ имѣніяхъ, дворянство можетъ приносить ожидаемую отъ него пользу въ смыслѣ высшаго класса, направляющаго мѣстные интересы [1]). Этотъ абсентеизмъ объяснялся естественно трудностью хозяйничанья и разными неудобствами жизни въ деревнѣ, которыя проявились послѣ освобожденія крестьянъ; переходныя эпохи въ жизни народовъ всегда не легко переживаются. Но въ послѣднее время абсентеизмъ начинаетъ у насъ уменьшаться, особенно молодое поколѣніе дворянъ начинаетъ возвращаться къ землѣ.

Точно также наше дворянство не лишено и другого условія преуспѣянія—восполненія своего состава выдающимися личностями изъ другихъ классовъ народа. Это восполненіе имѣетъ до сихъ поръ спеціально служилый характеръ. Только чрезъ посредство чина или ордена лица другихъ сословій могутъ проникать въ дворянство. Между тѣмъ, по мѣрѣ развитія страны, несомнѣнно желательно, чтобы дворянство пополнялось выдающимися элементами и изъ другихъ общественныхъ сферъ. Знаменитый англійскій министръ, сэръ Робертъ Пиль, происходилъ изъ семейства богатыхъ мануфактуристовъ. Особенно желателенъ въ этомъ отношеніи переходъ въ дворянство богатыхъ и образованныхъ землевладѣльцевъ другихъ сословій, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ и принимающихъ участіе въ мѣстной общественной жизни. Отсутствіе возможности пріобщенія къ дворянству означенныхъ сельскихъ хо-

[1]) Мы здѣсь говоримъ исключительно о сельскихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ несомнѣнно дворянство представляетъ наиболѣе развитой и интеллигентный классъ.

зяевъ, *какъ таковыхъ*, восполняется отчасти косвеннымъ путемъ. Во-первыхъ, бываютъ, хотя и рѣдкіе, случаи возведенія подобныхъ семействъ въ дворянство непосредственнымъ актомъ Высочайшей воли. Кромѣ того, такія личности, занимая выдающееся экономическое положеніе, путемъ участія въ земской и благотворительной дѣятельности могутъ пріобрѣтать чины и ордена, и такимъ образомъ достигать дворянства. Слѣдуетъ, однако, ожидать, что, рано или поздно, имъ будетъ открытъ прямой доступъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ среду дворянъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что наше дворянство обладаетъ уже двумя изъ вышеуказанныхъ условій преуспѣянія—оно связано и съ землей, и съ другими классами народа, изъ которыхъ оно постоянно восполняется, перетягивая въ свою среду выдающихся и полезныхъ дѣятелей изъ другихъ сословій.

Наконецъ, относительно третьяго условія—готовности блюсти интересы народа и содѣйствовать развитію народнаго благосостоянія—наше дворянство также проявило не мало задатковъ стремленія къ дѣятельности въ этомъ смыслѣ. Кружокъ лицъ, усматривающихъ интересы дворянства главнымъ образомъ въ сохраненіи кастовой обособленности, составляетъ несомнѣнно ничтожное меньшинство въ средѣ нашего дворянства, но даже и эта небольшая группа считаетъ необходимымъ прикрыть свои кастовыя вожделѣнія яко бы преимущественнымъ предъ другими сословіями служеніемъ престолу и отечеству. Но, затѣмъ, подавляющее большинство дворянъ усматриваетъ задачу дворянства—какъ высшаго и наиболѣе образованнаго сословія—въ дѣятельности на пользу народа и вмѣстѣ съ народомъ, сохраняя какъ бы традиціи знаменитаго представителя дворянства—князя Пожарскаго, который посвятилъ себя спасенію отечества и пошелъ на этотъ подвигъ, соединившись съ представителемъ народа—мясникомъ Кузьмою Мининымъ.

И въ послѣдующее время наше дворянство продолжало проявлять акты патріотическаго служенія на пользу народа. Одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи русскаго дворянства представляетъ, между прочимъ, дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Несмотря на то, что освобожденіе крестьянъ въ той формѣ, какъ оно было произведено, не пользовалось сочувствіемъ значительной части нашего дворянства,—когда пришлось приводить крестьянское Положеніе въ дѣйствіе, по царскому зову явились дворяне со всей Россіи, которые, принося въ жертву односторонніе дворянскіе интересы, съ замѣчательнымъ

безкорыстіемъ и даже самоотверженіемъ, свято исполнили порученіе, возложенное на нихъ царемъ и отечествомъ.

Наконецъ, въ томъ же смыслѣ продолжаетъ проявляться дѣятельность дворянства въ земскомъ служеніи.

Можно ли послѣ того говорить объ оскудѣніи нашего дворянства? Еще недавно предсѣдатель рязанской губернской управы слѣдующими словами почтилъ память одного изъ выдающихся земскихъ дѣятелей губерніи: „Немного было въ земствѣ такихъ людей, какъ Д. Д. Дашковъ. Кто слышалъ его въ земскихъ собраніяхъ, тотъ никогда не забудетъ впечатлѣнія, которое производили его слова. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ представителей дворянскаго сословія, которыми дворянство расплатилось за всѣ привилегіи, какими оно въ прежнее время несправедливо пользовалось. Онъ отдалъ всѣ свои силы, всего себя обществу, земству".

Много ли, мало ли, но такіе дѣятели всегда были и всегда будутъ на Руси. Д. Д. Дашковъ, Д. Ѳ. Самаринъ, Б. Н. Чичеринъ и самъ князь Волконскій—все это имена, близко связанныя съ земскою дѣятельностью. Нѣтъ, не оскудѣла людьми русская земля, не оскудѣло ими и русское дворянство. Такіе люди невольно увлекаютъ все сословіе на полезную дѣятельность, на благо общее, закрѣпляя такимъ образомъ необходимую органическую роль дворянства въ жизни русскаго народа и живую связь дворянства съ народомъ.

II.

Прежнее до-реформенное дворянское самоуправленіе было, несомнѣнно, неудовлетворительно, но не отъ того, что оно руководилось дворянствомъ, а отъ общаго строя всей тогдашней жизни. Съ освобожденіемъ крестьянъ, разомъ измѣнился весь гражданскій порядокъ; всѣ отношенія общественныя и частныя сдвинулись и перепутались. При такихъ условіяхъ корпоративная связь, созданная вѣками въ средѣ дворянства, получала существенное значеніе, служа твердымъ жизненнымъ центромъ для группировки общественныхъ силъ.

Какъ же велика та сфера административной и общественной дѣятельности, въ средѣ которой дворянство можетъ въ настоящее время проявлять еще свое вліяніе и свое участіе въ дѣлахъ?

Снявъ съ дворянства ярмо крѣпостного права, великій преобразователь указалъ на земство, какъ на поприще, въ которомъ дворянство широко могло проявлять свою дѣятельность. За

дворянствомъ фактически осталось руководительство въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія; въ лицѣ предводителей дворянства ему было предоставлено прямое и непосредственное вліяніе на мѣстныя дѣла. Затѣмъ, въ началѣ прошлаго царствованія, съ высоты престола къ дворянству былъ обращенъ положительный призывъ къ широкому участію въ дѣлахъ страны. „Благодарю васъ,—говорилъ императоръ Александръ III,—сердечно за ваши чувства и вѣрную службу. Не сомнѣваюсь въ томъ, что дворянство всегда будетъ, какъ оно и было, опорою престола, и искренно цѣню полезное и безкорыстное участіе дворянъ въ мѣстныхъ дѣлахъ“... Всѣ виды народнаго образованія были ввѣрены руководительству дворянства чрезъ посредство уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, поставленныхъ подъ предсѣдательство уѣздныхъ предводителей дворянства. Наконецъ, при учрежденіи должности земскихъ начальниковъ, было установлено, что на эти мѣста должны быть назначаемы исключительно мѣстные дворяне и самое назначеніе должно было происходить изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ предводителями дворянства.

Съ теченіемъ времени этотъ широкій объемъ круга дѣятельности дворянства былъ нѣсколько съуженъ. Закономъ 1884 года церковныя школы были изъяты изъ вѣдѣнія мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ, и были поставлены нѣкоторымъ образомъ въ привилегированное положеніе, потому что имъ однимъ оказывается пособіе изъ государственнаго казначейства. По новому земскому Положенію, съ одной стороны, большинство въ земскихъ собраніяхъ было обезпечено за дворянствомъ, но, съ другой стороны, самая сфера земской дѣятельности была существенно съужена,—такъ, между прочимъ, значительная часть продовольственнаго дѣла была изъята изъ сферы земской, а потому, можно сказать, и дворянской дѣятельности. Наконецъ, даже право самообложенія земства было ограничено извѣстными предѣлами.

Такимъ образомъ, въ отношеніи правительства къ земской дѣятельности нельзя было усмотрѣть строгой послѣдовательности. Послѣ широкаго призыва дворянства къ участію въ мѣстныхъ земскихъ дѣлахъ, послѣдовалъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію мѣстной самодѣятельности.

По нѣкоторымъ признакамъ позволительно, однако, предполагать, что правительство начинаетъ вновь склоняться къ поощренію земскаго дѣла. Это предположеніе подтверждается слѣдующими словами, сказанными еще недавно Государемъ Императоромъ представителямъ курскаго земства.

„Земское хозяйство—дѣло первѣйшей важности, и Я надѣ-

юсь, что вы посвящаете ему всѣ ваши силы. Я радъ буду оказать вамъ всякое попеченіе, заботясь въ то же время объ объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ. Помните, что призваніе ваше—мѣстное устроительство въ области хозяйственныхъ нуждъ. Успѣшно выполняя это призваніе, вы можете быть увѣрены въ сердечномъ Моемъ къ вамъ благоволеніи".

Итакъ, не закрыта возможность полезнаго примѣненія дворянскихъ силъ къ мѣстному дѣлу. Государь призываетъ вновь земскихъ дѣятелей *къ мѣстному устроительству въ области хозяйственныхъ нуждъ,* а главные дѣятели въ земскихъ учрежденіяхъ—преимущественно дворяне, хотя они здѣсь дѣйствуютъ на всесословной почвѣ. Они являются руководителями земскаго дѣла, и если не вездѣ, то во многихъ мѣстностяхъ они проявляютъ энергическое стараніе къ поднятію народнаго благосостоянія. Благодаря имъ, въ разныхъ мѣстностяхъ начинаютъ учреждаться кассы дешеваго кредита, склады земледѣльческихъ орудій и т. п. подспорья народному хозяйству. Допуская даже, что подобныя мѣропріятія не представляютъ еще всеобщаго явленія, можно сказать, что вездѣ, гдѣ земская дѣятельность получила подобное направленіе, иниціаторами дѣла явились дворянскіе ея члены.

Не въ обособленности, а въ живомъ единеніи съ другими классами общества—настоящее призваніе русскаго дворянства, какъ это хорошо понимаютъ тѣ здоровые элементы въ его средѣ, которые, по словамъ Чичерина, обращаются не къ прошлому, а къ будущему.

Такое стремленіе не означаетъ, однако, отказа дворянства отъ собственной организаціи и отъ своихъ сословныхъ связей. Дворянство, по удачному выраженію Чичерина, должно образовать ядро для новыхъ формацій. Завѣщанная прошлымъ, корпоративная организація дворянства не только не вредитъ, но приноситъ существенную пользу естественному развитію жизни государства. Безмездная общественная служба въ различныхъ ея формахъ, и особенно въ роли столь важнаго учрежденія предводителей дворянства, составляетъ принадлежность необходимаго во всякомъ обществѣ высшесословнаго элемента и самое надежное условіе мѣстнаго вліянія этого передового сословія. Оставаясь при своей корпоративной организаціи, дворянство можетъ тѣмъ существеннѣе проявлять свою дѣятельность и свое вліяніе въ средѣ земскихъ учрежденій, гдѣ оно, сливаясь съ другими сословіями, можетъ образовать, какъ говорилъ Чичеринъ, ядро новыхъ формацій, т.-е. земскихъ дѣятелей. При такихъ условіяхъ дворянство, какъ наиболѣе развитой и наиболѣе состоятельный

классъ сельскаго населенія, можетъ и должно остаться руководящимъ элементомъ въ будущемъ процессѣ нашей мѣстной жизни.

III.

Если такимъ образомъ несомнѣнно, что и при существующихъ условіяхъ дворянство призвано принимать широкое участіе въ мѣстной жизни государства, то, съ другой стороны, является вопросъ, насколько его настоящее экономическое положеніе дозволяетъ ему посвятить свои силы общественной дѣятельности?

Въ этомъ смыслѣ было замѣчено, что дворянскій вопросъ прежде всего—вопросъ экономическій.

Обстоятельства, послѣдовавшія за освобожденіемъ крестьянъ, и наступившій, вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, кризисъ хлѣбной торговли повліяли несомнѣнно крайне неблагопріятно на экономическое положеніе дворянскаго землевладѣнія. По мнѣнію нѣкоторыхъ, критическое положеніе дворянскаго землевладѣнія дошло до того, что дворянству, если ему не придти на помощь, грозитъ полнѣйшее разореніе. Исходя изъ такого положенія, писатели, раздѣляющіе это пессимистическое воззрѣніе, приходили къ естественному заключенію, что если дворянство представляетъ дѣйствительно необходимый организаціонный элементъ въ общественной жизни государства, если ему предстоитъ еще дальнѣйшая полезная дѣятельность, то несомнѣнно необходимо принять мѣры къ устраненію этой опасности, необходимо придти ему на помощь, и что весь вопросъ заключается только въ томъ, какого рода должны быть эти мѣропріятія.

Въ числѣ различныхъ сужденій высказывалось, впрочемъ, и противоположное мнѣніе, а именно, что дворянство должно собственными усиліями выйти изъ настоящаго затруднительнаго положенія и что оно, въ сущности, не нуждается въ искусственной поддержкѣ со стороны государства. Такъ, напримѣръ, Е. Марковъ, въ статьѣ „Соль земли“, развивалъ слѣдующія соображенія.

Напрасно проповѣдуютъ у насъ, что матеріальное положеніе дворянства подорвано въ корнѣ и не можетъ возстановиться. Изъ того, что большой процентъ дворянскихъ земель уже ускользнулъ и продолжаетъ уходить изъ дворянскихъ рукъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы это означало крушеніе дворянства. До 19-го февраля одно дворянство владѣло населенными землями, а кромѣ сельскаго хозяйства, въ Россіи стараго порядка почти не существовало сферъ,

въ которыхъ дворянство могло приложить свои средства и свое знаніе. Послѣ великихъ реформъ распредѣленіе богатства и профессій должно было существенно измѣниться. Сельское хозяйство перестало быть безпечнымъ и безпечальнымъ полученіемъ работъ и оброковъ, а обратилось въ коммерческое и техническое предпріятіе, потребовавшее оборотнаго капитала, серьезнаго труда и спеціальныхъ знаній. При такихъ условіяхъ, нѣкоторая часть дворянъ нашла болѣе выгоднымъ ликвидировать свои недвижимыя имущества и обратиться къ предпріятіямъ болѣе выгоднымъ. Другая часть дворянъ, хотя и не прекратила своей сельской дѣятельности, нашла, однако, при новыхъ условіяхъ, выгоднѣе сократить размѣръ земель и хозяйничанья, и нѣкоторую долю земель обратить въ деньги.

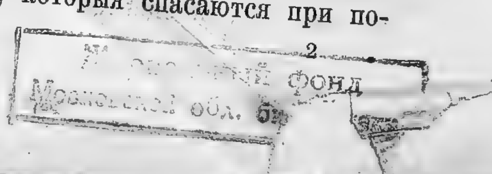
Несомнѣнно, многіе дворяне ликвидировали свои вотчины далеко не ради болѣе доходныхъ профессій и болѣе выгодныхъ способовъ эксплуатаціи своихъ имуществъ, а просто по невозможности для нихъ справиться съ новыми условіями экономическаго быта.

Слѣдуетъ признать, что ходъ исторіи произвелъ, такъ сказать, естественный подборъ тѣхъ болѣе надежныхъ элементовъ дворянства, которые были болѣе богаты внутренними силами, чтобы устоять на собственныхъ ногахъ и примѣниться къ новой эпохѣ. Въ концѣ-концовъ дворянское землевладѣніе очутилось въ болѣе прочныхъ рукахъ. Помимо того, самая цѣнность дворянской недвижимости росла сильнѣйшимъ образомъ.

Дворянство не даромъ всегда было самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ,—ему должно теперь внести свѣтъ просвѣщенія въ среду сельскаго хозяйства, которое немыслимо тащить по истертымъ колеямъ патріархальной и мужицкой рутины. Впрочемъ, это отчасти уже осуществилось. Рядомъ съ малодушными жалобщиками на мнимую невозможность вести сельское хозяйство—не мало почтенныхъ тружениковъ, терпѣливо изучающихъ дѣло, улучшающихъ хозяйство всякими доступными имъ способами.

Дворянство должно быть сильно собственными своими силами, безъ разсчета на государственныя подачки. Только настойчивымъ трудомъ въ своихъ деревенскихъ хозяйствахъ, только заботами о воспитаніи и образованіи дѣтей и честнымъ отправленіемъ своей общественной службы дворянство отстоитъ свои законныя права руководительнаго класса.

Съ своей стороны Чичеринъ, не отрицая пользы оказанія дворянству воспособленія на почвѣ кредита въ разумныхъ размѣрахъ, замѣчаетъ, что тѣ имѣнія, которыя спасаются при по-



мощи благотворительныхъ капиталовъ или милостей правительства, запутываются все въ бòльшіе долги, и вмѣсто того, чтобы разомъ покончить съ положеніемъ, которое нельзя удержать,— владѣльцы этимъ путемъ только окончательно разоряются.

Но посмотримъ теперь, какъ по этому вопросу высказывалось само дворянство?

Настоящее положеніе дворянскаго землевладѣнія почти во всѣхъ запискахъ, излагавшихъ дворянскія пожеланія, рисовалось большею частью крайне темными красками. „Большинству дворянскихъ семей, — говорилось въ одной изъ этихъ записокъ, — грозитъ полнѣйшее разореніе, а всему сословію—разложеніе“. Такой пессимистическій взглядъ проходилъ красною нитью черезъ значительную часть дворянскихъ заявленій.

Временный упадокъ цѣнъ и нѣкоторый застой хлѣбной торговли, по отзывамъ дворянъ, несомнѣнно усугубилъ тягостное положеніе дворянства, но коренныя причины разстройства дворянскаго землевладѣнія слѣдовало искать глубже. Первую причину, по мнѣнію большинства дворянскихъ заявленій, слѣдуетъ искать въ отмѣнѣ обязательнаго труда, въ томъ видѣ, какъ эта отмѣна была проведена, то-есть съ лишеніемъ землевладѣнія на первое время всякаго пособія поземельнаго кредита.

Съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости дворяне лишились обязательныхъ рабочихъ съ ихъ инвентаремъ. Немедленно потребовались средства какъ для пріобрѣтенія инвентаря, такъ и для веденія хозяйства вольнонаемнымъ трудомъ, такъ какъ оборотнаго капитала почти ни у кого въ наличности не было.

Между тѣмъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, была прекращена выдача ссудъ изъ сохранной казны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, долгосрочные долги помѣщиковъ были разомъ погашены вычетомъ ихъ изъ выкупной суммы. Въ этомъ многіе усматривали нарушеніе самыхъ условій займа, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, часть долга, по крайней мѣрѣ, могла быть переведена на оставшуюся за надѣломъ крестьянъ землю. Такимъ образомъ, выкупная ссуда была почти для всѣхъ значительно уменьшена; кромѣ того, землевладѣльцы получили ее спустя довольно продолжительное время послѣ введенія въ дѣйствіе крестьянской реформы и притомъ не наличными деньгами, а процентными бумагами, которыя приходилось продавать на биржѣ значительно ниже ихъ номинальной цѣны, такъ что въ окончательномъ результатѣ помѣщики получили крайне небольшую сумму. Вотъ почему имъ пришлось по неволѣ обращаться къ займамъ у частныхъ лицъ по высокимъ процентамъ.

Наконецъ, стали образовываться кредитныя учрежденія. Возникли частные поземельные банки, большею частью акціонерные, учредилось общество взаимнаго поземельнаго кредита, такъ называемый *„золотой банкъ“*. Кредитъ въ частныхъ банкахъ, безъ которыхъ нельзя было обойтись, обходился крайне дорого, и потому дѣйствовалъ угнетающимъ образомъ на землевладѣльцевъ. Но особенно разорительныя для нихъ послѣдствія имѣли операціи „золотого банка“. Съ пониженіемъ курса, пришлось платить проценты и погашеніе совершенно несоразмѣрно съ тѣмъ капиталомъ, который въ дѣйствительности былъ полученъ заемщиками. Займы въ „золотомъ банкѣ“ прямо обратились въ разореніе заемщиковъ.

Такъ прошли тяжкія двадцать-пять лѣтъ въ отчаянной борьбѣ за существованіе, въ продолженіе которыхъ благосостояніе дворянъ существенно пострадало.

Наконецъ, въ 1886 году былъ учрежденъ государственный дворянскій земельный банкъ, съ цѣлью воспособленія „дворянамъ сохранить и поддержать ихъ имѣнія“. Къ сожалѣнію, говорится въ дворянскихъ запискахъ, уставъ его былъ составленъ по образцу частныхъ банковъ, и въ основу его были положены чисто коммерческія начала. Банкъ бралъ проценты за каждое полугодіе впередъ, и за невзносъ ихъ уже начислялъ пеню и во второе полугодіе публиковалъ о продажѣ имѣнія. Неисправные заемщики за одну публикацію принуждены были платить вдвое болѣе противъ того, что эта публикація въ дѣйствительности стоила. Назначалось въ продажу значительное число имѣній, причемъ публикація происходила формально за всякій неплатежъ, какъ бы незначителенъ онъ ни былъ; полугодовой платежъ составлялъ всего $2^1/_8\%$, а потому недоимка одной седьмой и даже одной шестой части этого платежа, по своей незначительности, никакого ущерба причинить банку не могла, тѣмъ болѣе, что нерѣдко подобная незначительная недоимка представляла не что иное, какъ начеты за публикацію, о которыхъ заемщики не могли даже знать своевременно. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянскому банку было предоставлено право покупать продаваемыя дворянскимъ банкомъ имѣнія. Такимъ образомъ, дворянская земля передавалась крестьянамъ простымъ перечисленіемъ. Считая вѣроятно дворянъ безвозвратно погибшими, рѣшено было поддерживать крестьянское землевладѣніе на счетъ дворянскаго.

Въ дополненіе къ долгосрочному кредиту для воспособленія дворянъ, имъ былъ открытъ еще краткосрочный кредитъ подъ *соло-векселя*. Но и при этомъ вначалѣ были изданы крайне

2*

стѣснительныя правила. Требовалось залоговое свидѣтельство отъ старшаго нотаріуса, кромѣ того копія съ залоговаго свидѣтельства банка, въ которомъ имѣніе было заложено. Учетный комитетъ состоялъ изъ восьми купцовъ и четырехъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ,—жаловались дворяне,—купцамъ было предоставлено учитывать дворянскіе векселя и притомъ съ преобладающимъ числомъ голосовъ. Производя оцѣнку дворянскихъ имѣній, купцы могли знакомиться съ хозяйственнымъ и денежнымъ положеніемъ владѣльцевъ и, подкарауливъ затруднительное ихъ денежное положеніе, купить имѣніе за полъ-цѣны, тѣмъ болѣе, что средства на это они могли получить подъ свои векселя въ государственномъ банкѣ. Купцамъ было предоставлено право судить о личной благонадежности дворянъ, съ требованіемъ при этомъ сообщенія даже такихъ свѣдѣній, которыя трудно было провѣрить,—напримѣръ, сколько корова даетъ кринокъ молока.

Разъ соло-вексельный кредитъ былъ обезпеченъ недвижимымъ имуществомъ, слѣдовало заемщику предоставить право распоряжаться полученными деньгами по своему усмотрѣнію, такъ какъ соло-вексельный кредитъ не имѣлъ характера кредита мелиоративнаго. Когда помѣщикъ, вслѣдствіе понесенныхъ потерь, не имѣя возможности своевременно заплатить проценты банку, бралъ для того ссуду подъ соло-вексель, чтобы спасти имѣніе отъ продажи, то было ли справедливо лишать его кредита за то, что онъ спасъ имѣніе, а не употребилъ деньги на увеличеніе инвентаря? Между тѣмъ на банкъ была даже возложена обязанность посылать чиновниковъ для удостовѣренія посредствомъ личнаго осмотра ими имѣнія,—употребляются ли ссуды по назначенію.

Проценты за соло-вексельный кредитъ взимались съ дворянъ въ большемъ размѣрѣ—$6^1/_4$%,—чѣмъ съ купцовъ, которые платили по своимъ векселямъ по $4^1/_2$% за три мѣсяца и $5^1/_2$% за шесть мѣсяцевъ.

Самыя правила ссудъ часто измѣнялись, такъ что заемщики не могли ни на что разсчитывать. Мѣнялись проценты, мѣнялись сроки, мѣнялись и самыя основанія ссудъ. По первоначальнымъ правиламъ кредитъ подъ соло-векселя назначался безсрочно; въ 1892 г. были опредѣлены сроки, а по правиламъ 1894 г. кредитъ сталъ открываться уже только на одинъ годъ. По истеченіи каждаго срока, кредитъ подлежалъ пересмотру. Въ случаѣ неправильнаго пользованія кредитомъ или выборки, вмѣсто частныхъ позаимствованій, кредита полностью, кредиты сокращались. Но особенно стѣснительными оказались правила 1896 года.

Краткосрочный кредитъ отличается отъ долгосрочнаго тѣмъ, что правительство, если найдетъ нужнымъ, можетъ прекратить его, не нарушая займа; ссуда, обезпеченная залогомъ, всегда будетъ уплачена. При такихъ условіяхъ и принимая во вниманіе то тяжелое положеніе, въ которомъ находилось дворянство, слѣдовало, по мнѣнію дворянъ, не принимать такихъ стѣснительныхъ мѣръ безъ всякой надобности, предоставляя заемщику пользоваться ссудой по его усмотрѣнію.

Банкъ не обращалъ вниманія и на особенное положеніе дворянъ какъ сельскихъ дѣятелей. Погасить ссуду можно было посылкой денегъ по почтѣ, но чтобы получить ссуду, надо было ѣхать въ городъ,—поѣздки же стоютъ денегъ, да и не всегда можно было отлучиться изъ имѣнія по хозяйству.

При столь затруднительныхъ условіяхъ, хотя дворяне-землевладѣльцы и силились увеличивать доходность своихъ имѣній и оживить дѣла при помощи оборотнаго капитала, легко получаемаго, но въ большинствѣ случаевъ всѣ ихъ старанія оказывались напрасными и надежды на подъемъ не осуществлялись. Положеніе ихъ затруднялось еще тѣмъ, что, кромѣ спеціальныхъ своихъ невзгодъ, они страдали, вмѣстѣ со всѣми другими сословіями, отъ проявившагося экономическаго и финансоваго кризиса. Отъ него страдали всѣ, но дворяне болѣе всѣхъ, и въ особенности люди предпріимчивые. До начала кризиса они пріобрѣтали земли дешево, пользуясь банковымъ кредитомъ; когда же наступилъ кризисъ, когда цѣны упали и доходы съ имѣнія перестали поступать—они лишились возможности платить проценты по занятымъ деньгамъ. Въ мѣстностяхъ, близко затрогиваемыхъ иностранною торговлей, какъ, напр., въ харьковской губерніи, кризисъ отозвался съ особенною силою. Пока русская торговля занимала выдающееся положеніе на европейскихъ рынкахъ и сбытъ нашихъ сельскихъ произведеній происходилъ оживленно по хорошимъ цѣнамъ (т.-е. до 1885 г.),—мѣстная производительность двигалась быстро впередъ и сельское хозяйство видимо развивалось. Были сдѣланы значительныя затраты для устройства имѣній, пріобрѣтенія сельско-хозяйственныхъ машинъ и т. п. Многія изъ этихъ затратъ, съ своей стороны, потребовали кредита и обременили такія имѣнія банковыми обязательствами, заключенными въ разсчетѣ на будущее развитіе хозяйства. Но затѣмъ все измѣнилось, и розовыя надежды рушились. Дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ было остановлено, вслѣдствіе упадка нашего хлѣба на заграничныхъ рынкахъ. Тѣмъ не менѣе, пришлось отпускать хлѣбъ по разорительнымъ цѣнамъ, причемъ хлѣбная торговля

оставалась въ рукахъ аферистовъ, которые сознательно портили качество нашего хлѣба. Не помогъ землевладѣльцамъ и урожайный 1887—1888 г., совпавшій даже съ неурожаемъ за границею. При дороговизнѣ рабочихъ рукъ, вслѣдствіе нашего обильнаго урожая, потребовалось особое напряженіе силъ,—а это понуждало продавать хлѣбъ по низкой цѣнѣ,—такъ что и столь благопріятныя повидимому обстоятельства не могли помочь дѣлу.

Мѣры, принимавшіяся правительствомъ для облегченія экономическаго кризиса въ видѣ ссудъ, выдававшихся подъ отправляемый хлѣбъ, покупокъ хлѣба для военнаго вѣдомства прямо у производителей и т. п., были обставлены излишними формальностями, которыя препятствовали проявленію тѣхъ полезныхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать отъ вышеуказанныхъ предпріятій.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ присоединилось еще сокращеніе сельскаго винокуренія, вслѣдствіе введенія акцизной системы, дороговизна сельско-хозяйственныхъ машинъ, вслѣдствіе обложенія заграничнаго привоза ихъ высокими таможенными пошлинами, и вредъ, нанесенный нѣкоторымъ мѣстностямъ желѣзнодорожными тарифами и неисправностью желѣзно-дорожнаго движенія.

Столь затруднительное положеніе дворянскаго землевладѣнія естественно вызвало постепенное его сокращеніе. Изъ рукъ дворянъ земли переходятъ въ руки другихъ лицъ. Небольшая часть переходитъ въ руки крестьянъ при помощи крестьянскаго банка, но бо̀льшею частью земли переходятъ въ руки новыхъ лицъ, не имѣющихъ съ землею ничего общаго, а потому стремящихся какъ можно скорѣе возвратить затраченныя деньги, чтобы затѣмъ бросить ее, если невозможно продать. Хищники подобнаго рода ведутъ только къ обнищанію края, къ уничтоженію производства страны, которая въ концѣ концовъ должна будетъ обратиться въ пустыню. Сельское хозяйство есть дѣло преимущественно долголѣтнее, требующее въ самомъ основаніи многихъ затратъ и лишеній, прежде чѣмъ оно станетъ на прочную независимую ногу; поэтому здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, важна увѣренность владѣльца, что плодами его трудовъ воспользуется лицо ему близкое, которое будетъ продолжать его труды и заботы по дѣлу устройства имѣнія. О новыхъ людяхъ, въ руки которыхъ переходитъ земля, потому до сихъ поръ добра не слышно; они придерживаются правилъ выжиманія сока до послѣдней капли изъ мужика и изъ земли, чтобы только возвратить въ возможно короткій срокъ затраченныя деньги съ процентами.

Упадокъ дворянства отражается потому и на упадкѣ крестьянства. Такъ какъ у насъ фермерство не существуетъ, а аренда не представляетъ, бо́льшею частью, обезпеченія въ вѣрности поступленія, то только личное усиленное хозяйство помѣщика можетъ спасти его отъ разоренія, а между тѣмъ всѣ условія такъ сложились, что въ деревнѣ приходится трудно жить. По мѣрѣ того какъ исчезаетъ дворянское землевладѣніе, крестьянство все болѣе отдается во власть деревенскому кулаку и міроѣду. При настоящемъ крестьянскомъ устройствѣ въ деревнѣ всѣмъ руководитъ на сходѣ кулакъ, буянъ или кабатчикъ съ писаремъ; вслѣдствіе того народъ все болѣе и болѣе теряетъ уваженіе къ праву собственности, къ праву семейному и даже къ власти. Всякій авторитетъ пересталъ существовать, правда въ судѣ не проявляется, о сиротахъ и вдовахъ никто не заботится; подъ давленіемъ грубой силы нынѣшнихъ руководителей народа, мѣстное дворянство бѣжитъ отъ земли...

Вотъ та печальная картина положенія дѣла, которая слагалась на основаніи мозаики, составленной изъ содержанія различныхъ дворянскихъ записокъ, и которая потому представляла взглядъ нѣкоторой части дворянъ на тогдашнія ихъ условія жизни.

Кромѣ экономической стороны вопроса, дворянство указывало еще на нѣкоторыя положенія гражданскихъ законовъ, вредно отзывающіяся на дворянскомъ сословіи.

Наше наслѣдственное право прямо вызываетъ дробленіе дворянскихъ имѣній. Соотвѣтствующія статьи Х-го тома, хотя и направлены, съ одной стороны, къ сохраненію въ родѣ родового имущества, не допуская свободы перехода его по завѣщанію,— съ другой стороны, установляя обязательную дѣлимость всякаго родового имущества поровну между сонаслѣдниками, прямо ведутъ къ уничтоженію родового имущества путемъ крайняго его дробленія.

Другое неблагопріятное для дворянскаго землевладѣнія постановленіе новѣйшаго законодательства—это устраненіе права выкупа родовыхъ имѣній, лишающее дворянство давнишняго преимущества, которое ему было предоставлено до-реформеннымъ законодательствомъ.

Изъ этого права въ прежнее время были выдѣлены только ненаселенныя имѣнія. Послѣ освобожденія крестьянъ прежній характеръ населенныхъ земель упразднился, и потому возникъ вопросъ, примѣняется ли по прежнему къ дворянскимъ землямъ право выкупа. Сенатъ, по разсмотрѣніи этого вопроса, нашелъ,

что бывшія помѣщичьи земли, разъ крестьянскій надѣлъ въ нихъ выкупленъ, теряютъ прежнее свойство населенныхъ имѣній, а потому, при переходѣ изъ рукъ одного сословія въ руки другого, уже выкупу не подлежатъ. Такое рѣшеніе сената поставило другія сословія въ привилегированное положеніе по отношенію къ дворянству. Родовое дворянское имѣніе, пріобрѣтенное по купчей крѣпости мѣщаниномъ или крестьяниномъ, становится неотъемлемою собственностью пріобрѣтателя и выкупу въ родъ уже не подлежитъ. То же имѣніе, однако, проданное дворянину, подлежитъ въ теченіе трехъ лѣтъ отчужденію по выкупу. Такое положеніе включаетъ въ себѣ очевидно несообразность и несправедливо по отношенію къ интересамъ дворянства.

Прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ вышеприведенныхъ жалобъ и сѣтованій, интересно отмѣтить, что тѣ же самыя опасенія относительно упадка дворянства и тѣ же требованія исключительныхъ мѣропріятій для поддержанія этого сословія, какъ и у насъ, проявлялись въ разное время и въ другихъ государствахъ. То, что происходитъ у насъ въ настоящее время, вовсе не составляетъ потому исключительнаго явленія.

Такъ, напримѣръ, въ Баваріи [1]) это стремленіе высказалось съ особенною силою послѣ тридцатилѣтней войны. Военныя событія отозвались весьма тягостно на имущественномъ положеніи дворянства. Большинство дворянскихъ имѣній оказалось обремененнымъ тяжелыми долгами; вмѣстѣ съ тѣмъ, доходы этихъ имѣній, вслѣдствіе разоренія всей страны, уменьшились до крайности. При такихъ условіяхъ отчужденіе дворянскихъ владѣній получило столь сильное развитіе, что можно было опасаться за дальнѣйшее существованіе дворянства, и потому дворянство стало усиленно требовать принятія разныхъ мѣръ для поддержанія его владѣній.

Главными кредиторами дворянства и главными пріобрѣтателями его имѣній въ то время были монастыри и разныя церковныя учрежденія. Потому имѣнія не только ускользали изъ рукъ дворянъ, но и получали, кромѣ того, какъ церковныя имущества, характеръ неотчуждаемости (main morte). Вотъ почему прежде всего дворянство стало требовать права выкупа отчужденныхъ родовыхъ дворянскихъ имѣній (Einstandsrecht), — которое ему и было предоставлено закономъ 1669 года. Затѣмъ, нѣсколько

---

[1]) См. ст. д-ра А. Когена: „Der Verfall des Adels", „Allg. Zeit.", № 15—1902.

лѣтъ спустя, послѣдовало воспрещеніе вообще продажи дворянскихъ имѣній не-дворянамъ. При изданіи этихъ законовъ указывалось, какъ и у насъ, что необходимость поддержанія дворянства вызывается не кастовыми соображеніями, а интересами всего государства.

Съ другой стороны, противъ этихъ мѣропріятій, со стороны представителей церкви, приводились также тѣ же доводы, какъ и у насъ, а именно, что дворянскія имѣнія переходятъ въ руки церкви, потому что церковь можетъ платить за нихъ высшія цѣны.

Затѣмъ дворянству было предоставлено право учреждать маіораты; женскіе члены дворянскихъ семей были лишены права наслѣдованія земельнаго имущества,—имъ могли быть завѣщаемы только денежные капиталы. Этимъ имѣлось, между прочимъ, въ виду предупрежденіе крайняго дробленія дворянскихъ владѣній.

Такимъ образомъ, то, что̀ происходитъ у насъ въ настоящее время, есть только повтореніе того, что̀ происходило въ другихъ странахъ въ концѣ XVII столѣтія.

IV.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ всѣ вышеизложенныя жалобы и сѣтованія дворянства представляются основательными, и остановимся прежде всего на послѣдствіяхъ отмѣны крѣпостного права и на кредитныхъ стѣсненіяхъ, на которыя жаловалось дворянство.

При прекращеніи крѣпостныхъ отношеній, прежніе крестьянскіе надѣлы были во многихъ мѣстностяхъ значительно уменьшены; спеціально въ черноземной земледѣльческой полосѣ надѣлы были сокращены болѣе чѣмъ на одну пятую часть. Затѣмъ, оцѣнка отошедшей крестьянской земли была произведена не по одной лишь ея доходности, но и по соображенію съ тѣми повинностями, которыя сельское населеніе несло въ пользу помѣщиковъ за предоставленныя ему земли. Оцѣнка эта была такъ значительна, что превысила даже платежныя силы крестьянъ. По истеченіи двадцати лѣтъ, вслѣдствіе значительнаго накопленія недоимокъ, пришлось понизить выкупные платежи, а затѣмъ, въ самое послѣднее время—допустить еще новое облегченіе посредствомъ разсрочки не только недоимокъ, но и самыхъ окладовъ, не говоря уже о неоднократныхъ сложеніяхъ недоимокъ, происходившихъ въ теченіе всего этого времени. Первоначально

же установленный размѣръ вознагражденія помѣщиковъ оставался неизмѣннымъ, и всѣ жертвы всецѣло ложились на казну.

Обращаясь къ жалобамъ на потери при реализаціи выкупныхъ бумагъ, необходимо принять въ соображеніе, что Положеніе о крестьянахъ предусматривало переходный періодъ, въ теченіе котораго помѣщикамъ предоставлялось право пользованія обязательнымъ трудомъ крестьянъ въ точно опредѣленныхъ предѣлахъ. Расторженіе всѣхъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами путемъ выкупа имѣлось въ виду только какъ послѣдующій фазисъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Такимъ образомъ, можно было надѣяться, что, имѣя возможность пользоваться обязательнымъ трудомъ, помѣщики на первое время не особенно будутъ нуждаться въ кредитѣ.

Ожиданія эти, однако, не оправдались на практикѣ. Опредѣленіе времени прекращенія обязательныхъ отношеній путемъ выкупа было предоставлено самимъ помѣщикамъ, или по добровольному соглашенію съ крестьянами, или требованіемъ обязательнаго выкупа, съ отказомъ отъ нѣкоторой части вознагражденія. Обстоятельства сложились, однако, такимъ образомъ, что переходный періодъ почти нигдѣ не былъ всецѣло выдержанъ; большинство землевладѣльцевъ самою силою вещей было поставлено въ необходимость идти на ускореніе выкупа.

Послѣ происшедшаго переворота, освободившаго крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, отношенія между помѣщиками и обязанными рабочими, прежними ихъ крѣпостными, сдѣлались до того затруднительными, что по неволѣ пришлось ихъ насильно развязывать. Съ одной стороны, сами помѣщики не легко привыкали къ измѣнившемуся положенію прежнихъ крѣпостныхъ, съ правами которыхъ приходилось теперь считаться при требованіи отъ нихъ обязательной работы, а съ другой стороны, и рабочіе, начиная считать себя вольными людьми, очень невнимательно относились къ своимъ обязанностямъ, такъ что работа ихъ часто оказывалась крайне неудовлетворительною, а платежъ оброка происходилъ весьма неаккуратно.

Такимъ образомъ, силою вещей большинство помѣщиковъ были поставлены въ необходимость идти на выкупъ, и само правительство, по истеченіи двадцати лѣтъ, рѣшилось обратиться къ всеобщему обязательному выкупу, съ помощью отъ казны, для окончательнаго расторженія всякихъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и ихъ бывшими крестьянами.

На продажѣ выкупныхъ свидѣтельствъ землевладѣльцы понесли несомнѣнно значительныя потери. Но эти потери были

вызваны массовымъ предложеніемъ ихъ на рынокъ, чего, какъ мы видѣли, вначалѣ нельзя было ожидать, тѣмъ болѣе, что въ предупрежденіе подобнаго громаднаго появленія кредитныхъ бумагъ на рынкѣ (вознагражденіе помѣщиковъ за отходящую отъ нихъ землю было разсчитано приблизительно въ одинъ милліардъ рублей) [1]), которое не могло не имѣть самыхъ вредныхъ послѣдствій для кредита, выкупнымъ бумагамъ не было придано даже характера биржевыхъ цѣнностей, а характеръ скорѣе обезпеченія извѣстнаго дохода за ихъ владѣльцами; съ этою цѣлью самое отчужденіе ихъ было допущено только нотаріальнымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предусматривая, что землевладѣльцы все-же будутъ нуждаться въ нѣкоторомъ количествѣ наличныхъ денегъ, имъ было предоставлено право часть выкупной ссуды получать банковыми билетами, реализуемыми на биржѣ подобно всякой другой биржевой бумагѣ. Имъ было даже предоставлено получать стоимость этихъ билетовъ наличными деньгами, по нарицательной цѣнѣ, причемъ курсовой убытокъ относился на казну. Всего по 1874 г., когда, съ возвышеніемъ курса билетовъ, вышеприведенное распоряженіе оказывалось уже безцѣльнымъ,—въ обмѣнъ на банковые билеты было выдано помѣщикамъ 28 милліоновъ рублей.

Въ виду всѣхъ вышеуказанныхъ мѣропріятій и можно было ожидать, что наибольшая часть крупнаго вознагражденія, причитавшагося помѣщикамъ за крестьянскіе надѣлы, не будетъ ими вскорѣ израсходована, а въ формѣ имущественной бумаги будетъ служить имъ источникомъ постояннаго дохода. Дѣйствительность, однако, какъ мы видѣли, не оправдала этого предположенія;—массовое появленіе выкупныхъ бумагъ на рынкѣ не могло не вызвать значительнаго упадка ихъ цѣны.

Вмѣстѣ съ жалобами на происшедшія отъ того потери, правительство обвинялось въ неисполненіи заключеннаго съ помѣщиками условія при залогѣ ихъ имѣній, установивъ, безъ соглашенія съ ними, досрочное погашеніе долга, вычетомъ его изъ причитавшейся имъ суммы за отчуждаемую крестьянамъ землю. Правда, этотъ вычетъ вступалъ въ силу только при обязательномъ выкупѣ, но, какъ мы видѣли, этотъ выкупъ, предоставленный первоначально на волю землевладѣльцевъ, въ сущности становился неизбѣжнымъ исходомъ, для расторженія неудовлетворительныхъ отношеній, возникшихъ между помѣщиками и крестьянами по винѣ обѣихъ сторонъ.

---

[1]) Въ дѣйствительности на эту операцію потребовалось нѣсколько менѣе.

Но все-же это была не абсолютная необходимость, а только условная; были помѣщики, которые, считая предлагаемый имъ разсчетъ маловыгоднымъ, вовсе не приступали къ обязательному выкупу.

Правило объ удержаніи долговъ сохранной казны не противорѣчило въ то время и желанію самихъ дворянъ. Губернскіе комитеты объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ почти единогласно требовали перевода на крестьянъ при выкупѣ прежнихъ банковыхъ долговъ, дабы тѣмъ освободить отъ залога остальную часть имѣнія. Только въ послѣднее время, на ряду съ прочими жалобами дворянства, стали жаловаться на такое якобы нарушеніе ихъ правъ.

Наконецъ, когда, въ 1883 году, выкупъ былъ сдѣланъ обязательнымъ для всѣхъ, правительство, согласно требованіямъ строгой справедливости, отказалось отъ обязательнаго удержанія прежнихъ банковыхъ долговъ, предоставивъ землевладѣльцамъ право переводить эти долги на занадѣльную землю. Замѣчательно, что всего поступило только *одно* ходатайство о такомъ переводѣ долга.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что, при установленіи обязательнаго выкупа въ 1883 г., помѣщикамъ были предоставлены разныя другія не малозначительныя преимущества, изъ которыхъ главнѣйшее заключалось въ увеличеніи вознагражденія помѣщиковъ за отходящую землю на одну двѣнадцатую часть выкупной ссуды, противъ исчисленія ея по Положенію 1861 года.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, землевладѣльцамъ, нуждавшимся въ оборотномъ капиталѣ, пришлось обратиться къ ипотечному кредиту, а такъ какъ одновременно съ крестьянской реформой была пріостановлена выдача ссудъ изъ сохранной казны и опекунскихъ совѣтовъ, то это обстоятельство, по утвержденію составителей дворянскихъ записокъ, и послужило главнымъ образомъ къ разоренію дворянства.

Кредитныя операціи сохранной казны были прекращены, вслѣдствіе безусловной необходимости переустроить наши кредитныя учрежденія, которыя выдавали ссуды на продолжительное время, принимая вклады до востребованія; такое положеніе грозило имъ несостоятельностью, въ случаѣ значительнаго востребованія вкладовъ. Несомнѣнно, что превращеніе этихъ учрежденій въ нормальные ипотечные банки консолидаціею краткосрочныхъ вкладовъ не могло представлять большихъ затрудненій. Къ такому преобразованію, однако, не было приступлено, потому что, съ одной стороны, предполагалось, какъ мы уже видѣли, что на

первое время, за всѣми принятыми мѣрами, землевладѣльцы не будутъ нуждаться въ кредитѣ,—а съ другой стороны ожидалось, что когда настанетъ въ томъ потребность, то образуются частные земельные банки, имѣющіе нѣкоторое преимущество передъ казенными кредитными учрежденіями.

Отчасти эти предположенія и не были лишены основанія. Дѣйствительно, въ первое время по освобожденіи крестьянъ большинство землевладѣльцевъ и не нуждалось особенно въ постороннемъ кредитѣ; это подтверждается небольшимъ числомъ кредитныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ въ теченіе перваго пятилѣтняго періода, послѣдовавшаго за 1861 годомъ. Въ теченіе этого времени поступленіе крѣпостныхъ пошлинъ не только не повысилось, но даже уменьшилось противъ предшествовавшаго пятилѣтія,—закладныхъ же у частныхъ лицъ совершалось за это время отъ 11 до 37 милліоновъ въ годъ.

Затѣмъ, дѣйствительно, послѣдовало открытіе цѣлаго ряда частныхъ ипотечныхъ учрежденій, какъ это и предвидѣлось съ самаго начала. Но, разумѣется, этотъ кредитъ обходился гораздо дороже прежнихъ ссудъ изъ казенныхъ учрежденій.

Частные акціонерные банки устроивались на основаніи положенія подобныхъ учрежденій за границей,—ни въ какихъ анормальныхъ условіяхъ ихъ нельзя было упрекнуть. Но они принуждены были, какъ и всякіе акціонерные банки, оперировать на занятые капиталы; а такъ какъ, при недостаткѣ у нихъ въ то время свободныхъ капиталовъ, приходилось платить за нихъ высокій процентъ, то очевидно ссуды акціонерныхъ банковъ не могли обходиться дешево.

Это обстоятельство и вызвало мысль обратиться къ иностранному капитальному рынку, что̀, съ своей стороны, послужило побужденіемъ къ устройству такъ-называемаго „золотого банка". Между тѣмъ, оказалось, что мысль, повидимому совершенно правильная, привела къ самымъ печальнымъ результатамъ.

Идея „золотого банка" вышла изъ среды дворянства. Это не было акціонерное предпріятіе, разсчитанное на наживу; оно было разсчитано исключительно на доставленіе не слишкомъ дорогого кредита землевладѣльцамъ. Между тѣмъ, ни одинъ изъ акціонерныхъ банковъ, на которые такъ жаловались, не причинилъ такого ущерба владѣльцамъ, какъ „золотой банкъ".

Учредители его исходили, какъ мы видѣли, изъ правильнаго, повидимому, соображенія, что для сбыта закладныхъ листовъ, при бѣдности у насъ капиталовъ, необходимо обратиться къ заграничнымъ рынкамъ. А такъ какъ нашъ курсъ стоялъ въ то

время крайне низко и притомъ подвергался постояннымъ колебаніямъ, то на размѣщеніе за границей закладныхъ листовъ, писанныхъ на кредитную валюту, нельзя было разсчитывать. Чтобы найти покупщиковъ за границей, нужно было фиксировать курсъ, другими словами—выпускать закладные листы, писанные на золотую валюту. На первое время это не представляло какого-либо неудобства; если заемщику приходилось платить проценты и погашеніе на золото, то зато онъ получалъ ссужаемый капиталъ также золотомъ. Учредители банка не предвидѣли, однако, дальнѣйшаго паденія вексельнаго курса; когда же это паденіе наступило, то результаты его оказались прямо разорительными для заемщиковъ. Получивъ ссуду золотою валютою при сравнительно болѣе высокомъ курсѣ, имъ приходилось вносить ежегодно платежи по курсу постоянно падавшему; другими словами—платить все болѣе и болѣе, такъ что въ моментъ наибольшаго паденія курса, годовые платежи доходили до 10%. И тутъ не было бы никакого исхода, еслибы правительство не пришло имъ на помощь. Жертвою почти 19 милліоновъ оно облегчило досрочное погашеніе металлическаго долга возможностью превращенія его въ долгъ кредитный. Вслѣдствіе того, съ 7 руб. 15 коп., которые заемщикамъ приходилось вносить въ моментъ операціи, ихъ платежи были понижены до 6 руб. 15 коп. и впослѣдствіи даже до 5 руб. 90 копѣекъ.

Обратимся теперь къ дворянскому банку, учрежденному въ 1885 году, вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ дворянскихъ землевладѣльцевъ на дороговизну кредита въ частныхъ акціонерныхъ банкахъ.

Первоначальная цѣль учрежденія государственнаго дворянскаго банка заключалась въ предоставленіи дворянамъ-землевладѣльцамъ болѣе дешеваго, именно пяти-процентнаго кредита. Несомнѣнно, первоначально имѣлось въ виду построить дворянскій банкъ на совершенно нормальныхъ основаніяхъ раціональнаго кредитнаго учрежденія. Къ сожалѣнію, однако, оказалось невозможнымъ въ дѣйствительности вполнѣ сохранить за нимъ такой типъ. Вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ дворянства на стѣснительность дѣйствій банка, не только были отмѣнены разныя формальности, которыя не имѣли характера безусловной необходимости, и жалобы на стѣснительность которыхъ не были лишены основанія, но затѣмъ заемщикамъ была предоставлена такая масса льготъ, что дворянскій банкъ совершенно утратилъ значеніе нормальнаго учрежденія, служащаго посредникомъ между капитальнымъ рынкомъ и заемщиками.

Четыре года спустя послѣ его учрежденія, ссудный процентъ былъ пониженъ съ 5 на $4^1/_2$; вмѣстѣ съ тѣмъ банку было вмѣнено выдавать ссуды не закладными листами, какъ первоначально было постановлено, а наличными деньгами, съ прекращеніемъ отчисленія 2% за реализацію листовъ.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1885 по 1889 г., принудительныя мѣры взысканія съ заемщиковъ просроченныхъ по ссудамъ платежей не принимались, за невыработкой надлежащихъ по этому предмету правилъ. Такимъ образомъ, фактически былъ какъ бы допущенъ тотъ *мораторіумъ*, о которомъ ходатайствовали нѣкоторые дворяне. Къ чему же это привело на практикѣ? Оно привело къ крайне вреднымъ послѣдствіямъ, пріучивъ заемщиковъ съ самаго начала къ неаккуратному внесенію обязательныхъ платежей. Когда, наконецъ, въ 1889 г. послѣдовало утвержденіе правилъ производства означенныхъ взысканій, то оказалось, что за это время на дворянахъ накопились столь значительныя недоимки, что возникли опасенія за послѣдствія, которыя могло бы вызвать полное примѣненіе установленныхъ правилъ взысканія. Вотъ почему было признано необходимымъ, предварительно назначенія имѣній въ продажу, нѣсколько измѣнить разсчеты банка съ его недоимщиками, распространивъ на нихъ за все предъидущее время тѣ двѣ льготы, которыя имъ были дарованы только въ 1889 году, именно погашеніе процентовъ на $4^1/_2$ и устраненіе взиманія 2% за реализацію банковыхъ листовъ. Въ пользу всѣхъ должниковъ банка, какъ недоимщиковъ, такъ и исправныхъ плательщиковъ, было засчитано, вслѣдствіе того, по 2 рубля на каждыя 100 рублей ссуды, удержанные у нихъ въ прежнее время за реализацію листовъ и, кромѣ того, по 25 коп. со 100 рублей ссуды за каждое полугодіе, соотвѣтственно допущенному пониженію процентовъ.

Такая обратная льгота представляетъ совершенное исключеніе въ исторіи учрежденій ипотечнаго кредита, и едва-ли гдѣ-либо и когда-либо до того было допущено нѣчто подобное.

Зачисленныя на этомъ основаніи въ пользу заемщиковъ суммы были обращены на покрытіе послѣдняго платежа 1889 года и всѣхъ недоимокъ, накопившихся за предшедшее время. Исправные же заемщики воспользовались этимъ зачисленіемъ полностью, въ смыслѣ уменьшенія на нѣсколько сроковъ послѣдующихъ платежей. Опять своего рода мораторіумъ,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ послѣднему платежу 1889 года.

Но и этого еще оказалось недостаточнымъ. Въ пользу лицъ,

наиболѣе обремененныхъ недоимками, была допущена еще особая, совершенно исключительная льгота. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вышеуказанный зачетъ оказывался недостаточнымъ для покрытія недоимки заемщика сполна, была допущена записка непокрытой части недоимки прибавочнымъ къ капиталу долгомъ, раздѣливъ ее на двѣ неравныя половины. Одна половина причислялась къ капитальной суммѣ въ такомъ размѣрѣ, чтобы срочный платежъ по увеличенному долгу не превышалъ опредѣленнаго первоначально (до 1889 г.) годового взноса, а остальная половина была отсрочена безъ начисленія процентовъ до конца срока займа, для погашенія ея послѣ того полугодовыми платежами въ размѣрѣ взносовъ, которые тогда будутъ установлены.

Только такими, можно сказать, героическими льготами оказалось возможнымъ устранить массовую продажу дворянскихъ имѣній за недоимочность. Въ результатѣ оказалось, что изъ 7.149 бывшихъ въ то время заемщиковъ банка, съ ссудами на 200 милліоновъ рублей—2.372 заемщика (ссуда—61 милл.) воспользовались уменьшеніемъ на будущее время годовыхъ платежей на 50 коп. съ сотни ссуды. Менѣе чѣмъ на 50 коп. платежи понизились для 4.342 заемщиковъ (ссуда—119 милл.), остались же при прежнихъ платежахъ только 435 самыхъ неисправныхъ заемщиковъ (ссуда—20 милл.). *Такимъ образомъ, для всѣхъ заемщиковъ вся накопившаяся недоимка была ликвидирована,* и, несмотря на то, *всѣ заемщики,* за исключеніемъ 0,7, *воспользовались большимъ или меньшимъ пониженіемъ ежегодныхъ платежей,* причемъ около пяти милліоновъ недоимки были капитализированы и записаны прибавочнымъ долгомъ.

По случаю неурожаевъ 1891 и 1892 годовъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, пострадавшимъ отъ неурожая, несмотря на то, были допущены новыя льготы: 1.577 заемщикамъ наступившій платежъ и вновь накопившіяся недоимки были вновь разсрочены на десять лѣтъ (три съ половиною милліона рублей), а затѣмъ, въ 1894 году означенныя суммы были пересрочены на весь срокъ займа. Кромѣ того, въ томъ же 1894 году, проценты по ссудамъ были уменьшены съ $4^1/_2$ на $4^0/_0$, что дало заемщикамъ ежегодное сбереженіе въ 1.800.000 рублей.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, число окончательно проданныхъ имѣній за недоимки въ теченіе шестилѣтняго періода послѣ неурожайнаго 1891 года составило всего:

	Снято съ торговъ:	Продано:
въ 1891 г.	677 имѣній	66 имѣній.
„ 1892 „	732 „	36 „
„ 1893 „	22 „	34 „
„ 1894 „	944 „	16 „
„ 1895 „	216 „	62 „
„ 1896 „	436 „	34 „

Такимъ образомъ, несмотря на громадное наростаніе недоимки въ теченіе означенныхъ шести лѣтъ, всего въ совокупности было продано только 248 имѣній, т.-е. нѣсколько болѣе 3% всѣхъ состоявшихъ въ залогѣ имѣній.

Дворянскій банкъ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ возможнаго оказанія льготъ недоимочнымъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, безъ обращенія соотвѣтственнаго расхода непосредственно на государственное казначейство.

Кромѣ долгосрочныхъ ссудъ изъ дворянскаго банка, землевладѣльцамъ былъ еще открытъ краткосрочный кредитъ, въ формѣ соло-вексельнаго. Допуская, что въ началѣ нѣкоторыя изъ положеній соло-вексельнаго кредита могли имѣть нѣсколько стѣснительный характеръ, надо, однако, принять въ соображеніе, что это былъ дополнительный кредитъ, предоставлявшійся землевладѣльцамъ, и безъ того уже крайне обремененнымъ долгами,—а потому, при открытіи этой новой операціи, было необходимо отнестись къ ней вначалѣ съ крайнею осторожностью.

V.

Обращаясь къ предмету другихъ сѣтованій дворянства, мы соглашаемся съ тѣмъ, что низкая расцѣнка хлѣбовъ, господствовавшая съ 1885 по 1896 годъ, ставила въ очень затруднительное положеніе значительную часть нашего частновладѣльческаго и особенно дворянскаго сельскаго хозяйства. Но это неблагопріятное явленіе зависѣло отъ міровыхъ условій, съ которыми поневолѣ приходилось считаться.

Вполнѣ справедливы были также жалобы на стѣсненіе винокуренія. Винокуренные заводы представляютъ естественную принадлежность всякаго нормальнаго сельскаго хозяйства. Перерабатывая сырой продуктъ въ болѣе цѣнное произведеніе, они служатъ необходимымъ подспорьемъ доходности хозяйства; вмѣстѣ съ тѣмъ,

заводскіе отбросы — барда — служатъ очень хорошимъ кормомъ для скота.

Въ 1863 г. у насъ было приступлено къ замѣнѣ дѣйствовавшей до того времени откупной системы системою акцизною; при этомъ пришлось ввести довольно сложный контроль за винокуреніемъ, въ виду опасности злоупотребленій, которыя могли быть вызваны дороговизною акциза и громадной выгодой отъ выпуска безакцизнаго спирта. Кромѣ того, въ видахъ улучшенія системы винокуренія, была примѣнена система перекура, прямо вызывавшая улучшеніе акцизной техники.

Требованіямъ новой системы могли, однако, отвѣчать только большіе заводы, которые пришлось совершенно переустроивать, для примѣненія ихъ ко всѣмъ требованіямъ улучшенной техники и усиленнаго контроля,—и это въ такое время, когда кредитъ былъ крайне дорогъ, а на переустройство заводовъ требовались большія средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сельскимъ заводчикамъ явился опасный конкуррентъ въ лицѣ чисто-коммерческихъ заводовъ, которые стали устроиваться въ городахъ. Но еще въ гораздо худшемъ положеніи оказались мелкіе сельско-хозяйственные заводы; они просто не могли продолжать своего существованія при такой системѣ. Сельскіе хозяева, владѣвшіе мелкими заводами, которые пришлось закрыть, лишились такимъ образомъ этого крайне необходимаго подспорья сельскаго хозяйства, что не могло не поставить ихъ въ крайне затруднительное положеніе. Всѣ мелкіе заводы принесены были въ жертву введенію акцизной системы. Правительство не могло не отдавать себѣ отчета въ томъ, что акцизная система, въ той формѣ, какъ она вводилась, должна была имѣть подобныя послѣдствія, но оно не видѣло на первое время возможности другимъ путемъ обезпечить себѣ надъ винокуреніемъ необходимый контроль, отъ котораго нельзя было отказаться, такъ какъ малѣйшія послабленія могли повести къ значительному упадку этого важнаго государственнаго дохода. Отмѣну же старой откупной системы, дѣйствовавшей на народъ самымъ развращающимъ образомъ, считали настолько важнымъ дѣломъ, что не останавливались даже передъ необходимостью принесенія въ жертву этой реформѣ мелкаго сельско-хозяйственнаго винокуренія.

Мелкіе сельско-хозяйственные заводы существовали при откупной системѣ въ такъ называемыхъ привилегированныхъ губерніяхъ, т.-е. бѣлорусскихъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ, а также въ губерніяхъ прибалтійскихъ и губерніяхъ сѣверо-западныхъ и

нѣкоторыхъ великороссійскихъ: петербургской, новгородской, смоленской, тверской и др.

Въ привилегированныхъ губерніяхъ, при существовавшей тамъ свободѣ торговли виномъ и слабомъ акцизномъ обложеніи, винокуреніе развилось въ чрезвычайныхъ размѣрахъ. Въ рѣдкомъ изъ имѣній не существовало мелкаго винокуреннаго завода (броварни), перекуривавшаго на аппаратѣ самаго примитивнаго устройства свои запасы хлѣба и картофеля. Въ сѣверо-западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ скудость почвы, не дававшая возможности вести хозяйство безъ большого удобренія, т.-е. безъ содержанія большого количества скота, единственнымъ средствомъ пропитанія котораго являлась барда съ винокуреннаго завода, — побуждала къ устройству многочисленныхъ мелкихъ сельско-хозяйственныхъ заводовъ. Наконецъ, тотъ же характеръ, но въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ, представляло винокуреніе въ вышеуказанныхъ губерніяхъ великороссійскихъ, гдѣ винокуренные заводы являлись, хотя и не въ столь значительномъ числѣ, важнымъ подспорьемъ для содержанія скота и для удобренія почвы.

Помѣщичье винокуреніе стояло вообще въ то время на самой низкой степени развитія; оно довольствовалось самымъ примитивнымъ техническимъ устройствомъ при даровомъ трудѣ крѣпостныхъ и при обезпеченіи сбыта своихъ произведеній въ казну для потребностей откупа. Несмотря на это, винокуреніе, хотя и самое примитивное, служило существеннымъ подспорьемъ сельскому хозяйству.

Вся эта широкая полоса Россіи, съ введеніемъ новой акцизной системы, лишилась вдругъ этого важнаго подспорья, что не могло не причинить ея землевладѣльцамъ важнаго ущерба.

Большіе заводы, которые, хотя и съ значительными пожертвованіями, могли переустроиться на новый ладъ, существовали только въ губерніяхъ центральныхъ и черноземныхъ.

Такъ продолжалось до 1890 г., когда эти неблагопріятныя для сельскаго хозяйства условія были въ значительной мѣрѣ устранены новымъ положеніемъ, даровавшимъ мелкимъ сельско-хозяйственнымъ заводамъ возможность существованія, вслѣдствіе отмѣны безакцизнаго перекура и допущенія безакцизнаго отчисленія въ пользу сельско-хозяйственныхъ заводовъ, въ обратно пропорціональномъ размѣрѣ къ объему производства.

Законоположеніе 1890-го года дало сильный толчокъ развитію сельско-хозяйственныхъ заводовъ. Несмотря на то, что вслѣдъ за изданіемъ означеннаго закона проявился недородъ 1891 и 1892 годовъ, задержавшій временно ихъ дальнѣйшее распростра-

неніе,—уже въ 1895 году въ губерніяхъ Европейской Россіи слишкомъ 90% всѣхъ винокуренныхъ заводовъ были связаны съ сельскимъ хозяйствомъ, находясь не въ городахъ, а въ имѣніяхъ.

Жалобы на вредное вліяніе желѣзно-дорожныхъ тарифовъ были гораздо менѣе основательны.

Признавая существовавшіе тарифы высокими, землевладѣльцы полагали цѣлесообразнымъ смотрѣть на хлѣбные тарифы не какъ на источникъ дохода, а какъ на могущественное въ рукахъ правительства орудіе борьбы на международномъ хлѣбномъ рынкѣ. Примѣняемый же принципъ дифференціальности, вызывая широкое хлѣбное производство въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ его прежде совсѣмъ не существовало, подавлялъ, по ихъ мнѣнію, этимъ соперничествомъ давно существовавшія производства, нанося прямой ущербъ центральной Россіи.

До какой степени первый упрекъ несправедливъ — доказывается тѣмъ, что до половины девяностыхъ годовъ желѣзнодорожное дѣло не только не служило для страны источникомъ дохода, но что, напротивъ того, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, отъ 1880 до 1894-го года, пришлось израсходовать 640 милліоновъ руб. на покрытіе недоборовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Польза хорошаго желѣзно-дорожнаго движенія несомнѣнна. Но для того, чтобы желѣзно-дорожная сѣть могла развиваться, необходимо, чтобы доходы покрывали по крайней мѣрѣ расходы эксплуатаціи и проценты на затраченный капиталъ. Въ противномъ случаѣ постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ должна бы прекратиться, а отъ этого пострадало бы прежде всего само сельское хозяйство тѣхъ мѣстностей, которыя нуждаются еще въ искусственныхъ путяхъ сообщенія.

Что же касается дифференціаціи, то слѣдуетъ замѣтить, что наши дифференціальные тарифы девяностыхъ годовъ не произвели никакой коренной ломки въ дѣйствовавшей до того тарифной системѣ. Они задавались лишь цѣлью упорядоченія и упрощенія сложной дѣйствовавшей системы и облегченія сбыта хлѣбовъ именно изъ центральныхъ губерній. Если бы не было допущено пониженія хлѣбныхъ тарифовъ для дальнѣйшихъ пробѣговъ, то сооруженіе цѣлаго ряда дорогъ оказалось бы невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, тарифы девяностыхъ годовъ не предоставляли окраинамъ какихъ-либо особыхъ льготъ въ ущербъ центральной Россіи; напротивъ того, послѣдняя получила значительныя преимущества по сбыту хлѣбовъ, въ особенности на внутренніе

потребительные рынки. Чтобы обезпечить послѣдніе за хлѣбомъ изъ центральныхъ губерній, были допущены значительныя пониженія провозныхъ платъ на разстоянія до 300 верстъ, и менѣе значительныя—на разстоянія отъ 1.000 до 1.500 верстъ. Благодаря этому, былъ существенно обезпеченъ центральному району сбытъ хлѣбовъ на ближайшіе рынки орловской, тульской, рязанской, московской, калужской и смоленской губерній, пониженіе же тарифа до 1.500 верстъ дало этимъ мѣстностямъ возможность использовать и привислянскій районъ.

Относительно же окраинныхъ губерній тарифъ былъ построенъ такимъ образомъ, чтобы весь почти хлѣбъ этихъ губерній искалъ выхода за границу, не угнетая внутренняго рынка. Тарифъ былъ разсчитанъ такимъ образомъ, чтобы, при среднихъ мѣстныхъ цѣнахъ на окраинѣ и средней цѣнѣ его въ Москвѣ, хозяевамъ окраинныхъ губерній не представлялось никакого разсчета отправлять свои продукты на внутренніе рынки.

Статистическія данныя о перевозкахъ въ 1893 и 1894 годахъ вполнѣ оправдали этотъ разсчетъ. Оказалось, что около двухъ третей перевозокъ во внутреннихъ сообщеніяхъ приходилось на разстоянія до 400 верстъ, а въ вывозныхъ сообщеніяхъ до 40.5% приходилось на разстоянія до 1.300 верстъ (т.-е. изъ центральныхъ губерній), а на слѣдованія изъ Заволжья приходилось всего 7% всѣхъ перевозокъ.

Такимъ образомъ, нельзя было утверждать, что за послѣднее время обнаружились какія-либо угнетенія центральныхъ рынковъ окраинами Заволжья и Сѣвернаго Кавказа.

Основательны были жалобы на случавшіяся залежи, наносившія большой ущербъ торговлѣ хлѣбомъ, отъ котораго должны были страдать и сельскіе хозяева. Въ настоящее время, благодаря принятымъ мѣрамъ, залежи на желѣзныхъ дорогахъ являются уже болѣе рѣдкими явленіями, такъ что это существенное неудобство можно считать отчасти устраненнымъ.

Наконецъ, что касается жалобъ на высоту пошлинъ по привозу сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, то несомнѣнно этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе для сельско-хозяйственной промышленности. Въ ея интересѣ весьма желательно удешевленіе этихъ орудій производства.

VI.

Изъ всего вышеизложеннаго можно усмотрѣть общій характеръ и степень основательности сѣтованій дворянъ-землевла-

дѣльцевъ. Но для того, чтобы составить себѣ совершенно ясное понятіе о дѣлѣ, необходимо подвергнуть еще изслѣдованію два главныхъ признака, позволяющихъ судить о дѣйствительномъ положеніи дворянскаго землевладѣнія,— а именно, степень задолженности дворянъ - землевладѣльцевъ и размѣръ перехода дворянскихъ земель въ другія руки.

Въ какой же мѣрѣ дворянская собственность дѣйствительно обременена кредитомъ?

Въ настоящее время около трехъ-пятыхъ, или 58%, площади всѣхъ дворянскихъ земель Европейской Россіи свободны отъ всякаго ипотечнаго долга, между тѣмъ какъ въ моментъ реформы въ залогѣ состояло около 70% всѣхъ крѣпостныхъ душъ.

Слѣдуетъ, однако, принять въ соображеніе, что въ число трехъ-пятыхъ площади дворянскихъ имѣній, свободныхъ отъ ипотечнаго долга, входятъ многія весьма обширныя имѣнія сѣверной мѣстности. Если вмѣсто площади земли взять число отдѣльныхъ имѣній, свободныхъ отъ ипотечнаго долга, то процентъ послѣднихъ значительно понизится. Но все-же можно предположить, что около половины дворянскихъ имѣній въ Россіи свободны отъ ипотечныхъ долговъ. Эта часть имѣній едва ли можетъ быть значительно обременена и частными долгами по закладнымъ, такъ какъ пользованіе относительно болѣе дешевымъ ипотечнымъ кредитомъ представляется несомнѣнно болѣе выгоднымъ.

Степень задолженности дворянскихъ имѣній, однако, чрезвычайно различна по различнымъ мѣстностямъ.

Наибольшая свободность отъ залоговъ оказывается въ сѣверныхъ губерніяхъ, а также въ губерніяхъ черниговской, таврической и астраханской. Въ этихъ мѣстностяхъ площадь земли, свободная отъ залога въ ипотечныхъ учрежденіяхъ, составляетъ свыше 61%, т.-е. приблизительно три-пятыхъ всей площади.

Около половины дворянскихъ земель свободны отъ залога въ губерніяхъ самарской, воронежской, волынской, полтавской, курской, рязанской, нижегородской, гродненской, смоленской и с.-петербургской.

Изъ остальныхъ губерній, преимущественно черноземныхъ, въ 12 губерніяхъ свободны отъ залога отъ 37 до 45%, и только въ двухъ восточныхъ губерніяхъ, саратовской и пензенской, свободны отъ залога около одной трети земель; наконецъ, въ казанской губерніи число заложенныхъ земель доходитъ до 90%.

Но если вмѣсто губерній взять уѣзды, то разница оказывается гораздо значительнѣе.

Изъ 570 уѣздовъ, въ 178 уѣздахъ заложено отъ 50 до 99% всей площади дворянскихъ имѣній. Въ томъ числѣ въ пяти уѣздахъ отъ 90 до 99%, въ семи уѣздахъ—отъ 82 до 88%, и въ остальныхъ—отъ 50 до 80%.

Въ 205 уѣздахъ заложено отъ 30 до 50%, и въ остальныхъ 187 заложено менѣе 30%.

Такимъ образомъ, приблизительно въ одной четверти уѣздовъ недвижимая собственность заложена въ размѣрѣ отъ 50 до 99%, и въ трехъ-четвертяхъ уѣздовъ болѣе половины земельной собственности свободна отъ залога.

На 42,6 милліонахъ заложенныхъ десятинъ всей частной недвижимой собственности въ 1900 году лежало ипотечнаго долга 1.358.202.000 р., что составляетъ на десятину около 32 рублей. Если же исключить обширныя сѣверныя лѣсныя пространства, на которыя приходится очень небольшая задолженность, то окажется, что въ земледѣльческой полосѣ, въ двадцати губерніяхъ приходится отъ 50 до 76 руб. на десятину, а въ остальныхъ двадцати-шести губерніяхъ —отъ 30 до 48½ р. Считая по 6% срочныхъ платежей, это составитъ отъ 2 до 6 р. ежегоднаго платежа съ заложенной десятины.

Два года спустя, общая задолженность всей недвижимой собственности возросла до 1.681 милл. р., чѣмъ увеличилась, приблизительно, на 330 милл. руб.

Данныя эти относятся до залога всей частной недвижимой собственности; какую въ ней составляетъ часть спеціально дворянская задолженность—съ точностью опредѣлить невозможно, потому что частные земельные банки не отдѣляютъ въ своихъ отчетахъ дворянъ-должниковъ отъ остальныхъ.

Болѣе точную характеристику дворянской задолженности можно почерпнуть изъ свѣдѣній дворянскаго банка. Число заложенныхъ десятинъ къ концу 1900-го года составляло около 16 милліоновъ, съ капитальнымъ долгомъ въ 630 милл. руб., такъ что на одну десятину приходилось, въ среднемъ, около 39 рублей.

Развитіе операцій дворянскаго банка происходило въ слѣдующей постепенности. Въ 1889 г. число заложенныхъ имѣній составляло около 6.000; эта цифра возросла въ 1894 г. до 12.500, вслѣдствіе перехода въ дворянскій банкъ значительнаго числа имуществъ изъ Особаго Отдѣла, и затѣмъ, въ 1900 году, дошла до 18.700 имуществъ. Число заложенныхъ десятинъ составляло въ соотвѣтствующіе три года 5, 10 и 16 милліоновъ, общій же лежащій на нихъ долгъ возросъ съ 173 милліоновъ

въ 1889 году до 344 милліоновъ въ 1894-мъ и до 631 милліона къ 1-му января 1901 года.

Движеніе ежегодно разрѣшенныхъ ссудъ за эти послѣднія шесть лѣтъ происходило въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	1895	1896	1897	1898	1899	1900
Разрѣш. ссудъ.	2.274	2.447	2.391	3.298	2.206	1.914
Подъ зал. дес.	2.200.000	2.800.000	2.500.000	2.900.000	2.000.000	1.900.000
Выдано рублей	82 милл.	98 милл.	89 милл.	120 милл.	71,5 милл.	76 милл.

Такимъ образомъ, и въ числѣ разрѣшенныхъ ссудъ, и въ числѣ заложенныхъ десятинъ замѣчается регресивное движеніе за два послѣдніе года. Что же касается выданныхъ ссудъ рублями, то тоже послѣдніе два года стоятъ значительно ниже всѣхъ предшествующихъ лѣтъ, хотя въ 1900 году и выдано на 4,5 милл. рублей болѣе противъ предшествующаго года.

Число свободныхъ отъ долговъ имѣній, которыя закладывались въ дворянскомъ банкѣ, колебалось въ періодѣ отъ 1894 до 1899 г. между 22 и 27%; остальныя ссуды выдавались по имѣніямъ, уже обремененнымъ долгами, изъ которыхъ значительная часть имѣла характеръ разсрочекъ или перезалоговъ. Перезалоги большею частью вызывались переходомъ къ спеціальной оцѣнкѣ. Вообще, можно принять, что въ послѣднее время оцѣнка десятины, составлявшая, въ среднемъ, отъ 52 до 64 р., возвысилась по спеціальной оцѣнкѣ, въ среднемъ, до 67—85 рубл. за десятину.

Изъ общаго числа заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ къ концу 1896 года—12.865 имѣній, по нормальной оцѣнкѣ было заложено нѣсколько болѣе одной трети, а именно—4.532 имѣнія; долговое бремя этихъ имѣній никакъ еще нельзя считать тяжелымъ. По болѣе высокой спеціальной оцѣнкѣ заложены остальныя 8.333 имѣнія. Но изъ нихъ только 4,3%, т.-е. 373 имѣній—такія, задолженность которыхъ превышаетъ 75%. Въ сущности, вотъ эти имѣнія только и можно признать подавленными тяжестью долговъ.

По нормальной оцѣнкѣ имѣнія заложены большею частью въ черноземной мѣстности; нѣсколько менѣе половины обремененныхъ ипотечнымъ долгомъ имѣній въ этой мѣстности заложены по спеціальной оцѣнкѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній, напр. въ тамбовской, воронежской, рязанской и пензенской,—число имѣній, заложенныхъ по нормальной оцѣнкѣ, значительно превышаетъ даже половину, составляя около 63% всѣхъ заложенныхъ имѣній.

Нерѣдко, однако, въ одной и той же губерніи преобладаютъ ссуды по нормальной оцѣнкѣ, и параллельно съ ними встрѣчаются имѣнія, заложенныя свыше 75%. Такъ, напримѣръ, въ тамбовской губерніи оказывается тридцать такихъ имѣній, въ воронежской, рязанской и пензенской—около двадцати имѣній. Въ промышленныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ по нормальной оцѣнкѣ заложено не болѣе 15% имѣній. Зато есть губерніи, какъ, напримѣръ, ярославская, смоленская, виленская, гдѣ совершенно не встрѣчается ссуды свыше нормальной оцѣнки.

Итакъ, рядомъ съ имѣніями, крайне обремененными долгами и находящимися дѣйствительно почти въ безнадежномъ положеніи, большинство имѣній дворянъ обременено ссудами въ среднемъ размѣрѣ и даже въ размѣрѣ ниже средняго.

Сообразно съ этимъ и недоимочность заложенныхъ дворянскихъ имѣній, въ настоящее время, послѣ всѣхъ оказанныхъ имъ льготъ, не представляетъ ничего ужасающаго. Разумѣется, есть и крайнія исключенія.

По даннымъ дворянскаго банка, за всѣми льготами и отсрочками, которыя дарованы были землевладѣльцамъ и которыя несомнѣнно достигли очень значительныхъ размѣровъ, средняя недоимочность имѣній равнялась, приблизительно, годовому окладу платежа. Разумѣется, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ недоимка значительно удаляется отъ этого размѣра, то въ ту, то въ другую сторону. Такъ, она была значительно ниже этой средней нормы въ губерніи кіевской и въ губерніяхъ юго-западныхъ. Съ другой стороны, въ сѣверо-восточномъ направленіи размѣръ недоимки значительно возвышается. Въ тульской губерніи она доходила до 103% годового платежа, въ курской—до 144%, въ симбирской и казанской губерніяхъ она превышала даже 180%, въ пензенской—достигала 217%, а въ пермской—доходила даже до 506%. Эта высота недоимки была частью вызвана неурожаями.

Замѣчательное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ пензенская губернія. Несмотря на высоту недоимокъ, убыль дворянскихъ имѣній въ этой губерніи не только не увеличивалась, но стала даже уменьшаться въ послѣднее время. Вообще, пензенское дворянство менѣе другихъ жаловалось на обремененіе долгами. Такимъ образомъ, даже значительная недоимочность не всегда можетъ служить вѣрнымъ признакомъ разоренія имѣній въ данной мѣстности.

Затѣмъ, въ бо̀льшей части губерній, за исключеніемъ вышепоименованныхъ, недоимка почти ни въ одной не достигаетъ даже до размѣра годового оклада.

Въ послѣднее время ростъ недоимокъ по дворянскому банку почти прекратился; такъ, въ 1899 году онѣ возросли всего съ 25 милліоновъ до 25,1 милліоновъ, т.-е. увеличились всего на сто тысячъ рублей.

За все время дѣйствія дворянскаго банка всего выдано ссудъ нѣсколько менѣе одного милліарда—979 милліоновъ рублей. Такъ какъ изъ нихъ было погашено въ теченіе этого времени около ста милліоновъ, а между тѣмъ къ 1891-му году оставалось капитальнаго долга всего около 632 милліоновъ рублей, то, очевидно, значительная часть ссуженнаго милліарда представляетъ не новую задолженность, а только пересрочку или перезалогъ по предшествующимъ долговымъ обязательствамъ.

Принимая, затѣмъ, въ соображеніе, что изъ числа ссудъ, полученныхъ заемщиками изъ дворянскаго банка, около 555 милліоновъ пошли на погашеніе старыхъ ипотечныхъ долговъ другимъ кредитнымъ учрежденіямъ, можно придти къ заключенію, что за все время существованія дворянскаго банка, по операціямъ послѣдняго, задолженность дворянства возросла всего только на 77 милліоновъ (632—555).

VII.

Ко времени освобожденія крестьянъ (въ 1861 г.), во владѣніи дворянъ въ 44 губерніяхъ Европейской Россіи числилось 111.559.802 десятины [1].

Изъ нихъ по крестьянской реформѣ во владѣніе крестьянъ перешло 33.755.759 десятинъ, а во владѣніи дворянства оставалось 77.804.643 десятины.

Въ настоящее время во владѣніи дворянства состоитъ нѣсколько болѣе пятидесяти милліоновъ десятинъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что въ послѣднія сорокъ лѣтъ, протекшія послѣ освобожденія крестьянъ, дворянская собственность уменьшилась, приблизительно, на 25 милліоновъ десятинъ, или на 33%.

Несмотря на то, дворяне продолжаютъ еще владѣть, приблизительно, половиной всей частной недвижимой собственности въ странѣ.

Уменьшеніе числа помѣщичьихъ владѣній за этотъ періодъ

[1]) Т.-е., за исключеніемъ архангельской губ., области Войска донского, прибалтійскихъ губерній, царства польскаго, Кавказа, ставропольской губ. и Бессарабіи.

времени представляется менѣе значительнымъ, чѣмъ уменьшеніе площади владѣнія. Число дворянъ-помѣщиковъ уменьшилось вообще съ 123.500 до 102.000, или всего только на 20%.

До послѣдняго времени отчужденіе дворянскихъ имѣній шло въ возростающей прогрессіи.

Въ теченіе первыхъ одиннадцати лѣтъ по освобожденіи крестьянъ, дворянская собственность уменьшилась, приблизительно, всего на 0,65% въ годъ; въ послѣдующія затѣмъ пятнадцать лѣтъ уменьшеніе достигаетъ 1,06%, а съ 1892 по 1896 г.г. оно доходитъ до 1,34%.

По числу десятинъ преобладающее мѣсто въ дворянскомъ землевладѣніи занимаютъ большія имѣнія, на долю которыхъ приходится около 40,5% всего дворянскаго землевладѣнія; затѣмъ слѣдуютъ средне-большія имѣнія—отъ 1.000 до 5.000 дес. —30,5%; затѣмъ, среднія—отъ 500 до 1.000—12%; затѣмъ, небольшія имѣнія—отъ 100 до 500 дес.—13,5%, и наконецъ, самыя мелкія—ниже 100 дес.—3,5%.

Менѣе всего подвержены уходу изъ дворянскихъ рукъ самыя мелкія имѣнія; отчужденіе увеличивается соотвѣтственно росту имѣній. Такъ, напримѣръ, въ теченіе времени съ 1877 по 1895 годъ, отчужденіе мелкихъ имѣній составляло не болѣе 3,4% всего. Процентъ этотъ возвышался съ увеличеніемъ размѣра имѣній и доходилъ до 28% для самыхъ большихъ имѣній, свыше 5.000 дес.

Такимъ образомъ увеличивается относительное число имѣній мелкой и средней дворянской собственности, по отношенію къ большимъ имѣніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшался, однако, размѣръ среднихъ имѣній. Въ 1877 г. на имѣнія средняго размѣра приходилось около 613 дес., а въ настоящее время ихъ средній размѣръ доходитъ только до 470 дес.

Не все уменьшеніе большой дворянской собственности слѣдуетъ считать уходомъ земли изъ рукъ дворянства. Нѣкоторая часть большихъ имѣній исчезаетъ вслѣдствіе ихъ дробленія: они разбиваются на мелкія владѣнія.

Уменьшеніе дворянской собственности распредѣляется, разумѣется, чрезвычайно различно на разныя мѣстности Россіи.

Самое сильное уменьшеніе приходится на сѣверныя лѣсныя губерніи: олонецкую, вологодскую, вятскую, псковскую и новгородскую. Процентъ уменьшенія дворянскаго землевладѣнія за весь этотъ періодъ времени, съ 1861 года, доходилъ отъ 60%—для псковской и новгородской губ.—до 85% для вятской губерніи. Въ настоящее время въ вятской и вологодской губерніяхъ дво-

рянству принадлежитъ не болѣе 1%, а въ олонецкой — 0,5% всей недвижимой собственности. Это губерніи преимущественно лѣсныя. Веденіе лѣсного хозяйства оказалось мало подходящимъ для дворянъ-землевладѣльцевъ, а потому эти земли стали усиленно переходить въ руки лѣсопромышленниковъ. Впрочемъ, въ этихъ губерніяхъ дворянскихъ имѣній и до того было немного.

По быстротѣ уменьшенія дворянской собственности за этими губерніями слѣдуютъ подмосковныя губерніи. Въ московской, тверской, костромской, ярославской, владимірской и калужской— процентъ сокращенія дворянской собственности колеблется въ предѣлахъ 52—55%. Въ настоящее время въ подмосковныхъ губерніяхъ потомственнымъ дворянамъ принадлежитъ всего только около одной шестой всей площади земли.

Въ этихъ губерніяхъ имѣнія состояли бо̀льшею частью на оброкѣ,—помѣщики не имѣли своего хозяйства. Съ освобожденіемъ крестьянъ, пришлось заводить самостоятельныя хозяйства или сдавать землю въ аренду. Къ собственному хозяйству помѣщики оказывались недостаточно подготовленными, а на арендованіе земель въ первое время оказывалось мало охотниковъ, вслѣдствіе малоплодородности земель этого района.

Почти съ такою же быстротою уменьшается дворянское землевладѣніе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ черноземнаго Поволжья —казанской, самарской, затѣмъ — въ новороссійскомъ краѣ и губерніяхъ екатеринославской, таврической и херсонской. Причины тому, однако,—совершенно другія. Въ казанской губерніи слабость дворянскаго землевладѣнія объясняется крайнею задолженностью земли. Уже ко времени освобожденія крестьянъ въ казанской губерніи состояло въ залогѣ 85% помѣщичьихъ крестьянъ, а къ 1890 году площадь заложенной земли доходила даже до 90%. И тогда, и теперь, дворяне этой губерніи были обременены долгами въ такомъ размѣрѣ, до котораго не доходила общая дворянская задолженность ни въ одной изъ другихъ губерній. Вотъ причина, по которой дворянское землевладѣніе уменьшилось въ казанской губерніи на половину. Въ 1861 году, за надѣломъ крестьянъ, казанскимъ дворянамъ принадлежало 13% всей земельной площади губерніи, и нынѣ остается въ ихъ владѣніи только 7%.

Въ самарской губерніи значительная часть дворянскаго землевладѣнія состояла изъ земель, пожалованныхъ дворянамъ въ срединѣ прошлаго столѣтія. Правильнаго хозяйства новыми владѣльцами на нихъ не было заведено, и подъ вліяніемъ неурожаевъ семидесятыхъ годовъ большинство дворянъ отчудили свои земли,

не успѣвъ даже войти въ составъ мѣстнаго дворянства. Въ настоящее время въ самарской губерніи дворянскія имѣнія составляютъ только одну десятую часть всей площади. Наконецъ, въ новороссійскомъ краѣ значительное уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія слѣдуетъ приписать развитію спекулятивной промышленности въ этой мѣстности. Происходившій вслѣдствіе того постоянный, мѣстами поразительный ростъ стоимости земли, иногда совершенно не оправдывавшійся размѣромъ получаемаго отъ земли дохода, побуждалъ значительное число землевладѣльцевъ къ ея отчужденію, въ виду крупныхъ барышей, ожидавшихся отъ промышленнаго употребленія вырученныхъ денегъ. Хотя дворянское землевладѣніе уменьшилось, такимъ образомъ, въ этомъ районѣ на половину,—оно составляетъ, однако, все еще около 17% въ таврической, и 26% въ екатеринославской губерніи.

Болѣе устойчивымъ дворянское землевладѣніе оказывается въ черноземныхъ губерніяхъ средней Россіи: полтавской, курской, орловской, тульской, воронежской, тамбовской, пензенской и симбирской. Въ этихъ губерніяхъ убыль идетъ, сравнительно, медленно. Въ среднемъ, за 35 лѣтъ дворянской земли убывало въ воронежской, тульской и полтавской губерніяхъ около 0,5% въ годъ, въ орловской и симбирской—0,7%. За послѣднее время убыль нѣсколько усилилась, не превышая, однако, 1%. За все время съ 1861 года убыль дворянскаго землевладѣнія въ этихъ губерніяхъ составляетъ около 26%. Дворянское землевладѣніе занимаетъ теперь третью часть земли въ губерніяхъ полтавской и тульской и около четвертой части—въ остальныхъ изъ этихъ губерній.

Еще благопріятнѣе положеніе оренбургской, воронежской и пензенской губерній,—въ нихъ за все время убыло не болѣе 15—16%. Пензенская губернія выдается при этомъ тѣмъ, что убыль землевладѣнія дворянъ въ послѣднее время стала даже уменьшаться. Изъ этого можно заключить, что пензенскіе землевладѣльцы приспособились къ измѣненнымъ условіямъ сельскохозяйственной производительности. Замѣчательно, что, по сообщеніямъ пензенскаго дворянства, наибольшее сокращеніе дворянскаго землевладѣнія происходило въ этой губерніи не въ самое трудное для дворянства время упадка цѣнъ, а въ періодъ 1876—1883 гг., самаго сильнаго подъема цѣнъ на хлѣбъ, подъема, вызвавшаго какъ возвышеніе цѣны на землю, такъ и возвышеніе арендныхъ цѣнъ. Вторично дворянское землевладѣніе стало усиленно убы-

вать въ 1884—1886 гг. по той же причинѣ, т.-е. вслѣдствіе вздорожанія земли въ связи съ открытіемъ крестьянскаго банка.

Устойчивѣе всего дворянская собственность держится въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ вообще дворянство владѣетъ сравнительно бо́льшею площадью земли.

Наконецъ въ губерніяхъ пермской, астраханской и уфимской дворянская недвижимая собственность даже возросла въ послѣднее время.

Изъ всего вышеприведеннаго оказывается, что хотя дворянская собственность и уменьшилась довольно значительно въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, но это уменьшеніе нельзя приписывать исключительно крайнему истощенію экономическихъ силъ дворянства, вслѣдствіе угнетенія кредитомъ и упадка цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Во многихъ случаяхъ отчужденіе дворянскихъ земель было вызываемо сильнымъ возвышеніемъ ихъ рыночной стоимости, такъ что при несоотвѣтствіи ренты цѣнѣ земли оказывалось выгоднымъ продавать землю; въ другихъ мѣстностяхъ оно вызывалось преобладаніемъ лѣсного хозяйства, съ чисто торговымъ характеромъ, къ которому дворяне-землевладѣльцы не могли приспособиться; наконецъ, мѣстами, какъ въ саратовской губерніи, отчужденіе коснулось не земель, исконно принадлежавшихъ дворянамъ, а земель, дарованныхъ имъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и на которыхъ они не съумѣли завести разумнаго хозяйства.

Мы видѣли выше, что за послѣдніе два, три года и число разрѣшенныхъ дворянскимъ банкомъ ссудъ, и число заложенныхъ десятинъ стало уменьшаться. Въ ростѣ задолженности дворянской недвижимости стало проявляться такимъ образомъ нѣкоторое регрессивное движеніе. То же самое явленіе замѣчается и по отношенію отчужденія дворянскихъ имѣній крестьянскому банку.

Въ теченіе всего времени съ 1895 г., когда крестьянскому банку было предоставлено пріобрѣтать за счетъ своего капитала дворянскія имѣнія, имъ пріобрѣтено:

въ 1895 г.	1 имѣніе	въ 16.300	дес. стоимостью	1.500.000 р.
„ 1896 „	11 имѣній	„ 48.300	„ „	4.000.000 „
„ 1897 „	60 „	„ 91.500	„ „	5.400.000 „
„ 1898 „	63 имѣнія	„ 175.500	„ „	6.200.000 „
„ 1899 „	53 „	„ 72.400	„ „	4.300.000 „
„ 1900 „	48 имѣній	„ 94.600	„ „	6.000.000 „
Всего. .	236 имѣній	въ 499.600	дес. стоимостью	27.400.000 р.

Въ первое время послѣ начала этой операціи, какъ число пріобрѣтаемыхъ имѣній, такъ и число десятинъ и стоимость— постоянно росли; послѣ же 1898 года ростъ останавливается, число пріобрѣтаемыхъ имѣній начинаетъ даже прогрессивно уменьшаться. Что же касается нѣкотораго увеличенія въ 1900 г., въ сравненіи съ предшествующимъ, и числа десятинъ и стоимости пріобрѣтенныхъ имѣній, то это объясняется тѣмъ, что въ 1900 г. въ число купленныхъ имѣній вошло нѣсколько большихъ имѣній.

Для полнаго освѣщенія положенія дѣла необходимо бросить еще взглядъ на самый процессъ мобилизаціи дворянскихъ имѣній.

Одновременно съ отчужденіемъ дворянской собственности идетъ и пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній дворянами.

По даннымъ за 1892—1895 гг. въ сорока-четырехъ губерніяхъ Европейской Россіи дворянами пріобрѣтено дворянскихъ имѣній на 172 милл. рублей, что составляетъ около 43 милліоновъ въ годъ.

По отдѣльнымъ мѣстностямъ дворянами было пріобрѣтено за это время недвижимыхъ имѣній:

	на сумму:	количество десятинъ:	Пріобрѣтенныя имѣнія составляютъ °/о возмѣщенія убыли:
Въ юго-западн. губ. . .	8.180 тыс. р.	127.000	70°/о
„ сѣв.-западн. „	6.039 „ „	289.000	61
„ центр. черноземн. губ.	5.783 „ „	58.000	59
„ степн. черноземн. „ .	3.995 „ „	67.000	59
„ малороссійск. губ. . .	5.449 „ „	66.000	50
„ центр. промышл. губ. .	4.233 „ „	121.000	41
„ новороссійск. губ. . .	3.628 „ „	52.000	47
„ сѣв. озерныхъ „ . .	1.584 „ „	79.000	49
„ средне-поволжск. губ.	1.239 „ „	30.000	49
„ пріуральск. губ. . . .	859 „ „	112.000	66
„ сѣв. лѣсныхъ губ. . .	74 „ „	11.000	35

Если еще взять для примѣра одинъ 1893 годъ, относительно котораго мы имѣемъ наиболѣе подробныя и точныя данныя о процессѣ мобилизаціи земли, то оказывается, что въ этомъ году дворянами—

продано	2.091.412	дес. на сумму	87.212.512 руб.,
а куплено	1.104.411	„ „ „	44.533.035 „
Разница .	987.001	„ „ „	42.679.477 руб.

Въ этомъ году, въ восточныхъ губерніяхъ, самарской, уфимской и оренбургской, почти вся проданная дворянами земля пе-

решла въ руки дворянъ, такъ что произошла только мобилизація земли въ средѣ дворянскаго сословія.

Въ десяти центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земли крайне дороги, около двухъ третей всей проданной дворянами земли перешло въ руки дворянъ.

Въ восьми центральныхъ не-черноземныхъ губерніяхъ болѣе половины проданной земли осталось въ рукахъ дворянства.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ, въ какія руки перешла остальная проданная дворянами земля въ 1893 г.

Купцами куплено.	529.000, а продано	295.000; разница	234.000 дес.
Отдѣльными крестьянами, участками до 25 дес. . .	57.000, „ „	41.000 „	16.000 „
Сельскими обществами . . .	64.000, „ „	23.000 „	41.000 „
Крестьянск. товарществами.	332.000, „ „	41.000 „	291.000 „

Такимъ образомъ, оказывается, что число десятинъ, пріобрѣтенныхъ крестьянами (348.000 дес.), на 50% превосходитъ число десятинъ, купленныхъ разночинцами.

Вообще же, за послѣднія пять лѣтъ крестьянами пріобрѣтено до 2.700.000 дес. земли, стоимостью около 163 милліоновъ рублей.

До освобожденія крестьянъ, населенными имѣніями могли владѣть только дворяне; съ освобожденіемъ крестьянъ, это ограниченіе перестало существовать, и потому естественно, что часть дворянской земли стала переходить въ руки другихъ сословій и особенно крестьянъ, тѣмъ болѣе что съ развитіемъ благосостоянія и промышленности въ странѣ изъ низшихъ сословій стали выдѣляться энергическіе и способные люди, изъ которыхъ образовалась группа пріобрѣтателей земли.

Съ другой стороны, экономическій переходный кризисъ, вызванный освобожденіемъ крестьянъ, не могъ не отозваться на положеніи дворянскаго сословія, мало подготовленнаго къ примѣненію въ хозяйствѣ свободнаго труда. Лишивъ дворянство даровыхъ рабочихъ, крестьянская реформа пошатнула устои старинваго помѣщичьяго быта, поставивъ прежнихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ въ необходимость заводить совершенно новое хозяйство, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде помѣщики ограничивались полученіемъ оброковъ, предоставляя всю землю въ пользованіе крестьянъ. Требовалось много выдержки, любви къ родной землѣ, даже иногда своего рода самоотверженія, чтобы смѣло идти на встрѣчу этимъ измѣнившимся условіямъ жизни, полнымъ

затрудненій, которыя неизбѣжно должны были проистечь отъ столь коренного переустройства помѣщичьей жизни. Съ отмѣною вотчинной власти, произошло умаленіе внѣшняго престижа помѣщика въ своей мѣстности—обстоятельство, которое, независимо отъ всякихъ экономическихъ причинъ, могло на первыхъ порахъ порождать стремленіе ликвидировать свое хозяйство. Перейти вдругъ отъ прежнихъ привычекъ жизни на распашку къ новому строю было не легко. Въ короткій рядъ лѣтъ отъ дворянина потребовалось превратиться изъ крѣпостного владѣльца въ европейскаго раціональнаго хозяина съ наемнымъ трудомъ, машинами и т. п. Не удивительно потому, что многіе помѣщики, глубоко сроднившіеся съ прежнею жизнью и съ прежними традиціями, не могли освоиться съ новыми бытовыми условіями.

Происшедшее послѣ крестьянской реформы поразительное возвышеніе цѣнности земли, съ своей стороны, побуждало многихъ дворянъ къ отчужденію своей недвижимой собственности—и не только тѣхъ, которые, какъ мы видѣли, не могли освоиться съ новыми экономическими и соціальными порядками, но и цѣлую категорію лицъ, просто желавшихъ увеличить свои доходы, такъ какъ доходность земли часто не соотвѣтствовала ея высокой капитальной стоимости. И вотъ почему во многихъ мѣстностяхъ отчужденіе дворянской недвижимости росло параллельно съ ростомъ цѣнъ на земли.

Все это, вмѣстѣ взятое, должно было имѣть послѣдствіемъ сокращеніе дворянскаго землевладѣнія,—и дѣйствительно мы видѣли, что оно уменьшилось за это время съ 78 милліоновъ на 55,5 милліоновъ десятинъ, т.-е., приблизительно, на 30%, и продолжаетъ еще убывать. Но можно ли изъ этого выводить заключенія о разореніи дворянства и постепенномъ его разложеніи?

Слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что жалобы на разореніе дворянства не представляютъ новаго явленія въ нашей исторіи.

Мы встрѣчаемся съ ними уже во второй половинѣ XVIII-го столѣтія. Еще въ 1754 году императрица Елисавета Петровна указывала на то, что многіе ея подданные изъ дворянства „приходятъ отъ долговъ въ убожество и разореніе“. Затѣмъ, по мѣрѣ открытія дворянству кредита изъ казенныхъ учрежденій, начинаютъ возникать жалобы на легкомысленное имъ пользованіе. Далѣе, императоръ Павелъ говоритъ уже въ манифестѣ: „съ крайнимъ прискорбіемъ видимъ, что многіе роды дворянскіе, стеная подъ бременемъ долговъ изъ рода въ родъ,.. не многіе изъ нихъ воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени способами, въ государственныхъ банкахъ отверзтыми, но большая часть усугу-

била свои долги". Наконецъ, въ видахъ предупрежденія злоупотребленій кредитомъ со стороны дворянъ, банкротскимъ уставомъ имъ было безусловно воспрещено обязываться векселями. При такомъ положеніи дѣла рѣдкое имѣніе оставалось въ родѣ болѣе трехъ поколѣній, и тогда уже являлись новыя личности, которыя, съ обходомъ закона, умудрялись переводить въ свои руки дворянскія имѣнія.

Итакъ, повторяемъ, жалобы на разореніе дворянства и на переходъ дворянской собственности въ другія руки—не новы. Если, несмотря на то, что эти жалобы раздаются уже болѣе полутора вѣка, наше дворянство съумѣло сохранить свое положеніе и свое вліяніе, то позволено надѣяться, что оно переживетъ и настоящій кризисъ.

Въ рукахъ дворянства остается еще около 56 милліоновъ десятинъ, составляющихъ около половины всей частной поземельной собственности въ Россіи. Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что уменьшеніе дворянской собственности происходитъ далеко не равномѣрно въ разныхъ мѣстностяхъ, находясь въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, а потому валовыя и среднія цифры процента уменьшенія дворянской собственности не могутъ дать точнаго понятія о ходѣ этого процесса.

Самое значительное уменьшеніе дворянской собственности приходится, какъ мы видѣли, на сѣверныя, преимущественно лѣсныя губерніи. Веденіе лѣсного хозяйства оказалось мало подходящимъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, имѣя преимущественно коммерческій характеръ, и потому дворянскія земли стали переходить въ этихъ мѣстностяхъ въ руки лѣсопромышленниковъ. Затѣмъ слѣдуетъ самарская губернія, въ которой главная часть дворянскаго землевладѣнія состояла изъ земель, пожалованныхъ дворянству въ срединѣ прошлаго столѣтія. Новые землевладѣльцы, не заводя собственнаго хозяйства, стали сдавать дарованныя земли въ аренду разнымъ промышленникамъ, и затѣмъ, подъ вліяніемъ неурожаевъ семидесятыхъ годовъ, стали ихъ отчуждать въ значительномъ количествѣ. Эти временные землевладѣльцы даже не успѣли войти въ составъ мѣстнаго дворянства, которое въ самарской губерніи всегда было крайне малочисленно. Въ Новороссійскомъ краѣ значительное уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія слѣдуетъ приписать развитію спекулятивной дѣятельности въ краѣ, значительно поднявшей стоимость земли.

За этими губерніями по быстротѣ уменьшенія дворянской собственности слѣдуютъ подмосковныя губерніи, въ которыхъ имѣнія состояли большею частью на оброкѣ. Съ освобожденіемъ

крестьянъ пришлось заводить собственное хозяйство или сдавать землю въ аренду. Къ собственному хозяйству многіе помѣщики оказывались не достаточно подготовленными, а на арендованіе земель, въ первое время, оказывалось мало охотниковъ, вслѣдствіе малопроизводительности земель этого района.

Болѣе устойчивымъ дворянское землевладѣніе оказывается, какъ мы видѣли, въ черноземныхъ губерніяхъ средней Россіи, затѣмъ въ губерніяхъ оренбургской, воронежской, пензенской и въ западныхъ губерніяхъ. Наконецъ, въ губерніяхъ пермской, астраханской и уфимской дворянская собственность стала даже увеличиваться въ послѣднее время.

Относительно будущаго можно ожидать, что съ пріостановкою роста цѣнъ на землю, который не можетъ продолжаться безпредѣльно, и съ постепеннымъ улучшеніемъ экономическаго положенія дворянъ-землевладѣльцевъ, дальнѣйшій переходъ дворянской земли въ постороннія руки все болѣе и болѣе будетъ сокращаться.

Жалобы на чрезмѣрное обремененіе остающейся въ рукахъ дворянъ земли кредитомъ, также, какъ мы видѣли, оказываются значительно преувеличенными.

Въ моментъ реформы 70% всѣхъ крѣпостныхъ душъ состояли въ залогѣ; въ настоящее же время около половины дворянскихъ имѣній свободны отъ залога въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Эти цифры указываютъ не на ухудшеніе, а скорѣе на улучшеніе положенія дворянскаго землевладѣнія.

Разумѣется, въ этомъ отношеніи проявляется также значительная разница между различными мѣстностями. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ мы видѣли, болѣе 60 процентовъ земли свободны отъ залога. Затѣмъ, въ значительномъ числѣ губерній, свободныхъ отъ залога имѣній оказывается около половины, въ остальныхъ—свободной земли отъ 37 до 45%; только въ губерніяхъ саратовской, пензенской и казанской—не болѣе одной трети.

Если отъ губерній обратиться къ уѣздамъ, то оказывается, что въ 392 уѣздахъ заложено менѣе половины имѣній, а въ 178—болѣе половины.

Обращаясь теперь къ размѣру задолженности, оказывается, что въ настоящее время рядомъ съ небольшимъ числомъ имѣній, которыя находятся еще въ положеніи близкомъ къ несостоятельности, бо̀льшая часть имѣній обременена ссудами только въ размѣрѣ среднемъ и даже ниже средняго. Изъ 12.865 заложенныхъ имѣній, такихъ, которыя чрезмѣрно обременены кредитомъ, всего оказывается 373. Вмѣстѣ съ тѣмъ и общій раз-

мѣръ недоимочности по долговымъ платежамъ нельзя признать сколько-нибудь опаснымъ, такъ какъ, въ среднемъ, эта недоимочность не превышаетъ годового платежнаго оклада, и въ послѣднее время ростъ недоимочности даже остановился. Уменьшился, наконецъ, и размѣръ вновь испрашиваемыхъ въ дворянскомъ банкѣ ссудъ. А дворянскій банкъ представляетъ въ настоящее время главнаго кредитора дворянъ-землевладѣльцевъ.

Итакъ, число дворянской земли уменьшилось, но имѣнія, остающіяся въ рукахъ дворянства, въ настоящее время слабѣе отягчены кредитомъ, чѣмъ была отягчена имъ дворянская собственность до момента реформы, когда, какъ мы видѣли, до 70% всѣхъ крѣпостныхъ душъ состояли въ залогѣ.

Для имѣній, крайне обремененныхъ долгами, единственнымъ средствомъ оздоровленія можетъ быть только ликвидація части имущества, съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ освободить отъ долговъ остальную часть, или вполнѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ такомъ размѣрѣ, чтобы остающееся долговое обязательство соразмѣрялось съ доходностью имѣнія.

Подобная ликвидаціонная операція значительно облегчена закономъ, по которому крестьянскому банку предоставлено пріобрѣтать дворянскія имѣнія. Такъ какъ эти пріобрѣтенія большею частью происходили по условіямъ крайне выгоднымъ для продавцовъ, то этимъ путемъ не мало дворянъ-землевладѣльцевъ получили возможность поправить свое имущественное положеніе. Самый ходъ этой операціи указываетъ несомнѣнно на улучшеніе положенія дворянскаго землевладѣнія въ послѣднее время. Въ 1895 г., когда была открыта эта операція, крестьянскимъ банкомъ пріобрѣтено всего одно имѣніе; въ 1896 г. крестьянскій банкъ пріобрѣлъ уже 11 имѣній, въ 1897 г.— 60 имѣній; въ 1898 г.—63 имѣнія; въ 1899 г.—53 имѣнія; а въ 1900 г.—всего 48 имѣній. Такимъ образомъ, отчужденіе дворянскихъ имѣній въ руки крестьянскаго банка, происходившее въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ въ возростающей пропорціи, съ 1899 года стало замѣтно уменьшаться,—что очевидно указываетъ на уменьшеніе потребности въ ликвидаціи, вслѣдствіе улучшенія общаго положенія.

Такимъ образомъ, какъ говоритъ г. Е. Марковъ, ходъ исторіи производитъ нѣкоторымъ образомъ естественный подборъ тѣхъ болѣе надежныхъ элементовъ дворянства, которые оказались достаточно обладающими внутренними силами, чтобы устоять и примѣниться къ новымъ условіямъ экономической жизни. Отпадаютъ большею частью элементы безсильные, безъ задатковъ бу-

дущаго, т.-е. элементы, не придающіе особой крѣпости и особаго значенія дворянскому классу. Горькій опытъ долженъ былъ научить дворянъ-землевладѣльцевъ благоразумію, осторожности, разсчету; деревенская Россія стала выработывать постепенно новыя формы хозяйственной дѣятельности.

Разные признаки указываютъ на то, что такое перерожденіе у насъ уже начало совершаться. Абсентеизмъ въ имѣніяхъ уменьшается; молодое поколѣніе, и притомъ въ лицѣ наиболѣе развитыхъ своихъ представителей, начинаетъ посвящать себя хозяйничанью въ имѣніяхъ и мѣстной дѣятельности, вмѣсто служебной карьеры. Самый характеръ мобилизаціи дворянской собственности можетъ, съ своей стороны, служить указаніемъ въ томъ же смыслѣ. Дворяне не только продаютъ, но и покупаютъ землю. Такъ, напримѣръ, уже въ 1893 году [1]) въ губерніяхъ самарской, уфимской и оренбургской всѣ проданныя дворянами земли перешли въ руки дворянъ. Въ десяти центральныхъ губерніяхъ двѣ трети всей проданной земли перешли въ руки дворянъ, въ восьми не-черноземныхъ губерніяхъ—болѣе половины. По даннымъ за 1892—1895 годъ, въ 44 губерніяхъ Европейской Россіи дворянами пріобрѣтено дворянскихъ имѣній на 172 милліона рублей.

Нельзя не остановить вниманія также на поразительномъ ростѣ стоимости земли. Съ момента освобожденія крестьянъ по 1894 г. въ центральныхъ губерніяхъ стоимость десятины земли возвысилась съ 38 до 96 рублей, т.-е. на 63%. Въ восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ десятина земли возвысилась съ 22 до 68 руб.; въ южныхъ губерніяхъ она возросла съ 26 на 111 руб., т.-е. на 327%,—приростъ же населенія составляетъ всего 104 %. Въ юго-западныхъ—съ 41 на 127 руб., т.-е. на 210%. Но особенно поразителенъ ростъ стоимости вемли, проявившійся въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерніяхъ. Въ костромской стоимость десятины поднялась на 400%, въ новгородской—на 700%, а въ таврической—даже до 1.000%.

Хотя такое возвышеніе цѣнности земли и представляло для землевладѣльцевъ нѣкоторую опасность, давая имъ возможность получать кредиты, не вполнѣ соотвѣтствующіе доходности земли, однако все-же въ результатѣ оказывается, что въ рукахъ землевладѣльцевъ-дворянъ находится въ настоящее время земельная цѣнность, вдвое превышающая тотъ земельный капиталъ, который находился въ рукахъ дворянства до освобожденія крестьянъ,

---

[1]) За который имѣются наиболѣе подробныя данныя.

и это—за выдѣломъ крестьянскихъ надѣловъ, за которые дворянствомъ, кромѣ того, получено около 800 милліоновъ рублей. Несмотря на то, что съ тѣхъ поръ площадь дворянскаго землевладѣнія уменьшилась съ 78 до $55^1/_2$ милліоновъ десятинъ, цѣнность дворянской земли возросла съ $1^1/_4$ до $2^1/_2$ милліардовъ рублей. Это такая земельно-капитальная сила, на которую дворянство можетъ опираться безъ всякаго опасенія за свою будущность.

Переломъ хозяйственнаго быта, вызванный освобожденіемъ крестьянъ, несомнѣнно, особенно въ первое время, нанесъ существенный ущербъ помѣщичьему быту. Но безъ жертвы подобной реформы осуществить было невозможно. Жертва потребовалась отъ всѣхъ: и отъ дворянъ, и отъ крестьянъ, и отъ государства. Идя по призыву государя на встрѣчу этой колоссальной реформѣ, дворянство не могло не сознавать, что оно идетъ на встрѣчу существеннымъ жертвамъ. Крестьянское положеніе было начертано исключительно дворянскими руками; ими же оно было приведено и въ исполненіе.

Такимъ образомъ, можно сказать, что дворянство произвело реформу, которая послужила исходной точкой широкаго обновленія нашей общественной и экономической жизни. Только съ этого момента открылась возможность всѣхъ остальныхъ реформъ, которыя, создавъ твердое обезпеченіе имущественнымъ оборотамъ, вызвали поразительное развитіе экономическаго движенія въ Россіи. Россія XX вѣка стала неузнаваема, по сравненію съ Россіей половины XVIII вѣка,—и это не смотря на тѣ различные экономическіе кризисы, которые ей пришлось переживать за это время. Натуральное хозяйство, обусловливавшее патріархальный складъ всей производительной дѣятельности страны, начало постепенно смѣняться денежнымъ хозяйствомъ, открывшимъ широкій просторъ развитію промышленности. Мануфактуры и фабрики стали распространяться въ странѣ; за ними послѣдовала и торговля.

Вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ составлялъ въ пятидесятыхъ годахъ около 52 милл. пудовъ разнаго зерна, стоимостью нѣсколько болѣе 25 милліоновъ рублей. Возвышаясь постепенно, вывозъ зерновыхъ продуктовъ достигаетъ въ девяностыхъ годахъ цифры 430 милліоновъ пудовъ, цѣнностью свыше 300 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, по количеству нашъ вывозъ зерновыхъ продуктовъ увеличился за этотъ періодъ времени въ восемь разъ, и по цѣнности—въ двадцать разъ.

Наше сельское хозяйство, представляя главную отрасль на-

родной производительности, не могло оставаться незатронутымъ подобнымъ развитіемъ экономическихъ силъ страны. Ростъ хлѣбнаго вывоза служитъ прямымъ указаніемъ роста сельско-хозяйственной производительности.

Если дворянское землевладѣніе по всему вышеизложенному и не находится въ столь отчаянномъ положеніи, какъ на это указываютъ пессимисты, то все-же несомнѣнно, что по разнымъ причинамъ, а не только вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, ему пришлось перенести довольно тяжелый кризисъ, послѣдствія котораго продолжаютъ проявляться по настоящее время.

При такомъ положеніи дѣла, правительство рѣшилось, вслѣдствіе ходатайствъ дворянства, придти ему на помощь рядомъ мѣропріятій, разсмотрѣнію которыхъ будетъ посвящена слѣдующая статья.

Ѳ. Тернеръ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XIV [1]).

Квартира, отведенная Рогову, была не изъ удобныхъ. Черезъ корридоръ помѣщалась аптечка, изъ которой комната доктора постоянно наполнялась запахомъ лекарствъ. Въ тотъ же корридоръ выходила дверь изъ каморки фельдшера, большого любителя гитары, чувствительныхъ романсовъ и деревенскихъ красавицъ, смѣхъ которыхъ каждый вечеръ доносился оттуда до Рогова.

Впрочемъ, послѣ студенческой каморки въ Москвѣ, это жилище могло даже казаться роскошнымъ. А главное, Роговъ весь былъ охваченъ новостью своего положенія, обстановки и радостнымъ сознаніемъ, что наконецъ-то очутился „среди народа“ и можетъ „работать“.

Смирново было большое село, тянувшееся почти на полверсты по бокамъ большой дороги. Пріемный покой находился въ одномъ его концѣ, саженяхъ въ пятидесяти отъ послѣдней крестьянской избы, т.-е. почти въ полѣ. На другомъ концѣ, на берегу рѣки, стояла внизу фабрика купца Петренки, а надъ нею взбирался вверхъ по отлогому, высокому берегу старый барскій паркъ. Изъ-за его деревьевъ выглядывалъ дворецъ, принадлежавшій прежде графамъ Зюдерзее. Онъ былъ купленъ Пе-

---

[1]) См. февраль, стр. 513.

тренкой нѣсколько лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ паркомъ, усадьбой и окружающими землями.

Съ устройствомъ фабрики эта часть села обратилась въ маленькій городокъ: здѣсь были отдѣльные домики для управляющаго, для техника, садовника, мастеровъ и прислуги... Тутъ свистѣли паровики, грохотали машины; дымъ изъ высокихъ фабричныхъ трубъ застилалъ черными тучами блѣдное осеннее небо; безпрестанно ревѣли гудки, приходили и уходили толпы людей, двигались подводы длинными рядами... Отвратительный запахъ каменно-угольнаго дыма наполнялъ воздухъ.

А въ концѣ, гдѣ жилъ Роговъ, на своемъ „пунктѣ", была деревенская тишина. Изъ оконъ его квартиры разстилались широкія перспективы холмистой мѣстности. По пологимъ дальнимъ холмамъ мелькали деревеньки и села съ бѣлыми точками церквей.

Рано утромъ, когда вставалъ Роговъ, надъ деревеньками вились голубоватыя ленты „дымковъ", и въ открытую фортку вѣтерокъ доносилъ тонкій запахъ соломеннаго дыма. Роговъ любилъ этотъ запахъ: онъ напоминалъ ему дѣтство, проведенное въ деревнѣ.

До двухъ часовъ Иванъ Захаровичъ возился съ больными въ пріемномъ покоѣ. Ихъ приходило съ каждымъ днемъ больше, такъ какъ по окрестнымъ деревнямъ быстро распространился слухъ, что новый докторъ очень ласковъ и внимателенъ.

Въ два часа, торопливо пообѣдавъ, Роговъ ѣхалъ къ труднымъ больнымъ, присылавшимъ звать его изъ деревень. Осенью много эпидемій особенно дѣтскихъ, и онъ такъ былъ занятъ, что въ теченіе двухъ недѣль не успѣлъ побывать ни у члена управы Лопатина, ни у Рахмарова и Вѣры Павловны Лядовой. Ему удалось только сдѣлать визиты управляющему и технику Зиновьеву, съ которымъ читатель уже знакомъ немного по его рѣчи на студенческой вечеринкѣ 8-го февраля.

Управляющій англичанинъ не говорилъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего родного, а по-русски изучилъ только самый отборный лексиконъ крѣпкихъ словъ. Визитъ къ нему былъ поэтому, коротокъ, а бесѣда ограничилась восклицаніями и рукотрясеніями.

У Зиновьева, жившаго въ особомъ флигелѣ на дворѣ фабрики, Роговъ пробылъ дольше. Его встрѣтила высокая, совсѣмъ сѣдая старушка, еще бодрая и державшаяся прямо. Ея строгое, но симпатичное лицо понравилось Рогову. На ней было сѣрое шерстяное платье; въ рукахъ—какое-то шитье. Это была мать Зиновьева.

— Не будете скучать въ деревнѣ?—спросила она, пригласивъ его сѣсть и объяснивъ, что сынъ сейчасъ придетъ съ фабрики завтракать.

— Некогда скучать,—отвѣтилъ Роговъ.—А вотъ вамъ здѣсь, пожалуй, скучновато и безпокойно: стукъ, свистки, грохотъ молотовъ...

— О, я къ этому привыкла!—сказала Зиновьева съ доброй улыбкой:—вѣдь я два года прожила съ сыномъ за-границей, куда онъ ѣздилъ послѣ технологическаго института. Мы почти все время пробыли на фабрикахъ и заводахъ...

— Вы его никогда не покидаете! Счастливый человѣкъ!

— Могу ли я его оставить!—горячо сказала она:—въ немъ вся моя жизнь! Да и онъ бы этого не допустилъ... Мы очень привыкли другъ къ другу: когда отецъ умеръ (онъ тоже былъ химикъ,—профессоръ университета),—моему Володѣ было всего лишь девять лѣтъ, и я сама приготовила его въ гимназію, репетировала съ нимъ уроки... Даже лингвисткой ради него стала!—прибавила она съ улыбкой. — А вотъ и Володя! — сказала она почти съ благоговѣніемъ, услышавъ стукъ двери, и пошла на встрѣчу къ сыну, въ прихожую. Оттуда донесся звукъ поцѣлуя и слова старушки:

— Усталъ? Завтракъ готовъ! У тебя гость...

Зиновьевъ узналъ Рогова.

— Помню, помню! — сказалъ онъ ласково: — вы тогда на вечеринкѣ такую рѣчь горячую сказали, что бѣда! Но меня, впрочемъ, очень одобрили... Будемъ завтракать вмѣстѣ... Я днемъ только въ эти полчаса и свободенъ.

Отъ завтрака Роговъ отказался, но выразилъ согласіе посидѣть и побесѣдовать, пока Зиновьевы будутъ ѣсть.

— Пива не хотите ли? Мы съ мамой пиво пьёмъ. Привыкли въ Германіи.

Онъ заговорилъ о пьянствѣ рабочихъ и крестьянъ, замѣтивъ вскользь, что это—самое огромное препятствіе для какого бы то ни было прогресса въ бытѣ и умственномъ развитіи рабочихъ. Весьма трудно провести мысль о какихъ-нибудь сбереженіяхъ или кассахъ, какъ у западныхъ рабочихъ. А это было бы лучшимъ способомъ нѣкотораго духовнаго объединенія ихъ.

— И читаютъ мало по этому же: свободные часы — пьютъ или пьяны. Какое ужъ тутъ чтеніе! Конечно, есть и исключенія. Я отобралъ человѣкъ шесть и занялся съ ними технической химіей: дѣлаемъ опыты, бесѣдуемъ... У меня недурная лабора-

торія. Пришлось заняться отвлеченіемъ отъ водки! Вотъ не ожидалъ, что въ Россіи придется начинать съ этого!

— Ну, и интересуются наукой?

— Очень! Жажда знанія въ нихъ огромная! И какіе способные!

— Когда же вы успѣваете заниматься этимъ?

— А по вечерамъ... Они охотно, вмѣсто отдыха, идутъ ко мнѣ... Даже отъ сна урываютъ время... Есть очень симпатичные!... Ахъ, еслибы въ Россіи не водка!..

Завтракъ кончился, и они простились, обѣщаясь посѣщать другъ друга.

Роговъ собрался, наконецъ, сдѣлать визитъ Лопатину и Рахмарову съ Лядовой. Но когда его тарантасъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ дорога сворачивала въ усадьбу Петра Григорьевича и откуда видѣлся на горѣ его барскій домъ, онъ замѣтилъ въ себѣ непріятное чувство, свойственное очень застѣнчивымъ и самолюбивымъ людямъ: у него сжалось сердце при мысли о встрѣчѣ съ Рахмаровымъ и Вѣрой Павловной: онъ считалъ ихъ аристократами; у нихъ въ усадьбѣ должна быть роскошная обстановка, лакеи въ перчаткахъ... И посреди всего этого великолѣпія явится онъ, въ своемъ дешевомъ сюртукѣ и скверныхъ сапогахъ... Когда онъ былъ студентомъ, онъ менѣе конфузился: студенческій сюртукъ придавалъ смѣлости и даже сообщалъ нѣкоторую гордость... „Правда,—думалъ онъ,— Вѣра Павловна очень мила и проста, и едва-ли обращаетъ вниманіе на внѣшность, а все-же она — свѣтская дѣвушка, и извѣстныя привычки въѣлись у нея въ плоть и кровь“.

Смущало его и то, что въ первую встрѣчу съ Рахмаровымъ онъ былъ грубъ съ нимъ, а тотъ отплатилъ ему изысканной вѣжливостью и даже доброй услугой. Для людей съ сильнымъ самолюбіемъ нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ сознавать свою вину: они сердится не столько на себя, сколько на тѣхъ, передъ кѣмъ виноваты.

Какъ ни было сильно желаніе Рогова—увидѣть Вѣру Павловну, которая произвела на него очень сильное впечатлѣніе, но въ послѣдній моментъ онъ рѣшилъ, что лучше къ Рахмарову не ѣхать, пока тотъ не позоветъ, или какой-нибудь случай не столкнетъ съ нимъ и Вѣрой Павловной. „Съ какой стати я явлюсь къ нимъ въ ихъ роскошныя палаты? Быть можетъ, они и не желаютъ совсѣмъ меня видѣть! Мой визитъ покажется навязчивостью, желаніемъ продолжать случайное знакомство!... Во всякомъ случаѣ, лучше подождать съ этимъ визитомъ“...

И онъ велѣлъ кучеру ѣхать прямо къ члену управы Лопатину.

Дорога шла проселкомъ и была такъ испорчена постоянными дождями, что лошади едва вытаскивали ноги и тащили тарантасъ шагомъ.

Крупныя, частыя капли барабанили въ будку земскаго тарантаса.

— Ѳедя! А нельзя ли поскорѣй! — сказалъ Роговъ парню, сидѣвшему на козлахъ и съ которымъ уже успѣлъ подружиться въ теченіе своихъ ежедневныхъ поѣздокъ.—Вѣдь намъ сегодня нужно быть еще въ Веневитинѣ. А съ такой ѣздой не успѣемъ, пожалуй, засвѣтло.

— Тяжело лошадямъ: глина!—отвѣтилъ тотъ. Его лицо едва виднѣлось изъ-за высокаго, поднятаго воротника свиты, которымъ онъ защищался отъ ливня.

Но вотъ дождь пріутихъ.

Ѳедя сѣлъ въ полуоборотъ къ сѣдоку и старался завести разговоръ.

— Ну, ужъ и должность ваша докторская, Иванъ Захарычъ!— сказалъ онъ:—не лучше нашей будетъ. Во всякую погоду поѣзжай! Теперь хорошій хозяинъ и собаки со двора не выпуститъ.

— Да, братъ Ѳедя, погодка! А только должность наша— хорошая: людямъ помогаемъ,—сколько можемъ.

— Это-то оно правильно. Да только, я такъ полагаю, что господа зовутъ докторовъ больше по пустякамъ.

— А почему ты это думаешь?

— У господъ эта самая болѣзнь очень скоропалительна. Особенно у женскаго сословія. Я на это достаточно наблюдательности имѣлъ, живя по усадьбамъ. Чуть что не по нихъ, сейчасъ барышня—брыкъ на кровать: „Ахъ, охъ, дайте мнѣ стаканъ самой холодной воды“!.. Ну, и гонятъ нашего брата за докторомъ. А то и проще: скучно господамъ; хочется въ картишки поиграть,—и опять за докторомъ!..

— Ну, за мной еще ни отъ кого изъ помѣщиковъ такъ не присылали.

— Это познакомиться не успѣли! Вотъ передъ вами докторъ Крыловъ здѣсь былъ, такъ тотъ и дома почти не жилъ. Закатится на недѣлю, на двѣ, да изъ одной усадьбы въ другую и переѣзжаетъ: все въ карты играетъ!

— А больные-то какъ же?

— Мужика можно и въ шею наладить! Потому: не безпо-

кой, дурачина, когда господинъ докторъ сурьёзнымъ дѣломъ занятъ,— вторыя сутки въ карты вникаетъ!..

— Да ты, Ѳедя, ядовитый и презлой!

— Нѣтъ, Иванъ Захарычъ, я не золъ, а только смѣшливъ насчетъ умору.

Ѳедя любилъ пустить пыль въ глаза „образованнымъ сѣдокамъ“ какимъ-нибудь книжнымъ словомъ или именемъ писателя: онъ учился въ земской школѣ и, по окончаніи, много читалъ, пользуясь книгами изъ библіотеки Рахмарова.

— А у Лопатина кто же боленъ?—спросилъ онъ.

— Я туда не къ больнымъ, а познакомиться, — сказалъ Роговъ.

— И сурьёзный же господинъ этотъ Лопатинъ! — насмѣшливо сказалъ парень.—Копѣйки своей не упуститъ, а коли гдѣ можно, такъ и чужую оттянетъ. Жилъ я у него кучеромъ. И съѣли у насъ крысы кусокъ экипажнаго сала. Такъ что̀ же вы думаете? Съ меня вычелъ! Цѣлый мѣсяцъ я за эту подлую крысу у него прослужилъ! Точно я самъ съѣлъ экипажное сало!.. Тьфу!

Роговъ слушалъ Ѳедю на этотъ разъ не очень внимательно: онъ думалъ о старшей дочери Лопатина; грубыя сплетни о ней его заинтересовали. „Это—недюжинная личность!“—думалъ онъ. Интересовали его и веневитинскіе крестьяне, о которыхъ онъ слышалъ, что они занимаются кустарными промыслами. „Сколько, бывало, о кустаряхъ спорилъ, а видѣть не видѣлъ, какіе такіе кустари бываютъ“.

Онъ сталъ разспрашивать у Ѳеди о томъ, много ли тамъ дѣлаютъ чашекъ, сколько получаютъ за нихъ; но тотъ не могъ дать точныхъ свѣдѣній.

Закуривъ папиросу и вспомнивъ, что Ѳедя тоже куритъ, Иванъ Захаровичъ предложилъ ему.

— Я теперь, Иванъ Захаровичъ, и курить бросилъ, и водки не пью.

— Что̀ такъ? Давно ли?

— Да ужъ дня три порѣшилъ. Человѣкъ хорошій научилъ. У насъ тутъ вернулся одинъ мужичокъ изъ херсонской губерніи. Ну, значитъ, тамъ онъ всего навидался, со всякимъ народомъ разговоры имѣлъ. И встрѣтились ему такіе народы, которые все могутъ вычитать изъ божественныхъ книгъ, — что̀ и къ чему... Ну, и онъ отъ нихъ научился: убѣдительно читаетъ! Стали вникать и наши мужики нѣкоторые... Онъ имъ прочитаетъ, а они вникаютъ... И тоже, значитъ, чтобы не курить и не пить, и

дурными словами не ругаться, и другъ дружкѣ помогать... Убѣдительно онъ это вычитываетъ!

— Ну, и ты вникъ?

— Ну, я-то еще мало. Потому—времени нѣтъ, а все-таки кое что понялъ. И удивительный этотъ человѣкъ!.. Познакомился я съ нимъ очень антиресно. Собственно сказать, собрались нѣсколько нашихъ парней его бить. Ну, и я съ ними увязался.

— Постой, постой! За что̀ же бить? За то, что читаетъ?

— Не за то! А пошелъ, значитъ, разговоръ у насъ: „Какой такой, молъ, мудрецъ проявился? Умнѣе самого отца Ивана хочетъ быть? Тотъ, значитъ, ни противъ цыгарки, ни противъ водки ничего не говоритъ, а этотъ осуждаетъ“... Ну, и по правдѣ сказать, одинъ человѣкъ насъ на него науськалъ: онъ у насъ по секрету водку продаетъ. Ну, и пошли мы. „Такъ и такъ,— говоримъ, — желаемъ у тебя поучиться, почему ты наставляешь противъ водки, напримѣръ, и табаку“? Хотѣли мы его на словѣ какомъ ни на есть поймать и задать хорошую клычку, чтобы помнилъ долго. А вышло по другому. Сталъ онъ это объяснять, сталъ вычитывать, и ушли мы отъ него въ сумлѣніи, а тамъ и на другой день пошли, и на третій, — ужъ просто послушать... Удивительный человѣкъ!

Ѳедя хотѣлъ разсказать что-то еще объ „удивительномъ“ человѣкѣ, но въ это время дождь снова полилъ, какъ изъ ведра, а изъ-за сѣрой пелены ливня совсѣмъ близко показалась усадьба Лопатина: одноэтажный деревянный домъ съ очень высокой тесовой крышей, почернѣвшей отъ времени. Вокругъ виднѣлись новыя надворныя постройки, желтѣвшія свѣжими бревнами и соломой своихъ крышъ.

Лопатинъ встрѣтилъ Рогова, стоя въ дверяхъ передней. Это былъ мужчина высокаго роста, широкій въ плечахъ и груди, рябой я краснощекій, съ коротко-остриженной сѣдѣющей головой и длинными бакенбардами.

— А, драгоцѣннѣйшій, наконецъ-то! — заговорилъ онъ басомъ: — давно слышимъ, что пріѣхали, а видѣть — не видимъ! Ну, разоблачайтесь. Палашка, помоги, дурища, стащить доктору ботики!

Когда докторъ раздѣлся и отеръ съ лица брызги грязи и капли дождя, хозяинъ заключилъ его въ объятія и, три раза облобызавъ, сказалъ:

— По-христіански! Трижды! Люблю этотъ обычай древней Руси!

Въ низенькомъ залѣ пахло сыростью и плѣсенью. Изъ-за

ломбернаго стола, стоявшаго въ углу, поднялся на встрѣчу Рогову человѣкъ въ полицейскомъ мундирѣ, благообразный на видъ, съ длинными усами, худой и высокій.

— Приставъ мѣстнаго стана, Иванъ Ивановичъ Геліотроповъ!—отрекомендовалъ его хозяинъ.

— Долго ждали!—воскликнулъ тотъ, сильно потрясая руку врача и щелкнувъ шпорами.

— А мы отъ скуки винтимъ съ утра,—объяснилъ хозяинъ. —За неимѣніемъ третьяго партнера, съ болваномъ... Палашка, закусить скорѣй! Водки, наливки! Скажи тамъ барынѣ и барышнямъ!

И онъ снова обратился къ Рогову:

— Ну, какъ же вы устроились? Довольны ли квартирой?

Онъ любезно взялъ гостя съ обѣихъ сторонъ за талію, какъ будто собирался поднять его на воздухъ.

Въ дверяхъ показалась молоденькая и тоненькая бѣлокурая барышня, съ голубыми, какъ незабудки, глазками, робкая и застѣнчивая.

— Вторая дочь моя, Надежда!—сказалъ хозяинъ.—А старшая, Софья, въ гостяхъ у сосѣдей. Вѣроятно, сейчасъ вернется...

Дѣвушка протянула Рогову узенькую холодную руку, а другой оперлась на рояль, старинный и длинный, занимавшій въ залѣ почти всю стѣну.

— А мы васъ ждали... Мама сейчасъ выйдетъ... Соня очень будетъ жалѣть: она уѣхала къ Севрюгинымъ не надолго, да, должно быть, дождь задержалъ... Сегодня такая ужасная погода!

Надя старалась играть роль хозяйки и „занимать гостя“ разговоромъ.

— Сейчасъ будемъ обѣдать, а послѣ обѣда повинтимъ,— сказалъ хозяинъ, — и теперь уже по настоящему повинтимъ!.. Втроемъ!

— Къ сожалѣнію, не играю!..—сказалъ Роговъ.—И кромѣ того, я тороплюсь въ Веневитино: тамъ тифъ.

— Обѣдъ сейчасъ! Безъ хлѣба и соли не отпущу. И неужели не играете? Ну, это плохо! Да мы васъ выучимъ!

— Такъ вы теперь въ Веневитино? А у меня къ вамъ бумажка готова,—сказалъ становой. — Въ Парменовѣ скарлатина разгулялась на дѣтяхъ. Это рядомъ съ Веневитинымъ. Можетъ, и туда заѣдете? Чтобы во второй разъ не тащиться. А бумажку я сейчасъ передамъ.

Становой сталъ рыться въ портфелѣ и въ то же время дидактически заговорилъ:

— А безъ картъ въ нашей глуши нельзя! Вѣдь даже и кляча водовозная должна отдыхъ имѣть. А какой же у насъ отдыхъ? Ни театровъ, ни баловъ, ни маскарадовъ для образованнаго человѣка! Конечно, у кого семья... дѣти... Да и то, нельзя же сидѣть все съ семьей да съ семьей... Человѣкъ— животное общественное!—выпалилъ онъ.

— Согласенъ, совершенно согласенъ!—сказалъ хозяинъ:— безъ картъ нельзя... Моя супруга ихъ не любитъ... Она все по Толстому,—и куренья не любитъ... Ну, въ угоду ей курить бросилъ, водки почти не пью, а отъ картъ отказаться не могу, хоть самъ Левъ Николаевичъ пріѣзжай!

— Ему хорошо проповѣдовать! — смѣясь, воскликнулъ становой:—онъ все романы пишетъ, да деньги за нихъ загребаетъ! Будь я на его мѣстѣ, я бы тоже не сталъ играть! День и ночь романы бы писалъ!

Въ это время открылась дверь изъ сосѣдней комнаты, и на порогѣ появилась хозяйка, до такой степени ожирѣвшая особа, что ея фигура изображала кубъ или шаръ, съ одутловатымъ, блѣднымъ лицомъ, на которомъ едва виднѣлись заплывшіе маленькіе черные глазки.

— Здравствуйте, здравствуйте, недобрый сосѣдъ! Ждемъ, ждемъ, а онъ и глазъ не кажетъ, какъ молодой мѣсяцъ! Очень, очень рада!—говорила она съ одышкой, нараспѣвъ, слащаво и дѣлая плавные жесты руками въ разныя стороны. — Ахъ, ахъ, ахъ! И вы курите?! Не слѣдуете совѣту Льва Николаевича? Одурманиваетесь?!

Она, съ снисходительной улыбкой и качая головой, погрозила на его папиросу, дымившуюся въ лѣвой рукѣ, и прибавила:

— Да вы не стѣсняйтесь, курите, если курите! Пожалуйте въ гостиную, прошу садиться...

Въ гостиной, съ двумя низкими окнами и стеклянной дверью на террасу, пахло сыростью и плѣсенью еще больше, чѣмъ въ залѣ. Деревянный большой диванъ съ круглыми ручками и такія же кресла были въ бѣлыхъ чехлахъ. Хозяйка торжественно присѣла на диванъ, положивъ пухлыя руки на большой овальный столъ, а гостя усадила рядомъ въ кресло.

— А вотъ вы спросите у моего Петра Петровича, какъ онъ меня теперь благодаритъ за то, что я убѣдила его бросить курить!

— Да, да!—сказалъ мужъ, усаживаясь противъ Рогова:— я постоянно страдалъ катарромъ горла... Утромъ кашель...

— Не въ горлѣ дѣло! — строго перебила хозяйка: — а въ душѣ! У тебя душа другая стала!

— Да, да! Я себя чувствую... вообще...

Въ залѣ загремѣли ножами, тарелками, грохотали сдвигаемые столы для обѣда, а хозяйка продолжала проповѣдь:

— Вотъ тоже карты! Я говорю мужу и Ивану Ивановичу: ужъ если вы не можете побороть эту страсть, заведите лото. Въ лото и дѣти играютъ. Это — невинное. Я недавно писала Толстому и спрашивала его, какъ онъ смотритъ на лото.

— Что же, не получили еще отвѣта? — спросилъ Роговъ, едва удерживаясь отъ улыбки.

— Нѣтъ еще! Въ газетахъ пишутъ, что онъ теперь ѣздитъ гдѣ-то по деревнямъ, устроиваетъ мужицкія какія-то столовыя! Вотъ этого я не понимаю! Такой геній, и не догадывается, что это развиваетъ въ мужикахъ тунеядство, лѣность и другіе пороки! Мужикъ никогда съ голоду не умретъ, если не захочетъ полѣниться. А если онъ ѣстъ растительную пищу, то это—идеалъ пищи! Самъ Толстой ее проповѣдуетъ, и я то же говорю... Вообще, что можетъ быть выше, какъ обуздывать страсть чревоугодія, смиряться передъ судьбой и благодарить Всевышняго?!

Вошла Надя и сказала матери тихо по-французски, что ее зовутъ по хозяйству.

— Иду, иду! — проговорила та, съ трудомъ поднимаясь съ дивана.—Охъ, это хозяйство! И поговорить некогда о высокихъ предметахъ!—жаловалась она Рогову. — Но мы побесѣдуемъ за обѣдомъ... Я только и живу, когда бесѣдую о возвышенномъ!

Она выплыла изъ комнаты, а хозяинъ старался поддержать разговоръ и завелъ рѣчь о Рахмаровѣ.

— Вы съ нимъ хорошо знакомы?—спросилъ Лопатинъ.

— Нѣтъ, я его раза два видѣлъ...

— Я потому спросилъ, что онъ, насколько мнѣ извѣстно, рекомендовалъ васъ нашему предсѣдателю Лунину... Ну, и прекрасно, что вы съ нимъ мало знакомы. Я совѣтую держаться отъ него подальше, если не хотите повредить себѣ въ земствѣ. Это не человѣкъ-съ, а язва здѣшнихъ мѣстъ! Вотъ что я долженъ вамъ сказать откровенно! Противъ своего собственнаго сословія идетъ: пишетъ мужикамъ прошенія на своихъ же собратьевъ, дворянъ! Въ газеты корреспонденціи о нихъ посылаетъ. Безпокойный человѣкъ и ренегатъ своего сословія! Какія-то чтенія мужикамъ устроилъ! Да, благодаря Богу и распорядительности почтеннаго Ивана Ивановича, ихъ во-время остановили!..

— Ну, я-то тутъ непричемъ, — сказалъ Геліотроповъ.—Я только по долгу службы сообщилъ исправнику...

— Барышня къ нему какая-то явилась изъ Петербурга...

Для чего это? Зачѣмъ? Отчего ко мнѣ никто не пріѣзжаетъ и никакихъ школъ и чтеній я не устраиваю? И на какія деньги онъ все это заводитъ? У самого ни гроша! Имѣніе сдалъ мужикамъ почти задаромъ, въ аренду. А для чего? Чтобы у нашего брата, солиднаго хозяина, уронить арендныя цѣны! Это — смута-съ, и больше ничего! И почему онъ ни къ кому изъ порядочныхъ людей, настоящихъ дворянъ, визитовъ не сдѣлалъ, а къ купцу Севрюгину ѣздитъ? Что̀ я, хуже, что-ли, этого процентщика?!

— Ахъ, многоуважаемый Петръ Петровичъ, — сказалъ становой, волнуясь: — вы очень черную краску накладываете! Вы вотъ высказываете и то, и сё, а это можетъ разгласиться, и мнѣ выйдетъ непріятность: скажутъ — „чего смотрѣлъ“? Ѣздитъ онъ къ Севрюгину по дѣламъ, а знакомства у него никакого съ нимъ нѣтъ...

— Какія такія у него дѣла? Онъ хлѣба своего не имѣетъ — всѣ земли крестьянамъ розданы...

— Ну, да! Вотъ о крестьянскомъ-то хлѣбѣ онъ и ѣздитъ говорить... У Севрюгина съ нимъ не тотъ разговоръ, какъ съ мужиками: вѣдь, ежели сами мужики поѣдутъ, да еще въ одиночку, развѣ Севрюгинъ дастъ имъ за хлѣбъ настоящую цѣну? Севрюгинъ тоже человѣкъ ловкій! Ему пальца въ ротъ не клади!

— Ну, и выходитъ по вашимъ же словамъ, что Рахмаровъ человѣкъ подозрительный! Что̀ за такая особенная миндальность съ мужиками, чтобы самому ѣздить объ ихъ хлѣбѣ торговаться?

— Простая выгода, — отвѣтилъ становой. — Больше возьмутъ за хлѣбъ — лучше выплатятъ ему.

— Знаемъ мы эти выгоды! Тутъ пахнетъ совсѣмъ не выгодой! А вы, конечно, свою шкуру оберегаете, такъ и защищаете его...

Вошла Надя и объявила, что обѣдъ готовъ.

Она была уже въ другомъ, болѣе нарядномъ платьѣ.

Хозяинъ и гости поднялись. Становой говорилъ на ходу:

— Несправедливо вы все это говорите, Петръ Петровичъ! Конечно, и для меня тутъ есть интересъ, но только совсѣмъ другого рода: на рахмаровскихъ мужикахъ почти нѣтъ недоимки! У другихъ и продажи, и въ волости ихъ дерутъ, а въ его деревнѣ всегда все уплачено! А вы думаете, мало намъ хлопотъ съ этими взысканіями! Ѣзди, бранись, описывай, выговоры получай!..

Хозяинъ перемѣнилъ разговоръ.

— Какова семейка-то! — воскликнулъ онъ, обращаясь къ Рогову, когда изъ боковыхъ дверей стали выходить другъ за дру-

гомъ Петя, Ѳедя, Маша, Даша и Катя, представлявшіе лѣстницу отъ десяти и до шестнадцатилѣтняго возраста, а за ними слѣдовали—бонна изъ обрусѣвшихъ швейцарокъ, старушка съ слезящимися глазками и запуганнымъ лицомъ, а за ней—домашній учитель, здоровенный дѣтина съ рыжими кудрями, въ веснушкахъ, съ скуластымъ лицомъ, точно смазаннымъ масломъ, и въ сѣромъ затасканномъ пиджачкѣ, изъ котораго онъ выросъ и который готовъ былъ на немъ лопнуть.

Мальчики, входя въ залъ, громко шаркали гостю ногой и при этомъ отъ усердія такъ сильно ударяли другую ногу, что чуть не падали; дѣвочки присѣдали. Рядомъ съ учителемъ вошла жена становового, полная, румяная, въ фіолетовомъ шерстяномъ платьѣ съ оборками. У нея былъ вздернутый носъ и бойкіе, заигрывающіе черные глаза съ подведенными бровями.

Отдѣльно изъ гостиной выплыла хозяйка.

Всѣ заняли мѣста. Одинъ стулъ остался свободнымъ. Хозяинъ, сѣвшій въ концѣ стола, противъ супруги, усадилъ около себя съ одной стороны станового, съ другой—его жену. Рогову выпало удовольствіе занимать хозяйку. Та обратила вниманіе на пустой стулъ.

— Что же это Варя? Вѣчно она опаздываетъ къ столу. Ты звала ее?—обратилась она къ горничной величественно.

— Звала-съ... Онѣ одѣваются...

— Позови сейчасъ! — рѣзко сказала мать и обратилась къ Рогову: — я пріучаю дѣтей къ нѣмецкой аккуратности. Дисциплина прежде всего! Въ наше время дѣти черезчуръ распущены. Отъ этого—современная безнравственность и всякіе пороки. У меня самая раціональная система... Иванъ Захаровичъ, вы еще не попробовали вотъ этихъ грибковъ. Рыжики! Восхитительные! Сами дочери отбирали! Не больше кедроваго орѣха! Марья Карловна, вы не видите, какъ Петя держитъ ложку!.. Да кушайте же, не церемоньтесь, докторъ! У насъ не какъ въ столицахъ—хозяева за кускомъ гостю въ ротъ не смотрятъ... У насъ по-деревенски: свое, не купленое...

А Варя все не шла; хозяйка изрѣдка поглядывала на пустой стулъ такими глазами, которые предвѣщали грозу.

Самъ Лопатинъ, глотая горячій борщъ, заговорилъ о выдающихся кулинарныхъ и педагогическихъ способностяхъ жены.

— Меня Богъ истинно благословилъ этой женщиной!—воскликнулъ онъ, молитвенно взглядывая на потолокъ.—Ни у кого въ уѣздѣ вы не найдете такого борща, такихъ маринадовъ, такихъ наливокъ, какъ у меня! Но это — ничто въ сравненіи съ

воспитаніемъ дѣтей! Я дамъ голову на отсѣченіе, что ни у кого въ уѣздѣ дѣти не получаютъ такого образцоваго воспитанія, какъ у меня въ семьѣ!..

— Ну, довольно, Петръ, довольно!—томнымъ голосомъ сказала жена.—Ты меня совсѣмъ захвалишь!

— Дорогой докторъ!—вдругъ воскликнула она съ испугомъ. —Боже мой! да вы не попробовали моихъ опенокъ! Ахъ, какая досада! Я на всю губернію горжусь этими опенками... Нѣтъ, нѣтъ! Ужъ вы попробуйте ихъ хотя среди борща...

— Мама! Петя у меня стащилъ хлѣбъ!—заговорилъ полушопотомъ десятилѣтній Ѳедя.

— Петръ! Это что̀ такое! Я вышлю тебя изъ-за стола,— прошептала мать грозными, шипящими звуками.

Петя, толстый, здоровенный, красный мальчуганъ, съ торчащими вверхъ вихрами, широко раскрылъ свои телячьи глаза, выражая ими величайшій ужасъ, и забормоталъ туго набитымъ ртомъ:

— Онъ вретъ, вретъ! Ей-Богу, мама, вретъ! Это мой хлѣбъ! Вотъ, смотри! У меня нѣтъ другого...

— Довольно, довольно! Я тебѣ вѣрю, — ты честный мальчикъ!—сказала мать.—А ты, Ѳедя, не смѣй жаловаться! Сколько я разъ тебѣ говорила!

Инцидентъ былъ исчерпанъ, но въ атмосферѣ блаженной семьи собралась гроза: хозяйка вновь послала за Варей, и та, наконецъ, пришла. Ея некрасивое, прыщеватое лицо припухло отъ слезъ и было покрыто красными пятнами, которыхъ не могъ скрыть толстый слой пудры. Она злыми глазами посмотрѣла на мать и неловко присѣла передъ Роговымъ.

— Моя третья дочь,—сказалъ Лопатинъ.

— Что̀ это значитъ, сударыня? По десяти разъ посылать за собой заставляешь.

— У меня голова болитъ,—рѣзко сказала дѣвушка, шумно двинувъ стуломъ и усаживаясь за столъ.

Мать только грозно посмотрѣла на нее и сказала доктору медовымъ голосомъ, хотя онъ вибрировалъ отъ гнѣва:

— Вотъ я хотѣла бы посовѣтоваться о ней съ вами: Варя у меня болѣзненно конфузлива. Чуть гости,—ее насильно не заставишь выйти. И она такъ при этомъ становится рѣзка, что совсѣмъ не помнитъ, бѣдная дѣвочка, что̀ говоритъ! Какъ вы думаете: это не болѣзнь?

— Никакой у меня болѣзни нѣтъ!—отрѣзала Варя, и глаза

ея наполнились слезами: — Кому пріятно слушать, какъ вы при гостяхъ всякій разъ что-нибудь про меня сочините!

Хозяйка была поражена этими словами, какъ громомъ. Она выпрямилась и взглянула на дочь такимъ взглядомъ, какимъ смотрятъ укротители звѣрей на непослушнаго льва. Еще минута, и грянулъ бы громъ, но отецъ явился громоотводомъ:

— Развѣ можно такъ говорить съ матерью? — успокаивающимъ тономъ замѣтилъ онъ.

— Я тебя тысячу разъ просила не вмѣшиваться, когда я что-нибудь внушаю дѣтямъ! Не забывай своего дѣла—угощать гостя!— Затѣмъ она величественно обратилась къ дочери: — Я съ вами, сударыня, буду говорить послѣ обѣда...

Худенькая Надя совсѣмъ нагнулась надъ тарелкой и, смотря снизу на мать, дѣлала ей глазами какіе-то знаки.

— Боже мой!—продолжала Лопатина, снова мѣняя тонъ на слащавый: — еслибъ вы знали, докторъ, какъ утомляетъ нервы педагогическая дѣятельность среди такой большой семьи! А вѣдь у меня не одно воспитаніе: я сама слѣжу за всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ... Вы замѣтили, какая у насъ чудная сметана? Кстати, отчего вы такъ мало положили ея къ вареникамъ? Позвольте, я сама вамъ положу. Вы ни у кого такой не найдете! А почему? При мнѣ моютъ кубаны, обмываютъ теплой водой les mamelles у коровушекъ, при мнѣ ихъ доятъ, сливаютъ молоко... и такъ далѣе... Я не могу выносить, когда молоко пахнетъ выменемъ или немытой посудой... Ахъ, домашнее хозяйство и воспитаніе— это не только истинное призваніе женщины, это — ея величайшее наслажденіе!.. Вотъ, вы кушали грибки: а знаете ли вы, что каждый грибокъ сорванъ мною самою или моими дочерьми? Да, да! Мы такъ любимъ собирать грибы! Беремъ экипажъ, захватываемъ съ собой самоваръ, провизію, и на цѣлый день—въ лѣсъ! Какая поэзія! Лужокъ, зелень, ковры, молодыя дѣвушки, ярко вычищенный самоваръ, дѣти... лошади фыркаютъ... Вы непремѣнно должны поѣхать съ нами лѣтомъ собирать грибы.

Рѣчь была прервана стукомъ экипажа, раздавшимся на дворѣ.

— Да вѣдь это Соня вернулась! — сказала хозяйка. — Вотъ удачно! Вы познакомитесь!

Въ передней стукнула дверь. Послышался шорохъ женскаго платья и тихій вопросъ, обращенный къ выбѣжавшей горничной:

— Кто у насъ? Ахъ, докторъ изъ Смирнова.

Въ залъ быстро вошла Софья Петровна, съ которой мы уже познакомили читателя, когда она жила въ Петербургѣ у Надежды Николаевны Петренко.

— Вотъ и я! Какъ разъ къ обѣду!—сказала она, бросивъ на рояль свою шапочку и оглянувъ всѣхъ красивыми темными глазами, которые затѣмъ остановила на Роговѣ: одно мгновеніе она всматривалась въ него, нѣсколько прищурясь и какъ бы изучая его лицо, а затѣмъ пошла къ нему, говоря:

— Наконецъ-то, докторъ, вы собрались къ намъ! Какъ я рада васъ видѣть!

Стройная, граціозная, съ завитками темнокаштановыхъ волосъ, подрумяненная холодомъ, она казалась очень похорошѣвшей съ тѣхъ поръ, какъ мы ее видѣли. Изъ наивной, мечтательной дѣвушки, потрясенной до отчаянія исторіей съ княземъ, она въ эти восемь мѣсяцевъ превратилась въ молодую женщину, надъ которой пронеслась буря, много изломавшая въ ея душѣ, и все-же эта душа перенесла бурю и снова расцвѣла. Наружность ея измѣнилась, хотя трудно было сказать, что̀ именно стало другимъ: не было въ ней прежней юной мягкости и неопредѣленности очертаній лица; теперь въ немъ явилось больше очерченности, иногда даже рѣзкости, особенно въ изгибѣ ноздрей и губъ... Но больше всего измѣнилось выраженіе глазъ: въ нихъ теперь было что-то недовѣрчивое, настороженное, какъ будто она каждую секунду боялась прочесть въ вашемъ лицѣ гадкую мысль о себѣ. Эту настороженность она безсознательно прикрывала утрированной, искусственной бойкостью и насмѣшливымъ выраженіемъ глазъ.

Рогову показалось, что она изучаетъ его и смѣется надъ всѣмъ, что̀ видитъ въ немъ. Онъ такъ смутился, что, вставая на встрѣчу ей, сронилъ со стола ложку и сконфузился еще больше. Ей даже стало жаль его, и она заговорила ласково, почти дружески:

— Вотъ какъ я удачно вернулась! Меня оставляли до вечера, чтобы переждать дождь. Еслибы я согласилась,—наше знакомство отсрочилось бы еще надолго. Вѣдь вы не очень спѣшили къ намъ... Палаша,—сказала она горничной,—дайте мнѣ приборъ... Варя, подвинься, я сяду рядомъ съ докторомъ... Да, я вамъ очень рада: я слышала о васъ много хорошаго отъ Рахмарова. Я познакомилась съ нимъ въ Петербургѣ, а теперь встрѣчаюсь иногда у одного богатаго здѣшняго землевладѣльца изъ купцовъ... Вы, вѣрно, слышали о Севрюгинѣ?.. Я совсѣмъ очарована Рахмаровымъ! Боже, какъ онъ говоритъ! И какая грандіозная внѣшность! Въ немъ что-то львиное, могучее...

Отецъ бросилъ на нее свирѣпый взглядъ. Роговъ даже струсилъ за ея смѣлость: „И зачѣмъ она дразнитъ этого звѣря?“ —по-

думалъ онъ. Жена станового, видимо желая отвести грозу, попробовала обратить ея слова въ шутку:

— Смотри, не влюбись!—сказала она шутливымъ тономъ.

— А почему и не влюбиться?—въ томъ же тонѣ отвѣтила Софья.

— Ты опоздала: къ нему пріѣхала изъ Петербурга одна особа.

— Какой ударъ мнѣ! — смѣясь, сказала Софья.—Только ты ошибаешься: эта барышня—его родственница. Рахмаровъ звалъ меня пріѣхать къ нимъ, чтобы познакомиться съ нею и даже помочь ей въ школѣ, но вотъ папа не хочетъ.

Лопатинъ не выдержалъ и ударилъ кулакомъ по столу; посуда зазвенѣла.

— Это—новая оплеуха по моему адресу!—крикнулъ онъ.

Дѣти съёжились. Худенькая Надя поблѣднѣла и съ испугомъ поглядывала на Софью умоляющими глазами, дѣлая какіе-то таинственные знаки.

Софья Петровна вздрогнула, опустила руку съ ложкой и, выпрямившись, посмотрѣла на отца долгимъ, холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ. Непримиримая ненависть была въ этомъ взглядѣ.

— Я на дняхъ уже сказала тебѣ,—проговорила она, отчеканивая каждый слогъ,—что это приглашеніе тебя не касается. Но я не ожидала, что ты при гостяхъ не съумѣешь вѣжливѣе говорить со мной.

— Да, ты не видишь ничего, что̀ касается чести отца! — отвѣтилъ Лопатинъ, сразу понизивъ тонъ: — Рахмаровъ мой врагъ, человѣкъ, писавшій обо мнѣ пасквили въ газетахъ. И онъ осмѣливается звать къ себѣ мою дочь, а она этому рада!

— Были ли его статьи пасквилями, и онъ ли писалъ ихъ— я не знаю,—отвѣтила Софья,—а звалъ онъ меня посмотрѣть школу да познакомиться съ мадемуазель Лядовой: какое же это имѣетъ отношеніе къ твоей чести?

Въ разговоръ вмѣшалась мать.

— Еслибы эта Лядова хотѣла дѣйствительно познакомиться съ тобой, — она должна бы была первая сдѣлать визитъ твоей матери,—сказала она важно: — да и родство ея съ этимъ Рахмаровымъ ничѣмъ не доказано.

— Ну, это могу удостовѣрить я,—сказалъ становой:—она— дочь покойнаго Павла Аѳанасьевича Лядова. Одинъ братъ его— сенаторъ, а другой — начальникъ нашей губерніи. Родство же

Рахмарова съ начальникомъ губерніи, конечно, вамъ извѣстно,—обратился онъ къ хозяину.

— Ахъ, вѣдь ея фамилія—Лядова! — сказалъ Лопатинъ.— То-то я слышу—знакомая фамилія! Да, да, совсѣмъ изъ ума вонъ, что вѣдь и губернаторъ нашъ тоже Лядовъ. Что же вы мнѣ раньше не сказали объ этомъ? Ну, да... если онъ пригласилъ тебя въ такой формѣ, чтобы осмотрѣть школу, то, конечно, это—другое дѣло... Да... это... это... ты бы такъ и сказала сразу! Я бы, вѣроятно, ничего противъ этого не имѣлъ.

— Но все-же, мой другъ, — обратилась къ нему жена, — мадемуазель Лядовой слѣдовало бы прежде сдѣлать визитъ мнѣ.

— Рахмаровъ говорилъ мнѣ, — отвѣтила Софья, — что она сдѣлаетъ тебѣ визитъ въ первый же день, какой ты назначишь... Значитъ, за этимъ остановки быть не можетъ. Я же просила бы васъ,—обратилась она снова къ отцу,—разрѣшить мнѣ поѣхать къ ней безъ церемоній завтра, чтобы не терять времени. Она страшно утомляется въ школѣ одна. Надѣюсь, что теперь я могу сдѣлать это, не боясь за свои нервы и за нервы нашихъ гостей.

И, не ожидая отвѣта, она обратилась къ Рогову:

— Вы уже побывали въ нашемъ городѣ? Познакомились тамъ съ кѣмъ-нибудь?

Тотъ назвалъ предсѣдателя и доктора Протасова, но о Морозовѣ умолчалъ, не желая вызывать въ ней непріятныхъ воспоминаній.

— Бѣдный Протасовъ!—вздохнула Софья. — Говорятъ, онъ совсѣмъ спился. А какой былъ хорошій человѣкъ! Мы съ нимъ были очень дружны; многимъ я обязана ему: онъ указывалъ мнѣ книги, какія слѣдуетъ прочесть...

— И, конечно, Шопенгауэра? — перебилъ ее Роговъ съ улыбкой.

— О, да, и Шопенгауэра!—смѣясь, отвѣтила Софья и прибавила серьезно:—онъ научилъ меня любить и понимать его.

Встали изъ-за стола. Роговъ попросилъ распорядиться, чтобы ему запрягли лошадей, а Софья сказала:

— Пока онѣ будутъ готовы, пройдемте въ мою комнату. Мама, пришли намъ туда кофе.—Идя впереди Рогова по узенькому полутемному корридору, она говорила: — Я васъ сразу беру приступомъ. Вы вѣдь двѣ недѣли не ѣхали и, пожалуй, опять пропадете. А мнѣ хочется, чтобы вы почаще заглядывали къ намъ. Не думайте, что это отъ скуки и желанія сдѣлать васъ

своимъ развлекателемъ... Впрочемъ, скука—скукой... и даже не скука, а одиночество... Ну, вотъ и моя комната.

Комната ея выходила двумя большими окнами и балкономъ въ садъ и представляла интересную смѣсь ученаго кабинета съ уютнымъ уголкомъ женщины-художницы; много книгъ въ нѣсколькихъ шкапахъ, портреты знаменитыхъ писателей, и тутъ же всѣ стѣны завѣшаны этюдами и начатыми масляными картинами; на этажеркахъ—красивыя бездѣлушки мѣшались съ гипсовыми слѣпками; въ одномъ углу—удобная кушетка, въ другомъ—кровать съ кисейнымъ пологомъ, украшеннымъ голубыми ленточками; передъ большимъ простымъ письменнымъ столомъ—широкое старинное кресло... Въ воздухѣ—запахъ духовъ.

— Ну-съ, садитесь. А если хотите знать, что̀ я читаю, — посмотрите корешки книгъ... Видите, какъ я откровенно тороплюсь заинтересовать васъ собой... Да, да, и повторяю: это не отъ скуки. Вы видите, что у меня подъ рукой много средствъ, чтобы развлечь себя... Моя бѣда именно въ одиночествѣ. Трудно повѣрить, но я почти возненавидѣла книги. И это бы еще не бѣда: я начинаю ненавидѣть свое искусство. Подумайте: я читаю, я работаю надъ своими этюдами, но для чего и для кого? Вѣдь искусство, это—рѣчь, это—выраженіе въ краскахъ того, что̀ нравится, о чемъ думаешь. А вѣдь я говорю все это вотъ для этихъ четырехъ стѣнъ. То же и съ чтеніемъ. Пробуждается масса мыслей, вопросовъ... О нихъ не съ кѣмъ сказать слова... Зачѣмъ же они пробуждаются? Кому нужно, чтобы я что-нибудь знала, о чемъ-нибудь думала? Я такъ счастлива, когда изрѣдка вижу Рахмарова. Но онъ меня почему-то пугаетъ: я не могу съ нимъ болтать, какъ съ вами. Очень многаго я жду отъ знакомства съ Лядовой.

Въ это время ея сестра Надя внесла кофе.

— Надя, посиди съ нами!—сказала Лопатина: — Вотъ, рекомендую вамъ моего единственнаго друга здѣсь, — прибавила она, взявъ сестру за руку, которую стала тихо и ласково поглаживать.— Надя сильно сконфузилась; ея блѣдное лицо вспыхнуло.—Часто мы цѣлыми часами говорили съ нею, иногда до поздней ночи... Но вѣдь мы обѣ совершенно однѣ.

— Я вполнѣ понимаю васъ,—сказалъ Роговъ, прихлебывая кофе,—и хотѣлъ бы ужасно бывать у васъ почаще. Боюсь только, что времени-то у меня очень мало.

— А вы знаете, что̀ сдѣлайте, — сказала Надя, нѣсколько посмѣлѣвъ отъ его простого отвѣта и добрыхъ глазъ:—вы пріѣзжайте къ намъ каждый день обѣдать. Вѣдь васъ, должно быть,

дома кормятъ Богъ знаетъ чѣмъ: вы еще отъ этого захвораете! Если вамъ неловко обѣдать даромъ, предложите мамѣ какую-нибудь плату; я возьму на себя все это устроить.

— А вѣдь это мысль!—сказала Софья, смѣясь.—Ну, рѣшайте скорѣе!.. О, какой же вы вялый! Я начинаю на васъ сердиться... я ужасно злая... Нѣтъ, не злая, а нервная, раздражительная... Мнѣ хочется, чтобъ все кругомъ кипѣло, двигалось, жило, говорило... А все стоитъ на мѣстѣ! И вы такой же... Ну-съ!

Она засмѣялась; невольно засмѣялся и онъ.

— Ну, слава Богу, хоть смѣяться умѣетъ!—весело воскликнула Софья.—Такъ согласны? Будете пріѣзжать обѣдать?

— Не могу, потому что меня безпрестанно таскаютъ по деревнямъ, и нерѣдко я обѣдаю поздно ночью... Но даю слово, что постараюсь бывать у васъ какъ можно чаще.

Разстались они такими друзьями, какъ будто десять лѣтъ были знакомы.

Сидя уже въ тарантасѣ, Роговъ думалъ, что русскія дѣвушки и женщины сильнѣе мужчинъ. Онъ сравнивалъ Софью и слѣдователя Морозова: „Тотъ совсѣмъ упалъ, а эта... сколько она должна была вынести?! И какая отвратительная среда! Глупая фразёрка мать, отецъ кулакъ и, вѣроятно, плутъ; эта жена станового, напоминающая кокотокъ низшаго разбора... А вотъ дѣвушка уцѣлѣла, отстояла свою душу и свой уголокъ. Отчего же женщины сильнѣе насъ?"—спрашивалъ онъ себя, но на этотъ вопросъ такъ и не далъ себѣ отвѣта.

Не предчувствовалъ онъ, что съ этого дня попалъ въ новую колею, гдѣ его всецѣло захватитъ атмосфера душевныхъ томленій, не важныхъ по своему существу, но пріобрѣтающихъ серьезный трагическій характеръ (требующій сочувствія и помощи) тамъ, гдѣ нѣтъ живого движенія и общественнаго дѣла у людей, одаренныхъ самыми лучшими стремленіями и тонкимъ душевнымъ развитіемъ.

XV.

Въ Веневитинѣ Ѳедя остановилъ лошадей у избы Власа Прохорова, больного тифомъ.

Хотя Роговъ привыкъ къ ужасному воздуху, какой бываетъ зимой и осенью въ крестьянскихъ хатахъ, особенно когда въ нихъ лежатъ больные,—но въ избѣ Власа совсѣмъ нечѣмъ было дышать. Больной лежалъ на палатяхъ, метался и бредилъ. Невыносимый запахъ шелъ отъ него. Приказавъ открыть дверь,

Роговъ осмотрѣлъ больного и, чувствуя полную невозможность лечить тифъ въ такой атмосферѣ, сказалъ, что Власа нужно свезти въ городъ, въ больницу.

— Да на чемъ же свезти-то, родимый? У насъ лошадушки давно нѣту! – сказала жена Власа, худая и изможденная старуха.

— У сосѣдей возьмите!

— А у сосѣдей всѣ лошади на стеклянномъ заводѣ, верстъ восемь отсюда, кладь возятъ со станціи... Есть лошади у лавочника, да онъ и за деньги не дастъ! А ежели бы и далъ, такъ откуда ихъ, деньги-то взять?.. Повѣрите ли, батюшка докторъ, ужъ вторую недѣлю безъ хлѣба сидимъ, ребятъ въ кусочки посылаю... Что̀ соберутъ, то и ѣдимъ...

— А мнѣ сказывали, что у васъ въ деревнѣ чашки точатъ хорошо. Нешто вы ими мало зарабатываете?

— Эхъ, батюшка, какой ужъ это заработокъ! Наѣзжаютъ къ намъ изъ города мѣщанинишки, прасолы, значитъ, ну и потрафляютъ всегда въ ту пору, какъ подати собираютъ. Тогда нужда такая, что и себя бы продалъ! Да и продаемъ! Ну, они и даютъ задатки, да за цѣну такую, что даже и сказать-то срамно: курамъ на смѣхъ! А что̀ подѣлаешь? Продаемъ!..

— Да вы бы сами возили въ городъ или по деревнямъ.

— Ахъ, господинъ хорошій, да вѣдь на все на это нужны деньги да время! А потомъ: вѣдь посуда-то, она, значитъ, ужъ запроданная; у иного есть что на два года впередъ запродано. Я тебѣ говорю: задатки забраны...

Роговъ сталъ ей объяснять, что еслибъ выхлопотать у земства ссуду, то задатки можно бы вернуть, а часть ссуды употребить на отправку сообща посуды на базаръ или по деревнямъ.

Она плохо понимала и предложила ему поговорить съ мужиками.

— Позовите-ка мнѣ старосту,—сказалъ Роговъ.

— Да онъ, батюшка, тутъ, на крылечкѣ, твоей милости дожидается съ другими больными. Много народу собралось къ тебѣ... Только онъ у насъ съ дуринкой.

Роговъ вышелъ на крыльцо. Тамъ сидѣло и стояло нѣсколько мужиковъ и бабъ: большинство послѣднихъ было съ больными ребятами.

— Который изъ васъ староста?

Впередъ выдвинулся сгорбленный пожилой мужикъ въ полушубкѣ, изорванномъ и заплатанномъ овчиной другого цвѣта. Онъ былъ маленькаго роста, съ морщинистымъ лицомъ и красными, гноящимися глазами: на лѣвомъ было до половины бѣльмо. Въ

спутанныхъ волосахъ кофейнаго цвѣта, торчали кусочки соломы. Рѣденькая бороденка выдавалась впередъ.

— Я самый староста и есть, — сказалъ онъ, шамкая беззубымъ ртомъ.

„Вотъ кавалеръ!“ — подумалъ Роговъ и спросилъ:

— Да вѣдь прежде у васъ былъ другой? Я помню, ко мнѣ въ Смирново пріѣзжалъ на пріемъ вашъ староста съ больнымъ мальчикомъ.

— Тотъ откупился,—сказала жена Власа, вышедшая тоже на крыльцо.

— Какъ откупился?—спросилъ Роговъ.

— А какая ему была охота старостой-то оставаться!—сказалъ одинъ крестьянинъ.—У старосты хлопотъ полонъ ротъ! Всякій имъ помыкаетъ: и становой, и урядникъ, и старшина, и волостной писарь. Всякій, кому не лѣнь. Проѣзжій, какой ни на есть стракулистъ, такъ и тотъ зубы набьетъ! Чуть что не такъ,—въ холодную! Ну, оттого никто и нейдетъ изъ порядочныхъ мужиковъ; откупаются, значитъ, отъ обчества: обчество выберетъ, ну, а онъ водки поставитъ: „Братцы, молъ, ослобоните! Хозяйство должно въ раззоръ придти. Выберите какого лядащаго“! Ну, обчество и пожалѣетъ, ослобонитъ его... Вотъ теперь выбрали этого: все-же ему какой ни на есть кормъ отъ должности; прежде-то онъ у насъ пастухомъ былъ... Съ дуринкой онъ...

Роговъ сталъ объяснять крестьянамъ свою мысль. Онъ предложилъ самъ написать имъ просьбу и переслать ее въ земство.

— Како-тако, батюшка, прошеніе?! — съ испугомъ сказалъ староста, качая головой:—Царица Небесная, Матушка наша усердная, да я ни о какомъ такомъ прошеніи не слыхивалъ... Крестъ буду цѣловать! Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! Не знаю никакого прошенія!..

— Онъ испужался, — сказалъ крестьянинъ, говорившій ранѣе:—въ прошломъ году одинъ человѣчекъ прошеніе намъ написалъ о землѣ, такъ что-то тамъ неладно было прописано про земскаго, ну, и тягали насъ, а тотъ человѣчекъ и теперь въ острогѣ сидитъ... Вотъ, онъ и испужался: думаетъ, не о томъ ли прошеніи... А вы мнѣ извольте еще разокъ объяснить, господинъ докторъ, кака-така ссуда, то-ись?

Роговъ сталъ объяснять еще разъ всѣмъ окружающимъ.

— Поняли?

— Поняли-то поняли... Только, думается такъ, что все это намъ не съ руки! Не подходитъ!

— Какъ не съ руки?!—И Рогомъ объяснилъ въ третій разъ выгоды земской ссуды.

— Эхъ, господинъ милый! Столько съ насъ податей всякихъ, столько недоимокъ, что и ссуду эту отберутъ! Да и такъ она намъ — капля въ морѣ! Разойдется, какъ вода между пальцами! А вѣдь опосля ее отдавать надо! А изъ чего отдавать-то? У половины деревни лошадей нѣтъ, работать не на чемъ. Земля почти задаромъ сдадена тѣмъ, у кого лошади...

— Да чудаки вы этакіе!—сталъ волноваться Роговъ:—все-же ссуда прибавитъ вамъ къ хозяйству хоть нѣсколько рублей! А недоимки такъ и останутся недоимками: больше ли ихъ, меньше ли, —все равно, не уплатите!

— Никакъ нѣтъ! Мы платимъ! Изъ послѣдняго, а платимъ! Не платить нельзя! Послѣднія животинки продадутъ, да еще вспорютъ, ежели не платить... Оно точно, что въ хозяйствѣ не только рубль, а и гривенникъ—ахъ, какъ дорогъ! Да какъ его послѣ отдавать?! Понаѣдутъ, таскать станутъ! Пропади она пропадомъ и ссуда-то эта!.. Отъ дѣла оторвутъ, да еще всыплютъ... Вотъ-те и будетъ ссуда!.. горячая!.. Нѣтъ, ужъ вы лучше, господинъ милый, это оставьте! Не смущайте насъ! Еще какъ бы и начальство не огорчилось! Вотъ тоже о землицѣ тогда писали прошеніе по милому да по хорошему, думали—толкъ выйдетъ. Потому тутъ одинъ господинъ клочокъ землицы у насъ захватилъ... А вышло даже совсѣмъ нехорошо! Богъ съ ними и съ прошеніями! Закаялись мы ихъ писать!

Роговъ чувствовалъ полную безпомощность. Онъ видѣлъ, что они его понимаютъ, но запуганы до такой степени, что полны однимъ только желаніемъ: не тревожили бы ихъ, оставили бы въ покоѣ, не тягали и не тащили никуда. Это было нѣчто въ родѣ маніи преслѣдованія, развитой въ нихъ самой жизнью и ея условіями: ихъ все пугало; вездѣ они чуяли подвохъ, грозящій нашествіемъ какого-то фантастическаго, а быть можетъ, и реальнаго карающаго фатума.

Подошелъ еще одинъ крестьянинъ, повидимому зажиточный.

— Вотъ Иванъ Трифоновъ идетъ,—пусть онъ посовѣтуетъ, —сказалъ одинъ изъ мужиковъ:—онъ у насъ въ земство ѣздилъ, выбирали его...

— Вы были гласнымъ въ земствѣ?—спросилъ Роговъ подошедшаго.

— Точно такъ-съ, господинъ докторъ,—отвѣтилъ тотъ и подалъ доктору руку, улыбаясь съ достоинствомъ.

— Такъ, вотъ, не объясните ли вы вашимъ односельчанамъ

того, о чемъ я уже съ полчаса толкую и никакъ не могу втолковать.

Роговъ, въ короткихъ словахъ, разсказалъ дѣло Ивану Трифонову. Тотъ, въ свою очередь, сталъ объяснять мужикамъ, что докторъ говоритъ правильно: земство—это не простое начальство, а въ родѣ какъ свои же: тамъ и крестьяне, и батюшки, и господа есть добрые, и бояться земства нечего! Могутъ и отсрочить уплату, ежели все объяснить и выставить толкомъ.

— Мой совѣтъ, — закончилъ онъ, — не только не отказываться, а благодарить господина доктора, что онъ берется написать и похлопотать. Очинно вамъ благодарны, господинъ докторъ, за ваше... усердіе и радѣніе объ насъ!..

Онъ снялъ шапку и низко поклонился. Поклонились и другіе.

Иванъ Трифоновъ держалъ себя сравнительно свободно; рѣчь его показывала, что онъ слыхалъ земскихъ ораторовъ и даже старался подражать имъ.

— Да оно, пожалуй, ежели все сообразить, какъ ты говоришь, Иванъ Трифоновичъ, такъ оно выходитъ — господина доктора нужно благодарить, что наставляетъ насъ, темныхъ!— сказалъ мужикъ, говорившій прежде. — А только ужъ не обезсудьте, господинъ милый, мы, значитъ, должны впередъ по совѣсти объяснить, что, примѣрно, насчетъ магарыча вашей милости, то-есть за хлопоты, намъ неспособно... Чашечекъ можемъ вамъ выточить... самыхъ лучшихъ, и съ разводами будутъ, и золота пустимъ, а вотъ насчетъ денегъ...

Роговъ вспыхнулъ.

— Чудакъ ты этакій! Что ты такое городишь! Развѣ я изъ-за магарыча! Я вамъ добра желаю... Экій вы народъ жалкій! Какъ васъ пріучили!

И чтобы показать, что ему отъ нихъ ничего не нужно, онъ сказалъ женѣ Власа Парменова:

— Слушай, старуха: если тебѣ не на что подводы нанять до больницы, я тебѣ денегъ дамъ. Сколько тутъ возьмутъ за лошадь?—обратился онъ къ бывшему гласному.

— Да помилуйте, господинъ докторъ, зачѣмъ же вамъ свои деньги тратить! У меня есть лошадка, только она сейчасъ занята на стеклянномъ заводѣ, а къ вечеру вернется... Я и такъ дамъ. А вы лучше эти деньги ей пожертвуйте, ужъ если ваша доброта такая... Потому совсѣмъ они въ раззоръ пришли... Незадача да неудача все время... Разорился мужикъ! А зажиточный былъ... Пуще всего старшій сынъ ихъ обидѣлъ... Одинъ работникъ настоящій въ домѣ; остальные-то—подростки... Да

ушелъ на заработки на Донъ... Ну, и поминай, какъ звали! Три года отъ него имъ ни грошика! А съ нихъ же еще тянетъ!

— Такъ паспорта бы не высылать.

— Пробовали! Еще того хуже! Забрали его тамъ за это, прислали его по этапу сюда, значитъ, для водворенія его на мѣсто жительства... Ну, вотъ, старуха задумала его женить: женится, молъ, перемѣнится... Ну, съ мѣсяцъ онъ пожилъ съ женой, а тамъ и закрутилъ: со двора все тащитъ... Жаловался старикъ и въ волость,—ну, старики „поучили“ его. Маленько какъ будто и остепенился, недѣли на двѣ, ну, а опосля сбѣжалъ... И бабу бросилъ... Мѣсяца черезъ два письмо отписалъ: „мѣсто, молъ, хорошее нашелъ, да безъ пачпорта не держатъ: высылайте пачпортъ; деньги стану аккуратно высылать, а бабу сюда перевезу“... И прописано въ письмѣ, что деньги посылаетъ на пачпортъ, а денегъ никакихъ нѣтъ! Думалъ-думалъ старикъ, съ нами совѣтовался, поплакалъ, сбился кое-какъ, отдалъ за пачпортъ и послалъ. Да, вотъ, съ тѣхъ поръ полтора года о немъ ни слуху, ни духу не было. Теперь получили письмо, что опять въ острогъ взяли и отправятъ сюда, если пачпорта опять не вышлютъ.

— Что же, послали?

— Нѣтъ, потому что не изъ чего посылать-то!.. Мы его и въ деревню сейчасъ несогласны пущать! Онъ и такъ грозился, когда былъ здѣсь,—краснаго пѣтуха пустить.

— Да ты еще не все разсказалъ,—вставила старуха, стоявшая все время около и горько плакавшая:—а насчетъ больничныхъ-то забылъ? Онъ тамъ, господинъ докторъ, въ больницѣ пролежалъ сколько-то мѣсяцевъ... А съ насъ взыскали... двѣнадцать рублей сорокъ-три копѣйки... Вотъ тогда и лошадушку продали... Охъ, голова моя горькая! И что мы будемъ дѣлать, и какъ будемъ жить! И за что ты насъ, Царица Небесная, Матушка-заступница, Пресвятая Богородица, покинула!..

Она упала лицомъ на лавку, бывшую на крыльцѣ, и заголосила громко, съ причитаніями...

Роговъ сунулъ въ руки старухѣ первую попавшуюся ассигнацію и отправился въ избу Ивана Миронова писать кустарямъ прошеніе о ссудѣ, а кстати собрать матеріалъ объ ихъ производствѣ.

Провозившись съ этимъ дѣломъ часа два, такъ какъ нужно было „отбирать руки“, т.-е. собирать подписи на прошеніи, онъ только подъ вечеръ выѣхалъ въ Парменовку, находившуюся въ верстѣ отъ Веневитина.

Усталость такъ сильно овладѣла имъ, что онъ заснулъ въ своемъ тарантасѣ.

— Пріѣхали, Иванъ Захарычъ! Это—Парменовка! — говорилъ Ѳедя, расталкивая его.

Это была небольшая деревушка, всего дворовъ пятнадцать. Осмотрѣвъ въ четырехъ избахъ шестерыхъ заболѣвшихъ дѣтей, Роговъ спросилъ старосту:

— А еще больныхъ нѣтъ?

— Нѣту, господинъ докторъ... Всѣ перемерли.

— Какъ перемерли?!—въ ужасѣ воскликнулъ Иванъ Захаровичъ. — Ты хочешь сказать: всѣ заболѣвшіе? Сколько же заболѣло?

— Да всѣ заболѣли! Во всей деревнѣ... Таперича у насъ только и осталось ребятъ, что эти шестеро... Померло же душъ двадцать-пять, а можетъ, и больше. — И староста сталъ припоминать по дворамъ:—У Сергѣя Рыбкина—трое, у Василія Щетинина—двое, у Тараса—пятеро...—и т. д., и т. д.

— Да что же вы не ѣхали за мной?! Нехристи вы, что-ли? Дѣтей своихъ вамъ не жалко?!—закричалъ Роговъ. —И теперь, еслибы не сообщилъ становой, я бы и не зналъ! Есть у васъ кресты на шеѣ или нѣтъ? Говори: отчего не ѣхали?! — кричалъ онъ на старосту.

— А кто жъ тебя зналъ, что ты пріѣдешь,—отвѣтилъ довольно рѣзко староста, обиженный упрекомъ Рогова въ томъ, что у него нѣтъ креста на шеѣ. — Мы—люди крещеные!.. А нешто васъ узнаешь, докторовъ,—какіе вы!.. Вотъ, до тебя былъ, такъ мы его и не видѣли никогда...

— Ахъ ты, Господи Боже мой!—заговорилъ Роговъ болѣе мягкимъ тономъ:—вѣдь матерямъ-то, небось, какое горе! Ревутъ?

Староста только махнулъ рукой и, отвернувшись, отеръ рукавомъ слезы.

— У него самого трое померло, — сказалъ одинъ крестьянинъ.

Староста замѣтилъ на это, понурившись и дрожащимъ голосомъ:

— Еще дѣвочку не такъ жаль! А два мальчонка померли! И такіе-то были шустрые, ласковые!.. Для кого теперь хлопотать?! Кого въ помощники ждать! Совсѣмъ осиротѣли...—И онъ опять смахнулъ навернувшіяся слезы.

— Вы, вѣрно, не отдѣляли больныхъ?

— А гдѣ же у насъ въ избахъ отдѣлять? А нешто это требуется?—сказалъ староста.

— Непремѣнно! Болѣзнь эта заразная.

— Ну, а мы развѣ знаемъ! У насъ здоровые ходили изъ чужихъ дворовъ больныхъ навѣщать...

— Пожалуй, и къ покойникамъ прикладывались?—спросилъ Роговъ.

— Знамо, прикладывались... Надо же проститься.

Роговъ старался объяснить имъ причины заразительности болѣзни. Крестьяне поддакивали, качая головами.

— Такъ, такъ! Тебѣ лучше знать! Мы—люди темные!

Возвращаясь домой, онъ думалъ, что убѣдилъ ихъ, и былъ доволенъ.

XVI.

...На крыльцѣ пріемнаго покоя его встрѣтилъ съ фонаремъ старичокъ—отставной солдатъ, служившій при „пунктѣ“ и сторожемъ, и лакеемъ, и поваромъ, и даже помогавшій фельдшеру толочь разныя снадобья... Онъ каждый вечеръ поджидалъ „господина доктора“ съ кипящимъ самоваромъ, и едва вдали раздавался знакомый звонъ колокольчика, вбѣгалъ изъ кухни въ комнаты, зажигалъ лампу и снова бросался въ кухню за самоваромъ. Онъ вносилъ его бѣгомъ, а самоваръ пыхтѣлъ, выбрасывалъ клубы пара и, брызгая кипяткомъ, оставлялъ за Петромъ мокрую дорожку...

Снявъ съ Рогова плащъ и пальто и проводивъ до спальни, Петръ ожидалъ, пока тотъ сниметъ сюртукъ, а самъ держалъ наготовѣ, растопыривъ руки, старое студенческое пальто, замѣнявшее „господину доктору“ халатъ.

— Вы бы прилегли, ваше выскородіе! Очинно притомились. А я вамъ чайку въ постельку подамъ...

— Спасибо, Петръ! Я, пожалуй, прилягу... Только въ кабинетѣ, на кушеткѣ. Мнѣ еще писать надо.

Тотъ схватилъ подушку и, взбивая ее, клалъ на кушетку.

— Настоящая ты у меня нянька, Петръ!

— Да я и то былъ нянькой, Иванъ Захарычъ, когда въ деньщикахъ жилъ у капитана Антонова... Трое дѣтей у нихъ было-съ... А одинъ даже грудной... А барыня ихъ, капитанша Антонова, ихъ бросивши были... Такъ всѣхъ троихъ вынянчилъ, а грудного топленымъ молочкомъ отпоилъ... Теперь двое офицерами вышли, а барышня—за полковникомъ замужемъ.

Старикъ тихо вздохнулъ, вѣроятно подумавъ, что забыли его молодые господа...

Послѣ холоднаго ночного воздуха, дождя, вѣтра и убійственной тряски, Роговъ нѣжился на кушеткѣ, въ теплой, освѣщенной комнатѣ, попивая, подъ ласковыя рѣчи Петра, горячій, душистый чай. А тотъ, наливая и подавая ему стаканъ за стаканомъ, употреблялъ нечеловѣческія усилія, чтобы ходить на носкахъ и не гремѣть своими огромными сапогами.

Когда Петръ удалился, Роговъ подумалъ: „Еще немножко полежу и сяду писать предсѣдателю о кустаряхъ... Почта идетъ завтра утромъ".

Но это „немножко" тянулось полчаса, и еще полчаса, а онъ все лежалъ въ пріятной истомѣ и раздумывалъ о Софьѣ Лопатиной. Перебирая въ умѣ каждое ея слово, каждое движеніе и вспоминая ея насмѣшливые глаза, онъ спрашивалъ себя: „Что же она такое? Какая-то особенная искренность! Прямо въ глаза смѣется! И тутъ же увѣряетъ, что чувствуетъ себя со мной какъ съ старымъ хорошимъ знакомымъ! Тогда надъ чѣмъ же смѣяться? Или это—кокетство особаго рода, чтобы сразу озадачить, поразить? Но вѣдь это гадость! Нѣтъ, это на нее непохоже! А не застѣнчивость ли это провинціалки, старающаяся скрыть себя за мнимой бойкостью и развязностью? Вѣдь все-же она меня считаетъ столичнымъ, ученымъ... И неужели правда, что она была съ какимъ-то княземъ близка?.. Нѣтъ, сплетня это! Въ ней, сквозь эту напускную бойкость, видится что-то чистое, даже дѣтское... Однако, что же я такое дѣлаю! Надо писать, чтобы завтра пошло и письмо, и просьба кустарей, а я себѣ полеживаю и мечтаю о какой-то совсѣмъ почти незнакомой барышнѣ?!.. А впрочемъ, неужели я не имѣю права немножко отдохнуть и помечтать? Полежу еще чуточку и примусь за дѣло. Надо написать Лунину какъ можно чувствительнѣе... Бѣдная старушенція! Каково-то ей!.. А какъ мило вышло у этой Лопатиной, когда она вскрикнула: „Нужно, чтобы все кругомъ кипѣло, двигалось, жило!" А потомъ эта фраза: „Ну, слава Богу, хоть смѣяться умѣетъ!" Какъ это вышло и шутливо, и ласково"!

Такъ онъ и не написалъ въ этотъ день письма, заснувъ неожиданно среди своихъ грезъ.

Утромъ онъ всталъ съ тѣмъ же настроеніемъ, и когда принималъ больныхъ, передъ его глазами не разъ мелькали насмѣшливый взглядъ и оригинальная комната Софьи, съ окнами и балкономъ, выходившими въ облетѣвшій садъ... Тѣмъ не менѣе, несмотря на сильное желаніе поѣхать къ Лопатинымъ, онъ не рѣшался на это. „Какъ я туда явлюсь? Зачѣмъ? Очень неловко! Она звала! Да, но... все-же неловко"!

На третій день получилась записка отъ Софьи: „Однако, хорошо же вы держите свое слово, противный человѣкъ! Жду сегодня обѣдать непремѣнно! Слышите?“

Но онъ нарочно пропустилъ время обѣда, хотя все-же попалъ къ нему: безъ него не обѣдали. Хозяйка встрѣтила его любезнымъ выговоромъ, что онъ опоздалъ. Самого Лопатина не было дома; онъ уѣхалъ въ городъ по обязанности члена управы.

Пришлось снова пережить процедуру смѣны блюдъ, сопровождаемыхъ благочестивымъ и хозяйственно-педагогическимъ пустословіемъ маменьки. Софья Петровна встрѣтила его на этотъ разъ довольно сухо; за обѣдомъ мало съ нимъ говорила и, какъ ему показалось, была грустна.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца обѣда: что-то она хочетъ ему сказать? И отчего она сегодня другая?

Мимоходомъ она сообщила ему, что уже два раза была у Рахмарова, т.-е. въ его школѣ, и будетъ помогать Лядовой.

— Понравилась она вамъ?—спросилъ Роговъ.

— Да, очень... Только я не понимаю ея жертвы. Бросить Петербургъ, хорошее, интеллигентное общество... зарыться въ деревнѣ... И для чего?

— Какъ для чего?!—горячо сказалъ Роговъ.—А обученіе крестьянскихъ дѣтей, развѣ это—ничего?!

— Право, я думаю, что если не совсѣмъ „ничего“, то ужъ такъ мало, такъ мало, что... Я бы не могла такъ жить! Ну, подумайте: нѣсколько десятковъ ребятишекъ станутъ грамотными... Ну, а дальше что? Это можетъ сдѣлать и любой учитель...

— Нѣтъ, вы не правы!

Роговъ сталъ горячо объяснять, какъ для будущаго развитія этихъ дѣтей важно, чтобы теперь же въ нихъ были заброшены нѣкоторыя здравыя идеи, жажда знанія, потребность чтенія...

— Зачѣмъ?—спросила Софья почти сурово.

— Я не понимаю вашего вопроса! Зачѣмъ читать?! Впрочемъ, вы мнѣ говорили, что ненавидите книги...

— Да, да! Я прочитала ихъ сотни, и онѣ дали мнѣ только мучительные вопросы; что же онѣ дадутъ имъ? Вѣдь они прочтутъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, десятки книжонокъ, да и то плохихъ...

— Вы забываете одно: ваша потребность въ книгахъ была теоретическая, а имъ онѣ нужны практически, на каждомъ шагу. Это—разница.

Окончился этотъ споръ уже у нея въ комнатѣ, куда она увела его послѣ обѣда.

— Что̀ заставило меня читать? — говорила она, покойно усѣвшись на своей низенькой кушеткѣ.—Я сходила съ ума отъ тоски. Человѣкъ, сидящій въ одиночной тюрьмѣ, счастливѣе меня: онъ одинъ. А я окружена людьми, которые каждую секунду отравляютъ мнѣ жизнь, слѣдя за каждымъ моимъ шагомъ, намекая на то, что я до сихъ поръ „не пристроилась", что я такъ и засохну... О, я иногда съ радостью бы промѣняла свою жизнь на жизнь одиночнаго арестанта!

— Что̀ вы говорите, Софья Петровна! А въ прошлый разъ жаловались на одиночество!

— Да, на одиночество среди этихъ людей! Проживите такъ почти шесть лѣтъ! Шесть лѣтъ каторги!.. Впрочемъ, каторга лучше. Моя жизнь—это жизнь въ Бедламѣ, среди сумасшедшихъ, которые бранятся, оскорбляютъ, грызутся, ломаются, плачутъ, лгутъ, болтаютъ вздоръ, ложь, глупости съ ранняго утра до поздней ночи.

— Вы преувеличиваете, Софья Петровна!

— Какъ бы я была счастлива, еслибъ это было преувеличеніемъ!.. О, давно бы я покончила съ собою, еслибъ не спасли книги! Я надѣялась отыскать въ нихъ отвѣтъ на то, какъ освободиться отъ этой каторги... И вы знаете, что я пришла только къ полной путаницѣ, къ полному сумбуру... И не потому, что не понимала...

— Я этого рѣшительно не постигаю... Всѣ мы находимъ въ книгахъ отвѣты на самые жгучіе вопросы, а вы...

— Удивляюсь я вамъ! — перебила она его съ досадой. — Какъ же вы всѣ читали? Какъ вы не замѣтили того, что̀ я замѣтила? Найдите мнѣ хотя одну, только одну мысль, которая не была бы въ одной книгѣ прекрасно доказана, а въ десяткахъ другихъ такъ же прекрасно опровергнута! Ну, найдите! Я буду пари держать на что̀ угодно, что не найдете!

— Ну... какъ же?! напримѣръ... положимъ — свобода личности... Кто же ее опровергаетъ? По крайней мѣрѣ, изъ писателей, заслуживающихъ довѣрія, уваженія?..

— И вы этого не знаете?! Да какъ же вы читаете?!

И она перечислила цѣлый рядъ мыслителей, старыхъ и новыхъ, писавшихъ противъ свободы: тутъ были и Гоббсъ, и Огюстъ Контъ.

— Но когда же Контъ?..—спросилъ онъ.

— А развѣ не онъ мечталъ запретить въ своемъ будущемъ обществѣ даже занятія астрономіей?! Я вижу, что вы ничего не

знаете! Вы читали все какъ-то такъ: въ одно ухо вошло, а въ другое—вышло.

— Пожалуй, относительно свободы личности вы правы: я сказалъ, не обдумавъ... Но, напримѣръ, о прогрессѣ... Кто же изъ хорошихъ писателей отрицаетъ прогрессъ?

— Да вы совсѣмъ ничего не знаете! А Шопенгауэръ? А Гартманъ?! Да еще, на дняхъ, я прочла книгу одного русскаго молодого писателя, гдѣ онъ доказываетъ тысячами фактовъ, что никакого прогресса въ человѣчествѣ не было: былъ только одинъ прогрессъ, — прогрессъ жестокости... Люди, чѣмъ дальше, все становятся злѣе, несчастнѣе, хуже...

— Но вѣдь это же явный вздоръ! Какъ можно этому вѣрить!—разгорячился Роговъ, вскакивая съ мѣста.—Мало ли что можно доказывать! Адвокаты бываютъ всегда съ обѣихъ сторонъ! Но вѣдь сразу чувствуется, гдѣ правда, а гдѣ ложь, софистическій подборъ доводовъ, діалектика!..

Роговъ горячился; вопросъ Софьи засталъ его врасплохъ; ему, въ самомъ дѣлѣ, никогда не приходило въ голову, что нѣтъ ни одной идеи въ наше время, которая не была бы такъ же хорошо доказана, какъ хорошо опровергнута.

— Я сейчасъ начинаю понимать,—проговорила Лопатина,— почему вы всѣ этого не замѣчаете: вы читаете уже съ готовой вѣрой въ какую-нибудь идею; поэтому однѣ книги вамъ казались хорошими, убѣдительными: вѣдь онѣ подтверждаютъ вашу же вѣру,—а другія—глупыми, ошибочными, потому что доказываютъ противъ вашей вѣры... А я читала, чтобы отыскать себѣ именно вѣру...

— Да, вы правы: тутъ многое зависитъ отъ вѣры,—согласился Роговъ, пораженный ея мыслью.

— Отчего же она есть у васъ, у Рахмарова, у Вѣры Павловны? Отчего ея нѣтъ у меня? Вы—счастливцы! А я, несчастная, „безъ догмата", и мнѣ не за что ухватиться! Какъ создать въ себѣ вѣру? Какъ?! Ну, говорите же! Вѣдь вы—докторъ, ученый, физіологъ! Ну, какъ? Вы скажете, пожалуй: „не надо думать"?! Но вѣдь это не значитъ чему-нибудь повѣрить, а только „не думать"!

— Нужно чувствовать,—сказалъ онъ:—нужно любить что-нибудь.

— Хорошъ отвѣтъ! Это я знала и безъ васъ! А какъ же заставить себя чувствовать? Какъ полюбить что-нибудь, когда не любится!

Онъ молчалъ, начиная сознавать, что въ борьбѣ между ними

остается побѣжденнымъ онъ, играетъ жалкую роль и все больше и больше падаетъ въ ея глазахъ.

— Вотъ, теперь я стала ѣздить въ школу. Я надѣялась, что полюблю дѣтей. И дѣти мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, кажутся милыми; мнѣ хочется ихъ рисовать; мнѣ даже теперь скучно безъ нихъ... Но вѣдь это оттого, что мнѣ вообще скучно, и нѣтъ никакого другого дѣла, которое бы я считала нужнымъ... Да и они мнѣ нравятся, пока это ново, не надоѣло... А потомъ?.. одно и то же, одно и то же, буквы, цифры, слова, лица... Да, я удивляюсь Вѣрѣ Павловнѣ: какъ она можетъ видѣть въ этомъ цѣль жизни?! Какое, наконецъ, мнѣ дѣло до того, грамотны ли ребята, или нѣтъ? И что же это за особенное лекарство отъ бѣдъ? Пусть даже они сдѣлаются отъ этого счастливѣе, а мнѣ-то что до этого? Я сама счастья хочу себѣ! Я хочу жить сама! Жить, чувствовать, пусть даже страдать, но страдать не отъ тоски, не отъ одиночества, не отъ отсутствія жизни, а отъ чего хотите,—но только не отъ мелкаго и ничтожнаго... А я задыхаюсь, я задыхаюсь! Я съ ума сойду или умру отъ этой мелкоты и пустоты!

Ему показалось, что онъ понимаетъ ее; но какъ дать ей все это, когда жизнь такъ мелка? „Необходимы палліативы,—подумалъ онъ, невольно входя въ роль врача:—нужно дать ей порядочное общество, разнообразіе, движеніе, хорошаго мужа, семью"...

— Быть можетъ, я могъ бы помочь вамъ, убѣдивъ Петра Петровича отпустить васъ въ губернскій городъ?.. Тамъ большой выборъ людей... наконецъ, развлеченія, театръ, балы...

Она изумленно посмотрѣла на него.

— Вы меня не такъ поняли,—проговорила она холодно:—вы вообразили, что мнѣ нужна свѣтская жизнь! Но я ее достаточно знаю и такъ, да и по книгамъ; она мнѣ противна. И какой же тамъ выборъ людей? Меня „вывозили" года два, и я видѣла этихъ людей... Быть можетъ, и тамъ есть настоящіе люди, но какъ до нихъ добраться? Гдѣ они тамъ? Я жила у тетки, занимающей видное мѣсто среди мѣстной аристократіи: она живетъ открыто, и я познакомилась со всѣми „сливками" губерніи. Но развѣ это люди? Это—или лощеные, пустоголовые шаркуны, или одурѣвшіе отъ сознанія своего достоинства администраторы, прокуроры, судьи... Видѣла я и адвокатовъ... Это—фейерверкъ громкихъ фразъ, но подъ ними слышится ложь, напускной жаръ, прикрывающій жажду наживы. Видѣла я и двухъ-трехъ педагоговъ, допускаемыхъ въ гостиныя, значитъ, самыхъ блестящихъ...

Это — какіе-то высушенные люди, точно ихъ замариновали... Нѣтъ, тамъ меня ничто не интересуетъ! И о какоиъ выборѣ вы говорите? Для чего? Чтобы найти себѣ мужа?! Но вѣдь я видѣла, и въ жизни, и въ книгахъ, что̀ такое бракъ! Еслибы я когда-нибудь встрѣтила человѣка, который помогъ бы мнѣ отыскать дѣло, захватывающее всю жизнь, я бы пошла за нимъ на край свѣта... Но выйти замужъ, чтобы узнать семейное счастье, котораго нѣтъ ни у кого?.. Вотъ хотя бы въ нашей семьѣ... Да и вездѣ, вездѣ, кого узнаешь ближе... Вѣдь это—только ложь, лицемѣріе, будто бы счастье въ семьѣ есть!.. Да еслибы оно и было,—я боялась бы замужства еще больше: страданія все-же могли бы меня вызвать на борьбу, а отъ семейнаго счастья я потеряла бы все человѣческое.

— Ваши вопросы очень серьезны и важны. И я одно могу сказать: я ихъ понимаю, я имъ сочувствую... Къ несчастью, они для меня довольно неожиданны: дайте мнѣ подумать... Я почти увѣренъ, что помогу вамъ... Дайте только время... Да, мнѣ не приходило въ голову такихъ вопросовъ... Я вѣрилъ,—и оттого мнѣ было все просто и ясно... Теперь вижу, что бываютъ и другія натуры. Будемъ думать вмѣстѣ...

— Ну, и за это спасибо!—сказала она, улыбнувшись:—мнѣ все еще кажется, что вы мнѣ поможете. Вдвоемъ легче справиться... И у васъ такое доброе сердце... И чистое!.. А это—большая сила!.. Ахъ, у меня... у меня этого нѣтъ!.. И какое это несчастіе!..

XVII.

Рахмаровъ сильно тревожился за Вѣру Павловну, замѣчая, что ея расположеніе духа становится все хуже и хуже послѣ ихъ объясненія въ бесѣдкѣ. Знакомство съ Соней Лопатиной лишь на одинъ день сдѣлало ее веселѣе, но затѣмъ все пошло по прежнему.

Предполагая, что ей будетъ лучше, когда она переселится въ свою усадьбу, Рахмаровъ быстро привелъ къ концу передѣлки, начатыя тамъ, и сказалъ объ этомъ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Значитъ, мнѣ можно и переѣхать? — спросила она печально.

— Да, тамъ все готово...

— А какъ же дѣти? Вѣдь, пожалуй, не будутъ отсюда ходить ко мнѣ?.. Особенно зимой, въ метели... А я такъ ихъ полюбила и привыкла къ нимъ... И знаете, что̀ еще? Мнѣ просто

страшно подумать о двухъ вещахъ: что я буду тамъ совсѣмъ одна... и что вы здѣсь тоже останетесь совсѣмъ одни... Не подождать ли? Вѣдь, Марья Семеновна теперь, кажется, успокоилась?

— Да, да!—отвѣтилъ онъ и солгалъ, въ чемъ Лядова скоро убѣдилась. Ему показалось невозможнымъ сказать ей правду послѣ того, что онъ сейчасъ отъ нея услышалъ. Одно только Рахмарову было ясно: что для Лядовой необходимо болѣе задушевное общество, чѣмъ общество Софьи Петровны. Никого лучше Рогова не могло отыскаться для этой цѣли. Рахмаровъ долго думалъ: отчего онъ не является? „Неужели можно помнить до сихъ поръ несчастную фразу, сорвавшуюся тогда у меня?... Вѣдь я загладилъ ее и даже кое-что сдѣлалъ для него?.. Поѣду къ нему первый, — рѣшилъ онъ: — пусть это непріятно для моего самолюбія, но вѣдь это я сдѣлаю для Вѣры“...

Роговъ былъ очень изумленъ, когда однажды вечеромъ къ нему явился Петръ Григорьевичъ и началъ свой визитъ словами:

— Не удивляйтесь, что я прихожу къ вамъ первый. Вы такъ рѣшительно не показываетесь къ намъ, что я боюсь—вы еще не простили мнѣ неосторожнаго слова, сорвавшагося въ Петербургѣ. Если такъ, то я, хотя и невольно, виноватъ. А разъ виноватъ, надо искупить вину. Вотъ, я и пришелъ первый... протягиваю руку и говорю: насъ здѣсь мало! Забудемъ же все личное! Будемъ сходиться, будемъ думать сообща, какъ лучше жить и работать при данныхъ условіяхъ.

— Горячо принимаю вашу руку!—съ искреннимъ порывомъ сказалъ Роговъ.—Но вы ошиблись въ одномъ: я давно призналъ виновнымъ не васъ, а себя. И вотъ, мнѣ было стыдно идти къ вамъ! Сознаюсь, что это—мелкое, недостойное самолюбіе, и очень раскаяваюсь.

Рахмаровъ просидѣлъ у Рогова часа два, разсказывая о школѣ, о попыткахъ объяснительныхъ чтеній съ фонаремъ. Онъ много толковалъ о Вѣрѣ Павловнѣ, о томъ, что она скучаетъ, что очень одинока. Упомянулъ, что она не знала до сихъ поръ личной жизни, но въ Петербургѣ, среди шума и движенія, не замѣчала этого, а теперь, кажется, замѣтила.

Говорили и о Софьѣ Лопатиной, о ея отрицательномъ отношеніи къ книгамъ, объ ея озлобленности, о необходимости для нея общества, поѣздки въ Петербургъ, знакомства съ молодежью.

— Вотъ, подумаемъ всѣ сообща, какъ бы ей это устроить. Приходите, Иванъ Захаровичъ! Образуемъ нѣчто въ родѣ союза деревенскихъ интеллигентовъ.

Роговъ собирался на другой же день отправиться въ Рахмаровку, но за нимъ безпрестанно присылали больные изъ деревень. На третій день отъ Рахмарова была получена записка:

„У меня заболѣлъ ребенокъ. Пріѣзжайте не медля“.

Когда Роговъ подъѣзжалъ къ его усадьбѣ, молодой парень, встрѣтившійся на дворѣ, сказалъ:

— Они живутъ вотъ здѣсь, — онъ указалъ на крылечко съ правой стороны большого дома:—только сейчасъ ушли къ больному мальчику на деревню.

— Больного-то и нужно мнѣ,—отвѣтилъ Роговъ:—ты меня прямо туда и проведи.

— Тутъ черезъ паркъ пройти можно. Пожалуйте за мной! —сказалъ парень, помогая Рогову выйти изъ тарантаса.

Они прошли черезъ дворъ мимо флигеля, гдѣ была школа.

— Здѣсь и живетъ Вѣра Павловна?—спросилъ Роговъ.

— Здѣсь-съ. Да онѣ что-то нездоровы сегодня. Даже классовъ не было...

Когда они вошли въ паркъ и сдѣлали нѣсколько шаговъ по аллеѣ, Роговъ увидѣлъ Рахмарова, вышедшаго слѣва имъ навстрѣчу.

— А, слава Богу! Вотъ и вы! — воскликнулъ Петръ Григорьевичъ. — Ну, ты иди домой, а я самъ провожу доктора,— обратился онъ къ парню.

Роговъ замѣтилъ, что онъ очень смущенъ.

— Я долженъ васъ предупредить, Иванъ Захаровичъ,—началъ Рахмаровъ, когда они остались вдвоемъ:—больной ребенокъ —мой сынъ. Вы уже, конечно, слышали о моей исторіи?..

— Да, слышалъ,—отвѣтилъ Роговъ.

— Я спѣшилъ предупредить васъ объ этомъ: быть можетъ, вамъ придется быть свидѣтелемъ не особенно пріятныхъ разговоровъ.

Они свернули налѣво и по узенькой дорожкѣ дошли до пролома въ стѣнѣ, заваленнаго грудой кирпичей, поросшихъ бурьяномъ. Черезъ проломъ они вышли на небольшую поляну, въ глубинѣ которой стоялъ домикъ въ три окна, съ крылечкомъ.

Рахмаровъ осторожно стукнулъ въ дверь. На порогѣ показалась женщина лѣтъ за тридцать-пять, съ отцвѣтшимъ лицомъ; на вискахъ и лбу выступали коричневыя пятна. Голова не была ничѣмъ покрыта, и жидкая рыжеватая коса обвивала затылокъ кольцомъ, укрѣпленнымъ шпильками, торчащими наружу. Одѣта она была въ полинявшее ситцевое платье, сшитое не по-дере-

венски, а въ родѣ капота, съ оборочками и двумя рядами пуговицъ напереди, отъ горла до подола.

„Такъ вотъ она какая, эта „баринова Марья Семеновна“!—подумалъ Роговъ. Въ уѣздѣ ни для кого не было тайной, что Рахмаровъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, разойдясь съ женой, сошелся въ Сибири съ крестьянкой; что онъ пробовалъ учить ее, отправлялъ въ Москву, гдѣ она получила дипломъ акушерки, и имѣлъ отъ нея полдюжины дѣтей.

— Вотъ, Маша, я привелъ къ Васѣ доктора,—сказалъ Рахмаровъ.—Рекомендую: зовутъ Иванъ Захаровичъ.

Маша подала Рогову руку, и, пропуская ихъ въ комнату, сказала:

— Покорно прошу.

— Ну, что? Не лучше?—шопотомъ спросилъ Рахмаровъ.

— Куда тамъ!—сердито отвѣтила Марья Семеновна.—Давно бы надо доктора позвать! А теперь запустили! Измучилъ онъ меня совсѣмъ! И день, и ночь мечется! Ужъ какой бы ни будь одинъ конецъ! Думаю, не дифтеритъ ли?.. Еще и другія дѣти заболѣютъ...

— Вы ихъ, конечно, отдѣлили?—спросилъ Роговъ.

— Да, они въ моей „берлогѣ“, — отвѣтилъ Рахмаровъ. — Боюсь, чтобы и въ школу не занесли. А вѣдь раньше звать доктора ты же сама не хотѣла!—сказалъ онъ Машѣ.

Комната, въ которую они вошли, служила прихожей и кухней, съ большой русской печью. Въ ней было душно и грязно. Въ ведрѣ, около двери, стояли помои, издававшіе зловоніе. Въ слѣдующей комнатѣ по стѣнамъ, оклееннымъ обоями, висѣли олеографіи; на окнахъ были занавѣски и цвѣты. Между окнами —столъ, покрытый клеенкой, на которомъ Роговъ замѣтилъ разорванную четвертку табаку, брошенную на старую газету, и листки папиросной бумаги.

Осмотрѣвъ мальчика, лежавшаго за ситцевой занавѣской, раздѣлявшей комнату, Роговъ нашелъ, что у него простая жаба, хотя и не легкая форма. Пока онъ давалъ совѣты и писалъ рецептъ, Марья Семеновна скрутила пальцами папиросу, лизнула край бумаги языкомъ, склеила ее и закурила, присѣвъ къ столу.

— Ну, мальчику было бы лучше, еслибы вы здѣсь не курили,—замѣтилъ Роговъ.—Да и вообще, воздухъ нужно держать чище. Я замѣтилъ въ кухнѣ грязное ведро... Вы вѣдь должны знать гигіену,—учились акушерству.

— Ахъ, батюшки!—воскликнула Маша раздраженнымъ голосомъ:—у меня вѣдь нѣтъ ни горничныхъ, ни кухарокъ! Пусть

ихъ себѣ Вѣра Павловна заводитъ! А я дни, и ночи съ больнымъ ребенкомъ одна вожусь! Нашли, чѣмъ попрекнуть, — куреньемъ! Я имъ только и поддерживаю себя въ этой трущобѣ!..

Голосъ ея изъ злобнаго перешелъ въ плаксивый.

— Да вѣдь я же просилъ тебя, Маша, взять себѣ кого-нибудь на помощь!—сказалъ Рахмаровъ почти молящимъ тономъ, поразившимъ Рогова своимъ несоотвѣтствіемъ съ его фигурой.

— Возьми-ка! Вѣдь даромъ работать никто не станетъ!

— Да я заплачу!

— Знаю я эти платежи! У самихъ денегъ никогда нѣтъ!.. Ужъ не говорили бы лучше, не бередили моего сердца!

Она погасила папиросу, придавивъ ее о подоконникъ, и сердито пошла за занавѣску, гдѣ ребенокъ кричалъ благимъ матомъ и звалъ ее.

— Ну, чего тебѣ?! Опостылѣлъ, окаянный!—крикнула Марья Семеновна и стала громко всхлипывать.—Судьба моя проклятая! Ни покою, ни пищи, ни удовольствія!.. За что̀ молодость сгубила!.. На учительшу есть деньги, а тутъ хоть съ голоду околѣвай!.. Растреклятая жизнь!

Рахмаровъ, поблѣднѣвъ, всталъ со стула. Его черные глаза сверкали гнѣвомъ изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей. Большія чувственныя губы дрожали, но онъ сдержалъ себя:

— Уйдемте! Она сумасшедшая!—сказалъ онъ, тяжело дыша: —ей не стоитъ возражать!

Когда они вышли, онъ заговорилъ, конфузясь, какъ юноша:

— Васъ, конечно, поразила эта отвратительная сцена. Но не подумайте очень дурно объ этой несчастной. Она, дѣйствительно, измучилась эти дни... И она отчасти права: у меня почти никогда нѣтъ денегъ. Что̀ дѣлать! Отъ хозяйства я отсталъ, землю отдаю крестьянамъ, а требовать съ нихъ аккуратной уплаты духу не хватаетъ. Да тутъ и не въ деньгахъ дѣло. Когда мы жили съ нею за Ураломъ, бѣдствовали еще и не такъ, но я не видѣлъ большей выносливости, терпѣнія, способности къ труду и здороваго веселья, какъ у нея! Тутъ вся бѣда въ другомъ: вы могли уже понять изъ ея словъ, что она ревнуетъ меня къ Вѣрѣ Павловнѣ... Это—настоящее безуміе!

— Ну, дѣла!—печально сказалъ Иванъ Захаровичъ.—Вѣдь, это ужасное положеніе! Ахъ, бѣдная Вѣра Павловна,—сколько она должна была выстрадать! Говорятъ, она больна? Что̀ съ нею? Не нужна ли моя помощь?

— Утромъ я посылалъ узнать, и горничная сказала, что сильная головная боль; не спала уже три ночи... Хорошо, если

только нервы. Когда я велѣлъ спросить, не нужно ли послать за вами,—она рѣшительно воспротивилась, но, можетъ быть, теперь, зная, что вы уже здѣсь, она и пожелаетъ посовѣтоваться съ вами. Я спрошу горничную.

Рахмаровъ вошелъ въ школу, а Роговъ остался ждать, присѣвъ на крыльцѣ. Теперь, когда Вѣра Павловна была такъ близко, да еще страдающая, больная, онъ сильно желалъ, чтобы она приняла его. Вспомнилась ему ихъ встрѣча на студенческомъ праздникѣ, поразившая его идеальная чистота выраженія ея глазъ и лица... И затѣмъ, вечеромъ у нея: нѣсколько дружескихъ ласковыхъ словъ въ уголку гостиной, когда она подала сама ему чай, присѣла около него и заговорила такъ искренно, такъ печально...

Рахмаровъ появился на крыльцѣ.

— Она хочетъ васъ видѣть,—сказалъ онъ:—а я пойду распоряжусь, чтобы съѣздили за лекарствомъ. Нѣтъ, лучше подождать: быть можетъ, и Вѣрѣ Павловнѣ понадобится что-нибудь. Буду ждать васъ у себя во флигелѣ.

— Лучше идите къ больному и велите тамъ хорошенько очистить воздухъ. Я туда зайду,—сказалъ Роговъ.

Онъ почувствовалъ, что волнуется, когда Маша вела его къ больной Вѣрѣ Павловнѣ черезъ классную, затѣмъ по маленькому корридорчику и, наконецъ, оставивъ въ гостиной и прося подождать, сама исчезла за портьерой въ слѣдующей комнатѣ.

Оглядывая эту маленькую, уютную гостиную, устланную коврами, Роговъ думалъ, что въ ней все носило отпечатокъ хозяйки. Вотъ въ этомъ низенькомъ креслѣ она, вѣроятно, любитъ сидѣть и думать... Тамъ, въ уголку, за письменнымъ столомъ, она работаетъ...

— Барышня просятъ, — сказала Маша, появившись снова въ дверяхъ и раздвинувъ тяжелыя портьеры.

Въ комнатѣ, служившей спальной, былъ полусвѣтъ отъ спущенныхъ занавѣсей... Вѣра Павловна сидѣла въ глубокомъ креслѣ, кутаясь въ сѣрый теплый платокъ. Пахло уксусомъ и одеколономъ.

Рогова поразила перемѣна въ ея лицѣ: она сильно похудѣла, и въ глазахъ, несмотря на усиліе встрѣтить его улыбкой, чувствовалось страданіе и сильное горе.

— Вотъ какъ намъ пришлось увидѣться!—слабымъ голосомъ сказала она, протягивая ему свою похудѣвшую горячую руку.—Не думала я, что придется быть вашей паціенткой для первой встрѣчи.—Голосъ ея нервно вибрировалъ, и Роговъ подумалъ, что она каждую минуту можетъ заплакать.

— Да, я очень виноватъ передъ вами!.. Но оправдываться буду послѣ... Впрочемъ, для меня и оправданій нѣтъ! Я, въ самомъ дѣлѣ, страшно виноватъ... А прежде всего давайте лечиться...

Черезъ четверть часа, когда были пущены въ ходъ кое-какія лекарства изъ дорожной аптечки Рогова, Лядова стала покойнѣе и спросила:

— Отчего же вы не ѣхали такъ долго? Вѣдь, конечно, не одни дѣла были причиной? Да?

— Причиной, и главной, была моя глупая застѣнчивость... Даю вамъ честное слово!.. Я такъ нелѣпо велъ себя тогда съ Петромъ Григорьевичемъ у васъ на вечерѣ! А онъ, наоборотъ, былъ... ко мнѣ... очень добръ.

Лядова невольно улыбнулась на это признаніе: въ немъ было столько искренности, почти дѣтски-наивной, что она не удержалась и сказала:

— Въ первый разъ вижу человѣка, который такъ просто кается въ своемъ недостаткѣ! А мнѣ пришло въ голову, что вы не ѣдете совсѣмъ по другой причинѣ,—что вы перешли въ другой лагерь...—Она сообщила ему о письмѣ фребелички.

Этотъ разсказъ пробудилъ въ немъ полемическій задоръ противъ „новаго“ направленія, задоръ, заглохшій въ деревнѣ.

— Вотъ, вотъ что̀ „они“ дѣлаютъ! Здѣсь рукъ нѣтъ, и Богъ знаетъ что̀ творится, а „они“ отвлекаютъ отъ деревни работниковъ! Еслибы вы знали, что̀ я видѣлъ эти дни! Представьте вы себѣ картину деревни, гдѣ, вслѣдствіе невѣжества, вымерли въ нѣсколько дней почти всѣ ребята! Всѣ!! Поймите вы этотъ ужасъ! Подумать страшно!

Онъ яркими красками началъ рисовать передъ ней то, что̀ видѣлъ въ Парменовѣ и въ другихъ деревняхъ за эти дни. Разсказалъ о веневитинскихъ кустаряхъ, о старухѣ, „бьющейся на крыльцѣ въ конвульсивныхъ рыданіяхъ“, и пр., и пр. И вдругъ, въ концѣ своего разсказа онъ вспомнилъ, что, вернувшись домой послѣ этихъ сценъ, онъ далеко не такъ сильно волновался по поводу ихъ, какъ теперь, передъ Вѣрой Павловной, и даже не написалъ въ тотъ же вечеръ въ управу, думая гораздо больше о положеніи Софьи Лопатиной, чѣмъ о мужикахъ...

Ему стало грустно: „Да неужели я только рисуюсь передъ нею? Какъ же это такъ? Вѣдь сейчасъ я вполнѣ искренно волновался“.

Но этотъ моментъ молодого самобичеванія забылся, когда

Лядова сообщила ему свои огорченія послѣднихъ дней, хотя не рѣшилась заговорить о Марьѣ Семеновнѣ.

— Я знаю, что у васъ есть еще одна непріятность,—сказалъ онъ:—Вы о ней умолчали, но о ней-то и надо потолковать серьезно...

Лядова отвѣтила не сразу.

— Я вамъ скажу все,—заговорила она наконецъ.—Только ему объ этомъ ни слова: если онъ узнаетъ, Богъ вѣсть что изъ этого произойдетъ! Я получила анонимное письмо: думаю, что его написала она. Ужасное письмо!.. Я изорвала его, и теперь жалѣю. Вы помогли бы мнѣ понять его. Она мнѣ чѣмъ-то угрожаетъ, если я не уѣду немедленно...

Роговъ всталъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ, проговоривъ:

— Ну, положеніе! Нечего сказать!

Походивъ немного, онъ сказалъ:

— И какое было легкомысліе съ его стороны сойтись съ такой особой! Все это—идеи шестидесятыхъ годовъ, съ ихъ легкимъ взглядомъ на женщину!..

— Не говорите этого о немъ!—сказала Вѣра Павловна, покраснѣвъ.—Вы его совсѣмъ не знаете! Идеи шестидесятыхъ годовъ тутъ виноваты развѣ тѣмъ, что заставляютъ его черезчуръ строго выполнять свои обязанности относительно женщины, не стоющей этого, и нести ужасныя жертвы ради дѣтей!.. То, что другимъ не стоитъ никакихъ угрызеній совѣсти, и что не только его предки, но любой свѣтскій человѣкъ въ наше время считаетъ забавой, то для него—роковой вопросъ всей жизни! Какъ вы можете осуждать шестидесятые годы! Это—время пробужденія нашей совѣсти, высочайшаго ея подъема! Это мы видимъ теперь, когда совѣсть опять упала...

— Вы правы!—сказалъ Роговъ.—Простите! Это я бухнулъ, не подумавъ. Но что же вамъ дѣлать? Вернуться въ Петербургъ?

— Ни за что!—рѣшительно отвѣтила Вѣра Павловна.—Мнѣ тамъ нечего дѣлать, а здѣсь я нужна, я убѣдилась въ этомъ и много объ этомъ передумала...

— Быть можетъ, вамъ лучше перебраться въ свою усадьбу, какъ вы думали вначалѣ?

— Это едва ли поможетъ, если Петръ Григорьевичъ будетъ посѣщать меня. Пожалуй, даже хуже будетъ... Нѣтъ, все это не то!.. А, вотъ, еслибы можно было убѣдить эту несчастную—не думать обо мнѣ дурно. Вѣдь она сама страдаетъ ужасно... Это могъ бы только человѣкъ посторонній... Я не боюсь опас-

ности. Меня мучитъ то, что я невольно служу причиной ея страданій... Если будетъ такъ,—лучше все бросить...

— Я еще буду у нея сегодня и попробую поговорить; этого откладывать нельзя,—сказалъ Роговъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Вы зайдете ко мнѣ оттуда?—спросила Вѣра Павловна.

— Непремѣнно... Вамъ необходимо немедленно рѣшить вопросъ—оставаться ли дольше здѣсь... Значитъ, до свиданія. Мы еще увидимся.

XVIII.

Роговъ засталъ Рахмарова у Марьи Семеновны.

Чтобы удалить его и остаться съ ней глазъ на глазъ, онъ сказалъ, что необходимо немедленно послать къ фельдшеру за лекарствомъ: у Лядовой-де очень серьезное разстройство нервовъ отъ всякихъ непріятностей, безсонныхъ ночей и непосильной работы... При этомъ Роговъ строго посмотрѣлъ на Марью Семеновну.—Но я еще поговорю съ вами объ этомъ,—добавилъ онъ:—нужно будетъ принять мѣры, чтобы у нея было больше покоя: ея положеніе меня тревожитъ.

Марья Семеновна поблѣднѣла, но выдержала его упорный взглядъ съ вызывающимъ видомъ. Когда Рахмаровъ ушелъ, Роговъ обратился къ ней:

— Это вы написали Вѣрѣ Павловнѣ угрожающую записку?

— А еслибы и я! Какое вамъ дѣло?

— Двойное дѣло; во-первыхъ, дѣло врача: она отъ этой записки заболѣла, и если съ нею случится что-нибудь, я этого письма вамъ такъ не оставлю. А во-вторыхъ, всякій порядочный человѣкъ долженъ заступиться за беззащитную дѣвушку, которую несправедливо оскорбляютъ и мучатъ...

— Несправедливо?! Ха-ха-ха! И сколько же это у нея-то защитниковъ? Вѣдь у нея уже есть защитникъ...

— Вы лжете! Вы клевещете!—крикнулъ Роговъ, но тотчасъ же спохватился, вспомнивъ о больномъ ребенкѣ.

— Вы у меня здѣсь не кричите!—блѣднѣя и сверкая глазами, сказала Марья Семеновна.—Меня не испугаете! Я и не въ такихъ передѣлкахъ бывала, и не такихъ гусей лапчатыхъ, какъ вы, въ шею выпроваживала!.. Извольте говорить вѣжливо, если ужъ вмѣшались въ чужое дѣло между мужемъ и женой! А мнѣ Петръ Григорьевичъ тотъ же мужъ! У насъ дѣти!

Роговъ понялъ, что съ ней ничего нельзя сдѣлать запугиваніемъ, и перемѣнилъ тонъ.

— Простите меня!—сказалъ онъ.—Я дѣйствительно забылся! Но еслибы вы знали, какъ я уважаю эту дѣвушку, какъ высоко ставлю ее!

— Есть кого высоко ставить!! Зачѣмъ она сюда явилась? Какъ у нея совѣсти хватило отбивать у дѣтей отца? И прилично ли ей, генеральской дочери, здѣсь жить?! Ну, наша доля таковская, мужицкая! А вѣдь она—не мы!.. Чего ей въ Петербургѣ-то не сидѣлось, шутъ бы ее побралъ!

— Удивляюсь я вамъ!—возразилъ Роговъ.—Вы столько времени близки къ Петру Григорьевичу, учились, читали вмѣстѣ хорошія книги, а не понимаете, для чего сюда пріѣхала Вѣра Павловна! Вы не знаете, что въ Россіи есть хорошіе люди, старающіеся уплатить свой долгъ народу полезной работой для него? Вы не знаете, что эти люди любятъ народъ?! И вы сами вышли изъ народа, а этого не хотите понять! Вы должны бы имъ сочувствовать, желать, чтобы этихъ людей, ѣдущихъ въ деревню, было больше, а вы ихъ отсюда гоните!

— Чего мужиковъ любить-то! Мужланы, пьянчуги, воры! Однимъ словомъ, свиньи! Ихъ драть хорошенько, а не учить!

— Господи, что̀ вы только говорите, Марья Семеновна!

— И не вѣрю я всѣмъ этимъ миндальничаньямъ! Совсѣмъ она не для того сюда ѣхала! Знаемъ мы! Да что̀ толковать! Пусть убирается отсюда, а не то плохо ей будетъ! Вотъ вамъ мое послѣднее слово! Меня не запугаете, говорю вамъ!

— А если я Петру Григорьевичу разскажу о вашемъ письмѣ и угрозахъ?

— Ну, и сдѣлайте одолженіе! Какъ я испужалась! Я сама ему говорила то же: жива, молъ, не буду, а ужъ ея здѣсь не потерплю!..

— Марья Семеновна, да побойтесь вы Бога! Вѣдь вы ее не знаете совсѣмъ: она святая! Ей и въ голову не можетъ придти того, что̀ вы говорите! Она доброе дѣло дѣлать хочетъ! Наконецъ, они вѣдь родственники! Школу она на свой счетъ содержать будетъ!

— Вы мнѣ зубы-то не заговаривайте! Нѣтъ, нашего брата этимъ не проведешь! Нешто я не вижу, что онъ отъ меня рыло воротитъ съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала! И то у меня нехорошо, и другое плохо! И грязно-то я одѣта, и дѣтей воспитываю не такъ, и все не по немъ! А прежде любилъ!

— Да увѣряю же васъ!.. Ничего между ними нѣтъ!

— Напрасно увѣряете! Если теперь нѣтъ, такъ будетъ! Да что̀ толковать! Жить я не могу, пока она здѣсь! Ночи ни одной

не спала, какъ почуяло мое сердце! Жить не могу! Либо надъ ней, либо надъ собой что ни на есть сдѣлаю!

Марья Семеновна стукнула ладонью по столу и заплакала злобно, съ всхлипываньями.

„Она сама больна", подумалъ Роговъ и предложилъ ей успокоительныхъ капель.

— Ну васъ къ шуту съ вашими каплями!—крикнула сквозь слезы хозяйка:—пусть убирается отсюда, вотъ и будутъ капли!..

Послышались шаги Рахмарова на подъѣздѣ.

— А его я не боюсь! Можете ему говорить все, что хотите! Мнѣ теперь море по колѣно!

И, крикнувъ это, она ушла за занавѣску.

— Нѣтъ, ужъ пусть онъ лучше не знаетъ!—сказалъ Роговъ.—Я какъ-нибудь это устрою. Только не дѣлайте вы ему скандала! Пожалѣйте его... Вѣдь хоть немножко-то вы его любите?

Разговоръ пришлось прекратить, такъ какъ Рахмаровъ вошелъ въ комнату. Не видя Марьи Семеновны, которая затихла послѣ словъ Рогова и перестала всхлипывать, Рахмаровъ спросилъ тревожно:

— А что? Или Васѣ хуже?

— Нѣтъ!—сказалъ Роговъ.—Да вы успокойтесь: опасности нѣтъ никакой... Ну-съ, а я обѣщалъ еще разъ зайти къ Вѣрѣ Павловнѣ. Быть можетъ, вы меня проводите? Теперь темно, и я, пожалуй, не найду дороги.

Они вышли.

— Петръ Григорьевичъ!—заговорилъ Роговъ, когда они вошли въ аллею:—необходимо немедленно что-нибудь сдѣлать, чтобы оградить Вѣру Павловну отъ непріятностей... Я серьезно боюсь за ея здоровье... Или ей надо уѣхать немедленно, или удалить Марью Семеновну... И какъ вы этого не предвидѣли?

— Мнѣ въ голову не могло придти, что такъ выйдетъ. Марья Семеновна была даже довольна, что я открываю школу, и противъ пріѣзда Вѣры Павловны ничего не имѣла... Мнѣ думается, ее оскорбило то, что я ихъ сразу не познакомилъ... Она мечтала, кажется, что Вѣра будетъ принимать ее, какъ мою жену...

— Такъ отчего же вы этого не сдѣлали?

— Думалъ сперва сдѣлать, да показалось неловко все сразу объяснить Вѣрѣ... Все откладывалъ...

— Однако, надо рѣшиться на что-нибудь, и какъ можно скорѣе...

— Видите ли, Иванъ Захаровичъ: у меня есть еще одна надежда; отъ этого я и медлилъ: сюда собирается пріѣхать моя жена съ дочерью... Когда Марья Семеновна узнала отъ меня объ этомъ, она ужасно плакала и рѣшительно заявила, что уйдетъ съ дѣтьми, куда глаза глядятъ... У нея свои особенныя понятія и, пожалуй, отчасти вѣрныя! Она говоритъ, что при женѣ не должна оставаться тутъ, а тѣмъ больше при моей дочери, почти взрослой, которая все понимаетъ... Я не возражалъ ей... Можно дать ей для дѣтей обезпеченіе...

— Ну, такъ устраивайте скорѣе этотъ пріѣздъ! Телеграфируйте женѣ... Объявите Марьѣ Семеновнѣ, что жена на дняхъ пріѣдетъ... Нельзя же такъ оставлять дѣло...

Рахмаровъ ничего не отвѣтилъ и шелъ молча.

— Такъ какъ же?—спросилъ Роговъ, когда они подошли къ школѣ.—Какой мнѣ дать совѣтъ Вѣрѣ Павловнѣ?

— А такой, какъ мы сейчасъ говорили: ей слѣдуетъ остаться. Марьѣ Семеновнѣ я скажу, что она уѣдетъ. Буду писать и телеграфировать женѣ... Быть можетъ, объясню ей все... Она порядочный человѣкъ и пойметъ... Надо достать ей денегъ на дорогу изъ Швейцаріи... Долговъ у нея тамъ порядочно... Скоро этого не устроишь... Развѣ Севрюгинъ дастъ?.. Попробую... Вы зайдете ко мнѣ отъ Вѣры Павловны? Еще разъ обсудимъ, и рѣшимъ окончательно.

Зайдя къ Вѣрѣ Павловнѣ, Роговъ, насколько могъ, старался успокоить ее. Онъ сообщилъ ей,—даже немножко раскрасивъ,—планъ Рахмарова; разсказалъ и главные моменты разговора съ Марьей Семеновной; обѣщалъ заѣзжать каждый день и посовѣтовалъ на нѣкоторое время не заниматься въ школѣ и отдохнуть, аккуратно принимая лекарства.

Черезъ полчаса онъ входилъ къ Рахмарову.

Двѣ комнаты, которыя тотъ занималъ въ старомъ домѣ, въ прежнее время служили для помѣщенія пріѣзжихъ гостей. Онѣ сохранили тотъ видъ, какой имѣли въ старину. Въ комнатѣ, которая была побольше, стоялъ широкій турецкій диванъ, порядочно потертый. Передъ нимъ—большой круглый столъ; по стѣнамъ—нѣсколько стульевъ. Между окнами—письменный столъ огромныхъ размѣровъ. Весь полъ былъ завален грудами книгъ. Въ другой комнатѣ стояла желѣзная кровать, шкапы съ книгами—и только.

— Привезли лекарство,—сказалъ Рахмаровъ,—и фельдшеръ прислалъ вамъ письма, полученныя съ земской почты... Вася! Дай намъ скорѣе чаю!.. Есть и ко мнѣ письмо. Отъ пасынка,

Бѣлоконскаго. Онъ устроился при здѣшнемъ окружномъ судѣ кандидатомъ на судебныя должности и уже исправляетъ должность слѣдователя. Собирается и у меня побывать, когда пріѣдетъ его мать.

Рахмаровъ усадилъ Рогова на диванъ и подалъ ему письмо: адресъ былъ написанъ незнакомымъ Рогову женскимъ почеркомъ.

Молодой парень, котораго Роговъ видѣлъ раньше, покрылъ столъ довольно грязной скатертью и принесъ на подносѣ два стакана чаю.

Иванъ Захаровичъ, раскрывъ письмо, прежде всего взглянулъ на подпись:

— Протасова? Кто же это такая Протасова?! Ахъ, Боже мой, да вѣдь это жена доктора! Вотъ не ожидалъ отъ нея посланія, да еще такого длиннаго!..

Протасова писала, что въ городѣ устроивается спектакль. Пойдетъ „Доходное мѣсто“; она будетъ играть Полину, а Жадова — акцизный чиновникъ, очень развитой и симпатичный молодой человѣкъ... Играетъ прелестно! Было уже двѣ репетиціи. Роговъ непремѣнно долженъ быть на спектаклѣ. Его присутствіе необходимо для того, чтобы поддержать это дѣло на будущее время. Онъ, какъ человѣкъ новый и свѣжій, воодушевитъ всѣхъ... Наконецъ, она „желаетъ“, она „требуетъ“, чтобы онъ пріѣхалъ оцѣнить ея талантъ. Кромѣ него, „никто не можетъ быть компетентнымъ судьей!“ и т. д., и т. д.

Въ постскриптумѣ она дополняла, что спектакль назначенъ въ дни земскаго собранія, когда Рогову слѣдуетъ и безъ того пріѣхать: она слышала отъ предсѣдателя, что будутъ доложены два его доклада, — одинъ о постоянныхъ кроватяхъ, а другой — о ссудѣ кустарямъ... „Какъ я вамъ сочувствую! Я вездѣ агитирую въ пользу вашихъ докладовъ!“

Роговъ, прихлебывая чай и улыбаясь, передалъ содержаніе письма Рахмарову.

— А что-жъ? И это недурное дѣло, — сказалъ тотъ: — все же публика, никогда ничего не читавшая, познакомится съ такимъ типомъ, какъ честный молодой Жадовъ, посмѣется надъ Юсовымъ, Бѣлогубовымъ... А вѣдь и въ городѣ ихъ не мало... Хорошо, еслибы они и купеческій бытъ шевельнули... Я совѣтую вамъ поѣхать, и даже было бы недурно, еслибы вы повліяли на выборъ ими пьесъ.

— Я, пожалуй, поѣду... А кстати, не посовѣтовать ли и Софьѣ Петровнѣ отправиться на этотъ спектакль?.. Все-же разнообразіе...

— Посовѣтуйте, — сказалъ Рахмаровъ:—хотя это, конечно, палліативы...

Часа черезъ два послѣ отъѣзда Рогова, Рахмарову принесли письмо отъ Вѣры Павловны, въ которомъ она просила его подумать хорошенько надъ нижеслѣдующимъ ея проектомъ: „Необходимо,—писала она о Марьѣ Семеновнѣ,—сдѣлать все, чтобы до пріѣзда вашей жены эта несчастная женщина страдала какъ можно меньше отъ моего присутствія. Изъ разсказа Рогова я увидѣла, что она васъ любитъ, что эта ревность—не корысть. Теперь эта мысль, что она страдаетъ отъ моего пребыванія здѣсь (хотя и вслѣдствіе своей ошибки) способна свести меня съ ума. Помните, когда я имѣла поводъ опасаться за полную чистоту вашей дружбы ко мнѣ, я готова была бѣжать немедленно. Теперь, когда я въ этомъ отношеніи вполнѣ покойна, я не уступила бы никакой опасности; я вовсе не труслива; я не побоялась бы ни общественнаго мнѣнія и ничьихъ угрозъ. Но мысль, что я—хотя и невольно — доставляю страданіе, мнѣ просто невыносима. Какъ ни дорого мнѣ дѣло, взятое на себя, какъ мнѣ ни дороги дѣти, къ которымъ я горячо привязалась (быть можетъ потому, что у меня никогда не было да и не будетъ своихъ), я бросила бы все, еслибы не надѣялась на скорый пріѣздъ вашей жены и не думала, что тогда все измѣнится, а что до тѣхъ поръ можно успокоить бѣдняжку тѣмъ, что мы вовсе не будемъ видѣться съ вами. Еслибы вамъ хотѣлось что-нибудь сообщить мнѣ, подѣлиться со мною какимъ-нибудь горемъ или тревогой, пишите мнѣ такъ же, какъ я вамъ пишу теперь. Вотъ и весь мой проектъ. И вотъ еще что, если только я смѣю говорить объ этомъ: быть можетъ, вы невольно раздражены на бѣдняжку; быть можетъ,—менѣе ласковы съ нею, чѣмъ были прежде... Если такъ, то пожалѣйте ее, подумайте, какъ она должна страдать! И можно ли винить ее за это? Вамъ слѣдовало съ самаго начала познакомить меня съ нею, и я увѣрена, что полюбила бы ее горячо, какъ сестру, уже за одно то, что она помогала вамъ переносить тягость жизни въ самыя трудныя минуты вашей жизни вдали отъ родины и любимаго дѣла. Значитъ, вы сами виноваты въ томъ, что она теперь страдаетъ. Такъ полюбите же ее за это еще сильнѣе, чѣмъ любили прежде, полюбите за свою вину, за страданіе, которое вы ей причинили“...

XIX.

Возвратившись изъ Рахмаровки, молодой врачъ почувствовалъ себя совершенно измученнымъ и больнымъ отъ той нелѣпой путаницы отношеній, въ которой ему невольно пришлось играть дѣятельную, но безнадежную роль сочувственника и распутывателя. Хотя въ душѣ онъ и выбранилъ эту путаницу „барской канителью", хотя и старался взглянуть на нее „съ высоты своихъ взглядовъ", какъ на „вздоръ, созданный барскимъ безволіемъ и сытостью", но былъ уголокъ въ его сердцѣ, который подсказывалъ, что у этого вздора есть очень серьезная подкладка, заслуживающая глубокой симпатіи.

Въ первый разъ еще квартира „при пунктѣ" показалась ему неуютной, противной: раздражалъ запахъ, распространявшійся изъ корридора, раздражалъ женскій смѣхъ и бренчанье на гитарѣ, доносившіеся изъ комнаты фельдшера, который напѣвалъ фальцетомъ: „Конфетка моя леденистая"... Роговъ прилегъ на кушетку, отказавшись отъ чая, который предложилъ Петръ, и пробѣгалъ газету, получаемую съ земской почтой.

Вдругъ вниманіе его было привлечено заглавіемъ одной статьи: „Уѣздный башибузукъ". Дѣло шло, очевидно, о членѣ управы Лопатинѣ, хотя онъ и не былъ названъ по имени. Описывался цѣлый рядъ возмутительныхъ подвиговъ его съ крестьянами и, между прочимъ, о томъ, какъ онъ, пользуясь положеніемъ крестьянской земли внутри его земель, замучилъ ихъ штрафами. „Крестьяне, чтобы уплатить ихъ, почти круглый годъ безплатно у него работаютъ", и т. д.

„Да неужели это правда?"—подумалъ онъ, и позвалъ фельдшера, который зналъ все, что̀ дѣлается въ уѣздѣ. Онъ водилъ знакомство съ крестьянами, бывалъ у нихъ и на свадьбахъ, и на крестинахъ.

— Да неужели вы этого не знаете, Иванъ Захаровичъ?—сказалъ фельдшеръ, усаживаясь на стулъ по приглашенію Рогова:—Да у кого хотите спросите! Это вѣрно написано! И кто это могъ написать? „Башибузукъ"! Ловко, ей Богу, ловко! Это навѣрное Петръ Григорьевичъ! Тутъ больше некому! И буква „Р" стоитъ.

Фельдшеръ всматривался въ эту букву „Р", какъ будто надѣялся узнать по ея характеру, дѣйствительно ли статью писалъ Рахмаровъ.

— Ну, теперь съѣстъ его Лопатинъ!

— Да что же онъ можетъ сдѣлать? — тревожно спросилъ Роговъ.

— Ужъ онъ найдетъ—что сдѣлать! Вотъ увидите! Попомните мое слово! Да вы, Иванъ Захаровичъ, больны? У васъ видъ нездоровый: бѣлки глазъ красные, да и все лицо... Не принять ли вамъ чего-нибудь?

— Не стòитъ! Пустяки! Я, просто, усталъ эти дни. Много ѣздилъ...

— И какъ посмотрю я на васъ, Иванъ Захаровичъ, даже удивленіе меня беретъ,—продолжалъ фельдшеръ:—превосходный вы господинъ и очень добрѣйшей души, а какъ-то вы совсѣмъ не настоящее понятіе имѣете вообще о жизни...

— Ну, напримѣръ?—съ улыбкой спросилъ Роговъ.

— Да, вотъ, напримѣръ... Вы только пожалуйста не обидьтесь, Иванъ Захаровичъ, что я скажу... А вы даже себя совсѣмъ не жалѣете. Ей-Богу, вы хотя и врачъ, а насчетъ себя никакихъ требованій физіологіи не признаете... И сколько разъ я вамъ предлагалъ! Ну, вы только хоть разъ взгляните! Въ мою комнату зайдите, такъ, въ дверь, будто мимоходомъ...

— Ну, довольно, довольно! Я разсержусь!—сказалъ Роговъ, догадываясь, о чемъ говоритъ фельдшеръ.

— А то позвольте...—продолжалъ фельдшеръ.

— Право, я разсержусь!—уже строго сказалъ Иванъ Захаровичъ.—Идите къ себѣ: я хочу спать.—И онъ сталъ кутаться въ свое старое студенческое пальто, служившее ему вмѣсто халата.

Фельдшеръ повернулся и медленно, точно выжидая иного рѣшенія, направился къ двери...

Роговъ, дѣйствительно, почувствовалъ, что ему не хочется, чтобы фельдшеръ ушелъ и чтобы этотъ разговоръ совсѣмъ прекратился. Въ немъ пробудилось что-то въ родѣ любопытства, которое волновало и тревожило.

— И откуда вы ихъ берете?—вдругъ спросилъ онъ у фельдшера:—это какое-то у васъ особое искусство.

— Никакого искусства тутъ нѣтъ. Пойдемте со мной когда-нибудь на посидѣлки, и узнаете это искусство. Да вамъ и на посидѣлки ходить не нужно... Осенью тутъ этого товара хоть прудъ пруди!

— Почему осенью хоть прудъ пруди? Я не понимаю...

— А очень просто: лѣтомъ всѣ по домамъ ѣдутъ, по своимъ деревнямъ, на работы... Вѣдь есть на фабрикѣ и дальнія, даже изъ сосѣдней губерніи... Всякой заработать хочется на наряды, да и для дому... Ну, а осенью, какъ работы кончатся,

онѣ и прутъ сюда... Какая попадаетъ на фабрику, а какая ждетъ... Тутъ изъ нихъ и можно хоть гаремъ набирать, да въ Турцію посылать... И хорошенькія есть, канашки!.. Эхъ, жаль, что вы такой схимникъ! Ужъ я бы васъ познакомилъ съ такими, то-есть, съ такими, что въ Парижѣ не найдешь!

— Полноте болтать вздоръ! И какъ вамъ не грѣшно! Вы пользуетесь несчастіемъ этихъ бѣдняжекъ и радуетесь!

— И никакого несчастья для нихъ нѣтъ! Это не мной заведено! Мнѣ-то что̀ имъ мораль читать? Я—не попъ! Я пользуюсь въ свое удовольствіе! Не я одинъ,—всѣ... Потому имъ здѣсь свободно: родители далеко, надзора нѣтъ! Ужъ и наши здѣшнія, глядя на чужихъ, попроще стали! И какое тутъ несчастье! Онѣ себѣ веселы и предовольны! По моему взгляду, такъ это не несчастье, а лафа и для нихъ, и нашему брату, холостому интеллигенту.

— Тьфу! Мерзость! Убирайтесь отъ меня къ чорту!—крикнулъ Роговъ.

Онъ долго не могъ успокоиться отъ этого разговора; ходилъ по комнатѣ и думалъ.

Какъ и всѣ люди, онъ былъ о самомъ себѣ хорошаго мнѣнія. Но у него была еще и способность, свойственная только порядочнымъ людямъ,—страдать, если онъ подмѣчалъ въ себѣ какой-нибудь недостатокъ, понижавшій его хорошее мнѣніе о самомъ себѣ. Поэтому онъ слѣдилъ за каждымъ своимъ душевнымъ движеніемъ. Конечно, отъ него не ускользнуло и то волнующее любопытство, которое заставило его сейчасъ задержать фельдшера. Копаясь дальше въ своихъ „порокахъ", онъ вспомнилъ и тотъ вопросъ, который возникъ у него на дняхъ въ присутствіи Лядовой: „Почему-де я волновался, разсказывая ей о положеніи кустарей и парменовцевъ, гораздо больше, чѣмъ тогда, когда вернулся отъ нихъ домой"?

И вотъ, оставшись одинъ, онъ началъ съ замираніемъ сердца разбирать вопросъ, часто тревожащій честную молодость: „хорошій ли я человѣкъ?"

Это едва ли не самый мучительный вопросъ въ ту пору жизни, когда идеальное понятіе юноши о томъ, какимъ онъ долженъ быть, сталкивается съ фактами его опыта отъ проявленій своего собственнаго характера или „личности".

Рогова мучилъ теперь вопросъ: „Вѣдь, значитъ, я вовсе не такъ люблю народъ, какъ мнѣ казалось и какъ я говорилъ? Нужно было, чтобы кто-то другой меня слушалъ, видѣлъ и сочувственно одобрялъ, и только тогда моя любовь разгоралась во всю"?!

Но думать о себѣ дурно—мучительно до такой степени, что мысль тотчасъ начинаетъ придумывать оправданія. „Но, быть можетъ, у всѣхъ такъ? Даже у самыхъ хорошихъ людей? Настроеніе усиливается отъ общенія съ другими, отъ ихъ одобренія... Отъ этого въ „кружкахъ“ людей, думающихъ одинаково, чувство и разростается такъ сильно... Человѣкъ въ одиночку—ничто, атомъ какой-то. Нужно, чтобы были двое или трое“... Мысль его перескочила къ Софьѣ Лопатиной: „Не оттого ли и въ ней такъ слабо общественное чувство? Она была ужасно одинока въ этой мерзкой средѣ!.. Да, да! Вотъ и рецептъ для нея: общеніе, кружокъ“!

XX.

Роговъ теперь ежедневно заѣзжалъ къ Лядовой. Его участіе, близость преданнаго, вѣрнаго человѣка, подѣйствовали на Вѣру Павловну благотворно: она быстро оправилась, оживилась, даже похорошѣла; исчезла восковая блѣдность, появился румянецъ, повеселѣли глаза...

Когда Роговъ пріѣзжалъ, онъ обыкновенно заходилъ сначала къ Рахмарову и уже затѣмъ одинъ шелъ къ Лядовой. Рахмаровъ сообщилъ ему планъ Вѣры Павловны. Роговъ чувствовалъ себя у нихъ какъ у самыхъ близкихъ родныхъ, и навѣщать ихъ ежедневно становилось его потребностью: если не удавалось быть у нихъ одинъ день, онъ уже тревожился, скучалъ.

Рахмаровъ за эти дни тоже оживился: отъ жены было получено письмо, что она на дняхъ выѣдетъ. Тревожилъ его немножко странный поворотъ въ поведеніи Марьи Семеновны.

— Она какъ будто притихла,—говорилъ онъ Рогову, когда они остались вдвоемъ,—но въ то же время у нея явилась вызывающая веселость. Не думаю, чтобы это было оттого, что я не вижусь съ Вѣрой. Она, кажется, не вѣритъ въ пріѣздъ жены; и что-то задумала недоброе.

Софью Петровну Роговъ не видѣлъ уже нѣсколько дней,—она бывала въ школѣ по утрамъ, а онъ пріѣзжалъ къ Лядовой вечеромъ, отдѣлавшись отъ больныхъ. Поѣхать же къ Лопатинымъ безъ всякаго предлога ему опять казалось неловкимъ, хотя онъ думалъ, что поѣхать слѣдовало бы: вѣдь онъ обѣщалъ Софьѣ помочь въ ея сомнѣніяхъ.

„Но какъ я помогу ей,—думалъ онъ,—когда мнѣ некогда было остановиться на вопросахъ, ее мучащихъ! Надо поѣхать

тогда, когда я что-нибудь смогу посовѣтовать ей... А то опять окажешься передъ ней дуракомъ".

А между тѣмъ видѣть ее и говорить съ ней ему очень хотѣлось. Онъ часто задумывался надъ ея судьбой, повторяя извѣстный стихъ Полонскаго:

„Для чего расцвѣла? Для кого развилась?"

Однажды Лядова и Рахмаровъ встрѣтили его тревожнымъ извѣстіемъ, что Софья уже два дня не была въ школѣ, а когда Вѣра Павловна поѣхала къ ней, ея не приняли: горничная объявила, что никого изъ господъ нѣтъ дома.

— Это, вѣроятно, та корреспонденція въ газетахъ виновата,—сказалъ Рахмаровъ:—Лопатинъ, конечно, предполагаетъ, что писалъ ее я.

— Теперь положеніе ея еще хуже, чѣмъ прежде!—сказалъ Роговъ:—она уже отвыкла отъ одиночества, бывая у васъ, работая съ дѣтьми... Не поѣхать ли мнѣ туда? Быть можетъ, ей нужна помощь, совѣтъ?

— Какъ бы онъ и вамъ не сдѣлалъ непріятности,—сказала Вѣра Павловна.—Вѣдь онъ знаетъ, что вы теперь каждый день бываете у насъ. Но поѣхать вамъ все-таки нужно...

— Только будьте очень осторожны,—сказалъ Рахмаровъ:—не защищайте меня.

Въ то время, какъ они говорили это, горничная пришла сказать, что отъ Лопатиныхъ прислали за докторомъ: барышня больна. Посланный ѣздилъ въ Смирново, а тамъ его послали сюда.

Роговъ уѣхалъ, обѣщая сейчасъ же вернуться.

Въ этотъ разъ его не встрѣтилъ самъ Лопатинъ, хотя горничная и сказала, что онъ дома.

Въ залѣ, едва освѣщенной одной свѣчой, была только Надя.

— Папа занятъ... У мамы мигрень, — заговорила она неровнымъ голосомъ.—Насъ такъ поразила всѣхъ болѣзнь Сони! У нея третьяго дня случился обморокъ... А теперь ей хуже. Я васъ провожу въ ея комнату.

Софья Петровна лежала на кушеткѣ. На бѣломъ фонѣ подушки ярко выдѣлялись ея вьющіеся черные волосы. Они обрамляли овальное, худощавое, смуглое лицо, горѣвшее лихорадочнымъ румянцемъ. Большіе каріе глаза печально взглянули въ глаза Рогова, когда онъ подошелъ къ кушеткѣ и подалъ ей руку.

— Что такое съ вами?—спросилъ онъ.

— Право, не знаю, что со мной творится. Вчера за обѣдомъ произошелъ непріятный для меня разговоръ: отецъ подозрѣваетъ, что корреспонденцію въ газету написалъ Рахмаровъ... И вотъ, вчера онъ очень рѣзко объявилъ мнѣ, что не потерпитъ больше моихъ поѣздокъ туда, что Вѣра Павловна—просто любовница Рахмарова, и что я скандализирую себя знакомствомъ съ нею... Что было послѣ этого—я не помню; говорятъ, что у меня были судороги... обморокъ. А сегодня... какая-то ужасная головная боль. Что это такое?

— Съ вами раньше никогда этого не было?

— Нѣтъ, это—въ первый разъ.

Онъ попросилъ Надю принести воды. Она вышла.

— Скажите, Иванъ Захаровичъ: вѣдь это правда, что у Рахмарова есть любовница, бывшая поселенка изъ Сибири, и что дѣти есть отъ нея? Не удивляйтесь, что я это знаю. У насъ и не того наслушаешься! Вы видѣли ее когда-нибудь? Правда ли, что она постоянно съ нимъ бранится, чуть не бьетъ его?

— Я ее видѣлъ: она очень несимпатична, но такое обращеніе съ нимъ — клевета: развѣ онъ потерпѣлъ бы это? Подумайте сами! Вѣдь вы знаете его...

— Но какъ же онъ могъ сойтись съ какой-то гадиной?! Фи, какая мерзость!.. Вы видѣли дѣтей? Но вѣдь это ужасно! А теперь, говорятъ, къ нему ѣдетъ жена съ дочерью... Не удивляйтесь, что это меня такъ волнуетъ! Я считала его полубогомъ, стоящимъ выше всего грязнаго, выше всякихъ мелкихъ страстей... Боже, какъ нелѣпа жизнь! Какъ во всемъ приходится разочаровываться! Никому вѣрить нельзя, никому!

— Едва ли его можно строго обвинять, Софья Петровна: онъ въ то время разошелся съ женой; она уѣхала за границу, взявъ съ собой дочь, которую онъ страстно любилъ... и любитъ до сихъ поръ. Онъ не рѣшился взять ее у матери. Что же удивительнаго, что потомъ, въ страшной глуши, онъ искалъ добраго, любящаго сердца, которое бы замѣнило ему то, что онъ потерялъ... Конечно, не среди сосѣдокъ и ихъ дочекъ онъ могъ найти такое сердце. Вѣдь это былъ бы такой скандалъ, который граничитъ съ трагедіей. Ну, а простая крестьянская дѣвушка, кроткая и тихая,—да еще при надеждѣ дать ей образованіе, развить ее... вѣдь это было почти единственнымъ исходомъ...

— Но, говорятъ, что онъ могъ устроить разводъ такъ, чтобы имѣть право жениться: она ушла отъ него съ какимъ-то пѣвцомъ. Тогда онъ могъ бы оставить у себя дочь и жениться на дѣвушкѣ, равной по положенію... А тутъ... какая-то кухарка!..

Нѣтъ, это отвратительно, грязно, позорно! И это сдѣлалъ онъ... онъ!—Глаза ея выражали негодованіе, губы презрительно сжались.

— Онъ поступилъ съ женой какъ джентльменъ, — сказалъ Роговъ:—разводъ, о какомъ вы говорили, соединенъ съ унизительными подробностями. Онъ не хотѣлъ подвергать ее этой процедурѣ... Съ дочерью она не хотѣла разставаться, и онъ принесъ въ жертву ей свою любовь къ дочери и свою тоску по ней... Я знаю, что онъ до сихъ поръ не можетъ говорить безъ волненія о дѣвочкѣ... Онъ переписывается съ нею. Весь его письменный столъ уставленъ ея портретами... Я даже одну его тайну подмѣтилъ случайно: разъ онъ при мнѣ открылъ ящикъ письменнаго стола, и знаете, что̀ я увидѣлъ тамъ? Крохотные дѣтскіе стоптанные башмачки!

— Ахъ, какъ мнѣ его жаль!—воскликнула дѣвушка, и вдругъ заплакала.

Однако, Рогову скоро удалось ее успокоить.

— Скажите,—спросилъ онъ, когда Софья Петровна перестала плакать:—объ этой Марьѣ Семеновнѣ вы слышали раньше, или только узнали на дняхъ?

— Кажется, я слыхала объ этомъ раньше, давно, но совсѣмъ забыла и не придала этому значенія... Теперь папа вчера кричалъ и объ этомъ. Онъ разсказалъ то, что̀ я вамъ передала объ ихъ отношеніяхъ. Это меня поразило... Ужасно!

— Я вамъ дамъ лекарство. Постарайтесь аккуратно принимать его, и все пройдетъ. Но этого мало: вы должны продолжать свои занятія въ школѣ Рахмарова. Если у васъ не будетъ этого дѣла и развлеченія, вы серьезно заболѣете...

— Ѣздить опять къ Рахмарову?! — возразила она.—Я не знаю, какъ я буду смотрѣть на него, какъ буду говорить съ нимъ послѣ того, что̀ узнала...

— И не нужно вамъ съ нимъ говорить. Онъ въ школѣ не бываетъ. А съ вашимъ отцомъ я теперь же улажу. Если его хорошенько напугать, онъ разрѣшитъ вамъ ѣздить въ школу...

— Поговорите, но я увѣрена, что онъ не согласится. Еслибы вы видѣли, какую ужасную сцену онъ мнѣ устроилъ! Еще никогда ничего подобнаго не было: вѣдь я завоевала себѣ нѣкоторую свободу. А впрочемъ, попробуйте. Какой вы добрый! Я еще только въ васъ одного и вѣрю! Иванъ Захаровичъ, заѣзжайте къ намъ почаще! Вы опять пропали! Еслибъ вы знали, какая тоска! Ахъ, еслибъ вы только знали!

Прощаясь, она дольше обыкновеннаго удержала его руку.

Вернувшись въ залъ, онъ сказалъ Надѣ, что долженъ поговорить съ Лопатинымъ.

— Ну, что̀ такое съ нею?—спросилъ тотъ, выходя въ залъ.— Что-нибудь опасное? Простите, что не сразу вышелъ къ вамъ... Пишу отчеты къ собранію.

— По моему, болѣзнь ея можетъ разыграться въ очень серьезное и опасное нервно-мозговое разстройство. Нужно очень заняться ея здоровьемъ. Для нея прежде всего необходимо общество развитыхъ людей и какое-нибудь дѣло, развлеченіе... Между тѣмъ вы запретили ей посѣщать школу...

— Объ этомъ разговора быть не можетъ!—почти закричалъ Лопатинъ.—Вы, конечно, уже знаете объ этой корреспонденціи... Этотъ негодяй оклеветалъ меня передъ цѣлой Россіей! Но я еще ему покажу! Онъ увидитъ! Я знаю о немъ такія штуки, что его и убрать отсюда можно, несмотря на родство съ губернаторомъ! И надъ губернаторомъ есть власть...

— Но вѣдь еще не доказано, что это онъ писалъ? А между тѣмъ здоровье Софьи Петровны вы ставите на карту...

— Довольно-съ! Я сказалъ, что объ этомъ рѣчи быть не можетъ! Жила до сихъ поръ безъ этой школы, проживетъ и еще... Я прошу васъ больше даже не напоминать объ этомъ...

— Какъ хотите! — сказалъ Роговъ, и былъ не въ силахъ сдержать гнѣвнаго тона.—Я умываю руки. Я вамъ сказалъ то, что̀ былъ обязанъ сказать, какъ врачъ. Если съ ней что-нибудь случится, грѣхъ будетъ на вашей совѣсти!..

— Конечно-съ, конечно, не на вашей! — шипящимъ отъ злобы голосомъ отвѣтилъ Лопатинъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой и заговорилъ гораздо мягче, а мало-по-малу перешелъ даже въ свой обычный, слащавый тонъ.—Надѣюсь, что эта размолвка наша, дорогой Иванъ Захаровичъ, не ослабитъ вашихъ добрыхъ отношеній къ моей семьѣ и, наконецъ, къ Сонѣ... Вы думаете, мнѣ не жаль ея? Боже мой, вѣдь я—отецъ! Я даже готовъ просить васъ, умолять: не оставляйте ее! Вы говорите, что ей нужно интеллигентное общество. И я это понимаю, понимаю-съ, отеческимъ сердцемъ понимаю!.. Такъ вотъ поэтому-то не забывайте насъ, бывайте у насъ, какъ у родныхъ... Мы всѣ васъ такъ полюбили... А ужъ о Сонѣ я и не говорю! Она была въ такомъ восторгѣ отъ разговоровъ съ вами... Зайдите и теперь къ ней еще разъ. Объясните ей, что я не могу допустить ея поѣздокъ въ школу. Успокойте ее! Обѣщайте ей, что вы будете ѣздить къ ней часто... Я васъ прошу! Пожалуйста! Я самъ

пригожусь вамъ... Видите: я такъ ее жалѣю, что у меня вотъ слезы... слезы...

Онъ вытеръ глаза платкомъ.

Когда Роговъ сообщилъ Софьѣ Петровнѣ, что его просьба не подѣйствовала на отца, она сказала:

— Ну, это мы еще посмотримъ! Въ школѣ я, конечно, учить уже не буду... но заѣзжать къ Вѣрѣ, катаясь верхомъ, буду каждый день! Я изучила отца отлично... Но его упорство пугаетъ меня не отъ этого... Вѣдь и въ прошлый разъ, помните, онъ кричалъ за столомъ, что не пуститъ меня, а потомъ сейчасъ же заговорилъ другое, узнавъ, что Лядова—родственница губернатора... Меня пугаетъ вотъ что: онъ кричалъ вчера, что проучитъ Рахмарова, что найдетъ власть и надъ губернаторомъ...

— Онъ и мнѣ сейчасъ сказалъ это.

— Ну, вотъ!.. Вы предупредите Петра Григорьевича. Я вамъ не сказала сразу всего: ужъ очень мнѣ тяжело говорить... Все же онъ мнѣ отецъ! Тутъ была на дняхъ эта... эта женщина... какъ ее зовутъ?.. Марья Семеновна, кажется?

— Такъ вотъ что! — воскликнулъ Роговъ, вспомнивъ, что̀ говорилъ ему Рахмаровъ о перемѣнѣ въ настроеніи этой фуріи.

— Что̀ они говорили, я не знаю,—продолжала Софья Петровна: — но она долго сидѣла у него въ кабинетѣ, и онъ что-то писалъ ей... Они придумали какой-нибудь отвратительный планъ... И это меня больше всего дѣлаетъ больной... Я не могу подумать безъ ужаса, что изъ нашего дома, отъ моего отца выйдетъ... какая-нибудь гадость:..

Она не договорила и вдругъ зарыдала истерически.

„Надо ее вырвать изъ этой среды,—думалъ Роговъ, сидя уже въ тарантасѣ.—Но какъ это сдѣлать“?

Ѳедя пробовалъ заговаривать съ нимъ, но Иванъ Захаровичъ довольно рѣзко ему отвѣтилъ.

Парень старался понять, „какой комаръ укусилъ“ доктора, всегда такого разговорчиваго и ласковаго, и такъ какъ молчать не умѣлъ, то, проѣхавъ съ полверсты, спросилъ:

— А вы у нихъ жену станового видѣли?

— Видѣлъ. А что̀ же?

— И днюетъ, и ночуетъ у нихъ. Становой только и видитъ ее, какъ пріѣдетъ сюда.—Ѳедоръ язвительно засмѣялся.

Роговъ догадался, что у него на языкѣ вертится сплетня о Лопатинѣ и женѣ становаго.

— Э, Богъ съ ними!—сказалъ онъ.—И какъ это у тебя, Ѳедя, все одни пустяки въ головѣ!

Ѳедя обидѣлся, отвернулся и замолчалъ. Роговъ это замѣтилъ и, жалѣя парня, добавилъ:

— Да ты не обижайся! А знаешь, мнѣ тебя жаль: у тебя умъ направленъ на злыя чувства къ этимъ Лопатинымъ... Все ты ихъ язвишь! Ни о чемъ другомъ думать не можешь! А еще Евангеліе ходишь читать къ сосѣду... А вѣдь въ Евангеліи-то велѣно врагамъ прощать...

— Да ужъ такіе мы, значитъ, дураки-мужики, — отвѣтилъ Ѳедя съ явной ироніей: — о чемъ намъ и думать, кромѣ глупостей... Вотъ господа, тѣ все о хорошемъ думаютъ; взять хотя бы этого Лопатина: какъ бы люди лишней корки не съѣли, да какъ бы за это вычесть, да жалованья не додать... Я вамъ разсказывалъ, какъ онъ разъ вычелъ у меня за сало для подмазки. Для этого, точно, большая умственность нужна! — Ѳедоръ сердито замолчалъ, а потомъ опять началъ:—Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. А что дѣйствительно, конечно, господа все больше о серьезномъ думаютъ. Однако, очень они нашему брату удивительны: нѣжность эта у нихъ ужъ очинно чувствительна! Господинъ Рахмаровъ давалъ мнѣ весной сочиненіе Тургенева; тамъ все о господскихъ любвяхъ описывается. И смѣху же въ этой книжкѣ! Все кавалеры за барышнями помираютъ, а барышни за кавалерами! И такъ-то ихъ кочеряжитъ отъ этихъ любвей, что даже въ водѣ топятся и пистолетами стрѣляются. Чуть увидитъ какой-нибудь господинъ хорошенькую барышню, сейчасъ: „ахъ, охъ! я влюбленъ!“ И пойдетъ катавасія!.. И съ чего это они такъ, Иванъ Захарычъ, очень чувствительны къ женскому полу? Съ жиру, что-ли?.. Али отъ очень большой умственности?

Ѳедоръ отчасти достигъ своей цѣли: Роговъ его слушалъ внимательно, но примѣнить къ себѣ выводы парня, какъ тому хотѣлось, ему и въ голову не пришло. Онъ отвѣтилъ фразой, давно когда-то сложившейся въ умѣ,—легкомысленной и односторонней:

— Конечно, и отъ бездѣлья, и отъ жиру, а главное—развинчены очень господа отъ неправильной жизни, избалованы, никакого желанія въ себѣ пересилить не могутъ.

— То-то, то-то! Вотъ и я такъ думаю!—многозначительно подтвердилъ Ѳедя.—Отъ этого-то и бросаются въ омутъ головой! Вѣдь эти здѣшнія барышни—чистый омутъ! Ужъ мы-то ихъ насквозь знаемъ!..

Онъ громко засмѣялся.

— Что ты смѣешься?

— Да вспомнилъ потѣху! Видѣли вы тутъ горничную Палашку? И ловко она представляетъ этихъ господъ! Какъ въ кухню прибѣжитъ, такъ и начнетъ представлять это: тіатру никакого не надо! Животики надорвешь! Вотъ какъ вы въ первый разъ у нихъ обѣдали, у самой Лопатихи баталія вышла изъ-за васъ съ дочкой младшей: мать ей велитъ одно платье надѣть, а она хочетъ другое. Обѣдать не хотѣла идти барышня. Ревѣла такъ, что хоть водой отливай!.. Злющая она,—страсть! Палашка говоритъ: чуть что не такъ сдѣлаешь—сейчасъ щипаться! Ахъ, ужъ этотъ женскій полъ!.. А вѣдь вы не знаете, Иванъ Захарычъ: меня женили!—вдругъ заявилъ Өедя.

— Какъ женили? Давно? Что жъ ты меня на свадьбу не позвалъ?

— Да ужъ двѣ недѣли женатъ. А не позвалъ потому, что и безъ того у васъ дѣла много! А у насъ какія свадьбы! Одно пьянство, а то и драки случаются; вѣдь точно язычники—нашъ народецъ!.. Я читалъ, что у иныхъ народовъ это дѣло куда благороднѣе ведется...

— Ну, и что же, нравится тебѣ жена?.

— Нравится, не нравится, — насъ объ этомъ не спрашиваютъ... Нужно жениться, ну, и дѣлу конецъ...

— Ну, а все-же, какъ самъ-то ты, доволенъ?

— Да ничего! Баба, кажется, хорошая выйдетъ—работница, старательная. Пока ничего худого не замѣчаю... Даже и хорошо какъ будто: вотъ, пріѣду, встрѣтитъ, раздѣнетъ, приласкаетъ... Оно—ничего!

Онъ засмѣялся.

— А я, можетъ, въ послѣдній разъ съ вами ѣду.

— Что такъ?

— Да надумалъ бросить эту должность. Мнѣ на фабрикѣ мѣсто предлагаютъ господинъ Зиновьевъ... Все-же спокойнѣе... Дома больше буду, хозяйствомъ займусь... съ молодой-то женой...

Онъ опять засмѣялся.

— А ты знакомъ съ Зиновьевымъ?

— И даже очинно хорошо знакомъ!

— Ну, что же,—сказалъ Роговъ:—пожалуй, такъ-то и лучше выйдетъ. Ну, не забывай меня, заходи когда чайку попить, потолковать, когда свободно... А Евангеліе не бросилъ читать? Ходишь?

— Хожу... Ежели желаете, и васъ могу свести. Эти „трезвенники“—сурьёзный народъ.

— Это очень интересно! Ты меня своди когда-нибудь. Они „трезвенниками“ зовутся?

— А какъ же?! „Братья-трезвенники“...

XXI.

Прошло недѣли полторы.

Роговъ работалъ по прежнему, а въ свободные часы метался отъ усадьбы Рахмарова къ усадьбѣ Лопатиныхъ. И тамъ, и здѣсь дѣла стояли въ прежнемъ положеніи. Софья Петровна, однако, продолжала тайкомъ посѣщать Лядову, пріѣзжая верхомъ. Это ежедневное катанье ей „предписалъ“ Роговъ. Отецъ опять былъ въ городѣ по случаю приближающагося земскаго собранія, и дѣвушка почувствовала такую смѣлость, что стала снова помогать Лядовой въ ея занятіяхъ съ ребятами: гроза была впереди, и она ея не особенно боялась.

Наканунѣ земскаго собранія Роговъ получилъ отъ предсѣдателя Лунина письмо, въ которомъ тотъ совѣтовалъ пріѣхать въ городъ для личной защиты его доклада о постоянныхъ кроватяхъ при земскихъ пунктахъ. „Но больше вашъ пріѣздъ необходимъ,— прибавлялъ онъ,—для объясненія съ молодымъ членомъ управы Грушевскимъ. Что онъ за человѣкъ—я вамъ разскажу при личномъ свиданіи: онъ затормазилъ прошеніе о ссудѣ веневитинскимъ кустарямъ, такъ что, если оно и попадетъ въ это собраніе, то навѣрное провалится вслѣдствіе его „особаго мнѣнія“,— конечно, если вамъ не удастся убѣдить его—измѣнить свой взглядъ. Онъ требуетъ, чтобы предварительно была собрана точная статистика о всѣхъ кустаряхъ въ уѣздѣ. Это замедлитъ дѣло на цѣлые года“.

Роговъ собрался въ городъ, взявъ обѣщаніе съ Софьи Петровны, что и она пріѣдетъ туда къ спектаклю. Звалъ онъ на этотъ спектакль и Вѣру Павловну съ Рахмаровымъ, но потомъ отказался отъ этого плана: Лопатинъ могъ устроить имъ какой-нибудь скандалъ при публикѣ.

Часовъ въ десять утра, въ день собранія, Роговъ подъѣхалъ къ подъѣзду управы, весь забрызганный грязью и обсыпанный сѣномъ, которымъ былъ набитъ тарантасъ.

Крестьяне, сидѣвшіе на скамьѣ у подъѣзда, поднялись и сняли шапки.

— Здорово, старики!—сказалъ Роговъ:—Что, предсѣдатель пріѣхалъ?

— Никакъ нѣтъ, батюшка! Вотъ и мы ждемъ. Только одинъ членъ тутъ, Грушевскій.

Этотъ Грушевскій кончилъ курсъ въ университетѣ и, прослуживъ года два въ одномъ изъ департаментовъ министерства финансовъ, былъ назначенъ, три года тому назадъ, сюда помощникомъ податного инспектора. Здѣсь онъ въ тотъ же годъ женился на дочери богатаго купца-землевладѣльца и былъ выбранъ въ члены управы. Человѣкъ онъ былъ порядочный, интеллигентный, много читалъ и даже пописывалъ экономическія статьи въ журналахъ. На видъ это былъ худощавый, средняго роста, въ золотыхъ очкахъ, симпатичный, привѣтливый человѣкъ. Онъ принялъ Рогова, какъ дорогого товарища.

— Я заѣхалъ,—сказалъ тотъ,—разсказать вамъ о бѣдствіи веневитинскихъ кустарей и просить помочь имъ. Я уже подалъ прошеніе отъ ихъ имени. Пойдетъ ли оно сегодня? Дадутъ ли имъ ссуду?

Роговъ говорилъ такъ, какъ будто ничего не зналъ отъ предсѣдателя о мнѣніи Грушевскаго. Онъ яркими красками обрисовалъ положеніе кустарей.

— Ахъ, дорогой Иванъ Захаровичъ! Да развѣ можно такъ скоро? Вы думаете, это легкая вещь? Для этого нужно послать по волостямъ циркуляры, чтобы собрать матеріалъ о кустаряхъ всего уѣзда.

— Какъ? Сперва вы займетесь статистикой всего уѣзда? Тамъ люди разоряются, а вы будете изучать общій вопросъ о кустаряхъ?

— Позвольте: я, какъ петербуржецъ, люблю систему: во-первыхъ, какой же докладъ безъ цифръ и общаго обзора? Во-вторыхъ, если поддержать веневитинскихъ кустарей, такъ надо поддерживать и всѣхъ. Почему исключеніе? Потому, что этихъ отыскали вы и за нихъ хлопочете? Ахъ, господа народники! Вѣдь это же несправедливо! Вотъ что значитъ увлеченіе!

— И причемъ тутъ народничество!—сказалъ Роговъ, раздражаясь.—Тамъ люди съ голоду пухнутъ! Это могло бы ихъ поддержать; кулаки ихъ гложутъ, а вы теоріи разводите! Я хлопочу не какъ народникъ, а какъ врачъ! Я ѣзжу по избамъ, вижу воочію, какъ мужикъ тощаетъ, вырождается... Его спасать нужно ради нашего собственнаго самосохраненія, а вы мнѣ о теоріяхъ! Я забылъ ихъ здѣсь! Я голову теряю! Лечить нельзя ни одной болѣзни при такой обстановкѣ, нищетѣ, грязи, невѣжествѣ.

— Поговорите съ Лопатинымъ. Предсѣдатель на вашей сто-

ронѣ. Мое же мнѣніе непоколебимо, — любезно сказалъ Грушевскій.

Лопатинъ скоро пріѣхалъ и встрѣтилъ Рогова съ распростертыми объятіями. Роговъ былъ даже испуганъ его подозрительной любезностью.

— А вы знаете,—сказалъ онъ:—сегодня и Соня пріѣдетъ сюда на спектакль! Это ужъ ваше вліяніе! Спасибо вамъ, дорогой! Прежде ее за тысячу рублей не заманить бы сюда! Вотъ вы какой! Побѣдитель!

— А у меня къ вамъ дѣло,—сказалъ Роговъ.

— Догадываюсь! О веневитинцахъ! Ахъ, вы, молодой народъ, ха-ха-ха! И чудаки же! Изъ всего-то они вопросъ сочинятъ! Было время, ни о какихъ кустаряхъ мы и не знали! Точили себѣ люди чашки, или тамъ еще что-нибудь, и были просто токари, столяры, сапожники... И вдругъ стали „кустарями". Господи, Боже мой! И почему „кустари"? Какіе тутъ кусты? Ну, ну, не сердитесь! Мнѣ это даже нравится въ нашей молодежи: эта горячность! Вѣдь у насъ всю управу завалили брошюрами объ этихъ „кустаряхъ"... Ха-ха-ха!

Онъ любезно обнялъ Рогова за талію и въ полголоса заговорилъ:

— Противъ васъ членъ Грушевскій. И я, знаете, съ нимъ, пожалуй, согласенъ: какъ это такъ—однимъ дать ссуду, а о другихъ даже и свѣдѣній не будетъ собрано! Можетъ, имъ и еще нужнѣе ссуда. Но для васъ, дорогой мой, я пойду противъ своего мнѣнія и поддержу ваше ходатайство, поддержу! Чтобы доказать вамъ мое расположеніе! Право, ужъ не знаю, отчего я полюбилъ васъ, какъ родного сына! Ей Богу!—И ужъ совсѣмъ шопотомъ онъ прибавилъ:—Вотъ только напрасно вы въ послѣднее время зачастили въ усадьбу къ Рахмарову! Какъ бы и васъ не запутали! Темныя тамъ дѣла творятся, темныя... я кое-что узналъ отъ вѣрнаго человѣка. Вы поостерегитесь... Однако, до свиданія... Сейчасъ и собраніе откроемъ.

Въ клубѣ, вечеромъ того же дня, былъ назначенъ первый спектакль любителей, взволновавшій все мѣстное общество.

Низенькій залъ клуба, освѣщенный керосиновыми лампами, былъ уставленъ рядами стульевъ и скамей. На занавѣси, отдѣлявшей его отъ сцены, мѣстный любитель недурно изобразилъ зимнюю русскую ночь, съ лѣсомъ, избушкой и мчавшейся тройкой. Теперь за этой занавѣсью шли шумныя приготовленія, такъ волнующія сердце нетерпѣливыхъ зрителей. Тамъ что-то приколачивали. Слышались возгласы: „Сидоръ, тащи окно! Да не туда,

чортъ!“—„Гдѣ Иванъ Петровичъ?“—„Париковъ еще не принесли?“ и т. д.

Пахло клейстеромъ, керосиновыми лампами и смазными сапогами нѣсколькихъ мѣщанъ, поклонниковъ искусства, забравшихся за часъ до начала спектакля въ задніе ряды.

Къ залу примыкалъ широкій освѣщенный корридоръ, по которому расхаживали, взявшись подъ руки, скромно одѣтыя барышни, вѣроятно—дочки мелкихъ чиновниковъ. Онѣ забрались спозаранку. Около нихъ, усиленно шаркая для чего-то ногами, увивались молоденькіе кавалеры, писцы разныхъ „присутственныхъ мѣстъ“ городка. Барышни перешептывались и громко хихикали. Кавалеры старались ихъ смѣшить и говорить комплименты.

Изъ корридора дверь вела въ столовую, гдѣ за длиннымъ столомъ сидѣлъ Роговъ, нахмуренный и злой, и пилъ чай.

Вдругъ онъ услышалъ за собой знакомый голосъ:

— А, миляга! И ты пріѣхалъ! Радъ, радъ!

Это былъ слѣдователь Морозовъ, по обыкновенію на-веселѣ.

— Ну, какъ живешь-можешь?—кричалъ онъ, сжимая руку Рогова и цѣлуясь съ нимъ.—Вотъ, видишь, мы выполнили твою мысль: спектакль устроенъ! И какія пьесы ставимъ! Идейныя! Сегодня „Доходное мѣсто“. Вѣдь это цѣлый новый міръ для темнаго захолустья! Мы просто ожили, братъ! А то одурѣли совсѣмъ: карты да водка, водка да карты! А теперь, братъ, чувствуешь себя какъ будто и вносящимъ нѣкоторый свѣтъ!.. Да...

— Я очень радъ,—отвѣтилъ Роговъ.—И сборъ порядочный?

— Ничего себѣ! Думаемъ на нихъ лишніе журналы и газеты выписать. Читальня у насъ наверху. Допьемъ чай, такъ я тебѣ покажу. Ты у кого остановился? Отчего не у меня?

— Я на станціи,—сегодня же уѣду.

— Ну, какъ ты тамъ поживаешь въ Смирновѣ? Перезнакомился ли съ сосѣдями, а главное—съ сосѣдками? Есть ли практика? Ну, а Сонькой Лопатиной еще не увлекся?

— Оставь, пожалуйста, вздоръ болтать! Этимъ не шутятъ! Какъ тебѣ не стыдно!—сказалъ шопотомъ Роговъ, оглядываясь по сторонамъ.

Слѣдователь сталъ громко хохотать, переходя отъ естественнаго смѣха къ искусственному, держась за бока, взвизгивая и, наконецъ, даже вытащилъ платокъ и дѣлалъ видъ, что утираетъ слезы.

— Втюрился! По уши втюрился! Готовъ молодецъ!—вскри-

кивалъ онъ.—Ай да барышня! Живо оборудовала! Ну, погоди! Она тебѣ еще покажетъ!

— Замолчи же, наконецъ!—уже сердито сказалъ Роговъ:— еще и про меня пусти сплетню! Кстати, ты сегодня увидишь Софью Петровну. Она пріѣхала изъ деревни и будетъ на спектаклѣ...

— Ну?! Какъ это она удостоила наше захолустье? Она о немъ иначе не говоритъ, какъ съ презрительно приподнятой губой и оскаливъ клыкъ, по Дарвину. Ужъ это не для тебя ли? Не вѣрь, ничему не вѣрь! И со мной то же было! А потомъ носъ натянетъ!

Это онъ говорилъ, ужъ поднимаясь съ Роговымъ въ мезонинъ по скрипучей и грязной лѣстницѣ. Попали они сперва въ буфетъ. Здѣсь, въ небольшой и закопченной комнатѣ, съ низкимъ потолкомъ, уже набралась толпа, такъ что передъ прилавкомъ тѣснились въ три ряда, толкая другъ друга, и добивались очереди. Шли громкіе разговоры, между прочимъ, о земскомъ собраніи и его постановленіяхъ.

Докторъ Протасовъ кричалъ кому-то съ шутливой грубостью:

— Врете вы, черти! Докладъ коллеги Рогова—вещь дѣльная! Это вѣрно, что безъ больничекъ, хотя бы маленькихъ, лечить мужиковъ нельзя! Какія у нихъ избы! Какой воздухъ! А провалили вы этотъ докладъ потому, что вы—черти, дьяволы... А посему выпьемъ по третьей! Ха-ха-ха!.. Милые вы люди, а черти! Чуть ежели что̀ для мужиковъ,—вы утопите; а предложи для вашего брата, помѣщика, такъ вы готовы весь уѣздъ подъ прессъ положить, а ужъ свое сдѣлаете! И молодцы! Хвалю! Чего дремать?! А посему выпьемъ по четвертой!..

Въ другомъ углу членъ управы Грушевскій, горячась, разсказывалъ нѣсколькимъ лицамъ, какъ исправникъ сосѣдняго уѣзда чуть не сманилъ у нихъ изъ клуба музыкантовъ для своего городишка... Онъ такъ азартно объ этомъ ораторствовалъ, точно дѣло шло о покушеніи исправника на чью-нибудь жизнь.

Роговъ, выпивъ рюмку вина со слѣдователемъ, направился въ читальню. По дорогѣ онъ попалъ въ объятія къ коллегѣ Протасову; тотъ, увидя его издали, закричалъ:

— А вотъ и онъ! виновникъ торжества! Дай тебя еще разъ облобызать за доклады! Спасибо! А этихъ чертей не бойся!— указалъ онъ на своихъ собесѣдниковъ, двухъ помѣщиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ низенькій и толстый, а другой длинный и худой, какъ жердь.—Они, въ сущности, славные ребята и мои

давнишніе паціенты, черти этакіе!—И онъ каждаго изъ нихъ ткнулъ пальцемъ въ животъ, въ видѣ милой шутки.

Изъ читальни Роговъ торопливо сошелъ внизъ. Онъ ждалъ пріѣзда Софьи Петровны. Пройдя залъ, гдѣ уже собралось порядочно публики, Роговъ направился въ столовую. Софья Петровна уже сидѣла тамъ въ углу на диванчикѣ, окруженная нѣсколькими пожилыми помѣщиками. Увидѣвъ Рогова, она обрадовалась и сказала, шутя, своимъ собесѣдникамъ:

— Чувствую я, господа, что вы меня давно проклинаете. Васъ тянетъ въ буфетъ, а вы должны занимать меня! Можете считать себя свободными! Я побесѣдую съ Иваномъ Захаровичемъ!—Она засмѣялась такъ, что ея слова не могли обидѣть. „Освобожденные кавалеры“ стали грузно подниматься по скрипучей лѣстницѣ въ буфетъ.

— Я на васъ сердита, Иванъ Захаровичъ,—сказала она шутливо Рогову.—Вытащилъ меня сюда, а самъ куда-то исчезъ, оставивъ на растерзаніе этимъ носорогамъ! Однако, отчего у васъ такой постный видъ? Я слышала, что вашъ докладъ провалили? Ну, а я за что страдаю? Вы должны занимать меня...

— А если я не умѣю? Повѣрите ли, я такъ застѣнчивъ съ прекраснымъ поломъ, что часто хочу разсказать что-нибудь забавное, но отъ застѣнчивости такъ долго собираюсь, что разскажу себѣ самому, когда уже сяду въ тарантасъ!

Она весело засмѣялась.

— Вотъ видите: вы умѣете быть веселымъ! А знаете, хотя меня и злитъ ваша застѣнчивость, но она мнѣ и нравится! Вы какой-то совсѣмъ особенный, непосредственный. Я въ здѣшнемъ уѣздѣ знаю только двухъ интересныхъ людей: Рахмарова да васъ. Вѣдь здѣсь никого нѣтъ.

Помолчавъ, она продолжала:

— Да, вы напрасно вытащили меня сюда: въ деревнѣ я не вижу этого общества; тамъ все чего-то ждешь, надѣешься, что есть какіе-то другіе люди, крупные, дѣлающіе что-то большое, думающіе что-то великое...

— А давно вы живете этимъ ожиданіемъ?

— А право, уже и не припомню теперь. Когда только-что вернулась изъ пансіона, это ожиданіе было въ другомъ родѣ. Тогда казалось, что въ каждомъ человѣкѣ встрѣчаешь героя, особенно если онъ сказалъ двѣ-три красивыя фразы. И вотъ, бывало, жадно начинаешь его слушать, изучать, присматриваться... а въ результатѣ—пустельга, болтунъ, или еще хуже... И такъ отъ одного къ другому... Но когда это тянется не годъ, не два,

а пять, восемь лѣтъ, то уже всякая надежда теряется; остается какое-то смутное, слабое чувство тоски по другой жизни, но почти безнадежное...

Она замолчала. Молчалъ и Роговъ по своему обыкновенію, только поправляя клокъ волосъ, постоянно падавшій ему на лобъ, смотрѣлъ на нее, какъ говорится, уставивъ глаза, а въ этихъ добрыхъ близорукихъ сѣрыхъ глазахъ выражалось мучительное сочувствіе, растерянность, незнаніе, чѣмъ помочь ей.

— Какъ вы на меня смотрите!—вдругъ воскликнула она и разсмѣялась нервнымъ смѣхомъ.

Онъ опомнился и поблѣднѣлъ, чувствуя оскорбленіе.

— Простите!—сказала она:—въ самомъ дѣлѣ, я васъ мучу... А вы такой добрый, все отъ меня терпите! И не должны сердиться никогда! Если мы когда-нибудь поссоримся, у меня уже никого не будетъ, съ кѣмъ я могла бы говорить такъ откровенно и просто, какъ съ вами.

— Такъ зачѣмъ же вы такъ смѣялись сейчасъ надо мной?—спросилъ онъ.

Она пожала плечами, на минутку отвернула голову, затѣмъ опять взглянула на него, и въ глазахъ ея сверкалъ уже веселый, добрый юморъ; едва удерживаясь отъ смѣха, она отвѣтила:

— Милый Иванъ Захаровичъ, — не обижайтесь! Но вы иногда такъ смѣшно на меня смотрите! Глаза сдѣлаете такіе круглые-круглые, добрые-добрые!.. И вообще вы ужасно смѣшной! Вотъ, я смотрю на васъ иногда и вижу, что вы въ отчаяніи, не зная, куда спрятать свои ноги и руки... Вообще, вы ужасно милый! И мы должны всегда, навѣки остаться друзьями... друзьями!—подчеркнула она.

Къ нимъ подходилъ мѣстный воинскій начальникъ, Свиридовъ, подъ-руку съ предсѣдателемъ Лунинымъ. Оба издали ей улыбались и дѣлали какіе-то знаки, выражавшіе шутливый ужасъ.

— Софья Петровна! Мы оба въ отчаяніи!—заговорилъ Свиридовъ, худенькій, маленькій, морщинистый старичокъ, молодящійся и съ крашеными волосами. — Мы все наблюдали васъ! Да вы совсѣмъ увлечены юнымъ докторомъ! Счастливчикъ! А на насъ, вашихъ старинныхъ поклонниковъ, вы и смотрѣть не хотите!

— Плохой комплиментъ,—отвѣтила она шутливо:—если у меня есть старинные поклонники, значитъ и я—старушка! Этого не говорятъ старѣющимъ дѣвамъ!

— Боже, какой я далъ промахъ! — воскликнулъ старый

вояка.—А ты, зоилъ, стоишь рядомъ и не дернешь меня за фалду!—обратился онъ къ Лунину.

Тотъ счелъ долгомъ тоже сказать комплиментъ Софьѣ:

— Какъ вы хорошо сдѣлали, что рѣшились осчастливить нашъ спектакль вашимъ присутствіемъ.

— Спасибо! Вотъ это комплиментъ, какъ слѣдуетъ!—сказала она.

Къ Софьѣ Петровнѣ подходили слѣдователь Морозовъ и докторъ Протасовъ. Послѣдній уже порядочно пошатывался.

— Вотъ не ожидалъ васъ видѣть!—сказалъ слѣдователь.—Какъ это вы рѣшились для насъ, ничтожныхъ смертныхъ, покинуть свой замокъ Тамары?

— Властительница думъ, чудное воплощеніе „ewig Weibliches", погружающая душу въ Нирвану!—говорилъ Протасовъ.—Ручку! Позвольте поцѣловать!

— Однако, какъ вы стали пить, бѣдный докторъ!—сказала она Протасову и брезгливо, на его глазахъ, вытерла то мѣсто руки, гдѣ онъ прикоснулся губами.

— Властительница думъ! Всѣ тамъ будемъ, какъ сказалъ Щедринъ! Отъ хорошей жизни не запьешь.

Слѣдователю Морозову она едва подала руку и сильно покраснѣла.

Тотъ посмотрѣлъ на нее съ насмѣшливой улыбкой, закинувъ голову нѣсколько назадъ.

— Похорошѣли! — сказалъ онъ: — даже пополнѣли! Какъ время залечиваетъ всѣ раны!

— Знаете что, Иванъ Захаровичъ, — я хочу уѣхать, не ожидая спектакля, — сказала Софья Петровна. — Узнайте, пожалуйста, здѣсь ли наши лошади, и велите подавать.

— Софья Петровна! Вы всѣхъ обидите!

— Мнѣ это все равно! У меня голова разболѣлась! Я не могу больше оставаться!

Она сердито взглянула на него.

Роговъ покорно отправился исполнять ея приказаніе.

Когда онъ усаживалъ ее въ сани, она была такъ разстроена и печальна, что, казалось, не видѣла его, и только когда лошади тронулись, она какъ будто проснулась, протянула ему руку и сказала ласково:

— Спасибо, спасибо! Не сердитесь на мой отъѣздъ! Не могу! Тоска! Завтра же уѣду въ деревню... Не забывайте насъ! Пріѣзжайте!

Роговъ, вернувшись въ залъ, почувствовалъ себя такимъ оди-

нокимъ, покинутымъ, никому здѣсь не нужнымъ, что хотѣлъ сейчасъ же самъ уѣхать... Но это замѣтилъ Морозовъ, слѣдившій за нимъ издали съ насмѣшливой улыбкой.

— Ѣдешь?! Такъ и зналъ! Ея нѣтъ, и міръ облекся тьмой! — комически декламировалъ онъ.—Поѣзжай, пожалуй, но прежде ты долженъ выпить со мной коньяку! Безъ этого не велю давать тебѣ пальто! Только по одной!—И онъ утащилъ Ивана Захаровича въ буфетъ.

Остальной вечеръ Роговъ провелъ словно въ туманѣ. Досада на провалъ доклада, воспоминаніе о насмѣшкахъ Лопатиной, ея неожиданный отъѣздъ—заставили его выпить не одну, а три рюмки коньяку.

— Пей, братъ, не бойся! —говорилъ Морозовъ.—Я тебя понимаю, понимаю! Стыдно земскому врачу трусить лишней рюмки коньяку! Некого бояться! Гувернантка твоя уѣхала! Ау, братъ! Пей, будетъ веселѣй!..

Рогову дѣйствительно стало веселѣе. Въ глазахъ все начало кружиться и прыгать: окружающіе показались милыми, добрыми; они вдругъ полюбили его за что-то, а онъ—ихъ; съ нимъ цѣловались даже незнакомые, и, между прочимъ, одинъ изъ земцевъ, провалившихъ его докладъ. Ему говорили хорошія, ласковыя слова:

— Миляга! Дррррругъ! Родной ты мой! Люблю! Душа-человѣкъ!

Потомъ онъ сидѣлъ въ публикѣ передъ крохотной сценой. Тамъ юный Жадовъ пѣлъ подъ звуки шарманки „Лучинушку" и горько рыдалъ. Вмѣстѣ съ нимъ плакалъ и Роговъ, а Протасовъ, сидѣвшій рядомъ, шепталъ на ухо Ивану Захаровичу, громко всхлипывая:

— За сердце схватилъ, за сердце! Старое вспомнилось!

Занавѣсъ опустился. Роговъ, вмѣстѣ съ другими, неистово апплодировалъ, вызывалъ Жадова и Полину, и потомъ опять очутился въ буфетѣ въ объятіяхъ Протасова.

Затѣмъ вновь сидѣли передъ сценой, и хлопали, и вызывали. Потомъ, кажется, ужинали, предлагались тосты за артистовъ. Предлагалъ и Роговъ за жену Протасова, даже сказалъ какую-то рѣчь, за что та публично его поцѣловала, и всѣ кричали имъ „браво"...

Затѣмъ его вели куда-то подъ руки. Онъ оступался и падалъ.

Проснулся Роговъ въ незнакомой комнатѣ съ больной головой. Мало-по-малу онъ сообразилъ, что находится въ кабинетѣ Протасова, и позвонилъ.

Въ дверяхъ появился знакомый ему казачокъ съ красными нашивками на груди.

— Дай мнѣ умыться, да бѣги скорѣй за лошадьми! Если есть стаканъ чаю и рюмка коньяку,—принеси сюда!

— Сейчасъ доложу барынѣ. Она приказывала, какъ проснетесь, сказать, что барина дома нѣтъ, а она ждетъ васъ въ столовой съ чаемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Извинись передъ барыней! Скажи, что я боленъ, не могу! Я сейчасъ долженъ ѣхать..: прошу стаканъ чаю сюда...

Изъ-за двери раздался веселый женскій голосъ:

— Ахъ, варваръ! Цѣлые два мѣсяца я его не видѣла! Вчера съ этимъ спектаклемъ не успѣла и словечка сказать, а онъ смѣетъ уѣзжать! Противный человѣкъ! У меня къ вамъ большое дѣло! Умывайтесь, одѣвайтесь и приходите въ столовую! Безъ разговоровъ!

— Да помилуйте, Марья Гавриловна! Мнѣ нельзя!

— Никакихъ оправданій!

— Ну, такъ пришлите сюда рюмку коньяку, опохмелиться. Меня вчера напоили въ клубѣ, и теперь голова мучительно болитъ! Вѣдь я никогда не пью!

— Да, вы хороши вчера были за ужиномъ! Вы помните ли, что говорили рѣчь?

— Ей Богу, ничего не помню!

— Это прелесть! Ну, хорошо! Я вамъ пришлю коньяку...

Приведя себя въ порядокъ, Роговъ вышелъ въ гостиную, гдѣ его уже ждала хозяйка.

— И не стыдно?! Не стыдно?—кричала она, протягивая ему руки: — въ кои-то вѣки заглянетъ, да и тутъ хотѣлъ убѣжать отъ меня!.. Я вамъ приготовила чай здѣсь... Подливайте коньяку...

Она усадила его на диванчикъ и сѣла рядомъ.

— Вѣдь я вчера и не успѣла даже разспросить, какъ вы поживали въ Смирновѣ. Впрочемъ, до насъ уже дошли слухи! Васъ развлекала Софья Лопатина! Бѣдный! И такъ успѣлъ влюбиться, что вчера напился до положенія ризъ оттого, что она уѣхала! Какъ мнѣ васъ жаль! А я предупреждала!

— Да неужели здѣсь уже говорятъ такія гадости? И вы повторяете!

— Вчера всѣ говорили! Вы и не отрицайте! Это было такъ ясно. И не понимаю, что въ ней находятъ мужчины? У нея ужасно злое и грубое лицо; даже не симметрично отъ напускной насмѣшливой улыбки: она кокетничаетъ этой улыбкой! Какъ вы не замѣчаете? Ахъ, какъ слѣпы мужчины!

— Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ! У васъ здѣсь, дѣйствительно, сойдешь съ ума отъ сплетенъ!

Роговъ подумалъ, что все это можетъ дойти до Сони, и былъ въ отчаяніи.

— О, противный варваръ! Не хочетъ сознаться!—сказала Протасова, но, видя, что онъ серьезно сердится, перемѣнила разговоръ.—Что же вы не спросите, какъ я жила эти два мѣсяца? или я вамъ совсѣмъ не интересна? А сознайтесь, вчера за ужиномъ вы немножко увлеклись мной? Ну, сознайтесь! Какой прелестный тостъ вы предложили за меня! Помните ли, что вы меня сравнили съ Савиной?

— Я такъ люблю театръ... Вы хорошо играли, и я, кажется, выразилъ... Впрочемъ, я плохо помню, что говорилъ.

— Знаю, знаю! Ужъ не отпирайтесь! У васъ такъ блестѣли глаза!.. Ахъ, скромникъ! А вы помните, что я васъ при всѣхъ поцѣловала?

— Смутно припоминаю.

— Смутно? Знаемъ мы! Ахъ, противный! Онъ смутно припоминаетъ, что его поцѣловала женщина! Ужъ не спорьте! Увлеклись немножко. А теперь вотъ что: я мечтаю о томъ, чтобы съиграть для васъ,—понимаете ли, только для васъ,—что-нибудь крупное... И вотъ, мы ставимъ въ слѣдующій спектакль „Грозу“. Я выступлю въ Катеринѣ! Поймете ли вы мой трепетъ ожиданія! Съ самаго института, гдѣ впервые открыли мой талантъ, я мечтала объ этой роли! Я умру, если вы не пріѣдете на спектакль! Кто здѣсь пойметъ и оцѣнитъ? Милый, голубчикъ! пріѣзжайте! Дайте слово, что пріѣдете!..—Она схватила его руки.

— Навѣрное не могу обѣщать... Постараюсь, — бормоталъ Роговъ.

— Вотъ за это спасибо! Какъ я счастлива! Я такъ счастлива, что мнѣ хочется поцѣловать васъ! Это — братскій поцѣлуй артистки! У нихъ это принято!

Она быстро прижалась своими подкрашенными губами къ губамъ Рогова. Поцѣлуй былъ немножко длиненъ для братскаго, но Роговъ не смѣлъ сопротивляться, думая, что это будетъ невѣжливо, да и почувствовалъ, что это ему не непріятно.

Въ это время у подъѣзда раздался звонокъ, и они отскочили другъ отъ друга въ противоположные углы дивана. Казачокъ пробѣжалъ черезъ переднюю—отворять. Роговъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, не смѣя взглянуть на Марью Гавриловну. А она сидѣла въ театральной позѣ, откинувшись головой

на спинку дивана и закрывая глаза рукой; затѣмъ быстро встала и выбѣжала изъ гостиной, прошептавъ:

— До свиданія, милый! Буду ждать, какъ Бога!

Въ переднюю вошелъ докторъ Протасовъ. Его лицо, послѣ вчерашней выпивки, еще болѣе оплыло, а глаза проявляли намѣреніе совсѣмъ спрятаться.

— А, коллега!—крикнулъ онъ:—проснулся! Голова болитъ? Надо хватить коньяку! Больше коньяку! Съ лимономъ! Пройдетъ! —И онъ простеръ руки для объятій.

„Отъ жены къ мужу! Какая гнусность! Что̀ это я дѣлаю!“— мелькнуло въ умѣ Рогова.

— Ну, коллега, ты у насъ, конечно, обѣдаешь. Не смѣй отказываться! Не хочешь обѣдать,—позавтракаемъ. Безъ хлѣба-соли не отпущу. Жену видѣлъ? Куда же она убѣжала? Помѣшалась она теперь на театрѣ! Ну, да чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало! Иду распорядиться.

Роговъ послѣ завтрака садился въ тарантасъ опять подъ хмелькомъ. Въ глазахъ у него все кружилось. Онъ даже напѣвалъ.

XXII.

Проспавъ всю дорогу, Иванъ Захаровичъ проснулся только передъ Смирновымъ.

Онъ сразу вспомнилъ все, что̀ случилось въ городѣ, вспомнилъ сплетню, переданную ему Протасовой.

„Конечно, весь городъ кричитъ объ этомъ. До Софьи дойдетъ черезъ отца не только фактъ, но и комментаріи. Она этого никогда не проститъ. А что̀ подумаетъ Вѣра Павловна? Рахмаровъ“?

Голова, разстроенная непривычной выпивкой, преувеличивала все до крайности. Рогову казалось, что съ нимъ произошло величайшее несчастье, что съ людьми, которые ему были такъ дороги, все теперь кончено; вѣдь, показаться туда невозможно, и онъ ихъ никогда больше не увидитъ... Быть можетъ, слѣдуетъ даже бросить мѣсто въ земствѣ или перемѣнить участокъ...

Это состояніе духа не только не ослабѣло, но въ теченіе цѣлой недѣли по пріѣздѣ все усиливалось, раздувалось воображеніемъ въ одиночествѣ.

Между тѣмъ ни отъ Лопатиной, ни отъ Рахмарова не было никакого извѣстія; обыкновенно они звали его къ себѣ, если онъ не пріѣзжалъ два-три дня. Это еще болѣе усиливало его

увѣренность, что съ ними все покончено и что изъ Смирнова нужно бѣжать. Такъ прошло недѣли полторы.

Было около шести часовъ вечера.

Тьма отъ густыхъ тучъ уже окутывала село Смирново. Осень еще не хотѣла уступить своихъ правъ наступавшей зимѣ. Ежедневно выпадалъ снѣгъ, но едва онъ успѣвалъ покрыть тонкимъ слоемъ землю, какъ снова начинался дождь, и снѣгъ обращался въ жидкую грязь, благодаря которой не было ни прохода, ни проѣзда по селу.

Въ такую погоду интеллигента, живущаго въ деревнѣ, охватываетъ невыразимая тоска. Онъ кажется себѣ отдѣленнымъ отъ всего міра и попавшимъ на необитаемый островъ. У Рогова это чувство еще усиливалось мучительными мыслями о томъ, какъ онъ велъ себя въ городѣ. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ у окна, тупо смотря на большую дорогу и вспоминая, какъ онъ ѣздилъ по ней недавно къ Рахмарову. Еще недавно ему такъ нравился видъ изъ окна. Теперь это пустое поле, залитое дождемъ, застилавшимъ сѣрой занавѣсью окрестности, облетѣвшія мокрыя деревья большой дороги, темныя тучи, низко нависшія надъ равниной, только усиливали тоску и безнадежность. Глаза его упали на полученную книжку журнала. Онъ сѣлъ къ письменному столу и старался читать, но это ему не удавалось. Все та же назойливая мысль не давала понять то, о чемъ говорилось въ раскрытой статьѣ. Да и все это теперь казалось неинтереснымъ, чуждымъ, когда мысль была поглощена личной бѣдой, выроставшей въ его глазахъ до огромныхъ размѣровъ.

Вошелъ Петръ, зажегъ лампу и предложилъ „подогрѣть самоварчикъ". Роговъ отказался. Когда старикъ вышелъ, опять наступила мертвая тишина, прерываемая только свистомъ и воемъ вѣтра, который ухитрялся устроивать цѣлый концертъ: въ трубѣ онъ вылъ волкомъ, гдѣ-то въ ставнѣ свистѣлъ соловьемъ, и въ то же время съ силой бросалъ крупнымъ дождемъ въ стекла оконъ. Временами этотъ концертъ дополнялся обычнымъ бренчаньемъ гитары изъ комнаты фельдшера, который напѣвалъ слащавымъ теноркомъ:

„На прощанье шаль съ каймою
Ты на мнѣ узломъ стяни"...

А послѣ этого онъ вдругъ весело выкрикивалъ:

„Ахъ вы, Сашки, канашки мои,
Размѣняйте бумажки мои!.."

Слышались взрывы смѣха, въ которыхъ его тенорокъ сливался съ визгливыми женскими нотами. Рогову казалось, что эти звуки сверлятъ его мозгъ... Самоваръ на столѣ жалобно запѣлъ унылую, умирающую ноту и опять замолкъ. Роговъ удивленно взглянулъ на него; ему подумалось, что теперь это единственный его другъ, который о немъ жалѣетъ! Онъ вскочилъ, нервно засмѣялся и сталъ быстро ходить по комнатѣ. Отъ безпрестаннаго зажиганія папиросъ носились облака дыма. Становилось такъ жаль самого себя, что хотѣлось заплакать.

Онъ остановился передъ окномъ и прижался лбомъ къ холодному стеклу. Сквозь вой вѣтра донесся издали звонъ колокольчика... Ближе, ближе... Въ глуши звонъ колокольчика—цѣлое событіе: хотя вы и никого не ждете, но является невольно смутная надежда: „не ко мнѣ ли кто-нибудь“? Эта надежда похожа на радость одиночнаго арестанта, мимо двери котораго слышатся шаги, и онъ думаетъ: „не ко мнѣ ли“?... Мимо оконъ промчалась карета съ фонарями, запряженная четверикомъ.

„Кто бы это? Уѣзжаютъ изъ деревни куда-нибудь далеко: въ Петербургъ, въ Москву, за границу... Свободные, вольные люди!.. Да, надо отсюда бѣжать“!

Онъ позвалъ фельдшера.

— Не знаете, кто это проѣхалъ?

— Какъ не знать! Это баронесса Грюнбергъ за-границу поѣхала со своимъ домашнимъ врачомъ... Онъ ее лечитъ отъ сердца... И удачно-съ! Вотъ это—мѣстечко!

— Ну, ну, не нужно! Я сплетенъ не хочу слушать!

— Какъ хотите! А очень интересно! Вообще, жизнь кругомъ довольно интересна... Такихъ анекдотовъ наслушаешься! Вотъ вы чуждаетесь мужиковъ, а они все знаютъ! Всю подноготную о господахъ! Лучше газетъ!

Тонъ у фельдшера былъ странный. Рогову показалось, что онъ на что-то намекаетъ. „Неужели сплетня обо мнѣ и Лопатиной пробралась и сюда?“—подумалъ онъ.

— Вотъ, я сейчасъ узналъ,—говорилъ фельдшеръ,—самую животрепещущую новость. Къ Рахмарову супруга вернулась.

— Давно?—вскрикнулъ Роговъ, вскакивая съ мѣста.

— Да, говорятъ, уже дня три... И такая тамъ идетъ катавасія, что со смѣху животики надорвешь!

— Что такое?

— Супруга господина Рахмарова тамъ настоящій дебошъ устроила! Все разнесла! Она—дама сердитая, строгая, и вдругъ

застаетъ такой пассажъ: въ одномъ флигелѣ—метресса съ полдюжиной ребятъ, а въ другомъ—другая...

— Вонъ! пошелъ вонъ!—крикнулъ Роговъ, свирѣпѣя неожиданно для себя до полной потери самообладанія.

Фельдшеръ выпрямился, поблѣднѣлъ; глаза у него сверкнули.

— Вы потише!—сказалъ онъ, гордо закинувъ голову.—Вы хотя и начальство мое, а не забывайте, что я тоже человѣкъ и могу отпоръ дать... Я тоже себя понимаю не хуже васъ...

Онъ заложилъ руку за бортъ своего потертаго сюртука и, повернувшись, вышелъ изъ комнаты, проговоривъ:

— И это гуманные университанты!

Роговъ сразу опомнился, и ему стало такъ стыдно отъ своей выходки, что, упавъ ничкомъ на постель, онъ расплакался, какъ ребенокъ.

Черезъ полчаса онъ позвалъ фельдшера и пошелъ къ нему на встрѣчу съ протянутой рукой.

— Ради Христа, простите меня! Я совсѣмъ боленъ. У меня нервы стали никуда негодны. Забудьте мою гнусную выходку!..

Фельдшеръ оказался добродушнымъ малымъ: онъ самъ сконфузился и былъ такъ растроганъ, что на глазахъ у него блеснули слезы. Роговъ усадилъ его, велѣлъ подать самоваръ, и черезъ четверть часа фельдшеръ уже давалъ ему совѣты и наставленія.

— Вотъ, вы мнѣ какъ-то разъясняли, что есть такое мнѣніе въ Петербургѣ, которое называется „народничествомъ". И я тогда такъ понялъ, что вы сами изволите быть „народникомъ" и отъ этого очень любите мужиковъ. А между тѣмъ никакихъ у васъ сношеній съ мужикомъ нѣтъ, кромѣ леченія. Компанію вы водите съ Лопатиными, либо съ госпожей Лядовой... А вотъ теперь изволите скучать... Эта дружба непрочна-съ!

— Ну, дорогой Петръ Титычъ, вы этотъ вопросъ оставьте!—сказалъ Роговъ, стараясь не горячиться. Онъ даже попробовалъ обратить все въ шутку и прибавилъ:

— Зато вы весело время проводите: у васъ опять женскіе голоса!

— А что̀ бы я сталъ дѣлать цѣлые вечера? Да и обо мнѣ рѣчь надо оставить: я—человѣкъ маленькій; если имѣю свою амбицію, то больше самоучкой... А вотъ, извините меня, вы университантъ, а не знаете, что̀ у насъ въ селѣ творится.

— Что̀ такое еще?

— У насъ на фабрикѣ неладно.

— Что̀ такое?

— Не знаю самъ хорошенько... Тутъ у меня одна дѣвица сидитъ съ фабрики... Говоритъ, какъ бы не привели въ деревню солдатъ. Будто становой предостерегалъ.

— Да что же собственно? Въ чемъ дѣло? — вскочивъ съ мѣста, спрашивалъ Роговъ.—Да говорите вы толкомъ! Затвердилъ одно: неладно да неладно!

— Надо такъ полагать, что какъ нашелъ осенью народъ изъ разныхъ мѣстовъ, особливо какъ этихъ бабъ привалило отовсюду, контора и понизила плату... Ну, вотъ, и сговорились наши смирновскіе не ходить на работы...

— Ну, и что же дальше?

— А то, что пошла свара нашихъ смирновскихъ съ пришлыми: „Вы, дескать, сюда лѣзете, а мы изъ-за васъ должны съ голоду помирать! Мы-де васъ кольями изъ села! А не то, такъ и фабрику расшибемъ“! Становой въ городъ уѣхалъ. Говорятъ,—за солдатами для охраны... Такъ эта дѣвица болтаетъ, а я точно не знаю. Вотъ, отъ Ѳеди можно бы всѣ подробности узнать. Онъ ужъ съ мѣсяцъ какъ на фабрику поступилъ.

— Ну, такъ пошлите за нимъ поскорѣй! Нельзя ли эту дѣвушку? Вотъ дайте ей мелочи, пусть бѣгомъ сбѣгаетъ.

— Это ей-то цѣлыхъ сорокъ копѣекъ! Да что вы это! Она за гривенникъ на тотъ свѣтъ назадъ пятками сбѣгаетъ.

— Ну, безъ остроумія! Скорѣе!

Роговъ взволновался такъ, какъ и самъ не ожидалъ: ему рисовались солдаты, ихъ постой, голодные мужики, потомъ экзекуція... „И неужели ничѣмъ нельзя помочь“?!

Онъ опять позвалъ фельдшера.

— Вѣдь это—бѣда для крестьянъ,—сказалъ онъ.—Какъ вы думаете, неужели ничего нельзя сдѣлать?

— Слыхалъ я отъ этой дѣвицы, что смирновцы собираются письмо послать къ барышнѣ, дочери Петренки, чтобы заступилась. Она, говорятъ, очень добрая.

У Рогова мелькнула мысль: телеграфировать сейчасъ же Надеждѣ Николаевнѣ. „Мнѣ неловко,—подумалъ онъ,—выйдетъ въ родѣ доноса на управляющаго. Пусть телеграфируетъ Рахмаровъ. Не узнать ли предварительно отъ Зиновьева,—не послалъ ли онъ телеграммы къ ней“?

Онъ хотѣлъ идти къ Зиновьеву, но подумалъ, что въ это время можетъ придти Ѳедя. Онъ быстро набросалъ Зиновьеву записку: „Убѣдительно прошу васъ придти ко мнѣ. Дѣло очень важное, не терпящее ни минуты промедленія! Самъ никакъ не могу“.

Позвавъ Петра, онъ отправилъ записку, и, волнуясь, сталъ ожидать Θедю.

Минутъ черезъ двадцать послышалось шлепанье грязи на улицѣ и затѣмъ тяжелые шаги по лѣстницѣ. Кто-то тщательно отиралъ ноги, прежде чѣмъ войти...

Это былъ Θедя. Весь мокрый отъ дождя, съ лицомъ, запорошеннымъ снѣгомъ, онъ долго отряхивался въ прихожей.

— Голубчикъ Θедя, да брось ты это! Входи скорѣе!

Наконецъ, тотъ вошелъ и первый подалъ руку.

Рогова удивила перемѣна, происшедшая съ нимъ. Всего два мѣсяца былъ онъ женатъ, а уже прежняго, насмѣшливо-шутовского выраженія въ лицѣ какъ не бывало. Наоборотъ, Роговъ замѣтилъ въ его манерахъ и глазахъ напускную кротость и елейность, какая встрѣчается обыкновенно въ лицахъ начетчиковъ и всякихъ странниковъ.

— Здравствуйте, Иванъ Захаровичъ! Давно не видалъ васъ,— проговорилъ онъ медленно, почти нараспѣвъ: — не разъ очень желалъ повидаться, да то у самого дѣла, то вы заняты...

„Однако,—подумалъ Роговъ, — какъ его скоро обработали! Изъ парня-зубоскала сталъ совсѣмъ ханжой"!

— Садись, Θедоръ... какъ по батюшкѣ-то звать не знаю,— сказалъ Иванъ Захаровичъ,—а Θедей ужъ и неловко. Ишь, какой ты „сурьёзный" сталъ! Помнишь, это твое любимое слово было.

— Нельзя-съ, Иванъ Захарычъ, сурьёзнымъ не быть,— шутливо отвѣтилъ Θедоръ:—мы теперь тоже домохозяева!.. Вѣдь старикъ-то у меня совсѣмъ плохъ. Весь домъ теперь у меня на рукахъ...

— Ты, вѣрно, догадываешься, зачѣмъ я попросилъ тебя придти?

— Вѣрно, насчетъ этихъ дѣловъ на фабрикѣ?

— Именно, именно! Что̀ тамъ такое?

— Да дѣло самое простое,—началъ Θедя, и передалъ Рогову почти слово въ слово то, что̀ тотъ уже слышалъ отъ фельдшера.

-- Ну, и какъ ты полагаешь: можетъ выйти изъ этого что-нибудь серьезное? Свалка, напримѣръ, или поврежденія на фабрикѣ?..

— Очень можетъ выйти и то, и другое, Иванъ Захарычъ. Очень смирновцы озлоблены... Да и принять во вниманіе ихъ положеніе: надѣялись на прежнюю плату, землю почти-что не пахали, сдали ее кое-кому за гроши... Въ другія мѣста не пошли... Бѣда имъ чистая подошла, хоть умирай!

— Значитъ, и тебѣ плохо пришлось? Вѣдь ты теперь на фабрикѣ?

— Мнѣ-то ничего! Меня Зиновьевъ хорошо поставилъ! Мнѣ еще прибавятъ; потому я теперь у Зиновьева и физику, и химію технологическую прохожу... Онъ на дому у себя преподаетъ... А вотъ мелкотѣ—бѣда... чистый зарѣзъ!

— А уговорить ихъ нельзя?

— Да какъ уговоришь-то? Я пробовалъ. Чуть и самого-то не побили! Вѣдь это, Иванъ Захарычъ, еслибъ они изъ головы или по книжкамъ, такъ можно бы уговорить... А ежели это изъ брюха идетъ? Нешто можно голодное брюхо убѣдить, чтобы оно ѣсть не хотѣло?

— Что же дѣлать?

— А ужъ и не знаю!

— А Зиновьевъ ничего не предпринималъ?

— Да, говорилъ я съ нимъ, чтобы телеграмму самому хозяину послать. Однако, онъ не хочетъ.

— Отчего же?

— Да хозяинъ во всемъ вѣритъ главному управляющему... А потомъ Зиновьевъ говоритъ: „Я въ денежныя дѣла не мѣшаюсь! Мое дѣло—техника! Если я въ эти дѣла буду мѣшаться, я буду между двухъ огней: то рабочіе мною будутъ недовольны, то хозяинъ... Пусть улаживаютъ дѣло сами: я, говоритъ, ни совѣтовать, ни хлопотать не согласенъ". Очень онъ сурьёзный господинъ, этотъ Зиновьевъ! Хотя онъ и русскій, а надо полагать—онъ изъ нѣмцевъ или англичанъ...

Роговъ засмѣялся.

— Онъ по матери, дѣйствительно, изъ шведовъ. А ты почему же это подумалъ?

— Да ужъ очень онъ твердъ. Что разъ сказалъ — не своротишь! И говоритъ мало: точно сквозь зубы процѣдитъ десятокъ словъ. А скажетъ больше, чѣмъ иной въ цѣлый день. Только умѣй понимать и вникать. И ежели вникнешь,—видишь, что дѣло онъ сказалъ... Сурьёзный господинъ!

— А если послать телеграмму не самому, а дочери,—какъ ты думаешь, поможетъ это?

— Не знаю. Тамъ ужъ толковали объ этомъ, чтобы ее просить. Говорятъ, что отецъ для нея все сдѣлаетъ! А только въ этихъ дѣлахъ, денежныхъ, что-то сумлительно... Не слушаютъ тутъ ихняго пола!..

Въ это время на крыльцѣ послышался звукъ шаговъ.

— Это Зиновьевъ,—сказалъ Иванъ Захаровичъ: — я посылалъ за нимъ.

— Я посижу! Мы съ нимъ, вѣдь, теперь пріятели!

Въ этой фразѣ, сказанной съ нѣкоторой гордостью, Роговъ увидѣлъ прежняго Ѳедю, любившаго показать свое знакомство съ господами.

Ѳедоръ, говоря, что Зиновьевъ похожъ на нѣмца или англичанина, былъ правъ. Въ переднюю вошелъ, съ электрическимъ фонарикомъ въ рукѣ, длинный человѣкъ, укутанный въ непромокаемый плащъ, съ капюшономъ, закрывающимъ голову. Сразу чувствовалось, что пришелъ человѣкъ, который во всемъ, даже въ костюмѣ, даже въ этомъ фонарѣ, пользуется наукой и новѣйшей техникой, чтобы оградить себя отъ безчинствъ неразумной природы...

Быстро освободившись отъ плаща, онъ вошелъ въ комнату.

— Зачѣмъ я вамъ понадобился въ такую погоду?—спросилъ онъ довольно дружелюбно, подавая руку Рогову и Ѳедору.— Впрочемъ, догадываюсь: насчетъ нашей белиберды?

— Да, именно... Я предполагаю сейчасъ послать къ Рахмарову нарочнаго или самому туда поѣхать и убѣдить его послать телеграмму Надеждѣ Николаевнѣ. Такъ хотѣлъ узнать ваше мнѣніе.

— Какое же мое мнѣніе? — спросилъ тотъ, начавъ цѣдить слова сквозь зубы и, какъ показалось Рогову, съ меньшей любезностью, чѣмъ былъ предложенъ имъ первый вопросъ.

— Какъ вы думаете, хорошо ли это будетъ? — спросилъ Роговъ.

— Право, не знаю!.. Мнѣ неизвѣстны отношенія отца къ дочери.

— Но согласитесь, что попытаться не мѣшаетъ? Вѣдь если что-нибудь выйдетъ, должны будутъ привести солдатъ, а это— разореніе для деревни...

— Очень вѣроятно... И все-же, самъ я не вмѣшался бы въ это дѣло!

— Почему же?—разгорячась, воскликнулъ Роговъ.

Зиновьевъ сжалъ губы и на мгновеніе сердито взглянулъ въ глаза Рогову.

— По самому простому соображенію: — если телеграмма будетъ имѣть успѣхъ, и требованія рабочихъ удовлетворятъ, это будетъ исключительный случай, не существующій на другихъ фабрикахъ. Въ другихъ мѣстахъ нѣтъ барышенъ-меценатокъ, по дудкѣ которыхъ пляшутъ отцы фабриканты... Не перебивайте,

выслушайте до конца мое мнѣніе, а спорить я не буду... Итакъ, это будетъ исключительнымъ случаемъ филантропіи этой барышни. Но... филантропія, да еще такая исключительная,—опасна. Она поселяетъ ложныя надежды и, вообще, создаетъ невѣрное пониманіе истинныхъ отношеній капитала къ труду: эти отношенія основаны вовсе не на филантропіи, а на коммерческомъ разсчетѣ... Итакъ, вы обманете массу, поселите въ ней ложную идею и помѣшаете образоваться истинной. Вотъ и весь результатъ!

— Значитъ, да погибнетъ міръ, пусть умираютъ съ голоду, лишь бы восторжествовала истина!—иронически сказалъ Роговъ. —А главное: какая же это истина? Истина—въ томъ, что филантропическое чувство, т.-е. любовь къ ближнему, свойственно всѣмъ, стало быть, и представителямъ капитала. Надо только умѣть его возбудить въ людяхъ. И въ этомъ, если только смотрѣть по человѣчески, должна быть цѣль всѣхъ порядочныхъ людей, всей интеллигенціи! Это если и не идеалъ, то все-же хорошій палліативъ, облегчающій зло чисто-эгоистическихъ и корыстныхъ отношеній между людьми. Это—данный самой природой человѣчеству предохранительный буферъ, безъ котораго люди давно бы съѣли другъ друга. Значитъ, этотъ случай будетъ не обманомъ, а истиной, которая, какъ и всѣ человѣческія истины, можетъ осуществляться то больше, то меньше. А это ужъ зависитъ отъ нашихъ же усилій, отъ нашего умѣнья усиливать среди людей добрыя чувства, да не раздувать между ними естественной борьбы, которая убиваетъ доброту въ обѣихъ сторонахъ...

— Я уже сказалъ, что спорить не буду. Свои выкладки я дѣлаю на прочномъ фундаментѣ — на постоянномъ стремленіи людей, неизмѣнно имъ свойственномъ, т.-е. на эгоизмѣ ихъ, на разсчетѣ выгоды личной или классовой... Вашего же предположенія о добрыхъ чувствахъ я въ мою формулу допустить не могу; это величина случайная, не постоянная. Не спорю: бываютъ случаи, вотъ какъ и этотъ, гдѣ идейно-взвинченная особа можетъ пофилантропствовать. Но это—не правило. Это—исключеніе. И помогать этому исключенію, чтобы оно маскировало въ умѣ людей постоянное правило, значитъ обманывать, вообще мѣшать истинѣ, мѣшать развитію сознанія въ цѣломъ классѣ людей... Вы больше ничего не имѣете мнѣ сказать? Если нѣтъ, я уйду: у меня есть дѣло.

— Я не имѣю ничего больше. Спорить намъ, дѣйствительно, невозможно: у насъ разные исходные пункты, и каждый правъ съ своей точки зрѣнія. Я остаюсь при своей.

Зиновьевъ вѣжливо подалъ руку ему и Ѳедѣ, методически сталъ надѣвать свой плащъ, пустилъ свѣтъ фонарика и ушелъ.

— Ну, какъ ты думаешь, Ѳедоръ, о томъ, что онъ говорилъ?—спросилъ Роговъ.—Правъ онъ или нѣтъ? Что въ людяхъ постояннѣе: корысть и жадность, или жалость и любовь?

— Я такъ думаю, Иванъ Захарычъ, что корысть и жадность, это—пороки въ родѣ болѣзни... Есть такіе люди, конечно, и немало ихъ! Но человѣкъ—не звѣрь! Злые люди, это—озвѣрѣлые люди, которые жалости не имѣютъ. Только можно довести и хорошаго человѣка и до звѣрства, и до всего. Обидь его, промори голодомъ,—конечно, онъ озвѣрѣетъ и можетъ жалость потерять... Однако, даже закоренѣлые злодѣи, каторжники, и тѣ имѣютъ въ себѣ скрытую искру Божію. Спитъ она до поры, до времени, это дѣйствительно вы сказали: надо умѣть будить ее въ сердцахъ. А это умѣнье—отъ Бога! А можно и заглушить ее. Это умѣнье — отъ діавола! Такъ и въ Евангеліи сказано: тамъ на все отвѣтъ есть и разъясненіе...

— Такъ ты думаешь, хорошо будетъ, если пошлемъ телеграмму?

— Да, кажется, хорошо, Иванъ Захарычъ!.. Я такъ понялъ господина Зиновьева, что мужики поймутъ лучше, гдѣ правда и гдѣ корень бѣды, если Надежда Николаевна не поможетъ. Только это ошибка: вражда будетъ между своими,—смирновцы возненавидятъ веневитинцевъ или слобожанъ, всѣхъ, кто пришелъ добыть себѣ здѣсь хлѣбъ... Возненавидятъ еще главнаго управляющаго, англичанина... Хозяинъ въ сторонѣ останется: далеко, молъ, онъ и не знаетъ ничего!

Прощаясь, Ѳедя спросилъ:

— А вы знаете, къ Петру Григорьевичу жена пріѣхала?

— Да, сейчасъ мнѣ фельдшеръ сообщилъ. И давно?

— Ужъ дней пять. А вы когда же къ нимъ поѣдете?

— Да надо сейчасъ, чтобы скорѣе телеграмму послать.

Пока Роговъ одѣвался, привели лошадей. Онъ выходилъ уже на крыльцо, чтобы ѣхать, какъ изъ ночной тьмы подскакалъ къ крыльцу верховой.

— Здравствуйте, Иванъ Захаровичъ, не узнали меня?—крикнулъ онъ.—А я къ вамъ отъ барина Петра Григорьевича! Письмо къ вамъ отъ него: очень просятъ пріѣхать. Больная у насъ.

— Да я къ вамъ ѣду. Это ты, Вася?

— Точно такъ. А я увидѣлъ издали, что вамъ лошадей подаютъ и фонарь вынесли,—испугался, думалъ, въ другое мѣсто куда-нибудь ѣдете.

— А кто у васъ боленъ?

— Да сразу двое: Марья Семеновна, да барышня Ольга Петровна. Вѣдь вы у насъ давно не бывали: не знаете, что пріѣхала старая барыня съ дочкой...

Когда въѣхали во дворъ Рахмарова, стукъ экипажа вызвалъ въ большомъ домѣ движеніе: въ окнахъ забѣгали огни и стеклянный тамбуръ главнаго подъѣзда освѣтился изнутри; широкія двери его открылись, и изъ нихъ выскочила небольшая фигура ветхаго старика, въ сѣромъ фракѣ съ металлическими пуговицами. Онъ держалъ въ рукахъ свѣчу, стараясь защитить ее отъ вѣтра. Но свѣча мгновенно погасла.

— Это докторъ пріѣхалъ?—шамкая, крикнулъ старикъ, послѣ чего съ нимъ сдѣлался припадокъ жестокаго кашля.

— Докторъ,—отвѣтилъ ему Ѳедя.

— Такъ, такъ! Вы извольте, батюшка, спервоначалу обогрѣться у Петра Григорьевича, а потомъ къ намъ пожалуйте... Барышня Ольга Петровна очень занемогли...

— Хорошо, хорошо! Сейчасъ буду...

Экипажъ подъѣхалъ къ боковому крыльцу. На его ступеняхъ уже ждалъ Рахмаровъ, безъ шапки, въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ. Вѣтеръ трепалъ его полы и развѣвалъ волосы и бороду.

XXIII.

— Ахъ, какъ я васъ жду!—воскликнулъ Рахмаровъ.—Двѣ больныхъ сразу. И еще новость есть!

— Я и самъ ѣхалъ къ вамъ по дѣлу... и дѣло неотложное: выслушайте прежде меня, а потомъ разскажете мнѣ все.

Рахмаровъ принялъ проектъ Рогова о телеграммѣ почти равнодушно, а когда Иванъ Захаровичъ сообщилъ ему мнѣніе Зиновьева, онъ сказалъ:

— Я отъ телеграммы не прочь, но тоже мало вѣрю въ помощь, идущую извнѣ,—только самодѣятельность людей можетъ измѣнить ихъ положеніе.

— Да,—отвѣтилъ Роговъ,—но чтобы люди достигли самодѣятельности, нужна первоначально помощь извнѣ.

Рахмаровъ не спорилъ, составилъ телеграмму и послалъ.

— А у насъ двѣ новости,—сказалъ онъ:—жена пріѣхала, да Софья Петровна поселилась у насъ; сегодня и ночевала здѣсь. Отецъ, вернувшись изъ города, устроилъ ей такую сцену за поѣздки къ намъ, что она явилась вчера вечеромъ пѣшкомъ, вся

въ слезахъ, и теперь не хочетъ ѣхать домой. Не знаю, чѣмъ это кончится. Несчастная дѣвушка! Да-съ! И знаете, вы отчасти были причиной этой ужасной сцены.

— Какъ?! Я?

— Лопатинъ, очевидно, мечтаетъ выдать Софью замужъ за васъ, и вотъ, вернувшись изъ города, онъ началъ съ выговора ей за то, что она рано уѣхала и... была настолько нелюбезна съ вами, что вы окончили вечеръ черезчуръ весело.

— Какъ! Эта сплетня уже дошла сюда! Я не ошибся! Но что она должна думать? И что думаетъ Вѣра Павловна?

— Всѣ мы пожалѣли васъ, особенно Вѣра Павловна. Ну, а Софья на васъ сердита... Да и вообще эти планы отца на вашу особу, такъ явно обнаружившіеся въ этомъ объясненіи, едва ли способны расположить ее къ вамъ.

— Боже мой! Но я вѣдь въ этомъ нисколько не виноватъ! Мнѣ и въ голову не приходило!

— Знаю, знаю, но знаю и ее. Она васъ способна возненавидѣть.

— Какъ я покажусь къ ней на глаза! — воскликнулъ Роговъ съ такимъ отчаяніемъ, что Рахмаровъ, взглянувъ на него, улыбнулся едва замѣтной ласковой улыбкой и сказалъ:

— Все уладится. Вамъ надо сейчасъ же объясниться съ ней. Да и Вѣрѣ Павловнѣ вы должны показаться: она очень тревожилась, что вы не ѣдете. Мы сейчасъ зайдемъ въ школу. Тамъ теперь урокъ рукодѣлія. Послѣ будетъ опасно: вѣдь неизвѣстно, что у Оли; быть можетъ, скарлатина или дифтеритъ.

Роговъ согласился. Онъ былъ такъ поглощенъ своими личными тревогами, что еще не разспросилъ о болѣзни Марьи Семеновны. О ней напомнилъ самъ Рахмаровъ.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — что у нея какое-нибудь мозговое страданіе... Съ ней что-то необыкновенное творится... Я вамъ уже говорилъ, что она еще раньше, когда я сообщилъ ей о возможности пріѣзда жены, твердила, что не останется здѣсь, если та пріѣдетъ. Она тогда не вѣрила, что это случится. Но когда я показалъ ей письмо жены, она сильно встревожилась, стала задумчива, плакала, почти ничего не говорила, повторяя только: „Что мнѣ теперь дѣлать? Куда я дѣнусь съ дѣтьми! А здѣсь мнѣ нельзя“!... Сказать вамъ правду, мнѣ стало ее такъ жаль, что и словами этого не выразить! Я даже сталъ убѣждать ее, чтобы она осталась... Но она и слышать не хотѣла. Тогда я предложилъ ей переѣхать пока въ городъ; далъ ей денегъ (занялъ у Севрюгина), и она начала уже укладывать

свои пожитки, да вдругъ слегла: жаръ, страшная головная боль, что-то въ родѣ бреда... Наканунѣ пріѣзда жены, когда я ужъ получилъ телеграмму, что та въ Варшавѣ, Марья Семеновна, уже совсѣмъ больная, позвала меня къ себѣ и со слезами стала говорить: „Петръ Григорьевичъ, батюшка, не подумайте чего дурного, не примите мои слова за фальшь или хитрость... Побожитесь мнѣ, что ничего дурного не подумаете о моей просьбѣ"... Я побожился. Она попросила, чтобы я ближе подвинулся къ ея кровати, и, взявъ мою голову, наклонила къ себѣ и стала шептать: „Попросите Вѣру Павловну, чтобы она зашла ко мнѣ... Ради Христа! Какъ вы думаете,—придетъ она?"—„Маша, да зачѣмъ же это? Что ты задумала такое?"—спросилъ я испугавшись: мнѣ подумалось, что она хочетъ сдѣлать что-нибудь ужасное, считая Вѣру Павловну главной причиной всѣхъ своихъ бѣдъ. Она угадала мою мысль.—„Вы боитесь, голубчикъ, что я ей что-нибудь худое хочу сдѣлать? Ахъ, Господи, Господи! Богомъ вамъ клянусь, что не тѣ у меня мысли сейчасъ. А поняла я, что я обижала ее напрасно, что была я совсѣмъ какъ сумасшедшая... Хочется мнѣ въ ножки ей поклониться... прощенья у нея попросить... чувствую я, что мнѣ больше не жить... — „Да что ты, что ты,— говорю,—Маша! Пустая болѣзнь, а ты ужъ о смерти думаешь"... —„Нѣтъ, — говоритъ, — я знаю навѣрное... Я сонъ видѣла... Отецъ ночью приходилъ; а ужъ даромъ не явится"... Надо вамъ сказать, что отецъ ея былъ сосланъ на каторгу за убійство жены изъ ревности... Его тамъ послѣ плетьми засѣкли за какую-то дерзость... Вѣритъ она ему, какъ Богу...

— Ну, и что же?—перебилъ Роговъ:—передали вы ея просьбу Вѣрѣ Павловнѣ?

— Конечно...

— И та пошла?

— Да, разумѣется... При ихъ встрѣчѣ я не былъ, но Вѣра Павловна до сихъ поръ не можетъ вспомнить объ этомъ безъ слезъ... Вы у нея лучше объ этомъ не спрашивайте... Маша ей разсказала, что на дняхъ нашла у меня въ карманѣ какое-то старое письмо ко мнѣ отъ Вѣры Павловны (вѣдь мы съ ней здѣсь хотя и жили въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, а иногда переписывались). Ну, вотъ, будто бы это письмо ей все и объяснило. Вѣра Павловна говоритъ, что Марья Семеновна и руки ея цѣловала, и называла „святой", „мученицей"... Теперь та, какъ окончитъ въ школѣ, сидитъ у Марьи Семеновны и ухаживаетъ за ней...

Рахмаровъ замолкъ, а Роговъ подумалъ: „Да, не сразу

узнаешь человѣка"!... Все случившееся было такъ неожиданно для него и носило въ себѣ такой скрытый, глубокій трагизмъ, что Иванъ Захаровичъ забылъ на минуту свою личную маленькую тревогу, и когда Рахмаровъ напомнилъ ему, что нужно отправляться въ школу, его словно холодной водой обдали. Однако, идти было нужно: необходимо нужно что-то сказать Софьѣ, чтобы разсѣять ея предубѣжденіе, а быть можетъ, и зарождавшуюся ненависть къ нему. Но ощущенія Рогова, когда они вышли съ Рахмаровымъ и направились къ школѣ, были не изъ пріятныхъ. Ему самому даже мелькнула мысль, что нѣчто подобное должны чувствовать преступники, которыхъ ведутъ на казнь.

Когда Рахмаровъ отворилъ дверь школы, оттуда хлынулъ, вмѣстѣ съ яркимъ свѣтомъ лампъ, гулъ дѣтскихъ голосовъ. Этотъ гулъ сразу смолкъ, когда показался незнакомый дѣтямъ человѣкъ. Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ и ожиданіемъ.

Роговъ въ первую минуту ничего не видѣлъ: какой-то хаосъ изъ дѣтскихъ глазъ, носовъ и щекъ закружился передъ нимъ, и среди этого хаоса онъ видѣлъ неподвижно смотрѣвшіе на него два черные глаза, полные такой насмѣшки, что ему хотѣлось провалиться сквозь землю.

Софья Петровна не поднялась къ нему на встрѣчу. Она даже не подняла головы, наклоненной надъ шитьемъ крохотной бѣловолосой дѣвочки. Только одни глаза она подняла на него. Но онъ видѣлъ все ея склоненное лицо: она кусала себѣ губы, чтобы удержаться отъ смѣха.

„И какъ я долженъ быть смѣшонъ!"—подумалъ Иванъ Захаровичъ. Онъ не замѣчалъ двухъ другихъ глазъ, кроткихъ, добрыхъ, смотрѣвшихъ на него съ жалостью. Вѣра Павловна встала и пошла ему на встрѣчу.

— Здравствуйте, недобрый другъ!—сказала она, протянувъ ему руку. Онъ ухватился за эту руку, какъ утопающій за соломинку, и такъ крѣпко пожалъ, что дѣвушкѣ стоило усилія не вскрикнуть.

— Почему вы считаете меня недобрымъ?

— Да вы не были больше недѣли!

Ему стало легче. Первый ударъ грозы, собравшейся надъ его головой, былъ такъ нѣженъ! Оставался другой: нужно было поздороваться съ Софьей Петровной, а она упорно сидѣла на своемъ мѣстѣ, на третьей скамьѣ, рядомъ съ дѣтьми.

Кланяясь издали, Роговъ сталъ пробираться къ ней между скамьями и стѣной.

А она съ тѣмъ же упорствомъ и жестокостью смотрѣла на него насмѣшливыми глазами; она бы не смогла придумать ему большей пытки! Пробираться подъ огнемъ выстрѣловъ непріятеля было бы ему не такъ мучительно, какъ подъ этимъ взглядомъ, въ которомъ чувствовалось больше, чѣмъ простая насмѣшка: презрѣніе, почти брезгливость.

Наконецъ онъ добрался до нея. Она сжалилась и протянула руку, но такъ неохотно, какъ будто это стоило ей большихъ усилій.

— Какъ ваше здоровье? — спросилъ Роговъ, не зная, что сказать.

— Вы видите, я здорова! — почти рѣзко сказала она.— Странная заботливость!

— Я, какъ врачъ... интересовался...

— Да, какъ врачъ... А какъ человѣкъ, вы довольно беззаботны о другихъ.

Ударъ былъ такъ силенъ, что Роговъ стоялъ блѣдный, растерянный; губы у него дрожали. Вмѣшалась Вѣра Павловна.

— Ужасная погода! Воображаю, какъ вы озябли, пока ѣхали сюда!

— Я его согрѣлъ,—сказалъ Рахмаровъ.—Однако, пойдемте къ больной.

— Да, да!—забормоталъ Роговъ:—да, пора!

— Я васъ сейчасъ увижу у Марьи Семеновны, — сказала Вѣра Павловна.—Мы кончаемъ, и я иду туда.

Роговъ и Петръ Григорьевичъ вышли.

— Идите осторожнѣе, — говорилъ Рахмаровъ, освѣщая передъ Роговымъ дорогу фонаремъ:—тутъ надо по доскамъ, не то въ грязи утонете... Ну, вотъ, увидите и мою жену.

— А каковы ея отношенія къ Вѣрѣ Павловнѣ?

— Она въ первый же день пріѣзда посѣтила ее и пригласила заняться воспитаніемъ Оли... Я даже и не ожидалъ отъ этой женщины столькихъ подвиговъ! Впрочемъ, ею руководитъ, конечно, не столько сочувствіе мнѣ или Лядовой, сколько ея гордость оскорблена этой сплетней...

Въ большомъ домѣ все, начиная съ внѣшней обстановки и кончая обычаями, было противоположно вкусамъ и привычкамъ, царившимъ во флигелѣ. Рахмарова встрѣтилъ тотъ же старикъ въ ливрейномъ сѣромъ фракѣ и вызвалъ у него невольную улыбку своей напускной торжественностью, которая до комизма противорѣчила руинамъ стараго дома. Несмотря на то, что доктора ожидали, ему все-таки пришлось посидѣть минутъ десять въ холодной комнатѣ, кототую старикъ важно назвалъ „пріемной“.

— Обождите здѣсь, въ пріемной. Я доложу,—торжественно сказалъ онъ, удаляясь въ слѣдующія комнаты.

Въ „пріемной“ стоялъ старинный диванъ краснаго дерева, обитый клеенкой, два такихъ же стула и круглый столъ. Высокіе потолки были когда-то расписаны цвѣтами и амурами, но теперь нѣсколько клочковъ этой живописи едва можно было различить среди огромныхъ зеленовато-рыжихъ пятенъ сырости. Старичокъ оставилъ на столѣ свѣчу, пламя которой колебалось отъ вѣтра, дувшаго въ щели старыхъ оконъ, и едва освѣщало потолокъ и старинные обои, висѣвшие во многихъ мѣстахъ клочьями. Эти клочья изрѣдка шуршали отъ вѣтра. Шаги старика глухо отдавались въ высокихъ комнатахъ и въ пустомъ верхнемъ этажѣ.

Даже самъ этотъ старый лакей былъ въ своемъ родѣ археологической рѣдкостью: онъ до такой степени былъ переполненъ чувствомъ собственнаго достоинства и въ то же время благоговѣнія къ своей барынѣ, что каждымъ жестомъ, каждымъ словомъ, вылетавшимъ съ шамканьемъ изъ его беззубаго рта, давалъ вамъ чувствовать свое превосходство въ знаніи правилъ аристократическаго дома... Его сѣрый фракъ съ краснымъ жилетомъ, хотя и былъ старъ до такой степени, что потерялъ весь ворсъ, однако не имѣлъ на себѣ ни малѣйшаго пятнышка. Металлическія пуговицы горѣли; подбородокъ у старика былъ тщательно выбритъ; бѣлые, какъ снѣгъ, бакенбарды расчесаны, виски прилизаны впередъ, а хохолокъ взбитъ вверхъ... Походка съ несгибающимися колѣнами должна была напоминать походку царедворцевъ... Бѣдный старикъ! Онъ жилъ прошлымъ, и эти смѣшныя мелочи помогали ему умирать, не чувствуя окружающихъ развалинъ всего, чѣмъ онъ гордился и чѣмъ жило его внутреннее существо.

Вотъ, послышались его шаги: онъ съ трескомъ раскрылъ высокія двери, сталъ сбоку ихъ и громко выкрикнулъ:

— Пожалуйте въ маленькую угловую гостиную!

Этотъ старческій крикъ раздался странно, какъ крикъ филина, въ высокихъ комнатахъ и повторился жалобнымъ эхо въ верхнемъ этажѣ. Эффектъ былъ необыкновенный: Роговъ вздрогнулъ отъ неожиданности, и у него уже было готово сорваться восклицаніе:

„Чортъ тебя побери! Да не пугай ты такъ, старое чучело!“... Но, конечно, онъ этого не сказалъ.

Угловая гостиная была повтореніемъ „пріемной“; только тутъ собрали всю мебель, оставшуюся въ домѣ; она была разставлена въ углахъ и по срединѣ съ нѣкоторымъ вкусомъ. Окна были тща-

тельно законопачены, и изъ нихъ не дуло; было тепло... Отпавшіе обои были приколочены гвоздиками и не висѣли, какъ въ пріемной.

Наконецъ, вышла Рахмарова, ведя за руку румяную, крѣпкую дѣвочку лѣтъ тринадцати. Это была женщина средняго роста; годы ея трудно было опредѣлить: затянутая въ корсетъ, въ черномъ платьѣ, худощавая, она могла издали показаться молодой дѣвушкой... Только вблизи вы замѣтили бы сильно натянутую кожу на лбу и вискахъ, подкрашенные брови и волосы, да еще шея, жилистая и худая, выдавала тайну ея болѣе чѣмъ сорокалѣтняго возраста. Посадка головы, величественно откидывавшейся нѣсколько назадъ, говорила объ утрированной надменности. Едва коснувшись руки Рогова двумя пальцами, она пригласила его сѣсть, а сама опустилась на диванъ, усадивъ рядомъ дѣвочку. Та положила свою головку на плечо матери.

Рахмарова безъ всякихъ предисловій, коротко и сухо, разсказала ходъ болѣзни. Ни одного слова лишняго, которое выдавало бы ея опасенія!

Роговъ осмотрѣлъ больную, послушно показавшую ему свое больное горло, сказалъ, что ничего опаснаго нѣтъ, и посовѣтовалъ домашнія средства.

— Я сама была въ этомъ увѣрена. Но въ такихъ болѣзняхъ нужна осторожность... Если хотите прописать что-нибудь, здѣсь готово все для рецепта...

— О, нѣтъ! Она не нуждается въ латинской кухнѣ!

— Больше ничего не нужно?

— Ничего,—отвѣтилъ онъ, и ждалъ, не начнетъ ли она какого-нибудь посторонняго разговора, какъ водится вообще у паціентовъ, особенно провинціальныхъ; но она, вставъ, проговорила:

— Я не смѣю васъ задерживать... У васъ больные...

Опять она ему протянула два пальца, не наклоняя головы. Дѣвочкѣ она сказала:

— Поблагодари же доктора!

— Спасибо!—отвѣтила та, улыбаясь ему дружески и протянувъ свою сильную, большую руку. Тутъ только ему бросилось въ глаза ея поразительное сходство съ отцомъ.

Въ передней старикъ подалъ на подносѣ конвертъ.

— Передайте барынѣ, что я земскій врачъ, и получаю жалованье за свое леченье...

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ подъѣзда, онъ увидѣлъ Рахмарова, выходившаго къ нему изъ-за угла со своимъ фонаремъ.

— Да неужели вы здѣсь ждали меня столько времени? На вѣтру?!

— О, мнѣ вѣтеръ—дѣло привычное... Нельзя же было васъ заставить идти въ темнотѣ... Ну, какъ она? Что у нея? Не дифтеритъ?—спрашивалъ онъ.

Роговъ успокоилъ его.

— Ну, и отлично! А теперь, если позволите, пойдемъ прямо къ Марьѣ Семеновнѣ. Кстати, обратите вниманіе на Вѣру Павловну. Она двое сутокъ почти совсѣмъ не спала, возясь съ больной. Вы убѣдите ее непремѣнно пойти и заснуть. Какъ бы она не захворала.

Рахмаровъ повелъ Рогова по знакомой аллеѣ парка, поддерживая слегка подъ-руку по скользкой и грязной дорожкѣ.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ спросилъ:

— Ну-съ, какое же впечатлѣніе вы вынесли отъ этой дамы?

— Я ее, признаться сказать, совершенно не понялъ. Для чего она играетъ роль такой сухой, величественной королевы?

— Подите же! И увѣряю васъ, что и она—не дурной человѣкъ: она васъ такъ быстро освободила потому, что знаетъ о болѣзни Марьи Семеновны. Всѣ эти нелѣпыя, скучныя чудачества—плоды воспитанія въ глупой семьѣ!

XXIV.

Стоя передъ дверью, въ которую слегка постучалъ Рахмаровъ, и ожидая, что вотъ ее сейчасъ отворитъ Вѣра Павловна, Роговъ почувствовалъ, что никогда и никто не былъ ему такъ дорогъ и близокъ душевно, какъ она.

Дверь отворилась, и Вѣра Павловна впустила ихъ. Роговъ совершенно безсознательно поднесъ ея руку къ своимъ губамъ и горячо поцѣловалъ.

— Ну, что больная?

— Да по прежнему. Сейчасъ она заснула. Я эти дни мѣрила и записывала для васъ ея температуру.

Она подала ему бумажку съ цифрами.

— Ну, не будемъ ее будить пока,—шопотомъ сказалъ Роговъ, и сталъ разспрашивать Вѣру Павловну о симптомахъ, а самъ всматривался въ ея поблѣднѣвшее лицо съ припухшими отъ безсонныхъ ночей глазами. Разспросивъ обо всемъ, онъ сталъ убѣждать ее оставить на время больную и пойти отдохнуть.

— Вы сами можете заболѣть.—Онъ взялъ ея руку и считалъ пульсъ.

— Я себя отлично чувствую! И спать совсѣмъ не хочется!—весело сказала она.

Едва-едва удалось уговорить ее.

— Я васъ провожу,—сказалъ ей Рахмаровъ.—Больной будетъ нуженъ ледъ?

— Достаньте непремѣнно!—сказалъ Роговъ.

— Мы не успѣли поговорить,—сказала Вѣра Павловна.—Ну, да, надѣюсь, скоро увидимся.

Оставшись одинъ, Роговъ въ первый разъ почувствовалъ утомленіе отъ тѣхъ волненій, которыя ему пришлось сегодня пережить. Онъ съ наслажденіемъ вытянулся на стулѣ. За занавѣской слышалось неровное, тяжелое дыханіе больной. Изъ-за печки въ сосѣдней комнатѣ доносился унылый крикъ сверчка. Послышался слабый голосъ:

— Вѣра Павловна, матушка!

— Не пугайтесь,—сказалъ Роговъ:—это я, докторъ.—Онъ поднялся и пошелъ къ ней.

— Спасибо, что пріѣхали,—заговорила Марья Семеновна едва слышно.

Она сильно исхудала, и отъ этого черты ея лица утончились, стали нѣжнѣе и мягче. Большіе сѣрые глаза увеличились отъ худобы и дѣлали лицо почти красивымъ. Роговъ подумалъ, что она могла быть почти красавицей въ то время, какъ Рахмаровъ познакомился съ ней.

Послѣ разспросовъ доктора и обычныхъ выстукиваній онъ сказалъ ей, что опасности нѣтъ, но придется полежать. Это ее испугало.

— Голубчикъ, докторъ,—поставьте меня на ноги поскорѣе! Не для себя прошу! По мнѣ, еслибы и умереть, такъ даже очень хорошо!

Она заплакала.

— Не волнуйтесь! Не разговаривайте, это вамъ вредно,—сказалъ Роговъ.

— Нѣтъ, ужъ вы дайте мнѣ все сказать! Мнѣ потомъ легче будетъ. Какъ камень лежитъ у меня на совѣсти великій мой грѣхъ передъ Петромъ Григорьевичемъ и Вѣрой Павловной! Некому мнѣ сказать, кромѣ васъ. Имъ самимъ не смогу сказать! Пробовала, начинала... Не могу! А вы имъ послѣ разскажете все... вамъ я могу! Вы—хорошій, добрый,—поймете и простите!

И опять она стала плакать, а онъ убѣждалъ ее отложить разсказъ.

— Если теперь не скажу,—никогда не скажу. Вотъ слушайте: вѣдь я его до того довела, что онъ запивать сталъ! Это Петръ-то Григорьевичъ! Можете ли вы повѣрить этому! Ужъ въ какой я передѣлкѣ его видѣла, какъ жили на чужой сторонѣ, а и въ голову ему не приходило... насчетъ вина... Тутъ же, когда я ему за школу скандалы дѣлать начала, замѣчаю: пахнетъ отъ него водкой, и рѣчь стала безсвязная. Да все чаще и чаще... И ни капельки мнѣ тогда его не жалко было, и даже радость злая, что онъ мучится! Пусть, молъ, совсѣмъ сопьется! Не доставайся никому, ежели ты не мой!.. Да что̀ я не то говорю!.. Это я кругомъ да около хожу...

Она помолчала, а потомъ сразу и быстро зашептала:

— Вѣдь я подписала бумагу о немъ скверную... къ жандармамъ!—пробормотала она и, упавъ на подушки. стала метаться и биться въ конвульсивныхъ рыданіяхъ, изрѣдка выкрикивая:— Лопатинъ уговорилъ. И чего онъ только не взвелъ тамъ на него! И обо мнѣ было написано, что онъ меня дѣвчонкой соблазнилъ, и все это вздоръ! Мой старшій мальчикъ не его! А онъ его наравнѣ съ другими любилъ! Вотъ какой это человѣкъ! А что̀ я противъ него сдѣлала! Можетъ быть, погубила его въ конецъ! Что̀ ему и Вѣрѣ Павловнѣ еще будетъ за эту бумагу! Кабы я тогда знала да вѣдала! Все не вѣрила ему!

У Рогова готовы были вырваться упреки и порицанія, но, видя, какъ она мучится, ломая свои исхудалыя руки, онъ сдержался и попробовалъ даже отвлечь ея мысли въ другую сторону.

— А какъ же вы, Марья Семеновна, увѣрились, что были неправы?—спросилъ онъ.

— А разъ украла я у него, у соннаго, письмо изъ кармана, отъ Вѣры Павловны. Вотъ тутъ-то я и узнала всю правду! Она ему писала, что очень жалѣетъ меня, и что я не изъ корысти его ревную, и проситъ его, чтобы онъ меня любилъ даже больше прежняго, что я заслужила его любовь... И много еще пишетъ, что ей ничего не страшно, а жаль меня, да ребятокъ, да школы... И тутъ все приписываетъ объ ихъ дѣлахъ между собой... Тутъ я все, всю свою слѣпоту уразумѣла. А бумага-то ужъ была послана... Охъ, горе мое! Мука моя мученская! Что̀ я надѣлала, окаянная!?

Она больше не плакала, но стала метаться еще сильнѣе.

— Не говорите больше,—сказалъ Роговъ:—они не осудятъ

васъ: раскаяніе ваше все искупаетъ... Я имъ передамъ, и увѣренъ, что они поймутъ, какъ и я...

— Не буду, не буду!—зашептала она покорно.—Только поставьте меня на ноги скорѣе. Я надумала уйти отсюда... Вы не повѣрите, какъ онъ мучится съ тѣхъ поръ, какъ барыня пріѣхала съ Олей... Онъ Олю до безумія любитъ! А тутъ я подъ бокомъ живу! Онъ ничего не говоритъ, а я чувствую, онъ боится, что Оля услышать можетъ обо мнѣ... Вы замѣтили ли, что онъ точно виноватый сталъ? И голосъ у него другой сталъ, и какъ-то онъ осунулся весь... и все торопится говорить, словно оправдывается. Я все чувствую... Нельзя мнѣ оставаться здѣсь... при Олѣ.

Слезы опять покатились у нея по щекамъ.

— И надо это скорѣе! И вы сдѣлайте, докторъ, чтобы я скорѣе встала... или бы ужъ померла...

— Куда же вы уйдете?

— А скажу, что на богомолье иду по обѣту! Да я и точно обѣтъ дала... Ну, а тамъ найду себѣ мѣсто; вѣдь у меня дипломъ... При земствѣ гдѣ-нибудь... А онъ тѣмъ временемъ отвыкнетъ отъ меня... А любовь его давно прошла! Ужъ очень я его мучила! Убила я его любовь! Ему лучше будетъ, что я уйду. Вѣдь онъ какъ мучится-то! Разъ пришелъ выпивши и не удержался: разсказалъ мнѣ, что Оля ему говорила: „Папочка, молъ, отчего ты со мной такой добрый, ласковый, а съ мамой совсѣмъ не такой? Милый, молъ, папа, будь съ мамой такимъ, чтобы мнѣ хорошо и весело было“! Самъ это мнѣ разсказываетъ, да вдругъ какъ заплачетъ, словно ребенокъ малый... Въ первый разъ во всѣ тринадцать лѣтъ видѣла я, какъ такой сильный мужчина плачетъ!

— Однако, довольно, довольно вамъ говорить! Лежите смирно... Я вамъ дамъ сейчасъ капель, вы и успокоитесь; постарайтесь опять заснуть,—ласково сказалъ Роговъ.

Марья Семеновна приняла капли, вынутыя изъ дорожной аптечки Рогова, и заснула.

Онъ опять сѣлъ у стола, раздумывая о той драмѣ, которая невидимо для глазъ окружающихъ происходитъ въ душѣ этой женщины, а еще сильнѣе—въ душѣ этого могучаго съ виду человѣка, котораго всѣ считали развратникомъ.

Вотъ, послышались и его шаги на крыльцѣ. Войдя въ комнату, онъ шопотомъ спросилъ:

— Еще спитъ?

— Просыпалась и опять заснула.

— А я долго ходилъ за льдомъ. Ключъ отъ ледника едва нашли. Всѣ пьяны въ лоскъ! Самъ лазилъ, да едва не свалился.

Роговъ припомнилъ слова Марьи Семеновны о его приниженности и болтливости. Да, въ немъ была непріятная перемѣна, суетливость какая-то.

Они сѣли около стола и долго молчали оба.

— Сколько жизней разбито!—заговорилъ Рахмаровъ задумчиво.—Есть пословица: „еслибы зналъ, гдѣ упадешь, соломки бы подостлалъ"!.. Отчего же это такъ все выходитъ: мечтаешь всю жизнь о счастьѣ человѣчества, готовъ умереть за него, а кругомъ себя создаешь страданія... и чьи? Самыхъ дорогихъ и близкихъ людей! Это какое-то проклятіе! Иногда я думаю, что виноваты въ этомъ шестидесятые годы, съ ихъ идеями о свободѣ чувства...

— Ну, а до шестидесятыхъ годовъ—что̀ было вотъ въ этихъ вашихъ палатахъ, когда ваша бабушка или мать изнывали въ своихъ одинокихъ спальняхъ отъ непрерывныхъ слезъ, зная, что̀ творятъ ихъ супруги! А что̀ теперь творится вездѣ?! Я разъ такую же мысль высказалъ Вѣрѣ Павловнѣ, и она вотъ что̀ мнѣ отвѣтила: „Шестидесятые годы, это—пробужденная совѣсть русскаго человѣка! Другіе дѣлаютъ въ милліонъ разъ хуже того, въ чемъ съ Рахмаровымъ случилось несчастіе, но никто не кается, а считаютъ это своимъ правомъ, гордятся этимъ". Бѣдой же такія исторіи становятся только для людей съ такой совѣстью, какая вложена въ васъ именно идеями шестидесятыхъ годовъ...

Послѣдовало долгое молчаніе.

Вдругъ въ ночной тишинѣ ясно донеслись до слуха бесѣдующихъ звуки почтоваго колокольчика... Слышнѣе, ближе... скоро можно было различить, что звенѣлъ не одинъ колокольчикъ, а цѣлыхъ три.

— Кто это? Вѣдь это къ намъ?—сказалъ Рахмаровъ.—Здѣсь нѣтъ никакой проѣзжей дороги.

Колокольчики были совсѣмъ близко и, наконецъ, замолкли.

— Къ намъ!—повторилъ онъ.—остановились у школы.

Въ эту минуту изъ-за занавѣски раздался страшный, нечеловѣческій крикъ Марьи Семеновны:

— Это они, они! Ахъ, я проклятая!.. Проклятая!...

Было слышно, какъ она заскрежетала зубами и стала биться на своей кровати.

Роговъ бросился-было къ ней, но, взглянувъ въ лицо Рах-

марова, остановился: оно было блѣдно. Видимо, Петръ Григорьевичъ все понялъ...

— Неужели этотъ негодяй Лопатинъ?—растерянно спросилъ онъ у Рогова.

Тотъ, молча, кивнулъ головой.

— Я иду туда!.. Олю испугаютъ...—сказалъ Рахмаровъ.— Да и Вѣра Павловна! Ахъ, бѣдная, бѣдная!

Онъ суетливо сталъ искать шапку, которая была тутъ же на столѣ.

Въ дверь постучали.

Это былъ Вася, перепуганный и блѣдный.

— Пожалуйте, Петръ Григорьевичъ! Тамъ какіе-то чиновники пріѣхали на трехъ тройкахъ. Спрашиваютъ васъ и Вѣру Павловну...

За занавѣской, гдѣ лежала Марья Семеновна, снова послышался вопль:

— Это я, я сдѣлала! Проклятая!

XXV.

Роговъ всю ночь не отходилъ отъ Марьи Семеновны. У нея начались припадки, которые онъ опредѣлилъ, назвавъ истероэпилептическими, но какъ остановить—не зналъ: ее выгибало дугой, причемъ она упиралась на постель головой и ногами; глаза были закрыты; сознаніе отсутствовало...

Начало уже разсвѣтать, и слабый свѣтъ утра, врываясь въ окно, мѣшался съ поблѣднѣвшимъ свѣтомъ лампы.

Наконецъ, припадки кончились, и измученная женщина впала въ забытье, похожее на глубокій сонъ.

Роговъ вышелъ изъ-за занавѣски, погасилъ лампу, присѣлъ къ столу и, думая о томъ, что̀ теперь происходитъ въ усадьбѣ и школѣ, задремалъ. Его разбудилъ легкій стукъ снаружи.

Тихо пройдя къ двери, Роговъ отворилъ ее. На крылечкѣ стояла Софья Петровна, укутанная въ плэдъ. При блѣдномъ свѣтѣ пасмурнаго утра онъ увидѣлъ потемнѣвшее, осунувшееся лицо; глаза, окруженные синевой, казались впавшими; они смотрѣли сердито, а въ то же время въ нихъ была невыразимая тоска...

— Я не войду,—сказала она сухо:—я—на два слова: посовѣтуйте, что̀ теперь мнѣ дѣлать?.. Онъ уѣхалъ... Она черезъ нѣсколько часовъ тоже уѣзжаетъ въ губернскій городъ хлопотать за него... Какъ мнѣ оставаться здѣсь?.. Невозможно!

— Зачѣмъ ей ѣхать, да еще сейчасъ же? — сказалъ онъ, выходя на крыльцо и затворивъ за собой дверь.—Все устроится и безъ нея. Это, вѣроятно, формальность... Онъ объяснитъ и вернется дня черезъ три...

— Съ ней нельзя говорить... Твердитъ одно: „Нельзя терять ни минуты, ни минуты"! Она желала видѣть васъ передъ отъѣздомъ... теперь, кажется, спитъ—заперлась.

— Что же мы тутъ стоимъ? Зайдите въ комнату,—сказалъ Роговъ.—Надо серьезно подумать, что дѣлать вамъ? Вернуться домой?

— Ни за что!.. Послѣ того, что *онъ* сдѣлалъ! Никогда!— Она говорила объ отцѣ.—Не можете ли вы пойти со мной въ школу—тамъ поговоримъ. Кстати, что съ этой женщиной?

— Припадки, въ родѣ падучей... Теперь она спитъ... Оставить ее нельзя.

— Я все-же не зайду къ ней! Не могу! Я ее ненавижу! Въ двухъ словахъ скажу мой планъ: нельзя ли вамъ переговорить съ женой Рахмарова? Объясните ей все. Пока не вернется Вѣра Павловна, пусть она возьметъ меня къ дочери гувернанткой, бонной... чѣмъ хочетъ!.. пока я чего-нибудь не придумаю... Она предлагала что-то подобное Вѣрѣ Павловнѣ.

— А Вѣра Павловна вернется сюда?

— Непремѣнно... Впрочемъ, если ничего не удастся въ губернскомъ городѣ, проѣдетъ въ Петербургъ... Такъ вы придете къ ней?

— Да. Надо прислать кого-нибудь къ больной.

— Я пришлю Машу, если пойдетъ. Постойте... нужно было сказать еще что-то... Но я еще подъ впечатлѣніемъ того, что пережила... Я не могла заснуть, не могла оставаться одна...

— Посидимъ здѣсь, на крылечкѣ. Я надѣну пальто... Поговоримъ...

Скоро онъ вернулся и сѣлъ рядомъ съ ней на лавку.

Софья долго молчала и вдругъ рѣзко проговорила:

— Да, Лядова его очень сильно любитъ, — это теперь для меня ясно: ея сумасшедшій отъѣздъ...

— Конечно, любитъ, какъ человѣка, какъ брата, который столько перестрадалъ... А теперь вновь... это ясно.

— Вы это серьезно думаете?—спросила Софья.

— Для чего же бы я говорилъ вамъ это, еслибы думалъ иначе?

— Чтобы успокоить меня,—рѣзко сказала она.

— Мнѣ и въ голову не пришло, что васъ можетъ такъ сильно тревожить вопросъ, въ сущности, вовсе не важный.

— Нѣтъ, это важно для меня,—рѣзко сказала она:—если она любитъ его, какъ любовника, то весь ореолъ, которымъ я окружила ихъ обоихъ,—отвратительная ложь! И я ихъ обоихъ готова возненавидѣть! Я теряю вѣру въ людей!

— Я васъ не понимаю!.. Ну, а если даже она его любитъ такъ, какъ вы думаете, — отчего тутъ разочаровываться въ людяхъ? Развѣ онъ не стоитъ любви? Конечно, вы не думаете, что тутъ было что-нибудь больше молчаливаго, затаеннаго чувства?

— Да, не думаю... Она... не рѣшилась бы на это... по своей дряблости и трусости! И не это мнѣ теперь важно!..

— Такъ объясните, въ чемъ дѣло?—спросилъ Роговъ, все больше изумляясь и чувствуя раздраженіе противъ нея.

Она не отвѣтила, презрительно улыбнулась и смотрѣла вдаль, кусая губы.

Роговъ видѣлъ въ профиль ея лицо, на которомъ выражалась вражда, почти злоба... И однако, никогда это лицо не казалось ему такимъ прекраснымъ, какъ теперь... Бываютъ лица, красоты которыхъ не знаешь, пока видишь ихъ добрыми или веселыми. Ихъ начинаешь понимать только тогда, когда увидишь въ нихъ совершенно противоположныя чувства... „Таково должно быть лицо Медеи или лэди Макбетъ,—подумалъ Роговъ.—Да, въ этой дѣвушкѣ должна быть недюжинная сила, но жестокая!.. И какъ все въ ней спутано! Что изъ нея выйдетъ“?

— Вы думаете,—онъ скоро вернется? — спросила она неожиданно, послѣ долгаго молчанія.

— Я въ этомъ увѣренъ. Онъ все объяснитъ и вернется.

Роговъ пристально слѣдилъ за выраженіемъ ея лица, и замѣтилъ на немъ не радость отъ этихъ словъ, а почти отчаяніе...

„Что такое происходитъ въ ней?—думалъ онъ.—Ей не хочется, чтобы онъ вернулся... Она боится этого! Любитъ она его, что-ли? И боится своего чувства? Не понимаю“!

— Вотъ что: вы не хлопочите у Рахмаровой о мѣстѣ для меня. Я вернусь къ отцу... Мнѣ здѣсь оставаться не слѣдуетъ... Но и тамъ... Боже мой!.. Я не могу туда! Я не могу видѣть отца!

— Да, васъ ожидаютъ крупныя непріятности!

— Я этого не боюсь... Но я ненавижу его, презираю!.. И жить у него! Однако, это рѣшено...

Она встала.

— Но не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь вамъ? Уговорить отца отпустить васъ куда-нибудь... въ Москву, въ Петербургъ...

— Объ этомъ и думать нечего! Онъ не дастъ на это ни гроша! Я знаю...

— Быть можетъ, я что-нибудь придумаю другое, — бормоталъ Роговъ.

— Вы? Я вамъ теперь не вѣрю, послѣ того, какъ вы вели себя въ городѣ. Что вы за человѣкъ? Какъ вы не подумали, что сплетники свяжутъ это со мной? Хорошій вы другъ, нечего сказать!.. Можно разсчитывать на такого человѣка!

— Передъ вами я виноватъ совершенно невольно! Я никогда не пью! Требовали, чтобы я выпилъ... У меня нѣтъ умѣнья отказываться...

— И, конечно, требовалъ слѣдователь Морозовъ! Это ему было нужно, чтобы первому же пустить обо мнѣ сплетню!.. Вы, вѣроятно, уже знаете все. Онъ каждому говоритъ, что я погубила его своимъ отказомъ и, конечно, еще многое другое разсказываетъ объ этомъ князѣ и всю эту грязь! И вы это слушали и молчали! И мало того, что слушали: вы, вы, обѣщавшій мнѣ быть моимъ другомъ, помогать мнѣ, — вы съ нимъ пили послѣ всего, что онъ говорилъ обо мнѣ! Нѣтъ, это просто ужасно!.. Что это за люди! Какія грязныя тряпки!

Она обернулась къ нему и смотрѣла прямо въ его глаза съ такимъ презрѣніемъ, что онъ не могъ выдержать ея взгляда...

Затѣмъ она быстро пошла отъ него, не подавъ руки, даже не простившись.

Онъ не нашелъ ни одного слова въ свое оправданіе и сидѣлъ, какъ пришибленный. Ему хотѣлось броситься вслѣдъ за ней, объяснить что-то... Но что же объяснитъ онъ? Все, что могъ, — онъ уже сказалъ! И ея рѣшеніе, что онъ такая же грязная тряпка, какъ всѣ окружающіе людишки, вырвалось у нея послѣ его оправданій...

„А можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ таковъ?—думалъ онъ, съ тоскливымъ, холоднымъ нытьемъ въ сердцѣ.—Развѣ и раньше не приходило мнѣ самому этого въ голову? Но неужели же слѣдуетъ на себя крестъ поставить и махнуть на себя рукой? За одну-двѣ ошибки! Вѣдь ужъ не такъ же я плохъ, чтобы не могъ стать лучше? Вѣдь мучаетъ же меня это! И чѣмъ я, собственно, гадокъ?.. Да, я—тряпка, безвольность! Всякій можетъ мной вертѣть! Нѣтъ своего, устойчиваго „я“! Это отвратительно дѣйствуетъ на женщинъ,—эта безличность, тряпичность! Онѣ ищутъ характера! Неужели нельзя его выработать въ себѣ“?!..

И опять онъ подмѣтилъ, что думаетъ о выработкѣ себя въ связи съ желаніемъ стать выше въ глазахъ „женщины“. Отъ этого онъ еще больше сталъ противенъ себѣ.

Войдя въ комнату, онъ нашелъ Марью Семеновну въ томъ же состоянiи, и снова сѣлъ у стола.

„А почему же дурно, что я думаю о работѣ надъ собой въ связи съ женщиной? Развѣ не женщины поднимаютъ насъ? Развѣ онѣ не лучше насъ? Такъ и должно быть! Объ этомъ не нужно жалѣть! Намъ у нихъ многому учиться нужно... Только зачѣмъ она такъ жестоко меня ударила?.. А развѣ я почувствовалъ бы такъ ясно свою пошлость, еслибы она сказала мягче? Нѣтъ, спасибо ей надо сказать, а не бранить ее, какъ Морозовъ. И ему она отвѣтила жестоко. Но онъ не понялъ! Не пойду я по его дорогѣ! Буду работать надъ собой“!..

Роговъ почувствовалъ, что унынiе, близкое къ отчаянiю, спадаетъ съ него,—что ему стало легче: да, онъ будетъ слѣдить за собой, работать надъ собой! „И пусть даже это будетъ ради Софьи! Вѣдь никто не знаетъ своихъ недостатковъ, пока случай на нихъ не натолкнетъ или такой чуткiй человѣкъ, какъ она! Спасибо ей! И она увидитъ, что я воспользовался ея урокомъ“...

У него на душѣ стало почти хорошо, а вмѣстѣ съ тѣмъ мысль перешла отъ самого себя къ Рахмарову и его положенiю. „Ему очень можетъ помочь, если Марья Семеновна письменно отречется отъ того, что̀ написала! Какъ это раньше не пришло мнѣ въ голову?! Вѣра Павловна можетъ взять съ собой этотъ документъ“.

И онъ нетерпѣливо сталъ ожидать, когда больная проснется.

Л. Оболенскiй.

НОВАЯ КНИГА
о
ФРАНЦІИ

Emile Faguet, Le Libéralisme. Paris, 1902.

Альфредъ Фулье, въ своей книгѣ о психологіи французскаго народа (1898 г.), опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ свойства французскаго ума: живость, подвижность, необычайная отзывчивость и ясность пониманія, вслѣдствіе чего французъ бываетъ чрезвычайно общителенъ и пристращается ко всѣмъ разумнымъ общечеловѣческимъ идеямъ. Фулье затрогиваетъ мимоходомъ и вопросъ, возбуждаемый недоброжелателями французовъ (de Bella, Nordau) о вырожденіи французскаго народа, но онъ обходитъ этотъ вопросъ, закрывая глаза и отдѣлываясь отъ него замѣчаніемъ: „хуже всего для народа, если онъ самъ себѣ внушаетъ (autosuggestion), что онъ въ упадкѣ,—отъ частаго повторенія онъ можетъ получить головокруженіе и упасть, онъ можетъ почувствовать въ себѣ влеченіе къ самоубійству".—Всѣми блистательными, указанными Фулье, качествами французскаго ума обладаетъ несомнѣнно Эмиль Фаге (Faguet), родившійся въ 1847 г., членъ „Французской Академіи" съ 1900 г., лучшій нынѣ французскій критикъ и историкъ литературы. Фаге, вмѣстѣ съ тѣмъ,—и публицистъ. Онъ рѣшился повѣдать мужественно и храбро своему народу, что онъ спускается внизъ по наклонной плоскости въ своемъ общественномъ быту и въ политикѣ. Фаге чувствуетъ, что онъ

одинокъ, что онъ убѣдитъ весьма немногихъ. Онъ не волнуется, излагаетъ свои убѣжденія спокойно, но откровенно и рѣзко. Прямолинейность его логическихъ выводовъ такова, что многія изъ нихъ могутъ показаться парадоксальными. Книга его написана въ августѣ и сентябрѣ 1902 г. Въ ней отражаются, конечно, и послѣднія событія внутренней политики французской, преслѣдованіе духовныхъ римско-католическихъ конгрегацій и лишеніе ихъ права воспитанія юношества и школьнаго преподаванія, чѣмъ Фаге возмущенъ совсѣмъ не какъ римскій католикъ, но только какъ свободомыслящій человѣкъ. Заглавіе его книги объясняетъ и личную его точку зрѣнія по отношенію къ предмету сочиненія: онъ—чистый *либералъ*, безъ всякой иной примѣси, то-есть поборникъ всякой разуму соотвѣтствующей свободы, которая человѣку не прирождена по его натурѣ, но до которой онъ постепенно доработывается въ обществѣ.

Фаге относится скептически къ новой наукѣ соціологіи, по онъ по принципу противникъ теоріи, раздѣляемой большинствомъ трудящихся надъ созданіемъ этой науки ученыхъ, которые основываютъ ее на *зоологической* идеѣ, то-есть на предположеніи, что человѣческое общество не похоже на рой пчелъ или на муравейникъ, а есть живое существо, въ которомъ единичные люди—только отдѣльныя клѣточки. Самъ Гербертъ Спенсеръ, сначала много строившій на этой аналогіи общества съ животнымъ организмомъ, отрѣшился отъ этихъ лѣсовъ, дошедши посредствомъ ихъ до нѣкоторыхъ соціологическихъ индукцій, которыми и ограничился. Человѣкъ есть такое же общежительное животное, какъ пчелы или муравьи; отъ своего рожденія онъ—существо безвольное или, по крайней мѣрѣ, безконечно послушное и всякому деспотизму податливое, но постепенно дѣлается свободнѣе потому, что пріобщается къ общей работѣ своего муравейника посредствомъ своей воли. Никакихъ прирожденныхъ правъ человѣкъ не имѣетъ, но у него есть многочисленныя потребности, которыя удовлетворяются посредствомъ группировки въ безчисленные союзы начиная съ семьи, страны, племени и доходя до наивысшихъ нынѣ обобщеній, называемыхъ государствами. Причину, вызывающую образованіе всякаго государства, составляетъ неодолимая потребность самозащиты общими силами противъ внѣшняго врага. Формы первоначальнаго проявленія его весьма разнообразны. Оно зарождается или вслѣдствіе завоеванія, или вслѣдствіе взаимнаго срощенія частей, иногда даже посредствомъ договора, но, разъ бывъ создано, оно уже продолжаетъ существовать изъ опасенія передъ внѣшнимъ врагомъ; опасеніе же такое основано на

томъ, что человѣкъ вообще не миролюбивое существо, а боевое и расположенное къ завоеваніямъ. Эта воинственность порождаетъ сознаніе *отечества*. Франція обязана тѣмъ, что она стала отечествомъ,—англичанамъ въ XIV столѣтіи. Людовикъ XIV и Наполеонъ I создали отечество германское. Зарожденіе государства совпадаетъ съ образованіемъ среди народа его правительства. Фаге заключаетъ правительство государства, относительно предметовъ его дѣятельности, въ крайне узкія границы. Кругъ его дѣятельности исчерпывается внѣшнею защитою и водвореніемъ матеріальнаго внутренняго порядка,—значитъ, войскомъ, полиціею, судопроизводствомъ и необходимыми для этихъ функцій денежными средствами—финансами. Ставя это положеніе, Фаге сильно ошибается; онъ смѣшиваетъ настоящее съ будущимъ, современную дѣйствительность—съ идеаломъ государства, какимъ оно, вѣроятно, будетъ современемъ. Ни одно изъ центральныхъ теперешнихъ государствъ не можетъ обойтись безъ вмѣшательства правительства во всѣ области жизни общественной, даже въ отношенія экономическія, школьныя и религіозныя; оно не можетъ быть равнодушнымъ, когда народъ значительно отстаетъ отъ другихъ въ этихъ отношеніяхъ. Несомнѣнно, однако, что народы объединяются нынѣ все въ бо́льшія и бо́льшія массы, не однообразныя по составу своего населенія; что по мѣрѣ того самое сосредоточеніе властей становится труднѣе; что центральная власть должна стремиться къ федеративному политическому устройству, ограничивать себя прямыми своими задачами, развивать мѣстное самоуправленіе до крайнихъ его предѣловъ, передать ему все остальное, прямо къ нему не относящееся, и оставаться по этому остальному только при своемъ наблюдательномъ верховномъ контролѣ и надзорѣ. Сдѣлавъ такую оговорку, мы можемъ стать на точку зрѣнія Фаге и слѣдить за его разсужденіями.

Исходную точку разсужденій Фаге составляетъ незаконченная еще драма великой французской революціи, начавшаяся у порога XIX вѣка, которой послѣднія дѣйствія уже въ XX в. отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что она въ началѣ XVIII в. волновала всѣ народы европейскіе, а нынѣ мало кого внѣ Франціи интересуетъ; внутри же Франціи она получаетъ значеніе болѣе и болѣе трагическое. Вызвана была французская революція большими неудобствами для народа, достигшаго высокой культуры, отъ монархическаго деспотизма Бурбоновъ, который, устроившись на обломкахъ средневѣковаго феодализма, не упразднилъ ихъ и, сверхъ того, самъ по себѣ былъ тягостенъ и не удовлетворялъ назрѣвшихъ въ народѣ потребностей равенства людей и личной ихъ

свободы. До сихъ поръ продолжается въ законодательныхъ собраніяхъ Франціи борьба двоякаго рода началъ, столь несогласимыхъ между собою, какъ огонь и вода, началъ *либеральныхъ*, которыхъ родоначальниками были преимущественно философы французскіе XVIII вѣка, и въ особенности Монтескьё, и началъ *якобинскихъ*, главнымъ сѣятелемъ которыхъ былъ Ж.-Ж. Руссо. До сихъ поръ разбираются французами, со ссылками на статьи, два манифеста или деклараціи о правахъ человѣка—конституціоннаго собранія 1789 и конвента 1793 года. Фаге отрицаетъ существованіе прирожденныхъ правъ человѣка по отношенію къ обществу и правительству, но допускаетъ, что могутъ быть узаконены права гражданина, принадлежащія каждому изъ составляющихъ народъ недѣлимыхъ, свойственныя имъ по высокой степени народнаго образованія (личная свобода, обезпеченность личнаго имущества, равенство всѣхъ лицъ передъ закономъ, даже право участія всѣхъ въ управленіи государствомъ). Въ борьбѣ изъ-за устраненія зла, заключающагося въ чрезмѣрномъ сосредоточеніи всей жизни, и общественной, и частной, въ рукахъ правительства,—ошибочно воображаютъ люди, что они справятся со зломъ, не измѣнивъ нисколько механизма власти, но перенеся только верховную власть съ одного лица на другое, напримѣръ съ монарха на народъ, или—такъ какъ народъ въ сущности фиктивное лицо—на его представителей. По мнѣнію Фаге, это понятіе политическаго верховенства (souveraineté) есть прямая безсмыслица, потому что правительство имѣетъ несомнѣнное право и власть совершать только извѣстное число опредѣленныхъ функцій, но не болѣе, такъ что, собственно, всякая конституція должна бы начинаться словами, что правительству принадлежатъ такія-то права по отношенію къ народу, а не наоборотъ. Статья о верховной власти столь же безсмысленна, по мнѣнію Фаге, какъ и статья 3-я якобинской деклараціи конвента 1793: „tous les hommes sont égaux par la nature et devant la loi". Порождено было это законоположеніе понятнымъ и естественнымъ отвращеніемъ всѣхъ къ привилегіямъ, къ неправдамъ и неравноправностямъ средневѣковаго устройства.

Фаге удивляется, какъ могли люди додуматься до такой нелѣпости, чтобы, при цареніи во всей природѣ одного только жесточайшаго неравенства, всѣ люди признаваемы были по природѣ равными; чтобы каждое лицо могло сказать: никто не можетъ быть выше меня, никто не можетъ быть ни въ какомъ отношеніи больше и лучше меня... Существуетъ діаметральная противоположность исключающихъ себя взаимно двухъ главныхъ

догматовъ великой революціи: свободы и равенства. Второй изъ нихъ взялъ рѣшительно верхъ надъ первымъ, который чрезмѣрно сократился. Причины такого умаленія свободы Фаге доискивается въ психологіи французовъ, въ характерныхъ чертахъ души этого народа въ настоящую эпоху. Въ томъ видѣ, въ какомъ она у Фаге изображена, она весьма непривлекательна, но изображеніе ея, повидимому, весьма правдивое. Влеченія и къ свободѣ, и къ равенству, существуютъ въ весьма разной степени и пропорціи у различныхъ народовъ, но французу равенство приходится несравненно болѣе по вкусу, нежели свобода, влеченія къ которой почти въ немъ не существуетъ. Тѣмъ и объясняется лозунгъ французскихъ революціонеровъ: революція—не что иное, какъ *равенство*. Тѣмъ объясняется постепенный переходъ отъ равенства всѣхъ передъ закономъ къ равенству политическому (suffrage universel), отъ равенства политическаго къ реальному, имущественному, въ двухъ главныхъ его видахъ—партажизма и коллективизма; наконецъ, стремленіе къ безусловному равенству людей посредствомъ нивеллированія ихъ и сглаживанія разницъ между ними въ достоинствахъ ихъ умственномъ и нравственномъ. Свободою прикрывались, точно щитомъ, всѣ слабѣйшія партіи въ своей борьбѣ съ сильнѣйшими, но свобода была для нихъ только личиною и притворствомъ. Фаге убѣжденъ, что Франція—одна изъ странъ наименѣе либеральныхъ и свободныхъ; онъ думаетъ, что только по мягкости французскихъ нравовъ отсутствіе свободы менѣе здѣсь, чѣмъ въ другихъ странахъ, чувствительно; что всякое правительство во Франціи имѣло столько деспотизма, сколько лишь захотѣло, и что при деспотизмѣ французы чувствуютъ, что они живутъ комфортабельнѣе, чѣмъ безъ него. Фаге увѣряетъ, что онъ между французами не знаетъ ни одного настоящаго либерала, хотя каждый изъ нихъ былъ, хотя разъ въ жизни, либераломъ, когда чувствовалъ себя не въ силѣ, когда стремился добиться власти и господствовать.

Всѣ французы вообще—слабые патріоты; они большіе сектанты и до мозга костей *этатисты*, или государственники, то-есть сторонники полнаго всевластія государства надъ человѣкомъ, стремящіеся завладѣть правительствомъ, какъ орудіемъ для достиженія цѣлей своей партіи и удовлетворенія своихъ партіонныхъ страстей. Нѣтъ здѣсь ни одной партіи, сосредоточенной подъ знаменемъ человѣческой свободы. Нѣтъ даже элементовъ для образованія такой партіи, потому что въ общемъ союзѣ всякихъ различныхъ направленій, ратующихъ подъ лозунгомъ свободы, въ боль-

шинствѣ оказываются только одни реакціонеры, а не прогрессисты,—значитъ, люди, которые меньше всего заботятся о свободѣ.

Какимъ образомъ, однако, могло устроиться такое роковое и вредоносное теченіе вещей, которое неизбѣжно приведетъ не къ исцѣленію, а къ паденію? На этотъ вопросъ Фаге даетъ отвѣтъ, въ которомъ виденъ ученикъ Тэна, сторонникъ теоріи о вліяніяхъ расы, среды и момента. Конечно, неудобствамъ теперешняго душевнаго строя французовъ содѣйствуетъ ихъ раса, но вліяніе ея не имѣетъ рѣшающаго значенія, потому что это народъ весьма смѣшанный по своему составу. Важнѣе расы его воспитаніе латинское, рѣзкія черты римской культуры и преданій, вліяніе римскихъ законовѣдовъ, римскій цезаризмъ и этатизмъ. Вліяніе это слабѣе на сѣверѣ и усиливается по направленію къ югу. Затѣмъ французы въ теченіе 800 лѣтъ приноровились къ монархизму. Они донынѣ монархисты до мозга костей, любятъ всякихъ пріѣзжихъ королей, любятъ все, что имъ напоминаетъ Людовика XIV. Когда по роковому ходу событій они сдѣлались республиканцами, то они упразднили особу короля и замѣстили ее правительствомъ, снабженнымъ всѣми правами Людовика XIV и имѣющимъ въ своемъ услуженіи несмѣтную толпу чиновниковъ, болѣе многочисленную, чѣмъ въ какой бы то ни было иной странѣ. Всякій французъ добивается государственной должности. Правительство есть нѣкоторымъ образомъ золотое руно, а французскія партіи имѣютъ видъ синдикатовъ, образованныхъ для завладѣнія и дѣлежа этою добычей. Кромѣ того, на этомъ народѣ, вышколенномъ посредствомъ бюрократической централизаціи, лежитъ еще другое тавро, печать противнаго либерализму начала, школьное воспитаніе, которое было исключительно религіозное, католическое или протестантское, пока не началось, сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, преслѣдованіе исповѣданій въ области воспитанія. Съ самаго начала французской революціи, католицизмъ замѣтно измѣнился и сталъ теперь толерантнѣе, но все-таки, однако, онъ не могъ измѣнить своей природѣ, а природу его составляетъ безусловное и всестороннее послушаніе. Съ протестантизмомъ еще труднѣе ладить. Французскій протестантизмъ, это—кальвинское исповѣданіе, а извѣстно, что Кальвинъ былъ жестокій преслѣдователь всѣхъ иначе, нежели онъ, вѣрующихъ. Самую любопытную часть книги Фаге составляетъ дѣлаемый имъ обзоръ враговъ свободы, которыхъ число милліонъ, но между которыми особенно выдѣляются слѣдующіе: монархизмъ, аристократизмъ, соціализмъ, любовь равенства, верховенство власти и самъ парламентаризмъ.

Съ *монархизмомъ* легче либераламъ помириться, чѣмъ съ другими врагами,—если только монархъ не мистикъ, не ставитъ себѣ задачею править душами людей, и если онъ не задумываетъ большихъ переворотовъ, имѣющихъ міровое значеніе.

Труднѣе справиться съ *аристократизмомъ*, который Фаге отличаетъ отъ „аристій", то-есть, отъ группъ, выдѣляющихся изъ безформенной толпы и состоящихъ изъ отборныхъ людей, образующихъ союзы для осуществленія общими силами извѣстныхъ общественныхъ задачъ. Аристократизмъ есть собственно олигархія, то-есть дробное меньшинство, взявшееся управлять народомъ за исключеніемъ всѣхъ другихъ. Эта форма правленія—непрочная, переходная. Если это олигархія замкнутая, то она скоро вырождается; если она открытая, то въ нее проникаетъ демократизмъ, который, завладѣвъ этою крѣпостью, взрываетъ потомъ ея стѣны. Всякій аристократизмъ недолюбливаетъ свободу, не любилъ ее даже тотъ буржуазно-плутократическій, который правилъ Франціею съ 1815 по 1848 годъ осторожно, умно и бережливо и оставилъ послѣ себя хорошую память. Онъ погибъ вслѣдствіе своего отвращенія къ свободѣ, вслѣдствіе того, что скупился и удѣлялъ ее съ большими ограниченіями, такъ что то, что онъ давалъ, едва ли заслуживало названія свободы.

Соціализмъ, это—прямой деспотизмъ, прямое отрицаніе свободы въ наипростѣйшей формѣ. Монархизмъ связывалъ по рукамъ личность, а соціализмъ совсѣмъ ее уничтожаетъ, все сводя къ государству и работая на государство, превращая всѣхъ до послѣдняго рабочаго въ государственныхъ должностныхъ людей. Въ его глазахъ свобода есть не что иное, какъ анархія и трата силъ общественныхъ.

Мы уже прикасались къ сильнѣйшему врагу свободы, кроющемуся не въ идеѣ, но въ крови и темпераментѣ француза, въ его смаковані *равенства*, тѣсно связанномъ съ другою крупною чертою его характера,—съ его общительностью. Француза коробитъ, раздражаетъ и сильно безпокоитъ малѣйшая независимость и эксцентричность, малѣйшее поползновеніе на то, чтобы не быть такимъ, не дѣлать такъ и даже не развлекаться такъ, какъ всѣ другіе люди—comme tout le monde. Всякое выдѣленіе себя изъ массы, всякое образованіе группы, разсматриваемое уже какъ начало союза, исповѣданія, конгрегаціи, товарищества, есть уже зародышъ аристократизма, противный преизбыточной наклонности къ равенству, господствующей надъ всѣми другими влеченіями.

Свобода имѣетъ весьма сильнаго врага въ принципѣ *народ-*

наго верховенства или суверенитета, къ которому Фаге относится отрицательно. Одолѣвъ монархію, французскіе революціонеры, вмѣсто того, чтобы провозгласить начало: „il n'y a pas de souveraineté", не тронули самаго основанія, самой подкладки монархизма, но только сами сдѣлались правительствомъ, измѣнивъ однѣ надписи. Они переименовали все, что было королевское, въ народное и, установивъ суверенитетъ народа, втолковали ему, что всѣ управляются всѣми сообща, что управляемый правительствомъ народъ есть одновременно и управитель. Названія вещей измѣнены, но вещи остались какими были прежде; деспотизмъ тотъ же, но для одолѣнія его необходимо бороться не только съ нимъ, но и съ тѣмъ вымысломъ и тою фальшью, которыя его прикрываютъ.

Страннымъ на первый взглядъ можетъ показаться то обстоятельство, что между злѣйшими врагами свободы Фаге помѣщаетъ *парламентаризмъ*, не самъ по себѣ по принципу, но только парламентаризмъ французскій, по нынѣ дѣйствующей конституціи 25 февраля 1875 г. Не подлежитъ сомнѣнію, что конституціонное правленіе въ европейскихъ монархіяхъ изобрѣтено было для ограниченія суверенитета двумя способами: *во-первыхъ*, посредствомъ раздѣленія единой верховной власти на три уравновѣшивающіяся и одна отъ другой независимыя: законодательную, исполнительную и судебную, и, *во-вторыхъ*, посредствомъ раздѣленія наиболѣе изъ нихъ опасной и вліятельной власти законодательной между двумя равноправными палатами, которыя, даже если онѣ вполнѣ одна съ другой согласны, не создадутъ еще закона, пока законъ не будетъ обнародованъ исполнительною властью. Несомнѣнно также, что парламентаризмъ во многихъ отношеніяхъ полезенъ и служитъ ручательствомъ ненарушимости законныхъ правъ всякаго лица. Создаетъ законы и измѣняетъ ихъ не власть исполнительная, которая болѣе склонна, нежели другія, справляться съ чужими правами помимо закона по своему усмотрѣнію, и не власть судебная, которая по своему существу имѣетъ аристократическія наклонности. Еще менѣе способенъ законодательствовать самъ народъ непосредственно, то-есть, не народъ, а грубый произволъ его простого большинства по идеѣ Руссо (Contrat social), и расположенная ко всякимъ притѣсненіямъ его половина, съ добавкою хотя бы одного голоса, подчиняющая себѣ посредствомъ этого перевѣса всѣхъ остальныхъ. Это простое большинство—чистый вымыселъ, даже въ странѣ всеобщаго голосованія; исключаются со счета женщины и дѣти, люди, не могущіе принять участіе въ голосованіи по законнѣйшимъ пре-

пятствіямъ и уклоняющіеся отъ голосованія потому, что оно ихъ не интересуетъ. По соображеніямъ Фаге, изъ сорока милліоновъ народонаселенія Франціи управляетъ ею посредствомъ голосованія никакъ не болѣе четырехъ милліоновъ человѣкъ, законодательствующихъ не непосредственно, но чрезъ выборныхъ своихъ представителей. По конституціи эти законодатели избираются (кромѣ той части сенаторовъ, которые пожизненны) только на довольно короткіе сроки. Законодатели должны считаться со своими избирателями, чтобы не потерять ихъ довѣрія при послѣдующихъ выборахъ. Они работаютъ медленно, предусмотрительно, одолѣвая множество умышленно противопоставляемыхъ имъ препятствій и задержекъ, и справляясь съ властями исполнительною и судебною. Эти предосторожности столь многочисленны, что, повидимому, почти немыслимо, чтобы при этихъ условіяхъ законодатели могли нарушать права человѣка, создавать тиранническія законоположенія. Въ дѣйствительности, однако, всѣ эти предосторожности, вмѣстѣ взятыя, въ народѣ французскомъ, не обладающемъ чутьемъ свободы и мало интересующемся ею, суть не больше, какъ обманъ зрѣнія или самообольщеніе, или превращаются въ нѣчто шуточное, достойное только смѣха. Вмѣсто того парламентаризма, котораго предназначеніе состояло въ сохраненіи свободы отъ всевластія, утвердились посредствомъ парламентаризма два всевластія, два неодолимыя верховенства: парламентское—членовъ законодательныхъ собраній, и внѣ-парламентское—тѣхъ четырехъ милліоновъ людей, которые ихъ выбираютъ.

Парламентское всевластіе. Въ теченіе того четырехлѣтія, на которое выбираются депутаты законодательнаго собранія, они—неограниченные хозяева и распорядители въ управленіи государствомъ. Останавливать ихъ могла бы только судебная власть, еслибы она была поставлена на стражѣ конституціи, но во Франціи такой стражи совсѣмъ нѣтъ. Законодателей не ограничиваетъ исполнительная власть, потому что они ее поглотили. Они держатъ эту власть за карманъ и могутъ отказать ей въ деньгахъ на расходы. Притомъ, они вправѣ при всякомъ новомъ голосованіи опрокинуть кабинетъ, то-есть, уволить всѣхъ министровъ. Наконецъ, они дѣлаютъ фактически отвѣтственными передъ собой лицами не только министровъ вмѣстѣ съ президентомъ кабинета, но и президента республики, который, при всей своей великолѣпной обстановкѣ, есть только кукла, занимающая первое мѣсто при всевозможныхъ церемоніальныхъ обрядахъ. Наконецъ, эти законодатели предоставляютъ зависимой отъ нихъ исполнительной власти, въ лицѣ министра юстиціи, назначать судей, чѣмъ и дополняется

окончательно полное сліяніе въ ихъ лицахъ всѣхъ трехъ главныхъ властей, которыя должны по теоріи, оставаясь раздѣльными, образовать въ совокупности народный суверенитетъ.

Они, притомъ, составляютъ правительство, и центральное, и мѣстное,—то-есть, они располагаютъ и столицею, и провинціями. Въ огромномъ большинствѣ эти законодатели—люди пріѣзжіе изъ провинціи, въ ней укоренившіеся, въ ней имѣющіе кліентовъ. Они—мѣстная аристократія, они одинаково вхожи и въ министерства столицы, и въ префектуры, и въ мельчайшія административныя присутствія.

Подъ этимъ парламентскимъ всевластіемъ скрывается *другое* невидимое, но еще болѣе реальное—не всего народа, которое фиктивно, но господствующей въ данную минуту партіи, то-есть, половины съ добавочною единицею тѣхъ четырехъ милліоновъ голосовъ, которые располагаютъ сорока-милліоннымъ государствомъ. И депутаты, и не-пожизненные сенаторы, подлежатъ переизбранію послѣ извѣстныхъ сроковъ; они отвѣтственны передъ избирателями, которымъ даютъ въ своей дѣятельности отчетъ. Что касается до избирателей, то изъ нихъ правами человѣка интересуются крайне немногіе интеллигенты, но ихъ всѣхъ весьма интересуетъ, какая партія будетъ у кормила правленія. Каждый законодатель старается привязать къ себѣ наибольшее число людей раздачею между своими приверженцами наибольшаго числа государственныхъ должностей или облегченіемъ цѣлыхъ разрядовъ людей въ платежѣ податей, или обѣщаніемъ такого облегченія въ будущемъ, или исходатайствованіемъ увольненія отъ воинской повинности, или обѣщаніемъ хлопотать о сокращеніи сроковъ военной службы, то-есть, тѣмъ именно, отъ чего Франція можетъ пострадать и погибнуть. Они не совѣстятся въ этомъ отношеніи, они вѣдь не наслѣдственная аристократія, они избираются только на срокъ и озабочены только сегодняшнимъ, а не завтрашнимъ днемъ. Это всевластіе избирателей солидарно съ парламентскимъ верховенствомъ, но оно не утруждаетъ себя заботами о государственныхъ вопросахъ и задачахъ и поглощено всецѣло ежедневною политическою борьбою изъ-за своихъ личныхъ интересовъ, изъ-за обладанія правительствомъ,—борьбою, которую ведетъ всевозможными средствами: перомъ, пропагандою, печатью, подкупомъ. Происходитъ безкровная, правда, но упорная по всѣмъ правиламъ война. Кто взялъ верхъ, тотъ не можетъ либеральничать; но кто побитъ, тотъ домогается всяческихъ вольностей. Новому побѣдителю приходится или измѣнить своему убѣжденію, или измѣнить своей партіи. Первое легче, и совершается оно

весьма цинически. Побѣдители неизбѣжно гласятъ: „долой свобода печати, ассоціацій, преподаванія! — то силки, въ которыя насъ заманиваютъ наши противники“. Имъ отвѣчаютъ ихъ единомышленники-избиратели: „мы съ вами и за васъ; мы не допустимъ, чтобы противная партія получила большинство при будущихъ выборахъ“! Заключеніе Фаге по этому предмету таково, что въ странѣ, въ которой права человѣка и личная свобода не вошли въ плоть и кровь народа и не сдѣлались народною религіею, парламентаризмъ самъ собою вырождается и становится наибольшимъ врагомъ правъ человѣка и свободы.

Книга Фаге имѣетъ видъ баланса по счету свободы личной во Франціи, помѣченнаго числомъ изданія книги. Она вмѣщаетъ въ себѣ обзоръ всевозможныхъ родовъ свободы, какъ тѣхъ, которые занесены въ законодательные акты, какъ неотъемлемыя права человѣка, не подлежащія дѣйствію давности, такъ и тѣхъ, которыя встрѣчаются на практикѣ въ жизни и въ обычаяхъ. По мнѣнію Фаге, и по исторіи своей, и по темпераменту, народъ французскій не привыкъ вольно жить, какъ кому хочется и нравится, лишь бы никому не вредя. Такою свободою онъ не наслаждался и до 1789 г., но онъ пользовался нѣкоторыми вольностями сословными и корпоративными, которыя были отняты у него революціею, создавшею этатизмъ, или государственный деспотизмъ современный, отъ котораго онъ теперь пытался защититься, занося въ законъ права человѣка и гражданина. Въ статьѣ 10 деклараціи 1789 написано: „nul ne doit être inquiété pour ses opinions, même réligieuses, pourvu que leur manifestation ne trouble pas l'ordre public, établi par la loi“. Прелестна въ этой статьѣ фраза о религіозныхъ убѣжденіяхъ. Можно было ожидать, что будетъ сказано: „нельзя никого безпокоить прежде всего изъ-за религіозныхъ, а затѣмъ и изъ-за всякихъ другихъ убѣжденій“. Въ законодательномъ актѣ сказано: „даже изъ-за религіозныхъ“, въ чемъ и сказалось, что свобода религіозная только терпима, но не цѣнима по своему достоинству. Подобныя же замѣчанія можно бы сдѣлать и относительно другихъ родовъ свободы, практикуемыхъ во Франціи. Мы не будемъ слѣдить за ихъ обзоромъ въ книгѣ, — остановимся только на четырехъ, самыхъ интересныхъ: свобода союзовъ или товариществъ, свобода исповѣданій, свобода преподаванія и свобода судейская.

Свобода товариществъ. Первыя революціонныя народныя собранія ломали съ ожесточеніемъ всѣ сословныя и корпоративныя перегородки и средостѣнія: привилегіи дворянства, духовенства, устройство цеховъ, все посредствующее между недѣли-

мымъ лицомъ и государствомъ, и учреждали нагой этатизмъ или государственный деспотизмъ безъ всякихъ его средневѣковыхъ покрововъ. Понятно, что въ декларацiяхъ о правахъ человѣка 1789 и 1793 гг. не могло быть отведено никакого мѣстечка товариществамъ. Ихъ преслѣдовали какъ начатки аристократій; отъ нихъ отдѣлывались шаблоннымъ возраженіемъ, что они образуютъ „государства въ государствѣ“. Между тѣмъ право образовать товарищескіе союзы есть наиболѣе неотъемлемое право человѣка и гражданина. Еслибы возникло товарищество для отправленія одной изъ государственныхъ функцій, напримѣръ, полиціи внутренней, или организаціи военной силы, хотя бы и для защиты отечества, то, несомнѣнно, оно составляло бы вторженіе въ область дѣятельности государственной,—но какъ можно воспретить людямъ заниматься филантропіей, религіозными ученіями, науками, искусствомъ? Народъ, въ которомъ исчезла наклонность къ образованію товарищескихъ союзовъ, обреченъ на смерть въ теченіе непродолжительнаго времени.

Свобода вѣроисповѣданія. По существу своему государство есть учрежденіе совсѣмъ не религіозное, которое, при всякомъ вмѣшательствѣ въ вѣроисповѣдныя дѣла, ставитъ себя въ затруднительное положеніе, потому что хотя вѣроисповѣданіе не есть государство въ государствѣ, но оно есть правленіе душами человѣческими, и состоитъ изъ людей, сильно преданныхъ своей вѣрѣ, въ числѣ которыхъ бываютъ и государственные чиновники, и солдаты. Отличавшіеся своею вѣротерпимостью, римляне ненавидѣли, однако, по этой причинѣ христіанство. Новѣйшія государства: Англія, Пруссія и другія, старались абсорбировать религію, создавать національныя церкви, присвоили себѣ главенство въ церкви. Съ древнихъ временъ Франція притѣсняла христіанство во всѣхъ его формахъ, преслѣдовала кальвинизмъ, янсенизмъ; изъ католическихъ священниковъ она пыталась образовать своихъ собственныхъ агентовъ, своихъ блюстителей нравственности. Во время революціи государство присвоило себѣ всѣ церковныя имѣнія, превратило духовныхъ въ лицъ служащихъ, состоящихъ у него на жалованьи. Оставались еще, кромѣ оплачиваемыхъ, ничего не получающіе отъ государства духовные ордена католическіе, или конгрегаціи, при преслѣдованіи которыхъ оно вооружало противъ себя и все духовенство, и причинило себѣ множество хлопотъ и непріятностей.

Прямой логическій выходъ изъ этого положенія имѣется налицо; онъ содержится въ извѣстной формулѣ Кавура: „libera chiesa in libero stato“. Она практикуется съ успѣхомъ въ Со-

единенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Государство не беретъ духовенства на свое иждивеніе, но оно даетъ полный просторъ духовенству и орденамъ устроиваться, какъ они желаютъ, и владѣть всякаго рода имуществами. Повидимому, это—дилемма: либо одно, либо другое; третье рѣшеніе невозможно. Однако, третье рѣшеніе предлагаютъ въ послѣднее время французскіе радикалисты. Въ послѣдней программѣ радикальной партіи, опубликованной въ 1902 г., поставлены слѣдующія требованія: установить верховенство (suprematie) гражданской власти (надъ церковью), отмѣнить всѣ духовныя конгрегаціи, секуляризировать всѣ церковныя недвижимости, наконецъ, исключить вѣроисповѣданія изъ бюджета по либеральной формулѣ: „les églises libres dans l'état libre et souverain". По справедливому замѣчанію Фаге, эта формула могла бы быть еще болѣе упрощена и выражена въ двухъ пунктахъ: 1) никакія церкви не допускаются ни въ какомъ видѣ; 2) всѣ церкви свободны.

Свобода преподаванія. До-революціонный монархизмъ не занимался вовсе преподаваніемъ; воспитанію юношества посвящали себя католическіе духовные ордена и протестантское духовенство, до изгнанія протестантовъ по Нантскому эдикту. Во время революціи Робеспьеръ и крайніе республиканцы были сторонниками введенія спартанскаго обязательнаго воспитанія дѣтей правительствомъ; идеями ихъ воспользовался потомъ Наполеонъ, учреждая свои школы-казармы. Большинство въ законодательныхъ собраніяхъ (Мирабо, Талейранъ, Лаканаль) отстаивало права родителей воспитывать дѣтей по своему усмотрѣнію. Было еще третье мнѣніе, занимающее середину между крайними, а именно то, чтобы существовали правительственныя народныя училища, но чтобы могли быть учреждаемы желающими вольныя; между ними могли бы дѣлать выборъ родители. Современные радикалисты-деспоты желали бы воспретить второй способъ, установить исключительно первый для поддержанія нравственнаго единства въ обществѣ. Ихъ предложеніе есть только подражаніе богословской идеѣ правленія душами. Въ XVIII вѣкѣ мысль человѣческая, освободившись отъ богословскихъ оковъ, выработала не-исповѣдныя міросозерцанія. Еслибы у французовъ была малѣйшая доля либерализма, то ихъ свободомысліе ограничилось бы сохраненіемъ безъисповѣднаго преподаванія въ правительственныхъ школахъ, состязающагося съ исповѣднымъ въ вольныхъ школахъ, руководимыхъ духовенствомъ. Теперь насталъ періодъ остраго и жестокаго преслѣдованія всѣхъ школъ съ оттѣнками вѣроисповѣдными и насильственнаго внушенія народу философ-

скихъ идей, ходячихъ, раздѣляемыхъ правительствомъ даннаго состава. Радикалисты разсуждаютъ такимъ образомъ: наша задача—образовать людей свободныхъ; свобода годится только свободнымъ людямъ; свобода не должна быть употребляема какъ орудіе противъ свободы; мы не допустимъ свободы заблужденій. Каково же будетъ это правительственное ученіе по его содержанію? Оно будетъ—какая-нибудь новѣйшая и модная философская система, въ родѣ тѣхъ, какими были картезіанство, кантизмъ, контизмъ или спенсеризмъ, то-есть извѣстный искусственно насажденный догматъ, своего рода религіозное ученіе, выдающее себя за нѣчто свободное, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограждающее себя запрещеніемъ преподавать по отношенію къ своимъ вѣроисповѣднымъ конкуррентамъ. Это, собственно, католицизмъ наизнанку. По мнѣнію Фаге, католицизмъ сидитъ глубоко въ самомъ темпераментѣ народномъ. Фаге утверждаетъ о себѣ, что онъ окруженъ одними только католиками, изъ которыхъ одни въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, а другіе—наизнанку.

Свобода судейская, какъ ручательство неприкосновенности правъ, признанныхъ закономъ за человѣкомъ. Она существуетъ въ полномъ видѣ только въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ которыхъ судъ можетъ уклониться отъ примѣненія дѣйствующаго законоположенія, если онъ найдетъ его противнымъ „Common Law“ (духу законовъ) или конституціи. Такой приговоръ можетъ быть опровергаемъ жалобами по инстанціямъ, пока верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ не рѣшитъ, должно ли извѣстное право быть осуществляемо или нѣтъ, какъ противорѣчащее конституціи. У Фаге нѣтъ никакихъ затѣй на нѣчто подобное тому, что имѣется въ Америкѣ. Его требованія проще. Онъ желаетъ только сдѣлать судей независимыми отъ внѣшнихъ вліяній. Эта цѣль достижима однимъ изъ трехъ путей. Въ дореволюціонной Франціи судейскія должности составляли частную собственность судей и были отчуждаемы. Эти должности могутъ быть замѣщаемы по выборамъ. Наконецъ, можно предоставить самой магистратурѣ комплектованіе вакансій. Фаге предпочитаетъ даже старинную продажу судейскихъ должностей теперешней системѣ несмѣняемости судей, которая дѣлаетъ независимыми только судей, рѣшившихся сидѣть до конца вѣка на своихъ мѣстахъ безъ всякаго аванса. Независимость выборныхъ судей весьма сомнительна. Судья долженъ былъ бы періодически считаться со своими избирателями, щадить самыхъ крупныхъ и вліятельныхъ, щадить также и правительство, чтобы попасть при выборахъ въ правительственные кандидаты. При выборной системѣ выборы

будутъ зависѣть отъ тѣхъ же теченій, отъ которыхъ зависитъ преобладаніе той или другой политической партіи. Притомъ, суды не будутъ дѣйствовать однообразно, а крайне разно; ихъ приговоры на югѣ будутъ, какъ и теперь, антиклерикальные, въ Бретани — клерикальные, въ Парижѣ современномъ — націоналистическіе, мѣстами—соціалистическіе, словомъ,—неровные и пристрастные. Фаге желалъ бы, чтобы магистратура сама себя пополняла, чтобы всѣ суды Франціи участвовали въ выборахъ въ члены кассаціоннаго суда, кассаціонный же судъ чтобы замѣщалъ судейскія должности во всѣхъ подчиненныхъ ему судилищахъ.

Такова послѣдняя книжка Фаге въ главныхъ ея очертаніяхъ. Читателя не можетъ не поразить сказывающаяся въ ней полнѣйшая безнадежность автора, отсутствіе какого бы то ни было лекарства, какихъ бы то ни было совѣтовъ, какъ противодѣйствовать рѣзко намѣченнымъ въ книгѣ многочисленнымъ оказательствамъ усиливающагося упадка. Фаге считаетъ себя едва-ли не единственнымъ во Франціи либераломъ. Возможность перемѣны къ лучшему стоитъ въ неизмѣримой дали. И отдѣльный человѣкъ, и народъ, могутъ, конечно, измѣниться, когда они придутъ къ сознанію, что ихъ интересъ заключается именно въ свободѣ и въ отрѣшеніи отъ укоренившихся противныхъ ей дурныхъ привычекъ. Этимъ путемъ, пишетъ Фаге, даже освоившіеся съ неволею могутъ превратиться въ либераловъ. Надежды на то, что нѣчто подобное произойдетъ, у него мало; однако, по его убѣжденію, можно и не имѣть надежды, но не позволено никому поступать такъ, какъ поступаютъ люди, потерявшіе всякую надежду. Фаге написалъ много книгъ, которыя не имѣли практическихъ послѣдствій. Онъ собирается написать еще много другихъ и оканчиваетъ свое сочиненіе на этой,—какъ онъ ее, конечно въ шутку, назвалъ,—угрозѣ. Онъ столь остроуменъ, что книги его будутъ, во всякомъ случаѣ, читаться. Угроза его шуточная, но само сочиненіе не шуточное; оно равняется серьезному предостереженію со стороны искренно убѣжденнаго и любящаго свою родину человѣка...

В. Спасовичъ.

ИЗЪ
СОНЕТОВЪ

Елиз. Броунингъ.

I.—УЗНИКЪ.

Счетъ времени веду годами я съ тѣхъ поръ,
Какъ видѣлъ я травы зеленой колыханье,
И на устахъ моихъ природы всей дыханье
Съ моимъ сливалося. Теперь земли просторъ
Мнѣ страннымъ кажется, какъ дальнихъ сферъ сіянье,
Какъ мысль о небесахъ, туманящая взоръ.
Изъ-за дверей тюрьмы, закрытыхъ на запоръ,
Природы музыка звучитъ на разстояньѣ—
Безумна и дика, и слуховой обманъ
Въ мозгу рождаетъ грезъ несбыточныхъ туманъ.
Помимо чувствъ, мечтѣ—до боли напряженной—
Рисуются: рѣка и лѣсъ заворожённый,
И длинный рядъ холмовъ, что̀ солнцемъ осіянъ,
Божественной красой преображённый.

II. — НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ.

Когда ищу въ стихахъ для мысли выраженья—
Мнѣ въ пульсѣ чудится души моей біенье:
Какъ будто хочется освободиться ей,
Чтобъ шире вылиться, свѣтлѣе и полнѣй,
Достигнувъ истинной гармоніи свершенья—
Предъ человѣчествомъ и предъ вселенной всей.
Но, словно дерево, что вѣтра дуновенье
Склоняетъ въ сторону, калѣчитъ и людей—
Дохнувшее на нихъ проклятіе природы,
И правда каждаго—обманъ для остальныхъ.
Для выраженья чувствъ намъ не дано свободы.
Душа! Лишь сбросивъ гнетъ своихъ одеждъ земныхъ,
Ты звуки обрѣтешь: внѣ рабства и стѣсненья,
Найдя достойное для пѣсни завершенье.

III. — СЛЕЗЫ.

Блаженны тѣ изъ васъ, кто скорбь души печальной
Слезами изливалъ! Скорбей легчайшихъ—нѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ совершёнъ былъ грѣхъ первоначальной.
Что слезы? Плачутъ всѣ: ребенокъ безпечальный
Подъ пѣсню матери, едва увидѣвъ свѣтъ;
Невѣста юная, надѣвъ уборъ вѣнчальный;
Священные холмы увидѣвшій поэтъ,
Слеза котораго—безмолвный имъ привѣтъ.
Блаженны тѣ изъ васъ, кто слезы лилъ въ кручинѣ!
Когда, ослѣплены слезами, какъ въ пустынѣ
Встрѣчаете кругомъ вы только рядъ могилъ—
Вамъ стоитъ взоръ поднять, измученный тоскою,
И слезы по лицу польются вмигъ рѣкою,
И вамъ откроется блескъ солнца и свѣтилъ.

IV.—НЕПОПРАВИМОЕ.

Сегодня я въ лугахъ весь день цвѣты рвала,
Струившіе съ зарей свое благоуханье,
И пѣло все во мнѣ, какъ пташка иль пчела,
Летящія въ поля, встрѣчая дня сіянье.
Но тѣмъ скорѣй цвѣты постигло увяданье—
Чѣмъ крѣпче я, въ рукѣ сжимая ихъ, несла,
И рвутся изъ души не пѣсни, а рыданья...
Что скажете вы всѣ, чья дружба мнѣ мила?
Сорвать еще цвѣтовъ—идти ли снова въ поле?..
Пусть это дѣлаетъ кто можетъ, но не я!
Устала я душой, во мнѣ нѣтъ силы болѣ,
Цвѣтами прежними полна рука моя,
Пускай же ихъ букетъ, въ ней умирая, вянетъ,
Пока и для меня день смерти не настанетъ!

О. Михайлова.

МОЯ ЖИЗНЬ

и

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

VI *).

Устройство въ Кіевѣ. — Попечитель Ребиндеръ. — Встрѣча съ Ренненкампфомъ.— Министръ Норовъ въ Кіевѣ. — Первая лекція.—Декабристъ кн. Трубецкой.—Матеріалы для магистерской диссертаціи и ихъ разработка. — Цѣхановецкій и его диспутъ.—Каникулы 1857 г. и сватовство. — Мой магистерскій экзаменъ.—Пироговъ и диспутъ Сидоренко.—Литературные вечера у Пирогова.—Министръ Ковалевскій въ Кіевѣ.—Моя магистерская диссертація и отношеніе къ ней факультета. — Избраніе въ адъюнкты и командировка за границу.—Женитьба.—Отъѣздъ за границу.

Пріѣхалъ я въ Кіевъ въ августѣ 1856 г., и скоро нашелъ квартиру съ полнымъ содержаніемъ на Елизаветинской улицѣ, у вдовы Габель, которая владѣла имѣньицемъ въ каневскомъ уѣздѣ и проживала въ Кіевѣ для воспитанія дѣтей. Теперь этотъ домъ принадлежитъ Вишневской. Когда я прохожу мимо него, я всегда вспоминаю свою длинную, узенькую комнату въ три окна на улицу, на которыхъ были навалены нужныя и ненужныя книги, взятыя мною изъ университетской библіотеки. Отсюда я

---

*) См. выше: февр., стр. 606.

пошелъ на мою первую лекцію; сюда приходили поздравлять меня съ успѣхомъ; здѣсь била меня лихорадка послѣ треволненій профессорскаго дебюта. Помню я семью моей милой хозяйки Габель. Съ этой семьей я всегда обѣдалъ: два сына, ученики второй гимназіи, маленькая дочка, бабушка Зося и милая очень гувернантка, мать теперешняго книгопродавца Идзиковскаго. Меньшого сына звали Викторомъ. Это былъ хорошенькій блондинъ, и я никогда не думалъ, чтобы изъ него вышелъ извѣстный впослѣдствіи въ Москвѣ и Кіевѣ комическій пѣвецъ Родонъ. Жилось мнѣ тихо и пріятно: кормили недурно, заниматься не мѣшали, а плата была умѣренная—рублей восемнадцать въ мѣсяцъ. Потомъ нагрянули квартиранты студенты-поляки: стало шумно, и я отодвинутъ былъ на второй планъ; поэтому, по пріѣздѣ съ рождественскихъ святокъ въ Кіевъ, въ январѣ 1857 г., я перешелъ на другую квартиру, въ домъ Лагоды, на углу Маріинско-Благовѣщенской и Кузнечной. Первымъ моимъ дѣломъ, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было знакомство съ моимъ товарищемъ Шварцемъ, котораго я еще не зналъ. Онъ жилъ у родителей, въ семьѣ довольно грязной и распущенной. Маленькій, съ желтоватымъ лицомъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка больного. Въ гимназіи онъ учился хорошо, окончивъ ее чуть ли не первымъ, съ золотой медалью. Въ университетѣ онъ также учился хорошо; написалъ диссертацію на тему, предложенную Иванишевымъ, за которую также получилъ золотую медаль. Вѣроятно, онъ обладалъ большой памятью и умѣлъ хорошо выучивать наизусть. Но онъ былъ мало развитъ, міровоззрѣнія узкаго; не томила его жажда знанія и науки, къ которой онъ относился какъ-то внѣшнимъ, служебнымъ образомъ. Высокое званіе профессора представлялось ему какой-то чиновничьей должностью. Безвыѣздно проживая въ Кіевѣ и въ своей малопросвѣщенной семьѣ, онъ былъ очень простоватъ и наивенъ, и давалъ поводъ къ анекдотамъ. Развитые и образованные профессора историко-филологическаго факультета, Бунге и Шульгинъ, порицали такой выборъ, распространяя это порицаніе и на мою особу, такъ какъ мы представляли собой неразлучную пару. Этимъ скептическимъ взглядомъ на насъ проникся и попечитель Ребиндеръ, мнѣнія котораго подсказывались тріумвиратомъ историко-филологическаго факультета. Справедливость требуетъ сказать, что эти сомнѣнія имѣли основаніе: Шварца не слѣдовало выбирать для приготовленія къ профессурѣ. Для такого дѣла онъ просто былъ неподходящимъ; въ немъ не было и не могло быть ни глубины мысли, ни широкихъ горизонтовъ, ни горячей любви къ наукѣ,

ни пониманія культурной миссіи русскаго профессора. Въ одинъ день мы начали съ нимъ наши лекціи, почти въ одно время стали держать магистерскій экзаменъ. Много у насъ было общихъ дѣлъ, нерѣдко гуляли вмѣстѣ. Но съ первой же встрѣчи мы были чужды другъ другу. Я присутствовалъ на его первомъ магистерскомъ экзаменѣ и нашелъ его школьнымъ и вызубреннымъ. Незабитовскій обрѣзалъ его на финансовомъ правѣ, и Шварцъ бросилъ Кіевъ и переѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ редактировалъ какую-то газету. И хорошо сдѣлалъ: для такого дѣла онъ былъ, можетъ быть, болѣе способенъ. Мѣсто Шварца занялъ Сидоренко, перешедшій изъ историко-филологическаго факультета, съ политической экономіи на финансы, которые онъ и читалъ до своей внезапной смерти. Это была другого поля ягода: человѣкъ крѣпкой смекалки, но болѣе годный для городской управы или банка, чѣмъ для каѳедры. Его прославилъ Василій Васильевичъ Тарновскій, съ сыномъ котораго онъ занимался, и тріумвиратъ составилъ о немъ высокое мнѣніе. Но въ природѣ его не было академической жилки, а лекторъ онъ былъ прежестокій. Его большія дарованія, но не академическаго характера, могли быть лучше примѣнены въ другомъ вѣдомствѣ.

Устроившись у Габель и познакомившись со Шварцемъ, я пошелъ представиться попечителю Ребиндеру. Произвелъ на меня этотъ попечитель какое-то странное, неопредѣленное впечатлѣніе—чего-то недоговореннаго, незаконченнаго. Онъ былъ градоначальникомъ Кяхты и женился въ Сибири, на дочери декабриста, кн. Трубецкого. Уже одно это обстоятельство сближало его съ либералами. Но либералы были теперь героями дня и либерализмъ былъ теперь съ казенной пломбой. Ребиндеръ былъ преисполненъ такого казеннаго либерализма; на пути въ Кіевъ онъ побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ видѣлся съ Некрасовымъ, съ Салтыковымъ, которые еще болѣе утвердили его намѣреніе быть либераломъ. Въ Кіевѣ онъ подпалъ подъ вліяніе просвѣщеннаго тріумвирата, обратившаго его окончательно въ либерала. Только вскружили ему голову, и онъ не зналъ, какъ быть и что̀ дѣлать: править ли округомъ по кіевскому рецепту или по кяхтинскому. При немъ впервые появляются студенческія сходки. Онъ весьма покровительственно относился къ нимъ, считая ихъ органами студенческихъ мыслей и желаній. При немъ состояли довѣренные студенты, посредники между нимъ и сходками. Черезъ нихъ онъ сообщалъ свои требованія, черезъ нихъ студенты передавали ему свои пожеланія. Этими довѣренными лицами были студенты: Кистяковскій, впослѣдствіи проф. уголов-

наго права; сербъ Средкевичъ—впослѣдствіи проф. бѣлградской высшей школы и воспитатель князя Милана, и Якубовичъ—оригинальный неудачникъ, переходившій отъ одного дѣла къ другому: коммиссіонеръ Герцена и Бакунина, сербскій волонтеръ, сражавшійся въ рядахъ Черняева, помощникъ университетскаго библіотекаря. Близкій родственникъ извѣстнаго декабриста и принадлежа къ именитой дворянской роменской фамиліи, Якубовичъ умеръ сирымъ и убогимъ, въ какой-то земской больницѣ. Но на Ребиндера нельзя было положиться: онъ былъ измѣнчивъ и непостояненъ, какъ великосвѣтская дама. Кистяковскій изъ фаворитовъ скоро былъ разжалованъ въ гонимаго; между студенческими сходками и покровительствующимъ имъ попечителемъ начались недоразумѣнія и пререканія. Наставляемый въ либерализмѣ Некрасовымъ и Павловымъ, Ребиндеръ, среди моихъ напряженныхъ работъ и успѣховъ, предлагаетъ мнѣ подать въ отставку, вслѣдствіе моего физическаго недостатка, а знаменитаго кіевскаго математика Рощина—гордость первой гимназіи, въ которой онъ былъ учителемъ—хочетъ разжаловать въ учители лубенскаго уѣзднаго училища. Таковы-то были у насъ переходы отъ реакціи къ либерализму.

Въ пріемѣ попечителя можно было подмѣтить его скептическія отношенія къ выбору факультета. Все это продолжалось до моей вступительной лекціи, когда мнѣ удалось разсѣять эти сомнѣнія и отдѣлить себя отъ Шварца. Тогда заговорили обо мнѣ иначе, и самъ тріумвиратъ сталъ склоняться въ мою сторону.

Скоро я встрѣтился съ Рененкампфомъ, который окончилъ курсъ еще въ декабрѣ 1855 г.,—семестромъ позже меня. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе поздоровѣвшаго въ деревнѣ сосницкаго панича, переставшаго думать о какихъ-нибудь научныхъ предпріятіяхъ. Но объ этомъ ему напомнили кіевскіе доброжелатели, пристроивъ его учителемъ законовѣдѣнія кіевской второй гимназіи. Законовѣдѣніе это временно преподавалъ надзиратель общихъ квартиръ, Михаилъ Ивановичъ Данельскій, бывшій нѣжинскій лицеистъ. Это была блестящая личность, высоко даровитая натура, предназначенная природой сидѣть на каѳедрѣ, говорить съ трибуны, быть литераторомъ или журналистомъ. Ума бойкаго и живого, діалектики непобѣдимой, въ исторіи моего умственнаго развитія онъ былъ pendant къ Судовщикову. Я помню свои полуночныя бесѣды съ нимъ въ Нѣжинѣ, когда онъ объяснялъ мнѣ эстетическое значеніе послѣднихъ произведеній Пушкина, иллюстрируя объясненія декламаціей лучшихъ мѣстъ „Скупого рыцаря“, „Пира во время чумы“, „Каменнаго гостя“ и т. д.

И этотъ-то блестящій молодой человѣкъ, котораго природа надѣлила глубокимъ и тонкимъ умомъ, рѣдкимъ даромъ слова и эстетическимъ вкусомъ, довольствовался должностью надзирателя общихъ квартиръ, а потомъ—скромною долею мелкопомѣстнаго помѣщика села Нѣдры—этого гнѣзда дворянъ Высоцкихъ, изъ которыхъ Герасимъ Ивановичъ былъ товарищемъ Гоголя по нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Но истый славянинъ, Данельскій былъ робокъ, преисполненъ сомнѣнія въ своихъ силахъ и недовѣрія къ себѣ. Отчасти это былъ „Гамлетъ" переяславскаго уѣзда, притомъ лѣнивый и съ большой слабостью къ вину. Рененкампфъ былъ другой натурой, другимъ типомъ. Полутевтонъ, онъ уступалъ Данельскому силой ума, но далеко превосходилъ его мощью характера и вѣрою въ свои силы. Поэтому и жизненный путь его былъ блестящѣе и шире. Онъ скоро оставилъ учительство въ гимназіи и сталъ, подобно намъ, готовиться къ профессурѣ: сначала по гражданскому праву, подъ ферулой Ѳедотова, мучившаго его латинскими склоненіями и спряженіями. Онъ и вступительную лекцію прочелъ по гражданскому праву. Но когда, за смертью Пилянкевича, сдѣлалась свободной каѳедра энциклопедіи права, онъ перешелъ на этотъ предметъ и читалъ его почти все время, до своей смерти. Для меня всегда было это сопоставленіе Рененкампфа и Данельскаго интересной психологической загадкой.

Въ октябрѣ или ноябрѣ пріѣхалъ въ Кіевъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Норовъ. Не принадлежа еще къ университетскому штату, не имѣя еще даже форменнаго платья, я не могъ принимать участія въ представленіяхъ и пріемахъ. Но мнѣ лично разсказывали о ласковомъ и привѣтливомъ обхожденіи министра, о посѣщеніи имъ лекцій и преимущественно проф. богословія Скворцова, котораго мы такъ мало цѣнили и котораго онъ слушалъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Обо всемъ этомъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, и Александръ Ѳедоровичъ Кистяковскій. Онъ былъ также казеннокоштнымъ студентомъ и шелъ двумя курсами ниже меня. Съ нимъ случилась исторія, замедлившая окончаніе имъ курса: онъ какъ-то сильно оскорбилъ субъ-инспектора Тулуба, и за это былъ сосланъ въ Козелецъ учителемъ приходскаго училища. Онъ былъ большимъ спорщикомъ. Впослѣдствіи мы были близкими товарищами и сослуживцами.

Заработанныя мною у графа Комаровскаго деньги истощались, а утвержденія еще не было и жалованье не выдавалось. Великое жалованье—тридцать два рубля въ мѣсяцъ!—но на эти деньги

можно было жить тогда припѣваючи. Лишь бы только скорѣе получить ихъ. Дважды я просилъ попечителя ускорить это дѣло. Медлили-медлили, но, наконецъ, 5 ноября 1856 г., Шварцу и мнѣ назначена была вступительная лекція. Шварцъ читалъ прежде, а я послѣ него, помнится—отъ часу до двухъ. У меня даже не было фрака для этой лекціи, и я взялъ его у своего товарища Милорадовича; не было и обычнаго цилиндра, а кожаный картузъ, въ которомъ я прогуливался по Гольцамъ и Безсаламъ. Но въ моей молодой груди горѣлъ священный огонь любви къ наукѣ, и моя вступительная лекція была горячей исповѣдью юнаго адепта науки, для котораго главную прелесть жизни составляло знаніе, просвѣщеніе. Ну, и вступительная моя лекція вышла удачная, да такая удачная, что я въ теченіе своей долголѣтней профессорской практики едва ли удачнѣе прочелъ. Даже ректоръ Траутфеттеръ, скептически относившійся къ факультетской рекомендаціи, горячо меня обнялъ, искренно поздравляя съ успѣшнымъ началомъ. Идетъ уже сорокъ-седьмой годъ послѣ этой вступительной лекціи, но и теперь отъ слова до слова я могу повторить мое обращеніе къ аудиторіи: „Милостивые государи!“ — говорилъ я:—„совѣтъ университета удостоилъ меня избраніемъ въ преподаватели государственныхъ законовъ. Какъ ни лестно мнѣ это избраніе, но не скрою предъ вами, что я принялъ его не безъ робости, и эта робость будетъ понятна, если обратить вниманіе на трудность тѣхъ обязанностей, которыя я на себя налагаю. Если всякое общественное дѣло требуетъ и силы ума, и силы воли для своего успѣха, если требованіе это пропорціонально важности дѣла, то какъ не испытать чувства робости, недовѣрія къ своимъ силамъ, взявши на себя преподаваніе въ университетѣ! Еще недалеко то время, когда я самъ былъ въ числѣ слушателей этой аудиторіи, еще я живо помню требованія студентовъ: требованія эти велики, но основательны. Отъ преподавателей своихъ они ждутъ и требуютъ самаго честнаго и безкорыстнаго служенія наукѣ, самаго усидчиваго занятія ею. И мѣра пользы отъ преподавателя, и степень его нравственнаго вліянія вполнѣ обусловливаются тѣмъ, на сколько онъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Сознавая все это, не будучи увѣренъ въ своихъ силахъ, я съ робостью приступаю къ преподаванію порученнаго мнѣ предмета, и робость моя еще болѣе увеличивается, когда я подумаю о томъ, что взялся преподавать науку людямъ болѣе или менѣе развитымъ и мыслящимъ, между которыми найдется не мало искренно ей преданныхъ“.

Съ такими словами я, 24-лѣтній лекторъ, обратился къ аудиторіи, большинство которой состояло изъ студентовъ, моихъ недавнихъ товарищей. Затѣмъ полилась плавная, горячая импровизація, въ которой я старался разграничить двѣ области правоотношеній—частную и публичную, обусловливающія двѣ сферы права гражданскаго и государственнаго. Я выяснилъ предметъ и задачи права государственнаго и методы его изученія, и окончилъ объясненіемъ отношенія этой науки къ другимъ сопредѣльнымъ, и особенно къ политической экономіи, которая въ юридическомъ факультетѣ вовсе не преподавалась, но значеніе которой для юриспруденціи недавно такъ мѣтко опредѣлилъ въ своей актовой рѣчи Н. Х. Бунге. Лекція, повидимому, произвела на аудиторію сильное впечатлѣніе, сказавшееся въ неумолкаемыхъ рукоплесканіяхъ и горячихъ поздравленіяхъ. У меня голова кружилась, меня знобило, какъ въ лихорадкѣ. Я едва доплелся домой въ сопровожденіи моего друга Ждановича и слегъ въ постель. Молва разнесла не только по университету, но и по городу объ успѣхѣ моей лекціи. Многіе меня посѣтили, въ томъ числѣ и деканъ Иванишевъ, назначенный руководителемъ моего приготовленія къ профессурѣ.

Вступительная лекція была удачна, но какъ быть дальше? Не перейти же къ курсу Вигуры—печальной школѣ моей подготовки. Нѣмецкимъ языкомъ я только-что началъ заниматься, и каждая страница Блунчли стоила мнѣ непомѣрнаго труда и постояннаго заглядыванія въ лексиконъ Рейфа. Но какъ же быть? Какъ же читать? Не по тетрадкамъ же покойнаго Ивана Мартиньяновича, отъ которыхъ меня тошнило, когда я училъ ихъ студентомъ? Надумался я истолковать моимъ слушателямъ событія февральской революціи и французскую конституцію 1848 г. Эти слова: „равенство, свобода и братство“—такъ хорошо звучали и такъ строго были воспрещены, что очень хотѣлось произнесть ихъ. Взялъ я съ собой на лекцію хартію 48 г., а мой добрый геній подсказалъ мнѣ захватить и тетрадку Вигуры, въ которой излагалось ученіе объ образахъ правленія. Прихожу въ университетъ и узнаю, что на мою лекцію пріѣхалъ попечитель. Ну, какъ при немъ, при начальствѣ, говорить такіе ужасы, какъ „свобода, равенство и братство“? Я—къ тетрадкѣ Вигуры, и сталъ читать объ образахъ правленія, но на drei Viertel Stunde этого не стало, и я долженъ былъ прекратить лекцію задолго до звонка. Полное фіаско, отразившееся на лицѣ Ребиндера, который былъ передъ тѣмъ на лекціи Шварца и остался вполнѣ доволенъ ею. Я чуть не плакалъ. Черезъ нѣсколько дней попечитель пригла-

силъ меня и Шварца къ себѣ на обѣдъ. Со Шварцемъ онъ былъ гораздо любезнѣе и говорилъ съ нимъ о его лекціи. Ребиндеръ уже жилъ въ первой гимназіи. Обѣдали мы втроемъ. Вина тогда я пить не могъ, но Ребиндеръ думалъ, что я стѣсняюсь пить при немъ, какъ при начальникѣ, и совѣтовалъ не бояться. Этотъ обѣдъ я особенно помню потому, что мнѣ пришлось видѣть тестя попечителя, декабриста кн. Трубецкого. Въ дверяхъ остановился человѣкъ лѣтъ 60-ти, высокаго роста, совершенный простолюдинъ: грубоватое лицо, заскорузлыя руки, длиннополый не то сюртукъ, не то армякъ; панталоны въ сапоги. Такъ измѣнила Сибирь тонкаго и деликатнаго диктатора 14 декабря.

Помнится, въ концѣ этого семестра мнѣ пришлось впервые экзаменовать казеннокоштныхъ студентовъ. Эти первые проэкзаменованные мною были: Н. А. Богдановъ, теперешій правитель канцеляріи попечителя, Ѳ. И. Леонтовичъ, теперешній заслуженный профессоръ варшавскаго университета, и В. В. Вингингъ, теперешній управляющій могилевской казенной палатой. Послѣдній, спасибо ему, всегда добрымъ словомъ поминалъ мои первые неумѣлые профессорскіе шаги и молодой жаръ моихъ первыхъ лекцій.

Возвратившись съ обычной поѣздки на святки домой, я получилъ не въ зачетъ третное учительское жалованье—огромную сумму: 130 руб. Сдѣлалъ себѣ форменный кафтанъ, въ которомъ полагалось читать лекціи; купилъ серебрянные часы; кое-чѣмъ украсилъ свои двѣ комнатки въ домѣ Лагоды и плотно засѣлъ за работу. Изучалъ превосходную исторію литературы государственныхъ наукъ Моля, обработывалъ курсъ центральныхъ учрежденій для слушателей. Особенно увлекала меня исторія учрежденій. Исторію русскаго права въ мое время почти-что не читали, и она сдѣлалась моей излюбленной наукой: съ этихъ поръ я сталъ болѣе государствовѣдомъ-историкомъ, чѣмъ догматикомъ, что сказывалось на моихъ курсахъ и впослѣдствіи, и съ чѣмъ я не хочу разстаться и теперь, когда въ обработкѣ государственнаго права сталъ получать перевѣсъ элементъ догматическій, и оно начало утрачивать политическій оттѣнокъ, который сообщали ему государствовѣды, мои наставники, болѣе и болѣе пріобрѣтая характеръ науки юридической, съ легкой руки Лабанда, Іеллинека и др. Излагая, напр., министерства въ весенній семестръ 1857 г., я старался схватить, когда зарождалось вѣдомство каждаго изъ нихъ, какія учрежденія его вѣдали, какъ видоизмѣнялись организація и компетенція министерствъ со времени ихъ образованія и понынѣ. Я помню, что на одну мою лекцію, когда я именно

читалъ о сенатѣ, пришелъ ректоръ съ проф. Рахманиновымъ, можетъ быть сохранившіе хорошее воспоминаніе о моей вступительной лекціи. Въ этотъ же весенній семестръ 1857 г. я приступилъ къ собиранію матеріаловъ для моей магистерской диссертаціи. Мнѣ очень понравилась превосходная монографія Бориса Николаевича Чичерина: „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“, и я задумалъ изслѣдовать губернскія учрежденія XVIII вѣка до изданія „Учрежденія о губерніяхъ“ 1775 г. Въ собраніи матеріаловъ я слѣдовалъ пріему Погодина: какъ только въ какомъ-нибудь нумерѣ Полнаго Собранія Законовъ говорилось о какомъ-нибудь губернскомъ учрежденіи, я выписывалъ его цѣликомъ, но кромѣ того я списывалъ и нумера нравоописательнаго характера. Полное Собраніе Законовъ—сборникъ казуистическаго характера: при каждомъ законоположеніи приводится случай или казусъ, вызвавшій его къ бытію. Эти казусы очень характерны, а сумма ихъ рисуетъ яркую картину общественныхъ нравовъ XVIII вѣка. Мнѣ хотѣлось выдвинуть эту картину, чтобы объяснить, почему въ обществѣ, въ которомъ, какъ говорила Екатерина II, каждый жилъ только для себя, не помышляя о благѣ общемъ, могла установиться только система административной централизаціи и правительственной опеки и не могло быть мѣстнаго самоуправленія. Къ сожалѣнію, юридическій факультетъ, которому я представилъ свою диссертацію въ рукописи, нашелъ невозможнымъ разрѣшить печатаніе нравоописательной части, безъ разрѣшенія нѣсколькихъ цензуръ и въ томъ числѣ синодальной. Эти непропущенныя страницы обозначены въ печатномъ экземплярѣ моей книги точками.

Помнится, въ этомъ же 1857 г. защищалъ свою магистерскую диссертацію „Объ Адамѣ Смитѣ“ Григорій Матвѣевичъ Цѣхановецкій, бывшій тогда учителемъ исторіи въ нѣжинской гимназіи. Въ гимназіи онъ шелъ выше меня однимъ классомъ, а курсъ мы окончили вмѣстѣ въ одномъ году—онъ филологомъ, я—юристомъ. Это былъ человѣкъ блестящихъ дарованій и громадной начитанности. Онъ уже и тогда читалъ чуть ли не на всѣхъ европейскихъ языкахъ, а по-французски еще въ гимназіи выучился писать разныя статьи такъ же, какъ по-русски. Я мало встрѣчалъ людей, у которыхъ мыслительная способность была бы такъ развита и функція мысли составляла бы такую правильную, органическую работу мозга. Несомнѣнно онъ былъ даровитѣе всѣхъ насъ. При томъ онъ былъ человѣкъ души нѣжной и впечатлительной, сердца мягкаго и любящаго. Онъ занялъ впослѣдствіи каѳедру политической экономіи и статистики, но

долженъ былъ оставить любимый имъ Кіевъ и перейти въ харьковскій университетъ, гдѣ онъ былъ послѣднимъ выборнымъ ректоромъ. Но когда уставъ 1884 г. выборного ректора замѣнилъ коронным, Цѣхановецкій былъ единственнымъ ректоромъ, отказавшимся отъ должности, лишь бы только не быть переименованнымъ въ ректора коронная. Въ ноябрѣ 1901 г. я лежалъ въ Харьковѣ, въ глазной лечебницѣ, послѣ операціи проф. Гиршмана. Товарищи покойнаго Цѣхановецкаго ставили памятникъ надъ могилой своего послѣдняго выборного ректора. Я очень жалѣлъ, что не могъ принять участія въ этомъ печальномъ торжествѣ, присоединивъ свое слово къ слову ректора Куплевасскаго, который когда-то подъ моимъ руководствомъ готовился къ магистерскому экзамену. Слово было бы задушевное: я хорошо зналъ Цѣхановецкаго въ его юношескіе, гимназическіе годы, уважалъ за научныя стремленія и любилъ за доброе сердце. Кто видѣлъ элегантнаго и здороваго Григорія Матвѣевича въ 70-хъ годахъ, передъ переходомъ его въ Харьковъ, тотъ, конечно, не узналъ бы его въ скромной фигурѣ нѣжинскаго учителя, защищавшаго въ 1857 г. своего Адама Смита на степень магистра политической экономіи. Исхудалое, бритое лицо—вѣдь тогда еще не разрѣшалось носить бороду и усы,—едва слышный, слабогрудый голосъ, убогій учительскій мундиръ съ узенькимъ кантикомъ шитья по воротнику — вѣдь тогда дефендентъ и оппоненты должны были быть въ полной парадной формѣ—таковъ былъ позднѣйшій левъ профессорскихъ салоновъ, отъ котораго ревнивые мужья прятали своихъ цѣломудренныхъ женъ. Живо я помню этотъ диспутъ Цѣхановецкаго: эффектную рѣчь профессора Шульгина, почему-то приплевшаго конкордатъ Пія IX съ Австріей, что было тогда вопросомъ дня; помню мелодическую скороговорку Н. Х. Бунге, расхваливавшаго работу своего ученика; не забылъ и чудного картавленья Сидоренка по книжкѣ Бастіа, перечислявшаго возможные виды споліацій, которыя нарушаютъ естественный ходъ въ развитіи экономическихъ отношеній. Помню я и реплики дефендента — реплики робкія, но въ нихъ свѣтилась глубина убѣжденія и знакомство съ дѣломъ. Удержала моя память воспоминаніе даже о томъ ужинѣ съ блинами, который Цѣхановецкій устроилъ намъ въ квартирѣ своего пріятеля В. Г. Демченко.

Мой однокашникъ, Василій Григорьевичъ Демченко, окончилъ курсъ въ университетѣ вмѣстѣ со мною и поѣхалъ на службу въ сенатъ, такъ какъ имѣлъ право начать эту службу въ столицѣ, какъ лучшій кандидатъ. Въ гимназіи мы шли почти вмѣстѣ:

онъ былъ однимъ классомъ ниже меня, а въ университетѣ мы поровнялись, такъ какъ я первый годъ потерялъ. Демченка потянуло въ Кіевъ, къ товарищамъ, приготовлявшимся къ профессурѣ, и онъ промѣнялъ сенатъ на университетъ. Сначала ему было назначено уголовное право, подъ руководствомъ проф. Богородскаго, но когда послѣдній умеръ и на его мѣсто, хотя и на самое короткое время, сѣлъ адъюнктъ Колоссовскій, изъ Москвы, то Демченко перешелъ на право гражданское, которое Рененкампфъ промѣнялъ на энциклопедію. Эту каѳедру Демченко занимаетъ и понынѣ: мы съ нимъ—послѣдніе изъ могиканъ. Съ 1844 г. и понынѣ мы съ Демченкомъ идемъ по одной дорогѣ.

Составилась, такимъ образомъ, группа изъ пяти молодыхъ людей—меня, Цѣхановецкаго, Рененкампфа, Сидоренка и Демченка,—связанная въ одно цѣлое многими интересами, одинаковостью положенія. Между нами должны бы быть солидарность и единеніе, но мы были славяне—и единенія не было. Правда, особенной розни не случалось, но бывали мелкія сплетни и интриги.

Жертвой этихъ прелестей чаще всѣхъ бывалъ я, способный увлекаться безъ оглядки, довѣряться до наивности. Но когда мы всѣ сдѣлались членами совѣта, единеніе бывало между нами нерѣдко, и часто вся группа дѣйствовала какъ одинъ человѣкъ. Механикомъ бывалъ Рененкампфъ, а ораторомъ—Демченко, пріобрѣвшій репутацію совѣтскаго enfant terrible. Въ совѣтѣ мы поэтому были силой, которая бывала особенно грозна и безпощадна, когда шла баллотировка при двухъ третяхъ. Все это, впрочемъ, можно бы разсказать и послѣ, а теперь вернемся къ нашимъ барашкамъ.

Во время каникулъ 1857 года я попросилъ у отца моей Александрины ея руку. Не могу безъ улыбки вспомнить эту сцену. Григорій Михайловичъ ходилъ по саду очень скоро, почти бѣгалъ. Мы—въ догонку за нимъ, но никакъ не поймаемъ. Наконецъ, догнали, и я дрожащимъ голосомъ высказалъ свою просьбу. „Охотно,—послышался отвѣтъ,—охотно выдамъ за васъ, а вотъ за вашего брата, Владиміра, я бы не выдалъ“. Сватовство, такимъ образомъ, состоялось: мы были объявлены женихомъ и невѣстой съ обычнымъ шампанскимъ, и уже задолго данный тайный обѣтъ сдѣлался явнымъ, не такъ скоро, впрочемъ, осуществившимся. Но намъ казалось, что все уже кончено, что все уже сдѣлано, и радость наша была безмѣрна. Я тотчасъ же верхомъ поѣхалъ въ Лохвицу, чтобъ сообщить объ этомъ событіи кузену моей невѣсты, Александру Павловичу Гамалѣю, ко-

торый былъ тогда большимъ моимъ пріятелемъ. Онъ былъ человѣкъ очень умный и довольно образованный, такъ какъ окончилъ хорошимъ кандидатомъ университетъ св. Владиміра. Тогда въ лохвицкомъ уѣздѣ воспитанники университета были пребольшой рѣдкостью,—поэтому кузена выбирали во всякія должности; теперь же онъ служилъ лохвицкимъ уѣзднымъ судьей. Но скажу нѣсколько словъ о семьѣ моей невѣсты. Фамилія Гамалѣя была одна изъ самыхъ старыхъ малороссійскихъ фамилій и своею древностью могла соперничать съ фамиліей Галагана. И еслибъ только въ Малороссіи были мѣстническіе счеты, то и не знаю, кого бы гетманъ посадилъ выше за свой обѣденный столъ: Гамалѣя или Галагана. Предки тестя служили въ высшихъ рангахъ козацкой старшины. Ихъ потомокъ, Григорій Михайловичъ Гамалѣя, былъ истымъ хохломъ и весьма симпатичнымъ типомъ помѣщика крѣпостной эпохи. Онъ учился въ морскомъ корпусѣ вмѣстѣ съ Нахимовымъ, который былъ и сослуживцемъ его по флоту. Службу свою онъ началъ во флотѣ балтійскомъ и окончилъ въ черноморскомъ. Выйдя въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта, онъ поселился въ с. Безсалахъ, недалеко отъ г. Лохвицы, въ довольно богатомъ имѣніи, доставшемся ему отъ очень любившаго его дяди. Не знаю, долго ли онъ велъ холостяцкую жизнь богатаго паныча, но знаю, что онъ сдѣлалъ хорошую партію: онъ женился на Варварѣ Алексѣевнѣ Закревской, сестрѣ очень богатаго Платона Алексѣевича и теткѣ опальнаго сенатора. Фамилія Закревскихъ была одною изъ самыхъ родовитыхъ въ полтавской губерніи: она считалась въ довольно близкомъ родствѣ съ Разумовскими, подобно тому, какъ Судовщиковы считались въ родствѣ съ Безбородками. Варвара Алексѣевна была, говорятъ, красива, но едва-ли ея приданое соотвѣтствовало ея родословной. У самого Григорія Михайловича было довольно добра. Со своей красивой женой тесть прижилъ четырехъ дѣтей—сына Петра и дочерей: Марію, Александру и Настасью. Жена скоро умерла: отецъ овдовѣлъ, его дѣти осиротѣли. Страстный охотникъ (лисьи шубы всѣхъ членовъ семьи были продуктомъ собственной стрѣльбы), бабникъ и картежникъ, тесть не могъ хорошо доглядывать дѣтей, и они росли на всей своей волѣ. Притомъ, онъ былъ постоянно избираемъ предводителемъ лохвицкаго дворянства и по этой должности былъ обязанъ часто отлучаться въ Полтаву или въ уѣздъ. Любимецъ лохвицкаго дворянства, онъ былъ почти безсмѣннымъ его предводителемъ. Дочерей своихъ, Марію и Александру, онъ пристроилъ въ полтавскій институтъ, а Настя съ братомъ Петей выростала въ Безсалахъ;

нѣжная дружба соединяла ихъ, тѣмъ болѣе, что и по возрасту братъ подходилъ къ сестрѣ. Старшая дочь, Марья Григорьевна, прошла всѣ классы института и вышла изъ него такой малороссійской красавицей, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Недологъ былъ ея дѣвическій вѣкъ: кусочекъ былъ слишкомъ лакомый, чтобы не быть скоро съѣденнымъ. Поѣхала она погостить къ своей теткѣ Александрѣ Алексѣевнѣ Иваненко, въ переяславскій уѣздъ, гдѣ тогда стоялъ Ганноверскій гусарскій полкъ. Здѣсь ее встрѣтилъ знаменитый въ русской гусарской хроникѣ Захаръ Константиновичъ Солонина, племянникъ моей крестной матери. Это былъ мужчина необычайной красоты. Я много бывалъ, много видалъ и слыхалъ, но такого дивнаго красавца не встрѣчалъ ни въ одной европейской странѣ. Говорили, что пріѣзжали нарочно въ то мѣсто, гдѣ стоялъ полкъ Солонины, чтобы полюбоваться имъ. Самъ фельдмаршалъ Барятинскій зналъ его и ему покровительствовалъ. Два красавца сочетались, такимъ образомъ, бракомъ—и вышла такая парочка, что хоть на европейскую выставку послать—получилась бы первая премія.

Александра Григорьевна должна была выйти изъ института по болѣзни глазъ. Увидѣлъ я ее въ первый разъ еще мальчикомъ-гимназистомъ. Это была смугленькая дѣвочка съ чудными сѣрыми глазами, по близорукости всегда прищуренными, въ вѣночкѣ изъ васильковъ, рѣдкой находчивости и остраго слова. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь, мы какъ-то постоянно обращали вниманіе другъ на друга: видно—судьба. Помню, гимназистомъ высшаго класса игралъ я съ нею въ цензуру; отбирали мнѣнія о ней: я назвалъ ее недозрѣлымъ, горькимъ яблокомъ. Она выбрала меня. Это недозрѣлое, горькое яблоко засѣло между нами и, превращаясь постепенно въ сладкое, довело насъ до брака и взаимной любви. Александра Григорьевна была дѣвушка весьма развитая и начитанная. Ей хорошо были извѣстны лучшіе русскіе поэты; она хорошо знала и Байрона во французскомъ переводѣ. Ея умная головка выработала иную програму жизни, чѣмъ жизнь окружающаго дворянства въ эту крѣпостную пору. Она брезгала нравами и понятіями ея среды и взглядомъ сатирика озирала лохвицкія мертвыя души. Она жаждала другой жизни, гдѣ бы было болѣе свѣта и культуры, гдѣ бы были души живыя. Не мало молодыхъ людей, особенно военныхъ, которыми всегда былъ наполненъ лохвицкій уѣздъ, гдѣ драгуны смѣнялись піонерами, піонеры — артиллеристами, артиллеристы — уланами, и т. д., ухаживали за ней, изящной и необычайно граціозной,

съ ручками и ножками классической правильности и красоты. Взоръ ея остановился на мнѣ: она меня крѣпко полюбила... Участь младшей сестры, Насти, и брата Петра была болѣе печальна: Настя вышла замужъ за любимаго человѣка, но умерла очень скоро. Петя былъ совершеннымъ неудачникомъ. Страшно нервозный и раздражительный, изъ харьковскаго университета перешелъ онъ въ кіевскій, выбралъ медицинскій факультетъ, котораго не могъ переносить. Вмѣсто анатоміи изучалъ Гоголя, и кончилъ тѣмъ, что бросилъ университетъ и поступилъ юнкеромъ въ какой-то пѣхотный полкъ, въ которомъ скоро и умеръ.

Но все это дѣлалось уже послѣ смерти второй жены Григорія Михайловича, въ періодъ второго его вдовства. Когда опостылѣло ему первое вдовство, онъ, при участіи тогдашняго своего друга, знакомаго уже намъ Паульсона, женился на Прасковьѣ Николаевнѣ Кондратовой. Это была дѣвица довольно солидныхъ лѣтъ, но прелестная собой и лучшаго тона. Благодаря ея вкусу и такту, домъ лохвицкаго уѣзднаго предводителя былъ поставленъ на высокую ногу, и, несмотря на ея любовь къ строгому порядку и этикету, въ этомъ домѣ царствовало самое широкое гостепріимство, и гости никогда не переводились. Такихъ вкусныхъ обѣдовъ, завтраковъ и ужиновъ я нигдѣ не ѣдалъ; такой сливянки не бывало ни у кого; а такіе огромные караси водились только въ предводительскомъ прудѣ. Поваръ Семенъ былъ настоящій артистъ, достойный придворной кухни. Бывало, когда онъ приготовитъ какой-нибудь пуддингъ или мороженое, то гости невольно раскошеливались, щедро давая на чай виновнику испытаннаго блаженства. Славное время! Привольное житье! И тѣмъ пріятнѣе вспоминать его, что мой тесть не злоупотреблялъ крѣпостнымъ правомъ, и его крестьянамъ жилось изрядно. Онъ, конечно, былъ эгоистомъ. Но сердиться не любилъ, находя, что это можетъ повредить его здоровью. Вообще, забота о здоровьѣ была его главнымъ конькомъ. Такъ, однажды, когда горѣла его прекрасная винокурня, онъ спрятался, чтобы не видѣть пожара, и просилъ не говорить ему о немъ; такъ, когда у него въ домѣ смертельно былъ боленъ мой Сережа, онъ старался не заглядывать въ комнату больного и отдавался игрѣ въ преферансъ, который въ его домѣ никогда не прекращался. Тѣмъ не менѣе, я сохранилъ о немъ самыя пріятныя воспоминанія. Онъ былъ человѣкъ привѣтливый, обходительный, довольно образованный и бывалый и умѣлъ поддерживать свое Гамалѣевское дворянское достоинство. Со второй женой онъ жилъ не такъ долго; она умерла, оставивъ ему сына Николая, съ которымъ намъ придется встрѣ-

титься впослѣдствіи, когда будетъ рѣчь о выдѣлѣ моимъ сыновьямъ части имѣнія. Сестра покойной Прасковьи Николаевны, Софья Николаевна, была замужемъ за типическимъ роменскимъ помѣщикомъ Зарудным — сколкомъ съ Гоголевскаго Пѣтуха. Такова была семья моей первой жены, когда я увезъ ее за границу.

Въ осеннемъ семестрѣ 1857 г. я читалъ исторію политическихъ ученій. Этотъ курсъ былъ очень удаченъ, встрѣчая всегда одобреніе аудиторіи. Особенно я помню лекцію о Монтескьё, вызвавшую шумныя рукоплесканія. Меня также очень интересовало ученіе объ отдѣленіи общества отъ государства, и я излагалъ его развитіе въ сочиненіяхъ Аренса, Моля и Штейна. Я былъ заклятымъ сторонникомъ этого ученія и считалъ его великимъ открытіемъ политической науки. Мы, русскіе, всегда склонны увлекаться ученіями, не нами придуманными. Не могу забыть, какъ различно относились къ сочиненіямъ Бокля и у насъ, въ Россіи, и за границей. Даже Герценъ считалъ узкое историческое міровоззрѣніе Бокля новымъ и великимъ, а въ Германіи и въ Англіи этотъ коранъ русской quasi-интеллигенціи подвергнулся строгой критикѣ и разоблаченіямъ. Когда же мы, наконецъ, поумнѣемъ и станемъ болѣе самостоятельными? Я увлекался также крестьянскимъ вопросомъ, поднятымъ императоромъ Александромъ II, и посвятилъ не мало лекцій исторіи крестьянъ и крѣпостного права въ западной Европѣ. Эти лекціи привлекали много слушателей изъ постороннихъ лицъ, и о нихъ говорили даже въ городѣ. Все это для студентовъ-юристовъ было ново, но едва ли прямо относилось къ моему дѣлу—къ русскимъ государственнымъ законамъ, которые я долженъ былъ преподавать. У меня кружилась голова; я просто не зналъ, что мнѣ и дѣлать,—такъ велика была жажда разомъ обнять множество вопросовъ и разнообразныхъ сюжетовъ. Я какъ будто искалъ броду черезъ рѣчку, глубина которой мнѣ не была извѣстна. А тутъ еще любовь къ невѣстѣ и тоска по ней! а тутъ еще магистерскій экзаменъ, къ которому мнѣ, жениху, пора же приступить! Я и приступилъ къ нему въ мартѣ 1858 г. Но пока я приступилъ, юридическому факультету пришлось перенесть большую потерю. Въ началѣ декабря 1857 г., послѣ своихъ именинъ, которыя онъ любилъ справлять шумно, умеръ Савва Осиповичъ Богородскій, недавно вновь вступившій въ факультетъ, изъ котораго онъ было-вышелъ по окончаніи двадцатипятилѣтія. Помянемъ еще разъ добрымъ словомъ этого достойнѣйшаго профессора. Несомнѣнно, по эрудиціи и таланту это былъ первый

криминалистъ своего времени. Правда, ему не пришлось такъ, какъ московскому Баршеву, порицать, до судебной реформы Александра II, судъ присяжныхъ, устность и гласность процесса, восхваляя ихъ послѣ реформы. Богородскій по каждому вопросу своей обширной науки приводилъ всѣ pro и contra, предоставляя нашему разумѣнію стать на ту или другую сторону и не налагая на насъ своего категорическаго приговора. Поэтому ему и не приходилось сегодня быть сторонникомъ обвинительнаго процесса, а завтра—слѣдственнаго, какъ приходилось многимъ другимъ. Я вспоминаю одного молодого полицеиста, который въ одномъ курсѣ выхвалялъ цензуру, а въ другомъ—порицалъ. Таково уже свойство юридическихъ наукъ, преисполненныхъ такихъ соблазновъ, и поэтому требующихъ особенной крѣпости и послѣдовательности мыслей. Богородскій не былъ повиненъ въ татой измѣнчивости своихъ криминальныхъ убѣжденій. Онъ прожилъ свой вѣкъ холостякомъ, состоя въ близкихъ отношеніяхъ къ семьѣ проф. Ставровскаго. Тогда въ юридическомъ факультетѣ какъ будто была мода на холостяцкую жизнь: всѣ члены его, за исключеніемъ проф. Ѳедотова, дважды женатаго, были холостяками. Въ наше время юридическій факультетъ представлялъ обратную картину: мы всѣ, за исключеніемъ Бунге и Цѣхановецкаго, были женаты. Все это вліяло на перемѣну нравовъ и обычаевъ. Эта одинокая холостяцкая жизнь печально сказалась на обстановкѣ покойнаго Богородскаго: я зашелъ къ нему, въ домъ Эйсмана, на Большой-Владимірской; одинъ-одинёшенекъ лежитъ на столѣ Савва Осиповичъ—ни души при немъ, ни слезъ, ни стона, и только слуга въ отдаленномъ углу равнодушно шьетъ саванъ. Мнѣ холодно стало. „Хорошо же,—думалъ я,—что у меня будетъ жена, семья, что и гробъ мой будетъ окруженъ вниманіемъ и слезами“.

Экзаменъ на степень магистра государственнаго права былъ не такъ спеціализированъ, какъ по уставу 1863 г., ограничившему его двумя предметами—государственнымъ и международнымъ правомъ. Мой экзаменъ былъ гораздо сложнѣе, обнимая собою значительное число предметовъ: государственные законы, законы государственнаго благоустройства, законы благочинія, финансы, политическую экономію и статистику. Не входили, такимъ образомъ, нужнѣйшіе предметы: европейское государственное право и исторія философіи права. Молодой и здоровый, съ бойкимъ умомъ и пылкимъ сердцемъ, я браво повелъ дѣло экзаменовъ, и мнѣ и теперь пріятно вспомнить, какъ я хорошо отвѣчалъ. Незабитовскій, этотъ Флоберъ въ отыскиваніи слова, со-

отвѣтствующаго мысли, всегда выхвалялъ мой даръ изложенія, который Ренненкампфъ называлъ реторикой и фразерствомъ.

Но меня это не смущало, такъ какъ въ этомъ я видѣлъ jalousie de métier. Экзаменъ я началъ съ законовъ государственнаго благоустройства—предмета Иванишева, самаго милаго и пріятнаго для меня человѣка. Припоминаю, что этотъ предметъ я готовилъ вмѣстѣ съ моимъ нѣжинскимъ товарищемъ Салогубомъ, который, перемѣнивъ медицинскій факультетъ на юридическій, въ это время готовился на степень кандидата. Экзаменъ сошелъ прекрасно, также какъ и слѣдующій—по финансамъ, изъ которыхъ экзаменовалъ Незабитовскій. Изъ государственныхъ законовъ экзаменовалъ меня Эйсманъ, а присутствовалъ попечитель Ребиндеръ. Онъ былъ нѣсколько сконфуженъ, такъ какъ дѣло было скоро послѣ того, какъ онъ черезъ декана предложилъ мнѣ подать прошеніе объ увольненіи по причинѣ моего физическаго недостатка. Я тотчасъ же исполнилъ это требованіе, редактировавъ прошеніе довольно дерзко. Но онъ не далъ хода этому дѣлу, хотя проф. Ходецкій и предупреждалъ меня, что съ Ребиндеромъ шутить нельзя. Присутствіе его меня пришпоривало: онъ былъ сконфуженъ, а я какъ будто мстилъ ему своимъ бравымъ отвѣтомъ. Изъ законовъ благочинія, по неимѣнію спеціалиста, экзаменовалъ меня товарищъ Демченко, но уже съ слишкомъ серьезнымъ видомъ. Отвѣчалъ я, помнится, о паспортахъ и пенитенціаріяхъ. Назначенъ былъ день послѣдняго экзамена изъ политической экономіи и статистики, къ которому я уже приготовился, но почти наканунѣ его пріѣхала съ сестрами моя невѣста. До экзамена ли было мнѣ теперь!.. Обратился къ декану, чтобы экзаменъ отложить. „Для такого великаго дѣла нужно отложить“,—шутливо сказалъ Иванишевъ. Экзаменъ отложили, и мы съ невѣстой загуляли, да какъ загуляли: и въ лаврскомъ саду, и на Аскольдовой могилѣ, и въ городскомъ саду и Ботаническомъ, вездѣ мы побывали. А на дворѣ былъ май, а въ садахъ не умолкали соловьи и благоухали нарцисы и ландыши. Чудесныя, святыя минуты! Я былъ тогда съ братомъ Евгеніемъ въ домѣ портного Сварчевскаго, на Малой-Владимірской. И когда мнѣ впослѣдствіи приходилось проходить мимо него, даже въ мои старые годы, мнѣ такъ и чудилось: май, соловьи, цвѣты... Невѣста уѣхала—ее замѣнили политическая экономія и статистика. Экзаменовалъ Н. Х. Бунге. Статистику я мало зналъ, а изъ политической экономіи былъ подготовленъ солидно: зналъ Сэя, Листа, Рошера, Кери—больше чѣмъ нужно для юриста. Это былъ мой послѣдній экзаменъ, съ котораго мы всѣ пошли

къ Незабитовскому, устроившему, по случаю отъѣзда за границу, прощальный ужинъ. Этотъ ужинъ былъ устроенъ, конечно, не для меня и не по случаю окончанія мною экзаменовъ, ходомъ которыхъ Незабитовскій былъ очень доволенъ,—я это зналъ, но я такъ былъ преисполненъ мыслями о своей персонѣ, что считалъ себя героемъ этого вечера и думалъ, что и ужинъ ради меня. Дѣло экзамена, однакоже, еще не кончилось: по всѣмъ предметамъ нужно было представить письменные отвѣты, что я и не замедлилъ совершить.

Лѣтомъ 1858 г. нашего Ребиндера перевели въ Одессу, а одесскаго Пирогова дали намъ. Обмѣнъ былъ довольно выгодный: вмѣсто пылкаго казеннаго либерала, мы получили геніальнаго человѣка и вполнѣ образцоваго попечителя. Личность и дѣятельность Николая Ивановича Пирогова слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы мнѣ о нихъ подробно говорить. Притомъ я недолго могъ непосредственно надъ этимъ наблюдать, такъ какъ значительную часть Пироговскаго періода я провелъ за границей, откуда уже возвратился при попечителѣ Витте. Позднѣе, будучи депутатомъ отъ университета св. Владиміра на открытіи памятника Пирогову въ Москвѣ, я сказалъ слово, въ которомъ старался очертить этого историческаго дѣятеля. Это слово было напечатано въ газетахъ и въ нѣкоторыхъ медицинскихъ изданіяхъ. Тѣмъ не менѣе, считаю не лишнимъ напомнить двѣ характерныя черты Пироговскаго режима, крѣпко запечатлѣвшіяся въ моей памяти. Учебный округъ представляетъ собою сумму всяческихъ учебныхъ и административныхъ учрежденій, педагоговъ и должностныхъ лицъ, которые не связаны въ одно цѣлое, но дѣйствуютъ въ раздробь и одиночку. Пирогову удалось эту сумму отдѣльныхъ единицъ связать въ одно цѣлое, претворить въ одинъ организмъ, проникнутый общей идеей, послѣдовательно проводимой. Могучій умъ Пирогова оживотворилъ прежній омертвѣлый механизмъ: духомъ жизни и почина преисполнились какъ отдѣльныя лица—директорà, инспекторà, смотрители, учителя и ученики, такъ и цѣлыя коллегіи—педагогическіе совѣты. Все это стало мыслить, говорить и дѣйствовать.

Измѣнилось и отношеніе власти къ студентамъ. Чтя молодость, какъ великую силу жизни, Пироговъ очень любилъ студентовъ. Съ ними онъ былъ въ постоянномъ общеніи: двери его кабинета, запертыя иногда для другихъ, постоянно были открыты для студентовъ. Чтя отдѣльную личность студента, онъ былъ горячій поклонникъ студенческихъ организацій, но организацій не регламентированныхъ и извнѣ навязанныхъ, а автономически

возникшихъ изъ внутреннихъ потребностей студенческаго быта. Студенчество при Пироговѣ получило самое широкое самоуправленіе: установились правильныя и толковыя студенческія сходки, студенческій судъ, кассы, библіотека, читальня. Всѣмъ этимъ завѣдывали сами студенты, безъ всякаго канцелярскаго бумагомаранія и непрошеннаго надзора. Все это подняло въ студентахъ сознаніе ихъ личнаго достоинства, достоинство ихъ званія и университета, какъ храма науки. И замѣчательно, въ это время широкой студенческой автономіи, сколько я могу припомнить, никакихъ безпорядковъ въ университетѣ не бывало; студенты вели себя степенно и чинно, посѣщая аудиторіи и лабораторіи болѣе исправно, чѣмъ во времена строгихъ мѣропріятій. Несомнѣнно, время Пирогова—золотое время въ исторіи кіевскихъ студентовъ: студенты Пироговскихъ временъ были болѣе просвѣщенными и развитыми, чѣмъ когда бы то ни было. Не даромъ они дали столько талантливыхъ дѣятелей и университету, и обществу.

Пирогова я видѣлъ въ первый разъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ половинѣ августа 1858 г. былъ диспутъ нашего товарища Сидоренко, защищавшаго свое изслѣдованіе „о Тюрго" на степень магистра политической экономіи. Изслѣдованіе было въ рукописи. Такъ водилось въ доброе старое время: диссертаціи на ученыя степени рѣдко печатались, но большею частью представлялись и защищались въ рукописи. Такъ въ мое студенческое время было съ докторскими диссертаціями: Ѳеофилактова, Митюкова, Гогоцкаго, Рахманинова. Съ послѣднимъ на диспутѣ случился маленькій инцидентъ: Рахманиновъ, какъ извѣстно, былъ очень разсѣянъ, а его оппонентъ, проф. Кнорръ, былъ очень злобенъ и насмѣшливъ. Сконфуженный дефендентъ растерялъ страницы своей несшитой „Механики" по залѣ и съ трудомъ подобралъ ихъ и привелъ въ порядокъ. Не знаю, улучшилъ ли типографскій станокъ достоинство диссертацій, но несомнѣнно, что обычай защищать диссертаціи въ рукописи былъ обычай недобрый, и противъ него категорически возсталъ Пироговъ, присутствовавшій инкогнито на диспутѣ Сидоренко. Дѣло было такъ. Диспутъ происходилъ въ сборной залѣ студентовъ: оффиціальные оппоненты—Бунге, Шульгинъ и Ставровскій окончили свои лирическія изліянія по адресу дефендента; вслѣдъ затѣмъ въ довольно отдаленномъ ряду послышался чей-то громкій голосъ: „Я,—услышали мы,—пришелъ на диспутъ и, можетъ быть, захотѣлъ бы возражать, но я не могу возражать, такъ какъ диссертація не напечатана. До сихъ поръ я думалъ,

что есть только скрытая теплота, скрытое электричество, а теперь я узналъ, что есть и скрытая диссертація. Я бы желалъ, чтобы таковыхъ больше не было". Это былъ голосъ нашего новаго попечителя, только-что пріѣхавшаго и такъ оригинально дебютировавшаго въ нашемъ университетѣ. Властное слово Пирогова отмѣнило рукописныя диссертаціи: наши магистерскія должны были быть уже напечатаны, и намъ выдали даже деньги на ихъ изданіе. Послѣ этого былъ только одинъ случай представленія диссертаціи въ рукописи: Ѳ. И. Леонтовичъ представилъ такую рукопись pro venia legendi „О литовскихъ крестьянахъ". Но совѣтъ настоялъ, чтобы работа, хотя уже и защищенная, была напечатана, что и исполнено. Это былъ послѣдній моментъ переживанія рукописнаго порядка.

Общаго представленія профессоровъ Пирогову не было. Я долго не имѣлъ случая говорить съ нимъ, такъ какъ былъ слишкомъ маленькой персоной, чтобы бесѣдовать съ такимъ великаномъ. Только я помню литературные вечера у Пирогова въ осенніе и зимніе мѣсяцы. Мы собирались въ его квартирѣ, въ первой гимназіи, пріемная зала которой была украшена, я хорошо помню, прекрасными гравюрами. Насъ угощали чаемъ съ крендельками. Для этихъ литературныхъ вечеровъ назначены были очередные дни: въ одинъ такой день собирались филологи и юристы, а въ другой — математики, естественники и медики. Читались еще ненапечатанныя профессорскія работы. Такъ, я помню, Шульгинъ читалъ свою „Исторію двадцатипятилѣтія университета св. Владиміра", отвергнутую совѣтомъ; Бунге читалъ свои „Письма объ университетѣ", которыя потомъ были напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ"; читалъ и Ставровскій мало интересную статью о „Рѣшетиловкѣ" и „Архивѣ Попова". Но въ особенности я помню статью самого хозяина, прочитавшаго намъ ее какъ бы pour la bonne bouche. Пироговъ обладалъ рѣдкимъ литературнымъ талантомъ: каждое слово его статьи и теперь звучитъ въ моихъ ушахъ, какъ высокопробный, чистый металлъ.

Весной 1859 г. произошла перемѣна ректора въ университетѣ св. Владиміра: Эрнеста Рудольфовича Траутфеттера замѣнилъ Николай Христіановичъ Бунге. Траутфеттеръ былъ выбранъ товарищами, но въ 1850 г. переименованъ въ коронные. Это былъ человѣкъ высокаго благородства и чисто-академическаго воззрѣнія на задачи ректора. Ему приходилось ректорствовать въ ужасное для университетовъ время, когда университеты едва терпѣлись и ежеминутно можно было ждать грознаго слова императора: — университетамъ не быть! Инструкція ректору и дека-

намъ обязывала ихъ быть полиціймейстерами университета и факультетовъ, слѣдящими чуть не за каждымъ словомъ профессора. Надъ исполненіемъ всего этого наблюдала знаменитая Бутурлинская коммиссія, пассивнымъ органомъ которой былъ министръ-ханжа кн. Ширинскій-Шихматовъ. Это печальное для русскихъ университетовъ время совпадаетъ съ періодомъ моего студенчества: я поступилъ въ университетъ въ 1850 г., когда это время начиналось, и кончилъ курсъ въ 1855 г., когда оно заканчивалось. И какимъ же свѣтлымъ представляется мнѣ образъ нашего ректора въ эту темную пору, когда молчать было тяжело, а говорить было бѣдственно: благодаря Траутфеттеру, въ это самое время мы слушали такихъ профессоровъ, какъ Бунге, Шульгинъ, Павловъ. Не великъ ли былъ подвигъ, совершенный Траутфеттеромъ, и не заслуживаетъ ли его имя занять видную страницу не только въ исторіи университета св. Владиміра, но въ исторіи русскаго народнаго просвѣщенія? Но Пироговъ не могъ симпатизировать Траутфеттеру. Послѣдній былъ глубоко-консервативенъ и боялся новшествъ. У Пирогова была натура прогрессивная, жаждущая реформъ. Понятно, почему его потянуло къ Бунге—главѣ университетской прогрессивной партіи, и онъ задумалъ сдѣлать его главой университета. Въ 1859 г. Бунге былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Я помню, какую сенсацію это произвело въ университетской средѣ: такого высокаго чина профессора еще не получали. Вслѣдъ затѣмъ, когда окончился срокъ службы Траутфеттера, Пироговъ въ преемники ему представилъ Бунге. Послышался скрежетъ зубовный: „Какъ! Бунге, который еще недавно былъ нашимъ слушателемъ, и Бунге превосходительство, и Бунге ректоръ!“— вскрикивалъ Александръ Алексѣевичъ Ѳедотовъ, едва приходившій въ себя отъ такого ужаса.

Траутфеттеру былъ устроенъ обѣдъ, который какъ бы имѣлъ демонстративный характеръ по адресу Пирогова. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ, сторонникъ Бунге, съ насмѣшкой разсказывалъ о тѣхъ лирическихъ изліяніяхъ за этимъ обѣдомъ, которыя были между генераломъ Вольскимъ—директоромъ кіевскаго кадетскаго корпуса—и оскорбленнымъ Траутфеттеромъ. Эти благородные люди были въ тѣсной дружбѣ, и понятны ихъ взаимныя чувства на этомъ прощальномъ обѣдѣ. Я самъ былъ тогда на сторонѣ Бунге, и въ удаленіи Траутфеттера не находилъ ничего несправедливаго. Но теперь, озирая это событіе, какъ историкъ, я не могу не сказать, что съ Траутфеттеромъ было поступлено несправедливо, и что болѣе бы соотвѣтствовало

достоинству Бунге, еслибы онъ уклонился отъ ректорства. Это тѣмъ болѣе онъ могъ бы сдѣлать, что вслѣдъ за назначенiемъ ректоромъ онъ былъ вызванъ въ редакцiонныя коммиссiи, гдѣ и работалъ долго, а за него ректорствовалъ любимый и уважаемый всѣми товарищами Иванъ Яковлевичъ Нейкирхъ—воплощенiе доброты. По поводу вызова Бунге въ редакцiонныя коммиссiи припоминается мнѣ слѣдующiй инцидентъ: Иванишевъ очень любилъ острить и особенно надъ Бунге, къ которому онъ питалъ нѣчто въ родѣ завистливаго соревнованiя. Шелъ экзаменъ изъ финансовъ подъ предсѣдательствомъ декана. Мнѣ приходилось быть экзаменаторомъ, такъ какъ Незабитовскiй и Сидоренко были за границей. Помню, что я экзаменовалъ тогда Абеля, бывшаго у насъ потомъ помощникомъ библiотекаря, а теперь почтеннаго старика. Въ аудиторiю вошелъ Бунге, чтобы проститься съ Иванишевымъ по случаю выѣзда въ Петербургъ. Полагаю, что задняя мысль Бунге была подразнить Иванишева своимъ вызовомъ въ коммиссiи. „Поѣзжайте, поѣзжайте, ваше превосходительство!—провожаетъ его деканъ:—можетъ, и вы что-нибудь тамъ придумаете,—вѣдь не святые горшки лѣпятъ". Бунге рѣдко оставался въ долгу передъ острякомъ Иванишевымъ, но на этотъ разъ онъ спасовалъ, ограничившись саркастической улыбкой, которая почти никогда не сходила съ его милаго лица.

Въ осеннiй семестръ 1858 года я страшно работалъ надъ своей магистерской диссертацiей. Эта работа причиняла мнѣ ежедневную жестокую головную боль, какой я потомъ никогда не испытывалъ, даже тогда, когда съ неменьшимъ напряженiемъ писалъ докторскую диссертацiю. Въ началѣ 1859 года я представилъ диссертацiю въ факультетъ, изъ котораго, по долгомъ разсмотрѣнiи, послѣдовало рѣшенiе: диссертацiю можно будетъ принять, если только будетъ опущена нравоописательная часть, какъ подлежащая разсмотрѣнiю духовной цензуры. На такомъ рѣшенiи настаивалъ особенно Ѳедотовъ. Какъ ни жалко было разстаться съ этой нравоописательной частью, которая представляла живую картину нравовъ XVIII в., но я долженъ былъ подчиниться рѣшенiю факультета и приступилъ къ печатанiю, обозначивъ точками запретныя страницы. Признаюсь, я боялся увидѣть въ первый разъ свое имя въ печати, и поэтому напечаталъ небольшое число экземпляровъ, о чемъ, признаюсь, я очень жалѣлъ впослѣдствiи, такъ какъ о диссертацiи послѣдовали благопрiятные отзывы, и она настолько разошлась, что составляетъ теперь библiографическую рѣдкость. Къ лѣту книга была готова и вышла подъ заглавiемъ „Историческiй очеркъ губернскихъ

учрежденій отъ первыхъ преобразованій Петра Великаго до изданія учрежденій о губерніяхъ 1775 г.", съ эпиграфомъ изъ Блунчли. Въ книгѣ звучала струнка гражданская—вниманіе къ современнымъ потребностямъ страны. Можетъ быть, поэтому критика такъ благосклонно отнеслась къ моей первой работѣ, такъ какъ наша критика всегда предпочитаетъ публицистику наукѣ. Я же самъ настолько оцѣнилъ свою книгу, что съ десятокъ ея экземпляровъ отдалъ Литову за какого-то „Путеводителя" по Европѣ. Теперь же я къ моему первому труду отношусь снисходительнѣе и думаю, что онъ представлялъ собою самостоятельную работу, а не компиляцію. Мнѣ говорили потомъ, что петербургскій профессоръ Андреевскій обратилъ на нее вниманіе и думалъ-было пригласить меня въ свой университетъ, чтобы поручить преподаваніе государственнаго права. Я очень хотѣлъ защитить диссертацію до каникулъ. Въ началѣ іюня былъ въ Кіевѣ министръ Ковалевскій, котораго я видѣлъ на одномъ медицинскомъ диспутѣ. Я очень хотѣлъ, чтобы на моемъ диспутѣ присутствовалъ министръ. Но факультетъ рѣшилъ иначе, отложивъ диспутъ до августа. Это меня, нетерпѣливаго жениха, такъ разсердило, что я выругалъ Эйсмана, одного изъ будущихъ моихъ оппонентовъ, но и теперь не знаю—за что. Митюкову факультетъ поручилъ написать разборъ моей диссертаціи. Я самъ изложилъ содержаніе ея, а онъ приписалъ только хвалебный отзывъ. Такъ писались въ наше старое время эти разборы—такъ и я писалъ разборъ докторской диссертаціи Незабитовскаго.

Диспутъ назначенъ былъ на 15 или 16 августа въ сборной залѣ студентовъ. Стояла невыносимая жара. Мой незабвенный нѣжинскій товарищъ Салогубъ, всегда успѣвавшій быть со мной въ торжественныя минуты моей жизни, пришелъ ко мнѣ на зарѣ и предложилъ выкупаться въ Днѣпрѣ. Освѣжиться и въ самомъ дѣлѣ не мѣшало, въ виду предстоящей духоты и жаркаго боя съ оппонентами. На диспутъ собралась толпа народа, и въ томъ числѣ студентъ-филологъ Драгомановъ, только-что поступившій въ университетъ изъ полтавской гимназіи. Оппонентами были назначены: Митюковъ, Эйсманъ и Ренненкампфъ, но жаркаго боя съ ними не было и диспутъ вообще не былъ особенно блестящимъ. Но моя вступительная рѣчь, въ которой я старался выяснить значеніе мѣстнаго управленія, была хорошо обработана и произвела на публику хорошее впечатлѣніе. Передо мной стоялъ проф. Гюбенетъ, всегда все слушавшій съ иронической гримасой. Я замѣтилъ, какъ, вслушавшись въ мою рѣчь, онъ измѣнялъ выраженіе своей физіономіи и его ироническая гримаса превра-

щалась въ одобрительную. Для меня это было мѣриломъ моего успѣха.

Я былъ магистромъ, но факультетъ не давалъ мнѣ движенія впередъ, и я продолжалъ быть сверхштатнымъ учителемъ первой гимназіи. Рененкампфъ еще прежде меня магистровался, защитивъ диссертацію объ осмотрѣ кораблей во время войны, и о его диспутѣ много разсказывали по поводу его игриваго обращенія съ оппонентомъ Ѳедотовымъ, но и онъ не имѣлъ никакого движенія впередъ. Пироговъ предложилъ намъ обоимъ прочесть въ совѣтѣ по двѣ пробныя лекціи: одну на собственную тему, а другую—назначенную факультетомъ. Не помню, о чемъ читалъ Рененкампфъ. Говорилъ онъ мнѣ, что проф. Кесслеръ порицалъ выборъ темъ, на что я ему сказалъ:—Не о воробьяхъ же или рыбахъ читать было вамъ (Кесслеръ, вѣдь, читалъ зоологію). Мои темы были: „Историческое развитіе рабства и крѣпостного крестьянства" и „Федеральное устройство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ". Оба сюжета очень меня интересовали и были изслѣдованы основательно. Я былъ большимъ поклонникомъ Токвилля, и оба его сочиненія:—„Демократія въ Америкѣ" и „Старый порядокъ"—зналъ почти наизусть. Пироговъ присутствовалъ на обѣихъ моихъ лекціяхъ и, какъ видно было, остался ими доволенъ. Но и послѣ лекцій дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи. Тогда мы съ Рененкампфомъ отправились къ Пирогову, прося его побудить факультетъ представить насъ въ адъюнкты. Факультетъ какъ будто боялся пускать въ свою среду новыхъ членовъ, но Пироговъ сообщилъ ему свое желаніе, чтобы мы были представлены немедленно, что и было исполнено. Въ одно и то же засѣданіе мы были выбраны вмѣстѣ съ Рененкампфомъ адъюнктами, точно также какъ и впослѣдствіи, когда мы въ одно время избраны были исправляющими должность экстраординарнаго профессора. Затѣмъ разрѣшенъ былъ вопросъ о нашей заграничной командировкѣ на два года, съ содержаніемъ въ годъ по 1.600 руб. Я считалъ себя человѣкомъ устроеннымъ и задумалъ исполнить давнее желаніе жениться на моей дорогой невѣстѣ. Десятаго января 1860 года, когда стоялъ холодъ градусовъ въ 25, въ приходской церкви села Безсалъ насъ обвѣнчалъ о. Евграфъ. Это былъ примасъ лохвицкаго духовенства—благочинный городскихъ церквей. Онъ былъ помѣщикомъ, владѣющимъ сотнею душъ крѣпостныхъ. Такіе священники-помѣщики встрѣчались въ лѣвобережной Малороссіи: они были потомками козацкой старшины, принявшими священство. Отдохнувши отъ свадебныхъ пировъ и визитовъ, я поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и

получилъ заграничный паспортъ на два года, считая съ 22 февраля. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ выдали ассигнованныя на весь годъ деньги. Къ нимъ тесть приложилъ тысячу рублей, и мы двинулись за границу.

VII.

Въ дорогу.—Люблинъ и Варшава.—Берлинъ.—Отъѣздъ изъ Берлина.—Кельнъ, Брюссель, Остенде, Лондонъ. — Парламентъ и Вестминстерское аббатство.—Знакомство съ Герценомъ.—Международный статистическій конгрессъ.—Отъѣздъ изъ Лондона.—Булонь, Парижъ. — Національный праздникъ. — Наполеонъ III. — Изъ Парижа въ Ліонъ.—Пріѣздъ въ Женеву.

Мы собирались въ заграничный путь подобно тому, какъ наши дѣды и отцы собирались на богомолье въ Ахтырку, Воронежъ, или въ Полтаву на выборы, или въ Ромны на Ильинскую: набрали подушекъ и массу клади. У Судовщикова въ Кіевѣ я купилъ за пятнадцать рублей чемоданъ-сундукъ, который совершилъ уже одно путешествіе по Европѣ и потомъ долго служилъ мнѣ. Къ этому присоединилъ подсунутый мнѣ Петромъ Барскимъ огромный складной чемоданъ, въ которомъ можно было уложить чуть ли не весь его магазинъ. Все это мы набили разной разностью, большею частью ненужной: большой запасъ бѣлья, чуть ли не съ дюжину платьевъ, и розовыхъ, и пунцовыхъ, и синихъ. А я прихватилъ нѣсколько русскихъ книгъ: „Мертвыя души“,—какъ будто бы не хотѣлось разставаться съ родными Собакевичами и Чичиковыми; сочиненія Лермонтова, которыя потомъ оставилъ на память гейдельбергскому музею; „Областныя учрежденія XVII в.“ Чичерина, куда я положилъ вѣтку плюща, срѣзанную мною на могилѣ Гегеля въ Берлинѣ... Видно было, что собираются въ дорогу люди неопытные, никуда не ѣздившіе,—малороссійская деревенщина, а не европейскій туристъ, знакомый съ техникой вояжа. Впослѣдствіи и мы сами хорошо усвоили эту технику, въ особенности глядя на англичанъ, этихъ мастеровъ путешествій. А пока мы, дѣйствительно, были людьми неопытными, никогда не путешествовавшими: жена моя, напр., съѣздивши на кролевецкую ярмарку, думала, что совершила кругосвѣтное путешествіе; я дальше Нѣжина и Кіева не бывалъ, а желѣзныхъ дорогъ даже не видалъ. Но ѣхать нужно, и мы тронулись. Помнится, до Пирятина мы доѣхали на лошадяхъ тестя съ любимымъ кучеромъ жены Степаномъ. Дѣло было во второй половинѣ февраля. Зима стояла лютая; дороги были забитыя и ухабистыя. Въ Пирятинѣ мы сѣли на перекладную. Но перетаскиваніе изъ однихъ саней

въ другія мнѣ такъ надоѣло, что въ Броварахъ я купилъ сани, въ которыхъ, не перемащиваясь постоянно, мы доѣхали до Устилуги. Содержатель тамошней станціи убѣдилъ насъ продать подушки и сани и далъ намъ лошадей до Люблина, откуда ходилъ дилижансъ въ Варшаву. Не видѣвши свѣта, я съ необыкновеннымъ интересомъ осматривалъ все то, что встрѣчалось на пути. Очень жалѣлъ, что чрезъ Житоміръ мы проѣхали ночью, и я не могъ видѣть этого знаменитаго города. Зато Ровно, Новоградволынскъ, Дубно и другіе города волынской губерніи запечатлѣлись въ моей памяти,—такъ внимательно я въ нихъ всматривался. Особенно заинтересовало меня м. Корецъ, въ которомъ видѣлись мнѣ развалины какого-то замка—предвѣстіе тѣхъ феодальныхъ замковъ, которые я увижу на берегахъ Рейна. Люблинъ же показался совсѣмъ интереснымъ городомъ, а его зданія и другія достопримѣчательности я считалъ древностями, достойными моего просвѣщеннаго вниманія. Прождавъ въ Люблинѣ дня два варшавскаго дилижанса, я исходилъ его вдоль и поперекъ, пріучая себя изучать новый городъ и его древности. Столько было наивности и комизма въ этихъ первыхъ шагахъ моего заграничнаго вояжа! Но шоссейный путь на Варшаву былъ такъ плохъ, что дилижансы ходили только отъ станціи недалеко отъ Варшавы, а до этой станціи насъ перевезли въ большихъ открытыхъ повозкахъ. Въ большомъ обществѣ ѣхать было весело, но въ тряскихъ телѣгахъ ужасно непокойно. Въ дилижансѣ мы отдохнули и пріѣхали въ Варшаву довольно рано; отбывъ octroi, мы подъѣхали къ Вислѣ. Теперешняго прекраснаго постояннаго моста тогда не было, и пассажировъ перевозили въ лодкахъ. Я нанялъ отдѣльную небольшую лодку, такъ какъ боялся переѣзда съ множествомъ пассажировъ и ихъ кладью. Переѣздъ въ самомъ дѣлѣ былъ не безопасенъ: ледоходъ былъ въ полномъ развитіи. Слава Богу, переѣхали мы благополучно, но на другой день мы читали въ газетахъ, что были несчастные случаи.

Варшава, конечно, казалась мнѣ великолѣпнымъ городомъ. Чуть ли не съ недѣлю мы пробыли въ ней, не уставая осматривать ея достопримѣчательности. Я встрѣтилъ въ Варшавѣ своего товарища по гимназіи и по университету Данчича и брата Демченка, Ивана Григорьевича, военнаго врача, который любезно сопутствовалъ намъ въ прогулкахъ по Варшавѣ. Погода стояла весенняя, но это не помѣшало намъ обойти Лазенки и осмотрѣть тамошній прелестный дворецъ. Побывали мы и въ театрѣ, и видѣли знаменитый варшавскій балетъ. Не разъ я осматри-

валъ и желѣзную дорогу съ вагонами, думая, какъ опасно будетъ въ нихъ ѣхать. Но пришло время ѣхать, и мы взяли второй классъ до Бреславля. Тотчасъ же успокоились, переставъ опасаться новаго, невѣдомаго намъ, способа передвиженія. По дорогѣ я внимательно всматривался въ мѣстность. Переѣхали границу: тотчасъ замѣтна разница въ культурѣ. Справа промелькнулъ Франкфуртъ-на-Одерѣ, а за нимъ и Бреславль, въ который мы прибыли подъ вечеръ. Переночевали въ дешевенькой гостинницѣ, гдѣ познакомились съ одѣялами-перинками, которыя сначала показались странными, а потомъ мы такъ къ нимъ привыкли, что хотѣли завесть ихъ въ Россіи. Весьма замѣтна была разница въ температурѣ и погодѣ. Была уже настоящая ранняя весна. Первое знакомство съ заграничнымъ городомъ произвело самое благопріятное впечатлѣніе. Особенное вниманіе мы обратили на толпы веселыхъ дѣтей, которыми были наполнены сады и бульвары. Видъ этихъ малютокъ былъ такой благовоспитанный и приличный, что мы съ грустью подумали о своихъ маленькихъ соотечественникахъ, которые не производятъ столь пріятнаго впечатлѣнія. Щедринъ прекрасно оттѣнилъ эту разницу своимъ „мальчикомъ въ штанахъ", котораго онъ противупоставилъ „мальчику безъ штановъ". Побывалъ я и въ университетѣ; осмотрѣлъ и знаменитую своей стариной ратушу. Вообще, Бреславль со своимъ славнымъ Одеромъ уже тогда, въ 1860 г., имѣлъ видъ очень хорошаго города. Но когда я его посѣтилъ вновь въ 1881 г., я удивился, какъ похорошѣлъ онъ и разросся, ставъ однимъ изъ лучшихъ городовъ Германіи. Мѣстность до Берлина унылая и монотонная: пески да сосновые лѣски. Но вотъ и Берлинъ. Конечно, въ это время онъ не былъ еще столицей германской имперіи, а только столицей прусскаго королевства, или, пожалуй, имѣніемъ Гогенцоллерновъ. Теперь это одинъ изъ лучшихъ городовъ Европы, а по своимъ образцовымъ порядкамъ и чистотѣ, можетъ быть, и самый лучшій. Тогда же онъ во многомъ уступалъ Петербургу, даже Вѣнѣ.

Пріѣхали мы въ Берлинъ довольно рано и остановились въ гостинницѣ „König v. Portugal" надъ самой Шпре. Не знаю, почему я выбралъ эту неприглядную гостинницу, но въ ней пришлось быть недолго. Имѣя въ виду пробыть въ Берлинѣ довольно долгое время, я захотѣлъ найти основательную квартиру неподалеку отъ университета. Мой выборъ остановился на Mohrenstrasse, противъ Жандармскаго рынка, котораго теперь и слѣдъ простылъ, такъ какъ на мѣстѣ его выростили скверъ. Мы наняли квартиру со столомъ, но этотъ столъ оказался такимъ

плохимъ, что приходилось частенько покупать съѣстные припасы на Жандармскомъ рынкѣ. А рынокъ этотъ былъ превосходный: развѣ только птичьяго молока нельзя было достать на немъ. Цѣна за квартиру была умѣренная, да и вообще въ 1860 г. Берлинъ не былъ дорогимъ городомъ.

Въ Берлинѣ уже стояла прекрасная весенняя погода, и мы съ женой много гуляли по Тиргартену, который, правда, тогда не былъ изященъ, какъ теперь, но все-таки представлялъ прекрасное мѣсто для прогулокъ. Бывали и въ Зоологическомъ саду, много уступавшемъ теперешнему. Особенно любили мы прогулки въ Шарлоттенбургъ, который представлялъ тогда еще загородное мѣсто, не соединенное съ Берлиномъ въ одно цѣлое, какъ теперь. Восхищалъ насъ знаменитый мавзолей и огромный Шарлоттенбургскій садъ, выходившій тогда въ открытое поле, напоминалъ намъ дорогую родину и наши полтавскіе сады. А родина стала дорогой скоро по переселеніи въ чужіе края; къ концу нашего пребыванія за-границей мы уже чувствовали острую mal du pays, а бѣдная жена иногда плакала, вспоминая свои Безсалы. Въ маѣ мы побывали въ Потсдамѣ, внимательно осмотрѣвъ всѣ его достопримѣчательности, не исключая и комнатокъ Александра Гумбольдта, въ которыхъ онъ жилъ по сосѣдству со своимъ царственнымъ другомъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Кстати, этого душевно-больного романтика на тронѣ я видѣлъ тогда же, сидящимъ на скамейкѣ неподалеку отъ Рафаэлевской галереи. Нѣсколько придворныхъ лакеевъ преграждали доступъ къ нему. Но я хорошо замѣтилъ его бритое, изнуренное лицо, его фуражку съ краснымъ околышемъ, огромнымъ козырькомъ и николаевскую шинель на плечахъ. Я видѣлъ также и брата его, тогдашняго принца-регента, а впослѣдствіи императора Вильгельма I,—въ ложѣ палаты депутатовъ. Сравнивая обоихъ сыновей королевы Луизы, я находилъ между ними поразительную разницу и во внѣшнемъ видѣ, и въ нравственныхъ чертахъ. Другъ Гумбольдта и романтикъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV имѣлъ видъ вполнѣ статскаго человѣка, не то ученаго, не то профессора: онъ отказался отъ императорской короны, которую подносило ему франкфуртское національное собраніе. Реалистъ и другъ Бисмарка, Вильгельмъ I имѣлъ типическую военную фигуру,—какъ будто во всю жизнь онъ никогда не снималъ застегнутаго мундира и каски; онъ самъ возложилъ на себя германскую имперскую корону. Двѣ историческія фигуры діаметрально противоположныя.

Прогулкамъ мы посвящали праздничные дни, а въ будни я

ходилъ въ университетъ слушать лекціи. Протестантская пасха въ Берлинѣ показалась намъ не такимъ радостнымъ днемъ, какимъ мы привыкли считать у себя Свѣтлый праздникъ: не были мы ни у заутрени, ни у обѣдни, не было обычнаго пасхальнаго стола, съ его яствами и питіями, не съ кѣмъ было и похристосоваться. Печально и уныло провели мы свѣтлые, святые дни. Въ университетъ ходилъ я обыкновенно вмѣстѣ съ женою. Она всегда гуляла въ каштановомъ саду, пока я слушалъ лекціи. Множество лекцій я переслушалъ: не могу даже всѣхъ припомнить. Скажу только о тѣхъ, которыя остались у меня въ памяти. Чаще всѣхъ я слушалъ Гнейста. Несмотря на его воинственную фигуру, онъ, какъ правильно выразился харьковскій Каченовскій, былъ прирожденнымъ профессоромъ. Свою лекцію онъ диктовалъ, но это была какъ будто и не диктовка, а медленное чтеніе: легко было и записывать, пріятно было и слушать. Не скажу, чтобы аудиторія его была особенно многолюдна. Я бывалъ на его лекціяхъ по англійскому государственному праву, и несмотря на мое короткое знакомство съ его классическимъ сочиненіемъ по этому предмету, лекціи его я слушалъ съ удовольствіемъ и не безъ пользы. Не глубокій знатокъ нѣмецкаго языка, я особенно цѣнилъ то, что его лекцію я понималъ отъ слова и до слова,—такъ внятно она прочитывалась. Гнейстъ читалъ также и другіе курсы: помнится, по римскому и по гражданскому праву, но на нихъ я не бывалъ. Адъюнктъ русскаго университета, я удивлялся разнообразію курсовъ нѣмецкихъ профессоровъ, но я скоро замѣтилъ, что эти курсы не равнаго достоинства, а разнообразіе ихъ мотивируется гонораромъ. Нерѣдко я также бывалъ на историческихъ лекціяхъ Дройзена. Читалъ онъ обыкновенно послѣ обѣда и въ той же аудиторіи, что и Гнейстъ. Только аудиторія эта на лекціяхъ Дройзена биткомъ была набита слушателями, между которыми я всегда видѣлъ много военныхъ. Понятно почему: подогрѣвался прусскій шовинизмъ—вступали въ періодъ трехъ войнъ, доставившихъ Пруссіи гегемонію въ Германіи и роль первенствующей державы въ міровой политикѣ. Дройзенъ не былъ такимъ горячимъ пруссофиломъ, какъ Трейчке, но дѣлалъ съ нимъ одно дѣло—проторивалъ дорогу Бисмарку и Мольтке. Фигура Дройзена, едва выглядывавшая изъ-за каѳедры, не была особенно эффектна, какъ, напр., Гейзера въ Гейдельбергѣ, но говорилъ онъ свободно, а иногда и не безъ паѳоса. Удалось мнѣ также послушать знаменитаго Шталя. Я пошелъ на его лекцію по каноническому праву, на которой онъ излагалъ міро-

вое развитіе идеи брака. Его извѣстное лекторское краснорѣчіе, можетъ быть, уже немного истощилось въ дебатахъ палаты господъ, въ которой онъ былъ душой и теоретикомъ партіи „юнкеровъ". А можетъ быть оно ослабѣло отъ времени, такъ какъ дѣло было за годъ до его смерти. Во всякомъ случаѣ его краснорѣчіе не произвело на меня особеннаго впечатлѣнія и я не нашелъ его выдающимся. Вся же элегантная фигура Шталя, его золотой лорнетъ, бѣлыя перчатки и галстухъ почему-то напомнили мнѣ элегантную фигуру нашего Селина. Въ такомъ же видѣ я встрѣтилъ однажды Шталя въ Тиргартенѣ возлѣ статуи короля Фридриха-Вильгельма III съ его заплатанными сапогами: расфранченный Шталь о чемъ-то бесѣдовалъ съ дамами. Видно было, что даровитый аристократъ изъ евреевъ не чуждался свѣтскаго общества. Побывалъ я и на лекціи старца Ранке, который дѣйствительно читалъ съ большими гримасами, о которыхъ говорилъ мнѣ Ѳедотовъ. „Ранке,—повѣствовалъ Александръ Алексѣевичъ,—на своей лекціи напоминаетъ роженицу, гримасничающую отъ муки родовъ". Гримасничалъ Ранке дѣйствительно усердно, и особенно забавными выходили его бесѣды, то тихія, то громкія, съ историческими лицами, о дѣяніяхъ которыхъ онъ повѣствовалъ. Но Ранке былъ великой силой, которой историческая наука обязана многимъ. Былъ я также на лекціи Раунера, Бёка и нѣкоторыхъ другихъ, именъ которыхъ припомнить не могу.

Въ знаменитомъ берлинскомъ музеѣ, съ которымъ я познакомился по описаніямъ проф. Павлова, я также бывалъ довольно часто, находя это не менѣе университетскихъ лекцій назидательнымъ. Мы предполагали сначала пробыть въ Берлинѣ до конца лѣтняго семестра, но случились нѣкоторыя обстоятельства, интимнаго, семейнаго характера, вслѣдствіе которыхъ мы оставили Берлинъ, помнится, въ 20-хъ числахъ мая. Мы направили свой путь въ Англію, съ которой мнѣ страстно хотѣлось близко познакомиться, такъ какъ я рѣшительно былъ въ нее влюбленъ, считая ея учрежденія, нравы, языкъ и литературу первыми въ мірѣ. Но Англія тогда не воевала съ бурами, а протягивала руку Гарибальди, освобождавшему Италію отъ Бурбоновъ. Эту англоманію распространилъ у насъ Катковъ своимъ „Русскимъ Вѣстникомъ": вошло въ моду порицать Францію и все французское, противопоставляя ей прелести Англіи и всего англійскаго. Особенно допекали Францію за ея административную централизацію, неутомимо восхваляя англійское самоуправленіе. Въ такомъ настроеніи я уѣхалъ за границу и нетерпѣливо же-

лалъ увидѣть коварный Альбіонъ съ его знаменитымъ парламентаризмомъ, шумными митингами, джентльменами мировыми судьями...

По пути въ этотъ обѣтованный край мы остановились въ Кёльнѣ. Вотъ, наконецъ, и Рейнъ—чудный Рейнъ, у береговъ котораго чувствуется въ самомъ дѣлѣ какое-то веселье, даже безъ рейнскаго вина. Мы остановились въ отелѣ надъ самымъ Рейномъ, гдѣ насъ кормили на славу: тамошнихъ пулярдокъ и омаровъ я и до сихъ поръ не забылъ. Городъ мнѣ понравился— и старинный, и оживленный. Исходилъ я его вдоль и поперекъ, побывалъ даже въ крѣпости и прогулялся по окрестнымъ полямъ со спѣющею рожью. Какъ эта рожь напомнила мнѣ дорогую полтавскую губернію, и какъ рѣдко приходится видѣть ее въ пшеничныхъ чужихъ краяхъ! Она, кажется, только и сѣется по полямъ рейнскимъ, гдѣ и пекутъ извѣстный черный хлѣбъ, на который мы такъ накинулись. Кёльнскій соборъ еще не былъ оконченъ и лѣса еще не были сняты, но его несравненная архитектура уже была видна, и я помню вѣрное замѣчаніе жены: „онъ будто выткан изъ кружевъ".

Изъ Кёльна мы пріѣхали въ Люттихъ. Этотъ прекрасный городъ, на прекрасной рѣкѣ, съ хорошими пейзажами, такъ намъ понравился, что мы пробыли въ немъ нѣсколько дней. Я посѣтилъ университетъ и побывалъ на лекціи декана юридическаго факультета, Савуа, который принялъ меня чрезвычайно радушно, посадивъ въ креслѣ посреди аудиторіи. Французская лекторская система сразу показалась мнѣ отличной отъ нѣмецкой, и, грѣшный человѣкъ, показалась болѣе пріятной: читалось гражданское право. Гуляя по прекраснымъ окрестностямъ Люттиха, мы зашли какъ-то въ публичный садъ, въ бесѣдкѣ котораго встрѣтили старушку няню съ дѣтьми. Разговорились, и что же оказалось: старушка няня—русская, бѣглая крѣпостная изъ с. Рудницкаго, переяславскаго уѣзда. Родной языкъ она почти забыла, но родное село—на ровномъ, низменномъ мѣстѣ и ужасно неприглядное—представлялось ей все-таки дорогимъ. Я хорошо зналъ это село, и могъ сообщить ей о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Отъ Люттиха до Брюсселя путь не далекъ. Я очень люблю этотъ прекрасный городъ, о которомъ брюссельцы всегда говорятъ, что онъ „plus coquette que Paris". Ну, пожалуй, Парижъ будетъ и пококетливѣе, но все-таки Брюссель—одинъ изъ пріятнѣйшихъ городовъ Европы. Остановились мы въ „Hôtel de la Poste", Rue Fossé-aux-Loups. Моя бѣдная жена, утомленная до-

рогой, почувствовала себя нехорошо: нужно было отдохнуть да и съ врачомъ посовѣтоваться. Явился врачъ отеля — грубый фламандецъ. Изслѣдовавъ жену и замѣтивъ ея беременность, вкрадчивымъ голосомъ онъ сталъ нашептывать: „Въ путешествіи это очень чувствительно; я могъ бы васъ отъ этого избавить, сударыня, но я рискнулъ бы подвергнуться строгому наказанію, и поэтому операція стоила бы дорого". Мнѣ и теперь омерзительно вспомнить этого оператора, посягавшаго на жизнь моего дорогого первенца. Зола, значитъ, не выдумалъ страшныхъ страницъ своего „Fécondité", но взялъ ихъ изъ печальной дѣйствительности. Больная жена не могла мнѣ сопутствовать въ осмотрѣ Брюсселя. А мнѣ ужасно хотѣлось видѣть Ватерлоо въ разстояніи 20 километровъ. Грѣшный человѣкъ, не предупредивъ жену, я нанялъ карету за 20 франковъ и поѣхалъ осматривать знаменитое мѣсто битвы великановъ: обошелъ поле, побывалъ въ музеѣ, накупивъ ватерлооскихъ реликвій. Меня приняли за англичанина и накормили сырымъ бифштексомъ. Въ Брюссель я воротился поздно: бѣдная жена была въ тревогѣ, и, конечно, имѣла полное право побранить меня.

Жена поправилась, и мы—въ Остенде. Пріѣхали поздно вечеромъ. Сезонъ еще не начинался, съѣздъ былъ небольшой и отель не очень дорогой. Но мы должны были прожить въ немъ больше, чѣмъ хотѣли: море было такъ бурно, что навигація прекратилась. Что дѣлать въ скучномъ безсезонномъ Остенде? Хозяинъ отеля предложилъ мнѣ совершить прогулку по Бельгіи, побывавъ въ лучшихъ городахъ. Мы поѣхали, и я любовался этой высококультурной Nice country, какъ называютъ ее англичане. Побывали въ Брюгге, Гентѣ и Антверпенѣ. Послѣдній на прекрасной Шельдѣ показался мнѣ отличнымъ городомъ. Мы въ немъ переночевали и пріѣхали въ Остенде на другой день. Море, наконецъ, успокоилось. Вечеромъ мы сѣли на пароходъ и двинулись на Лондонъ. Я первый разъ въ жизни видѣлъ море и ѣхалъ по немъ. Это было чудное путешествіе: звѣздная майская ночь, неподвижно-спокойное море, издали мерцающіе маяки, а на пароходѣ—полный комфортъ и прехорошенькія лэди. Утро было ясное, ни облачка. Но вотъ мы подошли къ Темзѣ: откуда-то взялась черная, какъ ночь, туча и моментально полилъ проливной дождь. Подъ дождемъ этимъ мы высадились у моста св. Екатерины, подъ дождемъ этимъ мы проѣхали значительную часть Лондона, до Surrey Street, гдѣ у мистера Ло полтавскій Стефановичъ посовѣтовалъ мнѣ нанять квартиру.

Лондонъ произвелъ на насъ удручающее впечатлѣніе: сырость

и мокрота какъ будто пронизали наше тѣло. Шелъ проливной дождь, сквозь который, какъ сквозь густую сѣтку, виднѣлись дома изъ краснаго кирпича, неприглядной лондонской архитектуры, съ уродливыми трубами, которыя такъ возмущали эстетическаго Гейне. Насъ въ особенности удивляло то, что, несмотря на такую страшную, по нашему мнѣнію, погоду, обычная жизнь города нисколько не измѣнялась: то же движеніе на улицахъ, тѣ же профессіональныя занятія. Какъ будто на дворѣ было вёдро и грѣло солнышко. Но, поживши въ Лондонѣ, мы узнали, что такъ и должно быть, что въ Лондонѣ не должно обращать вниманія ни на какую погоду—такъ она измѣнчива и непостоянна, такъ мокра и дождлива. Когда мы, напримѣръ, проживали въ Лондонѣ въ сезонъ 1860 г., не проходило и дня безъ дождя. Бывало, пойдешь куда-нибудь, небо ясно, на немъ нѣтъ ни одной тучки, но вдругъ набѣжитъ черная туча и разразится страшнымъ ливнемъ; потомъ опять ясно, потомъ опять ливень. Все это на первыхъ порахъ приходилось не по вкусу намъ, но потомъ и мы попривыкли не разставаться съ зонтикомъ.

Остановились мы, какъ я сказалъ, у мистера Ло, на небольшой мрачной улицѣ, упирающейся въ Темзу, а другимъ концомъ соединяющейся со Strand'омъ, ведущимъ въ Сити. Мѣсто сырое даже для Лондона. Мистеръ Ло выдавалъ себя за чеха изъ Праги, но скорѣе всего онъ былъ еврей. Пансіонъ его не отличался особенной роскошью, но былъ довольно дорогой. Кормили, впрочемъ, изрядно: бывалъ даже супъ, красный отъ кайенскаго перца, что рѣдко бываетъ за лондонскими обѣдами, такъ какъ супъ считается „very expansive". Лёнча или не давали, или мы его пропускали, такъ какъ бродили по цѣлымъ днямъ по громадному Лондону. Обѣды были очень торжественны и этикетны: дамы рядились, кавалеры переодѣвались. Я помню, какъ однажды моя жена вышла къ обѣду въ хорошенькомъ чепчикѣ, купленномъ въ Берлинѣ. Присутствовавшія лэди были изумлены, и одна изъ нихъ прямо сказала, что къ обѣду слѣдуетъ выходить съ непокрытой головой. Мнѣ кажется, что едва ли какія-нибудь женщины любятъ такъ наряды, какъ англичанки. И едва ли у другихъ культъ тѣла доведенъ до такой высокой степени. Проживая въ отеляхъ и пансіонахъ съ дочерьми коварнаго Альбіона, мы невольно присматривались къ процессу ихъ туалета: омовеніямъ и притираніямъ, мыламъ, порошкамъ и щеточкамъ и конца нѣтъ. Да и молодятся же англичанки: лэди лѣтъ 50—60 занимаются своими вставными зубами и парикомъ. Все это крайне несимпатично. Насмотрѣлся я вдоволь на жен-

щинъ всякихъ національностей—и на изящныхъ и ловкихъ парижанокъ, и на чопорныхъ, неуклюжихъ нѣмокъ, и на пламенныхъ итальянокъ, и на холодныхъ, домовитыхъ шведокъ, и могу сказать одно: лучшаго женскаго типа, какъ русская женщина, не найти. Бойкостью и изяществомъ полька ее, пожалуй, перещеголяетъ, но душа ея испорчена католицизмомъ и политиканствомъ, и въ ней не встрѣтите вы той простоты и искренности, которыми природа такъ щедро надѣлила русскую женщину.

Но возвратимся къ мистеру Ло. Если я не ошибаюсь, мы прожили у него недѣли три. Но намъ казалось, что беретъ онъ съ насъ слишкомъ дорого, и мы задумали перемѣнить квартиру. Я остановился на Нортумберландской улицѣ, въ квартирѣ капитана корабля Девиса, жена котораго оказалась актрисой Гэй-Маркета. Я нанялъ двѣ прекрасныя комнаты, устланныя коврами, расположенныя по-англійски: одна наверху—спальная, а другая внизу—пріемная. Я нанялъ однѣ стѣны, такъ какъ мы предполагали имѣть свою кухню, на которой могла готовить наша горничная, шотландка Дженъ. Зажили мы очень комфортабельно. Ежедневно я ходилъ на ближайшій рынокъ за провизіей—ежедневно я покупалъ большой кусокъ превосходной лососины, картофеля, огурцовъ и масла, и все это приготовлялось такъ вкусно, что въ теченіе трехъ недѣль изо дня въ день мы ничего другого не ѣли. Въ этой квартирѣ посѣтилъ насъ мой товарищъ Сидоренко со своимъ спутникомъ, харьковцемъ Бѣликовымъ. Я встрѣтилъ ихъ у зданія парламента и попросилъ зайти къ намъ. Помню, однажды пригласила насъ на обѣдъ наша хозяйка—на гуся. Такого гуся я въ жизни своей не видалъ—величиной съ теленка, а во рту онъ такъ и таялъ. Вообще, птица въ Лондонѣ, мясо, рыба, овощи, честэръ, всякое копченіе—лучшія въ Европѣ. А что касается эля и портера, то развѣ есть на свѣтѣ лучшій напитокъ? Сидя за роскошными яствами въ Лондонѣ, мы нерѣдко вспоминали берлинское сухоядѣніе. Наша квартира находилась въ очень хорошемъ мѣстѣ: недалеко отъ шотландскаго двора, гдѣ помѣщалось главное депо лондонской полиціи; близко отъ парламента, отъ вестминстерскаго аббатства и прелестнаго С.-Джемскаго парка—любимаго мѣста моей прогулки. Жить бы да поживать. Но оказалось, что миссисъ Девисъ очень любила коньякъ и проявляла подчасъ свой буйный нравъ. Эту слабость мы замѣтили впервые послѣ ея гуся, когда мы наняли экипажъ для прогулки въ Гриничъ, гдѣ мы осмотрѣли знаменитую обсерваторію. Слабость эта стала сказываться больше и больше: по ночамъ—стукотня стульями, бѣготня по комнатѣ, крикъ и шумъ.

Лэди тузила своего капитана. А капитанъ отбивался отъ своей лэди. Стало жить непокойно, и мы рѣшились опять перемѣнить квартиру. Возлѣ Риджинсъ-парка мы нашли очень подходящее помѣщеніе и дали задатокъ чуть ли не гинею. Уходимъ довольные, что есть уже у насъ квартира. Въ догонку за нами—какой-то парень съ вопросомъ: „Курите ли вы, сэръ?“—„Конечно“,—отвѣчаю я, такъ какъ тогда я былъ жестокій smoker.—„Въ такомъ случаѣ вы у насъ жить не можете, такъ какъ въ нашемъ домѣ куреніе строго воспрещено. Вотъ ваша гинея“. Ну, что̀ было дѣлать? Искать другую квартиру? Мы скоро ее и обрѣли: пансіонъ миссъ Форстеръ на Duchess Street, куда въ тотъ же день мы и перешли. Это былъ прекрасный пансіонъ, гдѣ отлично кормили по цѣнѣ умѣренной, гдѣ собиралось прекрасное общество, пріѣзжавшее въ Лондонъ изъ провинціальныхъ городовъ Англіи. Здѣсь, я помню, жилъ прехорошенькій парижанинъ для изученія англійскаго языка, который ужасно коверкалъ, а за нимъ ужасно ухаживали престарѣлыя, но молодившіяся лэди, съ особеннымъ стараніемъ завивавшія свои локоны и чистившія свои зубы. Въ этомъ пансіонѣ посѣтилъ меня и Герценъ, о чемъ скажу ниже.

Достопримѣчательности Лондона! Да развѣ есть хоть одинъ городъ въ мірѣ, въ которомъ ихъ было бы такъ много! Меня, какъ государствовѣда-англомана, въ особенности интересовали парламентъ и вестминстерскіе суды, которые я посѣщалъ довольно часто. Зданіе, въ которомъ помѣщаются они—одно изъ красивѣйшихъ въ мірѣ, особенно со стороны Темзы. Понятно восклицаніе императора Николая I: „C'est un rêve en pierre“. Я сиживалъ и на красномъ сафьянѣ палаты лордовъ, и на зеленомъ сафьянѣ палаты общинъ, слѣдя за дебатами и стараясь наглядно изучить парламентскую процедуру. Сначала я плохо понималъ парламентскія рѣчи, но мало-по-малу ухо привыкло, и я сталъ понимать лучше, особенно благодаря „Times“, въ которомъ рѣчи эти печатались. Въ вестминстерскихъ судахъ вниманіе останавливала средне-вѣковая обстановка—длинныя мантіи и парики судей и адвокатовъ, деликатное обращеніе съ подсудимымъ, перекрестные допросы свидѣтелей и т. п. Интересны были пародіи этихъ вестминстерскихъ судовъ на Strand'ѣ.

Любовался я величественнымъ Вестминстерскимъ аббатствомъ, въ которомъ собраны могилы всѣхъ знаменитыхъ людей Англіи. Понимаю, какъ должно крѣпнуть патріотическое чувство англичанина, когда онъ проходитъ мимо такого длиннаго ряда изваяній, надъ могилами лучшихъ сыновъ его отечества. Болѣе вели-

чественнаго пантеона я нигдѣ не видалъ. Съ нимъ развѣ можетъ соперничать флорентійская Santa Croce съ чудными мавзолеями Микель-Анжело, Маккіавелли и др. Но зачѣмъ туда пустили прахъ какой-то польской княгини, которая съ знаменитыми именами Итали ничего общаго не имѣетъ? Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ вы такого диссонанса не встрѣтите.

Въ мое время, у паперти этого величественнаго храма паслось стадо овецъ. Шерсть—одинъ изъ чтимыхъ Англіей продуктовъ: на шерстяномъ мѣшкѣ возсѣдаетъ лордъ-канцлеръ. Это соединеніе сельской идилліи съ величіемъ готическаго храма очень эффектно. Вообще, англичане—большіе поклонники села и сельской жизни, и напоминаніе о нихъ въ Лондонѣ вы встрѣтите чаще, чѣмъ въ другой европейской столицѣ. Довольно сказать о паркахъ—этой красотѣ Лондона, съ которой нельзя сравнивать публичныхъ садовъ другихъ европейскихъ городовъ—ни съ Лѣтнимъ садомъ Петербурга, ни съ Тюльери или Люксембургомъ Парижа, ни съ Тиргартеномъ Берлина или выхоленными парками Вѣны. Парки густо населеннаго и застроеннаго Лондона—это его легкія, какъ они и называются французами—„poumons de Londres“. Парки—это огромные зеленые луга, которыхъ нельзя ни вытоптать, ни проторить дорожекъ—такъ сильна растительность, благодаря постоянной влагѣ. На этихъ лугахъ разбросаны группы превосходныхъ деревьевъ. Все это напоминало мнѣ незабвенный сѣкиренскій паркъ, который такъ удачно воспроизводитъ черты англійскаго парка. Много разъ гулялъ я по этимъ паркамъ со своей покойной женой и на всю жизнь сохранилъ о нихъ воспоминаніе. Особенно любилъ я бывать въ С.-Джемскомъ паркѣ. Миніатюрный, онъ, конечно, не можетъ быть сравниваемъ ни съ Риджинсъ-паркомъ, ни съ Гайдъ-паркомъ. Но сколько въ немъ прелести! Особенно въ этомъ озерѣ по срединѣ, по которому вѣчно снуютъ лодочки. Бывало, въ воскресенье, пойдешь туда гулять и набредешь на картину англійскаго бокса: тузятъ кулаками другъ друга два парня, окровавивъ свои физіономіи. Заложивъ руки назадъ, любуется зрѣлищемъ охранитель порядка и благочинія—полисменъ. Вѣдь это—національная забава Англіи, упражняющая ея кулаки для захватовъ лакомыхъ кусочковъ земного шара, не исключая и трансваальскихъ бриліантовыхъ копей.

А New-Garden! Можно ли забыть его низко остриженные, ярко-зеленые луга, по которымъ разбросаны клумбы то ярко-красныхъ пеларгоній, то темно-синихъ лобелій, то разноцвѣтныхъ петуній. А сосѣдній Ричмондъ, запущенный, дико росту-

щій? Вспоминаю смотръ Riflemen'овъ, который производила въ Гайдъ-паркѣ покойная королева Викторія: собралась громаднѣйшая толпа народа, расположившаяся чуть ли даже не на всѣхъ деревьяхъ парка. Я замѣтилъ, что толпа каждаго народа носитъ свой отпечатокъ, свою оригинальную физіономію. Грубѣе англійской толпы я ничего не знаю; насъ чуть не затоптали на этомъ смотру. Сравниваю французскую толпу, среди которой мы очутились съ покойной женой въ Ліонѣ, когда императорская чета показывалась народу: эта французская толпа могла бы научить англійскую учтивости и вниманію къ дамѣ въ интересномъ положеніи.

Осматривая достопримѣчательности Лондона, я, конечно, побывалъ и въ Британскомъ музеѣ, но имѣлъ мало досуга, чтобы познакомиться съ этимъ грандіознымъ учрежденіемъ. Помню только, что на столѣ лекторіи музея я увидѣлъ „Экономическій указатель" Вернадскаго, который, помнится, въ это время велъ полемику съ Чернышевскимъ по вопросу объ общинѣ. Не пропустилъ я ни Національной галереи, которая, конечно, уступаетъ картиннымъ галереямъ континента; ни Тоуэра, гдѣ видѣлъ плаху и топоръ—орудія казни Маріи Стюартъ. Осмотрѣлъ я и исправительный Пентонвилль, и страшную Ньюгэтскую тюрьму: провели меня къ мѣсту, гдѣ совершалось повѣшеніе преступниковъ; показывали кожаный корсетъ, который надѣвается на вѣшаемаго, и коллекцію слѣпковъ съ физіономій казненныхъ преступниковъ. Не ускользнулъ отъ моего любопытства и Хрустальный дворецъ въ Сидэнэмѣ, въ который я ѣздилъ два раза, и однажды съ Сидоренкомъ. Видѣлъ я тамъ и укротителя дикихъ лошадей Рарея, показывавшаго свое искусство и дѣйствительно укрощавшаго своими пріемами самыхъ бѣшеныхъ лошадей. Изъ театра я побывалъ въ Гэй-Маркетѣ, гдѣ видѣлъ свою хозяйку, миссисъ Девисъ, въ утренней кофтѣ моей жены, которую она взяла для спектакля; въ оперномъ театрѣ ея величества, въ который одѣваются какъ на балъ, и въ театрѣ герцогини, гдѣ можно видѣть великаго Шекспира.

Живя въ пансіонѣ миссъ Форстеръ, я сдѣлалъ визитъ Александру Ивановичу Герцену. Это было время его высшей славы и процвѣтанія его „Колокола" и другихъ заграничныхъ изданій, за которыми пробирался къ Трюгнеру всякій русскій, пріѣхавшій въ Лондонъ. Въ это же время появилась знаменитая статья Чичерина, порицавшая всю дѣятельность Герцена, на которую послѣдній отвѣтилъ горячо и сдержанно. Помнится, я пошелъ къ Герцену вмѣстѣ съ женой. Насъ встрѣтилъ бодрый и здоро-

вый человѣкъ, лѣтъ около пятидесяти, немного выше средняго роста, съ симпатичнымъ лицомъ и длинными, зачесанными назадъ безъ пробора, волосами, въ которыхъ уже серебрилась просѣдь. Онъ ввелъ насъ въ пріемную, на столѣ которой лежала книга Бокля, отъ чтенія которой, можно было думать, оторвалъ Герцена нашъ приходъ. Въ углу, на кушеткѣ, сидѣлъ Николай Платоновичъ Огаревъ, унылый, меланхолическій молчальникъ, съ чисто-русскимъ лицомъ, окаймленнымъ роскошной бородой. Возлѣ сидѣлъ невзрачный блондинъ Сѣраковскій, съ которымъ я еще разъ встрѣчался въ Гейдельбергѣ, въ аудиторіи Миттермайера; польское повстанье сдѣлало изъ него историческую фигуру. Скоро онъ ушелъ. „Вотъ болтунъ! — характеризовалъ его Герценъ.— Никому не дастъ слова сказать; а Огаревъ забивается въ уголъ, чтобы спастись отъ его многословія". Затѣмъ, разговоръ перешелъ на другіе предметы: о Боклѣ, котораго Герценъ очень хвалилъ; о „Современникѣ", направленію котораго Герценъ, какъ видно было, очень сочувствовалъ. Онъ и со мной началъ рѣчь объ этомъ направленіи. Но я въ послѣдніе годы такъ былъ занятъ своими экзаменами и диссертаціей, что не могъ быть постояннымъ читателемъ Добролюбова и Чернышевскаго и компетентнымъ собесѣдникомъ о нихъ, что, очевидно, Герцену не понравилось. Вошла какая-то дама, вѣроятно, изъ отдаленной русской провинціи,—такъ высокопарно она восхваляла хозяина, поклониться которому считала своимъ нравственнымъ долгомъ, для чего и пріѣхала въ Лондонъ. Герценъ, кажется, самъ былъ сконфуженъ высокопарными восхваленіями доморощенной русской радикалки. Намъ всѣмъ, по крайней мѣрѣ, легче стало, когда она ушла. Мы также не засиживались и довольно скоро раскланялись. Герценъ произвелъ на меня самое симпатичное впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ широкаго образованія и развитія, съ крѣпкою послѣдовательною мыслью, съ изящною русскою рѣчью, изукрашенной цитатами изъ всевозможныхъ европейскихъ литературъ, замѣчательнымъ знатокомъ которыхъ онъ былъ. Въ его фигурѣ материнская нѣмецкая кровь растворилась въ чистой русской крови отца, Яковлева; онъ былъ русскій вполнѣ, въ которомъ тѣснота заграничной культуры не вытравила воспоминаній о русскомъ просторѣ, о той безпредѣльной шири, по которой несется то заунывная, то разудалая русская пѣсня. Въ его сынѣ, съ которымъ я хорошо познакомился въ 1861 г., уже замѣчалось вырожденіе русскаго типа: Герценъ-младшій—не то русскій, не то иностранецъ; онъ уже болѣе приспособленъ къ тѣснотѣ западно-европейской культуры, а русская ширь, русскій

просторъ—уже не по немъ. Типъ русскаго человѣка, Герценъ производилъ впечатлѣніе истаго русскаго дворянина, вскормленнаго роскошью крѣпостной среды; демократъ по убѣжденіямъ, онъ былъ истиннымъ аристократомъ по манерамъ, вкусамъ и воспитанію.

Скоро онъ отдалъ мнѣ визитъ. Мы принимали его въ общей залѣ, въ которой присутствовали многіе жильцы пансіона. Мы говорили о многомъ, между прочимъ—объ извѣстномъ кн. Голицынѣ, который, какъ выразился Герценъ, теперь на подножномъ корму, и будетъ дирижировать концертомъ въ пользу гарибальдійцевъ. Я попросилъ прислать и мнѣ два билета на этотъ концертъ, что̀ и было исполнено. Мы очутились съ женой въ С.-Джемской залѣ, гдѣ и увидѣли фигуру бѣдоваго князя-музыканта, дирижировавшаго большимъ хоромъ, исполнявшимъ, между прочимъ, Бортнянскаго. Это приводило въ восторгъ англійскую публику, но англичане очень склонны ко всякимъ восторгамъ, чѣмъ нерѣдко они прикрываютъ отсутствіе эстетическаго вкуса. Мы, однакожъ, отклонились отъ разсказа о визитѣ Герцена. Говорили мы съ нимъ и о прелестяхъ русской жизни, по которой онъ сильно соскучился: о русской тройкѣ съ лихачемъ-ямщикомъ, которая мчитъ по чудесному санному пути; о русскихъ ватрушкахъ, загнутые края которыхъ, какъ вспомнилъ самъ Герценъ, поджарены...

Мы говорили, конечно, по-русски, и чудный тэмбръ Герцена раздавался на всю общую залу. Когда онъ вышелъ, одинъ изъ присутствовавшихъ спросилъ: „На какомъ языкѣ говорилъ этотъ джентльменъ?“ — „Мы говорили съ нимъ на нашемъ родномъ русскомъ языкѣ“,—отвѣчалъ я. — „Какой же это благозвучный, музыкальный языкъ!“ — замѣтилъ мой собесѣдникъ. „Дѣйствительно,—подумалъ я,—нашъ родной русскій языкъ, если только говорить на немъ такъ, какъ говорилъ Герценъ, едва-ли не самый благозвучный и музыкальный“. Жаль только, что не многіе на немъ такъ говорятъ, и что искусство хорошо говорить еще не выработала тысячелѣтняя жизнь Россіи.

Въ это же время былъ въ Лондонѣ статистическій международный конгрессъ, открытый принцемъ-супругомъ. Нѣсколько разъ и я на немъ присутствовалъ. Я встрѣтилъ тамъ дряхлаго лорда Брума, державшагося за стѣну, когда пробирался къ своему мѣсту; видѣлъ знаменитаго Кетлэ, глубокаго старца, сидѣвшаго, помнится, на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Слышалъ я нѣсколько докладовъ статистиковъ-негровъ, а изъ русскихъ я видѣлъ Капустина, Вернадскаго, Куломзина. Слышалъ я и о томъ, что

бываетъ Б. Н. Чичеринъ, но его я не встрѣчалъ. Эти встрѣчи русскихъ за границей носятъ какой-то своеобразный характеръ боязни другъ друга, неохоты сблизиться, разговориться, опасенія показаться отсталымъ и малокультурнымъ... Это очень печально; это очень отравляетъ радость встрѣчи съ соотечественникомъ, а бывало, иногда заслышишь русскую рѣчь—такъ бы и кинулся въ объятія земляка.

Къ этому ряду воспоминаній о Лондонѣ прибавляю еще одно: мнѣ пришлось присутствовать на одномъ митингѣ и неожиданно подписать одну петицію. Дѣло было такъ. Въ 1860 г. палата общинъ постановила отмѣнить Stamp-duty—налогъ на штемпель газетной бумаги, т.-е. налогъ на бумагу. Палата лордовъ не согласилась съ такимъ постановленіемъ и рѣшила Stamp-duty сохранить. Поднялся крикъ по всей Англіи: палата лордовъ превысила-де свои конституціонныя полномочія. Не согласившись на отмѣну бумажной пошлины, она какъ бы установила налогъ на страну, чего дѣлать она не въ правѣ, такъ какъ обложеніе налогомъ—компетенція палаты общинъ. По всей Англіи стали собираться митинги съ цѣлью протестовать противъ такой небывалой узурпаціи палаты лордовъ, нарушившей всѣ обычаи и преданія страны. На одномъ изъ такихъ митинговъ въ Лондонѣ пришлось побывать и мнѣ. Въ какой-то большой залѣ собралась огромная толпа; у стѣны—длинный столъ, за которымъ возсѣдали устроители и руководители собранія: они давали голосъ, руководили дебатами, формулировали резолюціи. Любопытство мое скоро было удовлетворено, и я рѣшилъ оставить собраніе. При выходѣ мнѣ предложили подписать бумагу, испещренную тысячами подписей. Не желая выдать себя за иностранца въ чужомъ пиру, я подписалъ. Это была петиція въ палату общинъ, которая, вѣроятно, и теперь еще хранится въ парламентскомъ архивѣ съ именемъ русскаго адъюнкта.

Я хорошо изучилъ Лондонъ и его достопримѣчательности, но этого было мало, чтобы сказать: „я изучилъ Англію". Развѣ можно изучить страну по одной ея столицѣ? Гакстгаузенъ и Мэкэнзи-Уоллесъ считали нужнымъ заглянуть во внутрь Россіи чтобы составить ясное представленіе о ней. Такому примѣру, конечно, долженъ слѣдовать каждый туристъ, если только онъ хочетъ хорошо понять чужую страну. Я рѣшилъ объѣхать Англію, чтобы видѣть ея промышленные и университетскіе города и ея сельскую жизнь. Кто знаетъ только Лондонъ и не видѣлъ англійской деревни, которую такъ любятъ рисовать романисты, тотъ, можно сказать, знаетъ не болѣе десятой части страны. Вся сила

и прелесть Англіи—въ ея сельской жизни, на которой съ особенной яркостью отражается ея аристократическій характеръ. Нашъ пансіонъ настолько былъ солиденъ и порядоченъ, что я могъ рѣшиться ненадолго оставить жену, несмотря на ея положеніе, и тѣмъ болѣе, что жена сошлась съ одной почтенной и пожилой англичанкой, которая кое-какъ говорила по-французски. Къ этому я еще прибавилъ нѣсколько разговорныхъ англійскихъ фразъ, которыя могли бы пригодиться женѣ въ ея домашнемъ обиходѣ. Мнѣ очень хвалили небольшой городъ Лемингтонъ, какъ одинъ изъ самыхъ фешенебельныхъ country-town. Туда я и направилъ свой путь. Лемингтонъ, въ самомъ дѣлѣ, заслуживалъ, чтобы быть резиденціей лондонскихъ богачей, которымъ прискучила столица и которые жаждутъ зелени и здороваго воздуха country-life. Группа элегантныхъ домовъ окружена чудными зелеными полями, съ живою изгородью душистаго каприфолія. Пейзажъ украшается разбросанными коттэджами, обвитыми розами или зеленымъ плющомъ. Послѣ Лондона, пропитаннаго смолой и каменнымъ углемъ, послѣ вонючей Темзы, Лемингтонъ—чистый рай. Помнится, отъ него недалеко Стаффордъ-на-Авонѣ—родина Шекспира, имя котораго такъ слилось съ Англіей, что звучитъ во всѣхъ ея концахъ. Надышавшись чуднымъ воздухомъ фешенебельнаго сельскаго города, я направилъ свой путь на Оксфордъ. По пути я остановился въ Реддингѣ. Не знаю, почему въ моихъ воспоминаніяхъ объ этомъ городѣ мнѣ представляются маленькіе садики, наполненные всевозможными ягодами, которыя на сырой англійской почвѣ бываютъ очень крупными: смородина—какъ вишня, крыжовникъ—какъ слива и т. п. Я думалъ-было до Оксфорда доплестись пѣшкомъ, уже начавъ эту пѣшеходную прогулку. Но мои молодыя ноги не выдержали, и я пріѣхалъ въ Оксфордъ по желѣзной горогѣ. Оксфордъ—одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ городовъ; городъ вполнѣ академическій, онъ можетъ быть названъ типическимъ представителемъ того, что въ Англіи называютъ country-town. Онъ окруженъ лугами и нивами, засѣянными клеверомъ, люцерной и др. травами. Находясь въ самомъ центрѣ города—на величественной Queen's Street, съ ея коллегіями и университетскими зданіями,—вы находитесь какъ бы въ центрѣ фермы и ея полевыхъ работъ. Шла косовица, и до моего слуха доходило звяканье косъ; меня обдавалъ ароматъ подсохнувшаго сѣна. Бодрый и веселый, я обошелъ весь небольшой городъ. Зашелъ отдохнуть въ кабачокъ, стоящій уединенно на проселкѣ; рюмка виски показалась мнѣ не лучше нашей картофельной водки Полѣсья. Въ университетѣ

занятія уже кончились, но я побывалъ въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ, прочитывая въ витринахъ разныя объявленія, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на предложенныхъ темахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя занесены были мною въ мою записную книжку. Студентовъ въ городѣ я почти не встрѣчалъ, но большая группа ихъ толпилась у рѣки: предполагалась гонка и оксфордцы собирались помѣряться ловкостью со студентами Кэмбриджа. На прощанье съ Оксфордомъ, я купилъ у антикварія первый томъ Бокля, за полцѣны, хотя онъ былъ мало подержанъ. За Оксфордомъ послѣдовалъ Бирмингэмъ, славный своими стальными и желѣзными издѣліями. Пріѣхалъ я туда подъ вечеръ и остановился на ночлегъ въ какомъ-то небольшомъ отелѣ, гдѣ поужиналъ вмѣстѣ съ какими-то англійскими коммерсантами. На другой день, съ ранняго утра, я обходилъ городъ, довольно большой и густо населенный, побывалъ на биржѣ; неподалеку отъ нея—монументъ съ самоувѣренной надписью: „England expects, that every man will do his duty“; а подлѣ—неприличная постройка, съ надписью: „Please to adjust your dress before leaving“.

Проходя по одной улицѣ, я замѣтилъ открытый входъ въ одно зданіе. Любопытство туриста потянуло меня туда: въ большой залѣ—многолюдное собраніе мужчинъ и женщинъ довольно пожилыхъ. Я присѣлъ на скамью; долго царствовало полное безмолвіе. Наконецъ, раздалась импровизованная молитва, произнесенная одной старухой; за ней—другая, третья и т. д. Это было собраніе квакеровъ или какой-нибудь другой диссидентской секты, которое въ полномъ безмолвіи высиживаетъ молитвенное вдохновеніе, сказывающееся въ импровизованной молитвѣ. На память о стальномъ Бирмингэмѣ я купилъ пару бритвъ, которыя мнѣ служили въ Кіевѣ, пока россіяне не получили права носить бороды и усы.

За стальнымъ Бирмингэмомъ идетъ хлопчато-бумажный Манчестэръ. Когда вы подъѣзжаете къ нему, вы видите густую тучу каменноугольнаго дыма, изъ-за которой тускло выглядываютъ прямыя улицы, застроенныя однообразными домами изъ краснаго кирпича.

Весь городъ представляется какъ бы сплошной кучей краснаго кирпича, подернутой каменноугольной дымкой. Тяжелое впечатлѣніе производитъ этотъ закоптѣлый городъ-фабрика. Тяжело видѣть его населеніе—городской рабочій пролетаріатъ, съ дѣтства и до могилы не вѣдающій поля и свѣжаго воздуха. И какой контрастъ этого Манчестэра и его чернорабочаго люда

съ сельскимъ аристократическимъ Лемингтономъ и окружающими его поселянами! Но вѣдь Англія—страна великихъ контрастовъ: нигдѣ богатство не отдѣляется такъ рѣзко отъ бѣдности, нигдѣ аристократія не отличается такъ отъ рабочаго люда. Мы говорили выше о достоинствахъ лондонской пищи. Но въ какой странѣ бѣднякъ ѣстъ такую дурную пищу, какъ въ Лондонѣ? Герценъ разсказывалъ мнѣ, какъ однажды онъ видѣлъ оборванца, купившаго за нѣсколько пенсовъ кусокъ гнилого, позеленѣвшаго мяса, и на улицѣ съѣвшаго его. Не знаю, почему воспоминаніе о Манчестэрѣ навело мою мысль на англійскую бѣдноту, которую я видѣлъ сорокъ лѣтъ назадъ и которая теперь едва ли уменьшилась. Манчестэръ произвелъ на меня самое унылое впечатлѣніе, и я пробылъ въ немъ только нѣсколько часовъ. Въ моей памяти сохранилось воспоминаніе о прекрасномъ памятникѣ Роберту Пилю на одной изъ лучшихъ манчестэрскихъ площадей.

Ливерпуль — одинъ изъ лучшихъ городовъ Англіи. Улица надъ заливомъ Мерси, черезъ который мы переправлялись, была бы на мѣстѣ въ самомъ Лондонѣ. Видно, что это одинъ изъ первыхъ портовыхъ городовъ въ мірѣ, едва ли не превосходящій Марсель или Гамбургъ. Меня удивило, что въ этомъ прекрасномъ городѣ среди роскошныхъ его домовъ виднѣлись вѣтряныя мельницы. Вниманіе мое останавливали матроски съ неугасимыми трубочками въ зубахъ, рядкомъ сидящія надъ заливомъ Мерси въ ожиданіи работы на отходящемъ или приходящемъ пароходѣ. Это—оригинальный типъ женщины, превратившейся въ какое-то особое существо: не то человѣкъ, не то звѣрь. Ливерпуль—огромный городъ, и трудно было его разсмотрѣть въ одинъ день. Поэтому я рѣшилъ переночевать въ немъ, и экономіи ради переночевалъ въ Sleeping-room. Дешево и довольно опрятно, но оказался безпокойный сосѣдъ—изъ матросовъ, дѣлавшихъ крымскую войну. Человѣкъ грубый и навязчивый, притомъ немного подпившій, онъ всю ночь не давалъ мнѣ покоя разсказами о Россіи и Севастополѣ.

Я думалъ-было пробраться въ Шотландію и осмотрѣть Эдинбургъ. Но меня потянула въ Лондонъ тоска по моей женѣ. Обратный путь я держалъ по самой деревенской части Англіи. Остановился въ Дерби. Это—самая провинціальная деревенщина. Тамъ было нѣчто въ родѣ ярмарки; осматривая ее, на нѣсколькихъ столикахъ я видѣлъ продажу человѣческихъ череповъ и костей—товаръ, требуемый изучающими медицину, но на ярмаркахъ и рынкахъ континента не приходилось его видѣть. Изъ Дерби въ Лейчестэръ—послѣдній привалъ, въ которомъ пришлось

весьма комфортабельно переночевать. У меня сохранилось воспоминаніе о довольно большомъ кладбищѣ посреди этого провинціальнаго городка. Вообще, въ Англіи, во время моего путешествія, мертвые не удалялись отъ живыхъ, кладбища встрѣчались нерѣдко въ самомъ центрѣ города—то на паперти церкви, то такъ, отдѣльно. Сколько помню, напр., было кладбище на паперти церкви св. Павла. На могилахъ стоймя поставлены камни, иногда съ именемъ усопшаго, въ родѣ кладбища еврейскаго. Нашъ православный крестъ — лучшее украшеніе могилы покойника. Изъ Лейчестэра въ Лондонъ, помнится,—подъ вечеръ. Какая радостная встрѣча съ женой!

Не помню, сколько времени мы пробыли еще въ Лондонѣ, но въ началѣ августа мы простились съ нашимъ милымъ пансіономъ и его обитателями и вечеромъ переѣхали на пароходъ, идущій во Францію. Двинулись въ путь такъ рано, что когда мы позавтракали, то высокіе мѣловые берега Англіи, покрытые изумрудной травой, были уже далеко. На этотъ разъ море не было такъ привѣтливо и покойно, какъ на пути изъ Остенде въ Лондонъ. Ламаншъ буянилъ, и пароходъ трещалъ отъ сильнаго вѣтра, невыносимо качая. Я не подверженъ морской болѣзни, но почти всѣ пассажиры, съ охами и стонами, лежали на палубѣ, а съ ними и моя бѣдная жена. Въ Булонь мы пріѣхали къ раннему обѣду, послѣ котораго имѣли еще время осмотрѣть этотъ приморскій городокъ. Англія встрѣтила насъ ливнемъ и сыростью, а Франція — яркимъ солнышкомъ. Не даромъ о ней всегда говорятъ: „la belle France“. Я не знаю почему, но какъ только я въѣзжаю въ ея предѣлы, душа моя наполняется какимъ-то радостнымъ, отраднымъ чувствомъ—какъ будто я пріѣхалъ домой. Не потому ли это, что въ моей крови не мало капель французской крови моего дѣда, что въ дѣтствѣ меня называли французомъ, а я Францію всегда считалъ вторымъ отечествомъ? Но мнѣ весело, мнѣ радостно всегда бываетъ, когда я ступлю на почву этой великой страны, когда въ ушахъ моихъ раздастся благозвучная рѣчь ея даровитаго народа — народа-альтруиста, послужившаго не только себѣ, но и человѣчеству. Бывалъ я во Франціи и въ молодые, и въ старые годы, но это чувство никогда не измѣнялось... Ночью проѣхали черезъ Руанъ, такъ что не удалось видѣть его знаменитаго собора, такъ художественно описаннаго Флоберомъ въ „M-me Бовари“. Поздней ночью мы пріѣхали въ Парижъ, и намъ такъ дремалось, что когда кондукторъ закричалъ: „Paris!..“, намъ показалось, что мы пріѣхали на обыкновенную станцію, а не въ этотъ великій мі-

ровой городъ, одно названіе котораго такъ содержательно. Первая встрѣча —отрядъ зуавовъ, обходившій ночью Парижъ. Но это была вторая имперія въ ея апогеѣ: зуавы и тюркосы виднѣлись повсюду, и столица Франціи по своему тогдашнему воинственному виду уподоблялась какому-нибудь нѣмецкому Берлину. Теперь—иные нравы, иныя картины: проживая въ 1895 г. цѣлый мѣсяцъ въ Парижѣ съ дочерью, мы не видѣли ни одного зуава, ни одного тюркоса... Забравшись на ночлегъ въ какой-то маленькій отель, мы проснулись на другой день вечеромъ, такъ что первыя сутки въ Парижѣ мы провели во снѣ. Уже совсѣмъ вечеромъ мы разыскали ресторанъ, чтобы пообѣдать. На другой день мы нашли на Rue Jacob пансіонъ, содержимый ярымъ бонапартистомъ, потерявшимъ руку подъ Севастополемъ. Парижскій пансіонъ—не то, что лондонскій: это что-то узкое, что-то ужасно скупое. Маленькая баранья котлетка на завтракъ; ломтикъ дыни послѣ маленькой тарелки безвкуснаго супа за обѣдомъ, ломтикъ пулярдки... все ломтики, все кусочки, можетъ быть и достаточные для французскаго желудка, но слишкомъ не по русскому желудку, привыкшему съ дѣтства къ кашамъ и кулебякамъ. Совѣтую каждому путешественнику въ Лондонѣ жить въ пансіонѣ, а въ Парижѣ—избѣгать его. Вся обстановка была иная въ сравненіи съ той, къ которой мы привыкли у Ло или Форстеръ: въ ложѣ швейцара сидѣла хорошенькая парижанка съ романомъ въ рукахъ, а намъ съ женой прислуживалъ garçon, исполняя всѣ обязанности горничной. Вообще, въ Парижѣ женщина-работница—на первомъ планѣ, и весьма много мужскихъ занятій—удѣлъ ея нѣжныхъ ручекъ. Это я наблюдалъ въ одномъ только Парижѣ. Пожалуй и въ Швейцаріи, особенно во французской Женевѣ, на долю женщины выпадаетъ много тяжелой мужской работы. Но тамъ женщина, со своимъ зобомъ и грубыми руками,—сильной, мужской комплекціи, а парижанка—миніатюрна и граціозна. Это по истинѣ одинъ изъ замѣчательныхъ женскихъ типовъ, выработанныхъ своеобразными условіями парижской жизни, еще въ дѣтствѣ развивающей находчивость, тактъ и проворство. Но все это я узналъ потомъ, когда ближе познакомился съ Парижемъ; на этотъ же разъ я ограничился бѣглымъ, поверхностнымъ его обзоромъ: побывали, конечно, въ Луврѣ, преклонившись передъ Венерой Милосской и мадонной Мурильо; обошли нѣсколько разъ Пале-Ройялъ, любуясь настоящими и поддѣльными брилліантами, выставленными въ его витринахъ; погуляли по Елисейскимъ полямъ и Тюльерійскому саду, а въ національный праздникъ именинъ Наполеона съѣздили въ Вер-

саль, полюбоваться знаменитыми фонтанами; вечеромъ видѣли въ Парижѣ роскошную иллюминацію, устроенную замѣчательнымъ пиротехникомъ. Не пришлось мнѣ видѣть теперешній національный праздникъ, а хотѣлось бы сравнить, что французы больше празднуютъ—взятіе Бастиліи или день ангела узурпатора? Пришлось мнѣ увидѣть и самого узурпатора. Передъ теперешнимъ монументомъ Гамбетты онъ производилъ смотръ небольшому отряду: подвели къ Тюльери верховую лошадь, на которую и взобрался императоръ. Его нескладная оригинальная фигура запечатлѣлась въ моей памяти: лошадиная физіономія съ заостренными усами и эспаньолкой, длинное туловище и короткія ноги,—не похожъ былъ на дядюшку племянникъ. Еще лучше я разсмотрѣлъ его въ Дижонѣ и Ліонѣ, но тогда красила его рыжеволосая красавица Евгенія.

Помнится, въ Парижѣ я случайно встрѣтилъ профессора Эргардта, съ его обычной развязностью и острословіемъ. Онъ насъ очень смѣшилъ, когда обѣдалъ въ нашемъ пансіонѣ: подали жаркое, а онъ кричитъ: „Не кушайте его—это жареный волкъ"! Женѣ очень хотѣлось поскорѣе пріѣхать въ Женеву,—поэтому мы не засиживались въ Парижѣ и двинулись на Дижонъ. Наша поѣздка совпала съ поѣздкой императорской четы въ Африку,—поэтому на своемъ пути мы дважды ее встрѣтили, въ Дижонѣ и Ліонѣ, гдѣ и мы остановились на нѣсколько времени. Дижонъ тогда былъ такой же старинный городъ, какъ и теперь, но не такой же большой и элегантный. Но зато онъ утопалъ въ виноградникахъ Бургони, которые еще не были истреблены филоксерой и замѣнены плантаціями картофеля и свеклы, какъ теперь. Эти виноградники были для меня новымъ дѣломъ, и я вдоль и поперекъ исходилъ ихъ по тропинкамъ, извивающимся мимо каменныхъ изгородей. Въ Дижонѣ мы остановились съ цѣлью видѣть въѣздъ императорской четы, и увидѣли очень отчетливо. Въ открытой коляскѣ, съ правой стороны—златовласая императрица, прелестная собой, а съ лѣвой—суровый и задумчивый императоръ со своей лошадиной физіономіей и заостренными усами. Экипажъ эскортировался отрядомъ тѣлохранителей-сэнгардовъ, въ живописномъ эффектномъ нарядѣ гарцовавшихъ на прекрасныхъ лошадяхъ. „Какъ красива императрица! какъ красивы сэнгарды!"—только и слышалось въ толпѣ, восхищавшейся своими повелителями. И можно ли было думать, что этотъ могучій человѣкъ, каждое слово котораго внимательно выслушивала вся Европа, чрезъ десять лѣтъ будетъ плѣнникомъ Седана, а толпа, его привѣтствовавшая, будетъ проклинать его?!

Путь до Ліона сопровождался нѣсколькими остановками, по случаю императорскаго поѣзда. Помню, какъ негодовали на эти остановки наши спутницы англичанки, говорившія, что у нихъ въ Англіи не дѣлали бы этого ради королевы Викторіи. Въ нашемъ поѣздѣ была одна русская, съ которой мы, отощавшіе въ Парижѣ, завели разговоръ о прелестяхъ русской кухни и особенно о рубленныхъ котлетахъ, которыхъ за границей нигдѣ не встрѣчали. Въ Ліонѣ мы пробыли дня два. Это, конечно, одинъ изъ лучшихъ городовъ Франціи. Его богатство—шолковыя ткани; его красота—могучая Рона и сливающаяся съ ней Сона. Императоръ дѣлалъ въ Ліонѣ большой смотръ, и поэтому городъ былъ наполненъ военными. Помню, мы залюбовались красивымъ гусарскимъ полкомъ, на всѣхъ рысяхъ промчавшимся мимо насъ. Но смотра намъ не удалось видѣть, а мы еще разъ увидѣли императорскую чету, когда она съ балкона представлялась огромной толпѣ народа, среди которой очутились и мы, но безъ тѣхъ толчковъ и пинковъ, которыми угощала насъ англійская толпа въ Гайдъ-паркѣ. Налюбовавшись ліонскими тканями, выставленными на показъ въ витринахъ многихъ магазиновъ, по случаю прибытія императорской четы, мы подъ вечеръ двинулись въ Женеву, куда прибыли поздней ночью.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

ИВ. А. ГОНЧАРОВЪ

ВЪ

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

I.

Есть писатели, творческій обликъ которыхъ опредѣляется уже въ первыхъ произведеніяхъ, въ самомъ началѣ ихъ литературнаго поприща. По мѣрѣ той смѣлости, съ какой ихъ мысль идетъ вглубь изображаемаго явленія, по характеру и степени законченности художническаго штриха, критика можетъ или сразу указать мѣсто писателя въ современномъ теченіи литературы и этимъ заранѣе опредѣлить его историческое значеніе, или же отмѣтить признаки богатыхъ залежей творческихъ силъ въ его душѣ и открыть широкій горизонтъ надеждамъ на будущее. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, писатель не оставляетъ обыкновенно сомнѣній въ направленіи своего пути; если не ясна конечная черта, за которую онъ не перешагнетъ, то въ общемъ можетъ быть намѣченъ жизненный кругозоръ, какой откроетъ ему высшая точка его творческаго подъема,—она же вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлитъ и уголъ зрѣнія художника на явленія жизни.

Но есть писатели и другого рода. При своемъ появленіи на литературномъ поприщѣ, они, безсознательно и невольно, вводятъ въ заблужденіе современную критику, представители которой попадаютъ въ положеніе людей, разсуждающихъ о громадной картинѣ, стоя вблизи ея,—только особенно чуткій и талантливый критикъ можетъ душой угадать то, чего не увидитъ гла-

зомъ. Но для цѣльности, а главное—правдивости впечатлѣнія нужно отойти подальше. Рѣзкость въ очертаніяхъ смягчится сама собою, рѣжущая глазъ яркость красокъ поблѣднѣетъ, пятна исчезнутъ, а вмѣсто нихъ мягко выступятъ неожиданные тона и полутоны, просвѣты и полутѣни, откроется перспективная даль, и картина выступитъ въ полной красотѣ, отражая дѣйствительность во всю широту художественнаго замысла. Такъ и для сужденія о широкихъ историческихъ эпохахъ и дѣятеляхъ необходимо извѣстное отдаленіе, чтобы дать возможность всему суетно-преходящему, личному и мелкому отойти въ вѣчность и вѣчному заявить свои права...

При мысли о томъ знаменательномъ періодѣ въ исторіи нашей общественности, когда совершался сложный и болѣзненный процессъ перехода въ новыя условія жизни послѣ отмѣны крѣпостного права, на память невольно приходитъ нѣсколько по истинѣ великихъ дѣятелей и борцовъ мысли. Они отдали всѣ силы своего ума и таланта освободительнымъ идеаламъ, служеніе которымъ было для нихъ не только дѣломъ гражданскаго подвига, но единственнымъ и непреложнымъ условіемъ жизни на родинѣ, безъ сдѣлки съ совѣстью и честью. Герценъ, Тургеневъ, Салтыковъ, Некрасовъ—какія все имена, какіе титаны мысли и духовной силы, могучей рѣкой излившейся въ мутное море русской жизни! Да и одни ли они, и кто ихъ не знаетъ?

Но художественная лѣтопись этой эпохи будетъ неполна, если за этими именами не поставить еще одного имени—имени Ивана Александровича Гончарова. Онъ съ полнымъ правомъ можетъ занять мѣсто съ ними въ пантеонѣ русской мысли—не только по качеству таланта, но и по самому существу своихъ произведеній, по характеру изображенія и ихъ внутреннему смыслу. Именно его сочиненія таковы, что отъ нихъ нужно отойти на нѣкоторое разстояніе, чтобы разглядѣть всѣ особенности изображаемыхъ въ нихъ широкихъ картинъ, притомъ съ наиболѣе положительной и выгодной для нихъ стороны. Для этой цѣли Гончарова нужно было забыть... и потомъ снова вспомнить, чтобы непредубѣжденнымъ глазомъ всмотрѣться въ черты его творческаго облика и представить его въ натуральную величину.

II.

Мы не беремъ на себя этой трудной и важной задачи—вспомнить Гончарова—въ полномъ ея объемѣ. Многое въ этомъ направ-

леніи уже подготовлено, иное намѣчено, и пересмотръ сдѣланнаго по изученію Гончарова самъ по себѣ могъ бы представить весьма достаточный поводъ къ научному изслѣдованію, тѣмъ болѣе интересному, что оно далеко выходило бы за предѣлы только литературныхъ фактовъ, ставя изслѣдователя въ непосредственную связь съ самоважнѣйшими вопросами общественнаго свойства. Считается неизмѣнно установленнымъ фактомъ, что картины Гончарова чрезвычайно широки по захвату жизненныхъ явленій, но размѣры ихъ содержанія далеко еще не выяснены. Самъ авторъ видѣлъ въ своихъ романахъ отраженіе трехъ эпохъ русской жизни, изъ которыхъ первая знаменовала собою Русь дремлющую, вторая—готовую проснуться, третья—пробужденную и потягивающуюся отъ сна. Но краями своими онѣ заходятъ одна за другую,—и не правильнѣе ли слить ихъ въ одну общую картину, увѣковѣчившую одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ исторіи нашего общества, моментъ его перегаранія и обновленія? И тогда развернется грандіозное полотно, потянется безконечная вереница типовъ и фигуръ, пестрая смѣсь меланхолическихъ Обломовыхъ, растерянныхъ Райскихъ, аккуратныхъ Штольцевъ, сановныхъ Адуевыхъ, хищниковъ темнаго царства, коптителей неба, домовитыхъ бабушекъ, Марѳинекъ и Наденекъ, Захаровъ и Егорокъ, вѣчныхъ Антонъ Иванычей и мелькающихъ Волоховыхъ... Всѣ они равно озарены лучами Гончаровскаго генія; но скоро зоркій глазъ Тургенева выдѣлитъ изъ толпы Обломовыхъ всѣхъ „лишнихъ“ и „новыхъ“ людей, однихъ задавленныхъ, другихъ объявившихъ непримиримую борьбу всероссійской рутинѣ и косности, и скажетъ свое „новое“ слово, которое подхватятъ тысячи радостныхъ голосовъ... Необходимость параллельнаго изученія Гончарова, съ одной стороны, и Тургенева, Островскаго, Писемскаго—съ другой, вытекаетъ сама собой для мало-мальски полнаго освѣщенія эпохи.

Но предварительно вопросъ о Гончаровѣ предстоитъ рѣшить особо. Что онъ представляетъ собою, какъ художникъ и человѣкъ своего времени, какъ оба они отразились въ его творчествѣ, благодаря которому за Гончаровымъ записана великая заслуга въ исторіи нашей литературы? Эта заслуга сознана уже давно; она создалась на основаніи цѣлаго ряда сужденій, принадлежавшихъ людямъ самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и убѣжденій. Многіе изъ нихъ знали писателя при жизни, и это обстоятельство придаетъ ихъ впечатлѣніямъ особую, если можно такъ выразиться, непосредственно-жизненную колоритность. Но, ставя сужденія предшествовавшихъ намъ критиковъ и публицистовъ исходной

точкой нашего изложенія, мы будемъ интересоваться въ нихъ лишь основными взглядами на сущность Гончаровскаго творчества,—независимо отъ того угла зрѣнія, которымъ обусловливалась принадлежность писавшаго къ тому или другому направленію.

III.

Критическая литература о Гончаровѣ вообще не отличается богатствомъ и разносторонностью изученія. Но ее приходится начинать славнымъ именемъ добраго генія нашей литературы—Бѣлинскаго. Гончаровъ съ искреннимъ и теплымъ чувствомъ вспоминаетъ годы своего знакомства съ нимъ. Это былъ Бѣлинскій второй половины сороковыхъ годовъ, уже истощившійся, по выраженію Гончарова, на Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевскаго, истрадавшійся и усталый, но попрежнему восторженный и искренній. Тридцатипятилѣтній новичокъ въ литературномъ дѣлѣ предсталъ предъ нимъ съ „Обыкновенной исторіей", и Бѣлинскій съ перваго же взгляда распозналъ въ немъ крупную художественную силу, силу, родственную талантамъ Гоголя и Пушкина, и предсказалъ блестящій литературный успѣхъ. Въ отзывѣ его было высказано много похвалъ писателю, который одинъ въ современной ему литературной средѣ „приближался къ идеалу чистаго искусства", но въ то же время критикъ досадовалъ, что Гончаровъ—„поэтъ, художникъ и больше ничего... у него нѣтъ ни любви, ни ненависти къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю"... „А это и хорошо,—сказалъ онъ однажды съ какою-то *доброю злостью*,—это и нужно, это признакъ художника";—критикъ какъ будто боялся,—разсказываетъ Гончаровъ,—что его услышатъ и обвинятъ за сочувствіе къ безтенденціозному писателю".

Итакъ, отсутствіе тенденціи, способность быть художникомъ „и только"—вотъ что отмѣтилъ Бѣлинскій у Гончарова. При томъ, художникомъ объективнымъ и непосредственнымъ по существу: онъ „рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностью рисовать". Такъ отозвался Бѣлинскій о наиболѣе характерной чертѣ Гончаровскаго творчества.

Объективность, въ связи съ умѣньемъ „охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его", представлялась и Добролюбову сильнѣйшей стороной таланта Гончарова. „Изобра-

женіе ихъ (явленій жизни въ ихъ полнотѣ),—писалъ Добролюбовъ,—составляетъ его призваніе, его наслажденіе; объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями, не поддается никакимъ исключительнымъ симпатіямъ. Оно спокойно, трезво, безстрастно. Составляетъ ли это высшій идеалъ художнической дѣятельности, или, можетъ быть, это даже недостатокъ, обнаруживающій въ художникѣ слабость воспріимчивости?"—спрашивалъ критикъ и, съ отличавшимъ его величайшимъ критическимъ тактомъ, останавливался и ставилъ здѣсь точку, довольствуясь одной постановкой вопроса и боясь рѣшать его сплеча. „*Категорическій отвѣтъ затруднителенъ* и во всякомъ случаѣ былъ бы несправедливъ безъ ограниченій и поясненій,—замѣчаетъ далѣе Добролюбовъ.—Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность такого приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посильнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей—даже въ чувствахъ"...

И уклонившись отъ категорическаго отвѣта на вопросъ о свойствахъ Гончаровскаго таланта, Добролюбовъ перешелъ къ сужденію о томъ, на что̀ потратился талантъ художника, и занялся разборомъ содержанія „Обломова". Къ какимъ выводамъ привелъ Добролюбова этотъ разборъ, вообще извѣстно: статья его о томъ, что̀ такое обломовщина,—навсегда утвердила характеръ и размѣры общественнаго значенія созданнаго Гончаровымъ типа, и сама по себѣ явилась одною изъ самыхъ блестящихъ статей нашей критической литературы...

Статья эта не потеряла своего значенія до настоящаго времени, хотя страницы журнала, впервые напечатавшаго ее, давно уже выцвѣли и поблекли. Но старинные, поблѣднѣвшіе портреты близкихъ людей говорятъ душѣ иногда больше, чѣмъ позднѣйшія репродукціи, выполненныя со всѣмъ мастерствомъ современной фотографической и художественной техники. Тихая и грустная поэзія отжившаго чаще находитъ пріютъ въ старинной условности воспроизведенія, въ пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ, поблекшихъ узорахъ рамы, чѣмъ въ нашей до-нага раздѣтой „правдѣ" внѣшняго изображенія, зеркальныхъ стеклахъ и золотыхъ багетахъ. Такъ, есть особенная прелесть въ перечитываніи любимаго автора по старой книжкѣ журнала, гдѣ оно появилось впервые. Впечатлѣніе ка-

жется болѣе непосредственнымъ, болѣе близкимъ къ духу былой эпохи, и позднѣйшему читателю легче стать на точку зрѣнія современниковъ автора, передъ которыми произведеніе открывалось во всей свѣжести и новизнѣ своего перваго появленія въ печати. Изъ непосредственности впечатлѣнія вытекаетъ и непосредственность сужденія, не зависящая ни отъ сопоставленія съ творчествомъ автора въ его цѣломъ, ни отъ требованій научнаго историческаго анализа.

Попытка представить себѣ положеніе читателя лѣтъ сорокъ назадъ, можетъ имѣть особое значеніе при изученіи отношеній Добролюбова и Гончарова. Эти отношенія становятся понятны, если взять не полныя собранія ихъ сочиненій, а книжки „Отечественныхъ Записокъ“ и „Современника“ за 1859 г. Въ первомъ изъ этихъ журналовъ, въ четырехъ начальныхъ книжкахъ, былъ напечатанъ „Обломовъ“, а уже въ пятой книжкѣ второго появилась Добролюбовская статья. Критикъ говорилъ о Гончаровѣ, зная его лишь по двумъ романамъ, такъ какъ „Обрывъ“ появился десять лѣтъ спустя, уже послѣ смерти Добролюбова, а мелкія статьи—и того позже. И тѣмъ замѣчательнѣе осторожность Добролюбова относительно категоричности сужденія о Гончаровѣ.

Эту категоричность сужденія о нашемъ писателѣ внесли съ собой чреватые категоричностями всякаго рода шестидесятые годы. По стопамъ Добролюбова, но съ гораздо меньшей проницательностью, остановился на общественномъ значеніи тѣхъ же романовъ Писаревъ. Въ статьѣ: „Гончаровъ, Писемскій и Тургеневъ“ онъ привлекъ къ суду Гончарова, доказалъ по пунктамъ его виновность и объявилъ не заслуживающимъ ни малѣйшаго снисхожденія. При этомъ самой тяжкой виною писателя была объявлена его объективность. „Постоянно спокойный, ничѣмъ не увлекающійся,—говоритъ онъ о Гончаровѣ,—романистъ нашъ развязно подходитъ къ запутаннымъ вопросамъ общественной и частной жизни своихъ героевъ и героинь; безстрастно и безпристрастно осматриваетъ онъ положеніе, отдавая себѣ и читателю самый ясный и подробный отчетъ въ мелкихъ его особенностяхъ, становясь поочередно на точку зрѣнія каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, не сочувствуя особенно сильно никому и понимая по своему всѣхъ. Онъ обсуживаетъ положеніе и свойства своихъ дѣйствующихъ лицъ, но всегда воздерживается отъ окончательнаго приговора“...

Писаревъ предвидѣлъ возраженіе въ томъ смыслѣ, что нельзя же требовать, какъ общаго правила, отраженія личности разсказчика въ его произведеніи, что „объективность—высшее до-

стоинство эпическаго поэта". У критика есть готовый отвѣтъ на подобное возраженіе: онъ скажетъ, что это—одна изъ тѣхъ невѣрныхъ, а главное—устарѣлыхъ фразъ, отъ которыхъ не могутъ отстать робкіе люди, что разсказывать что-нибудь безъ особенной цѣли читающей публикѣ—недобросовѣстно и невѣжливо; что обаятельное дѣйствіе поэзіи заключается въ соприкосновеніи между мыслью автора и мыслью читателя... „На васъ дѣйствуетъ часто сила мысли, а мысль и чувство всегда бываютъ *личныя*; слѣдовательно, что же останется отъ поэтическаго произведенія, если вы изъ него вытравите личность автора? Вполнѣ объективная картина—фотографія; вполнѣ объективный разсказъ—показаніе свидѣтеля, записанное стенографомъ; вполнѣ объективная музыка—шарманка; добиться этой объективности значитъ уничтожить въ поэзіи всякій патетическій элементъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убить поэзію, убить искусство, даже науку, даже всякое движеніе мысли"...

Неудивительно, что, ставъ на эту точку зрѣнія, Писаревъ лишилъ типъ Обломова всякаго общественнаго значенія—послѣдній оказался поставленнымъ только въ зависимость отъ своего неправильно сложившагося темперамента, при томъ же онъ не оригиналенъ, онъ—повтореніе Бельтова, Рудина и Бешметева. И весь романъ оказался ничѣмъ инымъ, какъ „клеветою" на русскую жизнь, а несчастный авторъ его, напрасно прикинувшійся прогрессистомъ „Обыкновенной исторіи", съ одной стороны—умный и разсудительный человѣкъ, а съ другой—скептикъ и матеріалистъ, способный ужиться съ фантазеромъ и идеалистомъ; эгоистъ, свойство котораго проявляется въ тепловатомъ отношеніи къ общимъ идеямъ и даже болѣе—въ игнорированіи человѣческихъ и гражданскихъ интересовъ. „Обращаясь къ нашему потомству, Гончаровъ будетъ имѣть полное право сказать: не поминайте лихомъ, а добромъ нечѣмъ!"

Трудно категоричнѣе высказаться о Гончаровѣ, чѣмъ высказался о немъ Писаревъ. И хотя потомство распорядилось иначе съ наслѣдствомъ Гончарова, чѣмъ могъ предполагать его строгій критикъ, однако у Писарева являлись время отъ времени послѣдователи, которые, съ разными оговорками и уклоненіями, повторяли на разные лады, что Гончаровъ—только объективный художникъ и, какъ таковой, не имѣетъ отношенія къ исторіи нашей общественности въ тѣсномъ смыслѣ.

Мы допустили нѣкоторую хронологическую неточность, предполагая только теперь говорить о статьѣ Дружинина, появившейся, какъ извѣстно, въ 1859 г. Мы сдѣлали это умышленно:

непосредственное сопоставленіе взглядовъ Добролюбова и Писарева для насъ было важнѣе внѣшней послѣдовательности фактовъ. Къ тому же Дружининъ сосредоточиваетъ свое вниманіе не столько на характеристикѣ Гончаровскаго творчества, сколько на психологическомъ анализѣ дѣйствующихъ въ „Обломовѣ“ лицъ и общемъ смыслѣ романа. Словъ: „объективный“, „объективность“, критикъ какъ будто избѣгаетъ. „Онъ реалистъ,—говоритъ онъ о Гончаровѣ,—но его реализмъ постоянно согрѣтъ глубокой поэзіей; по своей наблюдательности и манерѣ творчества онъ достоинъ быть представителемъ самой натуральной школы, между тѣмъ какъ его литературное воспитаніе и вліяніе поэзіи Пушкина, любимѣйшаго изъ его учителей, навѣки отдаляютъ отъ Гончарова самую возможность *безплодной* и сухой натуральности“.

IV.

Таковы были отзывы современной Гончарову критики о его произведеніяхъ. Между послѣдними не было еще „Обрыва“, который въ это время начиналъ только создаваться въ душѣ художника. „Обрывъ“ появится не ранѣе, чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ „Обломова“,—въ самомъ концѣ шестидесятыхъ годовъ, и возбудитъ, со страницъ „Вѣстника Европы“, еще больше шуму, чѣмъ первые два романа. А пока онъ создавался, вокругъ Гончарова, служившаго и по цензурной части, и по редактированію оффиціальной „Сѣверной Почты“, кипѣла самая бурная эпоха русской жизни, самая нервная и страстная пора борьбы и стремленій, надеждъ и разочарованій. Небеса были холодны и пасмурны, но молодые побѣги весело выбѣгали на волю изъ-подъ старыхъ корней и—вотъ-вотъ, казалось имъ, выглянетъ солнце, пригрѣетъ и скажетъ: рости и радуйся! Но солнце не спѣшило выглянуть изъ-за тучъ, побѣги мерзли и гибли. Старая жизнь уходила медленно и неохотно; змѣиное шипѣнье слышалось въ ея прощальныхъ рѣчахъ. Порою казалось, она крѣпла и возвращалась назадъ, какъ крѣпнетъ льдина, подъ несмѣлыми лучами ранняго весенняго солнца... Но работа кипѣла въ умахъ и сердцахъ, мѣнялись убѣжденія и взгляды, цѣлыя міросозерцанія опрокидывались вверхъ дномъ, совершался медленный и болѣзненный процессъ пересозданія жизни на новыхъ началахъ разума и справедливости. Вопросы одинъ за другимъ, одинъ настоятельнѣе и важнѣе другого, стали носиться въ воздухѣ надъ русской жизнью, задѣвая всѣхъ безъ исключенія, волнуя, тревожа, порождая жгу-

чіе споры, обостряя инстинкты. И изъ-подъ проклятій и грохота ломавшейся старой жизни настоятельнѣе и, несмотря на безпрестанные перерывы, громче другихъ звучалъ одинъ вопросъ, вѣчный вопросъ, который не перестаетъ задавать человѣчество, о томъ,—

...для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы?

Отвѣчали различно, часто съ глухою рѣшимостью отчаянія, чтобы отвѣтить хоть чѣмъ-нибудь и прикрыть бездну, созданную вопросомъ. Отвѣчали опрометчиво, но искренно, отвѣчали благоразумно, но фальшиво. Туманъ неизвѣстности и сомнѣнія могло разогнать только солнце, а его все еще не было, и напротивъ— темныя тучи опускались все ниже. Малодушные закричали: „назадъ!“—имъ почудилось, что они подошли къ краю бездны, и что дальше идти уже „некуда“...

Этотъ вихрь новыхъ мыслей и чувствъ не могъ не коснуться Гончарова, какъ бы онъ ни сторонился отъ жизни. Онъ зналъ, создавая послѣднюю часть своей трилогіи, что она встрѣтитъ иную публику, чѣмъ та, къ которой не постыдился выйти въ своемъ халатѣ Обломовъ. Онъ могъ предполагать, что и новые критики окажутся къ нему требовательнѣе и суровѣе въ своихъ притязаніяхъ, чѣмъ прежніе, изъ которыхъ Бѣлинскій и Добролюбовъ уже отошли въ вѣчность. Произошла рѣзкая перемѣна въ читателяхъ, въ критикѣ, въ литературѣ.

Зазвучали голоса о роли и значеніи писателя въ жизни. „Что такое писатель, какъ не общественный дѣятель; что такое писатель, какъ не интеллектуальная сила, какъ не путеводная звѣзда, за которой идутъ тѣ, кто понимать и разсуждать безошибочно не въ состояніи?“

Этотъ вопросъ поставилъ Шелгуновъ въ своей статьѣ: „Талантливая безталанность“, напечатанной въ „Дѣлѣ“ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія „Обрыва“. Она посвящена Гончарову, и одно заглавіе ея само по себѣ указываетъ уже на отношеніе критика къ нашему писателю. Начинается статья обширной выпиской изъ Бѣлинскаго о томъ, что Гончаровъ—поэтъ, художникъ и больше ничего, что главная сила его заключается въ изяществѣ и тонкости кисти, вѣрности рисунка, и что поэзія есть первый, главный и единственный факторъ его творчества. Эта характеристика представлялась настолько вѣрной Шелгунову, что прибавлять къ ней, казалось, было нечего. Однако чувствовалась какая-то неловкость: какъ-ни-какъ, а статья Бѣлинскаго была на-

писана болѣе двадцати лѣтъ назадъ и по поводу перваго изъ романовъ Гончарова. Какъ устранить эту неловкость, не нарушая логической убѣдительности сужденія? Выходъ повидимому былъ одинъ, и Шелгуновъ не преминулъ имъ воспользоваться. Онъ объявилъ, что въ міросозерцаніи Гончарова никакого измѣненія не совершилось, оно даже съузилось, пожалуй. Со свойственной ему опредѣлительностью и простотой Шелгуновъ такъ напрямикъ и заявилъ, что „со времени „Обыкновенной исторіи“ въ мыслительныхъ способностяхъ г. Гончарова никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Оно и понятно—способности эти въ гостиномъ дворѣ не продаются. Г-нъ Гончаровъ остался по прежнему поэтомъ, талантомъ, живописцемъ, съ тою только разницею противъ 1847 г., когда появилась „Обыкновенная исторія“, что въ двадцать слишкомъ лѣтъ онъ еще больше окрѣпъ въ живописи и сталъ слабѣе, чѣмъ былъ, на почвѣ сознательной мысли“.

Статья Шелгунова, написанная съ высокой степенью убѣдительности и ясности изложенія, чрезвычайно важна для пониманія „Обрыва“ съ общественной точки зрѣнія и съ точки зрѣнія публициста шестидесятыхъ годовъ. Но въ ней есть одна новая для своего времени и примѣчательная для насъ черта, доказывающая, противъ воли Шелгунова, насколько былъ важенъ „Обрывъ“ для пониманія нашего писателя. Расписавшись подъ словами Бѣлинскаго, что „Гончаровъ—поэтъ, художникъ—и больше ничего“, Шелгуновъ, не замѣчая противорѣчія, но обнаруживая тонкую критическую проницательность, восклицаетъ въ концѣ статьи: „Неправда, что г. Гончаровъ относится безучастно къ своимъ героямъ, что онъ держитъ себя объективно. Это невозможно и психологически“. Но доказательство этой мысли выведено критикомъ изъ общихъ началъ: „Литературное и всякое другое произведеніе есть результатъ субъективности. Нельзя отдѣлить своего *я* отъ своего произведенія. Авторъ можетъ не умѣть думать послѣдовательнымъ мышленіемъ, но тѣмъ не менѣе его думы, его симпатіи и антипатіи олицетворяются въ его герояхъ. Однимъ словомъ, авторъ весь въ своемъ произведеніи. Сила проявится силой, безсиліе — безсиліемъ. Романъ, не возбуждающій въ читателѣ прогрессивнаго мышленія и прогрессивнаго вывода, можетъ быть написанъ только отсталымъ и слабо мыслящимъ авторомъ. Не было примѣра, чтобы умный человѣкъ, работавшій десять лѣтъ, написалъ глупость“.

Это вообще, въ частности же Шелгуновъ обошелся съ Гончаровымъ болѣе чѣмъ запросто. На взглядъ критика, именно

Гончаровъ и былъ тѣмъ авторомъ, который работалъ десять лѣтъ и написалъ глупость. „Въ „Обрывѣ“,—продолжаетъ Шелгуновъ,—г. Гончаровъ похоронилъ себя: миръ его праху! Если самъ авторъ не былъ въ состояніи понять, что сила современнаго писателя въ реализмѣ, а не въ идеализмѣ,—намъ не научить его“... Такъ, живой, впечатлительный публицистъ, фанатикъ своей идеи, говорилъ о живомъ, но медлительномъ беллетристѣ, не подходившемъ къ его публицистической программѣ. Съ его точки зрѣнія, насколько послѣдняя обусловливалась господствовавшими взглядами, а главное—потребностями эпохи, онъ былъ доказателенъ и даже, если угодно, правъ. Иначе говорить не могъ публицистъ шестидесятыхъ годовъ, для котораго романъ являлся прежде всего орудіемъ движенія прогрессивныхъ идей, и уже затѣмъ литературнымъ произведеніемъ. Не бѣда, если, въ своемъ увлеченіи, онъ отказалъ „Обрыву“ въ реализмѣ и счелъ его идеалистическимъ романомъ, — исторія литературы исправитъ этотъ промахъ и всему укажетъ свое мѣсто. Но гораздо прискорбнѣе то обстоятельство, что намекъ Шелгунова, выраженный, правда, въ самыхъ общихъ чертахъ, о субъективности Гончаровскаго творчества, былъ просмотрѣнъ публикой и критикой, и Гончаровъ сталъ переходить въ исторію литературы въ качествѣ художника *объективнаго* по основному свойству своего таланта, съ оговорками, впрочемъ, о родственности нѣкоторыхъ героевъ съ личностью самого автора.

Позднѣйшая критика мало внесла для изученія нашего писателя и, по большей части, отказывая ему въ прогрессивномъ значеніи, охотно примирялась съ вышеприведенной формулой, несмотря на ея видимое противорѣчіе. Со словъ русской критики стали смотрѣть на Гончарова и на Западѣ. Для Цабеля, напримѣръ, посвятившаго Гончарову въ своихъ „Russische Litteraturbilder“ (1899) чрезвычайно содержательный и стройный этюдъ, послѣдній — ist dagegen Dichter im ausschiesslichen Sinne des Wortes,—„напротивъ того, поэтъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, чуждый какихъ-либо предвзятыхъ идей, истиннѣйшій художникъ и отличается этимъ отъ всѣхъ другихъ повѣствователей своего народа. Всѣ остальные писатели—люди новѣйшаго времени, и изображаютъ намъ Россію, горячо стараясь проникнуться всѣми результатами европейской культурной мысли. Одинъ Гончаровъ—консерваторъ по міросозерцанію, классикъ по формѣ, почитатель и изобразитель старой Россіи съ ея главнымъ раболѣпствомъ и патріархальнымъ устройствомъ“.

Вопросъ, очевидно, требуетъ коренного пересмотра и провѣрки: субъективный или объективный писатель Гончаровъ?

V.

Прежде всего, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ разобраться въ понятіяхъ. Конечно, всякое произведеніе человѣческаго ума и таланта, въ которомъ человѣкъ является не механическимъ факторомъ, отражаетъ на себѣ личность творца, независимо отъ предмета изображенія или содержанія работы. Если мы будемъ примѣнять общія психологическія начала къ сужденію о писателяхъ-художникахъ, то окажется, что объективнымъ нельзя будетъ назвать ни одного изъ нихъ, потому что всѣ они сказались въ своихъ произведеніяхъ свойственными каждому изъ нихъ въ отдѣльности отличительными чертами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожится различие между характеромъ творческой работы, напримѣръ, Шекспира и Байрона, олимпійца Гёте и Достоевскаго. Работа однихъ—аналитическая; они творятъ, разлагая жизнь на мельчайшіе атомы; работа другихъ—созидательная, комбинирующая,—они видятъ простымъ глазомъ то, что у другихъ является результатомъ анализа. Отказаться отъ этого различія значило бы лишить изслѣдователя и одного изъ крупнѣйшихъ пріобрѣтеній въ области предшествовавшаго изученія, и одного изъ важнѣйшихъ орудій въ дальнѣйшей работѣ.

Процессъ изображенія жизни тѣмъ или другимъ художникомъ неизмѣнно совершается по одному изъ двухъ путей, совпадающихъ съ тѣми путями, которые извѣстны въ психологіи подъ именемъ объективнаго и субъективнаго методовъ. Этотъ психологическій принципъ, какъ признаваемый единственно вѣрнымъ, и долженъ лечь въ основу нашего дѣленія. Художникъ наблюдаетъ или явленія жизни во внѣ, въ ихъ матеріальной сущности, или свое отношеніе къ нимъ; въ первомъ случаѣ его стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы отдѣлить собственное *я* отъ предмета и направить его на самый процессъ, на технику работы; во-второмъ — чтобы выразить это *я* какъ можно полнѣе, отчего такъ часто страдаетъ полнота и перспективная точность въ изображеніи самаго предмета. Отъ никому невѣдомыхъ тайниковъ художественнаго творчества мы переносимъ центръ тяжести къ его проявленію, и съ этой точки зрѣнія „Капитанская дочка“ Пушкина можетъ быть смѣло названа идеально-объективнымъ произведеніемъ, гдѣ личность художника всецѣло погло-

щена творческимъ мастерствомъ работы, и гдѣ, благодаря высокой степени этого мастерства, каждый предметъ говоритъ намъ самъ о себѣ, о своей сущности, а не объ отношеніи къ нему автора.

Если стремленіе поглотить собственное *я* процессомъ творческой работы, направленной на болѣе яркое и выпуклое изображеніе предмета въ его сущности, является первымъ и основнымъ признакомъ объективнаго творчества, то для субъективнаго художника внѣшній міръ представляется не содержимымъ, а содержащимъ, тою суммою внѣшнихъ условій, среди которыхъ съ возможной полнотой и опредѣленностью выражается его „я“; естественно, что въ данномъ случаѣ изображеніе внѣшняго міра само по себѣ отодвигается на второй планъ. Словомъ, если разсуждать такимъ образомъ, то какъ же отвѣтить на вопросъ, къ какому изъ двухъ видовъ художественнаго творчества долженъ быть отнесенъ Гончаровъ?

Не расходясь съ нами въ этомъ пониманіи объективнаго и субъективнаго, критика ставила объективность Гончаровскаго творчества, какъ мы видѣли, внѣ всякаго сомнѣнія. Даже болѣе: она упрекала, бранила его за то, что онъ рисовалъ все, что̀ подвернется подъ руку, не опредѣляя или недостаточно опредѣляя свое внутреннее отношеніе къ предмету изображенія. Шелгуновъ только мимоходомъ остановился на этомъ вопросѣ, и то указалъ на субъективность Гончарова, какъ писателя вообще, исходя изъ общечеловѣческихъ началъ, и его замѣчаніе прошло безслѣдно,—по крайней мѣрѣ, оно не повліяло на общеустановившееся мнѣніе о Гончаровѣ, какъ художникѣ по преимуществу объективномъ.

Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Изученіе творчества Гончарова въ его цѣломъ приводитъ насъ къ глубокому убѣжденію въ томъ, что передъ нами одинъ изъ наиболѣе субъективныхъ писателей, для которыхъ раскрытіе своего „я“ было важнѣе изображенія самыхъ животрепещущихъ и интересныхъ моментовъ современной или общественной жизни. Первое давало содержаніе, второе опредѣляло національный колоритъ и форму. Доказательство этой мысли должно выяснить вмѣстѣ съ тѣмъ и то сплошное недоразумѣніе между Гончаровымъ и критикой, которое едва ли возможно объяснить съ какой-либо иной точки зрѣнія. Требованія, предъявлявшіяся критикой къ писателю, котораго она признавала безстрастнымъ и безпристрастнымъ изобразителемъ общественной жизни, были своего рода Прокрустовымъ ложемъ для Гончарова,

сторонившагося отъ этой жизни и рисовавшаго только „свою жизнь и то, что къ ней приростало".

Это—подлинныя слова Гончарова. Онъ высказалъ ихъ въ своей авторской исповѣди тогда, когда его критики сошли уже съ литературной и жизненной сцены. „Лучше поздно, чѣмъ никогда" —таково было заглавіе этой исповѣди, и по отношенію къ Гончарову это заглавіе имѣетъ по истинѣ знаменательный смыслъ. Не будь этой исповѣди, у насъ не было бы одного изъ наиболѣе вѣскихъ свидѣтельствъ справедливости нашей мысли. Въ самомъ дѣлѣ, прислушаемся къ тому, что говоритъ въ заключительныхъ строкахъ исповѣди самъ писатель о своемъ творчествѣ. „Напрасно... нѣкоторые предлагали мнѣ задачи для романа: „Опишите такое-то событіе, такую-то жизнь, возьмите тотъ или другой вопросъ, такого-то героя или героиню!"

— „Не могу, не умѣю!—восклицаетъ въ отвѣтъ на это Гончаровъ.—*То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ*, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ, — то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній,—и я писалъ только то, *что переживалъ, что мыслилъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ*"...

Эти слова огромной цѣны и значенія для уясненія творчества Гончарова. Они же были и послѣдними словами его, какъ писателя. Въ нихъ звучитъ своего рода завѣщаніе, обращенное къ намъ, представителямъ грядущихъ поколѣній, выполнить по отношенію къ писателю то, чего не было сдѣлано при его жизни. „Напрасно я ждалъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ о скрытомъ смыслѣ своихъ произведеній,—что кто-нибудь и кромѣ меня прочтетъ между строками и, полюбивъ образы, свяжетъ ихъ въ одно цѣлое и увидитъ, что именно говоритъ это цѣлое. Но этого не было"...

Мы знаемъ другое завѣщаніе Гончарова. Это завѣщаніе— статья его: „Нарушеніе воли", въ которой онъ просилъ не печатать послѣ его смерти никакихъ документовъ и бумагъ, имѣющихъ автобіографическое значеніе, въ особенности — черновыхъ набросковъ и писемъ, — и воля писателя, конечно, должна навсегда остаться священною для потомства.

Но онъ оставилъ намъ богатое автобіографическое наслѣдство въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ подробно, до мелочей, разсказалъ въ нихъ свою жизнь и то, „что къ ней приростало", и этого слишкомъ достаточно, чтобы сдѣлать попытку дополнить

сухія внѣшнія данныя о жизни Гончарова раскрытіемъ нѣкоторыхъ внутреннихъ сторонъ его личности — и какъ человѣка, и въ особенности какъ художника.

Мы сознаемъ всю трудность принимаемой на себя задачи— реставрировать, такъ сказать, духовный обликъ человѣка, котораго мы никогда не видали и о которомъ судимъ исключительно на основаніи его сочиненій. Въ нашей работѣ могутъ быть увлеченія, которыхъ, впрочемъ, всячески постараемся избѣгнуть, пропуски, быть можетъ, неточности, — все это будетъ кѣмъ-либо исправлено впослѣдствіи, дѣло не въ этомъ. Но мы будемъ вполнѣ удовлетворены, если наша работа обратитъ на себя вниманіе лицъ, знавшихъ покойнаго Гончарова, или тонкихъ знатоковъ его сочиненій, и они своимъ авторитетнымъ мнѣніемъ утвердятъ возможность построенія въ будущемъ полной и богатой внутренними фактами біографіи нашего писателя.

Въ засисимости отъ этого взгляда насъ будетъ интересовать ближайшимъ образомъ то, что̀ касается личности Гончарова, тѣхъ чертъ, которыя носятъ на себѣ, по нашему мнѣнію, автобіографическій характеръ,—то, „что̀ къ нему приростало“, непосредственное отраженіе среды, въ которой жилъ Гончаровъ, имѣетъ для насъ второстепенное значеніе, да и въ количественномъ отношеніи оно занимаетъ весьма незначительное мѣсто, сравнительно съ матеріаломъ автобіографическимъ по существу.

Наша задача, такимъ образомъ, сводится въ этомъ очеркѣ къ отраженію личности Гончарова въ его произведеніяхъ.

VI.

Начнемъ послѣдовательную характеристику Гончарова съ изображенія той обстановки, гдѣ онъ родился и провелъ раннее дѣтство. Это была обстановка приволья и свободы купеческо-помѣщичьей жизни первыхъ десятилѣтій прошлаго вѣка, но безъ причудъ и родовитой спѣси крѣпостного дворянства. У Гончаровыхъ была цѣлая деревня, настоящее имѣніе въ самомъ Симбирскѣ: домъ—полная чаша, дворы, амбары, людскія, погреба, ледники со всевозможными запасами, обширная дворня, полное хозяйство, — словомъ, всѣмъ и каждому въ этой семьѣ жилось привольно и сытно, и самое крѣпостное право, благодаря вліянію города и общему мирному настроенію, теряло свой мрачный колоритъ. Во всякомъ случаѣ, оно не оставило въ душѣ мальчика тѣхъ острыхъ и жгучихъ впечатлѣній, какими судьба такъ щедро наградила, напримѣръ, Тургенева.

Не трудно замѣтить, что къ подобной же обстановкѣ, мягкой и усыпляющей, нисходятъ корнями своими и всѣ близкіе (и даже очень!) родственники Гончарова — Сашенька Адуевъ, Илюша Обломовъ, Борисъ Райскій. Молодой Адуевъ, переживая, какъ впослѣдствіи Гончаровъ, первыя впечатлѣнія провинціала въ Петербургѣ, съ отрадой вспоминаетъ „свой городъ", домики съ остроконечными крышами, палисаднички, голубятни, домики-фонари, домики съ флигелями-будками, — „этотъ весь спрятался въ зелени; тотъ обернулся на улицу задомъ, а тутъ на двѣ версты тянется заборъ, изъ-за котораго выглядываютъ съ деревьевъ румяныя яблоки, — искушеніе мальчишекъ... Присутственныя мѣста — такъ и видно, что присутственныя мѣста: близко безъ надобности никто не подходитъ... А пройдешь тамъ, въ городѣ, двѣ, три улицы, ужъ и чуешь вольный воздухъ, начинаются плетни, за ними огороды, а тамъ и чистое поле съ яровымъ. А тишина, а неподвижность, а скука — и на улицѣ, и въ людяхъ тотъ же благодатный застой! И всѣ живутъ вольно, на распашку, никому не тѣсно; даже куры и пѣтухи свободно расхаживаютъ по улицамъ, козы и коровы щиплютъ траву, ребятишки пускаютъ змѣй"...

Въ этомъ же видѣ застаетъ „свой городъ" и Гончаровъ, когда пріѣзжаетъ, по окончаніи университетскаго курса, на родину. Тѣ же дома и домишки, палисадники, заборы, присутственныя мѣста. Ребятишки, если не пускаютъ змѣй, то — „среди улицы располагаются играть въ бабки". У забора — коза, одна изъ тѣхъ, которыхъ видѣлъ Адуевъ, щиплетъ траву...

Пріѣзжаетъ въ тотъ же городъ и студентъ Райскій. Домъ его — тоже „маленькое имѣніе", у самаго города, съ превосходными видами на Заволжье и страшнымъ обрывомъ, куда, между прочимъ, не пускали въ дѣтствѣ и Илюшу Обломова. „Какой Эдемъ распахнулся ему въ этомъ уголкѣ, откуда его увезли въ дѣтствѣ, и гдѣ потомъ онъ гостилъ мальчикомъ иногда, въ лѣтнія каникулы!" Въ этомъ Эдемѣ, какъ въ „Грачахъ" Адуева, въ „Обломовкѣ", наконецъ, въ усадьбѣ Гончаровыхъ, — на первомъ планѣ — хозяйство, козы, куры, повара, дворня, „баловство", которое охватываетъ юношей, „какъ паромъ" — сладкой нѣгой внимательности и ухода. „Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я всегда сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда — и всѣ не наглядятся на меня".

Это говоритъ Гончаровъ о своемъ возвращеніи на родину

изъ столицы. Но таково же было его и дѣтство, разсказанное въ „Обломовѣ“; няня, упомянутая выше, была та же самая няня, которая смотрѣла за маленькимъ Обломовымъ и не пускала его въ оврагъ и на галерею, какъ не пускали и Гончарова лазить по деревьямъ, по крышамъ или взбираться на колокольню.

Гончаровъ былъ въ дѣтствѣ, по его же словамъ, зоркій и впечатлительный ребенокъ. У него тогда уже, среди этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанья, зарождалось неясное представленіе объ „обломовщинѣ“. Столь же зоркимъ, „ничего непропускающимъ“ и впечатлительнымъ ребенкомъ былъ Илюша Обломовъ: „ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей“. Ни одна черта, ни одна особенность не ускользаетъ и отъ наблюдательнаго взора Райскаго; по тому, какъ онъ ведетъ себя въ школѣ и относится къ объясненіямъ учителя, можно съ увѣренностью сказать, что его наблюдательность, въ связи съ нѣкоторой не то разсѣянностью, не то распущенностью талантливаго барчука, развилась подъ знойными лучами обломовскаго солнца, подъ стукъ ножей обломовской кухни. Дома, въ Обломовкѣ, онъ оставилъ няню, Захарку, Антипа, Аверку (Акимку-повара—въ „Воспоминаніяхъ“), Арапку, которыхъ онъ въ точности изучилъ и запомнилъ; въ школѣ онъ тѣмъ же переимчивымъ взоромъ наблюдаетъ учениковъ и учителя. „И доску, на которой пишутъ задачи, замѣтилъ, даже мѣлъ и тряпку, которою стираютъ съ доски. *Кстати тутъ же представилъ и себя, какъ онъ сидитъ, какое у него должно быть лицо, чтò другимъ приходитъ на умъ, когда они глядятъ на него, какимъ онъ имъ представляется*“.

Кромѣ Обломовки въ городѣ, Гончарову была знакома Обломовка-деревня. Обломовка романа принадлежала, разсказываетъ авторъ, издавна роду Обломовыхъ; рядомъ съ нимъ лежало сельцо Верхлёво, которымъ владѣлъ богатый помѣщикъ, никогда не показывавшійся въ свое имѣніе. Въ этомъ имѣніи управляющимъ былъ нѣмецъ Штольцъ, открывшій у себя пансіонъ для обученія дѣтей окрестныхъ помѣщиковъ. Мы можемъ дать болѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ этомъ имѣніи—оно находилось на правомъ берегу Волги и принадлежало княгинѣ Хованской. Тамъ существовалъ и пансіонъ, куда былъ отданъ маленькій Гончаровъ, но училъ въ немъ не нѣмецъ Штольцъ, а священникъ,

воспитанникъ казанской духовной академіи, человѣкъ просвѣщенный и, можно думать, широко образованный; зато нѣмцу Штольцу соотвѣтствовала *француженка*, жена священника, учившая дѣтей французскому языку. И маленькій Обломовъ, и Райскій, немногому научились въ этой школѣ; едва ли многому научился въ ней и Гончаровъ, хотя онъ и относился къ ней съ видимой симпатіей. Священникъ княжескаго имѣнія напоминаетъ верхлёвскаго старика Штольца. „Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть, у него Илыоша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, еслибъ Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлёва. А то какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы простиралось и на Верхлёво". Умъ и сердце Ильюши исполнились картинъ и нравовъ этого быта, прежде чѣмъ онъ увидѣлъ первую книгу. И не одного Ильюши,—таковъ же былъ и самъ Гончаровъ: эти картины и нравы окрасятъ собою все творчество будущаго писателя и опредѣлятъ его наиболѣе положительные жизненные—если не идеалы и стремленія, то привычки и вкусы. Впослѣдствіи, уже на склонѣ лѣтъ, писатель дастъ себѣ отчетъ въ этихъ впечатлѣніяхъ, когда выразитъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, вѣское предположеніе о томъ, что у него, „очень зоркаго и впечатлительнаго мальчика, уже *тогда*, при видѣ всѣхъ этихъ фигуръ (Якубова и сосѣдей-помѣщиковъ), этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанья, и зародилось неясное представленіе объ обломовщинѣ".

Въ воспоминаніяхъ этихъ будетъ много искренности и теплоты. Нѣжностью признательности и любви откликнется невольно душа на любовь и ласку, испытанныя имъ въ раннемъ дѣтствѣ, всякій разъ, какъ память воскреситъ передъ нимъ образъ его покойной матери. Она была разумно строга и добра, по отзыву писателя, и послѣднее свойство, синонимъ безграничной материнской любви, становится исчерпывающимъ и неизмѣннымъ признакомъ, какъ только Гончаровъ принимается изображать личность матери въ семейной обстановкѣ героевъ.

Слѣпая, беззавѣтная, безконечно-нѣжная любовь—коренная черта въ отношеніяхъ матерей Александра Адуева и Ильи Ильича, сближающая образы этихъ женщинъ до полнаго совпаденія. Воспоминанія о матери являются у нихъ наиболѣе трогательными и завѣтными воспоминаніями, проникнутыми грустью сожалѣнія о невозвратной утратѣ. „Мало-по-малу, при видѣ знакомыхъ предметовъ, въ душѣ Александра пробуждались воспоминанія. Онъ мысленно пробѣжалъ свое дѣтство и юношество до поѣздки

въ Петербургъ, вспомнилъ, какъ, будучи ребенкомъ, онъ повторялъ за матерью молитвы, какъ она твердила ему объ ангелѣ-хранителѣ, который стоитъ на стражѣ души человѣческой и вѣчно враждуетъ съ нечистымъ, какъ она, указывая ему на звѣзды, говорила, что это очи Божіихъ ангеловъ, которые смотрятъ на міръ и считаютъ добрыя и злыя дѣла людей; какъ небожители плачутъ, когда въ итогѣ окажется больше злыхъ, нежели добрыхъ дѣлъ, и какъ радуются, когда добрыя дѣла превышаютъ злыя. Показывая на синеву дальняго горизонта, она говорила, что это Сіонъ... Александръ вздохнулъ отъ этихъ воспоминаній".

Вспоминаетъ молитвы съ матерью и Илья Ильичъ Обломовъ. Тогда, поглощенный дѣтскими мыслями о предстоящей прогулкѣ, онъ „разсѣянно" и „вяло" повторялъ слова молитвы, но мать—„влагала въ нихъ всю свою душу", и эти дѣтскія впечатлѣнія не прошли безслѣдно. „Обломовъ, увидѣвъ давно-умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы".

Тѣмъ же чувствомъ проникнуты и воспоминанія Райскаго о матери.

VII.

Какимъ былъ Гончаровъ въ школѣ священника и позже, въ московскомъ пансіонѣ, можно съ значительной достовѣрностью судить по отроческому портрету Райскаго. Воспріимчивость, наблюдательность, художественная жилка—вотъ его существенныя черты, если не считать еще болѣе существенной и объединяющей избалованности упитаннаго и добродушнаго барчука. И Гончаровъ стоялъ за баловство, какъ за элементъ необходимый въ дѣтскомъ воспитаніи. „Оно порождаетъ въ дѣтскихъ сердцахъ благодарность и другія добрыя, нѣжныя чувства,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ.—Это своего рода практика въ сферѣ любви, добра". Гончаровъ разсказываетъ о первыхъ шагахъ школьной жизни Райскаго. Мальчика приводятъ въ классъ. Онъ прежде всего сталъ разглядывать учителя, какой онъ, какъ говоритъ, какъ нюхаетъ табакъ... Учитель сталъ объяснять ему задачу, и „ничего не ускользнуло отъ Райскаго, только ускользнуло рѣшеніе задачи".

Зато Райскій любилъ читать книги, и читалъ приблизительно тѣ, которыя нравились самому Гончарову. Райскій читалъ „со

страстью“ исторію (но непремѣнно въ картинахъ), эпопею, романъ, басню, особенно фантастическую, и не любилъ „умозрѣній“, какъ не любилъ ихъ всю жизнь и Гончаровъ,—за то, что они увлекали его изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительности. Чтеніе маленькаго Гончарова составляли по преимуществу солидныя сочиненія по исторіи и литературѣ. Подъ руководствомъ священника, о которомъ говорилось выше, онъ прочелъ Державина, Хераскова, Озерова, изъ историческихъ сочиненій—Роллена, Голикова, изъ путешествій—Мунго-Парка, Крашенинникова, Палласа; дома природная склонность къ фантастическимъ вымысламъ находила богатую пищу въ романахъ г-жи Радклифъ и мистикѣ Эккартсгаузена; не обошлось дѣло и безъ сентиментальныхъ романовъ г-жи Жанлисъ, хотя едва ли они могли имѣть большой успѣхъ у Гончарова. Въ домашнемъ же быту, въ кругу сосѣднихъ помѣщиковъ, Гончарову приходилось слышать чтеніе Вольтера (Генріада), Расина и Корнеля. Этихъ же авторовъ будутъ читать, какъ увидимъ ниже, и его герои.

Путешествія составляли, повидимому, любимѣйшее чтеніе юноши. Они удовлетворяли ту особую форму любознательности будущаго художника, которая ищетъ не точнаго знанія, а общаго и непремѣнно картиннаго представленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ шевелитъ воображеніе, будитъ мечты. Таковъ былъ и Райскій, который, по отзыву Гончарова, „и знаніе не зналъ, а какъ будто видѣлъ его у себя въ воображеніи, какъ въ зеркалѣ, готовымъ, чувствовалъ его и этимъ довольствовался, а узнавать ему было скучно“... И Райскій болѣе всего любилъ читать путешествія и книги фантастическаго содержанія. „Освобожденный Іерусалимъ“, въ переводѣ Москотильникова, Оссіанъ, позже —Телемакъ, Иліада—уносили его далеко отъ дѣйствительности, захватывали въ свою чудесную сферу, очаровывали, почти опьяняли его: снились ему „горячіе сны“ о далекихъ странахъ, необыкновенныхъ людяхъ, дивныхъ красотахъ природы, и весь онъ „внутренно разрывался отъ волненія“, когда читалъ. Тѣ же вкусы къ чтенію отличали и близкаго родственника Райскаго—Илью Ильича Обломова, только разница въ темпераментахъ сказывалась на Обломовѣ меньшей воспріимчивостью къ чтенію. И онъ любилъ читать путешествія, хотя злополучнаго „Путешествія въ Африку“ такъ и не дочиталъ до конца. Вообще же его утомляли серьезные авторы, „мыслителямъ не удалось расшевелить въ немъ жажду къ умозрительнымъ истинамъ“. Няня въ дѣтствѣ наразсказала ему столько чудныхъ преданій и сказокъ, что онъ никогда не могъ освободиться изъ-подъ ихъ вол-

шебнаго обаянія: „сказка у него смѣшалась съ жизнью, и онъ безсознательно груститъ подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка“...

VIII.

У Гончарова страсть къ чтенію путешествій объяснялась не только природной склонностью. Ее развилъ, если только не вызвалъ, „крестный Ивана Александровича, послѣ смерти отца свой человѣкъ въ домѣ Гончаровыхъ, принимавшій большое участіе въ воспитаніи мальчика. Гончаровъ называетъ его Петромъ Андреевичемъ Якубовымъ. Это былъ просвѣщенный по тому времени человѣкъ, съ задатками добродушнаго барства, отставной морякъ, участникъ масонской ложи. Онъ бесѣдовалъ съ юнымъ Гончаровымъ о математической и физической географіи, астрономіи, позже навигаціи, знакомилъ его съ картой звѣзднаго неба, объяснялъ все то, чего не могли объяснить въ школѣ. Въ числѣ книгъ Якубова были описанія всѣхъ кругосвѣтныхъ плаваній, и Гончаровъ признается, что онъ „зачитывался“ ими и „жадно“ поглощалъ разсказы стараго моряка.

Историческія книги Гончарову приходилось читать, какъ мы видѣли, въ дѣтствѣ, да и позже въ университетѣ, но особой любви къ нимъ онъ не чувствовалъ. По крайней мѣрѣ Райскій не могъ увлечься исторіей четырехъ Генриховъ, Людовиковъ до XVIII и Карловъ до XII включительно, біографіями Плутарха, —книгами, которыя давалъ ему опекунъ-дядя, а вкусы Райскаго и Гончарова по отношенію къ чтенію весьма совпадали: въ этихъ книгахъ не было рисунка, картинъ и, сравнительно, съ путешествіями и романами, „все это было для него (Райскаго), какъ прѣсная вода послѣ рома“. Того же историческаго рисунка требовалъ и Гончаровъ отъ своихъ профессоровъ. „Никакой общей идеи, никакого *рисунка древняго быта*, никакого взгляда, синтеза—такъ отзывается Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Ивашковскомъ—ничего не могъ намъ дать этотъ почтенный греческій книгоѣдъ; онъ давалъ одну букву, а духъ отсутствовалъ“. Гончаровъ, какъ его Райскій, искалъ въ предметахъ изученія „новаго, поразительнаго, чтобы въ немъ самомъ все играло, билось, трепетало и отзывалось жизнью на жизнь“...

Заговоривъ о чтеніи Гончарова и его героевъ, дополнимъ отмѣченныя совпаденія еще нѣсколькими параллелями, довольно любопытными для творчества нашего писателя. Мы этимъ нарушимъ, на первый взглядъ, историческую послѣдовательность раз-

сказа, но зато намъ не придется возвращаться къ вопросу о чтеніи вторично; при томъ же, мы не пишемъ біографіи нашего писателя, а лишь стараемся освѣтить нѣкоторыя стороны ея данными его творчества и въ то же время объяснить преобладающе-біографическій характеръ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что при сравненіи того, что читалъ Гончаровъ и его герои, оказывается, что библіотеки ихъ были весьма сходны по своему составу. Такъ, мы видѣли, маленькій Гончаровъ читалъ въ дѣтствѣ Голикова, Россіаду Хераскова, трагедіи Сумарокова. Эти же книги были въ библіотекѣ Обломова-отца, читавшаго безъ всякаго выбора, что подвернется. „Голиковъ ли попадется ему, новѣйшій ли Сонникъ Хераскова, или трагедіи Сумарокова, или, наконецъ, третьегоднишнія вѣдомости—онъ все читаетъ съ равнымъ удовольствіемъ"... Несомнѣнно, что и Сонникъ не отсутствовалъ въ Гончаровской библіотекѣ, и третьегоднишнія вѣдомости могли водиться въ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ чтеніе въ значительной степени было призвано занимать умы въ часы досуга и гдѣ не особенно гнались за новизной газетныхъ сообщеній.

Чтеніе Райскаго отличалось необычайной пестротой, но и въ этой пестротѣ нетрудно подмѣтить воспоминанія и вкусы самого Гончарова. По выходѣ изъ училища, Райскій „дома читалъ всякіе пустяки: „Саксонскій разбойникъ" попадется—онъ прочтетъ его; вытащитъ Эккартсгаузена и фантазіей допросится, сквозь туманъ, ясныхъ выводовъ; десять разъ прочелъ попавшійся экземпляръ „Тристрама Шенди"; найдетъ какія-нибудь „Тайны восточной магіи",—читаетъ и ихъ; тамъ русскія сказки и былины (которыхъ такъ много разсказывали крѣпостныя нянюшки Ильюшѣ Обломову), потомъ вдругъ опять бросится къ Оссіану, къ Тассу и Гомеру, или уплыветъ съ Кукомъ въ чудесныя страны". Впослѣдствіи эти книги, естественно, должны были замѣниться другими. Университетъ долженъ былъ, во всякомъ случаѣ, осмыслить выборъ чтенія и сообщить ему болѣе опредѣленное направленіе. Гончаровъ слѣдовалъ въ отношеніи своего домашняго чтенія, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ, указаніямъ профессоровъ, и можно съ увѣренностью сказать, что имъ онъ былъ обязанъ своимъ переходомъ отъ пестраго чтенія ранней юности къ суровымъ и важнымъ классикамъ всѣхъ временъ и народовъ. Составъ библіотеки его мѣняется, и, сообразно этому, на страницахъ его романовъ начинаютъ мелькать Шекспиръ, Гомеръ, Платонъ, Ѳукидидъ, Аристофанъ, Данте, Мильтонъ, Корнель, Расинъ, рядомъ съ ними—французскіе энциклопедисты, да изъ „новыхъ" книгъ—Маколей и Гизо. Эти

книги находитъ Райскій въ библіотекѣ стараго дома; этими же книгами зачитывается и Леонтій Козловъ, который любилъ, между прочимъ, Гёте, но не романтика, а классика, — вкусъ самого Гончарова, не испытывавшаго особаго влеченія къ романтикамъ. Изъ той же библіотеки брала книги и Марѳинька. И она читала Мишлé („Précis de l'histoire moderne") и Гиббона, но предпочитала имъ, вѣроятно, „Путешествіе Гулливера" или сказки Кота-Мура. Но Вѣру эта библіотека, особенно послѣ знакомства съ Маркомъ, уже не удовлетворяла.

IX.

Стихотворенія не были, кажется, въ особомъ почетѣ у Гончарова; но въ его воспоминаніяхъ есть намеки на юношескую страсть къ стихамъ, которая была почти общей чертой у молодыхъ и немолодыхъ писателей его времени,—была, по его выраженію, „дипломомъ на интеллигентность". Райскій переводитъ изъ Гейне, Александръ Адуевъ сочиняетъ стихи, но авторъ относится къ нимъ какъ къ увлеченіямъ, свойственнымъ молодости, и ставитъ Александра въ комическое положеніе предъ благоразумнымъ Петромъ Ивановичемъ. Послѣдній видитъ въ комнатѣ своего племянника такую сцену: Александръ сидитъ за столомъ и, положивъ голову на руку, спитъ.

Передъ нимъ лежала бумага. Петръ Ивановичъ взглянулъ— стихи.

Онъ взялъ бумагу и прочиталъ слѣдующее:

„Весны пора прекрасная минула,
Исчезъ на вѣкъ волшебный мигъ любви,
Она въ груди могильнымъ сномъ уснула
И пламенемъ не пробѣжитъ въ крови!
На алтарѣ ея осиротѣломъ
Давно другой кумиръ воздвигнулъ я,
Молюсь ему... но"...

На этомъ „но" Александръ уснулъ, и Петръ Ивановичъ замѣчаетъ, что этотъ сонъ—лучшій приговоръ, изреченный самому себѣ славолюбивымъ піитой. Если эти стихи несомнѣнно принадлежатъ Гончарову, то ихъ нельзя разсматривать иначе, какъ попытку пародировать туманную эротику доморощенныхъ романтиковъ своего времени.

Нѣсколько цитатъ приводитъ Гончаровъ изъ Пушкина, пе-

редъ которымъ онъ благоговѣлъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, цитаты эти будутъ принадлежать Райскому. Райскій—поклонникъ эстетики и стиховъ; онъ любитъ и знаетъ Пушкина. Именемъ Пушкинской героини называетъ Райскій, правда, cum grano salis, сладострастную Марину, застигнутую на мѣстѣ преступленія,—и это имя—Земфира,—пришедшее неожиданно на память въ моментъ разгадки аналогичнаго драматическаго положенія, указываетъ, что образъ свободной въ распредѣленіи своихъ чувствъ цыганки отчетливо рисовался Райскому по геніальной поэмѣ. Софья Бѣловодова представляется Райскому существомъ „выше міра и страстей", и этотъ стихъ необыкновенно удачно сближаетъ холодную красавицу съ той, которой поэтъ посвятилъ свое—

Въ ней все гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей...

Послѣднюю цитату изъ Пушкина Райскій произноситъ нѣсколько театрально. Онъ, какъ Тургеневскій Рудинъ, проигравъ свою партію съ Вѣрой и Маркомъ, рисуется передъ самимъ собой и, выражая намѣреніе сохранить листки своихъ писаній, гдѣ онъ *простодушно, „не мудрствуя лукаво"*, отражалъ красоту жизни, произноситъ:

„И послѣ моей смерти—другой найдетъ мои бумаги:

Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду—
И—можетъ быть—напишетъ".

Сопоставленіе съ лѣтописцемъ довольно смѣлое, способное вызвать саркастическую улыбку... конечно, надъ Райскимъ. Но тотъ фактъ, что Пушкинъ всегда приходитъ на память Гончарову, когда нужна цитата,—самъ по себѣ значителенъ и долженъ быть отмѣченъ.

Пушкину отдавалъ Гончаровъ преимущественную, если не единственную въ этомъ направленіи дань любви и почитанія. Это было уже во времена студенчества. Однажды великій поэтъ посѣтилъ университетъ и вошелъ въ аудиторію, гдѣ былъ, въ числѣ другихъ слушателей, студентъ Гончаровъ. „Для меня,—вспоминаетъ объ этомъ посѣщеніи нашъ писатель,—точно солнце озарило всю аудиторію: я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи; я питался ею какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга. На меня, какъ благотворный дождь, падали строфы его созданій („Евгенія Онѣгина", „Полтавы" и др.). Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увле-

кавшіеся поэзіею, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе. Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви, у обѣдни—и не спускалъ съ него глазъ"...

Появился Пушкинъ—и „точно *солнце озарило всю аудиторію*"... Подобную радость могъ испытать развѣ Козловъ, когда Райскій подарилъ ему свою библіотеку, гдѣ были поэты всѣхъ временъ и народовъ.

„— Мнѣ? такую библіотеку?—восклицаетъ онъ.

„Ему вдругъ *какъ будто солнцемъ ударило* въ лицо: онъ просіялъ"...

Одинъ и тотъ же образъ послужилъ писателю для выраженія сильнѣйшей и притомъ неожиданной радости, испытанной имъ самимъ и воплощенной въ созданномъ имъ героѣ.

Культъ Пушкина Гончаровъ сохранилъ въ душѣ до конца своей жизни.

X.

Студенческіе годы оказали на Гончарова своеобразное, но несомнѣнно положительное вліяніе.

Теперь уже достаточно извѣстно, что представляла собой университетская наука въ первые четыре года тридцатыхъ годовъ—время студенчества Гончарова. Судя по его воспоминаніямъ, онъ былъ порядочно подготовленъ, особенно по части языковъ, и университетскій экзаменъ выдержалъ довольно легко. Университетскимъ требованіямъ удовлетворяли, впрочемъ, пятнадцатилѣтніе мальчики, подготовлявшіеся къ нимъ „домашними способами", и потому успѣхъ Гончарова едва ли можетъ быть приписанъ особой подготовкѣ его въ эти годы. Если основываться на воспоминаніяхъ писателя объ университетѣ и профессорахъ, то придется признать Гончарова образцовымъ студентомъ, безконечно превосходившимъ усердіемъ въ научныхъ занятіяхъ своихъ героевъ. Съ теплой признательностью вспоминаетъ онъ о томъ, какимъ „святилищемъ" былъ университетъ его времени для студентовъ и общества. „Студенты гордились своимъ знаніемъ и дорожили занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе". Этотъ идиллическій тонъ, простительный старику, вспоминающему лучшіе годы своей жизни, у безпристрастнаго читателя способенъ вызвать саркастическую улыбку. Въ этомъ „святилищѣ", инквизиторски истреблявшемъ въ мрачные годы Николаевскаго режима живой духъ свободнаго развитія лучшихъ способностей и стремленій русской молодежи, тяжело дышалось,

напримѣръ, Лермонтову, Герцену и его друзьямъ и вовсе не было мѣста такимъ неуравновѣшеннымъ натурамъ, какъ Бѣлинскій. Среди студентовъ, кокетничавшихъ, по выраженію Гончарова, своимъ званіемъ и малиновыми воротниками, Бѣлинскій былъ прямо уродливымъ явленіемъ, съ его не знающей удержу пытливостью ко всему, гдѣ онъ провидѣлъ истину, съ его вѣчнымъ протестомъ во имя высшихъ интересовъ справедливости и всеобщаго блага, съ его, наконецъ, страстной ненавистью ко всему, на чемъ лежала печать пошлости и тупого самодовольства. Профессора были искусными кормчими; они умѣло проводили ладью отечественной науки среди скалъ и подводныхъ камней реальной дѣйствительности и, не задѣвая ея, добросовѣстно приводили своихъ слушателей къ берегамъ благословенной Эллады и могучаго Рима, чаровали пышными образами индійской поэзіи, вводили въ таинственныя дебри нѣмецкой романтики. Только отношенія къ началамъ русской жизни не было и не могло быть въ ихъ лекціяхъ, и въ то время, какъ Гончаровъ благоговѣлъ передъ Каченовскимъ, Давыдовымъ, Шевыревымъ, юноши, подобные Бѣлинскому и Герцену, задыхались отъ безсодержательности, мертвящей условности и неискренности научныхъ пріемовъ университетскаго преподаванія. Разница была прежде всего въ натурахъ, въ направленіи ума, въ степени развитія. „Наша юная толпа,—вспоминаетъ Гончаровъ, — составляла собою маленькую ученую республику, надъ которой простиралось вѣчно ясное небо, безъ грозъ и безъ внутреннихъ потрясеній, безъ всякихъ исторій, кромѣ всеобщей и россійской, преподаваемыхъ съ каѳедры“... „И точно была республика: надъ нами не было никакого авторитета, кромѣ авторитета науки и ея преподавателей. Начальства какъ будто никакого не было,—но оно, конечно, было, только мы имѣли о немъ какое-то отвлеченное, умозрительное понятіе“... Такою безоблачной и счастливой Аркадіей представлялась Гончарову его университетская жизнь, и въ тонѣ этихъ словъ звучитъ неподдѣльная искренность. Типъ студента, къ которому принадлежалъ Гончаровъ,—вѣчный типъ, не измѣняющійся ни при какихъ перемѣнахъ внутренняго строя университетской жизни; его отличительными признаками являются добросовѣстность въ занятіяхъ, служащая источникомъ самоувѣреннаго довольства собой, отсутствіе сомнѣній и порывовъ, вообще благоразумная, улыбающаяся на весь міръ трезвость взглядовъ, которая не исключаетъ высокихъ личныхъ достоинствъ, въ родѣ доброты, нѣжности, чуткости, но въ вопросахъ общественн-

ныхъ простирается до полнаго индифферентизма. Все это весьма показательно по отношенію къ Гончарову и его творчеству.

Для Герцена и Бѣлинскаго, исключеннаго „по неспособности“, начальство, къ сожалѣнію, не являлось тѣмъ отвлеченнымъ понятіемъ, которое, напримѣръ, затушевало въ памяти Гончарова образъ инспектора. „Былъ ректоръ, былъ попечитель, можетъ быть, *даже* и инспекторъ (*кажется, былъ*), но мы его никогда не видали“... Однако, въ университетскую „Обломовку“ нашего писателя вторгается слабая, на первый взглядъ незамѣтная нотка противорѣчія, показывающая, что Гончаровъ коечто слышалъ, въ бытность студентомъ, и помимо оффиціальныхъ лекцій. Университетъ кажется ему учрежденіемъ, въ которомъ, болѣе чѣмъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, могла раздаваться съ каѳедры свободная профессорская рѣчь. И тѣмъ не менѣе,—Гончарову, можетъ быть, скрѣпя сердце, пришлось сдѣлать оговорку. „Я не говорю,—пишетъ онъ,—чтобы свободѣ этой не полагалось преградъ: страхъ, чтобы она не окрасилась въ другую, т.-е. политическую краску, заставлялъ начальство слѣдить за лекціями профессоровъ, хотя проблески этой, *ненаучной*, свободы проявлялись болѣе внѣ стѣнъ университета; свободомысліе почерпалось изъ другихъ, не-университетскихъ источниковъ“. Серьезная содержательность лекцій ограждала студентовъ, по мнѣнію Гончарова, отъ опасныхъ увлеченій, заносимыхъ туда извнѣ, издалека... Чрезвычайно характеренъ отзывъ автора воспоминаній о закрытіи лекцій Давыдова по исторіи философіи. Пріѣхалъ флигель-адъютантъ изъ Петербурга, послушалъ —и лекціи были закрыты. Тонъ, которымъ разсказано происшествіе—„невмѣстность“ философіи съ флигель-адъютантскимъ воззрѣніемъ,—могъ бы принадлежать самому Гомеру. „Говорили, что въ нихъ проявлялось свободомысліе, противное... не знаю чему. *Я не читалъ этихъ лекцій*“.

Авторъ не читалъ, очевидно, ничего или очень мало изъ той литературы, которая заходила въ стѣны университета „извнѣ, больше издалека“. Оттого ему придется впослѣдствіи не разъ умолкать и прятаться за многоточія, какъ только герои его коснутся вопроса о новыхъ идеяхъ и вѣяніяхъ, проникнутыхъ пресловутымъ свободомысліемъ, проводниками которыхъ являлись писатели „извнѣ“. Мы видѣли, герои Гончарова читаютъ вмѣстѣ съ авторомъ и знаютъ не больше его, и если это совмѣстное чтеніе Адуева, Обломова, Мароиньки, Райскаго и самого Гончарова способно вызвать чувство трогательнаго умиленія въ сентиментальномъ читателѣ, то по отношенію къ Марку Волохову

оно создавало почву для недоразумѣній подчасъ слегка комическаго свойства.

XI.

Въ толпѣ юношей, блиставшихъ вмѣстѣ съ Гончаровымъ малиновыми воротниками, мы безъ особеннаго труда различимъ и Адуева, и Обломова, и Райскаго съ Козловымъ. Если отбросить различіе въ степени ихъ усердія къ наукамъ, т.-е. черту, вытекавшую изъ требованій индивидуальной типичности и для насъ второстепенную,—другія, болѣе органическія и родственныя черты выступятъ сами собою.

Прежде всего бросается въ глаза ихъ общій колоритъ и направленіе. Всѣ они — цѣльныя и здоровыя натуры, эти милые молодые люди, еще весьма юные, совсѣмъ не знающіе жизни. Изъ нихъ только Козловъ былъ бѣденъ—„какъ нельзя уже быть бѣднѣе",—остальные воспитались на обломовскихъ хлѣбахъ, и ихъ задорная жизнерадостность молодыхъ птенцовъ покоилась, главнымъ образомъ, на непоколебимой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, на заботахъ „недремлющаго ока" матери, дяди, опекуна; отца они лишаются въ дѣтствѣ. Въ сравненіи съ ними Козловъ—блѣдная, безжизненная фигура; можно сказать, пожалуй, что въ немъ воплотилась та степень изученія и увлеченія древнимъ міромъ, которая была свойственна самому Гончарову, и которая, сообразно характеру каждаго изъ его героевъ, уступала мѣсто другимъ индивидуально-типическимъ чертамъ.

У Козлова любовь къ древности, къ отжившимъ классическимъ формамъ жизни, была, въ сравненіи съ Гончаровымъ, нѣсколько подчеркнута, усилена, въ стремленіи создать *типъ*, но сущность осталась неизмѣнной. „Онъ (Козловъ) любилъ ее (старую жизнь), эту родоначальницу нашихъ знаній, нашего развитія, но любилъ слишкомъ горячо, весь отдался ей, и *отъ него ушла и спряталась современная жизнь*. Онъ былъ въ ней какъ будто чужой, не свой, смѣшной, неловкій". На той же почвѣ сходится съ Козловымъ и Райскій. „Часто съ Райскимъ уходили они въ эту жизнь. Райскій, какъ дилеттантъ,—для удовлетворенія мгновенной вспышки воображенія, Козловъ—всѣмъ существомъ своимъ"...

Безпощадный анализъ, сомнѣнія, отрицанія — все это было чуждо студентамъ Гончаровскаго кружка, какъ и увлеченіе идеями свободомыслія, приходившими „извнѣ" и волновавшими студентовъ другого типа. На убогихъ вечеринкахъ, дивно разсказан-

ныхъ Тургеневымъ, гдѣ раздавались вдохновенныя рѣчи Рудина, не было никогда — и это можно съ увѣренностью сказать—ни Обломова, ни Райскаго, не говоря уже объ Александрѣ Адуевѣ. Тургеневъ заставляетъ Лежнева вспомнить свои студенческія впечатлѣнія, а послѣднія переживались имъ въ ту же первую половину тридцатыхъ годовъ. „Вы представьте,— разсказываетъ Лежневъ,—сошлись человѣкъ пять-шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный и сухари къ нему старые-престарые; а посмотрѣли бы вы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи"...

Гончарову и его близкимъ родственникамъ эти рѣчи были бы не по сердцу. Они не любили „умозрѣній", какъ и туманныхъ порыванiй юныхъ романтиковъ въ чудесные міры таинственныхъ откровенiй и волшебныхъ сновъ поэзіи. И они любили поэзію, но поэзію немеркнущей классической красоты, обаятельную, какъ статуи Фидія, ясную, какъ безоблачное небо Эллады. Они искали въ ней одного чистаго художественнаго наслажденія, они искренно благоговѣли передъ ней, но никто изъ нихъ не подумалъ бы искать въ ней отвѣта на волновавшіе и мучившіе душу вопросы о Богѣ, о мірѣ и жизни.

Къ рѣшенію жизненныхъ вопросовъ въ кружкѣ Гончарова, въ кружкѣ—въ широкомъ смыслѣ извѣстной группы студентовъ—подходили съ другой стороны. И они мечтали, но мечты ихъ были далеки отъ тѣхъ поэтическихъ грёзъ юныхъ романтиковъ, въ которыхъ религія, поэзія, истина, добро и любовь соединялись въ міровую гармонію, водворявшую счастье человѣчества на землѣ. „Кто хотѣлъ воевать, истреблять родъ людской... другой мечталъ добиться высокаго поста на службѣ, на которомъ можно свободно дѣйствовать на широкой аренѣ... Райскій мечталъ быть артистомъ"... и вмѣстѣ съ артистической славой мерещилась ему въ будущемъ „колоссальная" страсть, съ огнемъ и грозою, которая очиститъ воздухъ и освѣжитъ его грудь новыми силами для столь же „колоссальнаго" подвига общественнаго служенія.

Къ шестидесятымъ годамъ, когда Гончаровъ писалъ „Обрывъ", жизнь успѣла подвести не мало итоговъ, и ему пришлось отмѣтить тотъ фактъ, что „всѣ болѣе или менѣе обманулись въ мечтахъ": одни не успѣли вернуться въ деревню, какъ развели кучу подобныхъ себѣ и осовѣли на мѣстѣ; другіе, вмѣсто дѣя-

тельности на широкой аренѣ, добились мѣста въ клубѣ и посвятили ему свои досуги.

То, о чемъ мечталъ Райскій, всецѣло взято у Александра Адуева. Мечты послѣдняго были въ полномъ соотвѣтствіи съ пѣснями его нянюшки о томъ, „что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знать горя". Снились и ему „горячіе сны о колоссальной страсти, которая не знаетъ никакихъ преградъ и совершаетъ громкіе подвиги", „о пользѣ, которую принесетъ отечеству", о славѣ писателя,—и вся эта удивительная ахинея, питавшая его мечты, пестрѣла блестками неизмѣннаго себялюбія и ужъ очень большой наивностью даже для двадцатилѣтняго юноши.

„О горѣ, слезахъ, бѣдствіяхъ, онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какой-нибудь заразѣ, которая не обнаружилась, но глухо гдѣ-то таится въ народѣ. Отъ этого будущее представлялось ему въ радужномъ свѣтѣ"...

Мечты Обломова были возвышеннѣе и шире по захвату мысли, но и въ нихъ мелькаютъ тѣ же знакомыя намъ черты: „онъ любитъ вообразить себя иногда какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, передъ которымъ не только Наполеонъ, но и Еруcланъ Лазаревичъ ничего не значитъ"... „Или изберетъ онъ арену мыслителя, великаго художника: всѣ поклоняются ему, онъ пожинаетъ лавры"...

Рядомъ съ этими мечтами, были у представителей Гончаровской семьи и другіе, болѣе возвышенные порывы. Имъ были доступны „наслажденія высокихъ помысловъ, не чужды имъ были и всеобщія человѣческія скорби", но все это являлось далеко не главнымъ въ переливахъ ихъ душевной жизни и слишкомъ терялось въ присутствіи ихъ самодовлѣющаго, заполнявшаго всѣ уголки ихъ мысли и чувства болѣзненно-чуткаго собственнаго „я".

Въ университетѣ Райскій, какъ разсказываетъ Гончаровъ, утро посвящалъ лекціямъ и прогулкамъ по Кремлевскому саду, по воскресеньямъ бывалъ въ Никитскомъ монастырѣ у обѣдни, любилъ заглянуть на разводъ и полакомиться въ кондитерской Пеэра и Педотти. Нѣтъ основанія думать, чтобы распредѣленіе дня и самого Гончарова устроивалось по какому-либо иному плану. Вечера, по словамъ Гончарова, Райскій проводилъ въ „своемъ кружкѣ", т.-е. избранныхъ товарищей, горячихъ головъ, въ родѣ него самого, великодушныхъ сердецъ, въ родѣ молодого Адуева или Ильи Ильича Обломова.

„Все это кипитъ, шумитъ и гордо ожидаетъ своей будущности".

Великая будущность рисовалась время отъ времени Райскому

въ гусарскомъ мундирѣ; не случайно „заглядываетъ" онъ на разводъ—и его тревожатъ мечты о военной славѣ. Стремленіе въ ряды защитниковъ отечества весьма идетъ къ тому духу, который царилъ среди студентовъ, „гордившихся своими малиновыми воротниками". Перемѣнить малиновые воротники на золотомъ шитые не могло не казаться заманчивымъ. Бабушка Татьяна Марковна только одобрила бы эту замѣну. „Ты бы въ военную службу поступилъ, въ гвардію",—говоритъ она Райскому-студенту.

„— Дядя говоритъ, что средствъ нѣтъ...

— Какъ нѣтъ: а это что̀?

Она указала на поля и деревушку.

— Да что̀ жъ это?.. Чѣмъ тутъ?..

— Какъ чѣмъ? — И начала высчитывать сотни и тысячи. „Она не живала въ столицѣ,—замѣчаетъ Гончаровъ,—никогда не служила въ военной службѣ, и потому не знала, чего и сколько нужно для этого".

И Райскому захотѣлось сдѣлаться артистомъ, художникомъ, какъ Адуеву—писателемъ. Слава въ томъ и другомъ случаѣ была могучимъ двигателемъ ихъ самолюбія. То, что̀ не далось въ свое время Адуеву, блистательно выполнено было самимъ Гончаровымъ, какъ Пушкинымъ написано было все то, чего не могъ или не умѣлъ написать Онѣгинъ. Онѣгинъ и Александръ Адуевъ явились, тѣмъ не менѣе, выразителями извѣстной полосы душевнаго развитія авторовъ, полагавшихъ въ основу созданія типовъ черты несомнѣннаго автобіографическаго значенія.

Отмѣтимъ попутно еще одну мелкую параллель: Райскій любитъ полакомиться въ кондитерскихъ Пеэра и Педотти. А вотъ что̀ разсказываетъ самъ Гончаровъ объ этой маленькой страстишкѣ у него самого въ дѣтствѣ. Главнымъ баловникомъ въ семьѣ Гончаровыхъ былъ Якубовъ. „Иногда онъ оставлялъ насъ обѣдать,—разсказываетъ Гончаровъ,—и тутъ уже всякому кормленію и баловству не было конца. Былъ у него, между прочимъ, особый шкафчикъ, полный сластей—собственно для насъ". Не довольствуясь домашними запасами, Якубовъ возилъ дѣтей по всевозможнымъ съѣстнымъ и кондитерскимъ лавкамъ, и дѣти лакомились, несмотря на запрещенія матери, до излишка, находя въ запретномъ плодѣ особую прелесть.

То же повторилось и впослѣдствіи, когда Гончаровъ пріѣхалъ домой по окончаніи университетскаго курса. Якубовъ едва поздоровался, какъ велѣлъ заложить тарантасъ и повезъ юношу,

по обыкновенію, въ кондитерскую. „Я засмѣялся, и онъ тоже, когда я спросилъ, гдѣ продается лучшій табакъ".

Смѣха здороваго, жизнерадостнаго, беззаботнаго вообще было не мало въ жизни Гончарова и его литературныхъ сородичей въ эту эпоху. Съ самыми радужными настроеніями и надеждами оканчиваютъ они курсъ наукъ въ одномъ и томъ же—очевидно, московскомъ—университетѣ. По крайней мѣрѣ Александръ Адуевъ впервые попадаетъ, по окончаніи курса наукъ, въ Петербургъ, въ эту, по выраженію его матери, „великолѣпную столицу". „Профессоры твердили, что онъ пойдетъ далеко",—очевидно, онъ былъ старательнымъ студентомъ. „Онъ прилежно и много учился. Въ аттестатѣ его сказано было, что онъ знаетъ съ дюжину наукъ, да съ полдюжины древнихъ и новыхъ языковъ",—совсѣмъ какъ у Обломова, голова котораго представляла „сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ничѣмъ не связанныхъ политико-экономическихъ, математическихъ или другихъ истинъ, задачъ, положеній"...

XII.

Между наукой и жизнью лежала у Обломова цѣлая бездна. Наука была у него сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. И сотни цитатъ можно привести о томъ, что эта бездна была и у Райскаго: „книги! развѣ это жизнь?"—восклицаетъ онъ въ разговорѣ съ Козловымъ;—„старыя книги сдѣлали свое дѣло, люди рвутся впередъ", и та же бездна, хочется сказать, между наукой и жизнью лежала и у самого Гончарова. Въ данномъ случаѣ къ нему можно, кажется, примѣнить то же, что онъ сказалъ объ Обломовѣ: „Начальникъ заведенія, подписью своею на аттестатѣ, какъ прежде учитель ногтемъ на книгѣ, провелъ черту, за которую герой нашъ не считалъ уже нужнымъ простирать свои ученыя стремленія".

Посѣщеніемъ лекцій, домашнимъ чтеніемъ и бесѣдами съ „горячими" умами и сердцами изъ „своихъ" не исчерпывалась студенческая жизнь Гончарова. Къ ней слѣдуетъ отнести если не цѣликомъ, то значительную часть періода юношеской мечтательности, романтическихъ порывовъ и грезъ. Какъ бы человѣкъ ни относился впослѣдствіи къ воспоминаніямъ своихъ дѣтски-незрѣлыхъ стремленій, очарованій и увлеченій, они оставляютъ глубокій слѣдъ въ его душѣ, они же полагаютъ первыя основы его послѣдовательно вырабатывающейся жизненной философіи,

его индивидуальной религіи и поэзіи духа. Когда Гончаровъ изображалъ въ своихъ романахъ цвѣтущую пору юности, онъ самъ отошелъ отъ нея на далекое разстояніе въ своемъ жизнепониманіи, и оттого воспоминанія его о молодости, мѣстами тепло разсказанныя, поражаютъ своей блѣдностью и неполнотою. Кое-гдѣ прорывающаяся скептическая жилка указываетъ на послѣдовательно совершившуюся перемѣну во внутреннемъ отношеніи къ пережитымъ фактамъ, на переоцѣнку явленій, дававшихъ раньше содержаніе и главный интересъ жизни. Какъ мало, въ самомъ дѣлѣ, даетъ Гончаровъ въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ для характеристики внутренняго содержанія своей юности. Внѣшніе факты, впечатлѣнія внѣшняго міра, обстановка, другіе люди, несложный перечень событій—такова ихъ сущность, дающая, тѣмъ не менѣе, поводъ предполагать тщательно скрытую за ними богатую гамму разнообразныхъ ощущеній сердца и опыта. Гончаровъ словно стыдится раскрыть ихъ передъ читателемъ, словно не считаетъ читателя въ правѣ посягать на поднятіе завѣсы съ сокровеннѣйшихъ уголковъ своихъ воспоминаній о прошломъ. Но, можетъ быть, Гончаровъ разсуждалъ (если только онъ разсуждалъ объ этомъ) и иначе, въ томъ смыслѣ, что многое изъ своей жизни онъ уже воплотилъ въ романахъ, возведя въ типическій образъ то, что было личной чертой, лично пережитымъ фактомъ въ извѣстный періодъ жизни: съ этой точки зрѣнія воспоминанія писателя явились необходимымъ дополненіемъ, внѣшними рамками сложной внутренней жизни, отразившейся въ творческомъ синтезѣ.

Сочиненія даютъ, въ дѣйствительности, не мало указаній въ этомъ направленіи. Конечно, эти указанія—безъ точной хронологіи, подлинныхъ свидѣтельствъ и точныхъ опредѣленій, но въ нихъ заключается разгадка и общій смыслъ извѣстной полосы жизни, не освѣщенной въ личныхъ воспоминаніяхъ. Въ частности, относительно студенческой жизни Гончарова и его героевъ можно сдѣлать одно не лишенное интереса замѣчаніе. „Обыкновенная исторія“ создавалась Гончаровымъ, когда ему было уже за тридцать. Она выразила наглядный переходъ наивнаго, сентиментальнаго юноши, едва покинувшаго университетъ, въ положительнаго, серьезнаго человѣка, на сторонѣ котораго, если такъ можно выразиться, послѣднія симпатіи автора. Типъ Петра Ивановича поражаетъ своей законченностью и цѣльностью, тогда какъ Александръ Адуевъ—не выдержанъ, въ смыслѣ типа, расплывчатъ, неровенъ, мѣстами излишне-каррикатуренъ. Въ художественномъ отношеніи его спасаетъ сопоставленіе съ Петромъ

Ивановичемъ, который объясняетъ и дорисовываетъ его. Очевидно, образъ послѣдняго былъ ближе душѣ Гончарова, и созданіе этого образа обошлось ему значительно легче. Точно также тридцатидвухлѣтній Обломовъ понятнѣе Гончарову, чѣмъ Обломовъ-студентъ, и тридцатипятилѣтній Райскій выступалъ предъ писателемъ отчетливѣе, чѣмъ Райскій десять-пятнадцать лѣтъ назадъ.

XIII.

Объ одной полосѣ жизни Гончаровъ ни слова не говоритъ въ воспоминаніяхъ. Полоса эта—юношескія увлеченія, грезы, муки и радости застѣнчивой первой любви. Рискованно высказывать какія-либо предположенія по отношенію къ самому Гончарову, но у героевъ его нельзя не отмѣтить нѣсколькихъ чертъ, указывающихъ на то, что эта полоса раннихъ юношескихъ увлеченій пережита ими приблизительно одинаково. Пусть Петръ Ивановичъ Адуевъ смѣется надъ стихами и желтенькими цвѣтами Александра,—въ молодости онъ самъ писалъ стихи и вздыхалъ, глядя на луну. „Я докажу,—уличаетъ его Александръ,—что не я одинъ любилъ, бѣсновался, ревновалъ, плакалъ... позвольте, позвольте, у меня имѣется письменный документъ“...

Бѣснуется отъ любви и ревности не одинъ Александръ Адуевъ, выполняющій до мелочей біографическую программу своего дядюшки; таковъ же и Борисъ Райскій, готовый влюбиться то въ Марѳиньку, то въ Вѣрочку, то въ обѣихъ племянницъ разомъ. Обломову въ его за-тридцать лѣтъ не пристало, сообразно съ отведенной ему ролью, бѣсноваться и плакать, однако и онъ, полюбивъ Ольгу, „встаетъ въ семь часовъ, читаетъ, носитъ куда-то книги. На лицѣ ни сна, ни усталости, ни скуки“... Сброшенъ халатъ, хотя и не надолго. А для Обломова этого было не мало...

Ни Обломовъ, ни его сородичи не принадлежали къ тѣмъ натурамъ, что принято называть пламенными, огненно-страстными, для которыхъ любовь къ женщинѣ являлась роковымъ интересомъ, способнымъ подчинить всю душу и весь умъ охваченнаго страстью человѣка. Чувство ихъ неглубоко, недолговѣчно и себялюбиво; требуя жертвы отъ любимаго человѣка, само оно не способно на самопожертвованіе, на добровольное страданіе во имя любви. Александръ Адуевъ съ легкостью мотылька переходитъ отъ одной привязанности къ другой. Обломовъ, послѣ разрыва съ Ольгой, безропотно отдается вдовѣ Пше-

ницыной и находитъ въ ней осуществленіе своего идеала—„неизмѣнную физіономію покоя, вѣчное и ровное теченіе чувства“: „вѣдь это—*норма* любви“. Человѣкъ, вносящій въ мечты о взаимной любви соображенія о *нормѣ* этого чувства, всего менѣе подходитъ къ типу людей, могущихъ беззавѣтно увлечься не только любовной, но и всякой другой страстью. Своего рода нормой любви кончаетъ и Александръ Адуевъ.

Райскій всегда влюбленъ—и никого въ сущности не любитъ. Его влюбленность—чувство тонкаго артиста-эстета, столько же ищущаго красоты въ жизни, сколько настроивающаго себя на восторженно-артистическій ладъ. Чувство беретъ въ немъ рѣшительный перевѣсъ надъ работой мысли. Ему особенно близки и свойственны тѣ состоянія духа, при которыхъ мысль погружается въ сладостную нѣгу, дробится миріадами грезъ, тонетъ въ плѣнительныхъ ощущеніяхъ красоты и поэзіи, въ легкой дымкѣ мечтательной грусти и неясныхъ предчувствіяхъ блаженства, еще неизвѣданнаго и влекущаго „мерцаніемъ тайны“. Композиторы-лирики старой школы—величайшіе чародѣи въ этой области; чувство сладостной и неопредѣленно-томной влюбленности прежде всего отзывается на ихъ звуки. И это чувство было свойственно всѣмъ героямъ Гончарова.

Всѣ они любятъ музыку и пѣніе; у Александра Адуева и Обломова любовь готова вспыхнуть при первыхъ звукахъ родственной ихъ душѣ музыки. Тогда они преображаются, становятся истинными поэтами, рѣчь ихъ блещетъ вдохновеніемъ восторга, яркостью и граціей образовъ.

— А голосъ, голосъ!—восклицаетъ Александръ:—что̀ за мелодія, что̀ за нѣга въ немъ! Но когда этотъ голосъ прозвучитъ признаніемъ... нѣтъ выше блаженства на землѣ! Дядюшка! какъ прекрасна жизнь! какъ я счастливъ!“

Обаяніе голоса Ольги Ильинской еще сильнѣе дѣйствовало на Обломова. „Отъ словъ, отъ звуковъ, отъ этого чистаго, сильнаго дѣвическаго голоса билось сердце, дрожали нервы, глаза искрились и заплывали слезами. Въ одинъ и тотъ же моментъ хотѣлось умереть, не пробуждаться отъ звуковъ, и сейчасъ же опять сердце жаждало жизни...

„Обломовъ вспыхивалъ, изнемогалъ, съ трудомъ сдерживалъ слезы“...

Еще одинъ такой же вечеръ, еще „Casta diva“—и Обломовъ влюбленъ. „У него на лицѣ сіяла заря пробужденнаго, со дна души возставшаго счастья: наполненный слезами взглядъ устремленъ былъ на нее“.

Ольга замѣчаетъ эти слезы и внутренно „скромно торжествуетъ“, чувствуя силу своего обаянія.

„— Какъ глубоко чувствуете вы музыку!—восклицаетъ она.

— Нѣтъ, я чувствую... не музыку... а... любовь!—тихо сказалъ Обломовъ.

Она мгновенно оставила его руку и измѣнилась въ лицѣ. Ея взглядъ встрѣтился съ его взглядомъ, устремленнымъ на нее: взглядъ былъ неподвижный, почти безумный; имъ глядѣлъ не Обломовъ, а страсть.

Ольга поняла, что у него слово вырвалось, что онъ не властенъ въ немъ, и что оно—истина“.

Райскій не менѣе Обломова воспріимчивъ къ музыкальнымъ ощущеніямъ. Въ школѣ онъ заслушивался одного изъ своихъ товарищей—Васюкова, когда тотъ игралъ на скрипкѣ. По лицу Васюкова „бродитъ нѣга, счастье“. Райскій слушаетъ и—„нервы поютъ ему какіе-то гимны, въ немъ плещется жизнь, какъ море, и мысли, чувства, какъ волны, переливаются, сталкиваются и несутся куда-то, бросаютъ кругомъ брызги, пѣну“. Ласки покойной матери вспоминаются ему,—„какъ, послѣ музыки, она всю дрожь наслажденія сосредоточивала въ горячемъ поцѣлуѣ ему“, какъ она водила его на Волгу, и они смотрѣли на гору, освѣщенную солнцемъ, на темную зелень, плывущія суда, облака, все, что видѣлъ Гончаровъ въ родномъ уголкѣ своего дѣтства. И когда игралъ Васюковъ, передъ Райскимъ „открывалось глубокое пространство, тамъ являлся движущійся міръ, какія-то волны, корабли, люди, лѣса, облака“, и Райскій видитъ тотъ же сладостный сонъ, которому улыбается и Обломовъ, какъ только послушная мечта уноситъ его въ родныя мѣста съ невозвратнымъ прошлымъ.

Нѣтъ никакого основанія думать, что Гончаровъ не былъ похожъ на своихъ героевъ въ отношеніи юношескихъ увлеченій и грезъ. И онъ былъ очень юнъ въ ту пору, когда университетскіе годы подходили къ концу, былъ беззаботенъ, мечтателенъ и, можно допустить, наивенъ не меньше Александра Адуева.

...„Мнѣ такъ много, такъ много надо сказать вамъ... ахъ!“ — говоритъ влюбленная Наденька Любецкая влюбленному Александру.

„— И мнѣ тоже... ахъ!

„И ничего не сказали, или почти ничего, такъ кое-что, о чемъ уже говорили десять разъ прежде. Обыкновенно что: мечты, небо, звѣзды, симпатія, счастье. Разговоръ больше происходилъ на языкѣ взглядовъ, улыбокъ и междометій“...

Передавъ эту сцену, происходившую въ полусвѣтѣ весенней петербургской ночи, Гончаровъ отъ себя задаетъ нѣсколько вопросовъ читателю. „Какая тайна,—спрашиваетъ онъ,—пробѣгаетъ по цвѣтамъ, деревьямъ, по травѣ и вѣетъ неизъяснимой нѣгой на душу? зачѣмъ въ ней тогда рождаются иныя мысли, иныя чувства, нежели въ шумѣ, среди людей?“

Въ тонѣ этихъ вопросовъ звучатъ нотки живыхъ воспоминаній пережитого, и тихой поэзіи этихъ воспоминаній не въ силахъ отогнать обычная наклонность къ рефлексіи, усмѣшка много пожившаго и обманутаго жизнью человѣка. „Какъ могущественно все настраивало умъ къ мечтамъ, сердце—къ тѣмъ рѣдкимъ ощущеніямъ, которыя во всегдашней, правильной и строгой жизни кажутся такими безполезными, неумѣстными и смѣшными отступленіями... да! безполезными, а между тѣмъ въ тѣ минуты душа только и постигаетъ смутно возможность счастья, котораго такъ усердно ищутъ въ другое время и не находятъ“.

Неумѣстныя и смѣшныя отступленія въ правильной и строгой жизни... подъ этими словами охотно подписался бы Петръ Ивановичъ Адуевъ, и не одинъ онъ: ихъ могъ бы высказать и самъ Гончаровъ отъ себя. Онъ былъ человѣкомъ порядка прежде всего; правильная и строгая жизнь была для него идеаломъ. И тѣмъ не менѣе, эта жизнь не прошла безъ неумѣстныхъ и—въ однихъ случаяхъ смѣшныхъ, въ другихъ—грустныхъ отступленій. Одно изъ нихъ занесено на страницы „Обрыва“; оно отмѣчено всѣми чертами автобіографическаго происхожденія.

XIV.

Въ романѣ отступленіе это приписано Борису Райскому. Размышляя о связи искусства съ жизнью, разсказываетъ авторъ, Райскій нашелъ тетрадь, озаглавленную „Наташа“. Въ ней сохранился „старый эпизодъ“ ранней юности, когда онъ любилъ и его любили. „Онъ записалъ его когда-то, подъ вліяніемъ чувства, которымъ жилъ“...

„Онъ послѣ говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ,—разсказываетъ дальше Гончаровъ.—Думая впослѣдствіи о своемъ романѣ, онъ предполагалъ выработать этотъ очеркъ и включить въ романъ, какъ эпизодъ“.

Положительно Гончаровъ вводитъ здѣсь, и позже—въ авторской исповѣди—читателя въ легкое заблужденіе, но только въ самое легкое; умыселъ его слишкомъ прозраченъ. Читатель не

задумается ни на минуту отнести къ самому автору то, что̀ онъ говоритъ о Борисѣ Райскомъ. Не Райскій, а самъ Гончаровъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ въ этомъ очеркѣ, который и ввелъ въ свое произведеніе, въ видѣ эпизода, не вяжущагося съ общимъ ходомъ романа и не нужнаго для характеристики Райскаго. Предположеніе „выработать" этотъ очеркъ такъ и осталось невыполненнымъ; разсказъ остался блѣднымъ и растянутымъ, какъ онъ и былъ записанъ въ черновой тетради.

Это—сентиментальная, наивная, старая, какъ свѣтъ, исторія несчастной любви легкомысленнаго студента къ простой и милой дѣвушкѣ. „Онъ уважалъ ея невинность, она цѣнила его сердце—оба протягивали руки къ брачному вѣнку—и оба... не устояли". Она любила просто, онъ же мечталъ о страсти, столь же колоссальной, какъ страсть молодого Адуева, и кончилось тѣмъ, что онъ, какъ и надо было ожидать, охладѣлъ къ ней и не думалъ объ ея существованіи, проводя время въ толпѣ „веселыхъ пріятелей, художниковъ, красавицъ", она же зачахла отъ любви и—умерла.

Раскаянія не долго мучили Райскаго. Исторія несчастной любви отправилась въ папку съ набросками для будущаго романа, а самъ онъ съ легкимъ сердцемъ уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе, которымъ управляла его бабушка, Татьяна Марковна Бережкова.

По окончаніи университетскаго курса, побывалъ на родинѣ и Гончаровъ.

Всѣ герои могли бы вспоминать свои посѣщенія милыхъ обломовскихъ мѣстъ тѣмъ тономъ и даже тѣми словами, какими передаетъ свои впечатлѣнія самъ авторъ. „Меня охватило, какъ паромъ, домашнее баловство. Многіе изъ читателей, конечно, испытывали сладость возвращенія, послѣ долгой разлуки, къ роднымъ, и поймутъ, что я на первыхъ порахъ весь отдался сладкой нѣгѣ ухода, внимательности. Домашніе не даютъ пожелать чего-нибудь; все давно готово, предусмотрѣно. Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я всегда сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда, и всѣ не наглядятся на меня".

Не трудно вообразить, что̀ это было за баловство, если вспомнить, какъ принимали Александра Адуева во время его побывки на родинѣ. Встрѣчали его чуть не съ иконами; у матери, Анны Павловны, и руки, и ноги отъ радости отнялись. Съ дороги,

баринъ хочетъ уснуть. Ему готовятъ постель. „Анна Павловна посмотрѣла, хорошо ли постлана постель, побранила дѣвку, что жестко, заставила перестлать при себѣ и до тѣхъ поръ не ушла, пока Александръ не улегся. Она вышла на цыпочкахъ, погрозила людямъ, чтобы не смѣли говорить и дышать вслухъ, и ходили бы безъ сапогъ". Разсказывая о томъ, что кушалъ баринъ въ Петербургѣ, Евсей, камердинеръ его, едва не поплатился своей спиной за то, что давалъ барину постныя, а не сдобныя булочки. Эта сценка весьма напоминаетъ Фонвизинскій разговоръ Простаковой съ Митрофанушкиной нянюшкой Еремѣевной. И нравы, и понятія были приблизительно тѣ же, разница могла быть только въ колоритѣ, только въ освѣщеніи, но сущность крѣпостного уклада жизни оставалась нетронутой. Однажды Александръ Адуевъ, проходивъ цѣлый день съ толпой бабъ и дѣвокъ за грибами, похвалилъ дѣвушку Машу за проворство и ловкость,—„и Маша взята была во дворъ *ходить за бариномъ*". Простота и естественность, съ какой совершались подобные факты добраго стараго времени, вполнѣ соотвѣтствуютъ олимпійскому спокойствію рѣчи. О художникахъ говорятъ въ такихъ случаяхъ, что они проникали въ духъ и настроеніе изображаемой эпохи. Гончарову не трудно было это сдѣлать.

XV.

Вглядываясь въ портреты Гончарова послѣднихъ двадцати лѣтъ его жизни, невольно обращаешь вниманіе на одну черту, чрезвычайно для нихъ характерную,—на корректную сановитость его лица, которое, можно сказать a priori, должно было принадлежать видному и просвѣщенному, непремѣнно русскому бюрократу... Этотъ видъ учтиво-равнодушной и корректной сановитости Гончаровъ пріобрѣлъ на свыше-сорокалѣтней государственной службѣ, начавшейся вслѣдъ за окончаніемъ университетскаго курса въ родномъ городѣ.

Мы не будемъ слѣдить съ читателемъ за тѣмъ, какъ Гончаровъ служилъ въ канцеляріи симбирскаго губернатора, образъ котораго онъ такъ мастерски нарисовалъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ очерковъ. Прослуживъ „отлично, благородно" года полтора, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій и друга семьи у своего помпадура, поблиставъ въ это время на балахъ и съумѣвъ сберечь свою независимость отъ матримоніальныхъ набѣговъ провинціальныхъ маменекъ, Гончаровъ наскучилъ жизнью

въ провинціи и отправился продолжать служебное поприще въ Петербургъ. Родной городъ онъ покидалъ, повидимому, весело, всецѣло отдаваясь романтическимъ мечтаніямъ и надеждамъ. Въ столицу онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ губернаторомъ, котораго, по чьему-то доносу, отставили, и онъ направлялся туда, пылая негодованіемъ противъ „жандармеріи", чтобы оправдаться передъ кѣмъ слѣдуетъ.

Передъ отъѣздомъ—позволимъ себѣ отмѣтить мелкую, но характерную черточку—передъ отъѣздомъ Гончаровъ прощался съ чиновниками губернаторской канцеляріи. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ: „Съ чиновниками канцеляріи я простился дружелюбно, пожавъ имъ всѣмъ руки въ первый и послѣдній разъ: *они были уже не подчиненные мнѣ*". Юноша, годъ назадъ сидѣвшій на студенческой скамьѣ, считалъ невозможнымъ, оказывается, подавать руку своимъ сослуживцамъ, которые были старше лѣтами и опытнѣе его въ канцелярскомъ дѣлѣ. Но онъ былъ ступенью выше поставленъ, и потому такое отношеніе считалось вполнѣ естественнымъ, вполнѣ согласованнымъ съ понятіями о чиновничьихъ рангахъ. Гончаровъ шелъ въ данномъ случаѣ уже по проторенной колеѣ; новаторство, даже самое невинное, не было въ его натурѣ, и потребовалась длинная вереница лѣтъ, чтобы въ его бюрократическихъ понятіяхъ совершилась та уступка новымъ вѣяніямъ, признакомъ которой явился слегка ироническій тонъ въ воспоминаніяхъ о молодыхъ годахъ своей службы.

Въ Петербургѣ его ожидало прозаическое поприще сначала переводчика, потомъ—столоначальника въ департаментѣ внѣшней торговли. Потянулись долгіе годы ровной чиновничьей жизни, не возмущаемой ни пламеннымъ стремленіемъ къ служебной карьерѣ, ни участіемъ въ какихъ-либо общественныхъ движеніяхъ и собраніяхъ. Трудъ былъ на половину механическій, „исполненіе" бумагъ велось по одному разъ навсегда заведенному порядку, и подобная работа, при всемъ своемъ однообразіи и скукѣ, была если не пріятна, то удобна для Гончарова, такъ какъ она не мѣшала совершаться въ душѣ его другой, болѣе сложной и могучей—творческой работѣ.

Онъ не заблуждался относительно качества своего канцелярскаго служенія. Оно казалось ему мертвымъ дѣломъ, ничего не дававшимъ ни уму, ни сердцу. Но оно было „дѣломъ", и этого было достаточно, чтобы Гончаровъ относился къ нему, какъ прежде къ посѣщенію лекцій, внимательно и аккуратно, не пре-

небрегая своими обязанностями, но и не внося въ исполненіе ихъ особеннаго усердія или даже глубокаго интереса.

Прислушаемся къ тому, что̀ говорятъ на эту тему его герои, и начнемъ при этомъ не съ Адуева Александра, свидѣтельство котораго мы оцѣнимъ по достоинству нѣсколько позже—и по другому, хотя и близкому поводу.

Илья Ильичъ Обломовъ, владѣлецъ трехсотъ-пятидесяти душъ въ одной изъ дальнихъ губерній, „чуть не въ Азіи", готовился прежде всего къ службѣ, „что̀ и было цѣлью его пріѣзда въ Петербургъ. Потомъ онъ думалъ о роли въ обществѣ; наконецъ, въ отдаленной перспективѣ, на поворотѣ съ юности къ зрѣлымъ лѣтамъ, воображенію его мелькало и улыбалось семейное счастіе".

На службѣ Илью Ильича постигли нѣкоторыя, для него жестокія испытанія. Служба оказалась дѣломъ обязательнымъ и утомительнымъ. Чиновники не составляли особой дружной и тѣсной семьи, неусыпно пекущейся о взаимномъ спокойствіи и удовольствіяхъ; начальники вовсе не были тѣми „отцами" подчиненныхъ, какъ представлялось это на родинѣ,—всѣ передъ ними трепетали, суетились, стремились взапуски выразить свое почтеніе, и Обломовъ видѣлъ, что начальники по степени раболѣпства и почтительности своихъ подчиненныхъ не разъ составляли мнѣніе объ ихъ ревности и даже способностяхъ къ службѣ.

Илья Ильичъ не обладалъ той выдержкой, какая была у Гончарова, и, отправивъ однажды какую-то нужную бумагу, вмѣсто Астрахани, въ Архангельскъ, испугался отвѣтственности и подалъ въ отставку. О службѣ онъ вынесъ совершенно опредѣленное мнѣніе, независимое, впрочемъ, отъ его личной служебной неудачи. Дѣловитый и исполнительный чиновникъ Судьбинскій, его бывшій товарищъ по службѣ, вызываетъ у него искреннее сожалѣніе: „увязъ" въ службу—и сталъ слѣпъ и глухъ, и нѣмъ для всего остального въ мірѣ. „А выйдетъ въ люди,—думаетъ Обломовъ,—будетъ, со временемъ, ворочать дѣлами, и чиновъ нахватаетъ... У насъ это называется тоже карьерой! А какъ мало тутъ человѣка-то нужно: ума его, воли, чувства—зачѣмъ это? Роскошь! И проживетъ свой вѣкъ, и не пошевелится въ немъ многое, многое"...

Не самообольщаются относительно службы и Петръ Ивановичъ Адуевъ, и Иванъ Ивановичъ Аяновъ, кстати сказать, весьма похожіе другъ на друга, оба по-своему дѣльные и видные бюрократы. Для нихъ служба — источникъ ихъ фортуны, ихъ положенія и вѣса въ обществѣ, средство удовлетворенія обычнаго

у среднихъ людей буржуазнаго тщеславія. Ихъ служба—уже не грубое молчалинское подслуживанье, а та способность приспособляться къ обстоятельствамъ и людямъ, та привычка трудиться не болѣе, но и не менѣе другихъ, притомъ не заглядывая въ конечный результатъ своего труда, которая, съ одной стороны, даетъ имъ возможность считать себя порядочными людьми, а съ другой приноситъ имъ удовлетвореніе почтенно, не хуже другихъ, исполняемаго долга. Ихъ связи въ обществѣ уже не столько родовыя, сколько дѣловыя связи, опредѣляемыя сложной сѣтью соображеній, поскольку тотъ или иной дѣятель можетъ быть полезенъ или вреденъ въ различныхъ житейскихъ случаяхъ, вліятеленъ или ничтоженъ. Тонкій ужинъ и удачно подобранная партія въ вистъ котируется на петербургской бюрократической биржѣ несоизмѣримо выше безупречной честности, искренности, отзывчивой души, участливаго сердца, тѣхъ фантастическихъ бредней, о которыхъ тоскуетъ въ первые годы Александръ. И душа, и сердце—лишніе предметы въ той машинѣ, которая „работаетъ стройно, непрерывно, безъ отдыха, какъ будто нѣтъ людей,—одни колеса да пружины“.

„Дядя любитъ заниматься дѣломъ, — пишетъ Александръ Адуевъ подъ диктовку Петра Ивановича,—что совѣтуетъ и мнѣ, а я тебѣ (письмо пишется „другу“):—мы принадлежимъ къ обществу,—говоритъ онъ,—которое нуждается въ насъ; занимаясь, онъ не забываетъ и себя: дѣло доставляетъ деньги, а деньги—комфортъ, который онъ очень любитъ“. Такъ разсуждаетъ Петръ Ивановичъ, на сторонѣ котораго—всѣ симпатіи Гончарова.

Аяновъ состоялъ по особымъ порученіямъ у одного изъ министровъ. Впрочемъ, онъ служилъ при нѣсколькихъ, послѣдовательно смѣнявшихся, и всегда былъ ловкимъ исполнителемъ чужихъ проектовъ, всегда раздѣляя взглядъ министра на дѣло. Мѣнялся начальникъ, — вмѣстѣ съ нимъ мѣнялся взглядъ и проектъ, и Аяновъ работалъ по прежнему—умно и ловко. Служба его напоминала службу Кальянова (въ „Литературномъ вечерѣ“), этого „техника-организатора“, по выраженію автора, а въ далекомъ прошломъ — и службу самого Гончарова при Углицкомъ. „По утрамъ являлся къ нему (министру) въ кабинетъ, потомъ къ женѣ его въ гостиную, и дѣйствительно исполнялъ нѣкоторыя ея порученія, а по вечерамъ, въ положенные дни, непремѣнно составлялъ партію, съ кѣмъ попросятъ“... Дѣла у него, стало быть, было еще меньше, чѣмъ у Петра Ивановича.

Такой отчетливый, ясный взглядъ на служебныя обязанности и общій типъ русскаго чиновника проходитъ по всѣмъ романамъ

Гончарова, и нѣтъ основанія думать, что самъ авторъ смотрѣлъ на свою собственную служебную дѣятельность съ иной точки зрѣнія. Не обостряя своего честолюбія въ сторону чиновничьей карьеры, Гончаровъ долго служилъ въ департаментѣ внѣшней торговли; въ 1858 г., онъ перешелъ въ цензурное вѣдомство, сначала цензоромъ, потомъ членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати; въ 1862 г., редактировалъ оффиціальную „Сѣверную Почту"; въ 1873 г., вышелъ въ отставку, вѣроятно, безъ тяжелыхъ укоровъ совѣсти въ прошломъ, но и безъ какихъ бы то ни было сожалѣній. Безъ малаго сорокалѣтняя государственная служба была для него, очевидно, дѣломъ, не выходившимъ за предѣлы внѣшнихъ условій, внѣшней рамки человѣческой жизни, и не этому дѣлу была отдана таинственная работа ума и сердца Гончарова.

Ко времени службы нашего писателя въ цензурѣ сохранился одинъ не лишенный интереса отзывъ лица, обращавшагося къ нему по цензурному вопросу. Этотъ отзывъ принадлежитъ Ѳ. П. Еленеву и былъ сдѣланъ послѣднимъ въ письмѣ къ цензору Гилярову-Платонову. Въ письмѣ этомъ, напечатанномъ кн. Н. Шаховскимъ въ статьѣ о годахъ службы Гилярова-Платонова въ московскомъ цензурномъ комитетѣ („Русское Обозрѣніе", т. XLVI), разсказывается, какъ авторъ письма, Еленевъ, обратился къ Гончарову по поводу разрѣшенія къ печати его сочиненія, касавшагося различныхъ сторонъ состоянія, исторіи и быта Россіи.

„Въ отношеніи ко мнѣ лично,—пишетъ Еленевъ,—г. Гончаровъ поступалъ такъ, что кромѣ благодарности я ничего не могу о немъ сказать. Снисходя къ моимъ обстоятельствамъ, онъ далъ мнѣ слово прочитать рукопись въ недѣлю и, дѣйствительно, исполнилъ это, хотя имѣлъ полное право держать ее три мѣсяца, тѣмъ болѣе, что у него достаточно работы и ценсурной и своей собственной, литературной. Что же касается до его ценсуры, то она не была такъ снисходительна ко мнѣ, какъ ценсоръ... Г. Гончаровъ въ ценсурномъ уставѣ видитъ только букву, тогда какъ вы извлекли его духъ, и хотя тяжелъ духъ сего устава, но всетаки и ценсура по духу безъ всякаго сравненія легче ценсуры по буквѣ". Это было писано въ 1856 году, и хотя мы можемъ предполагать нѣкоторую дозу раздраженія въ авторѣ, потерпѣвшемъ отъ неравной схватки съ цензоромъ, но, повидимому, характеристика эта довольно объективно изображаетъ отношеніе Гончарова къ служебному дѣлу.

Нѣсколько раньше этого времени ровная служебная карьера Гончарова была прервана крупнымъ событіемъ—кругосвѣтнымъ

путешествіемъ, совершеннымъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ на фрегатѣ „Паллада“. Исполнилась давнишняя мечта, навѣянная въ дѣтствѣ разсказами моряка Якубова, увидѣть въявь тѣ соблазнительныя страны, которыя раньше мелькали въ фантастическихъ грёзахъ или описаніяхъ путешественниковъ. Въ дневникѣ этого путешествія Гончаровъ далъ художественный отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ; любопытство было удовлетворено, вообраafженіе улеглось, и жизнь приняла снова старыя формы неторопливаго, спокойнаго теченія, какъ только Гончаровъ почувствовалъ себя на своей петербургской квартирѣ.

XVI.

„Обыкновенная исторія“ была первымъ романомъ Гончарова по времени своего созданія; въ ней естественно искать и болѣе непосредственнаго отраженія автобіографическихъ чертъ самого автора. Вчитываясь внимательно въ это произведеніе, нельзя не замѣтить, дѣйствительно, что все оно—скорѣе художественный мемуаръ, съ самонаблюденіемъ на первомъ планѣ, чѣмъ романъ, и менѣе всего какая бы то ни было исторія. Исторія предполагаетъ извѣстную постепенность въ развитіи дѣйствія, послѣдовательность въ переходѣ героевъ изъ одного состоянія въ другое. Здѣсь же мы видимъ не то: въ цѣломъ рядѣ сценъ изображается борьба дяди съ племянникомъ, переходящая, наконецъ, въ примиреніе, въ полное совпаденіе въ одномъ типѣ. Дядя разочаровываетъ племянника въ его юношескихъ мечтахъ о любви и дружбѣ, осмѣиваетъ его творческіе опыты, его незрѣлый идеализмъ, излагаетъ передъ нимъ практическую философію жизни и—черезъ нѣсколько лѣтъ — убѣждается, что слова его не пропали даромъ, что племянникъ — живое воплощеніе дяди. И насколько много этихъ сценъ, дѣлающихъ чтеніе романа подчасъ нѣсколько утомительнымъ, настолько мало постепенности и равномѣрности въ изложеніи „исторіи“ въ узкомъ смыслѣ. Послѣдняя совершается за спиной читателя, о ней въ короткихъ словахъ разсказываетъ самъ Гончаровъ. „Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Кто бы узналъ нашего провинціала..?“ — такъ связываетъ Гончаровъ начало и продолженіе своего повѣствованія, но это—чисто внѣшняя связь. Провинціалъ измѣнился только по наружности—онъ возмужалъ, „черты лица созрѣли и образовали физіономію“, и хотя Гончаровъ и добавляетъ, что „физіономія обозначила характеръ“, однако внутренняя перемѣна еще не наступила. Александръ все

тотъ же—вплоть до послѣдней главы, за которой слѣдуетъ знаменитый эпилогъ. Въ этой главѣ дана попытка раскрыть внутренній процессъ совершившихся въ Александрѣ перемѣнъ,—попытка, безъ которой совпаденіе дяди и племянника въ одномъ типѣ было необъяснимымъ и случайнымъ.

Поѣздка Александра Адуева, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ столицѣ, можетъ найти себѣ параллель въ послѣдней поѣздкѣ Гончарова на родину черезъ четырнадцать лѣтъ по окончаніи университетскаго курса. Мать нашла Александра Адуева похудѣвшимъ задумчивымъ; волосы значительно порѣдѣли. Камердинеръ его, Евсей, объяснялъ эту перемѣну „писаньемъ", которому ежедневно предавался его баринъ; запомнилъ онъ еще слово „разочарованный", подслушанное въ отзывѣ Петра Ивановича объ Александрѣ, но другихъ, болѣе глубокихъ мотивовъ перемѣны въ баринѣ не могъ указать.

„Прошло два-три мѣсяца"... „Такъ прошло года полтора"... Въ Александрѣ Адуевѣ, на протяженіи нѣсколькихъ страницъ, происходитъ, подъ вліяніемъ уединеннаго размышленія, то, что на языкѣ Петровъ Иванычей называется отрезвленіемъ, сознаніемъ сдѣланныхъ ошибокъ и готовностью идти на компромиссъ. „И что я здѣсь дѣлаю? за что вяну?—спрашиваетъ себя Александръ Адуевъ, уже тяготясь деревенскимъ бездѣльемъ.—Зачѣмъ гаснутъ мои дарованія? Почему мнѣ не блистать тамъ своимъ трудомъ?.. Теперь я сталъ разсудительнѣе. Чѣмъ дядюшка лучше меня? Развѣ я не могу отыскать себѣ дороги? Ну, не удалось до сихъ поръ, не за свое брался — что-жъ? опомнился теперь: пора, пора!.. нельзя же погибнуть здѣсь! Тамъ тотъ и другой—всѣ вышли въ люди... А моя карьера, а фортуна?"

Въ этихъ словахъ выразилась вся „исторія" волшебно-быстраго превращенія племянника въ дядю; по отношенію къ ней весь романъ является не болѣе, какъ введеніемъ. Другими словами, Гончаровъ не столько заботился о томъ, *какъ* племянникъ переходилъ въ дядю, сколько говоритъ намъ: вотъ какимъ былъ Петръ Ивановичъ въ молодости, и вотъ какимъ онъ сталъ, когда сдѣлался старше, разсудительнѣе, благоразумнѣе. Читателямъ предоставлялось судить, что было лучше; на нихъ же возлагалась отвѣтственность за то или другое толкованіе заглавія романа.

Симпатіи Гончарова лежали всецѣло на сторонѣ дяди, о чемъ мы замѣтили уже выше. Когда создавался романъ, авторъ и по годамъ, и по міросозерцанію былъ весьма близокъ къ Петру Ивановичу. Добрая половина жизни была уже отжита; раннія увлеченія и

разочарованія, вмѣстѣ съ юношескимъ романтизмомъ, отошли въ область невозвратнаго прошлаго. О нихъ можно было вспоминать—когда съ улыбкой, когда съ легкимъ вздохомъ сожалѣнія, потому что въ нихъ было очень много хорошаго, теплаго, искренняго, было много наивной, сердечной поэзіи. Гончарову не трудно было взять вѣрный тонъ человѣка, который разсказываетъ объ увлеченіяхъ и заблужденіяхъ своей собственной молодости, набрасывая на разсказъ легкую дымку ироніи, но подъ этой дымкой еще теплится любовь къ тому, чѣмъ украшалась молодость, чѣмъ она жила, во что вѣрила, и легкая грусть кое-гдѣ сквозила между строкъ, проникнутыхъ, на первый взглядъ, неподдѣльнымъ юморомъ.

Исключая эпилога, авторъ нигдѣ не ставитъ Петра Ивановича въ комическое положеніе, подобное тому, въ какое ставитъ онъ на каждомъ шагу Александра. Авторъ не допускаетъ и мысли, чтобы дядя хотя на минуту пересталъ быть резоннымъ и вѣрнымъ себѣ. Принципы его выработаны разъ навсегда, взгляды ясны, житейская философія цѣльна и закончена. Низведи его Гончаровъ съ пьедестала, и романъ его получилъ бы совершенно другой смыслъ, смыслъ, который—кто знаетъ?—можетъ быть соотвѣтствовалъ бы заглавію „обыкновенной исторіи", чѣмъ теперь, когда послѣднее является нѣкоторой загадкой. Вѣдь если перемѣна, совершившаяся въ Александрѣ, естественна и необходима въ жизни, если Петръ Ивановичъ представляется Гончарову положительной величиной въ обществѣ, личностью въ нѣкоторомъ родѣ идеальной, то, съ точки зрѣнія автора, обыкновенная исторія должна представляться исторіей прекрасной, достойной подражанія и сочувствія: въ такомъ случаѣ—побольше бы такихъ обыкновенныхъ исторій, и въ результатѣ ихъ окажется больше порядка въ общественной и домашней жизни, больше ясности въ сложныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, наконецъ больше практической и государственной пользы.

Едва ли Гончаровъ задумывался надъ теоретической постановкой вопроса о значеніи Петра Ивановича, какъ общественнаго типа, и о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находится этотъ типъ къ общему смыслу романа и, въ частности, къ его заглавію. Это и для насъ вопросъ второстепенный. Важно то, что Александръ Адуевъ и Петръ Ивановичъ тожественны въ своей сущности и писаны, несомнѣнно, съ одного лица, только въ разные періоды его жизни.

Тожественность эта прямо поразительна. Біографія Александра оказывается весьма схожею съ біографіей Петра Ивановича въ

молодости. Дѣтство обоихъ проходитъ въ одинаковыхъ условіяхъ; они получаютъ одинаковое воспитаніе, учатся въ университетѣ и—каждый въ свое время—одинаково относятся къ наукѣ, искусству, литературѣ. Оба, опять-таки каждый въ свое время, влюбляются по нѣскольку разъ, сначала у себя на родинѣ, въ деревнѣ, гдѣ оба плачутъ надъ озеромъ, рвутъ желтые цвѣты, пишутъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ влюбленныя письма, потомъ въ столицѣ то очаровываются, то падаютъ съ небесъ, „бѣснуются, ревнуютъ", наконецъ остываютъ, становятся благоразумными и стараются забыть „глупости" молодыхъ лѣтъ. Въ итогѣ у обоихъ—крупный чинъ, орденъ на шеѣ, лысина, сѣдина на вискахъ и въ бакенбардахъ, хорошее состояніе, а главное—одинаковое отношеніе къ благамъ жизни, одно и то же міросозерцаніе, вкусы, привычки, даже боль въ поясницѣ и манера выражаться, и та, по духу ближайшей родственности, перешла отъ старшаго къ младшему. Одна и та же личность—въ два разные момента. Въ стремленіи сопоставить эти моменты, сдѣлать изъ нихъ большую и малую посылку для вывода—„обыкновенная исторія",—авторъ совершенно упустилъ изъ виду необходимость исторической перспективы при обрисовкѣ развитія каждаго изъ героевъ. Петръ Ивановичъ лѣтъ на пятнадцать, на двадцать старше Александра. Въ эти пятнадцать-двадцать лѣтъ русская жизнь—заключимъ ее въ промежутокъ двадцатыхъ-сороковыхъ годовъ,—несмотря на всѣ преграды, все-же значительно ушла впередъ въ смыслѣ умственнаго и общественнаго самосознанія, въ смыслѣ отношенія къ кореннымъ явленіямъ своей современности. Эта сторона, сама по себѣ, совершенно незатронута въ романѣ, а между тѣмъ въ ней-то и слѣдовало бы искать раскрытія общественнаго значенія романа, какъ оно представлялось автору. Въ этомъ отношеніи Гончаровъ не далъ ни одного намека на смѣну поколѣній, на борьбу отживающихъ традицій съ новыми вѣяніями, на все то, что создаетъ неизбѣжную и вѣчную разницу между отцами и дѣтьми, разницу, необходимость которой столько же коренится въ законахъ природы, сколько въ условіяхъ историческаго развитія общества. То, что мелькаетъ, какъ новое вѣяніе въ Александрѣ, въ свое время промелькнуло въ Петрѣ Ивановичѣ и, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, оставило послѣ себя слѣдъ въ воспоминаніяхъ, которыхъ впослѣдствіи стыдились оба героя „обыкновенной исторіи". Словомъ, историческая точка зрѣнія была чужда Гончарову, когда онъ писалъ этотъ романъ: его занимала не послѣдовательность въ развитіи тѣхъ или иныхъ общественныхъ типовъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ въ окружающей жизни, а соб-

ственныя воспоминанія, попытка разобраться въ томъ, чѣмъ онъ былъ пятнадцать-двадцать лѣтъ назадъ и чѣмъ сталъ, успокоившись отъ напрасныхъ стремленій и безплоднаго романтизма юношескихъ порывовъ.

Въ этомъ смыслѣ „Обыкновенную исторію“ можно назвать не романомъ, а художественной автобіографіей. Въ ней разсказана выработка формально-дѣловой, житейски-практической стороны міросозерцанія Гончарова, тотъ внѣшній укладъ его, которымъ онъ былъ обращенъ, какъ чиновникъ, къ государству и въ частности къ людямъ, съ которыми онъ сталкивался въ повседневной жизни.

Эта сторона дѣловитой практичности, возведенной въ своего рода искусство, затронута и въ другихъ романахъ. Въ „Обрывѣ“ мы видѣли ее въ лицѣ Аянова. Въ „Обломовѣ“ ее олицетворяетъ заводчикъ Штольцъ, весьма напоминающій „тайнаго совѣтника и заводчика“ Петра Адуева,—и столь же любезный сердцу Гончарова,—красившаго сколько-нибудь свое купеческое происхожденіе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. И тотъ фактъ, что генералы обратились и къ практической дѣятельности въ области промышленности и торговли, игралъ въ глазахъ нашего писателя немаловажную роль; отъ этого, казалось, возвышалось самое званіе промышленника и купца, самое дѣло пріобрѣтало оттѣнокъ особой порядочности и благородства. Раньше, говоритъ онъ въ своей исповѣди, считалось чуть не униженіемъ отдаваться практическому дѣлу заводчика. „Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца—не было лестно“.

Еслибы Гончаровъ далъ себѣ трудъ провѣрить, сколько среди бюрократическихъ дѣльцовъ прошло на его глазахъ индивидуально честныхъ Адуевыхъ и гуманныхъ Штольцевъ, онъ увидѣлъ бы, что таковыхъ было весьма немного. Не ими гордится русское общество, останавливаясь мыслью на недавнемъ прошломъ, о которомъ могъ говорить Гончаровъ: въ его настоящихъ, передовыхъ и чернорабочихъ дѣятеляхъ за этотъ періодъ было немного истыхъ бюрократовъ, въ духѣ Петра Ивановича, а бюрократовъ-заводчиковъ и того меньше.

Но Гончаровъ не дѣлалъ попытокъ провѣрять жизненность своихъ типовъ, въ томъ значеніи, какое онъ придавалъ имъ, на примѣрахъ дѣйствительной жизни. И это, конечно, говорится не въ укоръ ему,—мы далеки отъ мысли предъявлять подобныя требованія къ художникамъ,—но когда послѣдніе, не довольствуясь созданіемъ образа, начинаютъ морализировать по поводу его,—

ихъ невольно хочется иной разъ перенести изъ мастерской, изъ мерцающихъ сумерекъ вдохновенія и гармоніи, въ обычную людскую толпу, съ шумомъ и гамомъ, заботами и смѣхомъ повседневной жизни, такъ, чтобы они на время забыли свою палитру и краски, смѣшались съ толпой и въ хаосѣ ея разнородныхъ стремленій утопили бы свои личные интересы, личныя радости и скорби.

Жизнь Гончарова рано приняла ровное и слишкомъ ужъ обособленное теченіе, чтобы явленія общественнаго массоваго характера могли захватить и увлечь его. Можетъ быть, это теченіе какъ нельзя болѣе подходило къ необходимѣйшимъ условіямъ его творческой дѣятельности, менѣе всего требовавшей толчковъ и побужденій извнѣ, изъ жизни, изъ самаго горнила ея, гдѣ кипятъ страсти и бьется въ противорѣчіяхъ мысль,—но оно, это спокойное теченіе, дѣлало его мало отзывчивымъ на всѣ вопросы и запросы окружающей среды, какъ только они выходили изъ круга идей извѣстнаго порядка, изъ рамокъ органически развившагося и ставшаго привычнымъ міросозерцанія.

Это характерное для Гончарова, привычное міросозерцаніе выражалось вполнѣ опредѣленнымъ отношеніемъ къ служебнымъ обязанностямъ. Здѣсь Гончаровъ былъ человѣкомъ внѣшняго долга, добросовѣстнымъ работникомъ, однако никогда не доводившимъ своей исполнительности до настоящей, сознательной любви къ службѣ. Но едва ли не съ бòльшей полнотой выражалось это міросозерцаніе въ томъ укладѣ и порядкѣ, который завелъ Гончаровъ у себя дома, куда уходилъ онъ и отъ назойливой суеты свѣтски-общественной жизни, и отъ „исполненія“ нужныхъ и ненужныхъ бумагъ.

Евг. Ляцкій.

ІЁРНЪ УЛЬ

ЭСКИЗЪ

— Jörn Uhl. Roman v. Gustav Frenssen. Berl. 902.

Окончаніе.

XVI *).

Это былъ счастливый годъ. Іёрнъ и Лена гордились другъ другомъ и своимъ исправнымъ хозяйствомъ, къ которому относились необыкновенно серьезно, какъ къ чему-то очень важному.

Старикъ Уль не былъ вполнѣ здоровъ, но вышелъ изъ своего полусоннаго состоянія и настолько поправился, что цѣлыми днями сидѣлъ въ креслѣ. Ѣда и трубка доставляли ему огромное наслажденіе. Теперь онъ владѣлъ языкомъ настолько, что окружающіе понимали его плаксивыя выкрикиванія. Ежедневно въ комнату къ старику являлся Іёрнъ. Шагая изъ угла въ уголъ и не глядя на отца, онъ разсказывалъ о томъ, что сдѣлано за день по хозяйству. Старикъ слушалъ и не произносилъ ни звука, но когда сына уже не было въ комнатѣ—принимался браниться и находить все неправильнымъ и глупымъ.

Въ хорошія минуты, когда старикъ бывалъ въ добромъ настроеніи, Витенъ заводила рѣчь о его покойной женѣ. Чаще всего вспоминала она то время, когда должна была родиться маленькая Эльзбе, „которая путается неизвѣстно гдѣ съ бездѣльникомъ Гарро Гейнзеномъ“...

---

*) См. выше: февр., 690 стр.

Иногда Витенъ принималась расхваливать Лену Тарнъ и трудолюбивую рабочую жизнь въ ихъ домѣ. Тогда старикъ затихалъ окончательно, сидѣлъ точно застывшій съ полузакрытыми глазами; его перекосившійся ротъ кривился еще больше обыкновеннаго и на лицѣ уже не было привычной, веселой и довольной улыбки.

Между тѣмъ Іёрнъ работалъ безъ устали съ утра до ночи, а самъ все думалъ о томъ, что рано или поздно, но ему все-таки придется продать хлѣбъ и скотъ, чтобы внести проценты къ десятому ноября. Онъ радовался и гордился, что ему, двадцатичетырехлѣтнему юношѣ, оказали довѣріе и поручено такое большое хозяйство. Радовался и гордился Іёрнъ также и своей цвѣтущей, всегда веселой и работящей женой. Онъ сознавалъ свое счастье, но это не давало ему полнаго наслажденія. Онъ упивался имъ, точно олень, преслѣдуемый охотниками и жадно припавшій къ ручью, но готовый вскочить и бѣжать дальше при первомъ звукѣ погони.

Молодая жена Іёрна не раздѣляла его душевной тревоги. Съ ранняго утра до поздней ночи была она въ постоянномъ и непрерывномъ движеніи. Руки ея были всегда заняты какой-нибудь работой. Она берегла каждую копѣйку. Тисъ подарилъ ей къ свадьбѣ нѣсколько метровъ шерстяной сѣрой матеріи, и она сама сшила себѣ изъ нея два совершенно гладкихъ и простыхъ платья, съ застежкой на узкомъ обшлагѣ. Такъ работала она, не зная усталости, вѣчно веселая и цвѣтущая, съ загорѣлыми по самый локоть руками, и сопровождала свою работу неумолкавшимъ пѣніемъ. Ея душу не омрачали тревоги и опасенія. Она была совсѣмъ другая, чѣмъ онъ, веселая и беззаботная, какъ птица, и въ этомъ, главнымъ образомъ, заключалась тайна ея обаянія для Іёрна.

Но какъ-то осенью она вдругъ подмѣтила, что его что-то тревожитъ. Онъ возвращался изъ деревни и остановился среди двора въ тяжеломъ раздумьѣ. Она увидѣла его изъ окна и вышла ему на встрѣчу.

— Тебя что-то мучитъ, Іёрнъ,—сказала она.—Присядь-ка здѣсь на скамейку со мной рядомъ.

— Не люблю я здѣсь сидѣть. Ужъ очень это торжественно выходитъ. Сидишь точно на выставкѣ. Смотрите, люди добрые, вотъ сидитъ крестьянинъ съ своей женой.

— Ну, и что же въ этомъ дурного? Ты крестьянинъ, а я—твоя жена.—Она положила локоть на круглый столъ, оперлась щекой на руку и нѣкоторое время, молча, съ раздумьемъ смо-

трѣла на него.—Жаль, что ты не женился на богатой, Іёрнъ. Жилось бы тебѣ тогда много легче, да и заботы бы не было. Вотъ что!

Онъ ничего не отвѣтилъ, и она продолжала уже болѣе тихимъ голосомъ:

— Я умѣю работать, умѣю и посмѣяться во-время. Меня бы хватило, еслибы дѣло шло только о хлѣбѣ насущномъ. Я съумѣю прокормить и обшить тебя и дѣтей. А только этого мало.

— Не печалься!—утѣшалъ онъ ее. — Ужъ какъ-нибудь, да я справлюсь съ процентами. Придется, пожалуй, продать двухлѣтокъ, да дѣлать нечего. А вотъ скажи-ка мнѣ, во что обойдется твоя болѣзнь?

— Ахъ, ты, бѣдняга, Іёрнъ Уль! Во что обойдется? спрашиваешь ты. Да не такъ, чтобы ужъ очень дорого. Я лягу въ комнатѣ Витенъ, а она четыре или пять деньковъ поухаживаетъ за двумя больными. Потомъ я встану и примусь опять за работу.

Онъ съ самаго дѣтства привыкъ не повѣрять никому своихъ тревогъ и огорченій. Сдѣлавшись взрослымъ, онъ походилъ на домъ, обнесенный высокой стѣной. Молодая жена смѣялась, пѣла, работала и любила; но со всѣмъ этимъ она осталась у дверей его души. Иногда она порывалась стучаться въ эти двери, но Іёрнъ не впускалъ ея. Она была такая милая, такая радостная и любящая. Ей незачѣмъ было заглядывать въ его темную, заботой омраченную душу.

Вечеромъ, когда они оставались наединѣ, она была для него радостью и утѣшеніемъ. Онъ крѣпко обнималъ ее, а она задавала все одинъ и тотъ же неизмѣнный вопросъ:

— Сегодня все было слава Богу. Да?

— Да.

— Я высушила все бѣлье. Ну, а ты?

— Высушилъ ли я бѣлье?

— Ну, не все ли равно: много ты наработалъ?

— Порядочно. Я вспахалъ цѣлый участокъ у ракитъ.

— Отлично. Ну, а знаешь ли ты, что меня огорчаетъ? Огорчаетъ меня то, что я не могу пѣть при людяхъ.

— Кажется, ты цѣлый день все что-то напѣваешь.

— Напѣваю, это вѣрно, но не пою. Хочешь, я спою сейчасъ?

— Спой, только ужъ не очень громко!

И она принималась пѣть въ полголоса новыя и старинныя на-

родныя пѣсни. Просунувъ голову ему подъ-руку, она смѣялась и говорила:

— Вотъ когда посмотрѣли бы на насъ добрые люди!

И, крѣпко прижавшись къ нему, она болтала и разсказывала ему обо всемъ, что приходило ей въ голову.

Однажды она цѣлое утро хлопотала по обыкновенію по дому, заботилась о всѣхъ домашнихъ и поила молокомъ только-что родившагося теленка. У нея была совершенно исключительная любовь и способность ухаживать за новорожденными. Потомъ ее охватило безпокойство, и она уже дрожащими руками поставила воду на огонь. Она пошла къ Витенъ и сказала ей:

— Краснуха отелилась красивымъ теленкомъ, а теперь очередь, кажется, за мной...

Она хотѣла разсмѣяться, но не могла. Витенъ крѣпко обхватила рукой молодую женщину.

— Ты черезчуръ храбришься, — сказала она.— Пойдемъ, я уложу тебя. Пришелъ твой часъ.

Она родила маленькаго, но крѣпкаго мальчика. Несмотря на то, что при рожденіи его въ полной силѣ исполнились слова: „въ мукахъ будешь родить дѣтей“, и несмотря на то, что, къ своему большому удивленію, она чувствовала себя слабой и утомленной, уже на другой день утромъ она напѣвала мальчику первую колыбельную пѣсню. Не обращая вниманія на всѣ увѣщанія Витенъ и ея настойчивыя требованія, чтобы Іёрнъ произнесъ рѣшающее запретное слово, Лена на шестой день встала съ постели. Она принялась за свои обычныя хлопоты, возилась съ ребенкомъ и сама ходила въ кухню за водой для купанья. Все это она дѣлала, тихонько напѣвая, и была счастлива и горда, какъ настоящая королева. А Іёрнъ Уль не мѣшалъ ей ни въ чемъ. Онъ гордился, что у него такая здоровая и крѣпкая жена, что „она не нѣженка, какъ нѣкоторыя другія“. Онъ былъ еще очень молодъ и глупъ, этотъ Іёрнъ Уль.

Вѣроятно, что, выходя въ кухню, Лена простудилась. Дѣло было въ мартѣ; дулъ сырой, холодный вѣтеръ. Она слегла и ночью стала бредить. За всю свою жизнь она никого не обидѣла и была ласкова со всѣми, но теперь въ бреду она почему-то умоляла всѣхъ простить ее. И точно услышавъ призывъ ея тоскующей смятенной души, явились вѣрные друзья. Въ дверяхъ появился Тисъ Тиссенъ съ обвѣтреннымъ, сморщеннымъ лицомъ. Онъ сказалъ, что Лизбета уговорила его уѣхать вмѣстѣ съ нею

изъ Гамбурга и провести въ Геезэ первые солнечные дни. Онъ подошелъ къ кровати, но сію же минуту, дрожа всѣмъ тѣломъ, отступилъ назадъ. Потомъ ушелъ въ сѣни и сталъ тамъ ходить взадъ и впередъ, ломая руки и покачивая головой.

На утро пришла Лизбета. Она подошла къ Іерну, безпомощно стоявшему у постели больной, взглянула на него съ состраданіемъ и протянула ему руку.

— Лена,—обратился онъ къ больной: — вотъ пришла Лизбета, съ которой мы играли дѣтьми. Помнишь, я тебѣ разсказывалъ?

Но Лена Тарнъ осталась безучастной по прежнему. Витенъ поднесла къ ней мальчика. Она посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, но не произнесла ни звука. Это было послѣднее свиданіе матери съ ребенкомъ. Къ вечеру лихорадка усилилась. Лена заметалась на постели. Въ комнатѣ засуетились и побѣжали за чѣмъ-то въ кухню. Лизбета Юнкеръ стояла у окна и смотрѣла въ темноту отяжелѣвшими отъ слезъ глазами. Тисъ Тиссенъ не выходилъ изъ кухни. Онъ стоялъ у очага и шевелилъ щипцами тлѣющій торфъ. Въ третій разъ пріѣхалъ докторъ и уѣхалъ съ озабоченнымъ и печальнымъ лицомъ. Приходилъ пасторъ. Онъ что-то говорилъ Іерну, но съ такимъ же успѣхомъ онъ могъ поговорить съ однимъ изъ дубовыхъ бревенъ въ сѣняхъ. Томительная ночь тянулась безъ конца.

Къ утру Лена затихла. Она была страшно блѣдна и говорила съ трудомъ.

— Скажите отцу, что я любила его!—прошептала она.

Іернъ Уль подавилъ рыданіе.

— Бѣдняжка моя, ты не слышала отъ него ни единаго ласковаго слова.

Она пыталась улыбнуться.

— И ничего ты не имѣла отъ жизни, кромѣ труда и заботы,—прибавилъ Іернъ.

Тогда отяжелѣвшимъ языкомъ она попробовала сказать ему, что была очень счастлива. Онъ наклонился къ ней. Она погладила его руку. Объ остальныхъ она уже больше не заботилась, даже и о ребенкѣ забыла.

Послѣ полудня жаръ опять усилился, и когда Іернъ разсказалъ ей, что купили двухъ новыхъ коровъ, она попросила, чтобы къ ней привели животныхъ. Ей хотѣлось утѣшить Іерна, показать, что она еще интересуется окружающимъ, но лихорадка затуманила голову и лишила ее способности выбрать болѣе подходящее желаніе.

Тогда скотница и работникъ привычной твердой рукой провели по комнатѣ двухъ тяжело ступавшихъ коровъ. Она смотрѣла и слабо улыбалась.

Лихорадка все усиливалась. Къ ночи Лена совсѣмъ обезсилѣла. Пріѣхалъ докторъ. Ледяной вѣтеръ задувалъ фонари въ его экипажѣ. Взглянувъ на больную, онъ отозвалъ въ сторону Іёрна и сказалъ, что больше нѣтъ никакой надежды и что нужно торопиться, если...

Іёрнъ опять подошелъ къ кровати, у которой простоялъ шестнадцать долгихъ часовъ.

Да, конечно, ему нужно было торопиться!

И, склонившись къ умирающей, онъ неумѣлыми словами сказалъ, какъ сильно любилъ ее.

Она сдѣлала усиліе, чтобы взглянуть на него. Это былъ долгій изумленный взглядъ. Первый разъ удалось ей заглянуть ему въ душу. Но вѣки ея уже отяжелѣли...

Когда по деревнѣ разнеслась вѣсть о смерти жены Іёрна, всѣ женщины пришли въ смятеніе и забѣгали изъ дома въ домъ, оплакивая покойницу. Молодую женщину очень любили, и всѣ до единаго человѣка искренно жалѣли ее.

Лену Тарнъ похоронили. Іёрнъ Уль, вернувшись съ кладбища, долго простоялъ въ сѣняхъ, прислушиваясь по привычкѣ, не донесется ли до него откуда-нибудь тихое пѣніе или легкіе шаги жены. Но услышалъ онъ только одинъ дѣтскій жалобный плачъ. Онъ прошелъ въ комнату. У печки, съ потухшей трубкой въ рукахъ, сидѣлъ старикъ и видимо сердился, что на него не обращаютъ вниманія. Витенъ стояла у кровати, наклонившись надъ ребенкомъ. Кругомъ былъ неуютный безпорядокъ.

XVII.

Стоялъ пасмурный ноябрь. Цѣлыми днями, не затихая, дулъ сырой восточный вѣтеръ, и тополи качались и шумѣли, точно волны въ бурю. Въ эту пору вернулись изъ Гамбурга старшіе братья.

Они сдѣлали видъ, что имъ захотѣлось взглянуть на больного отца и посмотрѣть, какъ идетъ хозяйство. Но старикъ, когда они вошли къ нему, отвернулся къ стѣнкѣ. Сыновья вышли изъ комнаты, и съ этой минуты точно забыли о немъ. Они разгуливали по дому и по двору, всюду заглядывали и во все вмѣшивались. Ко всему рѣшительно относились они отрицательно и

очень много и очень громко распространялись о товариществѣ торговли сѣномъ и соломой. Вечеромъ въ день пріѣзда они отправились въ трактиръ, призанявъ на всякій случай у Іёрна двадцать марокъ.

Въ эту ночь Іёрнъ не сомкнулъ глазъ. Онъ лежалъ на спинѣ и думалъ. Онъ былъ увѣренъ, что у братьевъ не было ни гроша за душой и что они явились требовать отъ него денегъ. Онъ вспомнилъ, въ какомъ плачевномъ состояніи было ихъ платье, и весь вспыхнулъ при мысли, что дѣти Уля сидятъ въ такомъ неприглядномъ видѣ на глазахъ у всей деревни.

На другой день утромъ братья небрежно и точно мимоходомъ сказали Іёрну:

— Послушай-ка, намъ хочется достать деньжонокъ у Фрица Роппа; нужно только, чтобы ты подписалъ вексель.

— Такъ... такъ...—произнесъ Іёрнъ Уль.—Конечно, я могу это сдѣлать, только самъ-то я въ такомъ положеніи, что, какъ поручитель, не стою ровно ничего.

— Да вѣдь это только простая формальность, — возразилъ Гинрихъ и сказалъ это такимъ тономъ, что младшій братъ уже не нашелся, что отвѣтить ему.

Послѣ обѣда все дѣло было улажено. Въ тотъ же вечеръ Гансъ уѣхалъ, чтобы полученными деньгами уплатить по фальшивому векселю, который грозили подать ко взысканію. Гинрихъ остался. Онъ жаловался на ревматизмъ въ ногѣ и надѣялся, что родной воздухъ, пропитанный теплой сыростью, принесетъ ему облегченіе. Большую часть времени проводилъ онъ въ трактирѣ и, пользуясь именемъ брата, пріобрѣлъ себѣ въ долгъ новое платье.

Приближалось Рождество. Какъ-то разъ, вечеромъ, когда Іёрнъ сумерничалъ у себя въ комнатѣ, пришелъ Гинрихъ и попросилъ дать ему десять марокъ. Іёрнъ спокойно отвѣтилъ, что не дастъ ровно ничего. Тогда глаза Гинриха засверкали, и онъ объявилъ, что во всякомъ случаѣ деньги у него будутъ, такъ какъ онъ уже занялъ у Роппа на имя брата триста марокъ. Іёрнъ все-таки не потерялъ самообладанія,—только голосъ у него замѣтно дрожалъ, когда онъ повторилъ Гинриху, что не дастъ ему никогда ни гроша, и что деньги нужны брату только затѣмъ, чтобы срамить по трактирамъ семью. Тогда Гинрихъ сдѣлался весь багровый и съ крикомъ хотѣлъ ударить брата. Іёрнъ, не помня себя, бросился на пьяницу, схватилъ его за шиворотъ и вытолкнулъ за дверь.

Съ этого дня хромой Гинрихъ засѣлъ дома. Въ трактиръ

онъ не ходилъ, но пьянствовалъ больше прежняго, посылая за виномъ работницъ или проходившихъ мимо дома дѣтей.

Іёрнъ переносилъ все это молча, съ мрачнымъ лицомъ и видимо сдерживаясь изо всѣхъ силъ.

— Не спускай Гинриха съ глазъ, Іёрнъ! — говорилъ ему старикъ Дрейеръ.—Ужъ прижметъ тебя Фрицъ Роппъ за долги брата. Они задумали споить его окончательно.

Однажды, когда пьяница собрался выйти изъ дома, Іёрнъ загородилъ ему дорогу и сказалъ кротко и твердо:—Ты останешься здѣсь.

Но когда пришла весна, Гинрихъ убѣжалъ изъ дома и бродяжничалъ въ окрестностяхъ, работая изъ-за выпивки и понося всячески отца и брата. Случалось даже, что, проходя со своими собутыльниками мимо отцовскаго дома, онъ громко выкрикивалъ проклятія и неистовую брань.

Въ одинъ изъ весеннихъ дней старый Уль всталъ съ своего кресла, опираясь на палку, съ трудомъ волоча ноги, добрался до стѣнки и прислонился къ ней. Такъ простоялъ онъ нѣкоторое время, глядя черезъ окно на убѣгавшую вдаль дорогу. Потомъ, тяжело и медленно ступая, вышелъ изъ комнаты и сталъ бродить около дома, поглядывая на дорогу, не идетъ ли кто, кому онъ могъ бы пожаловаться на свою горькую судьбу. И вотъ случилось, что старикъ, съ непокрытой головой и всклокоченными сѣдыми волосами, стоялъ у своего дома какъ разъ въ ту пору, когда по дорогѣ проходилъ хромой Гинрихъ. Отецъ и сынъ, завидѣвъ другъ друга, оба разразились ужаснѣйшей бранью. Іёрнъ, бывшій въ это время неподалеку, весь вспыхнулъ отъ стыда передъ работникомъ, шедшимъ ему на встрѣчу. Не помня себя отъ гнѣва, онъ швырнулъ вилами въ стѣну съ такой силой, что расщепилась рукоятка. Въ этомъ году подобныя вспышки съ нимъ случались довольно часто. Вообще, за послѣднее время онъ сталъ придирчивымъ, сумрачнымъ и грубымъ.

Старая дѣвушка, съ порѣдѣвшими и посѣдѣвшими волосами, все съ той же преданностью, но уже не съ прежнимъ успѣхомъ и рвеніемъ, вела все сложное домашнее хозяйство. Цѣлыми днями шила она и штопала для всѣхъ троихъ: для старика, для Іерна и ребенка.

Вернувшись въ комнату послѣ безцѣльныхъ и долгихъ скитаній вокругъ дома, старикъ тяжело опускался въ кресло и отрывистымъ, сердитымъ тономъ говорилъ Витенъ:—Ну, теперь раз-

сказывай!—И Витенъ послушно принималась за свои мрачные разсказы изъ народныхъ преданій. По вечерамъ она надѣвала очки и бралась за библію. Она выбирала преимущественно отрывки изъ Ветхаго Завѣта. Ее привлекали странныя чудеса, дикіе подвиги и грозныя слова. За всю жизнь не могла она выработать въ себѣ правильнаго отношенія къ Новому Завѣту. Отъ природы въ ней было много радости и стремленія къ свѣту. Она была нѣжнымъ и привязчивымъ ребенкомъ, когда судьба столкнула ее съ Анной Стуръ и ея дѣтьми. Но ужасныя событія, оборвавшія этотъ счастливый періодъ ея жизни, одинокіе подневольные годы и несчастія, разразившіяся надъ Улями, все это вмѣстѣ загнало изъ свѣта во тьму ея мятежную душу. Теперь не въ ясныхъ и зеленѣющихъ лѣсныхъ просѣкахъ видѣла она отраженіе жизни и всего міра, а въ сѣровато-черномъ сумракѣ, притаившемся подъ старыми, высокими, развѣсистыми соснами.

Всѣ мысли молодого, но вѣчно озабоченнаго и сумрачнаго хозяина Уля сосредоточивались на его собственномъ дворѣ и не шли дальше принадлежащихъ ему полей. Когда же порой онѣ и выходили изъ этихъ положенныхъ имъ границъ, то летѣли къ тремъ, совершенно опредѣленнымъ пунктамъ: къ могилѣ Лены Тарнъ, къ причетнику, собирающему недоимки, и къ великолѣпному новому дому Вейскопфа недалеко отъ церкви въ Шенефельдѣ. И еслибы вдругъ въ это время сказали Іёрну: „родина въ опасности, ты обязанъ помочь ей“, — онъ навѣрное отвѣтилъ бы: „Родина? Но развѣ вы не знаете, что руки и мысли мои связаны? Хозяйство въ долгахъ, отецъ боленъ, братъ бездѣльничаетъ, а Лена Тарнъ въ могилѣ. Родина“?!

Чтобы не нанимать плотниковъ, онъ производилъ собственноручно всѣ необходимыя въ домѣ починки. Съ ведеркомъ извести онъ обходилъ стѣны, подправляя вывалившіеся камни. Онъ стыдился своихъ рабочихъ, но ему не было выбора: каждую минуту могъ явиться Вейскопфъ и выгнать его изъ дома на томъ основаніи, что Іёрнъ мало заботится о немъ.

Между тѣмъ подросталъ ребенокъ, предоставленный самому себѣ. Окруженный молчаливыми людьми, онъ съ любопытствомъ присматривался къ окружающему и самъ постепенно становился похожимъ на маленькаго старичка.

Каждый годъ изъ Гамбурга пріѣзжала Лизбета Юнкеръ. Она останавливалась въ школьномъ домѣ и иногда заходила къ Улямъ, „чтобы повидать маленькаго Юргена“. Ея глаза и волосы сіяли по прежнему, и по прежнему было что-то нетронутое и свѣжее въ ея цвѣтущей, гордой красотѣ. Усадивъ маленькаго Юргена

къ себѣ на колѣни и, немного смущаясь, она разсказывала ему о своей жизни въ городѣ. Она жила по прежнему у тетки и жилось ей, какъ она говорила, не дурно. Торговля ихъ шла довольно хорошо. Ихъ магазинчикъ помѣщался около гимназіи и народной школы, и въ покупателяхъ, большихъ и маленькихъ, недостатка не было. Іёрнъ смотрѣлъ почти съ благоговѣніемъ на ея изящную, гордую красоту и думалъ: „Сидитъ точно принцесса. И какое ей можетъ быть дѣло до твоего горя“? Она пробовала разъ заговорить съ нимъ о прошломъ, но это ей не удалось. Между нимъ и этимъ прошлымъ стояла высокая, угрюмая стѣна. Слишкомъ придавленъ и озабоченъ онъ былъ, чтобы понять трепетъ ея руки и разгадать тоску, появившуюся въ ея глазахъ въ ту минуту, когда она прощалась съ нимъ. Она зашла къ нимъ еще разъ, но онъ былъ еще молчаливѣе. И когда она шла назадъ въ школьный домъ, щеки ея горѣли отъ невыносимаго, жгучаго стыда. Въ тотъ же вечеръ она уѣхала въ Гамбургъ.

Однажды, когда мальчику было уже около четырехъ лѣтъ, онъ какъ-то вернулся домой, ведя за руку молодого, бѣлокураго человѣка, и объявилъ: —Папа, это пасторъ!

Прежній пасторъ, человѣкъ, преисполненный сознанія своего достоинства, громко и увѣренно проповѣдывавшій истинную вѣру, получилъ каѳедру въ одномъ изъ большихъ городовъ. Новый пасторъ, уже полгода какъ явившійся на смѣну стараго, былъ еще очень молодъ, и поэтому преисполненъ самыми радужными надеждами. Онъ хотѣлъ заботой и собственнымъ примѣромъ достигнуть того, чтобы окружающіе его люди жили по евангельскимъ завѣтамъ.

Пасторъ, поговоривъ о какихъ-то незначительныхъ вещахъ, перешелъ, наконецъ, къ настоящей цѣли своего прихода.

— Въ воскресенье,—сказалъ онъ,—мы собираемся поставить въ церкви доску съ именами павшихъ въ бою. Вотъ я и пришелъ просить васъ присутствовать на торжествѣ. Знаю, что вы не охотникъ ходить въ церковь, но все-таки надѣюсь, что вы придете.

Опустивъ глаза въ землю, Іёрнъ отвѣтилъ:

— Г-нъ пасторъ, я не въ такомъ настроеніи, чтобы ходить на празднества.

Сказалъ онъ это просто и безъ всякой непріязни.

— Да, я вполнѣ васъ понимаю, — участливо взглянувъ на него, согласился пасторъ: — но вѣдь мы не собираемся танцовать. Въ такомъ случаѣ, я и не приглашалъ бы васъ. Это будетъ праздникъ мертвыхъ.

Тогда въ глазахъ Іёрна появилось уже совсѣмъ дружелюбное выраженіе.

— О, я, право же, не могу придти! — сказалъ онъ:—это выше моихъ силъ; но мысленно я буду съ вами въ церкви. Всѣ четверо, записанные на доску, были славные ребята, и мнѣ случилось быть при послѣднихъ минутахъ Геерта Дозе. Потомъ какъ-нибудь я зайду посмотрѣть на доску.

— Буду очень радъ, — проговорилъ пасторъ. Они пожали другъ другу руки и разстались.

Въ воскресенье вечеромъ Іёрнъ взялъ за руку сына и пошелъ съ нимъ черезъ поля по тропинкѣ въ церковь. Никѣмъ не замѣченный, вошелъ онъ въ нее и въ сумеркахъ разсмотрѣлъ на стѣнѣ бѣлую мраморную доску въ дубовой рамѣ, украшенную вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ. Онъ разобралъ написанныя на ней имена, прочелъ и надпись подъ ними: „Они умерли за родину“. Іёрнъ кивнулъ головой. Ему понравилась и простая доска, и эта краткая надпись.

Въ эту минуту онъ услыхалъ за собой чьи-то шаги. Онъ оглянулся. За нимъ стоялъ пасторъ.

— Ну, что, какъ вамъ понравилась доска?—спросилъ онъ.

— Очень хорошая надпись,—отвѣтилъ Іёрнъ.

— А между тѣмъ, очень многіе въ нашемъ приходѣ недовольны и предпочли бы ей другія, болѣе торжественныя слова. Я же нахожу, что нельзя ничего придумать болѣе яснаго и простого. Пускай каждый дѣлаетъ именно то, что сдѣлали эти четверо. Въ нѣсколько дней перестрадали они цѣлые годы и въ короткій срокъ исполнили все свое дѣло. Ваша молодая жена, Іёрнъ, тоже въ немного дней исполнила свое дѣло: она отдала свою жизнь за васъ и за ребенка. Есть люди, которые выполняютъ положенное имъ дѣло въ долгіе годы. Они тоже отдаютъ свою жизнь за дѣтей, за идею или вообще за что-нибудь высшее, что влечетъ душу человѣка на добровольное страданіе. Въ этомъ— весь смыслъ настоящаго христіанства.

— Да, это понятно мнѣ,—сказалъ Іёрнъ.—Все это вполнѣ ясно и благородно.

И, поговоривъ еще немного, они разстались подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ и съ хорошимъ мнѣніемъ другъ о другѣ. Пасторъ отправился въ деревню проводить свои взгляды въ среду грубыхъ людей, съ тѣмъ же успѣхомъ, какого достигаетъ собака, лающая на проѣзжающую телѣгу. Іёрнъ Уль вернулся домой, и ему пришлось пережить одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ своей жизни.

Когда Іёрнъ отправился въ церковь, на дворъ явился его братъ. Цѣлую недѣлю передъ этимъ онъ пилъ безъ просыпа и безобразничалъ въ трактирѣ. Узнавъ отъ одного изъ рабочихъ, что хозяина нѣтъ дома, онъ обрадовался, что, наконецъ, представился ему удобный случай высказать на свободѣ всю свою ненависть и накопившееся раздраженіе. И вотъ, съ неистовой бранью и проклятіями пошелъ онъ въ комнату больного отца. Старикъ собирался ложиться спать и былъ уже въ постели. Увидѣвъ вошедшаго сына, онъ съ испугомъ приподнялся и спросилъ, что̀ ему нужно.

— Убирайся вонъ, бездѣльникъ!—прибавилъ онъ заплетающимся языкомъ.

— Я пришелъ сказать тебѣ,—крикнулъ ему сынъ,—что это ты ловко придумалъ. Когда ты разорился самъ и разорилъ насъ всѣхъ, ты догадался сойти съ ума, чтобы не быть въ отвѣтѣ.

И, вытащивъ изъ кармана бутылку съ виномъ, онъ наставилъ ея горлышко себѣ въ ротъ.

— Долженъ я еще сказать тебѣ, что и мнѣ надоѣло быть тѣмъ, что̀ я есть. Я тоже рѣшилъ перемѣнить кожу. Вотъ что̀!

И, стащивъ съ себя истрепанный сюртукъ, онъ швырнулъ его на кровать больного. Потомъ, спотыкаясь, вышелъ въ сѣни. Тамъ было совсѣмъ темно.

Когда Іёрнъ вернулся домой, онъ засталъ отца уже спящимъ. Витенъ не было въ комнатѣ. Іёрнъ вышелъ въ сѣни. Здѣсь, у лѣстницы, на глиняномъ полу, лежалъ Гинрихъ Уль, а около него стояли Витенъ и старый работникъ.

— Я видѣла, какъ онъ вошелъ въ домъ, но сразу не могла отыскать его. Потомъ уже нашла его здѣсь,—сказала Витенъ.

Работникъ ушелъ, и съ Іёрномъ осталась одна Витенъ. Тогда только вышелъ онъ изъ оцѣпенѣнія, тяжело прислонился къ лѣстницѣ и закрылъ лицо руками.

— Ахъ, не плачь такъ, Іёрнъ! Не плачь такъ, мой милый!—сказала Витенъ.

Пришелъ судья, потомъ явился волостной старшина. Когда старшина спросилъ Іёрна насчетъ гроба, то онъ отвѣтилъ:

— Мнѣ какое дѣло?

— Но вѣдь нельзя же похоронить его, какъ нищаго, на общественный счетъ?

Іёрнъ Уль гордо взглянулъ на говорившаго.

— А почему и нѣтъ? Кто здѣсь обязанъ заботиться о томъ, чтобы люди не спивались и не обращались въ свиней? Я или

общество? Ну, такъ пускай общество и хоронитъ свиней, которыхъ само выростило!

Въ тотъ же вечеръ принесли гробъ для бѣдныхъ и поставили его рядомъ съ хлѣвомъ, въ каморкѣ, гдѣ прежде складывали солому.

Іёрнъ Уль и столяръ Финке уложили покойника въ гробъ.

— Гроба для бѣдныхъ дѣлаются заранѣе, такъ, на всякій случай,—замѣтилъ столяръ.—Покойникъ слишкомъ длиненъ. Вѣдь на войнѣ, помнится мнѣ, онъ служилъ въ гренадерахъ.

— Ну, ничего. Сойдетъ и такъ!

Пришла Витенъ. Въ одной рукѣ у нея была пустая бутылка, а въ другой—веревка. Обѣ вещи она положила въ гробъ и сказала:

— Отъ Бога-то нечего скрываться! Пускай сразу будетъ видно, что̀ его погубило въ жизни и какой смертью онъ умеръ!

Сіяло солнце. Дулъ вѣтеръ. Маленькій мальчикъ бѣгалъ по двору и высоко поднималъ надъ головой руки, точно собирался улетѣть.

Но въ домѣ Улей была смерть.

XVIII.

Когда въ домѣ появляется смерть, то обыкновенно все хозяйство приходитъ въ упадокъ, а люди пріобрѣтаютъ неряшливый и неопрятный видъ.

Не такъ было въ Улѣ.

Витенъ ходила, какъ всегда, гладко причесанная, въ чистомъ платьѣ; мальчикъ былъ тоже чисто одѣтъ, и отецъ его одѣвался просто, но опрятно, какъ всегда.

И внутренняя жизнь обитателей Уля шла впередъ. Этому способствовала память о доброй и милой Ленѣ Тарнъ и живая работа серьезной и тихой Витенъ Пеннъ.

Молодой вдовецъ избѣжалъ опасности стать мрачнымъ и нелюдимымъ, благодаря своей любви къ жизненному труду и страсти къ пріобрѣтенію новыхъ знаній. Въ садовой бесѣдкѣ, гдѣ прежде его отецъ и братья устроивали кутежи и попойки, просиживалъ теперь Іёрнъ Уль далеко за полночь, то читая какую-нибудь серьезную книгу, то разсматривая и чертя карты. И когда ему

удавалось схватить какую-нибудь новую мысль или овладѣть какимъ-нибудь труднымъ положеніемъ, его хмурое лицо прояснялось и онъ съ восторгомъ громко хлопалъ себя по колѣну. Ему казалось въ эти минуты, что онъ съ пыльнаго, заросшаго сорными травами поля вскакивалъ на высокую стѣну, гдѣ его обвѣвалъ свободный вѣтеръ.

И люди не оставили его безъ помощи.

Какъ-разъ въ это время приходское управленіе рѣшило заняться осушеніемъ всего округа и обратилось за совѣтомъ къ молчаливому, начитанному и обстоятельному обитателю Уля. Цѣлую недѣлю Іёрнъ высчитывалъ, чертилъ, соображалъ, и, наконецъ, объявилъ управленію, что готовъ взять на себя веденіе всей работы, а они должны только наблюдать и выдавать ему, къ концу года, плату за уже исполненную работу. Предложеніе его подвергли всестороннему, оживленному обсужденію, и, наконецъ, оно было принято огромнымъ большинствомъ голосовъ. Въ теченіе пяти лѣтъ исполнялъ онъ эту сложную и трудную работу, и она принесла ему очень много пользы. Во-первыхъ, матеріальную выгоду, въ чемъ онъ очень нуждался; во-вторыхъ, работа отвлекала его отъ мрачныхъ мыслей; въ-третьихъ, благодаря ей, онъ заинтересовался и близко ознакомился съ ботаникой и минералогіей. Профессоръ, которому онъ посылалъ въ городъ свои препараты и коллекціи, оставался ими всегда очень доволенъ.

Для осмотровъ и изслѣдованій Іёрну приходилось очень много ходить пѣшкомъ по всей мѣстности, и обыкновенно въ этихъ экскурсіяхъ его сопровождалъ его маленькій сынъ. Онъ бѣжалъ, подпрыгивая, рядомъ съ отцомъ и задавалъ ему безконечные и самые разнообразные вопросы. Но общество всегда серьезнаго отца не вполнѣ удовлетворяло его, и однажды онъ привелъ себѣ изъ деревни товарища-мальчишку. Новая дружба повліяла на него благотворно, и въ его манерахъ и рѣчи появилось больше веселости и ребячливости. Онъ былъ высокъ и строенъ, какъ отецъ и мать, но глаза его были совсѣмъ материнскіе, а когда онъ, играя во дворѣ, весело и звонко смѣялся, то въ дверяхъ появлялась фигура отца. Іёрнъ Уль стоялъ подолгу молча и глядѣлъ на ребенка потеряннымъ взглядомъ.

Люди не оставили его безъ помощи.

Разъ, вечеромъ, Іёрнъ рѣшился и пошелъ въ пасторатъ. Онъ засталъ всю семью за столомъ. На одномъ концѣ сидѣлъ самъ пасторъ и читалъ. Противъ него сидѣла его жена, красивая, нѣжная женщина, и тоже читала. Сбоку сидѣла ея помощница,

дочь учителя, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, тоже съ книгой въ рукахъ, а противъ нея помѣщался старикъ, отецъ пастора, много пережившій и перевидавшій на своемъ вѣку. Онъ часто говорилъ:

— Мнѣ книгъ не нужно, моя жизнь—это цѣлая книга.

Онъ сидѣлъ, курилъ трубку и разсказывалъ, но его никто не слушалъ, и только когда онъ начиналъ что-нибудь новое и интересное, то одинъ изъ членовъ семьи поднималъ голову отъ книги и произносилъ:

— Какъ, ты говоришь, это было, отецъ?

Въ углу, за книжкой, сидѣлъ еще десятилѣтній мальчикъ, пріемный сынъ пастора и его жены. Своихъ дѣтей у нихъ не было.

Молодая дѣвушка встала, уступила свое мѣсто Іёрну, и сама пошла играть съ мальчикомъ, причемъ оба усердно запускали руки въ бумажный мѣшокъ съ изюмомъ, случайно забытый на диванѣ.

Сначала бесѣда шла довольно вяло, потому что пасторъ думалъ, что Іёрнъ пришелъ по дѣлу, и ждалъ, что̀ онъ скажетъ, но вскорѣ выяснилось, что Уль пришелъ просто, чтобы уютно посидѣть вечеркомъ. Стали говорить о событіяхъ повседневной жизни, а потомъ разговоръ незамѣтно перешелъ къ небеснымъ сферамъ. Вскорѣ Іёрнъ Уль, держа карандашъ, какъ вилы, уже чертилъ карту на листѣ бумаги и путешествовалъ со всею семьей пастора по Млечному Пути.

Всѣ вздохнули съ невольнымъ облегченіемъ, когда, послѣ этой непривычной прогулки, двери за Іёрномъ захлопнулись.

— Ну, что̀,—спросилъ пасторъ:—правъ я былъ, утверждая, что онъ—умный и интересный человѣкъ?

И пасторша отвѣчала:

— Да, на этотъ разъ ты правъ: все это было очень хорошо.

Черезъ двѣ недѣли Іёрнъ пришелъ опять и сталъ приходить два раза въ мѣсяцъ. Когда разговоръ истощался, то они брали книгу и принимались за чтеніе. Первоначальный выборъ пастора оказался неудачнымъ: сначала онъ прочелъ „Фауста“, а потомъ—„Рейнеке-Лиса“. Когда онъ пожелалъ узнать мнѣніе своего гостя о прочитанномъ, то Іёрнъ покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, господинъ пасторъ, всѣмъ этимъ еще въ дѣтствѣ пичкала меня моя старушка, Витенъ Пеннъ, но я и тогда не имѣлъ особаго пристрастія къ подобнымъ разсказамъ, и когда немного подросъ, сталъ увлекаться сочиненіемъ Литтрова: „Чудеса неба“. Только мало у меня было времени для чтенія.

Тогда пасторъ попробовалъ читать описанія путешествій и повѣсти реальнаго направленія—и дѣло пошло на ладъ. Какъ-то разъ, когда съ перваго чтенія прошло три года, пасторъ объявилъ:

— Въ насъ обоихъ, Уль, течетъ фрисландская кровь, и мы должны постичь всю міровую премудрость. Соберемся-ка съ духомъ и приступимъ къ одной толстой и трудной книгѣ. Ее написалъ одинъ крестьянинъ изъ Лангенгорна, сдѣлавшійся теперь знаменитымъ профессоромъ.

И они стали читать. И, временами, взглядывали другъ на друга, чувствуя, что лица у нихъ дѣлаются самыя дурацкія. И, временами, чувствовалось, что молодой крестьянинъ больше понимаетъ, чѣмъ пасторъ. Пастору не суждено было сдѣлаться философомъ.

Такимъ образомъ, люди и звѣзды помогли Іѣрну пережить самые печальные и одинокіе годы его жизни.

Іёрнъ рѣшился сдѣлать пробу—и засѣялъ большую и лучшую часть своей земли пшеницей. Въ случаѣ урожая, онъ получилъ бы возможность расплатиться съ долгами. Всходы были очень хороши; всѣ возлагали на пшеницу большія надежды, но въ одинъ прекрасный день все рушилось.

Какъ-то разъ, въ концѣ іюля, Іёрнъ встрѣтилъ стараго Дрейера. Старикъ остановился и, тяжело опершись на палку, произнесъ:

— Послушай, Іёрнъ, ты уже видѣлъ, что въ пшеницѣ появились мыши?

— Нѣтъ, я былъ тамъ третьяго дня—и ни единой не видалъ.

— Третьяго дня ихъ было мало, вчера—много, а сегодня—многое множество. Боюсь я за пшеницу, Іёрнъ!

Іёрнъ побѣжалъ на свое поле и остановился, пристально вглядываясь въ море колосьевъ. Вдругъ ему показалось, что въ одномъ мѣстѣ одинъ колосъ исчезъ, потомъ—въ другомъ, еще дальше, вонъ тамъ... а теперь—совсѣмъ близко. Онъ протеръ себѣ глаза, думая, что ему мерещится, но вдругъ увидалъ недалеко отъ себя мышь. Она встала на заднія лапки и скусила колосъ, потомъ—другой. Стебель скользнулъ внизъ и склонился, поддерживаемый сосѣднимъ стеблемъ. Это была тонкая и ловкая работа.

„Это конецъ наступаетъ",—подумалъ Іёрнъ.

Онъ круто повернулся и пошелъ домой.

„Хоть бы отецъ не дожилъ до этого!—думалъ онъ.—Какъ же это его потащатъ на креслѣ изъ дома“!

Онъ вошелъ въ комнату отца и спросилъ Витенъ, какъ чувствуетъ себя больной.

— Ничего, какъ всегда, только не хочетъ вставать. Ему кажется, что онъ всего безопаснѣе въ постели.

— Безопаснѣе въ постели! Ахъ, Витенъ! Знаешь, вѣдь въ пшеницѣ мыши появились! Такія мыши, какихъ никто не запомнитъ. Онѣ—повсюду, такъ и кишатъ. Конецъ нашъ пришелъ, Витенъ!..

— Іёрнъ! — произнесла она. — Ахъ, Боже мой! не говори такъ, Іёрнъ!—Она покачала головой и вышла изъ комнаты.

„Бѣдная Витенъ!—подумалъ Іёрнъ:—всю-то жизнь ничего она не знаетъ, кромѣ горя и заботы... Надо придумать что-нибудь! Вѣдь въ каждую секунду падаетъ десять колосьевъ. Съ каждой минутой мы становимся бѣднѣе... Но умомъ здѣсь не поможешь. Помочь можетъ только чудо.

И онъ шелъ опять на поле. Тамъ ему встрѣчался крестьянинъ, тоже засѣявшій свое поле пшеницей и тоже запутавшійся въ долгахъ. За нѣсколько дней изъ молодого человѣка онъ превратился въ старика. У него было пять человѣкъ дѣтей.

Въ началѣ августа пошли дожди, и явилась надежда, что среди мышей появится какая-нибудь повальная болѣзнь, но дожди были теплые и несильные и скоро прошли. На поле ходить больше не стоило: тамъ почти ничего не осталось. Іёрнъ вернулся въ послѣдній разъ съ поля, бросился на стулъ, а ноги тяжело вскинулъ на сундукъ, такъ что онъ затрещалъ. Въ глаза ему бросилась надпись на сундукѣ:

„Благословеніе Божіе обогащаетъ безъ труда“.

„О, еслибы это было такъ!—подумалъ Іёрнъ.—Безъ труда или съ трудомъ, но только благословеніе, хоть немного благословенія!.. Но на мнѣ лежитъ чье-то проклятіе, мнѣ ничто никогда не удается“...

И вдругъ ему представилась вся его жизнь, но не такъ, какъ представлялась обыкновенно—въ видѣ тяжелаго труда и вѣчной работы, а въ видѣ глубочайшаго заблужденія и грѣха. Темные помыслы, сопровождающіе всѣ хорошіе, а иногда и лучшіе человѣческіе поступки—какъ безобразныя черныя собаки, бѣгущія рядомъ съ благородными бѣлыми лошадьми, стали выростать и приняли гигантскіе размѣры.

„Гдѣ твоя сестра, Эльзбе?—спрашивали они:—ты не позаботился о ней, и она погибла. Гдѣ братъ твой, Гиннеркъ? Ты

прибилъ его и выгналъ изъ дома, и онъ сталъ пьяницей и погибъ. Отчего ты не убралъ плугъ, когда зналъ, что отецъ твой можетъ упасть на него? Гдѣ Лена Тарнъ, которой ты запрещалъ пѣть"?.. Чтобы забыться немного, Іёрнъ схватилъ свой телескопъ, вышелъ во дворъ и навелъ его на небо. Но отъ волненія онъ забылъ снять крышку съ объектива и, приникнувъ глазами къ трубѣ, увидалъ только бездонную черноту. Онъ испугался и подумалъ, что правы были страшные голоса, обвинявшіе его въ преступленіи и убійствѣ. И вдругъ передъ нимъ встала чья-то тѣнь; онъ чуть не вскрикнулъ отъ ужаса, но тотчасъ же узналъ Витенъ Пеннъ, успокоился, и ему стало ясно, что онъ не преступникъ, а страдающій и заблуждающійся человѣкъ.

— Слава Богу!—прошепталъ онъ, но, не желая выдать своего волненія, прибавилъ громко:—Я хотѣлъ тутъ посмотрѣть на одну звѣзду.

Витенъ поспѣшно подошла къ нему и заглянула ему въ глаза.

— Еще не время отчаяваться, Іёрнъ,—сказала она:—вѣдь тебѣ только тридцать лѣтъ. Стыдно было бы такъ рано сложить руки и покорно сдаться.

— Ужъ очень тяжело мнѣ!—выговорилъ съ усиліемъ Іёрнъ.

Витенъ взяла его за руку и повела въ домъ.

— Подожди!—сказала она, усаживая его.—Я принесу тебѣ воды,—и черезъ минуту вернулась, неся воду и ведя за руку маленькаго сына Іёрна. Мальчикъ оперся локтями въ колѣни отца, и когда тотъ съ тяжелымъ вздохомъ отвелъ чашку отъ губъ, сказалъ:

— Папа, милый, какой ты блѣдный! Смотри у меня, не заболѣй еще!

— Правда, ложись-ка ты скорѣй спать!—прибавила Витенъ:—ложись, мой мальчикъ!

Іёрнъ устало улыбнулся. Ему было такъ пріятно, что въ эту тяжелую минуту возлѣ него были два милыя, любимыя имъ существа. Онъ снялъ куртку и легъ спать. Черезъ два часа онъ проснулся отъ голоса рабочаго, называвшаго его по имени. Уже совсѣмъ стемнѣло.

— Мы не понимаемъ, куда дѣлась Витенъ!—говорилъ рабочій.—Она ушла съ часъ тому назадъ; мы думали, къ сосѣду, а оказывается, ея тамъ нѣтъ. Дѣвчонка-прислужница видѣла, какъ она пошла по тропинкѣ къ лѣску. Чего это ей понадобилось? Тамъ ни души нѣтъ, да и темень страшная, и канавы

водою полнымъ-полны, а она сама говоритъ, что въ темнотѣ ничего не видитъ.

Іёрнъ вскочилъ, надѣлъ куртку и бросился изъ дома. Дождь смочилъ его непокрытую голову и освѣжилъ его. Онъ пошелъ по большой дорогѣ, свернулъ въ сторону, дошелъ до горы, но никого не нашелъ. Тяжелый, пересѣкаемый дождемъ воздухъ мѣшалъ ему разсмотрѣть что-нибудь, и онъ уже собирался громко окликнуть Витенъ по имени, какъ вдругъ, подойдя къ Золотому Роднику, увидалъ прямо передъ собою маленькую сгорбленную женскую фигуру. Онъ тотчасъ же понялъ, что это она и что она тамъ ищетъ.

Она услыхала его шаги, пошла къ нему на встрѣчу и грустно проговорила:

— Ничего не вышло. Оттого ли, что давно все это я забросила, или ужъ просто стара я стала и отупѣла.

Онъ обнялъ ее за плечи.

— Пойдемъ скорѣй домой!—сказалъ онъ:—тебя всю промочитъ насквозь. Дай-ка, я прикрою тебѣ голову моей курткой. Ну, вотъ такъ!

Она пошла рядомъ съ нимъ, вся сгорбившись и съ трудомъ передвигая ноги.

— Раньше,—сказала она стыдливо и смущенно,—когда я еще была очень молода, во всѣхъ этихъ вещахъ была жизнь, но потомъ мало-по-малу онѣ умерли.

— Да ты что хотѣла сдѣлать?

— Не знаю. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, могу ли я добиться чего-нибудь, но все кругомъ было глухо и мертво.

— Это все пустяки, брось ты это, Витенъ!

Она помолчала. Онъ велъ ее, держа за плечи и выбирая мѣста посуше.

— Это оттого такъ,—снова начала она,—что никто больше въ это не вѣритъ. Ты самъ знаешь: кто не интересуется ни солнцемъ, ни мѣсяцемъ, ни звѣздами, тому они ничего не говорятъ. Равнодушіе все умерщвляетъ, любовь всему даетъ жизнь. Я долго совсѣмъ забывала объ этихъ вещахъ, и онѣ отъ долгаго лежанья заржавѣли.

— Ты совсѣмъ пріуныла, Витенъ,—не надо такъ!

— Да вѣдь я думала, что съумѣю помочь тебѣ,—оттого сюда и прибѣжала.

— Витенъ, все это намъ помочь не можетъ. Лѣсъ и вода, вѣтеръ и дождь—все это еще безпомощнѣе, чѣмъ человѣкъ.

— Не говори этого, Іёрнъ! За нашею жизнью лежитъ тайна.

И мы живемъ не ради этой жизни, а ради той тайны, которая за нею. И, вѣроятно, есть возможность разгадать тайну, и кто ее разгадаетъ, тотъ ясно увидитъ истину. Эта истина съ незапамятныхъ временъ заключена въ старинныхъ вещахъ и легендахъ. Въ нихъ искали ее наши предки и иногда находили.

— Да, Витенъ, ты права, говоря о тайнѣ. Я думаю, что это именно такъ, какъ ты говоришь. Но я не думаю, чтобы мы могли ее найти и разгадать. Не можетъ человѣкъ прыгнуть выше своей головы. Очень можетъ быть, что все это лежитъ или стоитъ вокругъ насъ, открытое, необъятное, живое и смѣется или плачетъ; но мы не обладаемъ чувствомъ, чтобы все это видѣть и слышать.

— Да, очень можетъ быть!—произнесла Витенъ задумчиво и печально.—Тогда намъ остается работать, пока не наступитъ вечеръ, и быть добрыми и любящими, насколько хватитъ силъ.

— Это вѣрно, Витенъ, и такъ сказано въ Евангеліи.

Она приподняла немного голову, продолжая идти рядомъ съ нимъ и коротко и прерывисто дыша.

— Да? Это сказано тамъ? А что̀ же тамъ говорится... о тайнѣ?

— Насколько я могъ понять, тамъ сказано... что здѣсь мы этого постичь не можемъ, но должны вѣрить, что жизнь имѣетъ внутренній смыслъ и цѣль. Тогда послѣ смерти мы проникнемъ въ тайну и увидимъ вещи не такими, какими онѣ кажутся, а какія онѣ есть на самомъ дѣлѣ.

— Такъ вотъ что̀! Это сказалъ Христосъ? Вотъ какъ!.. Это меня удивляетъ. Мнѣ съ самаго дѣтства такъ хотѣлось знать все и о людяхъ, и о всемъ свѣтѣ, знать самое настоящее, и мнѣ казалось, что можно и непремѣнно нужно доискаться истины. Когда я жила у Стура, мы только и дѣлали, что искали, но ни до чего не доискались, и кончилось тѣмъ, что Гансъ Стуръ утопился.—Она заплакала.

— Не будемъ доискиваться, Витенъ,—будемъ только любить другъ друга и вмѣстѣ смѣло бороться съ жизнью, моя милая старушка!

На другой день явился Вейскопфъ, ласково освѣдомился о здоровьѣ стараго Уля и, оставшись вдвоемъ съ Іёрномъ, сталъ еще ласковѣе, и предложилъ ему, не хочетъ ли онъ вступить съ нимъ въ частную сдѣлку и тайно передать ему часть своего запасного зерна. Кромѣ выгоды, ему отъ этого ничего не будетъ.

Іёрнъ Уль разсмѣялся ему въ лицо.

— Что вы это выдумали!—сказалъ онъ.—Оттого, что я несчастливъ, такъ я долженъ сдѣлаться безчестнымъ человѣкомъ? Это была ваша мысль? Ошиблись вы, старикъ, и я прошу васъ уйти съ моего двора.

Вейскопфъ поспѣшно ушелъ, а Іёрнъ прошелъ въ комнату отца, поговорилъ съ Витенъ и заглянулъ въ Библію. Она лежала открытая на столѣ. Глаза его упали на главу о египетскихъ казняхъ, и онъ, улыбнувшись, сказалъ:

— Будь спокойна. Послѣднюю изъ нихъ я только-что прогналъ со двора.—Потомъ онъ прошелъ въ свою комнату, чтобы, по обыкновенію, пораздумать наединѣ, и въ головѣ у него вертѣлась все одна и та же мысль:

— Должно совершиться чудо.

XIX.

Но въ томъ, что случилось, чуда не было. Разразилась гроза и явилась смерть. Все это освѣжило воздухъ и стряхнуло тяжесть, пригибавшую Іёрна Уля къ землѣ.

Дождь прошелъ стороною; настали дни, пронизанные знойнымъ, нестерпимымъ солнечнымъ свѣтомъ. И каждый день къ вечеру надъ Эльбой ложилось тяжелое облако и рокотало отрывисто и злобно. Къ вечеру третьяго дня всѣ были увѣрены, что гроза наконецъ разразится. Воздухъ былъ мягкій и душный. Скотина на пастбищѣ перестала щипать траву и стояла въ ожиданіи возлѣ плетня.

Но гроза не разразилась и на этотъ разъ.

На другое утро въ домѣ началось сильное волненіе. Было воскресенье, и наканунѣ, вечеромъ, Витенъ, по обыкновенію, надѣла чистую рубашку, а снятую оставила, согласно старинному обычаю, на полу возлѣ кровати. Когда настало утро, то на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала рубашка, очутилась кучка пепла. Служанка и рабочіе бѣгали и разсуждали о случившемся; началась болтовня и смѣхъ, а дѣвушка, спавшая въ одной комнатѣ съ Витенъ, удивлялась, какъ это запахъ гари ее не разбудилъ. Витенъ ходила безпокойно по дому, съ выраженіемъ испуга въ глазахъ, и ничего не говорила.

Всѣ разошлись по своимъ дѣламъ, и въ тотъ же вечеръ вѣсть о случившемся разнеслась по всей деревнѣ.

Тисъ Тиссенъ опять вернулся изъ Гамбурга и пробылъ нѣсколько дней въ Улѣ. Цѣлый день онъ ходилъ за Іёрномъ, не

отставая отъ него ни на шагъ, то-и-дѣло заговаривалъ съ нимъ и старался пріучить его къ мысли, что надо покинуть Уль.

— Я съ удовольствіемъ дамъ тебѣ на подмогу нѣсколько тысячъ марокъ, но ты самъ знаешь, что и мое хозяйство не вынесетъ большихъ долговъ.

— Ты и не долженъ мнѣ помогать,—отвѣчалъ Іёрнъ Уль, —но то, что ты мнѣ совѣтуешь—уйти отсюда—тоже вѣдь не легко. Съ двѣнадцати лѣтъ я обработывалъ эту землю. Помню, какъ въ первый разъ плугъ кривился то туда, то сюда, даже голова у меня закружилась, и каждый разъ, какъ лошадь вытягивала голову, она тащила меня впередъ, потому что я возжи-то обмоталъ вокругъ шеи. До смерти я тогда умаялся, да и страшно было.—Онъ привлекъ къ себѣ сына, шагавшаго рядомъ съ нимъ, и продолжалъ:—А когда потомъ я вернулся изъ похода и Лена Тарнъ стала моею женой, не было ни единаго столбика, ни единой планки и ни единой соломинки на крышѣ, которымъ бы я не кивалъ съ любовью и не говорилъ: всѣ вы здѣсь въ безопасности, обо всѣхъ васъ я забочусь. Конечно, больше дѣлать нечего, Тисъ, какъ только отказаться отъ хозяйства, но не легко это: покидая его, я покидаю всю тяжелую упорную работу Лены Тарнъ, продаю чужимъ людямъ всѣ ея веселыя пѣсни. А наступившіе потомъ тяжелые годы... я даже не могу говорить объ этомъ. И потомъ, Тисъ: вдругъ когда-нибудь вернется Эльзбе, измученная, несчастная, и грубые чужіе люди отворятъ ей дверь? Я знаю, что надо сдаться, ни единаго процента нѣчѣмъ мнѣ заплатить... но не легко это.

На другое утро Тисъ уѣхалъ.

И въ этотъ же день разразилась гроза.

Къ вечеру поднялось изъ-за моря темное облако, встало высоко надъ болотистой низиной и въ гнѣвѣ начало метать на землю прямыя молніи, точно золотыя копья. Далеко, со стороны мола, показался огонь. Облако ползло все выше и все ближе, и къ семи часамъ уже стояло, готовое разверзнуться надъ Маріендономъ. Люди, работавшіе въ поляхъ, спѣшили домой, женщины стояли на порогѣ и говорили: „Какъ хорошо, что ты вернулся“! Дѣти бросали игры и бѣжали къ дверямъ.

Разразилась гроза.

— Вотъ такъ ударъ!

— Во что-то ударило!

Вскорѣ полилъ дождь. Могучая туча развернулась, сдѣлалась блѣдно-сѣрой и закрыла все небо. Никакого несчастія не произошло.

— Видишь, Витенъ,—сказалъ старикъ рабочій:—твоя рубашка ровно ничего...

— Молчи!—быстро прервала его Витенъ.—А тебѣ ужъ и спать пора!—прибавила она, обращаясь къ мальчику.

— Послушай-ка, Витенъ, что я тебѣ хочу разсказать!—сказалъ мальчикъ:—я былъ сегодня на сѣновалѣ, на самомъ верху, съ Фрицемъ Гансеномъ.

— Вотъ какъ!.. А вѣдь отецъ запретилъ тебѣ туда лазить.

— Когда я тебѣ все разскажу, ты ужъ навѣрное ему не передашь.

— Что ты мнѣ такое можешь разсказать!

— Фрицъ Гансенъ полѣзъ на самую верхушку, знаешь, гдѣ въ крышѣ маленькое окошечко, и что бы ты думала: лежитъ тамъ огромная страшная черная кошка, съ теленка будетъ величиною. А глазища-то у нея горятъ и прямо она на него поползла.

— Ну ужъ, ложись и спи!—сказала Витенъ, а сама пошла къ Іерну.

— Іёрнъ,—сказала она:—не разъ я слыхала, что молнія подцѣлыми часами лежала гдѣ-нибудь въ домѣ, прежде чѣмъ поджечь его. Ударъ былъ ужасный. Да и мальчикъ какія-то чудеса разсказываетъ. Сдѣлай мнѣ удовольствіе, сходи посмотрѣть на сѣновалъ. Мнѣ что-то такъ жутко на душѣ.

Іёрнъ обошелъ всѣ постройки, но ничего подозрительнаго не замѣтилъ.

Было десять часовъ, и всѣ заснули.

Тогда молнія рѣшила, что домъ и люди въ ея власти, и тихонько пустилась въ путь. Она скользнула длиннымъ и тонкимъ тѣломъ, блестящимъ, какъ выбѣленное о землю желѣзо, и пробралась между крышей и соломой. Увидавъ, что отъ недостатка воздуха пламя не загорается, она скользнула, тлѣя, къ окну. Стекло разлетѣлось въ дребезги. Сидѣвшая подъ кровлей сова вылетѣла съ громкимъ жалобнымъ крикомъ.

Витенъ встала съ кровати, прошла въ корридоръ и заглянула въ сѣни. Вездѣ тихо и темно. Она вернулась назадъ и присѣла, прислушиваясь, на край кровати, на которой спалъ мальчикъ.

— Людей въ домѣ... четверо здѣсь... трое тамъ... двое въ людской... и Іёрнъ... Кажется, всѣ?.. Больше никого?.. никого больше. Прежде всего—мальчика. Да, еще старика не забыть! Десять человѣкъ... десять... десять... Скотина вся на пастбищѣ, вся до единой штуки..

Въ сѣняхъ раздался какой-то шумъ, и она быстро встала и выпрямилась, прислушиваясь.

Это былъ звукъ молодого дерева, попавшаго въ сильное пламя.

— Пожаръ!—крикнула она:—пожаръ!

Спавшая въ той же комнатѣ служанка быстро приподнялась на кровати, и въ то же мгновеніе у нея на колѣняхъ очутился ребенокъ.

— Бѣги съ мальчикомъ къ Ясперу Крею и не оглядывайся!

— Іёрнъ! Іёрнъ!..—Этотъ голосъ могъ бы разбудить мертвыхъ.

Іёрнъ не могъ объяснить потомъ, почему онъ прежде всего схватилъ старый, тяжелый безъ ручекъ сундукъ, и какимъ путемъ онъ его вытащилъ изъ дома. Онъ этого не помнилъ,—онъ помнилъ только, какъ вбѣжалъ въ комнату отца, схватилъ испуганнаго, кричащаго и отбивающагося старика и, завернувъ въ одѣяло, перетащилъ черезъ дорогу къ Ясперу Крею. Тамъ больного уложили въ наскоро приготовленную постель по другую сторону печки.

Потомъ Іёрнъ побѣжалъ назадъ, бросился въ конюшню, разрѣзалъ привязи лошадей и вывелъ животныхъ по одиночкѣ во дворъ. Онѣ бѣсились отъ страха и становились на дыбы. Оставался еще одинъ жеребенокъ. Работники и собравшіеся сосѣди не могли пробраться черезъ огонь, чтобы спасти его. Іёрнъ вспомнилъ, что къ конюшнѣ съ другой стороны была дверь, не отворявшаяся много лѣтъ. Онъ схватилъ бревно, вышибъ дверь и вывелъ жеребенка.

Больше ничего нельзя было сдѣлать. Когда Іёрнъ, съ опаленными волосами и окровавленной рукой, хотѣлъ опять войти въ домъ, его остановилъ только-что прибѣжавшій учитель.

— Человѣческая жизнь дороже,—сказалъ онъ.

Іёрнъ съ отчаяннымъ движеніемъ бросилъ ножъ и скорѣй ушелъ, чтобы не слышать мычанья коровы, стоявшей со своимъ новорожденнымъ теленкомъ по ту сторону пламени.

На встрѣчу ему съ плачемъ бѣжалъ его сынъ.

— Папа, а жеребенокъ-то сгорѣлъ?—закричалъ онъ и обхватилъ колѣни отца.

Къ нимъ подошелъ Ясперъ Крей съ почернѣвшимъ лицомъ и руками.

— Мы и корову спасли,—сказалъ онъ:—намъ удалось ее вывести черезъ кухонную дверь и пекарню, — и онъ прошелъ дальше.

Іёрнъ Уль стоялъ и смотрѣлъ на огонь, и рядомъ съ нимъ стоялъ его мальчикъ.

Въ тотъ самый часъ, когда парадныя комнаты Улей дымились въ огнѣ и вырывающіеся снопы пламени освѣщали темныя ивы, обступившія полукругомъ Венторфъ, со стороны Санктъ-Маріендона по узкой тропинкѣ, ведущей отъ церкви, пришла смерть. Она прослѣдовала прямо въ маленькій, низенькій, ярко освѣщенный пожаромъ домикъ Яспера Крея. Витенъ Пеннъ стояла у постели и ждала ее. Она отступила при ея приближеніи и дала ей дорогу. Смерть схватила могучей рукой за плечо спящаго. Онъ вздрогнулъ два раза и пересталъ дышать.

Витенъ, съ помощью Трины Крей, стала готовить все необходимое.

Сотни людей стояли и ходили вокругъ горящихъ построекъ и глядѣли на догоравшій огонь, но никто не подошелъ къ Іёрну и къ его сыну.

Въ немъ было что-то странное. Слишкомъ онъ былъ задумчивъ и молчаливъ. Инымъ приходило въ голову, что онъ самъ поджогъ свой домъ, чтобы выпутаться изъ трудныхъ обстоятельствъ. Но послѣ полуночи явились двое рабочихъ и разсказали, что ровно въ семь часовъ были въ полѣ и видѣли, какъ молнія ударила въ Уль. Они были увѣрены, что тотчасъ же начнется пожаръ, и очень удивились, когда огонь не показался. Младшій работникъ тоже сообщилъ, что ужасный ударъ чуть не сшибъ его съ ногъ, когда онъ шелъ мимо сѣновала, и въ то же время онъ почувствовалъ легкій запахъ гари. Эти разсказы быстро распространились, и многіе мужчины и женщины стали подходить къ Іёрну, разсказывать о подобныхъ же случаяхъ, бывавшихъ раньше, и выражать ему сочувствіе.

Когда потянуло утренней свѣжестью, всѣ разошлись. Когда небо посѣрѣло, Іёрнъ Уль пошелъ черезъ дорогу къ Ясперу Крею. Высоко въ небѣ еще горѣло нѣсколько звѣздъ, какъ переутомленные блестящіе глаза на лицѣ, блѣдномъ отъ безсонницы. Когда Іёрнъ уже стоялъ въ дверяхъ, Витенъ загородила ему дорогу, но она была мала ростомъ, и онъ черезъ ея голову увидалъ свѣчи и всѣ печальныя приготовленія. Мягко отстранилъ онъ ее отъ себя, подошелъ къ постели и долго смотрѣлъ на своего отца. Потомъ вернулся къ Витенъ, схватилъ ее за руку, крѣпко и долго жалъ ее и сказалъ нѣжно и тихо:

— Какъ хорошо, что моя старая мать еще со мною!

Послѣ похоронъ, когда Ули и вся ихъ родня разошлись съ кладбища, Іёрнъ, его маленькій сынъ и Тисъ съ могилы Лены Тарнъ зашли еще разъ на могилу Клауса Уля. Она вся была покрыта вѣнками.

Знаешь ли, Іёрнъ,—сказалъ Тисъ,—за что я особенно былъ сердитъ на твоего отца? Не за его транжирство, не за его пьянство, а за его смѣхъ, за то, что онъ со всѣми смѣялся, кромѣ моей бѣдной сестры. Не мало есть людей, которые съ чужими, и на улицѣ, и въ трактирѣ, ласковы и привѣтливы, а со своими домашними—настоящіе дьяволы. Хорошо, Іёрнъ, что существуетъ смерть,—она одна устанавливаетъ полную справедливость. Увѣряю тебя, Іёрнъ, ему предстоитъ тяжелая работа на томъ свѣтѣ... Погляди-ка! На могилѣ моей сестры нѣтъ ни одного вѣнка!—Онъ нагнулся, взялъ два вѣнка и положилъ ихъ на могилу своей сестры.

— Іёрнъ, она была самое веселое и самое скромное существо въ мірѣ. Отъ жизни она желала только самаго маленькаго мѣстечка на солнышкѣ, но онъ,—Тисъ указалъ на могилу Клауса Уля,—заслонялъ отъ нея солнце и оставлялъ ее въ тѣни.— Онъ положилъ еще одинъ вѣнокъ на могилу своей сестры.

— Іёрнъ, еслибы она могла встать, то сказала бы: „Уходи отсюда, мой милый мальчикъ, сегодня же уходи въ Геезэ“! Брось ты, Іёрнъ, этотъ Уль! Уль сдѣлалъ тебя бѣднымъ и больнымъ. Уходи со мною на родину твоей матери. Она вернетъ тебѣ здоровье... Пойдемъ, Іёрнъ, я прошу тебя... именемъ твоей матери. Ты, малышъ! Помогай мнѣ! Хочешь идти ко мнѣ въ Геезэ?

— Что-жъ, пойдемъ, папа!—сказалъ мальчикъ.—Папа, вотъ штука-то будетъ!

Іёрнъ слегка отвернулся и остановилъ долгій взглядъ на могилѣ Лены Тарнъ.

— Подумай только, Іёрнъ,—продолжалъ Тисъ:—вѣдь сундукъ при тебѣ, и въ немъ твое праздничное платье, телескопъ, карты и книги. Здѣсь все это принадлежитъ Улю, все это требуетъ заботъ, а въ Геезэ все это будетъ принадлежать тебѣ одному. Вырви ты свою душу изъ Уля и хоть разъ употреби ее для самого себя!

Іёрнъ Уль ничего не отвѣчалъ. Онъ дышалъ тяжело и глядѣлъ то на могилу Лены Тарнъ, то на могилы родителей у своихъ ногъ. Эти три могилы говорили съ нимъ неслышно, но громко.

Постоявъ нѣсколько минутъ неподвижно, Тисъ сказалъ:

— Знаете что, положимъ три вѣнка на могилу Лены Тарнъ, каждый по вѣнку.

— Лена Тарнъ?—повторилъ мальчикъ:—кто это такое? Ты говоришь: Лена Тарнъ. Вѣдь это моя мама!

— Да, милый, и какая мама у тебя была!

На другой день Іёрнъ Уль собралъ рабочихъ и заплатилъ имъ причитавшееся имъ жалованье, потомъ пошелъ въ деревню и уплатилъ всѣ свои мелкіе долги.

— Вамъ не придется бѣгать за собственными деньгами, да такъ оно и вѣрнѣе: никто васъ не обсчитаетъ,—сказалъ онъ удивленнымъ заимодавцамъ.

Тогда они поняли его, быстро спрятали деньги и проводили до дверей, а тамъ кликнули своихъ женъ и еще долго смотрѣли ему вслѣдъ; а онъ шелъ, выпрямившись и высоко поднявъ голову, вдоль липъ. Онъ прошелъ на пожарище и постоялъ нѣсколько времени возлѣ обуглившихся, разрушенныхъ стѣнъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась кухонная дверь, и которое ему было такъ знакомо. Съ этого мѣста открывался обширный видъ на ульскія поля.

Къ нему подошелъ Тисъ, перепрыгивая черезъ кучи мусора. На немъ былъ дорожный костюмъ и въ рукахъ онъ держалъ длинный бичъ.

— Маленькій Юргенъ,—закричалъ онъ еще издали,—уже усѣлся на сундукѣ въ повозкѣ и болтаетъ ногами въ сѣнѣ, а Витенъ надѣваетъ свой коричневый клѣтчатый платокъ... Ну что, какъ дѣла, Іёрнъ? Ты молодцомъ! Выраженіе твоего лица мнѣ очень нравится, дружище.

— Тисъ,—сказалъ Іёрнъ и повернулся къ нему.—Я покончилъ съ Улемъ! Богъ съ нимъ и со всѣми его заботами! Я вѣдь тоже человѣкъ... въ теченіе пятнадцати лѣтъ у меня не было ни одного праздника. Мнѣ кажется теперь, что я былъ несчастнымъ, жалкимъ дуракомъ. А теперь... теперь я, правда, хочу попробовать, что ты мнѣ вчера говорилъ: хочу вернуть себѣ мою душу, запрятанную и задыхавшуюся здѣсь, въ Улѣ. Ко мнѣ, душа моя! Возстань, душа моя! Ты принадлежишь мнѣ!.. Идемъ скорѣе, Тисъ!

— Папа,—сказалъ мальчикъ, когда они подошли къ повозкѣ:—ты чего тамъ кричалъ: бранился что-ли, или смѣялся?

— И то, и другое,—отвѣчалъ Іёрнъ, и помогъ Витенъ влѣзть въ повозку.—Ты хочешь что-то сказать, Витенъ?

— Мнѣ вспомнилась, Іёрнъ, исторія о человѣкѣ, просидѣвшемъ сто лѣтъ у подземныхъ людей и возвратившемся назадъ на землю уже старикомъ. Въ старыхъ исторіяхъ много правды, Іёрнъ.

— Да, Витенъ!—подтвердилъ Іёрнъ и, вздрогнувъ, повелъ плечами, точно ему стало страшно.

XX.

Когда по молодому лѣсу, покрытому снѣгомъ и закованному крѣпкимъ морозомъ, начинаетъ пробѣгать нѣжный, мягкій вѣтерокъ, въ соснахъ съ корней до вершины поднимается легкій трескъ. Лѣсъ не хочетъ покоряться и долженъ сломиться. Но мягкія дуновенія льнутъ и ласкаются къ ледянымъ кристалламъ, и, какъ всегда на землѣ, болѣе нѣжное одерживаетъ побѣду. Любовь побѣждаетъ. Ледяные кристаллы роняютъ свои блестящія копья. Проходя лѣсомъ, слышишь, какъ они скользятъ и падаютъ, и какъ въ полуснѣ кругомъ раздается тихій однообразный шопотъ. Хорошо видѣть и слышать, какъ оттаиваетъ лѣсъ. Еще лучше и радостнѣй присутствовать при томъ, какъ оттаиваетъ сердце человѣка.

На другой день послѣ полудня Тисъ Тиссенъ стоялъ возлѣ кровати Іёрна и говорилъ:

— Тебѣ на пользу здѣшній воздухъ, Іёрнъ. Ты проспалъ ровно восемнадцать часовъ.

— А гдѣ мальчикъ?—спросилъ Іёрнъ.

Тотъ подбѣжалъ къ нему.

— Папа,—сказалъ онъ,—ты спалъ какъ сурокъ. Я уже десять разъ подходилъ къ твоей кровати, семь разъ одинъ и три раза съ Тисомъ.

— А я ужъ успѣлъ побывать въ Санктъ-Маріендонѣ,—заявилъ Тисъ. — Кузнецу не было еще заплачено за заступъ, такъ я отдалъ ему талеръ.

Іёрнъ привсталъ на постели.

— Я не могу тебѣ его возвратить.

— Какъ, ты опять за прежнія заботы?

Іёрнъ откинулся на подушку и засмѣялся.

— Ну, ужъ нѣтъ, я воздержусь. Я за всѣхъ спокоенъ! И за отца, и за Уль, и за этого мальчугана, и за Витенъ. Никакихъ долговъ, и все такъ просто, совсѣмъ просто, какъ кусокъ чернаго хлѣба. Пока ты насъ оставляешь у себя.

— Да, это ясно, вы остаетесь у меня, а тамъ видно будетъ.

— Спасибо, Тисъ. Я пораздумаю, и тогда увижу, что̀ мнѣ надо предпринять.

На другое утро онъ пошелъ къ начальнику цехового управленія, обсудилъ съ нимъ свое положеніе и сказалъ, что отказывается отъ хозяйства въ Улѣ. Если Вейскопфъ не захочетъ взять землю за долги, то пусть объявляютъ его банкротомъ. Онъ не возьметъ ни одного пфеннига, но не хочетъ также уносить ни единаго долга въ свою новую жизнь. Десять лѣтъ ходилъ онъ съ такимъ чувствомъ, точно у него была нечиста совѣсть и точно на груди у него висѣла доска съ крупной надписью: „У этого человѣка много долговъ“. На немъ лежало какое-то проклятіе, а теперь у него легко и весело на сердцѣ.

Начальникъ цехового управленія смотрѣлъ на Іёрна Уля съ улыбкой. Прежде отъ этого парня трудно было слова добиться, а теперь, лишившись всего, онъ говорилъ легко и съ достоинствомъ, и выразилъ надежду, что возможно будетъ устроить продажу съ публичнаго торга: земля въ хорошемъ состояніи и основательно обработана.

На обратномъ пути ему пришлось идти мимо школы, и онъ сталъ отыскивать глазами окно, возлѣ котораго училъ когда-то англійскіе уроки.

„Скоро пріѣдетъ Лизбета Юнкеръ“,—подумалъ онъ.—„Вотъ удивится-то, что мы больше не въ Улѣ!.. А какъ хорошо съ ея стороны, что она каждое лѣто, пріѣзжая въ школу, заходитъ къ намъ. Милая она дѣвушка! И такая красивая“!

Онъ подошелъ ближе и заглянулъ черезъ дощаной заборъ. Весь садъ былъ полонъ веселаго свѣта и пестрыхъ, яркихъ красокъ. Виноградныя лозы на стѣнѣ сверкали и блестѣли на яркомъ октябрьскомъ солнцѣ. Легкій вѣтерокъ колебалъ листья, путая между собою красные, зеленые и желтые тоны. Среди всей этой мелькающей пестроты онъ увидѣлъ въ бесѣдкѣ опредѣленное пятно. Оно безпокойно двигалось то туда, то сюда. Молодой дѣвушкѣ, сидѣвшей въ бесѣдкѣ и чистившей бобы, попало что-то на затылокъ. Она не знала, что̀ это: листикъ или гусеница, вскочила и встряхивала головой, а солнечный свѣтъ весело прыгалъ по ея свѣтлымъ волосамъ и вокругъ глазъ.

— Подожди!—сказалъ Іёрнъ Уль:—я тебѣ помогу.

И не успѣла она оглянуться, какъ онъ уже стоялъ, нагнувшись къ ней, и говорилъ:

— Ничего тутъ нѣтъ, кромѣ свѣтлыхъ вьющихся волосъ.

Она взглянула на него изумленными, сіяющими глазами.

— О, Юргенъ!—произнесла она:—какъ ты меня испугалъ! И какъ я рада, что у тебя такой хорошій видъ!.. Бѣдный ты мальчикъ! Ты вѣдь отца потерялъ и весь Уль сгорѣлъ.

Онъ кивнулъ головой.

— Не будемъ говорить объ этомъ. Это все осталось позади! Далеко позади! Я радъ, что увидалъ тебя. Давно ты здѣсь?

— Со вчерашняго вечера. Я собиралась дочистить бобы и идти въ Уль, справиться о васъ. Ну какъ ты живешь, Іёрнъ?

Тогда онъ разсказалъ ей о братѣ и отцѣ, о томъ, какъ появились мыши въ пшеницѣ, и о пожарѣ, и о своемъ разговорѣ въ цеховомъ управленіи.

— Что мнѣ теперь начать, я еще не знаю, — заключилъ онъ.

— Ахъ, Юргенъ,—сказала она:—тебѣ всегда легко найти дѣло. Ты такой умный! Нечего тебѣ и заботиться.

Ея слова удивили его и обрадовали. Значитъ, она не только жалѣетъ его, но и уважаетъ.

— Меня не страшитъ будущее,—сказалъ онъ:—что-нибудь да найдется для меня. Теперь я проживу нѣсколько недѣль, можетъ быть даже всю зиму, безъ всякихъ заботъ, а потомъ ужъ рѣшу, что дѣлать.

— Отлично,—сказала она,—и знаешь что, Юргенъ: пріѣзжай въ Гамбургъ съ мальчикомъ; я вамъ покажу весь городъ.

Іёрнъ почувствовалъ приливъ смѣлости.

— Я хотѣлъ бы тебѣ сказать одну вещь...

— Такъ говори, Юргенъ! — она смотрѣла на него съ радостнымъ ожиданіемъ.

— Ты знаешь, мы люди простые... еслибы ты къ намъ пришла въ Геезэ. Намъ съ мальчикомъ дѣлать нечего, мы бы и гуляли втроемъ цѣлый день и дѣлали бы, что хотѣли... И потомъ, если ты захочешь... мы бы съ тобой куда-нибудь поѣхали вмѣстѣ. Мнѣ бы хотѣлось тутъ навѣстить неподалеку одного товарища по военной службѣ... если тебѣ это интересно...

У нея заблестѣли глаза.

— Юргенъ,—сказала она,—да я ужасно рада! И если только тебѣ это пріятно, такъ я поѣду съ восторгомъ.

Его удивила ея радость, и самъ онъ еще больше обрадовался.

— Вотъ не думалъ, что ты будешь такъ рада! Только пожалуй для тебя у насъ слишкомъ просто! И ѣда неважная, да и насчетъ постели я не очень увѣренъ.

— Ахъ, — сказала она, — мнѣ это рѣшительно все равно. Господи, какъ я рада! А знаешь, ты иногда былъ такой недоб-

рый со мной, когда я пріѣзжала къ вамъ въ Уль. Такой неразговорчивый, равнодушный. Какъ будто тебѣ не было никакого дѣла до того, что со мною и о чемъ я думаю, и что у меня тоже бывали свои заботы. Я даже плакала!

— Ты?—произнесъ онъ.—Ты плакала? Изъ-за меня?.. Лизбета! Я думалъ, что ты приходила изъ вѣжливости, чтобы показать, что тебѣ меня жалко... А съ какой радостью я поговорилъ бы тогда съ тобою обо всемъ! Еслибъ я только зналъ! Но я сидѣлъ среди горя и заботъ, и передъ глазами у меня была паутина. Мнѣ всегда казалось, что ты живешь въ блескѣ и счастьи.

— Ахъ, Юргенъ! Я—въ счастьи!..

— Если ты такъ хороша ко мнѣ, Лизбета, и хочешь чего-нибудь отъ меня, и я могу въ чемъ-нибудь тебѣ помочь... такъ право... Лизбета... гдѣ бы я ни былъ... я найду тебя, и всегда, во всякой нуждѣ ты можешь обратиться ко мнѣ и положиться на меня.

Она всплеснула руками.

— Нѣтъ, до чего я рада, что ты такой ласковый и такъ говоришь со мною!

Онъ засмѣялся счастливымъ, гордымъ смѣхомъ.

— Вотъ весело-то будетъ завтра! Тисъ пріѣдетъ сюда по дѣлу и возьметъ тебя съ собою, а мы съ мальчуганомъ будемъ поджидать тебя на опушкѣ лѣса. Я хочу показать сыну большіе камни, знаешь... которые вѣдьма набросала? Еще, помнишь,—руки у нея съ доброе корыто!

Они смѣялись, и она не могла налюбоваться и надивиться на его веселый и бодрый видъ.

— А все оттого, что у меня нѣтъ больше заботъ, — сказалъ онъ.

— Кланяйся маленькому Юргену.

Онъ пожалъ ей руку, и они разстались.

На другой день Іёрнъ съ сыномъ встрѣтили Тиса и Лизбету на опушкѣ лѣса. Іёрнъ помогъ Лизбетѣ слѣзть съ повозки, но она тотчасъ же побѣжала съ мальчикомъ въ Геезэ и вообще вела себя такъ же, какъ и въ Улѣ, то-есть какъ будто пріѣхала „только чтобъ повидать мальчика". Такъ прошелъ весь день. Іёрнъ ушелъ съ Тисомъ на торфяникъ, чтобы посмотрѣть торфъ. Вернувшись, онъ увидалъ, что Лизбета все еще играетъ съ мальчикомъ. Они перепрыгивали черезъ канаву, очевидно находя огромное удо-

вольствіе въ этомъ занятіи. Когда Іёрнъ подошелъ, Лизбета сказала мальчику:

— Ну, теперь мнѣ больше некогда, я должна помочь Витенъ,—и убѣжала въ домъ.

Черезъ часъ она попалась ему въ сѣняхъ. Она повязала голову платкомъ и объявила, что будетъ обметать съ Витенъ кухонныя стѣны, но съ него было достаточно.

Онъ шутя схватилъ ее, перевернулъ два раза, осторожно развязалъ платокъ и передникъ, бросилъ то и другое въ уголъ и сказалъ:

— Мы пойдемъ вдвоемъ въ лѣсъ.

— Мальчикъ долженъ идти съ нами.

— Мальчикъ останется дома.

Она сдѣлала гримаску и объявила, что онъ становится требователенъ, и она вовсе не обязана исполнять его желанія.

— Ты шляпу надѣнешь?

— Нѣтъ, только хочу надѣть что-нибудь потеплѣе.

Она принесла свою верхнюю черную кофточку и протянула ему ее. Онъ поставилъ палку къ стѣнкѣ и спросилъ:

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Не притворяйся, пожалуйста,—вѣдь ты же знаешь, какъ подаютъ кофточку.

— Никогда въ жизни не приходилось мнѣ помогать одѣваться ни мужчинамъ, ни женщинамъ... Какая нѣжная матерія... Шолкомъ, кажется, подбита? Никогда не видывалъ ничего подобнаго! Ну, теперь надѣвай!

Она надѣла, но не вполнѣ, и вытянула руки, стараясь засунуть въ кофточку широкіе рукава своего домашняго платья. Рукава не влѣзали.

— Дай, я тебѣ помогу,—сказалъ онъ, но она быстро перевернулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ налѣзло.

— Вотъ видишь, — сказалъ онъ: — ты все такая же, какъ была въ дѣтствѣ. Вѣчно: ахъ, не трогай меня! Горда ужъ очень!

— Юргенъ!—сказала она своимъ тонкимъ, высокимъ голосомъ, глядя съ выраженіемъ упрека въ глазахъ:—я только тиха и сдержанна, больше ничего. Еслибъ ты могъ заглянуть въ меня, то подумалъ бы совсѣмъ другое.

— Ну, ты не сердись, — сказалъ онъ, — а только у меня всегда было такое чувство, что ты слишкомъ тонка и нѣжна для меня. Оттого-то я за послѣдніе годы и былъ такъ сдержанъ.

Они дошли до опушки лѣса, и онъ указалъ ей то мѣсто насыпи, гдѣ она была покрыта красивымъ густымъ мхомъ.

— Не хочешь ли присѣсть?

Къ его удивленію, она тотчасъ же сѣла.

— Когда-то мы здѣсь лежали всѣ четверо, — сказала она.

— Да, гдѣ-то двое остальныхъ?—произнесъ Іёрнъ со вздохомъ.

Она гладила мохъ рукою и въ нерѣшительности глядѣла въ землю. Наконецъ она сказала:

— Мнѣ не даетъ покоя мысль, что ты невѣрно обо мнѣ думаешь. Я не гордая и не недотрога. Помнишь наше свиданье въ яблоновомъ саду? Какъ это было смѣшно! Ты былъ такъ простъ и милъ, а я вела себя глупо. Ты отлично также понимаешь, Юргенъ, почему я потомъ не захотѣла идти съ тобой на балу. Я думаю, ты скоро понялъ меня и гораздо вѣрнѣе, чѣмъ тогда. А почему мы тогда разошлись съ Эльзбе? Видишь ли, Юргенъ, она умная и сердце у нея золотое, я всегда это знала, но она такъ просто и трезво смотрѣла на жизнь, а я всегда была глупой фантазёркой. Она не обращала вниманія на мелочи, а только на то, что главное и что настоящее. Этимъ она твоя истинная сестра, Юргенъ... Но ты не знаешь, до чего ей бывало тяжело. Разъ, когда ты служилъ солдатомъ, она вскочила ночью, прибѣжала ко мнѣ въ темнотѣ черезъ всю деревню и просидѣла у меня до разсвѣта. Какъ она плакала и все жаловалась, что ее мучитъ безпокойное чувство. А когда зимою начались балы, она вела себя такъ дико и необузданно, что привлекла общее вниманіе.

Лизбета тяжело перевела духъ и не рѣшалась взглянуть на Іёрна.

— Видишь ли, Юргенъ, и со мною то же бываетъ. Я не слѣпа и не глуха, не безчувственна и не равнодушна. Но я все это скрыла въ глубинѣ души на самое дно; это для меня—самое скрытое и таинственное, это и религія.

— Развѣ это не двѣ совсѣмъ разныя вещи?

— Нѣтъ, Юргенъ, я этого не думаю. По моему, они—какъ братъ и сестра. Я надѣюсь, ты не думаешь, что религія отъ Бога, а природа—отъ діавола? Обѣ онѣ отъ Бога, должны быть вмѣстѣ и служить одна другой.

Она опять слегка провела рукой по мху.

— А о какой моей гордости ты говоришь? Что живу я въ красивомъ домѣ, стѣны его чисто выкрашены, а на блестящихъ окнахъ висятъ занавѣски? Но если воображаютъ, что въ этомъ домѣ живетъ благочестивая старая дѣва... знаешь, это овечье

благочестіе... въ такомъ случаѣ жестоко ошибаются. Въ моей чистенькой комнатѣ, за занавѣсками, я часто пою и смѣюсь громко, и танцую, а иногда бросаюсь во всю длину на коверъ и плачу, плачу и сама не знаю, зачѣмъ я все это дѣлаю.

Онъ смотрѣлъ на нее ясными, блестящими глазами. Деревья слегка наклонились къ ней, чтобы все слышать, а вечернее солнце катало золотые блики по мху. Онъ находился въ настоящей сказкѣ, и самъ этого не зналъ.

— Удивительно, какъ это съ нами случается!—сказалъ онъ:—вчера я къ тебѣ пришелъ, а сегодня ты приходишь ко мнѣ.

Она въ первый разъ подняла на него глаза.

— Хочешь, Юргенъ, будемъ опять друзьями, друзьями до самой смерти?

Онъ воткнулъ свою палку сильнымъ движеніемъ въ землю и сказалъ:

— Самое большее, что мнѣ можетъ быть даровано, Лизбета,—это человѣкъ, съ которымъ я обо всемъ могу говорить. Я былъ лишенъ этого, съ тѣхъ поръ какъ Фите Крей скрылся вонъ за тѣмъ лѣсомъ, и Лена Тарнъ слегла, чтобы больше не вставать. Я былъ одинокъ, одинокъ, и въ одиночествѣ сдѣлался страннымъ и жесткимъ.

— Но теперь ты оттаешь, Юргенъ. Теперь ты начнешь снова жить, какъ будто этихъ тяжелыхъ лѣтъ не было, и прямо съ того времени, когда ты былъ юношей. Вѣдь ты еще достаточно молодъ для этого.

— Ну, а теперь пойдемъ домой! — сказалъ Іѳрнъ.—Завтра мы опять поговоримъ обо всемъ этомъ. Если ты мой товарищъ, то должна помочь мнѣ придумать какое-нибудь дѣло для будущаго.

— Знаешь что?—сказала Лизбета.—Можетъ случиться, что въ скоромъ времени тебѣ станетъ трудно заботиться о твоемъ мальчикѣ. Здѣсь тоже его неудобно оставить: слишкомъ далеко до школы. Что, еслибъ ты его отдалъ мнѣ, Юргенъ? У насъ есть такія хорошія школы, и я... я вѣдь присутствовала при смерти его матери.

На другой день, рано утромъ, вернувшись съ Тисомъ съ торфяника, Іѳрнъ не нашелъ Лизбеты и мальчика ни въ комнатѣ, ни въ кухнѣ.

— Они оба велѣли тебѣ кланяться, Іѳрнъ, — сказала Витенъ:—до обѣда вы ихъ не увидите.

— Не можетъ быть... Витенъ! Мальчуганъ... да онъ просто въ заговорѣ съ нею.

— Ничего удивительнаго, Іёрнъ! Она въ такомъ возрастѣ, что могла бы быть его матерью, и очень любитъ его.

Лизбета и маленькій Юргенъ вернулись съ прогулки очень довольные другъ другомъ. Остальную часть дня они провели втроемъ, устроивая игры и гуляя въ лѣсу.

— Ну, а завтра что̀ мы будемъ дѣлать?—спросила вечеромъ Лизбета.

— Завтра мы будемъ вмѣстѣ, вотъ и все.

— А я не могу съ вами остаться, — заявилъ мальчикъ:— завтра я ѣду съ Тисомъ въ Мельдорфъ, въ повозкѣ съ торфомъ.

— Значитъ, на завтра мы отъ тебя отрекаемся,—сказалъ Іёрнъ.—А какъ ты думаешь, Лизбета, не съѣздить ли намъ къ товарищу, о которомъ я тебѣ говорилъ? Мы отлично прокатимся, и я увѣренъ, что мой товарищъ тебѣ понравится.

XXI.

Она чувствовала себя такой счастливой, сидя съ нимъ рядомъ въ повозкѣ, запряженной парой гнѣдыхъ. За послѣдніе годы у Іёрна Уля образовалась привычка сидѣть во время ѣзды сгорбившись и не спуская глазъ съ лошадей и дороги. Но теперь, противъ обыкновенія, онъ сидѣлъ выпрямившись и наслаждался свѣжестью ранняго осенняго утра, еще кое-гдѣ затянутаго ночнымъ туманомъ. Иногда онъ быстро поворачивался къ ней и спрашивалъ:—„Хорошо тебѣ?“—А она, вся сіяющая, утвердительно кивала головой.

Съ видомъ человѣка, любящаго свою родину и для котораго, какъ для собственника, все въ ней полно смысла и значенія, онъ называлъ ей каждую попадавшуюся на ихъ пути деревню, обращалъ ея вниманіе на каждое болото.

— Видишь, это какъ разъ тамъ, Лизбета, въ томъ направленіи, куда я указываю кнутомъ,—говорилъ онъ.

Она слушала молча, а сама думала:

„Ахъ, что̀ мнѣ за дѣло до всего этого! Какой онъ милый! А что̀ если какъ разъ сегодня онъ наконецъ объяснится со мною? Дорогой мой“!

И въ то время, какъ онъ, отвернувшись отъ нея, указывалъ кнутомъ въ туманную даль по направленію къ Шенефельду, Лизбета тайкомъ прижалась лицомъ къ складкамъ его плаща.

Это былъ плащъ, подаренный ему во время похода лейтенантомъ Хаксомъ. Лена Тарнъ заботливо затянула чернымъ сукномъ золотыя пуговицы.

Они остановились покормить лошадей въ тавернѣ „Красный Пѣтухъ“.

Солнце выглянуло изъ-за облаковъ. Стало свѣтло и настолько тепло, что они усѣлись на большой бѣлой скамьѣ у дома. Хозяйка поставила передъ ними два стакана молока и ушла, но потомъ вернулась опять и заговорила о погодѣ и урожаѣ. Іернъ отвѣчалъ, разспрашивалъ ее и чувствовалъ себя необыкновенно уютно. Онъ съ удовольствіемъ расположился бы и еще поудобнѣе, вытянулъ бы еще больше ноги, но Лизбета сидѣла съ нимъ рядомъ такая чопорная и такая чистенькая, точно шолковый платокъ, только-что вынутый изъ сундука.

Поговоривъ съ Іерномъ, хозяйка ушла въ домъ, а онъ, оставшись вдвоемъ съ Лизбетой, опять спросилъ ее, хорошо ли ей было ѣхать, и она снова стала его увѣрять, что это—самый чудный день въ ея жизни.

— Неужели ты этого не видишь по мнѣ?—спросила она, и такъ на него посмотрѣла, что его сердце замерло отъ сладостнаго и жуткаго чувства.

— Я не смѣю заглянуть въ твои глаза,—такіе они глубокіе,—сказалъ онъ.—У меня голова кружится.—И, ударивъ своей большой ладонью по столу, прибавилъ:—Ну, скажи-ка что-нибудь еще, птичка!

Она разсмѣялась, откинувъ голову назадъ. Потомъ хлопнула его перчаткой по рукѣ и, приложивъ свою руку къ его рукѣ, проговорила:

— Какія руки!

— Бьюсь объ закладъ, что вы недавно поженились,—сказала, высунувшись изъ окна, веселая хозяйка.

— Цѣлыхъ семь лѣтъ собирался я къ ней посвататься, да у меня все не хватало духа. И вотъ, только третьяго-дня удалось, наконецъ, повѣнчаться,—отвѣтилъ Іернъ.

Лизбета покачала головой, закрыла лицо руками и со смѣхомъ проговорила:

— Нѣтъ, что ты такое говоришь, Іернъ!

— Да это сразу видно, что она только-что вышла замужъ,—сказала хозяйка.—Я подмѣтила у нея одинъ такой взглядъ: ужъ такъ не посмотришь на мужа, съ которымъ долго живешь!

— Такъ вотъ какъ ты посмотрѣла на меня!—проговорилъ

Іёрнъ. И, отнявъ отъ лица ея руки, прибавилъ:—А посмотри-ка такъ еще разокъ!

Но она хлопнула его по рукѣ, вырвалась и стала смотрѣть черезъ дорогу, слѣдя за улетавшей птичкой.

Какъ разъ въ эту минуту прибѣжалъ изъ школы бѣлокурый десятилѣтній сынъ хозяйки.

Поискавъ глазами, гдѣ бы ему пристроиться поудобнѣе съ книжкой, онъ усѣлся около яслей, передъ самыми лошадиными мордами.

— Садись со мной рядомъ!—крикнула ему Лизбета и подвинулась. — Что это у тебя за книга? — спросила она, когда мальчикъ усѣлся за столомъ.

— Изъ библіотеки, — отвѣтилъ онъ. — Это—сказки. Я ихъ читаю подъ рядъ и, видишь, ужъ какъ далеко.

Она заглянула въ книгу, пододвинутую ей мальчикомъ, и прочла заглавіе.

— Почитай-ка мнѣ вслухъ!—сказала она.

— Эту прочесть?—спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ... А вотъ ту... знаешь, „Объ умномъ Гансѣ". Вотъ этотъ человѣкъ, со мной рядомъ, тоже любитъ сказки, если онѣ интересныя и правдивыя.

Мальчикъ прочелъ сказку, въ которой говорилось о недогадливомъ Гансѣ, чуть не прозѣвавшемъ, по глупости, свою невѣсту.

— Вотъ дурачина-то!—сказалъ онъ, окончивъ чтеніе.

— Замѣчательный! — подтвердила Лизбета. — А не сказано тамъ, откуда онъ былъ родомъ? Ужъ не изъ Венторфа ли?

Іёрнъ Уль всталъ.

— Поѣдемъ-ка дальше!—сказалъ онъ.

Солнце стояло уже высоко. Теперь они поднимались на возвышенность, и скоро глазамъ ихъ открылась маленькая, тихая деревенька, пріютившаяся подъ липами и старыми, высокими яблонями. Они подъѣхали къ первому большому двору, въ надеждѣ узнать отъ кого-нибудь, гдѣ именно живетъ товарищъ Іёрна, какъ вдругъ увидѣли его самого въ дверяхъ дома.

— Вотъ гдѣ я живу!—воскликнулъ онъ.—Но кто же это съ тобой рядомъ, Іёрнъ? Развѣ это не... Ну, да, это Лизбета Юнкеръ. Давненько я не видался съ ней.

— Вотъ какъ!—произнесъ Іёрнъ.—Значитъ, вы знакомы?

— Да, мы встрѣчались, но это было лѣтъ семь или восемь тому назадъ.

Лизбета Юнкеръ кивнула головой съ нѣкоторымъ высоко-

мѣріемъ. Іёрнъ подумалъ, что воспоминаніе объ этомъ знакомствѣ было не совсѣмъ пріятно, и рѣшилъ не разспрашивать дальше.

— Мы—друзья дѣтства съ Лизбетой,—сказалъ онъ.—Вотъ она и пріѣхала въ гости къ Тису Тиссену... Вѣдь ты знаешь, что я отказался отъ Уля?

— Все это я уже знаю. Какъ хорошо, Іёрнъ, что у тебя есть такой близкій человѣкъ, какъ Тисъ Тиссенъ. Радъ я, дружище, также, что вижу тебя веселымъ. Этимъ онъ вамъ обязанъ, фрейлейнъ Юнкеръ?

Лизбета взглянула съ высоты повозки на товарища Іёрна и сказала:

— Прежде ты говорилъ мнѣ „ты". Не стѣсняйся, говори мнѣ „ты" и сегодня, но прежде всего помоги мнѣ сойти.

Онъ разсмѣялся довольнымъ смѣхомъ человѣка, сразу вышедшаго изъ затруднительнаго положенія, и вдругъ почувствовавшаго подъ ногами твердую почву.

— Ты все та же,—проговорилъ онъ.—Ну, слѣзай же!

И, откинувъ фартукъ, онъ высадилъ ее изъ повозки.

— Однако, ты точно бочка съ добрымъ овсомъ,—замѣтилъ онъ:—фунтиковъ, этакъ, на сто-тридцать!

Іёрнъ, стоя съ другой стороны повозки, нервно распутывалъ постромки.

— Намъ захотѣлось посмотрѣть, насколько мы сможемъ выносить другъ друга,—громко сказалъ онъ:—вотъ почему мы и рѣшили проѣхаться вмѣстѣ.

— Вотъ какъ!—произнесъ товарищъ и уже нетерпѣливо прибавилъ:—Да скажите же толкомъ, наконецъ: женихъ вы съ невѣстой или нѣтъ?

— Неужели нужно быть непремѣнно женихомъ и невѣстой, чтобы съ удовольствіемъ проѣхаться вмѣстѣ?—произнесъ Іёрнъ, и глаза его загорѣлись.—Женихъ и невѣста! Она въ „Красномъ Пѣтухѣ" мнѣ такого наговорила! Буду очень радъ, когда мы съ ней, наконецъ, очутимся дома.

Все это онъ проговорилъ, сердито поглядывая на Лизбету. Когда же она хотѣла пройти, за его спиной, около самыхъ лошадиныхъ мордъ, чтобы войти въ домъ, онъ порывисто обернулся къ ней и пропустилъ ее передъ собою. Она быстро оглянулась на него заблестѣвшими глазами и поспѣшно пошла къ дому.

Тогда онъ рѣшилъ, что все идетъ отлично, и, посвистывая, продолжалъ распрягать лошадей.

— Очень я радъ, что ты въ хорошемъ настроеніи,—сказалъ товарищъ.—Противъ обыкновенія, ты даже не очень скупишься на слова. А знаешь, что̀ о тебѣ разсказываютъ? При Гравелоттѣ, когда мы стояли подъ огнемъ, ты, говорятъ, не сказалъ ничего, кромѣ фразы: „Экая жалость! Добрая была лошадь“!

Іёрнъ весь оживился и повернулся къ товарищу.

— Мнѣ и посейчасъ ее жаль. Такая была добрая рабочая лошадь, и кобыла къ тому же.

И онъ сталъ вспоминать прошлое. Онъ говорилъ, возбужденный свиданіемъ съ старымъ товарищемъ, стараясь вызвать въ душѣ своей прежнюю дружбу, но это ему не удавалось. Тѣло и душа его загрубѣли отъ тяжелой работы и безрадостной жизни, а потому и слова его выходили какими-то неловкими и тяжеловѣсными, точно первые прыжки мартовскихъ ягнятъ на лугу.

Сильно жестикулируя, онъ совершенно откровенно сообщилъ товарищу, что у него теперь нѣтъ ни кола, ни двора, но нѣтъ за то и никакой заботы, и здѣсь же прибавилъ, что ему кажется, что Лизбета Юнкеръ его любитъ, но онъ никогда и не мечталъ объ этомъ, и теперь положительно не знаетъ, какъ приняться за такое дѣло.

Пришелъ работникъ, чтобы увести лошадей, и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на высокаго, немного сгорбленнаго человѣка, который, не стѣсняясь его присутствіемъ, говорилъ о такихъ важныхъ вещахъ.

— Однако, пойдемъ-ка отсюда,—сказалъ товарищъ, положивъ руку на плечо Іёрну, и, улыбаясь, пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Хозяйка, плотная женщина, съ добрымъ лицомъ и легкой просѣдью въ темныхъ волосахъ, была привѣтлива и ласкова съ неожиданными гостями.

Съ соболѣзнованіемъ вспомнила она о долгой болѣзни стараго Уля и порадовалась за Іёрна, что онъ имѣетъ такого родственника, какъ Тисъ Тиссенъ.

— Да и на одиночество ты пожаловаться не можешь. Захотѣлось тебѣ проѣхаться—и сейчасъ же нашлась у тебя прехорошенькая спутница,—прибавила она, и при этомъ такъ взглянула на сына, точно хотѣла сказать ему: „Объясни мнѣ, что̀ должна я думать о нихъ“?

Іёрнъ, поѣхавъ съ Лизбетой, не принялъ въ соображеніе, что люди въ ихъ мѣстахъ требуютъ опредѣленности въ отношеніяхъ и ничего другого не признаютъ.

Сынъ понялъ молчаливый вопросъ матери.

— Вотъ и самъ я, матушка, какъ-то понять не могу, сговорены они или нѣтъ. Если нѣтъ, то въ комъ изъ нихъ задержка—тоже не разберу; но, во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что, въ концѣ концовъ, все это образуется. Сюда же они явились, по всей вѣроятности, къ тебѣ за совѣтомъ и помощью. Вѣдь всякій знаетъ, что ты изъ кожи лѣзешь, чтобы женить сына.

Она погрозила ему и велѣла не болтать лишняго. Сынъ разсмѣялся.

— Знаешь что? Возьми-ка ты къ себѣ въ кухню эту Лизбету Юнкеръ и обсуди съ ней хорошенько все, а я покажу Іёрну нашихъ лошадей.

И, взявъ Іёрна Уля за руку, онъ вышелъ съ нимъ изъ комнаты. Когда же они были во дворѣ, онъ спросилъ:

— Какъ это, Іёрнъ, рѣшился ты ѣхать съ дѣвушкой? Объясни мнѣ, въ какихъ отношеніяхъ ты съ ней?—И, подмигнувъ, онъ большимъ пальцемъ указалъ черезъ плечо на кухню.

— Да, вотъ ты о чемъ! — произнесъ, весь оживившись, Іёрнъ. — Ты хочешь знать, въ какихъ я съ ней отношеніяхъ? Ну, право же, я и самъ хорошенько не знаю. Меня тянуло къ ней съ самаго дѣтства, но до сихъ поръ я какъ-то все не смѣю близко подойти къ ней. Я не увѣренъ, согласится ли она выйти за меня замужъ... Кромѣ того, боюсь, что мнѣ будетъ не очень-то ловко съ ней. У меня такое чувство, что я всегда долженъ ходить передъ ней въ праздничномъ платьѣ. — Онъ глубоко и громко вздохнулъ. — А какая она, дружище ты мой, красивая! Красивая, но немножко холодная, думается мнѣ.

Услышавъ эти слова, товарищъ громко разсмѣялся.

— Холодная? Она-то холодная? Ну, нѣтъ! у нея въ жилахъ такая же красная кровь, какъ и у другихъ. Она только скрытная и сдержанная, а потому съ виду и кажется такой спокойной и даже гордой. Но, погоди, если она прорвется, ты увидишь, что̀ это будетъ! Вотъ какого я о ней мнѣнія.

— Но какъ можешь ты говорить съ такой увѣренностью?

— А почему же и нѣтъ?—отвѣтилъ товарищъ и вздернулъ плечами.

— Да,—продолжалъ Іёрнъ, и на лицѣ его появилось снова восторженное выраженіе. — Удивительно, до чего она мила со мной! Это просто восторгъ!

Но сейчасъ же вслѣдъ за этими словами его охватило сомнѣніе.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть,—нерѣшительно произнесъ

онъ.—Я всегда относился къ ней какъ къ чему-то высокому и недоступному. Ты только взгляни на ея волосы! Ну, развѣ у обыкновенной дѣвушки бываютъ такіе? И, наконецъ, вся она, какъ есть вся, ея платье, руки ея... Знаешь, съ самаго дѣтства у меня было такое чувство, точно я брожу около прекраснаго, высокаго зȧмка. Хочется мнѣ заглянуть внутрь, а не смѣю. И вотъ третьяго-дня, дружище, взяла это она меня за руку и водитъ изъ одной залы въ другую. Ты представить себѣ не можешь, до какой степени все это прекрасно, высоко и чисто. У меня сердце замираетъ отъ радости. Я дышать не могу. И чтȯ же, собственно-то говоря, представляю я самъ среди этого великолѣпія? У меня нѣтъ ничего, я ничего ровно не умѣю, полнѣйшее я ничтожество—вотъ чтȯ! Ты только взгляни хорошенько на мои руки. Ну, не правда ли, какія онѣ огромныя и дурацкія? Нѣтъ, принцесса—не пара мужику!

— Ты просто глупъ! Скажи слово—и она будетъ твоей.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Понятно, увѣренъ. Вѣдь кое-что и я смыслю въ этихъ вещахъ,—отвѣтилъ товарищъ съ важностью.

— Да, но видишь ли, ужъ очень она на другихъ-то не похожа. Она вѣдь совсѣмъ особенная.

— А я говорю тебѣ, что всѣ онѣ въ одномъ родѣ.

Разговоръ перешелъ на лошадей.

Товарищъ показалъ Іёрну своихъ четырехлѣтокъ и очень взволновался, когда Іёрнъ не выразилъ имъ полнаго одобренія.

— Веди ихъ назадъ!—крикнулъ онъ работнику.—Смотрѣть больше на нихъ не хочу!

— Скажи, гдѣ ты съ ней познакомился?—спросилъ Іёрнъ.

Тогда товарищъ поднялъ высоко брови и отвѣтилъ, все еще, видимо, сердясь на Іёрна за его слишкомъ умѣренную похвалу лошадямъ:

— Спроси объ этомъ у нея. Можетъ быть, она и разскажетъ тебѣ, а быть можетъ и нѣтъ.

— Да скажи же мнѣ самъ. Вѣдь это глупо, что ты не хочешь сказать.

Хозяинъ разсмѣялся, побѣжалъ къ кухоннымъ дверямъ и, распахнувъ ихъ, крикнулъ:

— Послушай-ка! Іёрнъ Уль хочетъ знать, гдѣ и какъ мы съ тобой познакомились. Разсказать ему, что-ли? Или не надо?

Лизбета Юнкеръ стояла у очага рядомъ съ хозяйкой. Услышавъ вопросъ, она откинула голову назадъ и проговорила:

— Чтȯ жъ, говори, если тебѣ не терпится.

Товарищъ вернулся къ Іёрну.

— Ну, ужъ если ты непремѣнно хочешь знать, то дѣло было такъ... Лѣтъ шесть или семь тому назадъ, вскорѣ послѣ войны, пришлось мнѣ какъ-то побывать въ городѣ. Дѣло было въ серединѣ лѣта... Возвращаюсь это я, въ сумерки, къ себѣ домой и какъ-разъ у самаго выѣзда изъ города вижу Лизбету Юнкеръ. Я встрѣчался съ ней, когда ходилъ еще въ гимназію, а она бѣгала въ начальную школу. Я остановился и спросилъ, какъ она поживаетъ. Послѣ войны мы очень гордились собой и были особенно развязны и предпріимчивы съ дѣвушками. Я говорилъ съ ней, а самъ любовался ея хорошенькимъ личикомъ. Она объяснила мнѣ, что дожидается повозки, на которой ее обѣщали подвезти до Венторфа. Тогда я предложилъ ей поѣхать со мной. „Я готовъ сдѣлать какой угодно крюкъ, если только ты будешь сидѣть рядомъ“,—сказалъ я. Она согласилась не сразу, и мнѣ пришлось довольно-таки долго ее уговаривать. И вдругъ, когда я считалъ мое дѣло почти проиграннымъ, она неожиданно сказала мнѣ: „Ну-ка, подвинься!“—Въ одинъ мигъ отстегнулъ я фартукъ, усадилъ ее съ собой рядомъ, и мы поѣхали. Всю дорогу я занималъ ее разговорами, старался изо всѣхъ силъ быть ей пріятнымъ, и мнѣ казалось, что я не противенъ ей.

Мы подъѣзжали къ Венторфу. Была уже теплая темная ночь. —„Не находишь ли ты, Лизбета, что тебѣ слѣдуетъ поблагодарить меня за поѣздку?“—спросилъ я, а сердце у меня такъ и запрыгало. Очень ужъ я боялся испугать и обидѣть ее. Она разсмѣялась и сказала:—„Но я, право, не знаю—какъ. Скажи прямо, чего ты хочешь?“—„Поцѣлуя!—отвѣтилъ я:—ну, а если милость твоя будетъ, то я не откажусь и отъ нѣсколькихъ. Только, ради Бога, не сердись. Сиди смирно и не прыгай изъ повозки. Вѣдь если ты не хочешь, я не трону тебя, и ты будешь въ такой же безопасности, какъ моя бабушка, когда я ѣду съ ней въ церковь. Пожалуйста, не сердись!“—Вотъ какъ, примѣрно, я говорилъ съ ней. Она вся какъ-то притихла. Мы сидѣли молча и до меня доносилось ея дыханіе. Я уже началъ раскаяваться въ своихъ словахъ, собирался сказать, что мнѣ ничего не надо, какъ вдругъ она сама заговорила тихимъ голосомъ:—„Знаю я, что вы, мужчины, часто хвастаетесь своими успѣхами у дѣвушекъ. Я позволю тебѣ поцѣловать меня, но не раньше, чѣмъ ты дашь мнѣ слово, что никому на свѣтѣ не скажешь объ этомъ“.—Ну, вотъ, по совѣсти говорю тебѣ, Іёрнъ, что мнѣ вдругъ стало ужъ совсѣмъ не до шутокъ. Слово-то я ей далъ, а самъ

сижу, не шелохнусь. Вдругъ она закрыла лицо руками и опустила голову. Не знаю, собиралась она смѣяться или плакать въ эту минуту, но я приподнялъ ея маленькое свѣжее личико и началъ говорить ей какія-то ласковыя слова. Она стала мила со мной. Мы цѣловались и болтали. Лошади пощипывали траву, телѣжка загромоздила дорогу, но мы не думали объ этомъ. У Золотого Родника она спрыгнула на землю.—„Послушай,—сказалъ я, прощаясь съ ней,—наша поѣздка мнѣ такъ понравилась, что я прошу тебя позволить мнѣ придти въ школьный садъ подъ ивы“.—Она покачала головой и отвѣтила:—„Ты славный малый, но о школьномъ садѣ тебѣ нечего думать. Для простого ухаживанья я слишкомъ хороша, а замужъ за тебя не пойду. Я люблю другого, но онъ никогда не будетъ моимъ“.—Съ той поры я видѣлъ ее только какъ-то разъ на желѣзной дорогѣ. Мы поздоровались какъ добрые друзья. Въ школьномъ саду я такъ и не побывалъ. Тогда я еще не думалъ о женитьбѣ.

XXII.

Какъ разъ въ это время Лизбета Юнкеръ сидѣла на ящикѣ съ торфомъ у очага, а хозяйка спрашивала ее:

— Ну, разскажи-ка мнѣ толкомъ, какъ это у васъ?

И, какъ дитя въ чужомъ домѣ, застѣнчивое и испуганное въ первую минуту, а потомъ довѣрчивое и болтливое, она разсказала старухѣ всю свою жизнь и дошла, наконецъ, до Іѣрна. И теперь въ кухнѣ на всѣ лады раздавалось:—Іѣрнъ Уль и Іѣрнъ Уль. Ничего, кромѣ Іѣрна Уля.

— Всю жизнь любила я его одного,—говорила Лизбета,—и какъ горевала я, когда онъ женился на другой! Потомъ умерла та другая, и я стала опять надѣяться, но ему было не до меня. Цѣлыхъ семь лѣтъ пришлось ему возиться съ больнымъ отцомъ и съ братьями... Ему некогда было и подумать обо мнѣ. И вотъ вышло такъ... что... Ему теперь тридцать-одинъ годъ, а мнѣ—двадцать-шесть.

Хозяйка, стоя у очага, сложила руки на груди и произнесла:

— Вотъ такъ исторія! Настоящій романъ. Я, вотъ, выходила замужъ восемнадцати лѣтъ, а моему мужу было двадцать-пять. Я была благоразумна и разсудительна, а онъ—нѣтъ. Сынъ—весь въ него. По неволѣ мнѣ пришлось быть серьезной, и отъ этого стала я немного строгой и голосъ иной разъ возвышала. Дѣвушкой-то я была кроткой и тихой.

— Еслибы я только знала, — сказала Лизбета, — что онъ возьметъ меня! У него нѣтъ ни хозяйства, ни денегъ. Я такъ охотно, съ такой радостью выйду за него при его бѣдности. Я была бы вполнѣ счастлива, еслибы намъ можно было поселиться съ нимъ въ Геезэ и копать торфъ. Но онъ не захочетъ, а отправится куда-нибудь, начнетъ какое-нибудь дѣло. И кто знаетъ, чѣмъ все кончится между нами?..

Слова ея звучали жалобой, и глаза, устремленные на огонь, туманились слезами.

— Ахъ! — сказала хозяйка и даже отмахнулась отъ ея словъ обѣими руками. — Брось ты всѣ эти заботы. Повѣрь, сегодня же ты сдѣлаешься его невѣстой.

Лизбета закрыла руками покраснѣвшее лицо, — такъ испугало и обрадовало ее это слово.

— Теперь этого не будетъ, — сказала она, — потому что онъ еще не знаетъ, какое выберетъ дѣло. Въ одномъ можно быть увѣреннымъ: на другой онъ не женится.

Такъ проболтали онѣ до обѣда.

— Ты былъ очень хорошъ къ моему сыну, многое для него дѣлалъ и въ мирное, и въ военное время, — сказала хозяйка, сидя за столомъ, Іёрну. — Правда вѣдь, онъ былъ бездѣльникомъ?

— Да, — отвѣчалъ Іёрнъ, — но изъ тѣхъ бездѣльниковъ, которыхъ нельзя не любить.

— Это самые худшіе и есть, потому что не хватаетъ духа на нихъ долго сердиться. Я бы хотѣла, чтобъ онъ скорѣе женился на дѣльной дѣвушкѣ.

— Мать, — замѣтилъ товарищъ Іёрна: — ты еще вчера сказала, что я за послѣдній годъ сталъ серьезнѣе и разсудительнѣе.

— Это правда, Уль, за послѣднее время онъ сталъ лучше, но все-таки изъ него не будетъ никакого толка, пока онъ не женится.

— Жениться я еще погожу, — произнесъ сынъ съ плутовскимъ видомъ. — А знаешь что? Выходи ты замужъ! Ты еще довольно молода. И будетъ у тебя помощникъ въ домѣ.

Тогда она достала его черезъ столъ деревянной ложкой, которую держала въ рукахъ, и хотя онъ быстро отклонился, — дала ему здоровую затрещину по курчавой головѣ, такъ что ложка отскочила отъ ручки.

— Вотъ тебѣ за то, что смѣешься надъ матерью! Грета, принеси другую ложку. Въ трехъ школахъ онъ перебывалъ, — продолжала она ворчливо, — и у двухъ пасторовъ обучался, но какимъ ушелъ изъ дома, такимъ и вернулся: ни серьезности въ

немъ, ни интересовъ настоящихъ. Потомъ думалось мнѣ, что онъ образумится за время похода; но когда онъ вернулся, то тутъ же на вокзалѣ первымъ долгомъ подхватилъ меня на руки, да такъ и протащилъ, при всѣхъ людяхъ, до самой повозки. Теперь ужъ и не знаю, что изъ него выйдетъ. Онъ не пьетъ, не играетъ въ карты, не лѣнтяй и не соня, только нѣтъ въ немъ ни серьезности, ни старательности.

— Никакъ не могу ей ничѣмъ угодить, — сказалъ сынъ:— что ни сдѣлаю, что ни скажу—все неладно. Или она мнѣ не мать, или я ей не сынъ; ужъ скорѣй годилась бы она мнѣ въ жены.

Она посмотрѣла на него, покачивая головою.

— И отецъ его былъ такой же, — сказала она. — Чего я только не вынесла съ нимъ въ первые годы! Это ужъ у нихъ семейное. Они берутся за умъ только къ тридцати годамъ. Вѣроятно и съ этимъ такъ же будетъ.

Лизбета Юнкеръ перегнулась черезъ столъ къ товарищу Іёрна и поглядѣла на него съ насмѣшливымъ состраданіемъ и немного злорадно.

— А что, ты ужъ чувствуешь приближеніе разума?

— Позаботься лучше о своемъ собственномъ, — отвѣчалъ онъ:—семь лѣтъ тому назадъ, онъ былъ въ такомъ же плачевномъ состояніи, какъ и мой.

Она покраснѣла, откинула голову назадъ и разсмѣялась короткимъ смѣхомъ, но не взглянула на Іёрна.

Послѣ обѣда товарищъ повелъ Іёрна и Лизбету въ поля, и показалъ имъ всю принадлежавшую имъ землю, разсказывая при этомъ о забавныхъ солдатскихъ продѣлкахъ, о веселой поѣздкѣ въ Гамбургъ и Берлинъ, и всячески дразнилъ Лизбету. Когда Іёрнъ интересовался обработкой того или другого участка земли, то товарищъ только смѣялся и легкомысленно восклицалъ:

— Ну, что тамъ еще! И такъ, и сякъ! Объ этомъ мать заботится.

Когда же Лизбета выразила желаніе вернуться домой, товарищъ вдругъ сталъ усиленно уговаривать ихъ подняться на возвышенность по ту сторону дороги. Эта возвышенность принадлежала ему вплоть до долины, орошаемой широкой, блестящей рѣкой.

— Цѣнность небольшая,—сказалъ Іёрнъ Уль.

— Цѣнность небольшая?—повторилъ товарищъ.—Ты хочешь сказать: для пахоты и покоса?—Онъ стукнулъ ногой о землю. —А что внутри-то лежитъ? Поройся-ка немного. Что тамъ-то найдешь? Что?

— А что же такое? — спросилъ Іёрнъ и сдѣлалъ большіе глаза.

— Глина, милый мой! Толстый пластъ перваго сорта глины.

— Глина?

— Да, почтеннѣйшій, а изъ глины дѣлаютъ цементъ. И если мнѣ не дадутъ за это мѣсто хорошую цѣну, я самъ выстрою здѣсь цементный заводъ. Только я въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслю, такъ что мнѣ придется или взять техника, или самому ѣхать учиться въ Ганноверъ.

Лизбета засмѣялась и сказала насмѣшливо:

— Ну, вотъ, кажется, онъ начинаетъ обнаруживать нѣкоторые признаки разума!

Но Іёрнъ Уль погрузился въ самого себя, глядѣлъ въ землю и ничего больше не сказалъ.

Когда они вернулись домой, то Лизбета пошла съ хозяйкой въ садъ, а Іёрнъ съ товарищемъ прошли въ его комнату. Товарищъ вытащилъ двѣ недавно купленныя имъ книги: одна была учебникъ минералогіи, а въ другой говорилось объ особомъ способѣ добыванія глины.

— Какая досада,—произнесъ онъ, ударивъ рукой по столу,— что я такъ былъ невнимателенъ въ школѣ. Ты, вотъ, навѣрное все понимаешь, — прибавилъ онъ, перебросивъ одну изъ книгъ Іёрну.—О твоемъ образованіи ни одна душа не заботилась, но ты самъ выучился большему, чѣмъ я, хотя на мое ученье было истрачено десять тысячъ марокъ. Найди-ка 350-ую страницу и скажи, понимаешь ты, что тамъ сказано?

Іёрнъ Уль все понялъ и объяснилъ товарищу. Взялъ вторую книгу—понялъ и ее. Товарищъ совсѣмъ повеселѣлъ и просилъ его пріѣхать на будущей недѣлѣ переговорить о предпріятіи.

Іёрнъ спросилъ, сколько времени надо пробыть въ технической школѣ, чтобы получить свидѣтельство, и сидѣлъ задумавшись. Странно было видѣть его большую, загорѣлую рабочую руку на новой тоненькой книгѣ. Книга подъ его кулакомъ казалась такой маленькой и имѣла видъ хорошенькой игрушки.

Они собрались уѣзжать, чтобы поспѣть домой засвѣтло.

Хозяйка дома отвела Іёрна въ сторону и сказала ему материнскимъ тономъ, что Лизбета ей очень понравилась, и что онъ, конечно, долженъ жениться на ней. Кромѣ того, она прибавила, что сынъ просилъ ее предложить Іёрну денегъ на первое время, и она съ удовольствіемъ готова дать нѣсколько тысячъ марокъ.

Іёрнъ хотѣлъ поблагодарить, но не могъ. Добрая женщина

по его долгому, крѣпкому рукопожатію поняла все, что̀ онъ хотѣлъ сказать.

Солнце стояло уже низко, когда они ѣхали домой.

— Ну, вотъ,—сказала Лизбета,—опять мы съ тобою вдвоемъ. Отличный день мы провели, и теперь такъ хорошо... Ну, что̀ ты скажешь о хозяйкѣ?

— А ты что̀ скажешь о моемъ товарищѣ?

— Ахъ, ну его!.. Что̀ она тебѣ говорила на прощанье?

— Такъ, женская болтовня!

— Мнѣ нельзя знать?

— Сегодня нѣтъ. Завтра—можетъ быть.

Онъ задумался и молчалъ. Просидѣвъ такъ нѣсколько времени, онъ замѣтилъ, что у нея былъ какой-то совсѣмъ особенный видъ. Лицо приняло необыкновенно гордое выраженіе.

— Что̀ съ тобою?—спросилъ онъ.—Да говори же, птичка!

— Ты воображаешь, что я не видала изъ кухоннаго окна, какъ твой миленькій товарищъ разсказывалъ тебѣ, что̀ у меня съ нимъ вышло. Еще все такъ руками разводилъ! И ты теперь сердишься. Этого... этого я отъ тебя не ожидала.

Онъ засмѣялся.

— Вотъ, попала пальцемъ въ небо! Я, напротивъ, очень радъ: я знаю теперь, что ты не недотрога.

— Ахъ, вѣчно ты съ своей недотрогой!.. Онъ ѣхалъ мимо, былъ такой милый и ласковый, показался мнѣ такимъ пріятнымъ и искреннимъ. Ну, и поцѣловалъ меня.

— Негодяй онъ!—сказалъ Іернъ: — цѣловать дѣвушку, которая не можетъ защититься!

— Да я и не защищалась и не хотѣла защищаться. Я этого хотѣла, Іернъ.

— Ты! Самая гордая изъ всѣхъ здѣшнихъ дѣвушекъ!

— Это случилось приблизительно въ то время, когда ты справлялъ свою свадьбу съ Леной Тарнъ.

Онъ замолкъ. Потомъ схватилъ ея руку, сжалъ ее и произнесъ:

— Милая моя, хорошая птичка. Я вѣдь ничего этого не зналъ. Но если только хочешь, то будетъ отпразднована и твоя свадьба.

— Но только не съ какимъ-нибудь скучнымъ человѣкомъ...

Тогда Іернъ Уль засмѣялся, близко придвинулся къ ней и спросилъ:

— Дать мнѣ, что-ли, пастись лошадямъ, какъ сдѣлалъ тотъ, блаженной памяти, на венторфской дорогѣ?

Но она покачала головой, поглядѣла на него, и глаза ея заблестѣли отъ слезъ.

— Нѣтъ, Іёрнъ, солнце еще не сѣло, да и не годится это для насъ. Я думаю о Ленѣ Тарнъ и объ ея ребенкѣ...—и она крѣпко сжала его руку.

— Вѣдь это просто чудо!—произнесъ онъ.—Настоящее чудо! Самая красивая дѣвушка—и Іёрнъ Уль!

Стемнѣло. Онъ сдѣлался молчаливъ. Она нѣсколько разъ перемѣнила положеніе, какъ будто ей стало неудобно сидѣть. Тогда онъ обхватилъ ее сильной рукою, привлекъ къ себѣ и смущенно заглянулъ ей въ лицо.

— Хорошо тебѣ такъ?

— Да!—она прильнула къ его плечу.—Теперь я засну,—и подумала:—„Ни за что не просплю я этотъ часъ".

Когда они вернулись домой и онъ остался одинъ, то началъ раздумывать:

„Все несчастіе было въ томъ, что я заблуждался всѣ эти годы. Глядя на отца и братьевъ, я возненавидѣлъ ложь и стремился къ одной правдѣ. Мнѣ казалось, что я достигъ ее, и я съ гордостью думалъ: „ты свободенъ отъ лжи, Іёрнъ Уль".— Но за эти три дня мнѣ стало ясно, что я самъ жилъ во лжи и самообманѣ, и жизнь моя была сплошнымъ заблужденіемъ. Уль не принадлежалъ мнѣ, а я цѣплялся за него всѣмъ своимъ существомъ. Я работалъ какъ ломовая лошадь, и думалъ, что цѣль моей жизни—сохранить Уль. А что̀ такое Уль въ сравненіи съ моей душою? И еслибъ я думалъ о своей душѣ, а не о работѣ и объ Улѣ, то вся жизнь моя сложилась бы иначе... Но и теперь еще не поздно. Я начну работать сначала, какъ маленькій ученикъ, съ вѣрой въ Бога и въ себя. А если умру до конца ученья, то Богъ дастъ мнѣ работу и заставитъ меня проводить дороги, прорѣзывать каналы и строить плотины въ Его недоконченныхъ мірахъ. Теперь моя цѣль свѣтла и работа будетъ плодотворна. Если Богъ дастъ, я кончу ученье, мы отпразднуемъ здѣсь въ Геезэ нашу свадьбу. Пойду сейчасъ же и спрошу мою милую дѣвочку, согласна ли она будетъ ждать, пока я не кончу ученья".

Онъ прошелъ въ комнату Лизбеты. Въ сіяньи свѣтлой осенней ночи увидѣлъ онъ ея кровать недалеко отъ окна и тихонько направился къ ней, испытывая легкое безпокойство. Она не двинулась и только смотрѣла на него большими серьезными глазами.

— Это ты, Юргенъ?—проговорила она, наконецъ.—Пойди сюда!—и, потянувшись, она взяла его за руку, подвинулась,

чтобы дать ему мѣсто, и, усадивъ его на край кровати, спросила:

— Ну, что тебѣ еще нужно?

Онъ сѣлъ съ немного принужденнымъ видомъ и началъ очень серьезно излагать ей поочередно всѣ свои планы, то смущался, то оживлялся и начиналъ жестикулировать.

— Весь вопросъ въ томъ,—закончилъ онъ,—хочешь ли ты въ самомъ дѣлѣ взять меня и подождать еще два года.

— Пододвинься-ка поближе, тогда я тебѣ отвѣчу,—сказала она, и когда онъ покорно нагнулся къ ней, она обвила его руками, стала ласкать и цѣловать и заговорила такъ быстро, что одни слова перегоняли другія.—Ахъ, ты, старый, удивительный Іёрнъ Уль!.. да мнѣ рѣшительно все равно! Только бы знать мнѣ, что ты меня любишь. Ну, поди сюда поближе, Іёрнъ! Цѣлуй меня! Я прошу тебя меня поцѣловать. Я вѣдь гордая и холодная! Ты видишь, какъ я горда?

А Іёрнъ Уль, изумленный и счастливый, нѣжно гладилъ ее по головѣ, заглядывалъ въ ея прелестное разгорѣвшееся лицо и едва могъ выговорить:

— Ты... такъ меня... любишь!

XXIII.

Іёрнъ Уль стоитъ на вокзалѣ и прощается со своими товарищами. Одинъ изъ нихъ, веселый малый, нѣмецъ изъ Америки, держитъ прощальную рѣчь. Одной рукой онъ придерживаетъ полы пальто, такъ какъ стоитъ холодный, туманный и вѣтряный ноябрьскій день, а другую протягиваетъ къ отъѣзжающему.

— Юргенъ Уль, венторфскій ландфогтъ... мнѣ вспоминается то утро, когда ты впервые вошелъ въ рисовальную школу. Твоя спина была согнута, какъ у носильщика кулей, руки твои были жестки и въ глазахъ было выраженіе голода. Ты подошелъ къ намъ съ открытымъ сердцемъ, подалъ намъ поочередно свою жесткую руку и сказалъ, кто ты, откуда пришелъ и къ чему стремишься. Съ того часа мы полюбили тебя и взяли подъ свою защиту. Мы наняли тебѣ комнату, купили бѣлья и отрывали тебя отъ книгъ, когда ты слишкомъ зачитывался. Но скоро мы поняли, кто ты такое. Мы поняли, что ты—истинный потомокъ тѣхъ крестьянъ, которые сами, собственнымъ умомъ изучаютъ море, землю и звѣзды, строятъ прочныя плотины и суда, выдерживающія борьбу съ Сѣвернымъ моремъ; которые, сжавъ губы

такъ плотно, что онѣ становятся почти невидны, выработываютъ себѣ міровоззрѣніе, вполнѣ пригодное для серьезнаго человѣка. Мы еще относились къ тебѣ покровительственно, стараясь привить тебѣ внѣшнюю культурность, а на самомъ-то дѣлѣ мы уже послушно сидѣли у твоихъ ногъ и учились у тебя. Разумомъ ты былъ старше насъ на десять лѣтъ, а опытностью—на двадцать, но, несмотря на это, ты относился къ намъ какъ къ равнымъ, жилъ нашей жизнью, помогалъ намъ и оберегалъ насъ. Словомъ, ты былъ нашимъ ландфогтомъ, нашимъ королемъ.

Сквозь толпу протискался юноша, сынъ пастора, и подошелъ къ говорившему.

— Дикъ, — сказалъ онъ: — что за чушь ты мелешь! Ты знаешь, что Юргенъ терпѣть не можетъ такихъ приторныхъ похвалъ. И кто тебѣ разрѣшилъ говорить отъ лица насъ всѣхъ?

— Тише, успокойтесь! — произнесъ Іёрнъ Уль, оглядывая поочередно товарищей.—Вы знаете, что я долго жилъ въ одиночествѣ и нуждѣ, что сдѣлало меня неповоротливымъ и замкнутымъ. Но еще на родинѣ нашлись добрые люди, поддерживавшіе и ободрявшіе меня. Вы читали письма ко мнѣ Фите Крея; не безъизвѣстно вамъ также имя Тиса Тиссена; а за здоровье моей невѣсты вы даже слишкомъ часто и слишкомъ много пили. То, что сдѣлали для меня эти люди на родинѣ, то дѣлали вы для меня здѣсь. Если бы вы сначала стали смѣяться надо мною и держались бы въ сторонѣ, я опять ушелъ бы въ себя и вторично не протянулъ бы вамъ руки. Но вы были ко мнѣ ласковы и довѣрчивы, и за это я говорю вамъ спасибо!

Подали поѣздъ, и Іёрнъ Уль вошелъ въ вагонъ. Юный сынъ пастора понесъ его багажъ и, протискиваясь за нимъ, говорилъ:

— Мать пишетъ, проситъ тебѣ кланяться.

Поѣздъ тронулся. Вѣтеръ ударилъ съ силой объ окна вагона. По стекламъ сбѣгали крупныя капли дождя. Сквозь клубы дыма, за сѣрой мутью тумана и дождя, замелькали дома, деревни, поля и лѣса. Такая погода вызываетъ чувство безнадежности: къ чему работать, бороться, стремиться къ далекой цѣли,—вѣдь дождь никогда не перестанетъ идти, солнце никогда не проглянетъ! Но Іёрнъ хорошо знакомъ и съ этимъ вѣтромъ, и съ этимъ дождемъ. Какъ часто они бушевали надъ ульскими полями, когда онъ ходилъ по полосѣ взадъ и впередъ за плугомъ! Онъ знаетъ, что и въ такую погоду надо пахать неустанно и ждать: солнце проглянетъ само собою.

Торопливо шелъ онъ по улицамъ Гамбурга. Нѣсколько разъ ему пришлось спрашивать дорогу, но вотъ, наконецъ, мѣстность

стала казаться ему знакомой. Вотъ и окно тетушкина магазина: писчебумажный и книжный магазинъ Эллинъ Вальтеръ. Съ нимъ поровнялась кучка школьниковъ. Іёрнъ въ нерѣшимости остановился, но, увидавъ, что нѣсколько дѣтей направилось къ двери, послѣдовалъ за ними.

Лизбета стояла за прилавкомъ и прибирала ящики и коробки. Не взглянувъ на вошедшаго, она произнесла своимъ милымъ высокимъ голосомъ, сдѣлавъ привычное изящное движеніе рукой:

— Будьте такъ любезны подождать минуту.

— Пожалуйста, — сказалъ онъ,—сначала отпустите этихъ господъ.

Она разроняла всѣ ящики и коробки, протянула ему руку черезъ прилавокъ, покраснѣла, изумилась, обрадовалась и проговорила:

— Мальчикъ твой скоро придетъ изъ школы... Тебѣ чего нужно? Перьевъ на двадцать пфенниговъ? Вотъ они. Можешь заплатить завтра. Тетрадку съ линейками?.. — и наконецъ, не выдержавъ, воскликнула:—Дѣти, мнѣ сегодня, некогда, у меня важный гость. Посмотрите: этотъ огромный человѣкъ игралъ со мною, когда былъ съ васъ ростомъ... Ну, вотъ, Юргенъ, наконецъ мы одни. Тетя легла отдохнуть... Поставь сюда твой чемоданъ... Ты навѣрное голоденъ. Милый... Іёрнъ... не такъ сильно! Ахъ, Іёрнъ... да тише же!.. что̀ ты такое говоришь!

— Смотри, у тебя коса распустилась.

— Знаешь, Іёрнъ! Получено письмо отъ Эльзбе. Она возвращается изъ Америки. Тисъ уже здѣсь. Онъ живетъ въ своей прежней комнатѣ и ходитъ встрѣчать каждый пароходъ. Пусти меня, Іёрнъ!.. Кто-то идетъ... Ну, вотъ онъ, нашъ мальчикъ!

— Папа, милый!.. Это ты?

— Да, это я! — Іёрнъ Уль сталъ на колѣни, и гладилъ свѣтлые волосы своего сына, и заглядывалъ въ его ясные глаза.

— А я-то, папа, каковъ: хожу здѣсь въ школу! Лизбета взяла меня, привезла сюда, и я очутился въ школѣ!.. Ты останешься съ нами?

— Да... всегда.

— Какая у тебя свѣтлая борода, папа! Совсѣмъ какъ рожь, помнишь, въ Улѣ. А мы куда поѣдемъ, въ Уль или къ Тису?

— Уль намъ больше не принадлежитъ. Сначала мы поѣдемъ въ Геезэ. Лизбета, милая... скажи ему... я не знаю, съ чего начать...

Тогда Лизбета тоже стала на колѣни и, обнявъ мальчика, сказала съ улыбкой:

— Послушай, маленькій мой принцъ... Мнѣ бы очень хотѣлось поѣхать вмѣстѣ съ вами къ Тису, но я это сдѣлаю только подъ однимъ условіемъ. Мнѣ не нравится, что ты называешь меня „Лизбета",—мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, чтобы ты называлъ меня „мамой". И твой отецъ... долженъ звать меня: „моя милая жена". Согласенъ ты на это? А то я не поѣду съ вами.

Мальчикъ сдѣлалъ лукавые глаза, унаслѣдованные отъ Лены Тарнъ, и посмотрѣлъ на отца.

— Какъ ты думаешь, папа? Согласиться намъ, что-ли?.. Ну, ужъ иди сюда!

И онъ обхватилъ руками шею своей новой матери.

Нижеслѣдующую сцену наблюдала цѣлая толпа закоптѣлыхъ, запыленныхъ зѣвакъ. Со смѣхомъ разсказывали они о ней своимъ женамъ, разойдясь по домамъ. Они только-что всѣ сошли съ парохода и отправлялись къ себѣ обѣдать. На встрѣчу имъ попался маленькій человѣкъ, котораго всѣ они уже много лѣтъ встрѣчали на улицѣ. Онъ несъ на спинѣ мѣшокъ съ торфомъ, шелъ согнувшись и лицо у него было тонкое, темное, а быстрые блестящіе глазки такъ и шныряли по толпѣ, точно ласточки, мелькающія между деревьями въ саду. Вдругъ эти глаза остановились на одномъ человѣкѣ. Мѣшокъ съ торфомъ полетѣлъ на землю, и раздался громкій жалобный крикъ:

— Фите! Мой Фите! Фите Крей! Эй, вы!.. Вотъ этотъ человѣкъ! Въ сѣромъ дождевикѣ!

Многіе оглянулись, стали останавливаться, говорить, смѣяться. Многіе захотѣли помочь старику.

— Эй, ты, Фите! Фите! Фите Крей, повернись-ка сюда!.. Помоги-ка старику нести его мѣшокъ съ торфомъ!

Человѣкъ въ сѣромъ дождевикѣ обернулся. Слово „мѣшокъ съ торфомъ" поразило его въ самое сердце. Онъ увидалъ маленькую фигуру старика. Одной рукой онъ держалъ мѣшокъ съ торфомъ, за который уцѣпились двое уличныхъ мальчишекъ, а другую безмолвно простиралъ къ Фите Крею, отъ волненія лишившись возможности говорить. Фите Крей бросился къ нему, совсѣмъ забывъ, гдѣ онъ, и не обращая ни на кого вниманія. Онъ сталъ нѣжно гладить по щекѣ дрожащаго старика, надѣлъ ему на голову свалившуюся шапку и все покачивалъ головой.

— Ахъ, ты, старина, старина! Вотъ хорошо-то, что ты меня увидалъ! Что, не можешь идти? Небось, ударило въ колѣнки?

Ну, ничего, присядь на мѣшокъ!—и, обращаясь къ собравшейся толпѣ, прибавилъ:—Gentlemen, это Тисъ Тиссенъ, крестьянинъ изъ торфяника въ Геезэ, а я, какъ вамъ уже извѣстно, Фите Крей. Мы подружились съ нимъ, когда я еще былъ мальчикомъ, и эта дружба не заржавѣла, хотя мы пятнадцать лѣтъ не видались. Если эти свѣдѣнія васъ удовлетворяютъ, то мы не препятствуемъ вамъ идти обѣдать... Ну, что, какъ ты себя чувствуешь, Тисъ?.. Все еще не важно?.. Въ такомъ случаѣ посидимъ еще немного!—и онъ усѣлся на землю рядомъ съ мѣшкомъ. Народъ сталъ расходиться.

— Фите, ты привезъ ее съ собою?

— Я видѣлъ ее на пароходѣ.

— Она одна?

— Съ нею маленькая дѣвочка лѣтъ шести, такая же маленькая, темненькая, худенькая и боязливая, какъ она.

— Ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой... Гдѣ же онѣ? Куда ты ихъ дѣлъ?

Фите Крей съ силой ударилъ кулакомъ по мѣшку съ торфомъ.

— Я все время не спускалъ съ нея глазъ, а какъ пристали мы, она вдругъ сгинула, да и пропала. Такъ вотъ и исчезла.

Тисъ Тиссенъ вскочилъ.

— Мы пойдемъ ее искать... всю ночь будемъ искать. Всю ночь. Пойдемъ по гостинницамъ и въ полицію... Маленькая дѣвочка съ маленькимъ ребенкомъ...

XXIV.

Іёрнъ и Лизбета шли вдоль опушки лѣса. Они были въ городѣ, чтобы подыскать себѣ квартиру и купить мебель. На второй день Рождества предполагалось отпраздновать здѣсь же, у Тиса Тиссена, тихую свадьбу, и въ тотъ же день вечеромъ молодые должны были уѣхать въ городъ.

Лизбета шла рядомъ съ Іёрномъ и такъ близко, что платьемъ касалась его.

— Еще немного, и я упаду. Ужасно скользко! — замѣтилъ Іёрнъ и придержалъ ее рукой, чтобы заставить идти тише.

Она разсмѣялась и еще тѣснѣе прижалась къ нему.

— Милый, я такъ счастлива!—проговорила она.

— Это вполнѣ естественно,—замѣтилъ онъ.

— Какъ это „вполнѣ естественно“?

— Ну, да,—отвѣтилъ онъ, лукаво поглядывая на нее:—вѣдь сочельникъ на дворѣ, и каждый ребенокъ радъ елкѣ.

— Да нѣтъ же,—сказала она и дернула его за рукавъ.— Ты скажи, будемъ ли мы счастливы?

— Безъ сомнѣнія, — отвѣтилъ онъ. — Оба мы прекрасно знаемъ, что на свѣтѣ нѣтъ святыхъ. Кромѣ того, мы не будемъ стѣснять другъ друга. Каждый изъ насъ будетъ думать и дѣлать по своему. Я полагаю, что и вообще каждый человѣкъ долженъ жить такъ, чтобы не мѣшать жить другому. Особенно это важно въ супружествѣ, гдѣ необходимо, чтобы рядомъ стояли два настоящихъ человѣка, точно пара добрыхъ деревьевъ одной породы. Мужчина обязанъ, понятно, стоять со стороны вѣтра. Вотъ тогда все и будетъ хорошо.

— Отлично ты это сказалъ!

— Такъ именно старался я жить и съ Леной Тарнъ.

И оба они замолчали, вспомнивъ объ умершей.

— Любишь ли ты меня такъ, какъ любилъ Лену Тарнъ?— тихо спросила она.

Тогда онъ обнялъ ее, прижалъ къ себѣ такъ, что она не могла шевельнуться, и посмотрѣлъ такимъ взглядомъ, что она спрятала лицо на его плечѣ.

— Отправляйся-ка теперь домой, не то ты озябнешь,—сказалъ онъ ей.—Я же сбѣгаю еще туда на горку къ деревнѣ.

— Ты хочешь посмотрѣть, не видно ли Эльзбе? Господи, только бы она вернулась. Я пойду съ тобой.

Когда они поднялись на пригорокъ, съ котораго видно было гамбургское шоссе, то увидѣли тамъ Фите Крея. Онъ стоялъ и смотрѣлъ вдаль. Но ихъ ожиданіе было напрасно, и они втроемъ вернулись домой.

Они сидѣли удрученные и мало говорили другъ съ другомъ. Витенъ вязала дѣтскій чулокъ. Каждый вечеръ ставила она къ печкѣ теплыя войлочныя туфли, а Тисъ Тиссенъ вѣшалъ на крючокъ возлѣ дверей большую мѣдную грѣлку. Никто при этомъ не произносилъ ни слова,—всѣ знали, для кого предназначаются эти вещи.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Лизбета нарушила привычное молчаніе.

— Фите, разскажи, какъ умерла твоя жена!—попросила она.

Фите Крей вышелъ изъ задумчивости и оглядѣлъ сидѣвшихъ. Встрѣтившись взглядомъ съ сѣрыми, устремленными на него, глазами Витенъ, онъ произнесъ:

— Я и то удивлялся, что вы меня объ этомъ не спрашиваете. Что же, если вамъ хочется, я разскажу, почему и какъ умерла Трина Кюль. Какимъ образомъ я потерялъ ее? Потерялъ я ее такъ, какъ, будучи еще мальчикомъ, потерялъ всю поклажу съ моей повозки. Я проѣзжалъ по опушкѣ, увидѣлъ зайчонка, бросился за нимъ въ лѣсъ, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ. Въ это время у меня и украли все. Такъ часто въ жизни приходилось мнѣ терять то, что уже было у меня въ рукахъ, потому что я бросался въ сторону, завидѣвъ что-нибудь новое.

Нѣсколько лѣтъ мы съ Триной Кюль жили вполнѣ счастливо. Но, вотъ, однажды пришло письмо отъ Яспера Крея изъ Венторфа съ увѣдомленіемъ, что наконецъ тетка Трина дѣйствительно умерла и мы получаемъ наслѣдство. Вотъ я и порѣшилъ оставить жену и ферму и поѣхалъ въ Венторфъ, чтобы получить на свою долю какую-нибудь тысячу или двѣ марокъ. Боялся я, что Ясперъ Крей не вышлетъ мнѣ денегъ и спуститъ ихъ, какъ онъ спустилъ и первое наслѣдство.

Трина Кюль осталась одна. Я просилъ приглядѣть за ней и за фермой одного сосѣдняго фермера, молодого нѣмца, сына доктора. Благодаря безпокойному, увлекающемуся характеру, онъ нигдѣ не окончилъ образованія, но это не помѣшало ему быть очень умнымъ и знающимъ человѣкомъ.

Часто по вечерамъ онъ приходилъ къ намъ, и вначалѣ мы играли съ нимъ въ карты. Скоро, однако, это мнѣ надоѣло, и я сталъ читать англійскія газеты, желая научиться языку страны, гдѣ я собирался сдѣлаться богачомъ.

Я ошибся. Именно тамъ я лишился всего. Отъ времени до времени я спрашивалъ у него значеніе какого-нибудь слова. Они же играли въ карты или дружески бесѣдовали между собой, и я радовался, глядя на нихъ. Нравилось мнѣ еще и то, что онъ и ее научилъ кое-чему. Еще до знакомства съ нимъ она часто жаловалась и говорила: — „Какой ты скучный! Да разскажи же мнѣ что-нибудь“. — А когда я принимался разсказывать, она почти не слушала и останавливала меня словами: — „Нѣтъ, ты совсѣмъ не умѣешь разсказывать“. — Замѣчалъ я, что она бывала особенно мила со мной въ тѣ дни, когда сосѣдъ проводилъ у насъ вечера. И это мнѣ нравилось. Обыкновенно вѣдь она была холодна, а случалось, что даже какъ будто съ трудомъ переносила меня. Разъ какъ-то, не то въ шутку, не то серьезно, замѣтилъ я ей: — „Кажется мнѣ, что ты не любишь меня по настоящему“. — Послѣ этихъ моихъ словъ у насъ пошло какъ будто и лучше.

Уѣхалъ я въ Венторфъ, и оставались они вдвоемъ въ полномъ уединеніи. Ни души на шесть миль кругомъ, кромѣ ихъ двоихъ, да глухого старика, котораго я нанялъ, чтобы присматривать за скотиной. Скоро порѣшили они, что глупо ѣсть каждому порознь. И вотъ, по утрамъ стала она ходить къ нему готовить обѣдъ. Они обѣдали вмѣстѣ, но послѣ обѣда она сію же минуту бѣжала домой. Потомъ сталъ онъ заходить къ ней каждый вечеръ. Они по прежнему играли въ карты и болтали. И вотъ, наконецъ, настала минута, когда они съ восторгомъ и ужасомъ поняли, что не могутъ жить другъ безъ друга.

Тогда, какъ разъ, получили они мое письмо. Я писалъ, что долженъ идти на войну. Они стали слѣдить за газетами, соображали, когда кончится война, и наводили справки, нѣтъ ли моего имени въ спискахъ убитыхъ. Каждый при этомъ угадывалъ тайное желаніе другого: „Ахъ, еслибы онъ не вернулся"! И радость ихъ постепенно переходила въ страданіе. Они договорились до того, что любятъ другъ друга, и не знали, что имъ дѣлать. Порѣшили разстаться. Онъ уѣхалъ къ своему другу, который ловилъ рыбу и стрѣлялъ птицъ у озера Мичигана. Тамъ собирался онъ прожить до моего возвращенія. Но война затянулась, и онъ не выдержалъ. Ночью пришелъ онъ къ ея дому и тихо просидѣлъ у дверей ея до разсвѣта.

И вотъ, съ первымъ солнечнымъ лучомъ, увидѣлъ онъ, что она идетъ полями къ себѣ домой по направленію отъ его дома. Увидѣвъ его на порогѣ, она схватилась руками за голову и призналась, что всю ночь провела въ его домѣ, и даже спала на его кровати. Потомъ они вмѣстѣ порѣшили бороться съ грѣхомъ, пока хватитъ силъ, а если поддадутся грѣху и я, Фите Крей, вернусь домой, то жизнью заплатить за свой грѣхъ.

Послѣ этого рѣшенія они стали гораздо спокойнѣе.

Вечеромъ они разставались съ мыслью: „Завтра, если мы захотимъ! Завтра!"—Такъ цѣлыхъ четыре недѣли побѣждали они свое страстное желаніе.

Какъ разъ въ это время я возвращался изъ Германіи. Вѣсть о томъ, что я уже близко, дошла до нихъ черезъ одного фермерскаго сына. Онъ встрѣтилъ меня на пути и обогналъ, потому что у него была хорошая верховая лошадь. „Разъ только! Одинъ единственный разъ!"—мелькнуло у нихъ въ головѣ, но сейчасъ же вслѣдъ за этой мыслью явилась другая: „Неужели же для того мы боролись со зломъ? Вѣдь мы вѣрили, что побѣдимъ! Скорѣй на лошадей! Ѣдемъ ему на встрѣчу и сегодня же вечеромъ скажемъ ему все".

Они встрѣтили меня, и вечеромъ, послѣ того, какъ я, разсказавши имъ все о себѣ, пошелъ провожать его до дома, онъ сказалъ мнѣ о ихъ любви, о борьбѣ и побѣдѣ. Здѣсь я говорилъ не особенно много. Когда же мы разстались и онъ уже былъ настолько далеко, что не могъ слышать, я громко разсмѣялся. Я вернулся къ ней и все еще смѣялся. Мы легли спать. Она была мила со мной. Я провелъ хорошую ночь, а самъ все смѣялся и думалъ: „Прекрасно, Фите Крей, что это все случилось. Теперь у тебя чудесная жена. Наконецъ-то она встрепенулась. Ты долженъ быть благодаренъ сосѣду".

Вотъ до какой степени я былъ глупъ, Тисъ! Ахъ, впрочемъ, вѣдь ты ровно ничего въ этомъ не понимаешь. Лизбета! Я, Фите Крей, одинъ изъ умныхъ Креевъ, былъ глупѣе глупаго. И вотъ, какъ-то разъ, когда она ужъ очень горячо меня поцѣловала, я спросилъ, зачѣмъ она при этомъ такъ плотно закрываетъ глаза. Тогда она отвѣтила, что, лаская меня, всегда думаетъ о другомъ и любитъ только его одного. Говорила она еще, что ничего не можетъ подѣлать съ собой, что, видно, такова ея горькая судьба.

Только теперь мнѣ стало ясно, что все у насъ складывается довольно-таки плохо. Я обсудилъ съ нею наше положеніе. Я спросилъ ее, дѣйствительно ли она любила меня тогда, когда стала моей женой. „Да",—отвѣтила она. Ей было семнадцать или восемнадцать лѣтъ. Она была очень молода, неопытна и мало знала жизнь. Она сказала еще мнѣ, что увѣрена въ томъ, что съ ней случилось именно то, что переживаетъ большинство женщинъ, рано вышедшихъ замужъ. Приходитъ день, и имъ становится ясно, что счастье не тамъ, гдѣ онѣ его искали.

Тогда я спросилъ ее: „Неужели ничего нельзя измѣнить? Увѣрена ли ты, что не разлюбишь его?"—„Да,—отвѣтила она. —До самой смерти буду любить. Я создана для него, а онъ для меня. Самимъ Богомъ мы предназначены другъ для друга. Гдѣ-нибудь да есть предназначенная и для тебя, но ты еще не нашелъ ея". Тогда я спросилъ ее: „Еслибы я умеръ, ты была бы рада?" Она отвѣтила: „Да".—„Неужели же у тебя не сохранилось никакого чувства ко мнѣ? Вѣдь я всегда былъ вѣренъ тебѣ, всегда хорошо обращался съ тобой. Вѣдь ты вмѣстѣ со мной оставила родину, со мной ушла на чужбину. Зачѣмъ же теперь ты бросаешь меня?"—Тогда она горько заплакала. Я же ушелъ и оставилъ ее одну. Пораскинувъ умомъ, я пришелъ къ тому заключенію, что бракъ нашъ больше не существуетъ, и мнѣ нужно положить конецъ всему.

Ну, теперь, безъ лишнихъ словъ, разскажу я вкратцѣ, что

случилось дальше. Крѣпко стиснувъ зубы, я отдѣлилъ ей половину всего, что̀ мы имѣли, и отправилъ ее въ одно нѣмецкое семейство, гдѣ она должна была жить, пока не кончится нашъ разводъ. Тамъ прожила она только три мѣсяца, а потомъ утопилась. За послѣднее время подружилась она съ одной старушкой и каждый день разсказывала ей о насъ обоихъ, жаловалась на судьбу, въ чемъ-то оправдывалась, а потомъ опять начинала все съизнова. О сосѣдѣ она говорила такъ: „Мы принадлежимъ другъ другу. День и ночь мое сердце съ нимъ“. Обо мнѣ же она говорила: „Всегда онъ былъ такой добрый со мной. И все-то мнѣ представляется, какъ онъ съ печальнымъ лицомъ бродитъ по опустѣлому дому“. Потомъ она вскрикнула: „Господи, да помоги же мнѣ! Научи, что̀ дѣлать!“ И разумъ ея затуманился, потому что ее постоянно тянуло въ двѣ разныя стороны.

Мнѣ дали знать, что случилось несчастіе. Мы поѣхали туда оба. Ѣхали мы день и ночь. Тяжелая это была поѣздка. Гробъ уже былъ заколоченъ, и мы не видѣли ея. Похоронили ее около пшеничнаго поля. Кладбища-то тамъ не было...

Вотъ вамъ исторія Трины Кюль. Она была работницей въ домѣ Уля. Ты навѣрное помнишь ее, Витенъ. Вы всѣ знали ее. И ты вѣдь тоже видала ее, Лизбета?..

— Но самое замѣчательное—это то,—продолжалъ Фите Крей, нахмуривъ лобъ и уставившись глазами на стоящій передъ нимъ столъ,—что два самыя благородныя на свѣтѣ чувства, вѣрность и любовь, вступили въ борьбу между собою и раздавили мою прелестную бабочку, пролетавшую какъ разъ между ними... Пасторъ, вѣнчая насъ, сказалъ: „Что̀ Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ“. Мы такъ и думали. Потомъ какъ-то я разсказалъ всю эту исторію одному нѣмецкому пастору, человѣку съ умомъ и тонкимъ пониманіемъ. Я спросилъ его, что̀ онъ мнѣ на все это скажетъ, и онъ, какъ честный человѣкъ, отвѣтилъ, что въ такихъ случаяхъ мы ничего знать не можемъ. Мы должны только вѣрить, что то, что̀ намъ представляется страшной загадкой, въ самомъ дѣлѣ прекрасно и цѣлесообразно. Это мирное слово помогло мнѣ, я довѣрился ему и пересталъ терзаться мучительными думами.

Фите Крей замолчалъ и снова погрузился въ задумчивость. Витенъ сидѣла сгорбившись у печки въ полумракѣ. Она уронила вязанье на колѣни и о чемъ-то раздумывала, уставившись глазами въ полъ. Ей чудилась маленькая дѣвушка съ свѣтлыми волосами и миловиднымъ, чистымъ, дѣтскимъ лицомъ, помогавшая ей въ кухнѣ сгорѣвшаго дома Улей, и она думала объ ея стран-

номъ концѣ. Въ эту минуту ко всѣмъ остальнымъ воспоминаніямъ жизни она присоединила и это воспоминаніе, точно уложила въ гробъ покойницу, одѣтую въ бѣлое.

За послѣдніе годы она сдѣлалась еще молчаливѣе.

Когда Тисъ говорилъ ей: — Ты бы почитала что-нибудь, Витенъ!—она отвѣчала:—Я столько испытала на своемъ вѣку, что мнѣ нечего больше читать.

А когда Тисъ говорилъ:—Разскажи что-нибудь, Витенъ!—она отвѣчала: — Къ чему разсказывать? Мы, люди, все равно ничего измѣнить не можемъ.

Вскорѣ всѣ разошлись спать. Тисъ и Іёрнъ отправились въ свою комнату.

— Ужъ давно я потерялъ сонъ, Іёрнъ,—сказалъ старикъ.— Ты ложись, я еще немного похожу по комнатѣ. Какъ ты думаешь, Іёрнъ,—вернется она? Если къ Рождеству ея не будетъ, значитъ и совсѣмъ не придетъ.

— А что-то будетъ, когда она придетъ?

— Ну, объ этомъ я и не думаю. Лишь бы пришла... Слышишь, какъ воетъ вѣтеръ? Что, если она теперь въ дорогѣ? Бѣдная, бѣдная дѣвочка!

Оба помолчали.

— Іёрнъ,—снова заговорилъ тихо Тисъ:—ты вполнѣ увѣренъ, что все, что творится на землѣ, имѣетъ цѣль и что во всемъ есть смыслъ?

— Если не имѣть этой увѣренности,—отвѣчалъ Іёрнъ,—то гдѣ же найти силы жить? Все въ жизни бурлитъ и мечется то вверхъ, то внизъ, какъ въ кипящей водѣ, но легко разглядѣть, что въ этомъ постоянномъ броженіи и кипѣніи скрытъ глубокій смыслъ. Все злое, несмотря на упорное сопротивленіе, погружается на дно, а все доброе борется и съ страшнымъ усиліемъ выбивается наверхъ. Вездѣ работаетъ таинственная сила, какъ рука пастыря, собирающаго своихъ овецъ, и благо тому человѣку, который среди бури слышитъ тихій призывъ пасущаго и помогаетъ Господу въ Его трудной работѣ.

— Слушай!—прервалъ его Тисъ.—Слышишь?

— Это ясени потрескиваютъ отъ мороза.

Они ждали, а она все не возвращалась. И у нихъ у всѣхъ было такое чувство, что она уже въ дорогѣ. Ея тоскующая по родинѣ душа простирала руки и хваталась за души тѣхъ людей, которые ее любили на родинѣ. Тисъ тайкомъ уходилъ въ хлѣб-

ный амбаръ, подолгу простаивалъ тамъ на страшномъ холодѣ и смотрѣлъ въ окошки по направленію къ югу. Старая Витенъ вскакивала по ночамъ и говорила: „Она стоитъ въ снѣгу и не можетъ идти дальше". Іёрнъ глубоко задумывался и вздрагивалъ, когда Лизбета заговаривала съ нимъ. Фите Крей рыскалъ по дорогамъ и спрашивалъ, не видалъ ли кто молодой женщины, маленькой и блѣдной, и съ нею дѣвочки лѣтъ шести. Безрадостно готовились они встрѣтить праздникъ.

Палъ холодный туманъ и лѣнивый вѣтеръ затянулъ всю землю тонкими сѣрыми полосами. Солнце стояло въ небѣ мутнымъ пятномъ. Разсѣяваясь, туманъ сѣрыми клочьями цѣплялся за каждое дерево, за каждый заборъ. Все покрылось инеемъ. Стало еще тише. Наступилъ сочельникъ.

И какъ разъ въ этотъ сочельникъ случилась странная вещь. Именно въ этотъ вечеръ, когда Гарро Гейнзенъ шатался пьяный гдѣ-нибудь по улицамъ Чикаго, жена его, изнемогая отъ печали и усталости и добравшись наконецъ до родины, едва не сбилась съ пути на опушкѣ лѣса у самаго Геезэ.

Уѣхавъ изъ Америки, Эльзбе рѣшила не возвращаться на родину и проѣхала въ Шлезвигъ, собираясь тамъ поселиться. Но здѣсь рѣшимость покинула ее. Она обезсилѣла. И вотъ, безпріютная, движимая какой-то неясной надеждой, стала она переходить съ ребенкомъ съ мѣста на мѣсто, направляясь къ югу. Держа дѣвочку за руку, Эльзбе шла черезъ деревни, засыпанныя снѣгомъ, а передъ ея утомленными, полузакрытыми глазами все время стояла одна и та же картина: ей видѣлся домъ въ Геезэ, видѣлись люди, которые тамъ жили. И она все шла, шла, не останавливаясь.

Смеркалось. Ночной туманъ сгустился и еще ниже повисъ надъ землею. Возмутившіяся звѣзды кое-гдѣ прорвали туманъ и холоднымъ голубоватымъ отблескомъ освѣтили пустынныя поля.

— Намъ далеко еще, мама?

— Нѣтъ, уже близко, дитя мое.

— У меня такъ болятъ ноги. Присядемъ немножко.

— Нѣтъ, это не годится. Видишь свѣтъ тамъ вдали? Намъ нужно идти туда.

— Тамъ живутъ добрые люди?

— Да... тамъ живутъ добрые люди... Только не смѣю я... не въ силахъ я пойти къ нимъ. Но куда же идти мнѣ съ ребенкомъ?

Какъ разъ въ эту минуту мимо нихъ проходилъ какой-то человѣкъ.

— Куда это ты идешь, дитя мое?—спросилъ онъ, не останавливаясь.

— Я?.. Куда-нибудь... куда глаза глядятъ.

Тогда онъ подошелъ къ ней ближе.

— О!—произнесъ онъ:—да вѣдь ты дочь Греты Тиссенъ и сестра Іёрна Уля. Вотъ-то обрадуются твоему возвращенію! Ужъ они повсюду разыскиваютъ тебя.

Эльзбе молча пошла за нимъ. Она и ребенокъ были утомлены и едва передвигали ноги. Онъ взялъ дѣвочку на руки и, тяжело дыша, донесъ ее до перекрестка.

— Теперь поторапливайся!—сказалъ онъ Эльзбе и спустилъ ребенка на землю.—Видишь, какъ засвѣтились окошки у нихъ въ домѣ. Торопись!

И онъ свернулъ на дорогу къ деревнѣ. Она не узнала его и никогда больше не встрѣчалась съ нимъ, хотя до сихъ поръ живетъ въ Геезэ. Но она не забыла его, и когда маленькая дѣвочка станетъ сама матерью, она навѣрное будетъ разсказывать своимъ дѣтямъ о высокомъ человѣкѣ, который въ сочельникъ на рукахъ донесъ ее до перекрестка.

Наступилъ вечеръ. По установившемуся обычаю, къ Тису Тиссену прибѣжали изъ деревни дѣти, пѣли монотонными голосами и ушли, щедро одѣленныя орѣхами, яблоками и пряниками.

Лизбета Юнкеръ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, стала зажигать елку, принесенную изъ лѣсу Фите Креемъ.

„Дѣлаю это только для мальчика,—думала она, зажигая одну за другой восковыя свѣчи.—Мы, взрослые, будемъ думать объ Эльзбе. Намъ не до *веселья*“...

Но она все-таки немного развеселилась, раскладывая подъ деревомъ подарки для мальчика: новыя школьныя книги, книгу съ картинками и первые въ его жизни коньки. Оживившись, она достала бѣлье, сшитое ею собственноручно для длиннаго Іёрна Уля, и двѣ дорогія книги, которыя она приготовила именно къ этому дню. Все это она тоже разложила подъ елкой. Для Тиса Тиссена она приготовила трубку и школьный географическій атласъ въ двѣ марки.

„А теперь мое единственное и самое горячее желаніе—это чтобы Эльзбе съ ребенкомъ стояли подъ этой елкой,—подумала она.—Чу!.. Нѣтъ, ничего не слышно. Теперь я позову всѣхъ“.

И вотъ, вошелъ мальчикъ за руку съ отцомъ. Это былъ серьезный и задумчивый ребенокъ. Онъ стоялъ и молча смотрѣлъ на елку. Ничѣмъ не выразилъ онъ своей радости, только плутовски взглянулъ на Лизбету, потомъ подошелъ къ ней и, тоже молча,

сталъ около нея. Замѣтивъ книги, онъ только спросилъ: „А для кого же это?“ — Съ этими словами онъ опустился на землю и подползъ къ своимъ подаркамъ, и свѣтъ горѣвшихъ свѣчей упалъ на его бѣлокурые волосы.

Взрослые молча стояли вокругъ елки. Они не могли радоваться. Отъ яркаго свѣта елочныхъ свѣчей имъ стало еще тоскливѣе.

И вдругъ, среди томительной тишины, до нихъ донесся какой-то шумъ. Имъ послышалось, что ходятъ подъ окномъ. Они испугались и точно застыли на мѣстѣ.

Но, вотъ, Іёрнъ бросился изъ комнаты. Широко шагая, прошелъ онъ черезъ сѣни къ входнымъ дверямъ и быстро распахнулъ ихъ.

Здѣсь, у самаго входа, вся въ снѣгу, стояла Эльзбе.

— Ты ли это? — съ трудомъ выговаривая слова, спросилъ Іёрнъ.

— О, Іёрнъ... Я уйду!..

— Входи же, дитя! Поскорѣй входи въ домъ! Вотъ такъ... Дай, я возьму ребенка. Ну, вотъ... Только входи сама поскорѣе!

— Ахъ, Іёрнъ... Но какъ же это я... я войду сюда?

— Да ты только входи! Войди только! Лизбета, скорѣй сюда! Она устала.

А Тисъ стоялъ въ дверяхъ комнаты и повторялъ:—Моя маленькая, милая дѣвочка!..—протягивалъ къ ней руки и не могъ двинуться съ мѣста.

Наконецъ ее усадили у печки. Она сидѣла и плакала. Витенъ, стоя на колѣняхъ, стаскивала съ ея ногъ мокрые башмаки, Лизбета разстегивала покрытую инеемъ кофточку, а Іёрнъ пробовалъ снять пальто съ дѣвочки, но не зналъ, какъ за это приняться. Фите Крей поддерживалъ Тиса и говорилъ:

— Вотъ стулъ, Тисъ. Садись же!

Дѣвочка смотрѣла на елку часто моргающими глазами.

— Мы останемся здѣсь, мама?—спросила она.

— Боже мой!—воскликнулъ Тисъ.—Бѣдная крошка!

И, теряя на ходу туфли, онъ принялся что-то искать по комнатѣ, нашелъ наконецъ тарелку съ пирожнымъ и всунулъ по большому куску въ обѣ руки дѣвочки.

Іёрнъ подошелъ къ ребенку и сталъ смотрѣть то на него, то на сестру. Эльзбе подняла голову и встрѣтилась съ нимъ глазами. И вдругъ Іёрну ясно представился весь ужасъ ихъ вмѣстѣ прожитой юности. Сжавъ кулаки, онъ завопилъ въ дикомъ порывѣ:

— Проклятіе моему отцу!

Тогда Лизбета съ громкимъ плачемъ бросилась къ Іёрну.

— Взгляни на меня! На меня взгляни!

— Прочь отъ меня!—кричалъ Іёрнъ.—Такая чудная мать! Столько радостныхъ, чистыхъ дней! Все пропало и со смѣхомъ загублено однимъ человѣкомъ!

Тогда Лизбета стала еще нѣжнѣе. Она привлекла его къ себѣ, ласкала, цѣловала и просила радоваться возвращенію сестры.

— Она подумаетъ, что ты сердишься на нее,—сказала она.

— Я! Сержусь?—громко воскликнулъ онъ.—На нее сержусь?

И большой, неловкій Іёрнъ бросился къ сестрѣ, опустился передъ ней на колѣни и, прислонившись головой къ ея лицу, шепталъ ей полузабытыя дѣтскія прозвища:

— Какъ принцесса заживешь ты въ этомъ домѣ,—говорилъ онъ.—Здѣсь никто не тронетъ тебя. Старая Витенъ будетъ за тобой ухаживать, а Тисъ—болтать до тѣхъ поръ, пока ты наконецъ разсмѣешься.

Она положила руку на голову брата и все плакала. Но постепенно рыданія ея затихали. Она дышала тяжело и глубоко, какъ человѣкъ, наконецъ сбросившій съ себя тяжелую ношу.

Витенъ и Лизбета пошли готовить постели на ночь.

Когда уже всѣ спали, Лизбета и Іёрнъ все еще стояли у окна.

— Теперь ты видишь, что часть души моей зачерствѣла и какъ будто что-то оторвалось отъ нея,—сказалъ онъ.

— Только не уходи отъ меня, Іёрнъ. Подойди ко мнѣ ближе, и я помогу тебѣ, помогу, насколько это въ моихъ силахъ,—отвѣтила она.

XXV.

Года проходили за годами.

Іёрнъ Уль построилъ своему товарищу фабрику и работалъ надъ проведеніемъ большого канала. Этотъ каналъ перерѣзываетъ нашу страну и составляетъ нашу гордость. Кромѣ того, Іёрнъ Уль строитъ шлюзы, набережныя, а зимою преподаетъ въ высшей школѣ рисованіе и математику. Повсюду онъ слыветъ за человѣка, на знаніе и слово котораго можно положиться. Еще мальчикомъ, въ комнатѣ гимназическаго служителя, онъ сказалъ:

— Все равно, Тисъ, съ какого класса начать, съ младшаго или старшаго, лишь бы выучиться!—и два раза онъ начиналъ съ младшаго класса, съ самаго начала. Жизнь длинна, и можно успѣть сдѣлать многое, если имѣешь вѣру и твердую волю.

Но не всегда все шло гладко въ новой счастливой жизни Іёрна Уля. Иногда открывались его старыя раны.

Когда у него съ Лизбетой родился первый ребенокъ и собрались гости и стали шутить и смѣяться, онъ молча вышелъ изъ комнаты. Фрау Лизбета вскорѣ хватилась его, пошла искать по всему дому и наконецъ нашла въ темнотѣ въ саду. Сначала онъ ничего не отвѣчалъ на ея разспросы, а потомъ сказалъ, что веселье и смѣхъ ему невыносимы: въ душѣ его встаютъ образы прошлаго. Она стала ласкать его, говорить ему нѣжныя слова, и черезъ нѣсколько времени онъ вернулся къ гостямъ, еще молчаливый, печальный и смущенный, но скоро овладѣлъ собой и присоединился къ общему веселью.

Въ другой разъ онъ вернулся изъ какой-то поѣздки по дѣлу очень мрачный. Услыхавъ громкій смѣхъ дѣтей, онъ нахмурился еще больше. Дѣти пошли въ кухню къ матери, переговорили всѣ вмѣстѣ и вернулись въ комнату притихшія и серьезныя. Одинъ подошелъ къ Іёрну и пожаловался, что у него что-то болитъ; другой попросилъ ему въ чемъ-то помочь, и всѣ были очень милы и внимательны къ отцу. Потомъ первый улыбнулся, второй тоже осмѣлился послѣдовать его примѣру, и всѣ бросились къ матери съ крикомъ:

— Мама, мама! папа оттаялъ!

Онъ погрозилъ имъ вслѣдъ пальцемъ и развеселился.

Года проходили за годами.

Разъ Іёрна Уля посѣтилъ одинъ его старый знакомый, сдѣлавшійся писателемъ, и освѣдомился о Витенъ Пеннъ.

— Витенъ умерла,—отвѣчалъ Іёрнъ.

— Какая удивительная это была женщина! — сказалъ его гость.—Въ ней былъ заключенъ цѣлый особый міръ, пестрый и таинственный. Вокругъ него она выстроила высокую стѣну, потому что глупые люди смѣялись, когда имъ приходилось въ него заглядывать. Это и есть причина, почему многіе серьезные и глубокіе люди молчаливы, Іёрнъ... Ну, а какъ поживаетъ Эльзбе?

— Ты вѣдь былъ у нея, самъ видѣлъ.

— Я думалъ, что она выйдетъ замужъ за Фите Крея; онъ и просилъ ее объ этомъ, но она не захотѣла. Говоритъ, что ей довольно ея материнскихъ заботъ. Она вѣдь живетъ настоящей хозяйкой въ Геезэ и хозяйничаетъ гораздо лучше Тиса. Онъ теперь только исполняетъ ея приказанія и вполнѣ доволенъ. У нея шесть или семь дойныхъ коровъ, которыми она очень дорожитъ. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасныя коровы.

— Она довольна,—проговорилъ задумчиво Іёрнъ,—и Фите Крей также. Мечта его юности исполнилась: онъ — хозяинъ въ Улѣ и поглядываетъ черезъ дорогу на низенькій домикъ своего отца. Долговъ у него много, почти столько же, сколько у меня было, но онъ гораздо легче отъ нихъ избавится, потому что знаетъ толкъ и въ лѣсѣ, и въ пескѣ, и въ углѣ, и во всемъ, что̀ нужно людямъ. Жаль мнѣ до сихъ поръ стараго моего двора и сада, и я радъ, что нѣтъ больше стараго дома. По воскресеньямъ Фите отправляется въ Геезэ, пьетъ тамъ кофе и болтаетъ съ Эльзбе и старымъ Тисомъ. И они незамѣтно для самихъ себя состарятся и незамѣтно умрутъ.

— А о своей жизни что̀ ты думаешь, Іёрнъ, хотѣлъ бы я знать.

— Ужъ не собираешься ли ты писать исторію моей жизни?— съ улыбкой спросилъ Іёрнъ. — Я не считаю ее годнымъ матеріаломъ для этого.

— Напрасно ты такъ думаешь. Ты очень много пережилъ на своемъ вѣку, и всегда былъ и остался настоящимъ человѣкомъ. Юность у тебя была тихая, но украшенная пестрыми вымыслами и интересными образами. Одиноко, но смѣло боролся ты съ жизнью и самостоятельно выработалъ въ себѣ драгоцѣнную способность: познавать цѣнность вещей и явленій. Ты испыталъ горячую любовь къ женщинѣ, взаимную любовь. Ты схоронилъ Лену Тарнъ, отца и братьевъ, и смирился передъ смертью и горемъ. Ты сталъ учиться и заниматься науками въ такіе годы, когда обыкновенные люди думаютъ только о томъ, чтобы обезпечить себя. Работая въ извѣстномъ направленіи, ты никогда не былъ односторонен и всегда интересовался тѣмъ, что̀ творилось на свѣтѣ и надъ чѣмъ работали другіе люди. Развѣ такая жизнь не достойна быть описанной?

— Когда я былъ мальчикомъ,—задумчиво произнесъ Іёрнъ,— я поставилъ себѣ въ комнату сундукъ, сѣлъ на него и думалъ, что это—центръ вселенной. Оттуда смотрѣлъ я на Божій міръ и на самого Бога и обращался съ Ними довольно фамильярно. Но чѣмъ дольше я жилъ, тѣмъ яснѣе сознавалъ, что ничего не знаю, и тѣмъ болѣе возростало мое благоговѣйное изумленіе. Если жизнь не сломила меня и если теперь я могу назвать себя счастливымъ человѣкомъ, то этимъ я обязанъ вѣрѣ и смиренію. Сначала безсознательно, а потомъ все яснѣе и ощутительнѣе всю жизнь жили въ моей душѣ два чувства: смиреніе и вѣра въ жизнь, въ людей и въ Бога.

Съ нѣм. П—на С—ва.

КНЯЗЬ БИСМАРКЪ
ВЪ
НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ

— Bismarck und seine Welt. Grundlegung einer psychologischen Biographie, von *Oskar Klein-Hattingen.* Zwei Bände. Erster Band: 1815—1871. Berlin, 1902. (Ferdin. Dümmler).

Судьба Бисмарка замѣчательна въ томъ отношеніи, что роль его въ Германіи расширяется и упрочивается послѣ его смерти: плоды его дѣятельности оказываются несравненно болѣе долговѣчными, чѣмъ думали многіе изъ его современниковъ. Германская имперія крѣпко держится въ томъ видѣ, какъ онъ ее создалъ тридцать лѣтъ назадъ; отдѣльныя нѣмецкія государства съ старинными и могущественными нѣкогда династіями безпрекословно исполняютъ предназначенную имъ скромную миссію въ новомъ имперскомъ строѣ, подъ главенствомъ Пруссіи и ея короля, какъ германскаго императора. Внутренняя жизнь имперіи свободно развивается и процвѣтаетъ на широкихъ національныхъ основахъ, установленныхъ Бисмаркомъ; внѣшняя политика неуклонно идетъ по указанному имъ пути, несмотря на всѣ позднѣйшія заявленія о мнимой „перемѣнѣ курса". Способы дѣйствія правительства стали мягче и сдержаннѣе; тактика дипломатіи кажется болѣе гибкою и примирительною,—но ея цѣли, общій характеръ и направленіе ни въ чемъ не измѣнились. Безъ войны и безъ всякаго риска Германія успѣшно поддерживаетъ достигнутое ею первенствующее положеніе въ Европѣ и непрерывно

распространяетъ свою власть и вліяніе на новыя отдаленныя земли въ разныхъ частяхъ свѣта. Настойчиво преслѣдуя повсюду свои выгоды и интересы, она въ то же время заботливо сохраняетъ традиціи твердаго миролюбія и считается по прежнему надежнымъ оплотомъ европейскаго мира.

Политическое наслѣдіе, оставленное Бисмаркомъ, не умаляется, а ростетъ съ годами; оттого и интересъ къ его личности не слабѣетъ въ Германіи, и относящаяся къ нему литература постоянно увеличивается: кромѣ документальныхъ изданій фонъ-Пошингера, въ послѣднее время появились три новыя сочиненія о Бисмаркѣ—первый томъ обширнаго труда Оскара Клейнъ-Гаттингена, представляющій собою опытъ психологической біографіи, и двѣ спеціальныя работы объ экономической политикѣ Бисмарка—Леона Цейтлина и Георга Бродница. Книга Клейнъ-Гаттингена заключаетъ въ себѣ послѣдовательный разсказъ о жизни и дѣятельности перваго германскаго канцлера, на основаніи всѣхъ имѣющихся фактическихъ данныхъ, воспоминаній и записокъ, причемъ изложеніе носитъ на себѣ характеръ безъискусственнаго, иногда наивнаго лиризма. Пользуясь содержаніемъ этой „психологической біографіи“, мы можемъ возсоздать наиболѣе выдающіеся моменты личной и политической исторіи Бисмарка,—исторіи глубоко поучительной не для однихъ нѣмцевъ. Бисмаркъ былъ яркимъ представителемъ государственнаго авторитета, монархистомъ по рожденію и по семейнымъ традиціямъ, и въ то же время онъ сильнѣе кого бы то ни было воплощалъ въ себѣ сознаніе первенства національныхъ и народныхъ интересовъ предъ правительственными и династическими; онъ часто называлъ себя слугою своего короля, но этому положенію „слуги“ онъ никогда не подчинялъ ни своихъ политическихъ взглядовъ, ни своего чувства долга и отвѣтственности предъ страною,—отчасти потому, что и самъ король былъ и считалъ себя только слугою отечества, блюстителемъ и охранителемъ общихъ пользъ государства и націи. Бисмаркъ былъ государственнымъ человѣкомъ культурнаго прусскаго типа, сторонникомъ твердой сознательной власти, убѣжденнымъ консерваторомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ противникомъ административной рутины, защитникомъ народнаго и парламентскаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, насадителемъ новыхъ прогрессивныхъ началъ въ политическомъ строѣ націи. Это были въ немъ не противорѣчія, а органически связанныя проявленія глубоко-практическаго ума, свободнаго отъ шаблонныхъ идей и предразсудковъ. Бисмаркъ былъ цѣльною натурою, и для него политическая и служебная

карьера была дѣломъ патріотическаго призванія, а не личнаго возвышенія или матеріальнаго разсчета.

Отто-Эдуардъ-Леопольдъ фонъ-Бисмаркъ родился и выросъ въ семьѣ, принадлежавшей къ феодальному прусскому дворянству. Дворянство это—особое: оно предано королю въ силу особыхъ историческихъ отношеній, съ полнымъ сохраненіемъ личной независимости и достоинства, безъ всякаго оттѣнка угодливости. Родъ Бисмарковъ водворился въ одной изъ мѣстностей Бранденбурга, въ такъ называемой Старой Маркѣ (Altmark), еще до появленія тамъ Гогенцоллерновъ; съ половины четырнадцатаго вѣка онъ владѣлъ замкомъ при мѣстечкѣ Бисмаркъ, близъ города Стендаля, а въ шестнадцатомъ столѣтіи утвердился въ Шенгаузенѣ, на правомъ берегу Эльбы, недалеко отъ впаденія въ нее Гавеля. Эта мѣстность входила нѣкогда въ составъ Сѣверной Марки, которую образовалъ Генрихъ I съ цѣлью противодѣйствія напору славянства. Бисмарки, какъ вассалы, не отличались покорностью; еще въ 1722 году Фридрихъ-Вильгельмъ I относилъ ихъ къ числу тѣхъ дворянскихъ фамилій, которыя проникнуты упорнымъ оппозиціоннымъ духомъ. Позднѣе родъ Бисмарковъ доставлялъ Гогенцоллернамъ вѣрныхъ служилыхъ людей, преимущественно для арміи; отецъ канцлера, Фердинандъ, гордился тѣмъ, что при поступленіи на службу корнетомъ гвардейскихъ стрѣлковъ удостоился услышать на смотру отъ самого Фридриха II Великаго хвалебныя слова объ его дѣдѣ, Августѣ-Фридрихѣ фонъ-Бисмаркѣ, павшемъ въ битвѣ при Чаславѣ. „Будь подобенъ своему дѣду!“—сказалъ юному офицеру король:—„Это былъ молодецъ“! Фердинандъ, однако, не былъ подобенъ своему дѣду и предпочиталъ военной службѣ скромную самостоятельную дѣятельность помѣщика и хозяина; съ 1795 года онъ завѣдывалъ имѣніями семьи и въ началѣ столѣтія пережилъ тяжелое время французскаго нашествія: французы побывали и въ Шенгаузенѣ, гдѣ распоряжались по-своему, такъ что владѣльцы должны были спастись бѣгствомъ. Въ эпоху освободительной войны Фердинандъ фонъ-Бисмаркъ командовалъ мѣстнымъ ополченіемъ, оберегавшимъ переходы черезъ Эльбу, и собиралъ отряды добровольцевъ для корпуса Люцова; собранные имъ добровольцы, передъ выступленіемъ въ походъ, отслужили молебствіе въ церкви Шенгаузена, въ присутствіи самого фонъ-Люцова и знаменитыхъ вдохновителей тогдашняго національнаго патріотизма, Фридриха Яна и поэта Теодора Кернера. Въ пѣніи возбуждающихъ патріотиче-

скихъ пѣсенъ участвовала тогда вся мѣстная община; добровольцы торжественно присягали, что „не успокоятся до тѣхъ поръ, пока послѣдній французъ не будетъ прогнанъ по ту сторону Рейна“. Разсказы объ этихъ эпизодахъ, какъ говорилъ потомъ Отто фонъ-Бисмаркъ, были его первыми и живѣйшими воспоминаніями дѣтства. Въ домѣ преобладало вліяніе матери, урожденной Менкенъ, строгой и тонко образованной женщины, воспитанной въ средѣ придворной бюрократіи и унаслѣдовавшей нѣкоторую педантическую сухость отъ своего отца, либеральнаго сановника при Фридрихѣ II и двухъ его преемникахъ.

Жизнерадостнымъ, здоровымъ и рослымъ юношей вступилъ Отто фонъ-Бисмаркъ въ университетъ, сначала въ Геттингенѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ, гдѣ окончилъ курсъ юридическаго факультета въ маѣ 1835 года, двадцати лѣтъ отъ роду. Три года провелъ онъ въ опытахъ государственной службы, судебной и административной, согласно желанію родителей; но чиновничья карьера была ему не по душѣ, и онъ готовится завѣдывать хозяйствомъ въ отцовскихъ имѣніяхъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ, для чего посѣщаетъ земледѣльческую академію въ Эльденѣ. „Призваніе сельскаго хозяина,—пишетъ онъ отцу въ сентябрѣ 1839 года,—наиболѣе соотвѣтствуетъ моему положенію и моимъ наклонностямъ. Служба мнѣ не улыбается; не менѣе почетно и при извѣстныхъ обстоятельствахъ болѣе полезно заниматься хлѣбнымъ производствомъ, чѣмъ издавать административныя распоряженія. Что мое честолюбіе направлено болѣе къ тому, чтобы не повиноваться, а повелѣвать,—это фактъ, для котораго я не могу привести другой причины, кромѣ моего вкуса; между тѣмъ это такъ“. Для блага Пруссіи безразлично, кто будетъ управлять дѣлами провинціи—онъ или какой-либо другой дѣльный кандидатъ. Притомъ въ высшемъ чиновничествѣ нѣтъ самостоятельности, „а я хочу дѣлать музыку, какъ я ее понимаю, или совсѣмъ не участвовать въ ней“. Въ служебной кастѣ требуется полный отказъ отъ своихъ убѣжденій и отъ своей индивидуальности; приходится видѣть злоупотребленія и не замѣчать ихъ; все подчиняется рутинѣ и регламентаціи. Дѣла какъ будто придумываются для того, чтобы давать занятіе чиновникамъ. Поэтому служебная дѣятельность не могла бы удовлетворять его, и будучи должностнымъ лицомъ, онъ часто имѣлъ бы столкновенія, особенно въ виду того, что его политическіе взгляды противорѣчатъ правительственнымъ. Служить правительству, съ стремленіями котораго онъ считаетъ нужнымъ бороться по чувству долга передъ отечествомъ, было бы противно его совѣсти. „Я долженъ сознаться,—

продолжаетъ молодой Бисмаркъ въ этомъ откровенномъ письмѣ,— что нѣкоторыя отличія, какъ, напр., военнаго человѣка на войнѣ, государственнаго дѣятеля при свободной конституціи, въ родѣ Пиля, О'Коннеля, Мирабо и т. п., участника энергическихъ политическихъ движеній, имѣли бы для меня притягательную силу, исключающую всякое размышленіе,—какъ свѣтъ для бабочки; значительно менѣе привлекаютъ меня успѣхи, достигаемые на широко проторенной дорогѣ посредствомъ экзаменовъ, связей, канцелярскихъ занятій, служебнаго старшинства и благоволенія начальниковъ. Однако бываютъ минуты, когда я не безъ горькихъ сожалѣній вспоминаю о всѣхъ тѣхъ удовлетвореніяхъ тщеславія, которыя меня ожидали бы на службѣ,—о возможности того, что мои полезныя качества и мое превосходство были бы оффиціально признаны путемъ быстраго повышенія и другихъ отличій, что я сдѣлался бы человѣкомъ вліятельнымъ и важнымъ, передъ которымъ преклонялись бы люди менѣе важные; что наконецъ меня и мою семью окружило бы „дѣйствительное тайное" сіяніе;—все это иногда ослѣпляетъ меня послѣ выпитой бутылки вина, и нужно трезвое и спокойное размышленіе, чтобы сказать себѣ, что это лишь плоды глупаго тщеславія, принадлежащіе къ той же категоріи, какъ и гордость франта своимъ сюртукомъ или банкира своими деньгами; что неразумно и безполезно строить свое счастье на чужихъ мнѣніяхъ, и что разсудительный человѣкъ долженъ жить для себя и для осуществленія того, что̀ онъ самъ признаетъ истиннымъ и справедливымъ, а не ради впечатлѣній, какія онъ производитъ на другихъ, или ради толковъ, какіе могутъ происходить о немъ при жизни или послѣ смерти. Я не свободенъ отъ честолюбія, но вижу въ немъ только дурную страсть и притомъ болѣе неразумную, чѣмъ другія, ибо, отдавшись ему, я долженъ былъ бы принести въ жертву всю свою силу и независимость, не доставивъ себѣ прочнаго удовлетворенія и насыщенія, даже въ случаѣ наилучшаго успѣха". Имѣя хорошія способности, можно примѣнить ихъ во всякой другой профессіи, и напримѣръ, для веденія крупнаго земледѣльческаго хозяйства требуется больше ума, чѣмъ для пріобрѣтенія званія „тайнаго совѣтника". Притомъ и финансовыя соображенія заставляютъ думать о хозяйствѣ, а не о службѣ: „Получать содержаніе, которое при моихъ потребностяхъ позволяло бы мнѣ жениться и устроиться своимъ домомъ въ городѣ, я могъ бы, при самой удачной карьерѣ, только къ сорока годамъ, въ должности провинціальнаго президента или въ другой подобной, послѣ того какъ я высохъ бы отъ канцелярской пыли и нажилъ бы разныя

болѣзни отъ сидячей жизни; тогда и жена была бы мнѣ нужна только въ качествѣ сидѣлки. За это умѣренное преимущество—называться президентомъ—и за сознаніе, что я приношу пользу странѣ въ размѣрѣ получаемаго жалованья, дѣйствуя притомъ иногда вредно и стѣснительно, и исполняя, впрочемъ, лишь то, что я необдуманно призналъ своимъ долгомъ,—за это я твердо рѣшился не отдавать своего убѣжденія, своей жизненной силы и дѣятельности, пока существуютъ еще тысячи людей, и въ томъ числѣ отличные люди, которымъ означенныя приманки кажутся достаточно цѣнными, чтобы съ радостью устремиться къ оставленному мною пустому мѣсту".

Съ 1839 года Отто фонъ-Бисмаркъ хозяйничалъ въ померанскихъ имѣніяхъ своего отца, который самъ съ младшею дочерью поселился въ Шенгаузенѣ. Въ теченіе восьми лѣтъ онъ велъ деревенскую жизнь, сначала поглощенный заботами о поправленіи разстроеннаго хозяйства, а потомъ занятый разными сельскими удовольствіями и приключеніями, доставившими ему въ округѣ славу безумно-смѣлаго и веселаго „юнкера". Онъ числился офицеромъ ландвера, поддерживалъ постоянныя сношенія съ военною молодежью, много читалъ, особенно по исторіи, и часто путешествовалъ. Въ 1846 году онъ обручился съ Іоганною фонъ-Путткамеръ, дочерью набожныхъ протестантскихъ родителей, которые въ первый моментъ не хотѣли и слышать о сватовствѣ легкомысленнаго помѣщика; но послѣдній вскорѣ убѣдилъ ихъ, что въ душѣ его произошелъ спасительный переворотъ, направившій его мысли въ сторону религіознаго міросозерцанія. Продолжительное пребываніе въ родовомъ имѣніи сдѣлало Бисмарка такимъ, какимъ онъ впослѣдствіи выступилъ на политическое поприще, — бодрымъ и неутомимымъ, находчивымъ и откровеннымъ до безцеремонности, не знающимъ условныхъ преградъ и никогда не теряющимъ самообладанія. Въ немъ укрѣпилось чувство личной независимости, вмѣстѣ съ усиленіемъ историческихъ фамильныхъ связей съ землею. „Я не могу отрицать, — говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ невѣстѣ,—что я въ нѣкоторой степени горжусь многолѣтнимъ господствомъ консервативнаго принципа здѣсь въ домѣ, гдѣ мои отцы въ теченіе столѣтій проживали въ тѣхъ же комнатахъ, въ которыхъ родились и умирали, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ портреты въ домѣ и въ церкви,—начиная съ покрытаго желѣзными латами рыцаря, до длинноволосаго всадника тридцатилѣтней войны, затѣмъ носителей исполинскихъ париковъ, шагавшихъ по этимъ паркетамъ въ своихъ ботфортахъ, и кавалериста съ косичкою,

погибшаго въ бояхъ Фридриха Великаго, и кончая изнѣженнымъ потомкомъ, распростертымъ нынѣ у ногъ черноволосой дѣвицы". Живой здравый смыслъ, воспитанный въ безъискусственной сельской средѣ, въ постоянномъ общеніи съ природой, мѣшалъ ему быть вполнѣ послѣдовательнымъ консерваторомъ; но инстинктивная вражда къ городской буржуазіи ярко сказывается въ его первыхъ публичныхъ заявленіяхъ.

Весною 1847 года Бисмаркъ попалъ, въ качествѣ замѣстителя одного изъ уполномоченныхъ, въ первый соединенный земскій сеймъ, созванный февральскимъ патентомъ Фридриха-Вильгельма IV. Сеймъ понадобился правительству не для того, чтобы исполнить обѣщаніе, данное еще во время освободительныхъ войнъ, а для устройства займа, который, въ силу эдикта 1820 года, не могъ бы состояться безъ участія земскихъ чиновъ. Открытіе сейма казалось Бисмарку ненужнымъ „фарсомъ"; вступительная рѣчь короля понравилась ему только какъ искренній протестъ противъ конституціонныхъ плановъ и мечтаній. Бисмаркъ глубоко возмущался и негодовалъ по поводу домогательствъ либеральной оппозиціи; онъ нѣсколько разъ обстоятельно высказывался въ сеймѣ, удивляя слушателей своими смѣлыми реакціонными, иногда прямо средневѣковыми идеями. Оригинальная личность новаго земскаго защитника королевской власти была замѣчена королемъ и его братомъ, наслѣднымъ принцемъ Вильгельмомъ; сближеніе стало болѣе интимнымъ во время мартовскихъ событій 1848 года въ Берлинѣ. Узнавъ въ Шенгаузенѣ о торжествѣ революціи, Бисмаркъ рѣшилъ предпринять что-нибудь, чтобы освободить короля изъ рукъ возставшей буржуазіи; встрѣтивъ горячее сочувствіе въ мѣстныхъ крестьянахъ, онъ роздалъ имъ оружіе, какое можно было найти въ замкѣ и въ селѣ, объѣхалъ съ женою сосѣднія деревни и вездѣ нашелъ населеніе готовымъ идти къ столицѣ на помощь королю. Онъ отправился затѣмъ въ Потсдамъ, обратился къ командовавшимъ генераламъ, уговаривалъ ихъ выручить короля, предлагалъ привести своихъ вооруженныхъ крестьянъ, но ему отвѣчали одно: „солдатъ у насъ довольно, но безъ формальнаго приказа мы дѣйствовать не можемъ". Бисмаркъ направляется къ наслѣднику, принцу Вильгельму, но не находитъ его,—отыскиваетъ принца Фридриха-Карла, убѣждаетъ его, что армія должна вмѣшаться самостоятельно, но взволнованный принцъ ссылается на свою молодость и недостатокъ авторитета; онъ даетъ, однако, письмо къ своему брату, королю, и съ этимъ письмомъ Бисмаркъ ѣдетъ въ Берлинъ, чтобы добиться свиданія съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Между тѣмъ его не пропускаютъ во

дворецъ; онъ изъ гостинницы пишетъ королю, что революція ограничивается только большими городами и что монархъ останется властелиномъ надъ страною, какъ только покинетъ столицу. Изъ Берлина Бисмаркъ опять возвращается въ Потсдамъ, настойчиво совѣтуетъ генераламъ начать наступательныя дѣйствія; генералы обнимаютъ его въ слезахъ и наконецъ выражаютъ желаніе удостовѣриться, пойдутъ ли съ ними заодно командиры Магдебурга и Штеттина. Бисмаркъ берется узнать это; онъ посылаетъ довѣреннаго человѣка въ Штеттинъ и получаетъ оттуда отвѣтъ, что тамъ согласны послѣдовать примѣру потсдамскихъ начальниковъ; въ Магдебургъ онъ ѣдетъ лично, но долженъ быстро вернуться оттуда, такъ какъ при первомъ его косвенномъ запросѣ ему пригрозили арестомъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Послѣ всѣхъ этихъ неудавшихся усилій вызвать вмѣшательство арміи въ пользу короля, Бисмаркъ уѣхалъ обратно въ Шенгаузенъ, объяснилъ крестьянамъ, что походъ ихъ къ Берлину не нуженъ, и взялся только доставить отъ нихъ депутацію въ Потсдамъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV не оправдалъ ожиданій своихъ усердныхъ защитниковъ; онъ мало-по-малу поддался общему народному настроенію, отрекся отъ своихъ недавнихъ громкихъ и грозныхъ словъ о божественной неограниченной власти монарха и рѣшительно вступилъ на путь конституціонныхъ уступокъ. Торжественный проѣздъ короля по улицамъ Берлина, 21 марта, состоялся при единодушныхъ ликованіяхъ населенія. Въ началѣ апрѣля собрался второй соединенный земскій сеймъ, для обсужденія нѣкоторыхъ предварительныхъ конституціонныхъ вопросовъ; предложенъ былъ благодарственный адресъ королю, и депутатъ фонъ-Бисмаркъ заявилъ, что не можетъ благодарить за то, что сдѣлано властью, хотя и принимаетъ все совершившееся, какъ фактъ непоправимый. „Если дѣйствительно удастся на новомъ пути—закончилъ онъ свою рѣчь—создать единое германское отечество, достигнуть счастливаго или по крайней мѣрѣ прочно устроеннаго законнаго положенія, то я первый сочту своимъ долгомъ выразить благодарность виновнику новаго порядка вещей; но теперь это для меня невозможно“! Припадокъ нервнаго плача не далъ ему говорить больше.

На Бисмарка смотрѣли тогда какъ на отчаяннаго реакціонера; съ нимъ чувствовалъ себя вполнѣ солидарнымъ принцъ Вильгельмъ, котораго онъ довелъ до рыданій чтеніемъ какихъ-то стиховъ, изображавшихъ позоръ прусскаго знамени, загрязненнаго чернью. Романтически настроенный и перемѣнчивый во взгля-

дахъ король былъ вообще далекъ отъ Бисмарка, но долго хранилъ у себя его письмо, какъ „драгоцѣнное доказательство неизмѣнной прусской вѣрности“; онъ приглашалъ его потомъ въ Сансуси, и тотъ являлся къ нему не сразу, въ виду своего критическаго отношенія къ событіямъ. Бисмаркъ не скрывалъ отъ Фридриха-Вильгельма IV, что относится отрицательно къ его послѣднимъ дѣйствіямъ, и что въ странѣ нѣтъ прежняго довѣрія къ королю; король оправдывался необходимостью, доказывалъ, что теперь требуется активная преданность, а не безполезная критика, и говорилъ въ такомъ благодушномъ, чистосердечномъ тонѣ, что совершенно обезоружилъ собесѣдника. Бисмаркъ отказался отъ своего фрондерства и принялъ дѣятельное участіе въ попыткахъ найти какой-нибудь выходъ изъ труднаго кризиса; онъ подыскивалъ новыхъ министровъ, велъ объ этомъ переговоры съ разными лицами, и самъ числился въ министерскихъ спискахъ, хотя при его имени король сдѣлалъ такую отмѣтку: „удобенъ только въ томъ случаѣ, когда штыки будутъ властвовать безраздѣльно“. Реакція постепенно пріобрѣтаетъ почву, но не доходитъ до упраздненія народнаго представительства; въ концѣ 1848 года обнародованы новая конституція и избирательный законъ. Въ февралѣ слѣдующаго года Бисмаркъ былъ избранъ въ прусскую палату депутатовъ, гдѣ засѣдалъ до 1851 года въ рядахъ крайней правой.

Въ позднѣйшихъ своихъ воспоминаніяхъ Бисмаркъ старался объяснить, что въ сущности никогда не былъ ни приверженцемъ самовластья, ни сторонникомъ сословныхъ привилегій. „Абсолютизмъ нуждается прежде всего въ безпристрастіи, честности, чувствѣ долга, трудолюбіи и внутреннемъ смиреніи правителя; когда эти качества имѣются на лицо, то все-таки мужскіе и женскіе фавориты, собственное тщеславіе и чувствительность къ лести неизбѣжно будутъ урѣзывать для государства плоды королевскихъ благихъ намѣреній, ибо монархъ не обладаетъ всевѣдѣніемъ и не можетъ примѣнять одинаковую способность разумѣнія ко всѣмъ областямъ своей дѣятельности. Уже въ 1847 году,— говоритъ онъ далѣе,—я стоялъ за то, что надо обезпечить возможность публичной критики правительства въ парламентѣ и въ печати, и этимъ оградить монарха отъ опасности, чтобы женщины, царедворцы, честолюбцы и фантазеры наложили на его глаза шоры, которыя не позволяли бы ему взвѣшивать свои монархическія задачи, избѣгать промаховъ и исправлять ихъ. Такое убѣжденіе все болѣе укрѣплялось во мнѣ по мѣрѣ того, какъ я ближе знакомился съ придворными кружками и долженъ былъ

все чаще защищать государственный интересъ противъ ихъ поползновеній и противъ оппозиціи спеціальнаго кружкового патріотизма отдѣльныхъ вѣдомствъ. Мною руководилъ только государственный интересъ, и несправедливо было обвинять меня въ томъ, что я когда-либо выступалъ въ пользу дворянскаго владычества. Рожденіе въ моихъ глазахъ никогда не служило замѣною способности и дѣльности, и если я высказывался въ пользу землевладѣнія, то я дѣлалъ это не ради интересовъ владѣльческаго сословія, а потому, что упадокъ сельскаго хозяйства представляется мнѣ одною изъ крупнѣйшихъ опасностей для нашего государственнаго строя. Идеаломъ казалась мнѣ монархическая власть, настолько контролируемая независимымъ сословнымъ или профессіональнымъ земскимъ представительствомъ, чтобы монархъ и парламентъ не могли односторонне измѣнять установленный законный порядокъ, а только по взаимному согласію, при публичности и публичной критикѣ всѣхъ государственныхъ дѣлъ со стороны печати и земскаго сейма. Даже тѣ, которые раздѣляли бы мнѣніе, что безконтрольный абсолютизмъ по образцу Людовика XIV составляетъ подходящую форму правленія для нѣмецкихъ подданныхъ, неизбѣжно утрачиваютъ это мнѣніе, когда изучаютъ придворныя исторіи и дѣлаютъ критическія наблюденія, какія я имѣлъ возможность дѣлать при любимомъ мною лично и глубоко почитаемомъ королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV. Король былъ вѣрующій, опирающійся на свое божественное призваніе абсолютистъ, и министры были обыкновенно довольны, когда ихъ дѣйствія и акты покрывались королевскою подписью, хотя они сами часто не могли бы оправдать содержанія подписаннаго". Подъ прикрытіемъ королевскаго абсолютизма неограниченно господствуетъ бюрократія, которая вызывала особенную ненависть Бисмарка въ періодъ его деревенской и провинціальной жизни, когда ему приходилось наблюдать постоянныя непосредственныя столкновенія мелкихъ административныхъ органовъ съ населеніемъ. Но несомнѣнно, что по складу своего характера, по своимъ чувствамъ и понятіямъ онъ былъ тогда абсолютистомъ, вѣрнымъ вассаломъ своихъ королей, и больше всего презиралъ либеральное фразерство городского „мѣщанства", къ которому относилъ и бюрократію; только впослѣдствіи, переставъ быть частнымъ лицомъ, безотвѣтственнымъ человѣкомъ партіи, онъ оцѣнилъ важность свободнаго публичнаго обсужденія критики и контроля въ сферѣ государственныхъ дѣлъ.

Съ конца сороковыхъ годовъ личность фонъ-Бисмарка, какъ самобытнаго земскаго дѣятеля, уже вполнѣ опредѣлилась и заняла

видное мѣсто въ прусскомъ консервативномъ лагерѣ; естественно поэтому, что при дворѣ обнаружилось желаніе привлечь его на государственную службу. Въ маѣ 1851 года онъ былъ назначенъ совѣтникомъ прусскаго посольства при союзномъ сеймѣ во-Франкфуртѣ-на-Майнѣ, а въ іюлѣ того же года получилъ званіе посланника; съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе восьми лѣтъ принимаетъ ближайшее и отчасти руководящее участіе во всѣхъ закулисныхъ движеніяхъ того сложнаго политическаго механизма, который назывался германскимъ союзомъ. Бисмаркъ сдѣлался дипломатомъ не случайно, и выборъ его на трудный постъ представителя Пруссіи при союзномъ сеймѣ объясняется разными соображеніями. Во-первыхъ, наиболѣе жгучіе вопросы текущей политики были неразрывно связаны съ ходомъ нѣмецкихъ національныхъ дѣлъ, и во Франкфуртѣ нуженъ былъ энергическій, ловкій и настойчивый человѣкъ, чтобы давать этимъ дѣламъ желательное для Пруссіи направленіе, безобидное для Австріи. Во-вторыхъ, репутація Бисмарка, какъ яраго реакціонера, исключала возможность активной роли его въ составѣ правительства или администраціи, но очень пригодилась въ дипломатическомъ вѣдомствѣ, гдѣ господствовало вліяніе безусловно реакціонныхъ кабинетовъ—вѣнскаго и петербургскаго. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, среди ревниваго соперничества съ австрійскою дипломатіею, среди взаимныхъ счетовъ и интригъ между представителями второстепенныхъ германскихъ государствъ, Бисмаркъ находилъ благодарнѣйшій матеріалъ для довершенія своего собственнаго политическаго воспитанія; онъ выработалъ тамъ не только свою общую прусско-національную программу, но и тѣ практическіе пріемы и способы дѣйствія, которые должны были обезпечить ея осуществленіе. Въ дѣятельной перепискѣ съ своимъ придворнымъ покровителемъ и другомъ, генераломъ Леопольдомъ фонъ-Герлахомъ, и съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ, министромъ Мантейфелемъ, онъ подробно обсуждаетъ всевозможные политическіе вопросы, стоящіе на очереди,—даетъ обстоятельно мотивированные совѣты, какъ поступать въ сношеніяхъ съ Австріею, Россіею и Наполеономъ III, для пользы Пруссіи, и неустанно предостерегаетъ отъ прямолинейнаго примѣненія общихъ принциповъ, не имѣющихъ своей основы въ реальныхъ выгодахъ и интересахъ государства.

Въ 1857 году, по случаю душевной болѣзни короля, управленіе перешло въ руки его брата, который, четыре года спустя, вступилъ на престолъ подъ именемъ Вильгельма I. Бисмаркъ пользовался его полнымъ довѣріемъ, и оба они во многомъ схо-

дились на почвѣ національныхъ прусско-германскихъ стремленій; но солдатская натура Вильгельма, его строго-военные взгляды и идеалы, его склонность къ необдуманнымъ патріотическимъ порывамъ, его податливость по отношенію къ интимнымъ семейнымъ вліяніямъ, наконецъ его упрямство,—все это значительно измѣняетъ условія дѣятельности Бисмарка и не даетъ ему увѣренности въ прочности своего положенія. Въ январѣ 1859 года онъ противъ своей воли долженъ былъ покинуть Франкфуртъ, такъ какъ принцъ-регентъ, подчиняясь вліянію своей супруги и ея совѣтниковъ, нашелъ необходимымъ имѣть при союзномъ сеймѣ болѣе уступчиваго и миролюбиваго представителя, способнаго улучшить прежнія отношенія съ Австріею. Бисмаркъ принялъ почетный постъ посланника при русскомъ дворѣ, пробылъ въ Петербургѣ до весны 1862 года и, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ той же должности въ Парижѣ, получилъ наконецъ назначеніе, которое позволило ему осуществить свои завѣтныя политическія мечты. Въ сентябрѣ того же 1862 года, запутавшись въ безъисходномъ кризисѣ изъ-за предпринятой военной реформы, король рѣшился обратиться за содѣйствіемъ къ Бисмарку, по совѣту его стараго друга и единомышленника, военнаго министра фонъ-Роона. Король носился тогда съ мыслью о своемъ отреченіи; онъ не могъ и не хотѣлъ уступать народному представительству въ вопросахъ военной организаціи и откровенно изложилъ Бисмарку свою точку зрѣнія. Бисмаркъ согласился быть министромъ борьбы; онъ взялся отстаивать непопулярный военный законопроектъ во всѣхъ его подробностяхъ, противъ парламентскаго большинства, и выразилъ готовность лучше „погибнуть вмѣстѣ съ королемъ", чѣмъ допустить торжество оппозиціи. Король успокоился и предоставилъ Бисмарку дѣйствовать, отказавшись отъ попытки ограничить его заранѣе составленною и собственноручно переписанною программою, которую тутъ же разорвалъ на его глазахъ. Такъ началась правительственная дѣятельность Бисмарка при Вильгельмѣ I. Тридцати-шести лѣтъ отъ роду онъ впервые попалъ въ дипломаты, а черезъ одиннадцать лѣтъ онъ является уже руководителемъ прусской политики, въ качествѣ министра-президента и министра иностранныхъ дѣлъ.

Въ засѣданіи бюджетной коммисіи, 30 сентября, онъ произноситъ свою знаменитую фразу, что „не рѣчами и постановленіями большинства разрѣшаются великіе вопросы времени, а желѣзомъ и кровью". Фраза прозвучала не только въ Пруссіи, но и въ Европѣ какимъ-то грознымъ вызовомъ и надѣлала много

шума въ нѣмецкой печати. Король Вильгельмъ находился тогда въ отсутствіи; онъ уѣзжалъ въ Баденъ-Баденъ къ своей супругѣ и долженъ былъ тотчасъ же вернуться въ Берлинъ. Бисмаркъ отправился къ нему на встрѣчу по желѣзной дорогѣ, спеціально для того, чтобы предупредить неблагопріятное впечатлѣніе, какое могли произвести на него газетные отчеты и толки о сказанныхъ словахъ. Какъ разсказываетъ Бисмаркъ въ своихъ воспоминаніяхъ, король замѣтилъ ему въ меланхолическомъ тонѣ: „Я въ точности предвижу, чѣмъ все это кончится. Тамъ, на площади, подъ моими окнами, отрубятъ вамъ голову, а немного позже и мнѣ“.—„Но—возразилъ Бисмаркъ—намъ придется все равно умереть рано или поздно, а можно ли придумать болѣе приличную смерть, чѣмъ въ борьбѣ за правое дѣло? Ваше величество поставлены въ необходимость сражаться, вы не можете капитулировать, вы должны противиться насилію, даже еслибы это связано было съ физическою опасностью“. Мысль о военномъ долгѣ была наиболѣе убѣдительна для короля, и онъ сразу оживился, когда почувствовалъ себя въ положеніи офицера, обязаннаго воевать за отечество и монархію. „Идеальный типъ прусскаго офицера, готоваго идти на смерть по долгу службы, былъ въ немъ развитъ въ высшей степени. Раньше онъ озабоченъ былъ соображеніями о томъ, оправдается ли избранный путь передъ критикою его супруги и передъ прусскимъ общественнымъ мнѣніемъ; а послѣдствіемъ разговора въ темномъ купѐ вагона было то, что онъ разсматривалъ свою роль уже болѣе съ точки зрѣнія офицера, призваннаго отстоять извѣстный пунктъ во что̀ бы то ни стало, хотя бы цѣною своей жизни. Этимъ онъ возвращенъ былъ къ своимъ привычнымъ понятіямъ и способамъ мышленія, и въ нихъ онъ опять почерпнулъ спокойную увѣренность, бодрость и даже веселость. Жертвовать жизнью за короля и отечество—это было обязанностью прусскаго офицера, и тѣмъ болѣе короля, какъ перваго офицера въ государствѣ. Какъ только онъ взглянулъ на свое положеніе со стороны офицерской чести, оно сдѣлалось для него столь же яснымъ и простымъ, какъ для всякаго нормальнаго прусскаго офицера—предписываемая военными правилами защита хотя бы безнадежнаго военнаго поста. Онъ избавился этимъ отъ опасеній критики, которая могла бы прилагаться къ его политическому маневру супругою и общественнымъ мнѣніемъ. Онъ вполнѣ проникся задачею перваго офицера прусской монархіи, для котораго гибель на службѣ составляетъ почетное завершеніе порученнаго дѣла“.

Этотъ интересный эпизодъ, котораго не приводитъ Клейнъ-Гаттингенъ въ своей книгѣ, характеризуетъ истинныя отношенія министра къ своему повелителю: чтобы вести короля за собою, надо было всегда имѣть въ виду его офицерское міросозерцаніе, которое нерѣдко шло въ разрѣзъ съ важнѣйшими интересами страны. Огромная доля энергіи и изобрѣтательности Бисмарка употреблялась на то, чтобы склонить Вильгельма I къ извѣстнымъ мѣрамъ и рѣшеніямъ, преодолѣть его упорное пассивное сопротивленіе, парализовать враждебныя вліянія его приближенныхъ; эта скрытая закулисная борьба поглощала больше силъ и глубже разстроивала нервы, чѣмъ публичное единоборство съ непримиримою оппозиціею. Требовалось необыкновенное искусство, чтобы направлять короля по желанной дорогѣ, внушая ему убѣжденіе, что онъ слѣдуетъ лишь собственнымъ предначертаніямъ; въ трудные годы хроническаго конфликта между правительствомъ и парламентомъ можно было опираться на общедоступныя офицерскія идеи, но иногда приходилось бороться противъ этихъ идей во имя настоятельныхъ государственыхъ нуждъ. Въ 1866 г., передъ окончательнымъ разрывомъ съ Австріею, Бисмарку было чрезвычайно трудно побудить Вильгельма I рѣшиться на войну, подготовлявшуюся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; потомъ, уже послѣ разрыва, долго не удавалось Мольтке уговорить короля, что необходимо приступить къ быстрымъ наступательнымъ дѣйствіямъ, а не ограничиваться обороной; нападеніе на великую имперію Габсбурговъ казалось королю какъ будто святотатствомъ, и онъ вѣрилъ въ ея военное и политическое превосходство, вопреки всѣмъ смѣлымъ утвержденіямъ своихъ министровъ; а когда одержана была побѣда при Кениггрецѣ, то почти невозможно было уже остановить порывы короля къ дальнѣйшему походу на Вѣну и къ захвату австрійскихъ земель. Спеціально-военная, офицерская точка зрѣнія, требовавшая блистательнаго побѣдоноснаго завершенія успѣшно начатой кампаніи, твердо засѣла въ умѣ Вильгельма I, и никакіе доводы не могли сдвинуть его съ этой позиціи, которой придерживались и всѣ окружавшіе его генералы. Въ іюлѣ 1866 года, въ Никольсбургѣ, рѣшалась судьба всей будущности Пруссіи и Германіи, судьба всего національнаго дѣла, которое Бисмаркъ думалъ довести до благополучной развязки при помощи „крови и желѣза". Австрія была разбита, но не совсѣмъ побѣждена и во всякомъ случаѣ не раздавлена; Наполеонъ III предлагалъ свое посредничество, грозилъ вмѣшательствомъ и требованіями земельныхъ вознагражденій; Россія настоятельно совѣтовала созвать европейскій

конгрессъ, и Бисмаркъ считалъ безусловно необходимымъ ускорить заключеніе мира съ австрійскими уполномоченными, довольствуясь умѣренными условіями, чтобы не подвергать опасности всѣхъ достигнутыхъ результатовъ войны; но король не хотѣлъ и слышать объ остановкѣ военныхъ дѣйствій и объ отказѣ отъ торжественнаго занятія Вѣны. Бисмаркъ заболѣлъ, и заключительное совѣщаніе происходило въ его комнатѣ. Категорически высказанное мнѣніе Бисмарка не нашло отголоска среди членовъ военнаго совѣта; король примкнулъ къ военному большинству. „Нервы мои не выдержали,—пишетъ Бисмаркъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—послѣ сильныхъ впечатлѣній, волновавшихъ меня безъ перерыва, цѣлые дни и ночи; я молча всталъ, ушелъ въ свою спальню и судорожно заплакалъ... Я немедленно принялся за работу, чтобы изложить на бумагѣ всѣ доводы въ пользу заключенія мира, и просилъ короля, если онъ не пожелаетъ принять этотъ мой совѣтъ,—уволить меня отъ моихъ должностей, какъ министра“. На слѣдующій день Бисмаркъ представилъ королю свою записку съ дальнѣйшими поясненіями. „Надо избѣгать,—говорилъ онъ,—тяжелаго пораженія Австріи, чтобы не оставить въ ней слишкомъ сильной жажды возмездія; напротивъ, нужно сохранить возможность позднѣйшаго сближенія съ нынѣшнимъ противникомъ и не упускать изъ виду, что австрійское государство будетъ еще существовать въ Европѣ; если теперь мы повредимъ Австріи свыше мѣры, то она сдѣлается союзницею Франціи и каждаго нашего врага; она пожертвуетъ своими антирусскими интересами, чтобы отомстить Пруссіи. Нѣмецко-австрійскими землями мы не могли бы воспользоваться, ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ; сліяніе этихъ земель съ Пруссіею было бы немыслимо; нельзя управлять Вѣною изъ Берлина“. Король не возражалъ по существу, но твердилъ свое,—что предложенныя условія недостаточны и что безъ территоріальныхъ присоединеній дѣло не обойдется: „главный виновникъ не можетъ же остаться безнаказаннымъ; тогда не трудно было бы уже отнестись мягче къ увлеченнымъ имъ союзникамъ“. Бисмаркъ отвѣчалъ, что предстоитъ не разбирать судебное дѣло, а вести нѣмецкую политику; борьба Австріи изъ-за соперничества съ Пруссіею не болѣе наказуема, чѣмъ прусская борьба противъ Австріи; задачей надо считать установленіе нѣмецкаго національнаго единства подъ главенствомъ прусскаго короля. Когда Бисмаркъ коснулся вопроса о пріостановкѣ побѣднаго шествія арміи къ австрійской столицѣ, король пришелъ въ такое возбужденіе, что дальнѣйшій разговоръ прекратился самъ собою; министръ

покинулъ комнату, въ увѣренности, что его мысль отвергнута, и остановился у себя передъ окномъ „въ такомъ настроеніи, что готовъ былъ бы броситься внизъ съ четвертаго этажа". Дверь отворилась, и сзади подошелъ къ нему кронпринцъ, помѣщеніе котораго находилось рядомъ въ корридорѣ; онъ положилъ ему руку на плечо и сказалъ: „Вы знаете, что я былъ противъ войны; вы признавали ее необходимою и несете за нее отвѣтственность; но если вы теперь убѣждены, что цѣль достигнута и что миръ долженъ быть заключенъ въ настоящее время, то я охотно окажу вамъ содѣйствіе и попробую поддержать ваше мнѣніе предъ моимъ отцомъ". Черезъ полчаса кронпринцъ вернулся со словами: „это было очень трудно, но отецъ согласился". Согласіе было выражено въ припискѣ карандашомъ на поляхъ министерскаго доклада: „Послѣ того какъ мой министръ-президентъ оставляетъ меня предъ лицомъ непріятеля и я здѣсь не могу его замѣнить,—я обсуждалъ дѣло съ моимъ сыномъ, и такъ какъ онъ тоже присоединился къ взгляду министра-президента, то я нахожу себя вынужденнымъ, къ моему прискорбію, послѣ столь блестящихъ побѣдъ арміи перенести эту горечь и принять такой позорный миръ". Это было, впрочемъ, послѣднее рѣзкое проявленіе упорнаго антагонизма между міросозерцаніемъ короля и политикою его министра: своими колоссальными политическими успѣхами Бисмаркъ покорилъ умъ и сердце своего монарха, который съ той поры сознательно подчинялся его совѣтамъ и внушеніямъ для пользы государства и націи... Тяжкій внутренній кризисъ окончился, и бывшій реакціонный министръ, насмѣхавшійся надъ лучшими человѣческими идеалами и провозгласившій откровенный культъ силы, показалъ себя болѣе дальновиднымъ и рѣшительнымъ прогрессистомъ, чѣмъ большинство его либеральныхъ противниковъ;—онъ не усомнился признать, что источникъ всей реальной силы государства лежитъ въ народной массѣ, и что правительство, желающее быть сильнымъ и прочнымъ, не можетъ имѣть другой надежной опоры, кромѣ народнаго большинства. Культъ силы привелъ его къ широкимъ демократическимъ принципамъ, которые легли долговѣчнымъ фундаментомъ созданной имъ имперіи.

Достигнувъ величайшаго торжества надъ оппозиціею и парламентомъ, Бисмаркъ не только не стремился ограничить общественныя и народныя права, обуздать общественное мнѣніе, расширить полномочія администраціи, но еще усилилъ и распространилъ конституціонный духъ введеніемъ всеобщаго народнаго голосованія. Всякія ограничительныя мѣры допускались имъ только

какъ орудія борьбы, какъ средства для достиженія временныхъ опредѣленныхъ цѣлей, но никогда не были для него условіями или элементами постояннаго, нормальнаго порядка. Оглядываясь впослѣдствіи на эпоху конфликта, онъ отдавалъ справедливость своимъ тогдашнимъ врагамъ и обличителямъ: „я настолько объективенъ,—говорилъ онъ въ 1876 году въ прусской палатѣ депутатовъ,—что могу оцѣнить ходъ идей парламента съ 1862 по 1866 годъ, и я питаю полное уваженіе къ настойчивости, съ какою народное представительство защищало тогда то, что̀ считало соотвѣтствующимъ праву. Вы не могли въ то время знать, куда клонится направленіе нашей политики; я не былъ также увѣренъ, что она фактически дойдетъ до предположеннаго результата; и еслибы я могъ вамъ сказать это, то вы всегда имѣли бы возможность отвѣчать: для насъ государственное устройство страны важнѣе, чѣмъ ея внѣшняя политика. И я далекъ отъ того, чтобы ставить это въ упрекъ кому бы то ни было,—хотя въ пылу борьбы бывало иначе"... Для Бисмарка государственное устройство было не предметомъ отвлеченной теоріи или вѣры, а дѣломъ практическаго здраваго смысла, трезваго пониманія національныхъ интересовъ и потребностей. Здравый смыслъ запрещалъ основывать могущество власти на ничтожествѣ и безсиліи народа, возводить въ норму разладъ и недовѣріе между правительствомъ и обществомъ, строить авторитетъ на отсутствіи критики и контроля. Только бодрая, сильная, свободно развивающаяся нація можетъ образовать здоровое, цвѣтущее государство, способное играть великую самостоятельную роль въ міровой политикѣ; а сила и бодрость несовмѣстимы съ пассивнымъ, молчаливымъ безправіемъ. „Абсолютизмъ,—по словамъ Бисмарка,—былъ бы идеальнымъ строемъ, еслибы король и его чиновники не оставались людьми какъ всѣ другіе, которымъ не дано управлять съ сверхъ-человѣческимъ пониманіемъ, предусмотрительностью и справедливостью. Самые разумные и доброжелательные неограниченные короли подлежатъ человѣческимъ слабостямъ и несовершенствамъ, какъ, напримѣръ, преувеличенной оцѣнкѣ собственныхъ взглядовъ, господству фаворитовъ, не говоря уже о женскихъ вліяніяхъ, законныхъ и незаконныхъ. Идеальнѣйшій король, для того, чтобы въ своемъ идеализмѣ не сдѣлаться вреднымъ для государства, нуждается въ критикѣ, уколы которой позволяютъ ему оріентироваться, когда ему грозитъ опасность потерять вѣрную дорогу. Критика можетъ быть проявляема только свободною печатью и парламентами въ современномъ ихъ значеніи. Оба корректива могутъ притупить свое дѣйствіе злоупо-

требленіями; предупреждать это—одна изъ задачъ охранительной политики, требующая борьбы съ парламентомъ и прессою. Опредѣленіе границъ, которыхъ надо держаться въ этой борьбѣ, чтобы не препятствовать необходимому для страны контролю надъ правительствомъ и не давать этому контролю превращаться въ господство,—зависитъ отъ политическаго такта и глазомѣра"... Какъ видно, консерватизмъ Бисмарка имѣлъ мало общаго съ тою системою принудительнаго застоя и всеобщей пришибленности, которая иногда связывается съ его именемъ въ другихъ странахъ...

Л. Слонимскій.

ВСЕ БЫЛО СНОМЪ

Я боленъ былъ—и бредилъ я,
Пугливой грезою ловя
Миражи знойнаго недуга...

Съ цвѣтущихъ травъ, съ прибрежныхъ скалъ
Крыломъ беззвучнымъ воздухъ юга
Меня любовно обвѣвалъ.
Какъ нѣжный, кроткій голосъ друга,
Шептали тополи кругомъ
И листья стройные латаній:

„—Встань, милый, встань съ одра страданій!—
Все было сномъ... Все было сномъ...
Съ тѣхъ поръ какъ мысли свѣтлый геній
Нѣмые призраки смѣнилъ
Гнетущихъ тайнъ и темныхъ силъ,
И чуднымъ солнцемъ откровеній
Живую душу озарилъ,—
Какъ пиръ вѣнчальный протекали
За вѣкомъ вѣкъ безъ грозъ и бурь,
Ни страхъ, ни скорбь не омрачали
Кристаллъ души, очей лазурь...
Не кровь, не слезы были это,—
Роса кропила въ ночи лѣта
Листву дубравъ, цвѣты долинъ,
И зажигалъ въ ней лучъ разсвѣта
Гдѣ—грань алмаза, гдѣ—рубинъ...
Чей плачъ?.. Дитя!.. Какіе стоны,

Рыданья вьюги, звонъ цѣпей
Въ мертвящемъ сумракѣ степей?
То пѣлъ былины боръ зеленый,
То, гимномъ утра пробужденный,
Слагалъ каноны соловей
На зыбкомъ клиросѣ вѣтвей...
Ты слышалъ шумъ?—То грозы Мая
Гремѣли, землю воскрешая,
То плодородье, красота
И свѣтъ рождались изъ ненастья....
И нѣтъ могилы безъ креста,
И нѣтъ души безъ пѣсенъ счастья...

Я боленъ былъ... И бредилъ я...

С. Фругъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1903.

Труды губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. — Три обрисовавшіяся до сихъ поръ группы.—Контрастъ между губерніями земскими и не-земскими.—Источники разногласій. — Главные плоды работы. — Вопросъ о правововомъ положеніи крестьянъ.—Увлеченіе словомъ—или вѣрное пониманіе дѣла?—Царицынская городская дума.—Поправка.

Въ печать проникли пока свѣдѣнія далеко не о всѣхъ губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ. Съ достаточною ясностью, однако, обрисовались двѣ черты, съ которыми мы уже встрѣчались въ уѣздныхъ комитетахъ: неодинаковый составъ губернскихъ комитетовъ и неодинаковое отношеніе ихъ къ ввѣренному имъ дѣлу. На ряду съ комитетами, широко раскрывавшими свои двери, приглашавшими къ участію въ своей работѣ всѣхъ губернскихъ гласныхъ и многихъ другихъ мѣстныхъ дѣятелей, были и такіе, въ составъ которыхъ входили почти исключительно должностныя лица, предуказанныя совѣщаніемъ [1]). Въ однихъ комитетахъ обмѣну мыслей предоставленъ былъ значительный просторъ; предметомъ обсужденія служили всѣ постановленія уѣздныхъ комитетовъ, всѣ вопросы, поднятые въ самомъ губернскомъ комитетѣ, хотя бы они и выходили за предѣлы программы, прямо намѣченной особымъ совѣщаніемъ. Въ другихъ комитетахъ дѣло шло совершенно иначе. Предсѣдатель тамбовскаго комитета, какъ мы уже знаемъ [2]), не допустилъ даже простого оглашенія нѣкоторыхъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ и предложилъ на обсужденіе „весьма односторонне и во многихъ случаяхъ невѣрно составленную выборку изъ журналовъ этихъ комитетовъ, притомъ бо̀льшею частью по частнымъ вопросамъ“, безъ указанія на тѣ условія жизни

---

[1]) Въ ярославскій губернскій комитетъ, напримѣръ, былъ приглашенъ, кромѣ должностныхъ лицъ, только *одинъ* губернскій гласный.

[2]) См. Обществ. Хронику въ № 2 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

населенія, „въ которыхъ уѣздные комитеты усматривали непосредственное вліяніе на современное положеніе сельско-хозяйственной промышленности". Нѣчто аналогичное произошло и въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ. Изъ заявленія, поданнаго четырнадцатью членами комитета (предсѣдателемъ и двумя членами губернской земской управы, шестью предсѣдателями уѣздныхъ земскихъ управъ, тремя уѣздными предводителями дворянства и двумя предсѣдателями сельско-хозяйственныхъ обществъ), видно, что на обсужденіе комитета, какъ единственный предметъ его занятій, былъ внесенъ составленный, по порученію предсѣдателя, сводъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ, весьма неполный, оставившій въ сторонѣ всѣ вопросы общегосударственнаго значенія. Въ Твери, какъ и въ Тамбовѣ, послѣдствіемъ такого распоряженія предсѣдателя былъ выходъ изъ состава комитета всѣхъ членовъ, протестовавшихъ противъ произвольнаго ограниченія его задачъ. Въ тульскомъ губернскомъ комитетѣ въ сводъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ также внесено было только то, что соотвѣтствовало программѣ особаго совѣщанія, и всѣ попытки членовъ комитета выдвинуть другіе вопросы, обсуждавшіеся въ уѣздахъ, встрѣчали рѣшительный отпоръ со стороны предсѣдателя. Это привело къ постепенному уменьшенію числа присутствующихъ въ комитетѣ: первое его засѣданіе состоялось при участіи сорока-двухъ, третье— при участіи четырнадцати членовъ. Въ кутаисскомъ губернскомъ комитетѣ предсѣдатель, вопреки мнѣнію губернскаго предводителя дворянства, не допустилъ къ обсужденію вопросъ о введеніи въ семи уѣздахъ кутаисской губерніи [1]) земскихъ учрежденій. Въ уфимскомъ губернскомъ комитетѣ вовсе не было допущено разсмотрѣніе постановленій бирскаго уѣзднаго комитета; изъяты были также изъ обсужденія нѣкоторыя постановленія стерлитамакскаго уѣзднаго комитета и три записки, поданныя членами уѣздныхъ комитетовъ уфимскаго, стерлитамакскаго и белебеевскаго. Въ харьковскомъ губернскомъ комитетѣ предсѣдатель не допустилъ къ слушанію докладъ одного изъ членовъ, Н. Н. Ковалевскаго, озаглавленный: „Возрастающее оскудѣніе деревни, причины этого явленія и мѣры къ его устраненію", послѣ чего г. Ковалевскій оставилъ засѣданіе комитета. Въ орловскомъ губернскомъ комитетѣ разномысліе выразилось, повидимому, только въ опредѣленіи порядка занятій. Губернскій предводитель дворянства находилъ, что на первый планъ слѣдуетъ поставить такъ называемые *общіе* вопросы, такъ какъ „угнетенное положеніе сельско-хозяйственной промышленности зависитъ больше всего отъ условій бытовыхъ,

---

[1]) Въ остальной части кутаисской губерніи (три округа) дѣйствуетъ еще военное управленіе.

частныхъ и гражданскихъ, облегчаемыхъ или измѣняемыхъ государственными мѣрами". Предсѣдатель комитета, наоборотъ, считалъ общіе вопросы менѣе важными и рѣшилъ начать съ обсужденія программы особаго совѣщанія. Оказалось, однако, что частности трудно разсматривать раньше общихъ положеній: разборъ вопроса о сельско-хозяйственныхъ школахъ, поставленнаго совѣщаніемъ, перешелъ самъ собою въ пренія по *общему* вопросу о народномъ образованіи, заключившіяся принятіемъ слѣдующаго постановленія елецкаго уѣзднаго комитета: „только на базисѣ общаго начальнаго обученія въ народѣ могутъ нормально развиваться потребность въ сельско-хозяйственномъ образованіи и самая форма ея удовлетворенія". Позже, какъ мы слышали, въ орловскомъ комитетѣ установилось единодушіе, и обсужденіе вопросовъ, поставленныхъ уѣздными комитетами, не встрѣчало формальныхъ препятствій.

Вторую группу губернскихъ комитетовъ составляютъ тѣ, гдѣ вопросы ставились такъ же широко и обсуждались такъ же свободно, какъ въ наиболѣе дѣятельныхъ уѣздныхъ комитетахъ. Сюда относятся комитеты костромской, могилевскій, виленскій, волынскій, подольскій, кіевскій, архангельскій, иркутскій, ставропольскій, кубанскій, донской, новгородскій и псковской. Особеннаго вниманія заслуживаетъ рѣчь, произнесенная могилевскимъ губернаторомъ Клингенбергомъ (раньше занимавшимъ ту же должность въ Ковнѣ и Вяткѣ). Открывая засѣданія губернскаго комитета, онъ объяснилъ, что предполагалъ сначала составить сводъ соображеній, высказанныхъ уѣздными комитетами, но отказался отъ этой мысли, такъ какъ подобный сводъ неминуемо страдалъ бы неполнотою и субъективностью; многія обстоятельства могли бы явиться въ немъ невѣрно освѣщенными. Непосредственное изученіе всѣхъ доставленныхъ матеріаловъ г. Клингенбергъ призналъ цѣлесообразнымъ и потому, что встрѣтилъ въ нихъ много весьма оригинальныхъ и совершенно новыхъ взглядовъ, много цѣнныхъ указаній на больныя мѣста нашей сельско-хозяйственной промышленности, Не затруднило его и то обстоятельство, что отвѣты уѣздныхъ комитетовъ не вполнѣ приноровлены къ вопроснымъ пунктамъ совѣщанія и выдвигаютъ на первый планъ такіе тормазы развитія сельско-хозяйственной промышленности, какъ некультурность населенія и правовая обособленность крестьянъ. Точно такъ же отнесся къ задачѣ губернскаго комитета костромской губернаторъ Князевъ. Въ основу рѣчи, сказанной имъ при открытіи засѣданій комитета, была положена мысль о необходимости не ограничиваться частными вопросами о мѣстныхъ нуждахъ, но разрабатывать и вопросы общегосударственные, поскольку они находятся въ тѣсной связи съ первыми. Обсужденію губернскаго комитета подверглись, такимъ обра-

зомъ, *всѣ* постановленія уѣздныхъ комитетовъ, большинство которыхъ высказалось за уравненіе крестьянъ съ другими сословіями, за ослабленіе административной опеки, за облегченіе податного бремени, за расширеніе сферы дѣятельности и увеличеніе средствъ земства. По вопросу о народномъ образованіи всѣ уѣздные комитеты костромской губерніи пришли къ единогласному заключенію, что развитію сельско-хозяйственной промышленности прежде всего и главнымъ образомъ мѣшаетъ невѣжество и, вслѣдствіе этого, инертность массы крестьянскаго населенія. Волынскій губернскій комитетъ высказался за установленіе всеобщаго обученія, за уравненіе крестьянъ, въ правовомъ отношеніи, съ другими классами населенія и за введеніе земскихъ учрежденій, *какъ органовъ общественной самодѣятельности* (т.-е. не въ томъ видѣ, въ какомъ они проектированы для западныхъ губерній бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ). Къ такимъ же заключеніямъ пришелъ и подольскій губернскій комитетъ. Виленскій губернскій комитетъ нашелъ, согласно съ мнѣніемъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества, что „пора подчинить крестьянъ общему съ остальнымъ населеніемъ правопорядку". Кіевскій губернскій комитетъ, раздѣляя взглядъ уѣздныхъ комитетовъ на желательность и своевременность введенія въ кіевской губерніи земскихъ учрежденій, выразилъ пожеланіе, чтобы это преобразованіе было осуществлено съ сохраненіемъ выборнаго начала (въ томъ же смыслѣ высказалось и большинство могилевскаго губернскаго комитета). Подлежащимъ преобразованію, на началѣ всесословности, кіевскій губернскій комитетъ призналъ и сельское управленіе. За скорѣйшее введеніе земскихъ учрежденій подали голосъ комитеты иркутскій (по отношенію къ четыремъ уѣздамъ), донской, ставропольскій, кубанскій. Архангельскій губернскій комитетъ призналъ необходимымъ, кромѣ введенія земскихъ учрежденій, распространеніе на архангельскую губернію суда присяжныхъ, пересмотръ положеній о крестьянахъ и организацію юридической помощи сельскому населенію.

Къ третьей группѣ губернскихъ комитетовъ можно отнести тѣ, въ которыхъ, повидимому, не возникало столкновеній между предсѣдателемъ и членами, но они, тѣмъ не менѣе, почти не пытались выйти за предѣлы спеціально и узко сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Таковы, напримѣръ, комитеты рязанскій, курскій, владимірскій, ковенскій, гродненскій, новороссійскій, томскій. Нѣсколько дальше нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ (владимірскій, курскій, гродненскій, новороссійскій) пошли только въ области народнаго образованія, высказавшись за всеобщее или даже за обязательное начальное обученіе [1]). Въ этой сферѣ,

[1]) Въ постановленіяхъ владимірскаго губернскаго комитета выдается еще признаніе нежелательною фиксаціи земскихъ расходовъ.

впрочемъ, отъ системы крайней сдержанности отступили даже нѣкоторые изъ комитетовъ первой группы. Постановленіе орловскаго комитета мы привели выше. Тамбовскій губернскій комитетъ, уже послѣ выхода изъ него большинства выборныхъ членовъ, призналъ желательнымъ предоставленіе земству права учреждать и вѣдать начальныя училища всѣхъ типовъ, начиная съ школъ грамоты до школъ съ многолѣтнимъ курсомъ и спеціальными программами. За всеобщее обученіе высказался и харьковскій губернскій комитетъ.

Сравнивая между собою всѣ три группы губернскихъ комитетовъ, мы невольно останавливаемся на той выдающейся роли, которую играютъ во второй группѣ комитеты не-земскихъ губерній. Какъ объяснить тотъ фактъ, что и на западной, и на сѣверной, и на юго-восточной окраинѣ государства задача губернскихъ комитетовъ была понята гораздо шире, чѣмъ во многихъ губерніяхъ центральной Россіи? Всего вѣроятнѣе, что этому способствовалъ антагонизмъ между администраціей и земствомъ, развившій, въ административной средѣ земскихъ губерній, стремленіе останавливать, ограничивать и запрещать, уничтожившій охоту и привычку къ совмѣстной работѣ. Предложенія, шедшія, большею частью, изъ земской сферы, именно потому и казались подозрительными и подлежащими не столько обсужденію, сколько устраненію. Иначе стояло дѣло тамъ, гдѣ нѣтъ земства, и, слѣдовательно, нѣтъ укоренившихся анти-земскихъ предубѣжденій. Отсутствіе самоуправленія лучше всего раскрываетъ его цѣнность не только въ глазахъ населенія, но и въ глазахъ администраціи. Тѣ положенія, которыя въ земскихъ губерніяхъ поддерживались преимущественно выборными членами комитетовъ, въ губерніяхъ не-земскихъ нашли защитниковъ между частными лицами, приглашенными къ участію въ комитетахъ—и не встрѣтили, большею частью, противодѣйствія со стороны должностныхъ лицъ... Другая черта, заслуживающая вниманія—это прогрессивное теченіе, обнаружившееся среди представителей дворянства. Между уѣздными предводителями нашлось немало такихъ, которые взяли на себя иниціативу широкой постановки вопросовъ и ничѣмъ не стѣсняли ихъ обсужденіе. За такое отношеніе къ дѣлу высказались, въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ, и губернскіе предводители дворянства. Иниціативу рѣшеній, враждебныхъ народной массѣ, направленныхъ къ сохраненію или обостренію ея безправія, предводители дворянства брали на себя весьма рѣдко. И здѣсь, такимъ образомъ, ярко выступили на видъ хорошія стороны выборнаго начала. Между земствомъ и дворянствомъ точекъ соприкосновенія оказалось больше, чѣмъ между дворянствомъ и администраціей.

Еслибы различіе между постановленіями комитетовъ — различіе количественное (въ смыслѣ числа затронутыхъ вопросовъ) и качественное (въ смыслѣ способа ихъ разрѣшенія)—зависѣло только отъ дѣйствительной разницы мнѣній, оно представлялось и естественнымъ, и характернымъ, какъ вѣрное, хотя, быть можетъ, и неполное отраженіе взглядовъ, наиболѣе распространенныхъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ, среди тѣхъ или другихъ группъ населенія. Къ сожалѣнію, оно обусловливается, въ значительной степени, различіемъ въ составѣ комитетовъ и въ образѣ дѣйствій ихъ представителей. Нельзя было и ожидать, что комитеты, составленные почти исключительно изъ должностныхъ лицъ, отнесутся къ своей задачѣ одинаково съ комитетами, соединившими въ себѣ разнородные и, въ большинствѣ, самостоятельные элементы. Нельзя было, точно также, предполагать, что предсѣдатели комитетовъ, предоставленные самимъ себѣ, одинаково поймутъ предѣлы и значеніе своей власти. И дѣйствительно, неопредѣленность состава и программы привела къ неопредѣленнымъ результатамъ, Развѣ возможно придавать равный вѣсъ и равную цѣнность постановленіямъ комитетовъ, къ участію въ которыхъ были приглашены, напр., всѣ мѣстные гласные (уѣздные или губернскіе), и постановленіямъ комитетовъ, въ которыхъ мѣстное населеніе было представлено немногими лицами, случайно или—что̀ еще хуже—тенденціозно выбранными предсѣдателемъ? Развѣ возможно считать выраженіемъ господствующихъ въ данной мѣстности пожеланій заключенія комитетовъ, изъ состава которыхъ удалилась значительная часть членовъ [1]), или которымъ не дано было возможности обсудить до конца всѣ поднятые въ ихъ средѣ вопросы? Теперь, когда работа комитетовъ пришла или приходитъ къ концу, съ бо̀льшею еще ясностью, чѣмъ прежде, чувствуется пробѣлъ, обусловленный ихъ внѣшнею организаціей. Дискреціонное право предсѣдателей оказалось оружіемъ обоюдоострымъ: благодаря ему нѣкоторые комитеты явились чѣмъ-то похожимъ на настоящее мѣстное представительство, расширили и углубили поставленную имъ задачу,—но въ другихъ случаяхъ оно же послужило источникомъ чисто формальнаго отношенія къ дѣлу. Всего труднѣе понять, какимъ образомъ могли такъ далеко разойтись между собою пути губернскихъ комитетовъ, какимъ образомъ могли быть такъ различно истолкованы ими намѣренія особаго совѣщанія, выраженныя въ извѣстномъ разъясненіи его предсѣдателя? При господствѣ административной централизаціи не должно было,

---

[1]) Случаи массоваго „исхода" бывали и въ уѣздныхъ комитетахъ—напр. въ черниговскомъ, гдѣ предсѣдатель не нашелъ возможнымъ обсужденіе вопросовъ, не включенныхъ въ программу особаго совѣщанія.

повидимому, быть мѣста для діаметрально противоположныхъ рѣшеній одного и того же, и притомъ весьма серьезнаго вопроса—а между тѣмъ изъ двухъ смежныхъ губерній въ одной безпрепятственно допускалось то, что строжайше запрещалось въ другой. Въ одно и то же время здѣсь—свободно обсуждались, тамъ—рѣшительно отклонялись такъ-называемые „общегосударственные“ вопросы. До крайности затрудняется, при такихъ условіяхъ, подведеніе общихъ итоговъ, формулировка общихъ выводовъ; до крайности неравномѣрно выясняются нужды и желанія различныхъ мѣстностей. Нѣкоторыя изъ этихъ нуждъ могутъ даже остаться вовсе ненамѣченными или получить ошибочное толкованіе. Смягчить—или, наоборотъ, обострить—всѣ эти неудобства можетъ дальнѣйшая судьба предложеній и мнѣній, не разсмотрѣнныхъ, по волѣ предсѣдателей, въ уѣздныхъ и губернскихъ комитетахъ. Будутъ ли они похоронены въ мѣстныхъ архивахъ, или поступятъ въ особое совѣщаніе, какъ приложенія къ постановленіямъ комитетовъ? Въ послѣднемъ случаѣ естъ шансы, что они не пройдутъ безслѣдно. Нельзя не признать, однако, что этихъ шансовъ довольно мало. Масса бумагъ, съ которыми встрѣтится особое совѣщаніе, будетъ чрезвычайно велика; весьма возможно, что она заслонитъ собою все неоформленное губернскими комитетами. Далеко не одинаковы, притомъ, по силѣ и авторитетности разрозненныя заключенія уѣздныхъ комитетовъ—и обобщающее, подтверждающее, систематизирующее ихъ постановленіе губернскаго комитета. Безспорно, голоса комитетовъ будутъ не подсчитываться, а взвѣшиваться; но все-же не безразличнымъ окажется, въ концѣ концовъ, и численное отношеніе мнѣній. Не даромъ же „Гражданинъ“, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, пытался ослабить впечатлѣніе, произведенное первыми извѣстіями о дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ—ослабить его указаніемъ на то, что широко поняло свою задачу только незначительное меньшинство комитетовъ [1]). Примѣръ кн. Мещерскаго непремѣнно найдетъ подражателей; отдѣляя овецъ отъ козлищъ, они не затруднятся пріобщить къ первымъ и тѣ губернскіе комитеты (напр. тамбовскій, тульскій, тверской), рѣшенія которыхъ, вслѣдствіе выхода значительнаго числа членовъ, состоялись, въ сущности, *по меньшинству голосовъ*. Будемъ надѣяться, что такой пріемъ не достигнетъ цѣли.

Все сказанное нами до сихъ поръ уменьшаетъ, но, конечно, не уничтожаетъ значеніе дѣла, совершеннаго сельско-хозяйственными ко-

[1]) Когда будетъ сдѣланъ окончательный подсчетъ, предполагаемое меньшинство обратится, быть можетъ, въ большинство, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ вопросамъ (напр. о всеобщемъ обученіи).

митетами. Несомнѣнно, прежде всего, что въ ихъ трудахъ собрано множество цѣнныхъ фактическихъ данныхъ. Примѣромъ этому можетъ служить записка балашовской (саратовской губерніи) уѣздной земской управы, представленная балашовскому уѣздному комитету и имъ одобренная. Ея основная мысль—невозможность поднять благосостояніе сельскаго населенія, пока на немъ тяготѣетъ непосильное податное бремя. По сдѣланному въ запискѣ разсчету, свободный остатокъ добываемаго крестьянами хлѣба составляетъ въ балашовскомъ уѣздѣ около семи милліоновъ пудовъ, стоимостью, въ среднемъ, въ 4.396 тыс. руб. За вычетомъ изъ этой суммы арендной платы, платежей крестьянскому банку и страховыхъ премій, получается около $2^{1}/_{2}$ милл. руб., а съ прибавкой дохода отъ обработки помѣщичьихъ земель и отъ батрачества—5.120 тыс. руб., т.-е. 114 руб. на крестьянскій дворъ. Прямыхъ налоговъ крестьяне балашовскаго уѣзда уплачиваютъ 1.136 тыс. [1]), питейнаго сбора—878 тыс., остальныхъ косвенныхъ налоговъ—приблизительно 507 тыс., всего 2.521 тыс. руб.; къ этому нужно присоединить еще потерю въ 180 тыс. руб., причиняемую сельскимъ обществамъ прекращеніемъ платежей за право продажи вина. Все это вмѣстѣ взятое составляетъ около $60^{1}/_{2}$ руб. на крестьянскій дворъ, чистый доходъ котораго понижается, такимъ образомъ, до 54 рублей (около $8^{1}/_{2}$ р. на душу). Изъ этой ничтожной суммы крестьяне должны удовлетворять свою потребность въ одеждѣ и обуви, производить ремонтъ строеній и инвентаря, уплачивать долги и проценты по долгамъ, дѣлать сбереженія на случай неурожая, пожара и другихъ бѣдствій. Въ результатѣ, конечно, ничего не остается на улучшеніе земледѣльческой культуры; мало того—неизбѣжно долженъ образоваться дефицитъ, покрываемый лишь недоѣданіемъ и вообще сокращеніемъ потребностей. Въ дѣйствительности, при неравномѣрномъ распредѣленіи дохода и налоговъ въ самой крестьянской средѣ, дѣло обстоитъ еще хуже; по меньшей мѣрѣ половина крестьянскаго населенія балашовскаго уѣзда имѣетъ значительно менѣе 8 руб. свободнаго остатка на душу и находится въ состояніи хроническаго голоданія. Картина выходитъ по истинѣ поразительная—и, къ несчастію, примѣнимая не къ одному только балашовскому уѣзду... Съ другой стороны подходитъ къ вопросу лохвицкій (полтавской губерніи) уѣздный комитетъ: упадокъ благосостоянія народной массы иллюстрируется имъ цифровыми данными о различныхъ типахъ крестьянскихъ хозяйствъ. Въ 1888 г., хозяйствъ съ посѣвною площадью менѣе 3 десятинъ въ лохвицкомъ уѣздѣ было 5.084; съ посѣвною площадью отъ 3 до 6 десятинъ—5.221; болѣе 6 десятинъ—5.047.

[1]) Замѣчательно, что цифра мірскихъ сборовъ въ балашовскомъ уѣздѣ (415 тыс. руб.) слишкомъ вдвое превышаетъ цифру земскаго сбора, упадающаго на крестьянъ (197 тыс.).

къ 1899 г., число хозяйствъ первой категоріи увеличилось почти вдвое (9.542); число хозяйствъ второй категоріи осталось почти то же (5.378); число хозяйствъ послѣдней категоріи уменьшилось на одну треть (3.351). Безпосѣвныхъ хозяйствъ въ 1899 г. насчитывалось 3.743 (17% общаго числа хозяйствъ). Хозяйствамъ, посѣвная площадь которыхъ меньше 3 десятинъ, недоставало для продовольствія почти 800 тыс. пудовъ хлѣба (по 16 пуд. на душу)... Изъ числа фактовъ, сгруппированныхъ комитетами, многіе, конечно, были извѣстны и раньше; далеко не безполезно, однако, новое, болѣе яркое ихъ освѣщеніе, краснорѣчиво свидѣтельствующее о неотложности преобразованій.

Второй заслугой сельско-хозяйственныхъ комитетовъ является указаніе частныхъ мѣръ, могущихъ поднять благосостояніе сельскаго населенія. Ограничимся и здѣсь немногими примѣрами. Оренбургскій губернскій комитетъ, по иниціативѣ представителя министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, высказался за правительственное посредничество въ дѣлѣ арендованія крестьянами частно-владѣльческихъ земель. Къ такому посредничеству комитетъ считаетъ возможнымъ призвать отдѣленія крестьянскаго банка, которыя, по договорамъ, заключеннымъ при ихъ участіи, принимали бы на себя уплату владѣльцу арендныхъ денегъ, взыскивая ихъ, затѣмъ, съ арендаторовъ. Предполагается, что владѣльцы, вполнѣ обезпеченные въ исправномъ и безнедоимочномъ полученіи арендной платы, будутъ понижать ея размѣры, удлиннять срокъ аренды и сдавать землю прямо обрабатывающимъ ее крестьянамъ, безъ посредничества крупныхъ съемщиковъ, всегда невыгоднаго для крестьянъ. Само собою разумѣется, что осуществленіе этой мысли не устранило бы всѣхъ неудобствъ и затрудненій, отъ которыхъ страдаютъ въ настоящее время крестьяне-арендаторы помѣщичьихъ земель; но оно могло бы нѣсколько облегчить ихъ положеніе, теперь, сплошь и рядомъ, крайне тяжелое. Въ проектъ правилъ, составленный оренбургскимъ комитетомъ, весьма основательно введена оговорка, ограничивающая участіе крестьянскаго банка сдѣлками *выгодными* для крестьянъ. Только при тщательномъ ея соблюденіи возможно достиженіе цѣли, преслѣдуемой комитетомъ; въ противномъ случаѣ увеличится лишь число сдѣлокъ, разорительныхъ для арендаторовъ... Другое предложеніе, также касающееся крестьянскаго банка, было сдѣлано въ подольскомъ губернскомъ комитетѣ. Оно состоитъ въ томъ, что банку должно быть предоставлено право купленныя имъ имѣнія дѣлить на мелкіе участки, обработка которыхъ не превышала бы силъ одной средней семьи, и сдавать ихъ на правѣ вѣчной аренды нуждающимся въ землѣ русскимъ подданнымъ всякаго сословія и вѣроисповѣданія, съ обязатель-

ствомъ вести на нихъ трудовое хозяйство, безъ права дробленія участка или передачи его въ другія руки. Правильно разработанная и осуществленная, эта мысль несомнѣнно можетъ имѣть благіе результаты. Арендованіе земли—дѣло гораздо менѣе рискованное, чѣмъ ея покупка; оно не возлагаетъ на пріобрѣтателя такихъ обязательствъ, исполненіе которыхъ легко можетъ оказаться для него непосильнымъ—а улучшеніямъ хозяйства „вѣчная“ аренда благопріятствуетъ не въ меньшей степени, чѣмъ право собственности.

Наиболѣе важными труды уѣздныхъ губернскихъ комитетовъ представляются, безспорно, въ той своей части, которая касается самыхъ корней зла, тяготѣющаго надъ населеніемъ. На первый планъ выступаютъ здѣсь постановленія, направленныя къ улучшенію правового положенія крестьянъ, къ уравненію ихъ съ другими сословіями. Прямую противоположность этому движенію, охватившему множество уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ, составляетъ анти-народная кампанія, которую усерднѣе чѣмъ когда-либо ведетъ реакціонная печать. Впечатлѣніе, производимое этою кампаніей, очень похоже на то, которое вызываетъ уродливая старуха (такъ называемый repoussoir) рядомъ съ красивымъ, молодымъ женскимъ лицомъ. Свѣжій вѣтеръ, подувшій въ комитетахъ, поднялъ облака затхлой пыли, накопившейся въ хранилищахъ крѣпостническаго духа. Съ наиболѣе типичными образцами ретрограднаго прожектерства—записками гг. Павлова и Нилуса—мы уже ознакомили нашихъ читателей [1]). Среднюю позицію занимаютъ тѣ, въ чьихъ глазахъ юридическая сторона вопроса далеко уступаетъ технической и совершенно напрасно преувеличивается комитетами, широко раздвинувшими рамки своей работы. Особенно ясно это среднее мнѣніе выражено въ статьѣ, озаглавленной: „О равноправности крестьянъ“ и напечатанной въ № 9628 „Новаго Времени“. „Крестьянская неравноправность“,—говоритъ авторъ,—„фактъ повсемѣстный для цѣлой Россіи, а между тѣмъ разстройство экономическаго быта деревни замѣчается далеко не повсюду, по крайней мѣрѣ не въ одинаковой степени. Прямой связи между этими двумя явленіями, стало быть, нѣтъ... Основной, рѣшающей причины подавленнаго состоянія земледѣльческаго центра слѣдуетъ искать не въ условіяхъ гражданскаго быта, какъ бы ни были они сами по себѣ несовершенны“. Съ ничуть не меньшимъ правомъ можно было бы разсуждать такъ: „въ такой-то деревнѣ, поставленной въ плохія санитарныя условія, заболѣваетъ и умираетъ не все населеніе; ergo—высокая заболѣваемость

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ №№ 1 и 2 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

и смертность зависитъ не отъ вышеупомянутыхъ условій". Въ общественной жизни нѣтъ такихъ обстоятельствъ, которыя бы всегда, вездѣ и на всѣхъ отражались одинаково—нѣтъ уже потому, что безконечно разнообразны комбинаціи однихъ и тѣхъ же данныхъ, безконечно сложны другія, рядомъ съ ними дѣйствующія причины. Какъ бы неудовлетворительна ни была та или иная сторона общественнаго устройства, она не исключаетъ возможности частныхъ перемѣнъ къ лучшему. Весь вопросъ въ томъ, быстро или медленно совершается поступательное движеніе, встрѣчаетъ ли оно поддержку или преграды, является ли исключеніемъ или общимъ правиломъ. Ни одинъ изъ комитетовъ, коснувшихся правового положенія крестьянъ, не видѣлъ въ немъ *единственнаго* ключа къ объясненію упадка, въ которомъ находится сельское хозяйство; рядомъ съ нимъ постоянно выставлялось на видъ многое другое, ведущее къ тому же результату.

„Въ своемъ внутреннемъ правопорядкѣ",—продолжаетъ авторъ разбираемой нами статьи,—„крестьяне находятся внѣ воздѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ, подчиняясь особой сословно-общественной организаціи и особому суду, причемъ то и другое, т.-е. общественная власть и волостной судъ, призваны дѣйствовать согласно мѣстнымъ обычаямъ. Трудно рѣшить, какъ смотрѣть на эту обособленность—какъ на стѣсненіе или какъ на преимущество. Въ глазахъ многихъ до сихъ поръ неприкосновенность обычнаго права составляетъ дорогую основу сельскаго быта, которую всячески слѣдуетъ оберегать отъ разлагающаго дѣйствія индивидуализма съ одной стороны, писаннаго закона—съ другой. Самая неуловимость обычныхъ правовыхъ нормъ кажется этимъ многимъ залогомъ ихъ высокой внутренней цѣнности, такъ какъ въ нихъ находитъ себѣ свободное выраженіе не подчиняющаяся точнымъ нормамъ живая народная душа. Для нихъ зависимость отъ обычныхъ порядковъ и обособленность крестьянъ отъ коропнаго суда составляютъ главную сущность крестьянскаго самоуправленія. Для другихъ, наоборотъ, весь этотъ укладъ — не болѣе какъ пережитокъ старины, непригодный при современномъ экономическомъ строѣ. Надо сдѣлать выборъ между этими двумя точками зрѣнія прежде чѣмъ рѣшить, слѣдуетъ ли въ интересахъ крестьянъ устранить сословную стѣну, въ которой замкнута жизнь деревни". Губернскимъ комитетамъ авторъ ставитъ въ вину, что они не сдѣлали этого выбора. Онъ видитъ противорѣчіе въ томъ, что „тѣ самые комитеты, гдѣ настойчиво провозглашалось начало равноправности, часто высказывались за сохраненіе общины, стало быть за принадлежность земли не двору, а обществу, за признаніе обычая по прежнему регуляторомъ правовыхъ отношеній деревни и за распорядительную власть міра надъ самымъ хозяйствомъ отдѣльныхъ своихъ членовъ. Какимъ

образомъ при общинныхъ порядкахъ можетъ идти рѣчь о приравненіи крестьянъ къ прочимъ сословіямъ—такъ и осталось неразрѣшеннымъ". Исходя изъ этихъ соображеній, авторъ считаетъ себя въ правѣ предполагать, что члены комитетовъ „зачастую увлекались красиво звучащимъ словомъ *равноправность*, не отдавая себѣ ясный отчетъ, что̀ подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть".

Ошибка, въ которой авторъ статьи упрекаетъ комитеты, совершается, въ сущности, имъ самимъ. Равноправность, отъ отсутствія которой страдаетъ наша народная масса, возможна и при дѣйствіи различныхъ гражданскихъ законовъ, при существованіи различныхъ юридическихъ институтовъ. Изъ того, что гражданскій бытъ прибалтійскихъ губерній регулируется сводомъ мѣстныхъ узаконеній, гражданскій бытъ царства польскаго—кодексомъ Наполеона, еще не слѣдуетъ, что жители этихъ окраинъ не равноправны съ коренными жителями имперіи. Изъ того, что споры, возникающіе на почвѣ торговыхъ сдѣлокъ, могутъ быть разрѣшаемы на основаніи торговыхъ обычаевъ, еще не слѣдуетъ, что наше торговое сословіе неравноправно съ остальными. Обычаемъ могутъ руководствоваться и мировые судьи (въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 130 уст. гражд. судопр.)—и никому не приходило въ голову, что это грозитъ опасностью равноправности тяжущихся. Во что̀, съ другой стороны, обратилось примѣненіе крестьянскихъ обычаевъ, послѣ того какъ рѣшенія волостныхъ судовъ пересматриваются, по существу, инстанціей, не имѣющей ничего общаго съ крестьянами—это слишкомъ хорошо извѣстно... Общинное землевладѣніе и теперь, въ сущности, представляетъ собою институтъ гражданскаго права; ничто не мѣшаетъ включенію его въ гражданскій кодексъ, законодательной его регламентаціи, признанію возбуждаемыхъ имъ споровъ подвѣдомственными общему суду. Ограниченія, налагаемыя имъ на владѣльцевъ, однородны (съ юридической точки зрѣнія) съ тѣми, которыя проистекаютъ изъ общей собственности или изъ сервитутовъ. При общей собственности, при сервитутахъ, свобода распоряженія землею является неполной—но обладатель земли тѣмъ не менѣе остается равноправнымъ съ своими согражданами. Ни въ какомъ противорѣчіи, поэтому, неповинны тѣ, кто, защищая общину, стоитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, за уравненіе крестьянъ съ другими сословіями. Спѣшимъ оговориться: защищать общину, какъ форму землевладѣнія, вовсе не значитъ защищать всѣ ея наросты—круговую поруку, стѣсненіе свободы передвиженія, стѣсненіе выхода изъ общины. Они могутъ и должны отпасть, нисколько не подрывая общиннаго землевладѣнія. Такъ именно и смотрѣли на дѣло тѣ комитеты (напр. рузскій, боровичскій, нижегородскій), которые обвиняются теперь въ увлеченіи „красивымъ словомъ". Говоря о

равноправности, они имѣли въ виду тѣ стороны крестьянскаго быта, которыя обошелъ молчаніемъ авторъ разбираемой нами статьи. Подчиненіе крестьянъ (и другихъ сельскихъ обывателей, не принадлежащихъ къ привилегированной части населенія) дискреціонной власти земскихъ начальниковъ, фактическое упраздненіе крестьянскаго самоуправленія, обращеніе должностныхъ лицъ, избираемыхъ крестьянами, въ низшихъ агентовъ администраціи, расширеніе власти волостныхъ судовъ, идущее рука объ руку съ уменьшеніемъ ихъ самостоятельности, непомѣрный ростъ мірскихъ сборовъ, значительная часть которыхъ поглощается потребностями вовсе не мірскими, способъ пополненія земскихъ собраній гласными отъ сельскихъ обществъ, больше похожій на назначеніе, чѣмъ на выборъ, и, наконецъ, сохраненіе въ силѣ для крестьянъ тѣлеснаго наказанія—вотъ что имѣли въ виду комитеты, съ надлежащей высоты взглянувшіе на свою задачу; вотъ въ чемъ они совершенно правильно усмотрѣли одну изъ главныхъ причинъ болѣзни, къ излеченію которой призвано особое совѣщаніе.

Въ прошломъ году мы имѣли случай показать, на примѣрѣ города Вольска, во что обращается городское общественное управленіе при дѣйствіи избирательной системы, созданной Городовымъ Положеніемъ 1892-го года [1]). Нѣчто подобное мы узнаемъ теперь и о Царицынѣ, быстро растущемъ, но мало культурномъ городѣ той же саратовской губерніи. По словамъ царицынскаго корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 33), царицынская городская дума, однородная по составу (почти исключительно купеческому), обнимаетъ собою, въ добавокъ, нѣсколько группъ, сплоченныхъ родствомъ, свойствомъ или экономическою зависимостью (три пары родныхъ братьевъ, трижды повторенная комбинація—тесть, зять и шуринъ). Отсюда цѣлый рядъ аномалій, тяжело отзывающихся на городскомъ населеніи. Всѣ городскія поставки и многіе подряды сосредоточены въ рукахъ гласныхъ; они же состоятъ, главнымъ образомъ, арендаторами городскихъ земель. Въ январьскомъ засѣданіи думы слушалась просьба гласнаго Бабаева о сдачѣ ему безъ торговъ, на шесть лѣтъ, участка городской лѣсной пристани, съ пониженіемъ платимой имъ аренды (13 коп. съ квадратной сажени) на 10%. Одинъ изъ вновь избранныхъ гласныхъ, Мыльницынъ, указалъ, что участокъ Бабаева не хуже сосѣднихъ, за которые платится отъ 20 до 25 коп. съ квадратной сажени, и выразилъ готовность взять его въ аренду съ платою по 20 коп. Нѣкоторые гласные предложили сдать участокъ съ торговъ, но противъ этого воз-

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1902 г.

стали гласные-лѣсоторговцы. Большинствомъ 21 голоса противъ 4 рѣшено было сдать участокъ Бабаеву, безъ торговъ, на шесть лѣтъ. Размѣръ арендной платы (отъ скидки 10°/о Бабаевъ, во время преній, отказался) предложено было опредѣлить закрытой баллотировкой. За это предложеніе высказалось, открыто, только 9 гласныхъ (изъ 24); но когда, вслѣдствіе настояній одного изъ гласныхъ, городской голова рѣшился собственною властью измѣнить способъ голосованія, то распредѣленіе голосовъ оказалось прямо противоположнымъ—за закрытую баллотировку было подано 15 голосовъ. Болѣе яснаго доказательства зависимости, въ которой одна часть гласныхъ держитъ другую, нельзя себѣ и представить. И при закрытой баллотировкѣ, впрочемъ, повышеніе арендной платы Бабаева до 20 копѣекъ съ квадратной сажени было принято (большинствомъ одного только голоса). Вслѣдъ за этимъ лѣсопромышленнику, не состоящему гласнымъ, было отказано въ просьбѣ о сдачѣ участка безъ торговъ (за плату высшую противъ той, которую вноситъ Бабаевъ), причемъ всего усерднѣе возражали противъ этой просьбы тѣ самые гласные, которые только-что поддерживали ходатайство Бабаева! Не ясно ли, что всѣ подобныя явленія коренятся не въ существѣ самоуправленія, а въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя оно поставлено у насъ дѣйствующимъ закономъ?

Въ нашемъ январьскомъ обозрѣніи было сказано, что рыбинскій уѣздный сельско-хозяйственный комитетъ высказался за тѣлесное наказаніе несовершеннолѣтнихъ, уличенныхъ въ проступкахъ противъ собственности сосѣда. Извѣстіе это, заимствованное нами изъ газеты „Право“ (а имъ—изъ „Рыбинской Биржевой Газеты“), оказывается невѣрнымъ; изъ доставленной намъ оффиціальной копіи съ постановленій комитета видно, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи несовершеннолѣтнихъ въ немъ даже и не возникалъ.

ВТОРАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ РЕВИЗІЯ

СПБ. ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ

въ 1902 году.

Въ 1843-мъ году,—ровно 60 лѣтъ тому назадъ, и около 60 лѣтъ спустя послѣ того, какъ, въ 1785-мъ году, императрица Екатерина Великая издала жалованную „Грамоту на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи", съ цѣлью „грады царства своего возвысить и блаженство ихъ утвердить на вѣчныя времена",—въ 1843-мъ году, оказалось, что уже въ 30-хъ годахъ прошлаго, XIX-го вѣка отъ тѣхъ „правъ и выгодъ", пожалованныхъ городамъ Россійской Имперіи, не сохранилось даже и слѣда, а о „блаженствѣ" ихъ давно уже не могло быть и рѣчи, и при этомъ само городское хозяйство и столичное общественное управленіе дошли къ этому времени до полнаго разстройства. Все это послужило тогда поводомъ къ тому, чтобы изслѣдовать причины подобнаго явленія, а для того необходимо было произвести предварительно ревизію с.-петербургскаго городского общественнаго управленія—для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ къ приведенію городскихъ дѣлъ въ порядокъ. Послѣдствіемъ такой ревизіи и было изданіе перваго Городового Положенія 13 февраля 1846 года—спеціально для города С.-Петербурга; жалованная Грамота 1785 года давно уже утратила свою силу, и о ней оставалось одно воспоминаніе. Въ настоящее время, когда въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" (30 января с. г., № 24) появилось „обозрѣніе с.-петербургскаго хозяйства", произведенное второю, по числу, правительственною ревизіею,—въ настоящее время было бы весьма кстати припомнить, хотя бы въ краткихъ чертахъ, результаты той, первой ревизіи того же хозяйства и управленія, 60 лѣтъ тому назадъ, въ 1843-мъ году.

Исторія городского общественнаго управленія за истекшія, со времени пожалованія городамъ „Грамоты", шестьдесятъ почти лѣтъ, была такова, что ожидаемое въ 1785 г. „блаженство" городовъ Россійской Имперіи оказалось далеко не „вѣчно" и очень скоро исчезло, вмѣстѣ съ „Грамотою",—спустя какихъ-нибудь 12 лѣтъ, при императорѣ Павлѣ I. Его преемникъ, императоръ Александръ I, поспѣшилъ возстановить учрежденную при Екатеринѣ II „Общую Думу" (соотвѣтствуетъ нынѣшней городской Думѣ), состоявшую изъ 94 гласныхъ, которые вы-

бирали, по шести тогдашнимъ общественнымъ группамъ, 6 членовъ, составившихъ исполнительный органъ, названный по числу его членовъ Шестигласною Думой; она соотвѣтствовала нынѣшней городской Управѣ, въ которой и до сихъ поръ, какъ бы по преданію, шесть членовъ составляютъ для Петербурга узаконенное ихъ число (Город. Полож. 1892 г., ст. 90).

Судьба этой реставрированной „Общей Думы" и „Шестигласной", въ теченіе почти четырехъ десятилѣтій (1806—1846 гг.), представляла собою постепенное отрицаніе началъ жалованной Грамоты 1785 г., и заключилась совершеннымъ подчиненіемъ городского общественнаго управленія опекѣ правительственной администраціи; послѣдствія же такой опеки начали обнаруживаться ясно еще въ тридцатыхъ годахъ, когда сама Общая Дума собиралась разъ въ три года и такимъ образомъ почти исчезла, а ея гласные, избравъ членовъ въ Шестигласную Думу, получали отъ нея, какъ бы въ вознагражденіе за избраніе, теплыя мѣстечки; однимъ словомъ, Общая Дума сдѣлалась „служанкой" Шестигласной Думы (Управы). И присутствіе самой Шестигласной Думы собиралось изрѣдка, за ненадобностью и отсутствіемъ дѣлъ, такъ какъ почти не было такого дѣйствія со стороны отдѣльныхъ ея членовъ, которое не требовало бы утвержденія или одобренія администраціи и не стояло бы подъ ея „неотступнымъ" надзоромъ. Въ результатѣ такой административной опеки и получилось полное разстройство городского хозяйства и управленія въ столицѣ.

Авторъ книги: „Столѣтіе С.-Петербургскаго городского Общества", такъ описываетъ эту печальную эпоху въ исторіи города Петербурга [1]):

„Дума, въ теченіе цѣлаго полустолѣтія (1806—1846 г.), была по отношенію къ городскому хозяйству простымъ *приходо-расходчикомъ*, казначеемъ" — и ничего больше: военный губернаторъ, напримѣръ, могъ предписывать Думѣ и вносить въ бюджетъ города крупные расходы, полезные, по его личному мнѣнію, для города. Мысль, господствовавшая въ то время о неспособности обывателей, а слѣдовательно и Думы, вести самостоятельно городскія дѣла, и о необходимости держать городское общественное управленіе въ пеленкахъ, подъ строжайшею опекой, а съ другой стороны, слѣпое и безграничное убѣжденіе въ непогрѣшимости и спасительности административной опеки, —все это приняло, къ началу 40-хъ годовъ, такіе размѣры, что отъ Думы осталась одна только тѣнь. Общая Дума перестала совсѣмъ со-

---

[1]) „Столѣтіе Спб. Городского Общества. 1785—1888 г.". Издано по постановленію С.-петербургской Городской Думы, въ память дня 21 апрѣля 1785 года (день изданія Жалованной Грамоты городамъ.

бираться, такъ какъ ее съ успѣхомъ замѣнила собою Шестигласная Дума (Управа), да и Шестигласная Дума, какъ мы видѣли, рѣдко собиралась въ „присутствіе“: правительственная опека и „неотступный“ контроль были вмѣстѣ и охраною для нихъ, избавлявшею ее отъ всякой отвѣтственности. Было одно средство—положить конецъ такому хаосу, гдѣ правительственное начало перемѣшивалось съ общественнымъ во всѣхъ городскихъ дѣлахъ,—издать новый законъ.

Гражданскій губернаторъ, которому было поручено произвести предварительно ревизію въ 1843-мъ году,—за три года до изданія новаго закона, въ 1846 году—писалъ въ своемъ обзорѣ городского хозяйства и управленія, усердно опекаемыхъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, администраціею: „если гласные Думы (Шестигласной, т.-е. Управы) и являлись иногда въ „присутствіе, то лишь для того, чтобы подписать бумаги, „не читая ихъ“; что, благодаря этому, канцелярія заступила мѣсто Думы (Управы). Секретарь Думы (Управы) получилъ необычайное, закономъ ему вовсе не предоставленное значеніе; дошло дѣло до того, что, какъ картинно выражается ревизоръ, въ Думѣ (Управѣ) царило „полное разрушеніе всякой подчиненности со стороны секретаря и канцеляріи; а все это вмѣстѣ, заключаетъ ревизоръ, сдѣлало Шестигласную Думу образцомъ медленности, упущеній, запутанностей, безпорядковъ и злоупотребленій“ [1]).

Но въ то время, въ началѣ сороковыхъ годовъ, изъ всего этого былъ сдѣланъ не тотъ выводъ, какой, быть можетъ, имѣется въ виду въ настоящее время: тогда убѣдились, на основаніи полувѣкового опыта, что усиленіе правительственной опеки не есть еще лучшее средство къ упорядоченію городского общественнаго управленія; самымъ лучшимъ и болѣе вѣрнымъ средствомъ къ тому служитъ предоставленіе городскому обществу возможности развитія въ себѣ внутреннихъ силъ, а для того ему необходимы значительная доля самостоятельности въ предѣлахъ закона и огражденіе отъ всякаго личнаго произвола. Строгое раздѣленіе такихъ двухъ органовъ, какъ Общая Дума и Шестигласная (Управа), изъ которыхъ одинъ долженъ быть подчиненъ другому, окончилось исчезновеніемъ Общей Думы и превращеніемъ ея членовъ въ слугъ Шестигласной (Управы), а эта послѣдняя въ свою очередь окончательно разложилась и была игрушкой въ рукахъ администраціи. Все это должно было исправить и привести въ порядокъ—Городовое Положеніе 1846 года; но оно, конечно, далеко не было еще возвращеніемъ къ принципамъ жалованной Грамоты 1785 г.; тѣмъ не менѣе, однако, Общая Дума, въ силу этого Положенія, составлялась изъ 600—700 гласныхъ [2]), и Распорядительная Дума (нынѣ городская Управа)

[1]) Тамъ же, стр. 115 и т. д.

[2]) Позже это число было сокращено до 250.

представляла собою нѣчто похожее на городское общественное управленіе. Болѣе рѣшительный шагъ по направленію къ Грамотѣ 1785 года, въ смыслѣ принципіальномъ, сдѣлало Городовое Положеніе 1870 года, по сравненію съ которымъ послѣднее Городовое Положеніе 1892 года есть уже движеніе попятное—къ Положенію 1846 года—въ смыслѣ опять принципіальномъ. Послѣдняя реформа 1892 года была сдѣлана безъ всякой ревизіи, быть можетъ и потому, что ревизія могла бы не подтвердить необходимости реформы, да и самая реформа, вѣроятно, имѣла свои причины, не связанныя съ вопросомъ городского хозяйства, а отвѣчавшія общему обратному движенію внутренней политики. Какой выводъ сдѣлаетъ позднѣйшій историкъ городского общественнаго управленія, если ожидаемое Городовое Положеніе 1903 года сложится подъ вліяніемъ новой правительственной ревизіи 1902 года и сдѣланныхъ ею заключеній? возвратимся ли мы къ принципамъ 1846 года и ему предшествующихъ годовъ, или будетъ предпочтено пойти далѣе въ томъ направленіи, какое приняло Городовое Положеніе 1870 года, введенное въ дѣйствіе въ Петербургѣ съ 20 февраля 1873 года?— Вотъ въ чемъ вопросъ,—на который не замедлитъ вскорѣ послѣдовать и отвѣтъ, такъ какъ, судя по газетнымъ слухамъ, въ началѣ февраля, проектъ новаго Городового Положенія переданъ въ Государственный Совѣтъ.

Обращаясь засимъ къ содержимому въ нынѣшнемъ ревизіонномъ обозрѣніи городского хозяйства Петербурга и управленія имъ, мы должны прежде всего замѣтить, что ревизія, конечно, могла имѣть дѣло только съ тѣмъ, что она сама лично видѣла,—а въ такомъ случаѣ ея замѣчанія должны относиться исключительно къ послѣднему, длящемуся четырехлѣтію (1898—1902 г.) и послѣднему личному составу исполнительныхъ органовъ, какъ городской Управы съ ея нынѣшнимъ предсѣдателемъ, а также коммиссій. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, опубликовано пока только общее заключеніе ревизій, но приложенныя къ „обозрѣнію“ краткая и обширная записки остаются неизвѣстными, не имѣется также объясненій со стороны городского общественнаго управленія по предмету замѣчаній ревизій о его „недостаткахъ“. Пока въ печати мы встрѣтили только отзывъ со стороны предсѣдателя одной изъ городскихъ исполнительныхъ коммиссій, А. П. Веретенникова, имѣвшаго, повидимому, предъ глазами также и одну изъ „записокъ“ ревизіи; самый же отзывъ носитъ заглавіе: „Audiatur et altera pars“.

„Только громадность задачи и обширность сферы для обозрѣнія,— такъ говоритъ авторъ отзыва,—а также краткость времени для выполненія намѣреній руководителя, объясняютъ, *смѣю такъ думать* (курсивъ подлинн.), что эти намѣренія не вполнѣ поняты „обозрѣ-

ніемъ", почему „оно" и не даетъ того отвѣта, котораго читатель въ правѣ былъ ожидать, и не видно въ „обозрѣніи" ни всесторонняго анализа предмета, ни спокойнаго къ нему отношенія. За отсутствіемъ послѣдняго, *анализъ представляется преимущественно формальнымъ, мало углубляется въ существо дѣла, и, являясь весьма одностороннимъ, впадаетъ въ предвзятость и тенденцію* (курсивъ въ подлинн.)". Такимъ оказывается „обозрѣніе" вообще",—заключаетъ авторъ отзыва, и затѣмъ переходитъ къ возраженіямъ и опроверженіямъ всего, что касается въ „обозрѣніи" дѣятельности коммиссіи, имъ предсѣдательствуемой.

Дѣйствительно, и сама ревизія, въ лицѣ своего руководителя, тайнаго совѣтника Зиновьева, признаетъ за собою одинъ довольно существенный недостатокъ, говоря: „Повергая на благовоззрѣніе Вашего Императорскаго Величества настоящія соображенія, явившіяся результатомъ обозрѣнія дѣятельности с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, я пріемлю смѣлость всеподданнѣйше доложить, что краткость времени и сложность возложенной на меня, при другихъ по должности занятіяхъ, обязанности не позволили, быть можетъ, исполнить ее съ надлежащею полнотою". Отсутствіе „надлежащей полноты" выразилось прежде всего въ томъ, что въ „обозрѣніи" совершенно упущена огромная часть городского хозяйства, находящагося въ вѣдѣніи городской Управы, и дѣятельность самой Управы оказывается, какъ будто, ускользнувшею отъ вниманія ревизіи: вся ревизія направлена исключительно на дѣятельность семи или восьми городскихъ исполнительныхъ коммиссій; предметъ ихъ вѣдѣнія, конечно, представляетъ большую важность, но все-же далеко не исчерпываетъ всего городского хозяйства. Безъ сомнѣнія, такою неполнотою обозрѣнія можно объяснить нѣкоторую, какъ бы, предвзятость, односторонность обозрѣнія дѣятельности городскихъ коммиссій и неизбѣжную, вслѣдствіе того, поспѣшность заключеній и выводовъ. По словамъ ревизіи, на что она и обращаетъ прежде всего вниманіе, „городская Управа совершенно утратила предоставленное ей закономъ значеніе *единственнаго* и, слѣдовательно, *отвѣтственнаго* исполнительнаго органа по завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ. Всѣ важнѣйшія отрасли этого хозяйства, какъ-то: народное образованіе, больничное дѣло, общественное призрѣніе, водоснабженіе, освѣщеніе, пути сообщенія и т. д. переданы въ *непосредственное* завѣдываніе особыхъ многочисленныхъ по своему составу исполнительныхъ коммиссій, не только свободныхъ отъ какого-либо подчиненія Управѣ, но устранившихъ Управу, благодаря численному своему преобладанію въ Думѣ, отъ всякаго вліянія на ходъ дѣла по этимъ отраслямъ городского хозяйства. Изъ главнаго исполнительнаго органа Управа превратилась почти исключительно въ

совѣщательное учрежденіе при Думѣ, дающее заключеніе по докладамъ исполнительныхъ коммиссій—въ органъ чисто канцелярскій".

Все высказанное такимъ образомъ далеко не достаточно согласовано съ закономъ и дѣйствительностью. Что Управа не есть „единственный и, слѣдовательно, отвѣтственный исполнительный органъ по завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ", это выражено съ полною ясностью въ ст. ст. 103 и 153. Въ статьѣ 103, „для *ближайшаго завѣдыванія* отдѣльными отраслями хозяйства и управленія могутъ быть назначаемы Думами особыя лица, а въ случаѣ необходимости—и особыя исполнительныя коммиссіи"... Итакъ, законъ вовсе не предоставляетъ Управѣ быть „единственнымъ" исполнительнымъ органомъ городской Думы. Далѣе, статья говоритъ: „Тѣ (лица) и другія (коммиссіи), подчиняясь Управѣ, *дѣйствуютъ* на основаніи инструкцій городской Думы", а не по распоряженіямъ Управы; однимъ словомъ, и по закону, коммиссія существенно отличается отъ отдѣленій Управы, а потому и „подчиненіе" ихъ Управѣ также существенно должно отличаться отъ подчиненія ея отдѣленій. По ст. 153, „члены назначаемыхъ Думою исполнительныхъ и подготовительныхъ коммиссій и участковые попечители за противозаконныя дѣйствія по исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, *подлежатъ отвѣтственности, на одинаковыхъ основаніяхъ съ членами Управы*". Итакъ, ревизія напрасно утверждаетъ, будто Управа есть единственный и, слѣдовательно, отвѣтственный исполнительный органъ по завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ. Управа отвѣчаетъ сама за себя, но отнюдь не за коммиссіи. Утвержденіе, будто коммиссіи, „благодаря численному своему преобладанію въ Думѣ", устранили Управу отъ всякаго вліянія на ходъ дѣла по отраслямъ хозяйства, находящагося въ ихъ рукахъ, могло быть высказано только вслѣдствіе не очень близкаго знакомства съ Думою. Во-первыхъ, собраніе Думы вовсе не представляетъ собою сплоченнаго единства, а, какъ всякое собраніе, распадается на партіи, а потому Управа можетъ имѣть за себя, какъ и коммиссіи, ту или другую партію. Съ другой стороны, ревизія не обратила вовсе вниманія на то, что Управа пользуется такимъ преимуществомъ въ Думѣ, какого не можетъ имѣть ни одна коммиссія: въ Думѣ предсѣдательствуетъ, такъ сказать, сама управа, въ лицѣ своего предсѣдателя; а какое это имѣетъ вліяніе на судьбу городскихъ дѣлъ—не трудно понять. Между тѣмъ, исполнительныя коммиссіи именно и придаютъ городскому управленію *общественный* характеръ: гласный не долженъ ограничиваться своимъ правомъ имѣть въ Думѣ свое кресло и на этомъ креслѣ возсѣдать, благодаря своему имущественному цензу,—онъ долженъ обладать достаточнымъ нравственнымъ и умственнымъ цензомъ, чтобы быть готовымъ послужить не одной городской кассѣ исправнымъ внесеніемъ налоговъ, но и самому городскому

дѣлу личнымъ доброхотнымъ трудомъ, о которомъ всегда можно справедливо сказать, что „охота пуще неволи“, даже оплачиваемой жалованьемъ. Если есть недостатки въ исполнительныхъ коммиссіяхъ, то никто не можетъ отрицать ихъ и въ Управѣ, которой ревизія хочетъ непремѣнно придать „командующее“ положеніе, какое нѣкогда имѣла Шестигласная Дума, для чего и въ самомъ законѣ она всегда усматриваетъ болѣе, чѣмъ въ немъ сказано. Впрочемъ, ревизія снисходительно допускаетъ, что „въ средѣ дѣятелей городского общественнаго управленія не мало лицъ, искренно одушевленныхъ желаніемъ принести посильную пользу дѣлу, и если полному проявленію полезной ихъ дѣятельности и мѣшаетъ иногда отсутствіе административной опытности, то эта опытность скоро явится, когда, руководствуясь *указаніями* контролирующей ихъ администраціи, не стѣсняющей дѣйствія городского общественнаго управленія, а стремящейся къ водворенію въ ней необходимаго порядка, они усвоятъ себѣ мысль, что только совокупной дѣятельностью можно достигнуть прочнаго городского благоустройства“. Но если осуществилось бы что-нибудь подобное, при чемъ контроль, въ противность своему назначенію, не только бы контролировалъ, но еще и „указывалъ“,—то, безъ сомнѣнія, всѣ „искренно одушевленные желаніемъ принести посильную пользу дѣлу“ поспѣшили бы оставить общественное управленіе, справедливо разсуждая:—если контроль умѣетъ „указывать“, то пусть онъ самъ и управляетъ, такъ какъ онъ, вѣрно, знаетъ дѣло лучше тѣхъ, кому оно довѣрено. Однимъ словомъ,—городъ можетъ, современемъ, возвратиться мало-по-малу, при подобномъ режимѣ, къ тому порядку, который господствовалъ до 1846 года, когда все было предопредѣлено и предуказано администраціей; сама Дума не будетъ имѣть надобности собираться, такъ какъ и безъ нея существовалъ бы строгій контроль, а на аренѣ городского хозяйства и управленія осталась бы одна городская Управа, въ роли, печальной памяти, Шестигласной Думы, ожидающей распоряженій и указаній отъ администраціи...

Хотя ревизія и объявила на смерть войну исполнительнымъ коммиссіямъ, но тѣмъ не менѣе она хотѣла представить доказательство своего безпристрастія и признала одну изъ нихъ удовлетворительною, но и эта коммиссія... не совсѣмъ спаслась: „если что̀ можно—говоритъ ревизія—поставить въ упрекъ коммиссіи по народному образованію, то это—желаніе освободиться по возможности отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло со стороны вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, хотя казалось бы, что въ этомъ отношеніи совокупная дѣя-

тельность дала бы болѣе прочное основаніе для дальнѣйшаго развитія народнаго образованія".

Но этотъ упрекъ, дѣлаемый ревизіей коммиссіи по народному образованію, вовсе не заслуженъ ею, и, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, онъ долженъ бы быть обращенъ совсѣмъ по другому адресу. Доказательствъ тому не мало можно найти въ 25-лѣтней исторіи этой коммиссіи. При самомъ своемъ основаніи, столько же благоразумно, сколько скромно, коммиссія, не состоя изъ педагоговъ, пожелала имѣть своими руководителями опытныхъ и свѣдущихъ людей, которымъ можно было бы поручить инспекцію надъ училищами. А какъ городъ хотѣлъ поставить это важное дѣло, было видно изъ того, что Дума назначила такимъ лицамъ вознагражденіе за ихъ трудъ по 3.000 рублей въ годъ, а всего на четырехъ лицъ — 12.000 рублей! Приглашены были такіе авторитетные педагоги, какъ Вулихъ, Гердъ, Григорьевъ, Паульсонъ. Казалось, слѣдовало бы только одобрить такую мѣру, со стороны Думы, къ правильному устройству школьнаго дѣла; но попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа опротестовалъ такое постановленіе Думы и обжаловалъ его въ Сенатъ. Но Сенатъ оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій. Имъ же было обжаловано въ Сенатъ и самое постановленіе Думы объ учрежденіи коммиссіи, но и эта жалоба имѣла такую же участь, какъ и первая. Въ теченіе 20-ти лѣтъ, коммиссія, видя крайнюю недостаточность городскихъ 4-хъклассныхъ училищъ, гдѣ дѣти, кончившія курсъ начальнаго училища, и будучи 12 лѣтъ отъ роду, могли бы продолжать ученіе (министерскихъ училищъ было прежде 6 на весь городъ), ходатайствовала не разъ о разрѣшеніи городу открывать свои 4-хъ-классныя школы,—и получала постоянно отказы. Въ 1896 г., коммиссія сдѣлала новую къ тому попытку, но снова получила отказъ, и только, наконецъ, новый тогда министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ далъ такое разрѣшеніе, изъ чего прямо слѣдовало, что городъ могъ бы получить такое разрѣшеніе еще двадцать лѣтъ тому назадъ: двадцать лѣтъ для высшаго народнаго образованія были потеряны. Можно привести и еще одинъ крупный фактъ такого же характера. Во второй половинѣ 90-хъ годовъ, коммиссія пришла къ убѣжденію въ необходимости строить собственные школьные дома съ соединенными училищами на 600 и болѣе учащихся. Одинъ изъ представителей министерства, болѣе близко стоящій къ дѣлу народнаго образованія, директоръ народныхъ училищъ с.-петербургской губерніи г. Латышевъ, возсталъ противъ такихъ построекъ, и надобно было предполагать, что онъ, какъ подчиненное лицо, выражалъ только взгляды своего учебнаго округа на постройку городомъ собственныхъ школьныхъ домовъ. Такимъ образомъ, коммиссіи волей-неволей пришлось и тутъ, говоря язы-

жомъ ревизіи, стараться объ „освобожденіи отъ всякаго вмѣшательства министерства народнаго просвѣщенія“. Но изъ всего этого слѣдуетъ заключить одно, а именно, что ревизіи могло только „казаться“, какъ она сама выражается,—будто „совокупная дѣятельность (училищной коммиссіи и министерства народнаго просвѣщенія) дала бы болѣе прочное основаніе для дальнѣйшаго развитія народнаго образованія“. На дѣлѣ выходило противное: городу не было бы возможности дать такую солидную организацію школьному дѣлу, какую оно получило, благодаря первымъ экспертамъ, дѣйствовавшимъ при началѣ дѣла; только благодаря Правительствующему Сенату, защитившему коммиссію отъ министерства, уцѣлѣла и сама коммиссія; наконецъ, городъ и до сихъ поръ былъ бы лишенъ пяти новыхъ городскихъ 4-хъ-классныхъ училищъ на 1.000 дѣтей, окончившихъ начальный курсъ; и не было бы школьныхъ домовъ, за постройку которыхъ коммиссія получила высшую награду на парижской выставкѣ по приговору педагоговъ, собравшихся со всѣхъ концовъ міра, и, надобно думать, не уступавшихъ ни въ чемъ г. Латышеву. Ничего бы этого не было, еслибы исполнилось желаніе ревизіи относительно „совокупной“ дѣятельности коммиссіи и министерства. Кромѣ того, ревизія упустила изъ виду, что, по закону, положеніе городской училищной коммиссіи слишкомъ скромно для того, чтобы желать или не желать „вмѣшательства“ въ ея дѣла со стороны министерства: въ одну сторону, хозяйственную, она имѣетъ надъ собою Управу и Думу, а въ учебную — не дирекцію народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, а городской училищный совѣтъ, надъ которымъ опять стоитъ губернскій училищный совѣтъ. Въ такомъ устройствѣ дѣла начальнаго народнаго образованія и заключается, между прочимъ, весь секретъ быстрыхъ успѣховъ этого великаго дѣла въ столицѣ, отъ котораго въ будущемъ зависятъ всѣ прочія дѣла.

Другой упрекъ коммиссіи относится къ тому, что „даже училищная коммиссія, по словамъ ревизіи, такъ внимательно относящаяся къ возложенному на нее дѣлу, не вполнѣ удовлетворительно справилась съ принятою на себя крупной операціей по постройкѣ училищныхъ домовъ. Не говоря уже о значительной, въ тридцать тысячъ рублей, передержкѣ противъ смѣтнаго назначенія, отчетность по постройкѣ училищнаго дома на Прудкахъ, и то лишь благодаря моимъ настояніямъ, представлена только чрезъ полтора года послѣ ея окончанія“. Основаніе къ этому упреку коренится, повидимому, въ чрезмѣрной краткости ревизіоннаго сообщенія. Во-первыхъ, о „значительности“ передержки можно судить только по сравненію ея съ суммою смѣтнаго назначенія: передержка въ тридцать тысячъ при милліонномъ смѣтномъ назначеніи имѣетъ не то значеніе, какое она представила бы при смѣтѣ

въ сто или двѣсти тысячъ рублей. Смѣта же была въ двѣсти тысячъ рублей, и потому едва-ли, безъ преувеличенія, передержку въ тридцать тысячъ рублей можно назвать „значительной". Во-вторыхъ, училищная коммиссія, учреждая изъ своей среды особую коммиссію строительную, всегда приглашала занять въ ней мѣсто члена Управы, и тѣмъ,— сказать мимоходомъ,—опровергала теорію ревизіи о враждѣ коммиссій съ Управою и отстранила намёкъ ревизіи на то, что еслибы школьные дома строила Управа, то передержки не было бы. Въ-третьихъ, отчетъ строительной коммиссіи поступилъ поздно, но все-же поступилъ, и, вѣроятно, оказался вполнѣ удовлетворительнымъ, или, иначе, въ обозрѣніи непремѣнно было бы о томъ отмѣчено. Точно также ревизія совершенно умолчала о томъ, что другія, не менѣе крупныя постройки школьныхъ домовъ этою же училищною коммиссіею были исполнены безъ всякой передержки. Въ этомъ случаѣ передержка была для коммиссіи совершенно ясна: смѣта составлялась по смѣтѣ передъ тѣмъ отстроеннаго также большого школьнаго дома на Васильевскомъ Острову, а на Прудкахъ оказались другія условія мѣстности и болѣе высокая въ томъ году цѣна матеріала—вотъ и причины передержки.

Заслуги городского общественнаго управленія по дѣлу насажденія имъ народнаго образованія въ столицѣ ревизія умаляетъ тѣмъ соображеніемъ, будто въ Петербургѣ „дѣлу народнаго образованія помогали и различныя правительственныя учрежденія, и частная иниціатива, такъ что изъ пятидесяти-одной тысячи *всѣхъ* учащихся на долю городскихъ (т.-е. начальныхъ народныхъ) школъ приходится менѣе половины". Но тутъ скрывается значительное недоразумѣніе, такъ какъ правительственныхъ начальныхъ народныхъ школъ (т.-е. содержимыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія) въ Петербургѣ, сколько намъ извѣстно, всего *одна*,—при учительскомъ институтѣ,—а частныхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи городского училищнаго совѣта,—не болѣе десяти; въ вѣдѣніи же духовнаго вѣдомства считается начальныхъ церковно-приходскихъ школъ не болѣе двадцати-пяти. Содержимыхъ же городомъ начальныхъ училищъ въ настоящее время свыше пяти-сотъ, съ двадцатью-пятью тысячами учащихся; итакъ, помощь правительственныхъ учрежденій, какъ министерства народнаго просвѣщенія и св. синода, а также частной иниціативы, выражается какими-нибудь тридцатью-пятью или сорока школами съ двумя тысячами учащихся! Если же ревизія насчитываетъ всѣхъ учащихся дѣтей до пятидесяти-одной тысячи, то она, вѣроятно, зачисляетъ сюда всѣхъ учащихся въ гимназіяхъ, корпусахъ, частныхъ пансіонахъ; но эти заведенія не могутъ быть отнесены къ числу начальныхъ *народныхъ* училищъ, и они, служа среднему образованію, никакъ не могутъ „помогать дѣлу народнаго образованія", какъ то̀ утверждаетъ ревизія.

Значительно меньшая часть „обозрѣнія“ посвящена другимъ „недостаткамъ“ строя с.-петербургскаго городского общественнаго управленія. Такъ, ревизія полагаетъ, что въ отношеніи выборовъ въ гласные „нельзя не признать преимущества Городового Положенія 1870 г.“; но въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что ревизія не предлагаетъ воспользоваться этими преимуществами: по тому Положенію, 1) число гласныхъ превышало двѣсти-пятьдесятъ (сокращенное число отъ семисотъ по Городовому Положенію 1846 года); 2) по разрядамъ раздѣлялись избиратели, но не избираемые; 3) если Положеніе 1870 года улучшается въ томъ отношенія, что въ законопроектѣ допущены квартиранты, то это улучшеніе можетъ повести къ ухудшенію, если избирательный цензъ не будетъ пониженъ; только при этомъ условіи можно ожидать лучшаго состава думы,—а это и служитъ мотивомъ къ допущенію квартирантовъ къ выборамъ.

Далѣе, ревизія обратила вниманіе на недостатокъ контроля надъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, но предложила такую мѣру, которая, дѣйствительно, устранитъ этотъ недостатокъ, но только тѣмъ, что она превратитъ городское общественное управленіе почти въ ничто, или въ „приходо-расходчика“, а потому оно и не будетъ въ состояніи имѣть какіе бы то ни было недостатки. До настоящаго времени, надзоръ за городскимъ общественнымъ управленіемъ, установленный Городовымъ Положеніемъ 1892 г.,—говоритъ ревизія,—„будучи возложенъ на градоначальника и осуществляемъ имъ черезъ посредство особаго столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія, надзоръ этотъ поставленъ въ крайне невыгодныя условія. Присутствіе это обладаетъ даже меньшими средствами, чѣмъ соотвѣтственныя учрежденія въ другихъ губерніяхъ, въ которыхъ обороты по городскому и земскому хозяйству, вмѣстѣ взятые, составляютъ иногда не болѣе одной десятой оборотовъ с.-петербургскаго городского хозяйства“. Но это разсужденіе ревизіи не оправдывается дѣйствующимъ закономъ: довольно вспомнить составъ особаго присутствія, гдѣ два голоса отъ Думы тонутъ въ большинствѣ голосовъ администраціи, усиленной въ послѣднее время непремѣннымъ членомъ; а съ другой стороны, по ст. 84 Гор. Пол. 1902 г., всякое рѣшеніе присутствія, отмѣняющее постановленіе Думы, „подлежитъ исполненію“, т.-е. отмѣнѣ. Недостаетъ, слѣдовательно, только одного, чтобы особое присутствіе само дѣлало постановленіе, на мѣсто постановленнаго Думою, какое ему будетъ угодно, но тогда спрашивается: къ чему же сохранять Думу? Ревизія и предлагаетъ именно такую мѣру, при которой этотъ вопросъ является самъ собою. „Цѣль контроля,—по мысли ревизіи,—какой слѣдуетъ установить для операцій по городскому хозяйству, совершенно независимо отъ повѣрки, производимой городскими ревизіон-

ными коммиссіями, должна состоять въ томъ, чтобы давать администраціи, на которой лежитъ надзоръ, а слѣдовательно отчасти и *отвѣтственность* за правильность городского хозяйства, осуществлять такой надзоръ фактически, *предупреждая* путемъ его тѣ отклоненія, которыя могутъ встрѣтиться въ дѣйствіяхъ исполнительныхъ органовъ городского общественнаго управленія. Контроль этотъ долженъ быть, если можно такъ выразиться, *эластиченъ* и не примѣняться одинаково сразу ко всѣмъ большей частью мелочнымъ распоряженіямъ по городскому хозяйству, а обращать преимущественное вниманіе, по *указанію* администраціи, на которую возложенъ надзоръ за этимъ хозяйствомъ, на тѣ операціи, за которыми по обширности и сложности ихъ необходимо слѣдить *неотступно*".

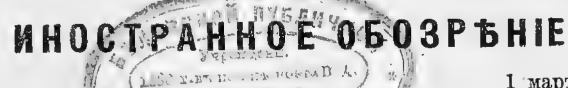
Такой контроль, „неотступный", „указывающій", „предупреждающій" и „отвѣтственный", прежде всего будетъ имѣть результатомъ ослабленіе отвѣтственности учрежденій уже не общественнаго, а полуобщественнаго управленія, такъ какъ часть отвѣтственности падетъ на надзирающую администрацію; предупреждать же отклоненія, прежде нежели они сдѣланы, можно только однимъ путемъ—распоряженій и предписаній. Что же касается до проектируемой „эластичности" контроля, который, вѣроятно, обойдется городу не дешево, то такую эластичность можно понять не иначе, какъ замаскированный произволъ со стороны контроля: захотятъ контролировать—будутъ, а не захотятъ—ненужно. Чтобы быть „неотступнымъ", какимъ онъ былъ въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, нужно, чтобы онъ слѣдилъ по пятамъ каждый шагъ Управы, что отняло бы всякую самодѣятельность у городского общественнаго управленія, которое будетъ обязано дѣйствовать, именно въ „обширныхъ и сложныхъ" дѣлахъ, не иначе, какъ на помочахъ администраціи.

„Обозрѣніе" питаетъ увѣренность, что „если одновременно будутъ усилены средства администраціи по надзору за такимъ сложнымъ хозяйствомъ, каковымъ представляется въ настоящее время хозяйство столицы, бюджетъ расходовъ которой на настоящій годъ исчисленъ круглой цифрой въ двадцать-восемь милліоновъ рублей,—можно разсчитывать на водвореніе въ немъ бо̀льшаго порядка". Прямо къ противоположному выводу пришла, какъ мы видѣли, первая правительственная ревизія шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ; послѣ того какъ, въ теченіе сорока лѣтъ (1806—1846 гг.), правительство усиливало средства администраціи по надзору за такимъ сложнымъ хозяйствомъ, каково городское,—это самое хозяйство именно и пришло въ полное разстройство, и, вслѣдствіе того, уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, авторы перваго Городового Положенія (1846 г.), послѣ уничтоже-

нія жалованной Грамоты городамъ 1785 г., признали, на основаніи многолѣтняго и тяжелаго опыта, что одною правительственною опекою нельзя создать городского общественнаго управленія—а заключеніе ревизіи 1902 года, повидимому, обратное; она возлагаетъ всю надежду на „усиленныя средства“ административнаго надзора и контроля.

М. Ст.

12 февраля 1903 г.



ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1903.

Правительственное сообщеніе по македонскому вопросу.—Турецкія реформы и европейская дипломатія.—Мирная програма балканской политики.—Конецъ венецуэльскаго кризиса.—Политическія дѣла Англіи и Франціи.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 12 февраля напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе по македонскому вопросу:

„Изъ правительственнаго сообщенія 30-го ноября минувшаго года уже извѣстны рѣшенія, которыя съ самаго возникновенія смуты на Балканскомъ полуостровѣ приняты были Россіею въ цѣляхъ предотвращенія возможныхъ осложненій въ предѣлахъ Европейской Турціи.

„Неусыпно слѣдя за политическою жизнью единовѣрныхъ Россіи народностей, Императорское правительство, своевременно освѣдомленное своими агентами объ истинномъ положеніи дѣлъ, не переставало обращать самое серьезное вниманіе Порты на безотлагательную необходимость улучшенія быта христіанскаго населенія Солунскаго, Косовскаго и Монастырскаго вилайетовъ.

„Вызванному въ октябрѣ минувшаго года въ Ялту россійскому послу въ Константинополѣ было поручено выработать проектъ наиболѣе насущныхъ преобразованій и указать Портѣ на настойчивую потребность скорѣйшаго примѣненія таковыхъ, дабы въ корнѣ пресѣчь причины недовольства среди ея подданныхъ. Въ этомъ же смыслѣ было сдѣлано сообщеніе и командированному султаномъ для привѣтствованія Государя Императора въ Ливадію чрезвычайному турецкому послу Турханъ-пашѣ.

„Отоманское правительство изъявило готовность послѣдовать этимъ дружественнымъ совѣтамъ; обнародованный въ ноябрѣ 1902 года ирадэ султана о реформахъ въ европейскихъ провинціяхъ Турціи не представилъ однако достаточныхъ гарантій желательнаго улучшенія быта христіанскаго населенія, а посему и не достигъ преслѣдуемой цѣли—общаго успокоенія.

„Съ другой стороны, не смотря на преподанные балканскимъ государствамъ благожелательные совѣты, агитаторская дѣятельность революціонныхъ комитетовъ продолжала оказывать пагубное вліяніе возбужденіемъ населенія къ возстанію противъ законной власти.

„Въ виду таковаго крайне тревожнаго положенія дѣлъ, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть министру иностранныхъ дѣлъ, въ началѣ декабря минувшаго года, посѣтить столицы Сербіи и Болгаріи для передачи какъ королю Александру, такъ и князю Фердинанду отъ Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Величества сообщенія въ нижеслѣдующемъ смыслѣ.

„Россія, искони принимая самое живое участіе въ судьбѣ христіанскихъ народностей Турціи, направляетъ и нынѣ всѣ усилія свои

къ тому, чтобы побудить отоманское правительство къ скорѣйшему введенію преобразованій въ трехъ европейскихъ вилайетахъ. Для успѣшнаго достиженія этой задачи безусловно необходимо, чтобы и славянскія государства, съ своей стороны, принявъ зависящія отъ нихъ мѣры къ охраненію спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ, противодѣйствовали опасной смутѣ и революціоннымъ замысламъ. Лишь при такихъ условіяхъ они могутъ твердо уповать на мощное заступничество Россіи.

„Его величество король сербскій и его королевское высочество князь болгарскій, въ отвѣтъ на преподанные имъ отъ Высочайшаго Имени совѣты, поспѣшили дать статсъ-секретарю графу Ламздорфу завѣренія въ томъ, что правительства ихъ, слѣдуя доброжелательнымъ указаніямъ Россійскаго Монарха, озаботятся прекращеніемъ дальнѣйшей агитаціи со стороны революціонныхъ обществъ и комитетовъ и будутъ выжидать результатовъ воздѣйствія Россіи въ пользу христіанскихъ народностей Турціи. Обѣщанія эти были выполнены, и Императорское правительство не преминуло высказать полное одобреніе болгарскому правительству по поводу принятыхъ имъ за послѣднее время мѣръ противъ революціонныхъ комитетовъ.

„Вслѣдъ за посѣщеніемъ Сербіи и Болгаріи статсъ-секретарь графъ Ламздорфъ, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, отправился въ Вѣну, гдѣ между министрами иностранныхъ дѣлъ обѣихъ дружественныхъ сосѣднихъ Имперій состоялись, въ силу соглашенія 1897 года, особыя совѣщанія, закончившіяся установленіемъ главныхъ началъ, которыя должны быть положены въ основу проектируемыхъ преобразованій въ трехъ турецкихъ вилайетахъ.

„Условленная такимъ образомъ общая программа была въ началѣ минувшаго января сообщена россійскому и австро-венгерскому посламъ въ Константинополѣ, коимъ поручалось, по обсужденіи мѣстныхъ условій, выработать на основаніи ея болѣе подробный проектъ мѣропріятій, направленныхъ къ существенному улучшенію быта населенія Солунской, Косовской и Монастырской провинцій.

„Изготовленный дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Зиновьевымъ и барономъ Каличе проектъ удостоился одобренія обоихъ правительствъ и затѣмъ довѣрительно сообщенъ былъ 4-го сего февраля великимъ державамъ, подписавшимъ берлинскій договоръ 1878 года, съ просьбою, въ случаѣ сочувственнаго отношенія ихъ къ предположеннымъ реформамъ, оказать соотвѣтственную поддержку требованіямъ Россіи и Австро-Венгріи въ Константинополѣ.

„Франціей, Италіей, Германіей и Англіей была выражена полная готовность поддержать предъ Портою выработанный Россіей и Австро-Венгріей проектъ реформъ.

„Вслѣдъ затѣмъ россійскому и австро-венгерскому посламъ поручено было отъ имени обоихъ правительствъ предъявить султану вышеупомянутый проектъ преобразованій, которыя, въ главныхъ чертахъ, сводятся къ нижеслѣдующему:

„Дабы обезпечить успѣхъ задачи, возложенной, въ силу ирадэ султана, на главнаго инспектора, должностное лицо это назначается на заранѣе опредѣленный срокъ и не можетъ быть отставлено до

истеченія онаго, безъ предварительнаго по сему предмету сношенія съ державами.

„Главному инспектору предоставляется возможность, въ случаѣ надобности, пользоваться содѣйствіемъ отоманскихъ войскъ на всемъ пространствѣ трехъ вилайетовъ, безъ обязательства обращаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ центральному правительству.

„Генералъ-губернаторы трехъ вилайетовъ обязаны строго сообразоваться съ указаніями, исходящими отъ главнаго инспектора.

„Къ участію въ преобразованіи полиціи и жандармеріи должны быть призваны иностранные спеціалисты.

„Отоманское правительство должно озаботиться, чтобы число мусульманъ и христіанъ, служащихъ въ жандармеріи и полиціи, было пропорціонально количеству населенія обоихъ вѣроисповѣданій.

„Сельскіе стражники должны быть избираемы изъ христіанъ тамъ, гдѣ большинство населенія христіанское.

„Такъ какъ притѣсненія и насилія, столь часто чинимыя нѣкоторыми албанскими преступниками по отношенію къ христіанскому населенію, равно какъ безнаказанность совершаемыхъ ими незаконныхъ дѣйствій и преступленій, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ смуты,—то отоманское правительство должно изыскать средства къ прекращенію такового положенія вещей.

„Въ виду того, что въ трехъ вилайетахъ, вслѣдствіе происходившихъ тамъ смутъ, произведены были многочисленные аресты, отоманское правительство должно, дабы ускорить возвращеніе къ нормальному порядку, даровать амнистію всѣмъ обвиняемымъ и осужденнымъ по политическимъ дѣламъ, а равно всѣмъ переселенцамъ.

„Для обезпеченія правильной дѣятельности мѣстныхъ учрежденій, въ каждомъ вилайетѣ будетъ составляться бюджетъ доходовъ и расходовъ. Поступленія отъ провинціальныхъ налоговъ, подъ контролемъ отоманскаго банка, будутъ обращаемы прежде всего на нужды мѣстнаго управленія, включая содержаніе гражданскихъ и военныхъ учрежденій. Способъ взиманія десятиннаго налога будетъ измѣненъ и система общаго откупа отмѣняется.

„Отоманское правительство, оцѣнивъ все значеніе сдѣланныхъ ему представленій, приняло помянутый проектъ и дало мѣстнымъ турецкимъ органамъ категорическое приказаніе тотчасъ приступить къ выполненію намѣченныхъ реформъ.

„Вышеизложенныя мѣропріятія, могущія естественно имѣть широкое развитіе въ будущемъ, нельзя не признать достаточными, чтобы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ вполнѣ обезпечить существенныя улучшенія быта христіанскаго населенія трехъ вилайетовъ.

„При этомъ предполагается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ организовать, подъ руководствомъ пословъ въ Царьградѣ, блительный консульскій надзоръ за примѣненіемъ условленныхъ реформъ.

„Сообщая россійскимъ представителямъ и агентамъ на Балканскомъ полуостровѣ о достигнутыхъ нынѣ результатахъ въ цѣляхъ улучшенія быта христіанскаго населенія Турціи, Императорское правительство сочло необходимымъ вновь подтвердить имъ, для возможно широкаго освѣдомленія славянскихъ народностей, тѣ основныя начала, коими оно въ данномъ случаѣ руководствуется.

„Призванныя къ самостоятельной жизни цѣною неисчислимыхъ жертвъ Россіи, балканскія государства могутъ съ полною увѣренностью разсчитывать на постоянное попеченіе Императорскаго правительства объ ихъ дѣйствительныхъ нуждахъ и на мощную защиту духовныхъ и жизненныхъ интересовъ христіанскаго населенія Турціи.

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ однако они не должны терять изъ виду, что Россія не пожертвуетъ ни единой каплей крови своихъ сыновъ, ни самой малѣйшей долей достоянія русскаго народа, если бы славянскія государства, вопреки заблаговременно преподаннымъ имъ совѣтамъ благоразумія, рѣшились домогаться революціонными и насильственными средствами измѣненія существующаго строя Балканскаго полуострова“.

Чрезвычайная трудность задачи, поставленной на очередь послѣдними событіями на Балканскомъ полуостровѣ, какъ нельзя яснѣе характеризуется содержаніемъ приведеннаго правительственнаго сообщенія. Съ одной стороны, кровавыя волненія въ Македоніи и Старой Сербіи дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на умы въ сосѣднихъ балканскихъ государствахъ и создавали почву для замѣшательствъ, опасныхъ для общаго мира; необходимо было поэтому постоянно употреблять сдерживающее дипломатическое вліяніе на тѣ элементы, которые могли довести дѣло до вооруженнаго столкновенія съ Турціею. Съ другой стороны, невыносимое положеніе турецкихъ христіанъ обострялось жестокими мѣрами, направленными къ подавленію ихъ недовольства, и европейскіе кабинеты вынуждены были дѣйствовать также на Порту, чтобы побудить ее предпринять что-нибудь для успокоенія и удовлетворенія подвластныхъ ей жителей. Въ то же время нельзя было разсчитывать на значительныя добровольныя уступки султана: въ этомъ отношеніи предстояло ограничиться лишь тѣмъ, что возьмется устроить само турецкое правительство. Турція приняла программу реформъ, предложенную ей Австро-Венгріею и Россіею, о чемъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Тевфикъ-паша формально извѣстилъ посланниковъ 23 (10) февраля. „Это поспѣшное принятіе— замѣчаетъ газета „Temps“—было неизбѣжно. Австро-русская программа есть пока только программа, и если турецкое правительство не любитъ реформъ, то оно ничего не имѣетъ противъ программъ, которыя вообще очень мало ему стоютъ; нынѣшній же проектъ всего менѣе способенъ былъ взволновать турокъ. Болѣе скромный, чѣмъ прежніе проекты, онъ довольствуется нѣкоторыми минимальными реформами въ области административной и финансовой; онъ далекъ отъ цѣльнаго преобразовательнаго плана, выработаннаго двадцать-три года назадъ коммиссіею для Восточной Румеліи. Крайняя умѣренность требованій представляетъ по отношенію къ Турціи такое достоинство, что султанъ счелъ долгомъ отвѣчать немедленнымъ со-

гласіемъ. Но не слѣдуетъ предаваться оптимизму по поводу этого скораго согласія: все зависитъ отъ того, какъ и когда будутъ исполнены объявленныя реформы. Державы благополучно довели до конца часть своей задачи, наименѣе важную;—та часть, которая остается впереди, обусловливаетъ собою спокойствіе Востока. Послѣ словъ—нужны дѣйствія". Парижскій „Temps" полагаетъ, что только быстрое и энергическое осуществленіе обѣщанныхъ реформъ можетъ обезпечить миръ въ христіанско-турецкихъ земляхъ; между тѣмъ самыя эти реформы не отличаются опредѣленностью и оставляютъ много простора свободному толкованію и усмотрѣнію турецкихъ властей. Новая должность главнаго инспектора надъ тремя провинціями и ихъ губернаторами будетъ обставлена извѣстными гарантіями, и носитель этого званія останется несмѣняемымъ на точно назначенный—напримѣръ, трехлѣтній—срокъ; но главный инспекторъ избирается Портою изъ мусульманскихъ пашей безъ всякаго участія великихъ державъ, и нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что его обширныя военныя и административныя полномочія будутъ служить къ пользѣ угнетенныхъ христіанъ. Никто не знаетъ, насколько удачнымъ окажется выборъ этого высшаго должностного лица, и потому практическій успѣхъ реформаторской программы является еще весьма проблематическимъ. Преобразованія и улучшенія, рекомендуемыя турецкому правительству, не выходятъ за предѣлы хорошихъ пожеланій, которыя въ сущности ни къ чему не обязываютъ и могутъ не принести замѣтныхъ плодовъ на практикѣ. Жандармерія и полиція въ Турціи, конечно, измѣнили бы свой характеръ, еслибы перестали быть орудіями мусульманскаго господства надъ безправнымъ населеніемъ; но достигнется ли эта перемѣна привлеченіемъ нѣкотораго числа христіанъ въ ряды полицейскихъ служителей, жандармовъ и сельскихъ стражниковъ? Порядочные и добросовѣстные обыватели изъ христіанъ не соблазнятся службою въ турецкой полиціи или жандармеріи при современныхъ условіяхъ, и только худшіе элементы христіанскаго населенія могутъ откликнуться на призывъ властей въ этомъ смыслѣ, хотя бы къ дѣлу были привлечены иностранные спеціалисты. Трудно себѣ представить, чтобы турки мирно служили вмѣстѣ съ христіанами въ качествѣ охранителей общественнаго порядка и благочинія; еслибы это оказалось возможнымъ, то и весь восточный вопросъ давно не существовалъ бы. Турецкое правительство въ принципѣ признаетъ за собою обязанность положить предѣлъ насиліямъ и притѣсненіямъ, совершаемымъ албанскими и прочими башибузуками относительно христіанъ; но какъ отличить незаконныя насилія отъ законныхъ и поощряемыхъ, при отсутствіи самаго понятія законности въ турецкой административной практикѣ? Гдѣ граница между произвольнымъ угнетеніемъ и преду-

предительными мѣрами государственной охраны? Съ турецкой точки зрѣнія даже массовыя избіенія христіанъ считаются иногда законными способами расправы или средствами обузданія непокорнаго духа въ населеніи; аресты производятся не по обвиненію въ какомъ-нибудь преступленіи и не въ цѣляхъ судебнаго разбирательства, а въ видѣ самостоятельныхъ полицейскихъ мѣропріятій,—такъ что въ Турціи нѣтъ обвиняемыхъ и осужденныхъ по политическимъ дѣламъ въ европейскомъ значеніи этихъ словъ, а есть только преслѣдуемые и подавляемые, которымъ безполезно было бы обѣщать амнистію. Серьезной реформою было бы введеніе правильнаго бюджета въ отдѣльныхъ провинціяхъ, подъ контролемъ оттоманскаго банка; но при запутанности общаго финансоваго состоянія имперіи нельзя надѣяться, что матеріальные интересы провинцій будутъ озабочивать центральное правительство, вѣчно нуждающееся въ деньгахъ. Наконецъ, очень важенъ вопросъ о мѣрахъ наблюденія за дѣйствительнымъ выполненіемъ намѣченныхъ преобразованій; консульскій надзоръ, хотя бы самый бдительный, не можетъ быть достаточенъ уже потому, что консулы, въ силу своихъ обычныхъ служебныхъ обязанностей, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мѣстными властями и должны стараться ладить съ ними, а попытки систематическаго вмѣшательства въ дѣла администраціи приводили бы къ непріятнымъ столкновеніямъ, которыя къ тому же были бы безцѣльны при маломъ авторитетѣ консульской власти въ глазахъ турецкихъ пашей. Для организаціи надлежащаго контроля требовалось бы назначеніе спеціальныхъ европейскихъ коммиссаровъ, снабженныхъ широкими правами въ предѣлахъ реформируемыхъ турецкихъ вилайетовъ; однако, державы не сдѣлали такого шага изъ опасенія нарушить принципъ неприкосновенности верховной власти султана. Замѣчательно, что въ своихъ обращеніяхъ къ Турціи по македонскому вопросу иностранные кабинеты избѣгаютъ ссылаться на берлинскій трактатъ, дающій европейской дипломатіи несомнѣнное право контролировать турецкое управленіе въ христіанскихъ областяхъ и настаивать на реформахъ и улучшеніяхъ, которыя Порта обязывалась осуществить въ свое время. Ссылка на трактаты и на положительныя международныя обязательства придавала бы заявленіямъ кабинетовъ болѣе формальный и точный характеръ; а формальная опредѣленность требованій вызываетъ съ другой стороны враждебное чувство, затрудняющее мирную развязку кризиса. Державамъ пришлось бы заранѣе условиться, какъ поступить въ случаѣ отказа Турціи, и нельзя было бы обойти вопросъ о совмѣстныхъ принудительныхъ мѣрахъ, отъ которыхъ уже недалеко до войны. Этихъ опасностей нѣтъ, когда иностранное вмѣшательство не выходитъ изъ круга добро-

желательныхъ совѣтовъ, направленныхъ къ обоюдному дружественному соглашенію.

Самое цѣнное въ послѣднемъ правительственномъ сообщеніи—это выраженіе твердой рѣшимости сохранить миръ на Балканскомъ полуостровѣ и воздержаться отъ прямого участія въ событіяхъ, которыя могли бы быть вызваны какою-нибудь воинственною политикою Болгаріи или Сербіи. Христіанскія народности Балканскаго полуострова знаютъ теперь, что „Россія не пожертвуетъ ни единой каплей крови своихъ сыновъ, ни самой малѣйшей долей достоянія русскаго народа, еслибы славянскія государства, вопреки заблаговременно преподаннымъ имъ совѣтамъ благоразумія, рѣшились домогаться революціонными и насильственными средствами измѣненія существующаго строя" въ христіанско-турецкихъ земляхъ. Условная форма этого предупрежденія вполнѣ понятна: нѣтъ надобности отнимать у македонцевъ всякую надежду на наше активное заступничество въ случаѣ крайности, напр. при повальныхъ избіеніяхъ, и Турція, со своей стороны, не должна разсчитывать на нашу пассивность при всякихъ вообще обстоятельствахъ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что внѣшній миръ на Востокѣ остается первымъ и главнѣйшимъ предметомъ заботъ нашей дипломатіи; о нашемъ военномъ вмѣшательствѣ въ балканскія дѣла не можетъ быть и рѣчи, и новая турецкая война изъ-за Македоніи представляется совершенно невѣроятною. Кажется, ни одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ нашихъ патріотовъ не мечтаетъ о подобномъ оборотѣ событій, и мы могли бы съ полнымъ основаніемъ сказать, что Россія ни въ какомъ случаѣ не повторитъ кровавой ошибки семидесятыхъ годовъ и не дастъ себя вовлечь въ войну подъ прикрытіемъ коллективнаго вмѣшательства Европы въ устройство балканскихъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи наше миролюбіе должно быть признано безусловнымъ. Обстановка восточнаго вопроса значительно измѣнилась за послѣднія два десятилѣтія; взаимныя отношенія державъ, какъ и отношенія ихъ къ Турціи,—теперь уже совсѣмъ не тѣ, какими были прежде. Англія не находитъ уже интереса въ защитѣ турецкихъ порядковъ и откровенно хлопочетъ о реформахъ въ пользу мѣстныхъ христіанъ; Австро-Венгрія не подчеркиваетъ своего антагонизма съ Россіею, а напротивъ, стремится дѣйствовать съ нею заодно; Франція готова идти даже дальше насъ въ мѣрахъ заступничества за христіанскія народности, подвластныя туркамъ; Германія и Италія не уклоняются отъ солидарности съ другими державами въ дѣлахъ турецкаго Востока. Македонскій вопросъ не даетъ матеріала для соперничества кабинетовъ и можетъ разрѣшиться вполнѣ мирно, если только руководящія великія державы установятъ ясную и положительную программу своей балканской политики. Энергія и настойчи-

вость въ преслѣдованіи поставленныхъ цѣлей вполнѣ совмѣстимы съ миролюбіемъ, какъ это неоднократно доказывалъ опытъ западно-европейской дипломатіи; въ частности, относительно Турціи успѣшно примѣнялись и весьма энергическіе пріемы убѣжденія, безъ серьезной опасности для общаго мира,—ибо турки вовсе не расположены или, вѣрнѣе, лишены возможности воевать или дѣйствовать вызывающимъ образомъ противъ соединенныхъ иностранныхъ націй. И еслибы судьба Македоніи потребовала такихъ же коллективныхъ способовъ дѣйствія, какіе употреблены были для прочнаго устройства участи Крита, то европейскій миръ не былъ бы этимъ нарушенъ или поколебленъ; однако, въ интересахъ истиннаго миролюбія нужно желать, чтобы дѣло обошлось безъ внушительныхъ и дорого стоющихъ военныхъ демонстрацій.

Обнародованная недавно французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ „синяя книга“ по македонскому вопросу объясняетъ отчасти причину и значеніе того факта, что послѣдній дипломатическій проектъ турецкихъ реформъ выработанъ и предложенъ непосредственно двумя державами, Австро-Венгріею и Россіею, къ которымъ затѣмъ присоединились другіе кабинеты. Французская дипломатія съ самаго начала кризиса отнеслась къ нему вполнѣ разумно: она не скрывала своего мнѣнія о невозможности прочнаго мира въ Македоніи и Старой Сербіи, пока не приступлено къ серьезному преобразованію мѣстной системы управленія. Получая отъ своихъ представителей въ Константинополѣ и въ Салоникахъ постоянныя сообщенія о насиліяхъ и произволѣ турецкой администраціи, французское правительство пользовалось этими свѣдѣніями для надлежащихъ отвѣтовъ и совѣтовъ турецкому посланнику, часто жаловавшемуся въ Парижѣ на революціонную дѣятельность болгарскихъ комитетовъ; наконецъ, министръ Делькассè взялъ на себя иниціативу болѣе энергическаго коллективнаго шага въ пользу Македоніи и подробно изложилъ свои взгляды по этому предмету въ депешѣ къ французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ, г. Бутирону, отъ 27 (14) ноября, причемъ указывалъ на практическую важность соглашенія между державами, ближайшимъ образомъ заинтересованными въ балканскихъ дѣлахъ, а именно между Австріею и Россіею. Эта депеша подготовила и облегчила попытку нашей дипломатіи дѣйствовать совмѣстно съ вѣнскимъ кабинетомъ, такъ какъ мы имѣли за собою прямую поддержку Франціи и вѣроятное сочувствіе остальной Европы. Французскія симпатіи явно склонялись къ рѣшеніямъ, благопріятнымъ для турецкихъ христіанъ, и это обстоятельство не могло остаться безъ вліянія на австрійскія идеи, всегда отличавшіяся нѣкоторымъ оттѣнкомъ туркофильства. Такимъ образомъ австро-русская программа реформъ явилась резуль-

татомъ общаго миролюбиваго направленія европейской политики въ области восточно-турецкихъ дѣлъ.

Мирно окончилась и венецуэльская распря, успѣвшая вызвать необыкновенное волненіе въ Соединенныхъ-Штатахъ и отчасти также въ Англіи. Американцы были крайне раздражены противъ Германіи, въ виду ея безцеремонныхъ военныхъ дѣйствій въ американскихъ водахъ; англичане были недовольны навязанною имъ совмѣстною экспедиціею съ нѣмцами, и британское правительство съ нетерпѣніемъ ожидало подписанія мирнаго соглашенія съ Венецуэлою до открытія засѣданій парламента. Послѣ долгихъ переговоровъ и пререканій между посланниками Англіи, Германіи и Италіи, съ одной стороны, и американскимъ дипломатомъ Боуэномъ, уполномоченнымъ отъ венецуэльскаго правительства—съ другой, заключительные мирные протоколы были наконецъ подписаны 13 февраля (нов. ст.), и тяжелый международный эпизодъ получилъ сравнительно благополучную развязку. Блокада снята, захваченные венецуэльскіе корабли возвращены по принадлежности, иностранные броненосцы удалились, и президентъ Кастро остался на мѣстѣ, несмотря на усилія нѣмцевъ замѣнить его болѣе подходящимъ для нихъ кандидатомъ. Венецуэла отдѣлалась крупными денежными платежами, которые частью должны быть покрыты немедленно или въ извѣстные сроки, частью же будутъ еще опредѣлены особыми смѣшанными коммиссіями; кредиторами являются иностранные подданные, не получившіе удовлетворенія по государственнымъ займамъ или по договорамъ о подрядахъ и поставкахъ, а также подвергшіеся убыткамъ вслѣдствіе происходившихъ въ странѣ междоусобій. Представители Германіи и Англіи считали совершенно естественнымъ, чтобы, прежде всего, были удовлетворены денежныя претензіи ихъ соотечественниковъ и чтобы расплата съ подданными другихъ государствъ зависѣла отъ позднѣйшаго разбирательства въ смѣшанныхъ коммиссіяхъ; противъ этого взгляда рѣзко возсталъ американско-венецуэльскій уполномоченный Боуэнъ, находившій несправедливымъ и незаконнымъ предоставленіе какихъ-либо преимуществъ гражданамъ союзныхъ воюющихъ державъ, такъ какъ употребленіе грубой силы не должно измѣнять характеръ частныхъ матеріальныхъ правъ и сдѣлокъ. По мнѣнію Боуэна, принудительныя мѣры Германіи и Англіи противъ Венецуэлы не могутъ нарушать равноправность ея частныхъ кредиторовъ и должны одинаково служить къ пользѣ всѣхъ вообще иностранцевъ, имѣющихъ какіе-либо счеты съ туземнымъ правительствомъ. Лондонскій кабинетъ предлагалъ передать разгорѣвшійся споръ на разрѣшеніе третейскаго суда, но Боуэнъ и прези-

дентъ Кастро согласились признать первенство союзниковъ по отношенію къ точно опредѣленнымъ суммамъ, размѣры которыхъ подали даже поводъ къ ядовитой полемикѣ между нѣмцами и англичанами; самый же принципъ предварительнаго признанія долговъ извѣстной категоріи былъ заранѣе изъятъ воюющими державами изъ числа предметовъ обсужденія и объявленъ неподлежащимъ третейскому разбирательству, вопреки доводамъ венецуэльскаго уполномоченнаго. Второстепенныя денежныя требованія подданныхъ дѣйствовавшихъ націй, равно какъ и всѣхъ другихъ иностранцевъ, обезпечиваются извѣстною долею таможенныхъ доходовъ Венецуэлы, и могущіе возникнуть споры о распредѣленіи этихъ доходовъ будутъ разбираться постояннымъ третейскимъ судомъ въ Гаагѣ. Только ничтожные частные вопросы, не имѣющіе никакого принципіальнаго значенія, удостоились передачи на судъ гаагскаго трибунала, къ которому всѣ оффиціальные участники переговоровъ относились почему-то съ скрытою или явною непріязнью. Каждая изъ сторонъ упоминала о третейскомъ судѣ и отсылала къ нему противниковъ, какъ бы только для того, чтобы избѣгнуть дѣйствительнаго третейскаго разбирательства; даже президентъ Рузевельтъ, казавшійся безусловнымъ приверженцемъ третейскаго суда въ международныхъ спорахъ, соглашался съ британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, что разсчитывать на третейскій судъ можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда не задѣта честь и не замѣшано достоинство націи. При такомъ взглядѣ, третейскій судъ былъ бы непримѣнимъ и безполезенъ во всѣхъ серьезныхъ и трудныхъ международныхъ кризисахъ, когда онъ именно и долженъ играть роль спасительнаго средства для предупрежденія войны. Нѣтъ такихъ разногласій, которыя не могли бы быть отнесены къ категоріи чувствительныхъ для національнаго достоинства или самолюбія; иллюстраціею можетъ служить увѣреніе, что извѣстныя денежныя претензіи къ Венецуэлѣ затрогивали честь Англіи и Германіи, и потому не могли быть предоставлены разсмотрѣнію третейскаго трибунала.

Странное недовѣріе или недоброжелательство къ учрежденному недавно постоянному суду въ Гаагѣ проходитъ красною нитью черезъ всѣ фазисы венецуэльскаго конфликта; но мысль объ этомъ судѣ занимаетъ спорящихъ съ самаго начала и отчасти направляетъ ихъ рѣшенія въ ту или другую сторону, такъ что гаагскій трибуналъ дѣйствуетъ на умы и способствуетъ мирному улаженію конфликтовъ уже самымъ своимъ существованіемъ. Для Англіи было весьма важно ускорить развязку, такъ какъ активный союзъ съ Германіею оказался въ высшей степени непопулярнымъ въ странѣ, и общественное мнѣніе, безъ различія партій, высказывалось противъ внѣшней политики кабинета; въ парламентѣ ожидались непріятныя пренія, которыя могли бы окончиться

министерскимъ кризисомъ, еслибы венецуэльскій вопросъ заблаговременно не сошелъ со сцены. При открытіи парламентской сессіи, 17 февраля, правительство могло уже заявить въ тронной рѣчи, что все устроилось благополучно въ Венецуэлѣ, къ полному удовольствію обиженныхъ британскихъ подданныхъ, и что цѣль предпринятой блокады венецуэльскихъ портовъ вполнѣ достигнута. Оппозиціи оставалось только критиковать совершившіеся факты, которые пока не причинили Англіи никакого реальнаго ущерба;—все-таки англичане добились того, что̀ имъ нужно было, и результаты сдѣланныхъ усилій были благопріятны для правительства.

Различные эпизоды, связанные съ пребываніемъ британскаго министра колоній въ южной Африкѣ, дѣятельно обсуждаются въ англійской печати, и самое это путешествіе Чемберлэна возводится на степень первостепеннаго политическаго событія. Министръ началъ свой объѣздъ съ колоніи Наталь, откуда направился въ Трансвааль и Оранжевую колонію, и закончилъ Капскою колоніею и Капштадтомъ; онъ хотѣлъ раньше ознакомиться лично съ положеніемъ вновь присоединенныхъ земель, выслушать представителей побѣжденныхъ буровъ, объясниться съ ними относительно условій мирнаго сожительства обѣихъ расъ, и затѣмъ уже разобраться въ сложныхъ и щекотливыхъ вопросахъ, волнующихъ населеніе Капской колоніи.

Въ Блумфонтенѣ Чемберлэнъ долженъ былъ выдержать продолжительный и отчасти непріязненный диспутъ съ независимыми бурскими делегатами, предводимыми Христіаномъ Деветомъ; буры предъявили цѣлый рядъ жалобъ на правительство, обвиняя его въ несоблюденіи условій мира, въ нарушеніи данныхъ обѣщаній и въ поощреніи антагонизма кафровъ противъ буровъ. Чемберлэнъ отвѣчалъ обстоятельно по всѣмъ пунктамъ, опровергая невѣрныя предположенія и стараясь подтвердить и выяснить необходимость совмѣстной мирной работы для пользы страны; Деветъ откровенно говорилъ о глубокомъ недовольствѣ своихъ соплеменниковъ и грозилъ перспективою непрерывной агитаціи, если правительство не измѣнитъ своихъ неравныхъ отношеній къ покорившимся бурамъ, къ дѣйствовавшимъ съ ними заодно капскимъ колонистамъ и къ бурамъ-измѣнникамъ или лойялистамъ. Чемберлэнъ съ разныхъ сторонъ излагалъ и освѣщалъ свою мирную программу, произносилъ содержательныя рѣчи то передъ англичанами, то передъ бурами, призывалъ мѣстныхъ дѣятелей къ единенію и по возможности устранялъ поводы къ разладу и къ недоразумѣніямъ; но несомнѣнно, что онъ чувствовалъ себя болѣе солидарнымъ съ британскими гражданами Іоганнесбурга, съ владѣльцами и эксплуатато-

рами золотыхъ или алмазныхъ копей, чѣмъ съ простодушными недавними врагами и съ сочувствующимъ имъ большинствомъ туземнаго голландскаго населенія. Буры искренно хотятъ жить въ мирѣ съ англичанами и сохранить вѣрность своему новому отечеству, о чемъ заявляютъ публично съ нѣкоторою наивностью; но они требуютъ взамѣнъ такой же вѣрности и искренности отъ англійскаго правительства, что уже трудно исполнимо для дѣятелей, подобныхъ Чемберлэну. Тѣмъ не менѣе, Чемберлэнъ съ большимъ искусствомъ играетъ роль миротворца, и при своемъ трезвомъ взглядѣ на вещи и всегдашнемъ стремленіи къ широкимъ и обоюдно-выгоднымъ компромиссамъ онъ съумѣлъ серьезно завоевать если не расположеніе, то уваженіе и довѣріе значительной части южно-африканскихъ буровъ.

Въ положеніи Трансвааля и Оранжевой колоніи задача сводится къ поправленію причиненнаго зла, къ энергическимъ стараніямъ изгладить послѣдствія опустошительной войны и облегчить возстановленіе прежней культурной и спокойной жизни; для этого требуются прежде всего огромныя финансовыя жертвы, въ которыхъ британское правительство и не отказываетъ. Предстоящая мирная работа по оживленію и возрожденію края всецѣло озабочиваетъ буровъ и не позволяетъ имъ задаваться какими-либо политическими планами. Другое дѣло—въ Капской колоніи: тамъ старинный разладъ между разнородными элементами сильно обострился подъ вліяніемъ военныхъ событій; масса „африкандеровъ" относится съ явною враждебностью къ англичанамъ, прославляетъ присоединившихся къ бурамъ колонистовъ, какъ героевъ, возмущается и протестуетъ противъ судебнаго преслѣдованія возставшихъ по обвиненію въ измѣнѣ, и имѣетъ возможность придавать своимъ требованіямъ практическую силу, располагая свободною печатью, прочною партійною организаціею и представительствомъ въ парламентѣ. Глава союза африкандеровъ, Гофмейръ, не такъ простодушенъ и довѣрчивъ, какъ бурскіе вожди; онъ имѣетъ свою программу, раздѣляемую большинствомъ его соплеменниковъ, и съ его партіею надо считаться уже потому, что она фактически господствуетъ въ туземномъ культурномъ населеніи. Мѣстные англійскіе патріоты и самъ губернаторъ, лордъ Мильнеръ, признавали необходимымъ отмѣнить на время конституцію, чтобы дать улечься взволнованнымъ страстямъ и исподоволь подготовить перевѣсъ британскихъ избирателей надъ голландскими; но Чемберлэнъ отклонилъ этотъ проектъ, какъ незаконный, и предпочелъ имѣть дѣло съ открытою и легальною оппозиціею африкандеровъ, чѣмъ съ опасною закулисною враждою или глухимъ озлобленіемъ. Теперь африкандеры требуютъ отставки лорда Мильнера, какъ близорукаго и односторонняго администратора, оттолкнувшаго отъ себя обывателей голландскаго проис-

хожденія; а лордъ Мильнеръ превозносится англичанами, въ качествѣ великаго государственнаго дѣятеля, и самъ Чемберлэнъ говоритъ объ его заслугахъ въ такомъ преувеличенно-хвалебномъ тонѣ, что въ его похвалахъ слышится иногда иронія. Льстивыя фразы по адресу Мильнера предвѣщаютъ скорую его отставку, съ обычнымъ перемѣщеніемъ на болѣе высокій и почетный оффиціальный постъ; въ южной Африкѣ онъ долго не удержится, несмотря на конституціонную корректность своего образа дѣйствій за послѣднее время. Англійскія патріотическія газеты смотрятъ довольно мрачно на ближайшее будущее Капской колоніи; онѣ предвидятъ легальное владычество африкандеровъ надъ страною и надѣются только на ихъ здравый политическій смыслъ, который побудитъ ихъ воздерживаться отъ предпріятій и стремленій, враждебныхъ англичанамъ. Въ своихъ свиданіяхъ и бесѣдахъ съ Чемберлэномъ представители союза африкандеровъ не стѣснялись высказывать свои пожеланія, и министръ знаетъ положеніе дѣлъ на мѣстѣ не по канцелярскимъ докладамъ и не по отчетамъ подчиненныхъ чиновниковъ, а по непосредственнымъ, живымъ впечатлѣніямъ, которыя дадутъ ему достаточный матеріалъ для выводовъ. Если вѣрить англійскимъ патріотамъ, самая трудная часть южно-африканской проблемы касается Капской колоніи; но, по всей вѣроятности, трудность заключается лишь въ обезпеченіи такого порядка вещей, который несовмѣстимъ съ британскими же понятіями о колоніальномъ самоуправленіи и конституціонномъ строѣ,—и господство англійскаго меньшинства надъ голландскимъ большинствомъ должно неизбѣжно прекратиться, съ возстановленіемъ нормальнаго хода общественной жизни. Общіе политическіе интересы Англіи, конечно, не пострадаютъ отъ этого возстановленія нормальнаго порядка въ южной Африкѣ, но нормальный порядокъ всего менѣе желателенъ и выгоденъ патріотамъ, любителямъ привилегій и льготъ для себя и своихъ,—притѣсненій и ограниченій—для другихъ. Въ этомъ отношеніи британскіе патріоты, особенно колоніальные, мало чѣмъ отличаются отъ патріотовъ другихъ странъ.

Такъ называемая радикальная партія во Франціи,—имѣющая въ себѣ, впрочемъ, много консервативнаго и традиціоннаго,—занимаетъ нынѣ господствующее положеніе въ политической жизни страны, и это положеніе еще болѣе укрѣпилось, благодаря недавнимъ сенатскимъ выборамъ, обновившимъ третью часть состава французской верхней палаты. Изъ числа 98 сенаторскихъ вакансій занято было до сихъ поръ радикалами 29 мѣстъ, умѣренными республиканцами—18, прогрессистами или либералами—35, консерваторами—7; вновь выбраны въ началѣ января 67 радикаловъ—болѣе чѣмъ вдвое прежняго,—21

республиканецъ, 7 консерваторовъ и 1 націоналистъ. Глава кабинета, Комбъ, выбранъ сразу въ двухъ департаментахъ; министръ финансовъ Рувье также сдѣлался сенаторомъ. Вліятельная прежде группа республиканцевъ-либераловъ или прогрессистовъ, руководимая Мелиномъ, почти совершенно растаяла, и ни одинъ изъ ея членовъ, подвергшихся переизбранію, не попалъ обратно въ сенатъ. Эти выборы представляютъ большой интересъ, какъ симптомы преобладающаго настроенія: въ средѣ политическихъ партій, какъ и въ парламентской группировкѣ ихъ, замѣчается постоянное движеніе влѣво. Въ палатѣ депутатовъ президентомъ состоитъ радикалъ Леонъ Буржуа, а вице-президентомъ соціалистъ Жоресъ, вѣроятный кандидатъ въ министры; прежній президентъ палаты, недавно еще столь популярный Поль Дешанель, произноситъ оппозиціонныя рѣчи, въ качествѣ умѣренно-консервативнаго оратора, и его слащавыя благонамѣренныя проповѣди вызываютъ недоумѣніе, какъ будто слушатели удивляются его бывшей общепризнанной славѣ. Радикальный элементъ постепенно водворяется и въ сенатѣ; личный успѣхъ Комба на выборахъ означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду его министерства. Комбъ имѣетъ шансы сохранить власть, несмотря на то, что покончилъ съ духовными конгрегаціями, съ клерикалами и націоналистами, и исчерпалъ свою программу спасенія республики отъ угрожавшихъ ей опасностей; враги успокоились, или по крайней мѣрѣ острый періодъ борьбы прошелъ, и тѣмъ не менѣе министерство остается и останется на своемъ посту, какъ отвѣчающее общему положенію дѣлъ.

Въ палатѣ депутатовъ чувствуется иногда новое теченіе мыслей, раздается свѣжее слово, и краснорѣчіе торжествуетъ въ лицѣ Жореса, который впервые осмѣлился публично отвергнуть священную для патріотовъ идею возмездія, вмѣстѣ съ мечтою объ обратномъ завоеваніи Эльзаса-Лотарингіи. Только такой ораторъ, какъ Жоресъ, могъ позволить себѣ затронуть подобную тему безнаказанно. Жоресъ имѣетъ мужество отрицать войну и всѣ соединенныя съ нею великія патріотическія надежды; онъ ждетъ лучшаго будущаго не отъ военныхъ побѣдъ, а отъ водворенія идей мира и справедливости. „Франція—говорилъ онъ въ засѣданіи 23 января—была побѣждена, но не была унижена; она боролась до истощенія своихъ силъ, и мы можемъ безъ смущенія закрыть на этой грустной страницѣ ненавистную книгу войны". И многочисленные патріоты, засѣдающіе въ палатѣ, внимательно и спокойно слушали эти слова Жореса, и даже ярые націоналисты не протестовали;—ему возражали по существу, но безъ горячности и безъ убѣжденія, какъ будто дѣло шло объ отвлеченномъ принципіальномъ вопросѣ, лишенномъ практической важности. Очевидно, завѣтныя идеи, воодушевлявшія Деруледа и его единомышлен-

никовъ, давно уже выдохлись во Франціи и превратились въ пустыя рутинныя фразы, хотя никто не рѣшался громко признаться въ этомъ; воинственныя мечтанія поддерживались и повторялись по традиціи, и заслуга Жорèса заключается въ томъ, что онъ разоблачилъ ихъ пустоту передъ парламентомъ, т.-е. передъ всей страною и передъ всѣмъ свѣтомъ. Публичное подтвержденіе извѣстныхъ истинъ мало-по-малу вводитъ ихъ въ общее сознаніе, и люди начинаютъ открыто высказывать то, что долго считали нужнымъ скрывать и замалчивать, —перестаютъ поклоняться войнѣ, внушающей имъ только ужасъ, и открещиваются отъ кровавыхъ завоеваній, о которыхъ въ сущности и не думали серьезно. Такого рода перемѣна въ пониманіи патріотическихъ чувствъ представляла бы прогрессъ для французскаго общественнаго мнѣнія,—прогрессъ, правда, отрицательный, но подготовляющій почву для болѣе плодотворныхъ положительныхъ національныхъ заботъ и стремленій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1903.

I.

— *В. А. Мякотинъ.* Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки Спб. 1903.

Вышедшему недавно въ свѣтъ подъ этимъ заглавіемъ сборнику своихъ, въ разное время уже напечатанныхъ статей авторъ предпослалъ коротенькое предисловіе, въ которомъ отмѣчаетъ ихъ „руководящую мысль“, придающую имъ извѣстное единство. Это, говоритъ онъ,—„исторія идейнаго движенія, совершавшагося въ нѣдрахъ русскаго общества за послѣднія три столѣтія“. Личности, выведенныя г. Мякотинымъ въ этомъ сборникѣ: протопопъ Аввакумъ, князь М. М. Щербатовъ, Радищевъ, Пушкинъ, Грановскій и Кавелинъ—интересовали автора, какъ „представители различныхъ фазисовъ идейнаго движенія“ въ русскомъ обществѣ, а ихъ біографіи—какъ его характерные эпизоды. Конечно, по шести „этюдамъ и очеркамъ“, вошедшимъ въ составъ сборника, нельзя прослѣдить всю идейную эволюцію, о которой идетъ рѣчь, но отрывочность эпизодовъ искупается единствомъ точки зрѣнія и даже настроенія. Впрочемъ, и надобности нѣтъ искать въ сборникѣ статей, написанныхъ въ разное время и по разнымъ случаямъ, непремѣнно какого-либо единства. Въ книгѣ г. Мякотина каждая статья, такъ сказать, отвѣчаетъ сама за себя и имѣетъ свой собственный внутренній интересъ, и даже еслибы содержаніе отдѣльныхъ статей сборника было совершенно разнороднымъ, появленіе его въ свѣтъ можно было бы только привѣтствовать. Бо̀льшая часть переизданныхъ г. Мякотинымъ статей появилась первоначально въ „Русскомъ Богатствѣ“, и нужно только жалѣть, что сборникъ вышелъ въ свѣтъ ранѣе недавняго появленія въ этомъ журналѣ другой статьи о К. Д. Кавелинѣ, которая существенно

дополняетъ имѣющуюся въ сборникѣ. Далѣе, самая обширная статья —объ Аввакумѣ—составляла первоначально отдѣльную книжку въ „Біографической Библіотекѣ" Павленкова; въ свое время она была замѣчена, какъ одна изъ наиболѣе удачныхъ во всей коллекціи, и о ней очень лестно отозвался въ печати извѣстный французскій историкъ Рамбо. Послѣ ея перваго изданія (1893) объ Аввакумѣ появились новые труды, которые авторомъ приняты, конечно, въ разсчетъ. Наконецъ, еще одна статья, дающая характеристику Радищева и озаглавленная: „На зарѣ русской общественности", была въ первый разъ напечатана въ сборникѣ „На славномъ посту", изданномъ въ честь Н. К. Михайловскаго. Теперь эти работы собраны вмѣстѣ, и читатель, интересующійся исторіей русской интеллигенціи, въ этихъ статьяхъ найдетъ много для себя интереснаго. Дѣло въ томъ, что В. А. Мякотинъ съ такимъ же правомъ, какъ это сдѣлалъ недавно П. Н. Милюковъ, по отношенію къ сборнику своихъ статей, могъ бы назвать и свой сборникъ: „Изъ исторіи русской интеллигенціи", и, пожалуй, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такое заглавіе было бы болѣе правильнымъ, болѣе соотвѣтствующимъ „руководящей нити" во всѣхъ статьяхъ автора. Для любителей серьезнаго историческаго чтенія мы отмѣтили бы и то, что обѣ книги, находящіяся между собою въ извѣстномъ духовномъ родствѣ—въ смыслѣ сходства научныхъ пріемовъ и общественныхъ интересовъ, прекрасно одна другую дополняютъ, и лишь одинъ Грановскій изъ всѣхъ представителей русской интеллигенціи встрѣчается въ обѣихъ книгахъ: остальное все—разное. Нельзя не пожелать обоимъ сборникамъ самаго широкаго распространенія.—Н. Карѣевъ.

II.

—Э. Паркеръ. Китай, его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Перевелъ съ англійскаго 2-го изд. генеральнаго штаба полковникъ Грулевъ. Съ 6 картами. Спб. 1903.

Событія послѣднихъ лѣтъ, разыгравшіяся на дальнемъ Востокѣ, вызвали въ русской читающей публикѣ усиленный интересъ къ Китаю, который издавна представлялся какимъ-то грандіознымъ и таинственнымъ сфинксомъ. Появилась обширная литература, посвященная знакомству съ своеобразной культурой Китая, его бытомъ, исторіей, религіей. Политическій интересъ обратилъ вниманіе на труды ученыхъ, и многочисленныя путешествія отважныхъ изслѣдователей далекихъ окраинъ Азіи пріобрѣли особое значеніе, ставъ предметомъ самаго тщательнаго изученія. Въ связи съ этимъ, въ обществѣ стали распро-

страняться и болѣе правильныя понятія о странѣ, которая еще недавно казалась цивилизованному міру гигантской руиной, сохраняющей свое равновѣсіе исключительно благодаря соперничеству европейскихъ державъ.

Книга Паркера является на русскомъ языкѣ вполнѣ кстати. Стремясь дать всесторонній отвѣтъ на запросы по преимуществу политическаго характера со стороны большого круга современныхъ читателей, она въ то же время можетъ справедливо претендовать и на извѣстное научное значеніе. Авторъ—прекрасный знатокъ Китая; его знакомство съ послѣднимъ основывается какъ на продолжительномъ личномъ пребываніи въ этой странѣ, такъ и на изученіи китайскихъ источниковъ, доступныхъ весьма немногимъ европейскимъ ученымъ. Какъ видно изъ предисловія къ его книгѣ, авторъ прожилъ въ двѣнадцати различныхъ портовыхъ городахъ Китая, исколесилъ, по его словамъ, шесть провинцій, сдѣлавъ около 7.000 миль; кромѣ того, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Кореѣ и годъ въ Бирмѣ, жилъ въ Сычуанѣ и Хай-нанѣ. Изученіе подлинныхъ китайскихъ памятниковъ помогало ему угадывать истинный смыслъ историческихъ и современныхъ явленій китайской культуры, какимъ онъ представляется съ точки зрѣнія китайскаго міросозерцанія.

„Основной идеей этой книги,—говоритъ авторъ,—было желаніе дать въ совершенно сжатомъ видѣ нѣчто въ видѣ путеводителя чрезъ лабиринты наукъ китайскихъ и данныхъ по колонизаціи и торговлѣ Поднебесной имперіи“. Дѣйствительно, книга носитъ на себѣ отпечатокъ чрезвычайной дѣловитости и особенной, чисто англійской, скупости красокъ въ описаніяхъ природы и быта, — но зато основная цѣль достигается авторомъ вполнѣ, такъ какъ трудъ его прежде всего поражаетъ богатствомъ фактическихъ данныхъ и опредѣлительностью сужденій. Объясняется это отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что трудъ Паркера преслѣдуетъ—и это такъ характерно для сына британской имперіи—и чисто практическую цѣль—ознакомить англійскаго коммерсанта съ его китайскими потребителями или англійскаго колониста съ его новой родиной: отъ этого отдѣлъ, посвященный торговлѣ, отличается гораздо большей обстоятельностью, чѣмъ всѣ остальные.

Сопоставляя картину китайской торговли, какъ она производилась въ глубокой древности, съ тѣмъ, какъ она ведется въ настоящее время, авторъ замѣчаетъ, что особенности торговыхъ сношеній въ наше время не даютъ намъ ничего новаго по сравненію съ исторіей этихъ сношеній за 2.000 лѣтъ до Р. Х.; но въ послѣднія десятилѣтія пріобрѣли поразительное значеніе, по выраженію автора, „стихійныя“ обстоятельства—паръ, электричество, каменный уголь, нефть,—словомъ, все то, что мы называемъ прогрессомъ. „Мнѣ, однако, пред-

ставляется сомнительнымъ,—замѣчаетъ авторъ по этому поводу,—чтобы даже мы, европейцы, сдѣлались сколько-нибудь счастливѣе при этомъ прогрессѣ. А ужъ подавно китайцамъ живется не веселѣе при новой, чуждой имъ культурѣ"...

Не лишены интереса общія замѣчанія автора о политическихъ отношеніяхъ Китая къ различнымъ иноземнымъ государствамъ. Сжатый и чрезвычайно осторожный очеркъ развитія политическихъ отношеній своихъ соотечественниковъ къ Китаю авторъ заключаетъ такимъ общимъ выводомъ: „никто не скажетъ, что Англія не воспользовалась обстоятельствами, чтобы при всякомъ случаѣ не извлекать различныя выгоды въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ при возникновеніи какихъ-нибудь усложненій въ Китаѣ, столь враждебномъ ко всякому прогрессу"... Относительно русскихъ авторъ свидѣтельствуетъ, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ они первые завязали сношенія съ Китаемъ на почвѣ чисто національныхъ отношеній. Китайцы едва-ли считали русскихъ до послѣдняго времени, по предположенію автора, принадлежавшими къ европейскимъ народамъ. Ему кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что, по понятіямъ китайцевъ, русскіе принадлежали къ племенамъ киргизскимъ или кипчакамъ, или вообще къ какимъ-нибудь другимъ племенамъ сѣверной Азіи. Обращая вниманіе на успѣхи русскихъ на дальнемъ Востокѣ, на политическое и торговое значеніе Портъ-Артура и Дальняго, авторъ не забываетъ предупреждать своихъ соотечественниковъ и относительно другой могущественной конкуррентки—Германіи. „Англичанамъ не слѣдуетъ быть застигнутыми врасплохъ,—говоритъ онъ по этому поводу:—ибо нѣмцы втихомолку легко проберутся туда незамѣтно черезъ задніе ходы".

Кромѣ основной и наиболѣе интересной главы о торговлѣ Китая, сочиненіе Паркера заключаетъ въ себѣ, въ сжатомъ видѣ, очерки: географическій; историческій; Сибирь и сопредѣльныя съ Китаемъ страны; административное устройство; населеніе, его характеристическія черты; религія; народныя возстанія и т. д. Переводъ сдѣланъ отчетливо, хотя, мѣстами, блѣдно и расплывчато.—Евг. Л.

III.

—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII, Спб. 1903.

Года три тому назадъ, когда с.-петербургское юридическое общество чествовало память Градовскаго по случаю десятилѣтія со дня смерти его, А. Ѳ. Кони посвятилъ дѣятельности покойнаго прекрасную

рѣчь; объясняя въ ней, между прочимъ, причины, почему Градовскій безмолвствовалъ послѣдніе годы своей жизни, нашъ ораторъ сравнилъ Градовскаго съ большимъ кораблемъ, который могъ плыть только по многоводной и глубокой рѣкѣ; когда сыпучіе пески засыпали русло этой рѣки, когда она обмелѣла и разбилась на мелкіе ручейки, то по нимъ только малыя, плоско сидящія суденышки могли проскользнуть и продолжать свое тихое движеніе; большой же корабль остановился, сталъ разрушаться, погибъ, и только тотъ, кто разыщетъ на немъ шканечный журналъ, прочтетъ въ немъ, какой могучей силой бѣга обладалъ гигантъ водъ, какой смѣлый курсъ держалъ онъ, какія важныя путешествія онъ совершилъ, какъ онъ стремился въ широкое, свободное, открытое море... Шканечный журналъ такого безвременно погибшаго большого корабля,—сказалъ А. Ѳ. Кони,—это сочиненія А. Д. Градовскаго.

Теперь этотъ „журналъ“, собранный и систематизированный,—почти уже цѣликомъ передъ нами, и тѣ восемь томовъ его,которые уже опубликованы, имѣютъ глубокое общественное значеніе, особенно въ данную минуту.

„Какое слово,—писалъ Градовскій въ сентябрѣ 1880 г. (см. Приложенія къ VIII тому собранія, стр. 519),—больше всего заставляетъ биться сердце современнаго русскаго человѣка? Что̀ желалъ бы онъ видѣть осуществленнымъ? Именно *законность*, безъ которой нѣтъ обезпеченія ни для правъ, ни для свободы, ни для благосостоянія всѣхъ и каждаго! Что̀ же препятствуетъ установленію и упроченію этого начала“?

Послѣ двухъ десятковъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ у насъ занимались усиленно культивированіемъ началъ сословности, усмотрѣнія и попеченія,—жизнь снова остро и властно поставила вопросъ о законности, о препятствіяхъ и препонахъ къ установленію и упроченію ея. Проблемы объ учрежденіяхъ, о правопорядкѣ выдвинуты на первый планъ общественнымъ мнѣніемъ, горячо обсуждаются по мѣрѣ возможности въ уѣздныхъ комитетахъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, важность ихъ признана и правительствомъ, въ лицѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ,—возвѣстившимъ реформу мѣстнаго управленія. Въ такой моментъ „шканечный журналъ“ А. Д. Градовскаго является надежнымъ руководителемъ; онъ укажетъ надлежащій курсъ, котораго слѣдуетъ держаться, курсъ, основанный на глубокомъ изученіи всего пути историческаго развитія русскаго правосознанія. Въ этомъ смыслѣ особое значеніе имѣютъ прежде всего „Начала русскаго государственнаго права“, которыя составляютъ резюме (къ сожалѣнію незаконченное) всѣхъ ученыхъ трудовъ А. Д. Градовскаго, а затѣмъ и его многочисленныя публицистическія статьи, разбросанныя по газетамъ,

журналамъ, откуда, къ счастью, наиболѣе интересныя извлечены теперь издателями Собранія сочиненій.

Въ краткой замѣткѣ не мѣсто останавливаться на научной оцѣнкѣ „Началъ“ Градовскаго; замѣтимъ только, что до сихъ поръ этотъ первый по времени научный курсъ, кажется, остается и первымъ по достоинствамъ въ смыслѣ полноты догматической и исторической разработки. Здѣсь намъ желательно указать только на общественное значеніе „Началъ“ Градовскаго. Въ своей рѣчи „О современномъ направленіи государственныхъ наукъ“, произнесенной на актѣ спб. университета 8 февраля 1873 г. (Собр. соч. т. I), Градовскій, высказывая свои взгляды на задачи политическихъ наукъ, начерталъ программу своихъ изслѣдованій: наука должна анализировать существующія учрежденія и устанавливать связь ихъ съ общими потребностями той исторической эпохи, когда учрежденія эти возникали и развивались. Этотъ анализъ и даетъ матеріалъ для критики и для предложенія законодательныхъ реформъ. Въ „Началахъ“, сообразно ихъ научно-педагогическому характеру, блестяще выполнена первая часть этой задачи, въ публицистическихъ статьяхъ—вторая. Разсматривая ученіе о законѣ, о верховной власти, о подданствѣ и правахъ состоянія (т. VII Сочин.), о государственной службѣ, объ органахъ законодательства верховнаго и высшаго подчиненнаго управленія (т. VIII Собр. соч.), Градовскій всегда старается уяснить историческій смыслъ института; онъ задается всегда вопросомъ, что̀ въ институтѣ является достояніемъ началъ закрѣпощенія, которымъ проникнутъ, по мнѣнію Градовскаго, весь до-реформенный строй, и какіе способные къ дальнѣйшему развитію элементы новаго государства, основаннаго на законности, можно найти въ институтѣ. Основами новаго русскаго государства, которымъ предстоитъ неизбѣжная побѣда, Градовскій считаетъ начало безсословности въ смыслѣ равноправности и равнообязанности, начало участія общества въ государственной дѣятельности, и главное—начало законности, причемъ гарантіями послѣдней являются организація закономѣрнаго подчиненія, право контроля независимаго суда надъ дѣйствіями администраціи, широкое право жалобы, гарантіи свободы личности и т. д. Всѣ эти элементы Градовскій находитъ въ значительной степени воплощенными въ жизнь въ западной Европѣ; отсюда и то значеніе, которое для правильнаго пониманія задачъ русскаго государственнаго права онъ придавалъ изученію политическихъ формъ Запада, превосходно разработаннымъ въ его сочиненіяхъ: „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ“ и „Германская конституція“.

Въ „Началахъ“ авторъ догматиченъ; рѣзкая критика, вопросы реформъ почти отсутствуютъ, но, благодаря указанному выше методу,

благодаря тому, что существующіе институты Градовскій разсматриваетъ подъ угломъ зрѣнія правового государства,—его „Начала“ являются прекрасной мотивировкой всякой преобразовательной программы въ духѣ послѣдовательнаго развитія началъ эпохи великихъ реформъ. Этимъ началамъ Градовскій служилъ страстно и преданно не съ одной университетской каѳедры; онъ имѣлъ широкую аудиторію, какъ публицистъ, чутко отзывавшійся на существеннѣйшіе вопросы русской дѣйствительности.

Благодаря этому, научныя идеи Градовскаго какъ бы расплывались въ читательской массѣ и оставляли глубокіе слѣды, общественно-воспитательное значеніе которыхъ учесть трудно. Цѣлый рядъ политическихъ идей и понятій, обращающихся въ ежедневной прессѣ, можетъ быть, обязанъ своимъ проникновеніемъ въ эту среду—Градовскому.

Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ Градовскій, сохраняя всю основательность аргументировки ученаго, даетъ большій просторъ и критикѣ существующаго, и проектамъ реформъ. Тутъ онъ и боецъ, и полемистъ. Но и вездѣ красной нитью проходитъ основная мысль, что безъ усовершенствованія государственныхъ учрежденій, предоставляющихъ личности условія свободнаго развитія, нѣтъ общественнаго прогресса. Извѣстно, что на почвѣ этого взгляда возгорѣлась полемика Градовскаго съ Достоевскимъ, которую послѣдній велъ съ такой страстной яростью и нетерпимостью.

Возвратимся, однако, къ лежащему передъ нами VIII-му тому, содержащему въ себѣ вторую часть „Началъ“ и чрезвычайно интересныя статьи Градовскаго, писанныя имъ въ „Голосѣ“ въ 1880 году. Впечатлѣніе отъ чтенія получается такое, будто весь томъ, дѣйствительно, пріуроченъ къ данному моменту; такая въ немъ масса животрепещущаго, совсѣмъ современнаго по интересу матеріала. Мы только-что отпраздновали юбилеи министерствъ и комитета министровъ; по поводу этого событія изданы оффиціальныя и неоффиціальныя исторіи, писались и пишутся статьи, юбилейныя справки. Какимъ прекраснымъ дополненіемъ къ нимъ являются соотвѣтствующія главы „Началъ“, а въ особенности приложенныя къ VIII тому статьи изъ „Голоса“. Вотъ что̀, напримѣръ, писалъ въ сентябрѣ 1880 г. [1]) Градовскій о недавнемъ юбилярѣ, комитетѣ министровъ, для характеристики дѣятельности котораго изданы столь цѣнные матеріалы. Градовскій прежде всего указываетъ на тотъ фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ начался органическій ростъ нашихъ учрежденій, на ряду съ учрежденіями, опредѣленными и ясно установленными закономъ, практически и фак-

[1]) Прилож. къ VIII т. стр. 519.

тически появлялись *особенныя* учрежденія, съ цѣлью парализовать ходъ учрежденій нормальныхъ. Такой характеръ носили всякія „конференціи“, „кабинеты“, „экспедиціи“ и временъ давнишнихъ и совсѣмъ недавно исчезнувшее III-ье отдѣленіе. Къ такого же рода учрежденіямъ принадлежитъ, по мнѣнію А. Д. Градовскаго, и комитетъ министровъ. „Что такое комитетъ министровъ?“—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ:—„мы обращаемся къ тому опредѣленію, которое дано ему практикой и фактами... оно очень кратко и точно: комитетъ министровъ есть средство, данное министрамъ обходиться безъ двухъ важнѣйшихъ и органическихъ учрежденій нашихъ: безъ государственнаго совѣта и безъ правительствующаго сената; это есть учрежденіе, дающее министрамъ возможность проводить важныя положенія, имѣющія силу закона, помимо государственнаго совѣта, и обходиться безъ контроля сената; это есть и домашнее учрежденіе, созданное для цѣлей министерскаго управленія. Насколько подобное учрежденіе совмѣстимо съ требованіями государственной цѣлесообразности, отвѣтъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію Градовскаго, зависитъ отъ рѣшенія дилеммы: должна ли Россія управляться полномочно *лицами*, или законно *учрежденіями*. Съ 1802 года мы испытали первую систему и теперь вкушаемъ ея плоды. Настало, кажется, время испробовать другую систему и положиться на учрежденія. Сдѣлать это тѣмъ легче, что мы имѣемъ два хорошо задуманныя установленія: государственный совѣтъ и сенатъ. Развивая и улучшая ихъ, можно дойти до благихъ результатовъ“...

Необходимымъ реформамъ въ устройствѣ государственнаго совѣта и 1-го департамента сената посвящены особыя статьи. Относительно перваго учрежденія преобразовательный проектъ Градовскаго сводится главнымъ образомъ къ предоставленію ему законодательной иниціативы съ тѣмъ, чтобы туда же направлялись и всѣ ходатайства общественныхъ управленій, связанныя съ возбужденіемъ законодательныхъ вопросовъ. Обновленіе 1-го департамента сената (освобожденіе отъ вліянія министерствъ, введеніе въ немъ, какъ въ административномъ трибуналѣ, состязательнаго начала и т. д.), по мнѣнію Градовскаго, должно представить первую точку опоры развитія законности въ управленіи.

Серьезнаго вниманія въ виду возвѣщенныхъ реформъ заслуживаетъ рядъ статей, посвященныхъ переустройству нашего мѣстнаго управленія и писанныхъ Градовскимъ въ „Голосѣ“ за 1880 г. Основная мысль автора—та, что реформа должпа исходить изъ того факта, что настоящія „мѣстныя“ дѣла органически сплелись нынѣ съ земскими учрежденіями, и что за исключеніемъ развѣ полиціи всѣ мѣстныя пользы и нужды губерніи и уѣзда вдвинулись въ земскую организацію не

только по закону, но и самой жизнью. „Худо ли, хорошо ли, одни земскія учрежденія выполняютъ мѣстныя задачи, и безъ нихъ некому было бы выполнить и того, что сдѣлано понынѣ. Существуютъ нынѣ двѣ губерніи: одна старинная, *палатская*, такъ сказать, являющаяся обломкомъ отъ тѣхъ временъ, „когда разныя палаты, коммиссіи, комитеты и приказы, управляли мѣстностью, какъ административнымъ округомъ, не подозрѣвая даже, что губернія и уѣздъ могутъ имѣть значеніе общественныхъ единицъ". Во-вторыхъ, передъ нами губернія и уѣздъ земскіе, осуществляющіе мѣстныя задачи. Задача реформы и должна состоять въ томъ, чтобы уѣздъ въ отношеніи хозяйственныхъ и административныхъ дѣлъ представлялся единицей законченной. Земское начало должно проникать весь строй губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. По проекту Градовскаго, во главѣ уѣзда долженъ стоять уѣздный начальникъ, назначаемый министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа кандидатовъ, избранныхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждаемый въ должности на шесть лѣтъ сенатомъ. Уѣздный начальникъ завѣдуетъ полиціей, является исполнителемъ постановленій земства, передъ которымъ онъ и отвѣтственъ, и входитъ въ составъ уѣзднаго присутствія, которое должно явиться вторымъ элементомъ уѣзднаго управленія; „оно составляется изъ помощниковъ начальника по части хозяйственной, избираемаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждаемаго губернаторомъ; изъ помощника по части полицейской, назначаемаго губернаторомъ изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ; изъ членовъ, избираемыхъ, въ числѣ отъ трехъ до шести, уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждаемыхъ губернаторомъ. Этому присутствію должны подлежать дѣла, требующія коллегіальнаго разсмотрѣнія и рѣшенія и разсматриваемыя въ настоящее время въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, уѣздной управѣ и во всѣхъ особыхъ присутствіяхъ, находящихся нынѣ подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства. Учрежденіе этого присутствія не уничтожитъ значенія отдѣльныхъ должностей, предназначенныхъ для завѣдыванія спеціальными отраслями мѣстнаго управленія. Сюда относятся: 1) инспекторы народныхъ училищъ и попечители училищъ, особо избираемые земствомъ; 2) попечители по дѣламъ крестьянскаго управленія, которые могли быть избираемы, съ утвержденія правительства, уѣздными земскими собраніями; 3) другія должностныя лица по управленію мѣстнымъ хозяйствомъ и благоустройствомъ, избираемыя земскимъ собраніемъ по соображенію мѣстныхъ надобностей и удобствъ. Завѣдывая ввѣренными имъ дѣлами единолично, всѣ означенныя лица входили бы въ составъ уѣзднаго присутствія по вопросамъ, требующимъ коллегіальнаго рѣшенія, и засѣдали бы въ немъ на правахъ членовъ. Точно также въ составъ присутствія были бы

приглашаемы и представители отдѣльныхъ вѣдомствъ, входящіе нынѣ въ составъ присутствія по воинской повинности и т. п.

„Уѣздное земское собраніе осталось бы въ нынѣшнемъ своемъ видѣ (исключая необходимыхъ измѣненій основаній представительства), но кругъ его вѣдомства расширился бы въ слѣдующемъ отношеніи. Его разсмотрѣнію, сверхъ дѣлъ по хозяйственно-распорядительной части, подлежалъ бы составляемый ежегодно уѣзднымъ присутствіемъ отчетъ объ общемъ положеніи уѣздной администраціи. Уѣздное собраніе, разсмотрѣвъ отчетъ, имѣло бы право дѣлать постановленія по дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію, а по прочимъ, въ случаѣ необходимости, обращаться съ представленіями къ губернатору или, чрезъ губернатора, къ высшему правительству".

Можно, конечно, спорить противъ этого проекта, со многими частями котораго несогласны и мы (при нѣкоторыхъ условіяхъ, введеніе земства въ кругъ учрежденій административныхъ представляется нежелательнымъ!), но самая идея его должна быть несомнѣнно обсуждена при предстоящей реформѣ. Особое значеніе самъ Градовскій придавалъ необходимости изъять элементъ управленія изъ рукъ полиціи, сдѣлавъ послѣднюю орудіемъ административной организаціи, основанной на земскомъ началѣ.

Нашимъ читателямъ извѣстна точка зрѣнія, на которой мы стоимъ по отношенію къ столь усиленно занимающему общественное вниманіе вопросу о мелкой земской единицѣ. Статья Градовскаго („Всесословная мелкая единица", первоначально напечатанная въ „Голосѣ", въ 1882 г. [1]), уже тогда съ чрезвычайной содержательностью резюмируетъ всѣ тѣ доводы за введеніе такой единицы, которые высказаны въ наши дни. „Въ формахъ сословной волости,—пишетъ Градовскій,—крестьянскій міръ всегда будетъ подъ опекой и всегда будетъ придавленъ силами мѣстной бюрократіи (NB: это писано еще до введенія института земскихъ начальниковъ!). Съ другой стороны, безъ всесословной мелкой единицы земскія учрежденія всегда будутъ безсильны и никогда не будутъ въ состояніи удовлетворять своему назначенію"... Плодотворность земской дѣятельности, истинная связь всѣхъ классовъ населенія, установятся только тогда, когда земскіе дѣятели и въ деревнѣ будутъ не случайными гостями, а хозяевами, когда „дѣятельность земскихъ учрежденій будетъ продолженіемъ и завершеніемъ дѣятельности органовъ низшей всесословной единицы, съ которою послѣдніе должны быть связаны всѣми своими интересами".

---

[1]) Въ статьѣ „Сборника о мелкой земской единицѣ" (изд. кн. Долгорукова и кн. Шаховского, при участіи редакціи „Права"), содержащей въ себѣ обзоръ литературы вопроса, мы не нашли указаній на эту статью А. Д. Градовскаго.

Повторяемъ, съ сочиненіями Градовскаго, этимъ „шканечнымъ журналомъ“ большого корабля, державшаго правильный курсъ, почаще слѣдуетъ справляться всѣмъ, кому дѣйствительно дороги интересы и завѣты эпохи великихъ реформъ; они тамъ найдутъ не мало указаній, куда намъ идти и какъ слѣдуетъ избѣгать мелей и опасностей.

IV.

— Алексѣй Веселовскій. Этюды и характеристики, 2-е изд. Москва. 1903 г.

Рѣдко приходится испытывать такое эстетическое наслажденіе отъ чтенія произведенія, не претендующаго на принадлежность къ художественной литературѣ, какое даетъ эта книга. Характеристики г. Веселовскаго—это изящные, исполненные необычайно рельефно портреты, отъ которыхъ какъ-то не хочется оторваться. Старый мастеръ воспроизводилъ образы „рыцарей духа“, любовно выписывалъ черточку за черточкой, отыскивая эти черточки въ литературномъ наслѣдіи своихъ героевъ, среди исторической дѣйствительности, въ которой они жили и боролись, дополняя и угадывая недостающее сравненіемъ съ родственными и близкими имъ натурами,—и „вершины человѣчества“ становятся намъ ближе и понятнѣе, ничего не теряя въ своемъ величіи, въ своемъ значеніи. Своими героями г. Веселовскій выбираетъ настоящихъ „титановъ“, потомковъ Прометея, полныхъ духовной силы, благородства и любви къ людямъ. Для нихъ правдивые портреты и не страшны, если художникъ не одержимъ страстью (ея весьма не чужды представители литературнаго суда) „все нивеллировать до заряднаго, удобопонятнаго уровня, гдѣ было бы такъ гладко, что хоть шаромъ покати“. У г. Веселовскаго этой слабости нѣтъ, потому что онъ любитъ въ своихъ герояхъ истинно великое, истинно выдающееся. „Потомство,—говоритъ онъ въ одномъ изъ наиболѣе красивыхъ своихъ этюдовъ: „титаны и пигмеи“,—должно пройти по слѣдамъ своихъ избранниковъ, но не для того, чтобы стянуть въ тину ничтожества и злобы ихъ дѣло, а чтобы подняться до его уровня, сдѣлать причастными къ нему всѣ свои слои, безъ различія“. Отсюда и то благородство манеры письма, которое на ряду съ изяществомъ мы считаемъ характернымъ для литературныхъ портретовъ г. Веселовскаго. Ничего личнаго, нѣтъ такъ называемаго „срыванія масокъ“; повсюду—просвѣтленное знаніемъ стремленіе узнать настоящаго человѣка. „Рыцарямъ духа“ рѣдко приходится играть роль ликующихъ побѣдителей; чаще всего съ ореоломъ, ихъ окружающимъ, неразрывно связаны муки Прометея. Отсюда и тотъ слегка грустный колоритъ, которымъ окрашены портреты

галереи Веселовскаго, колоритъ, нѣсколько напоминающій Тургеневскій. Но сквозь него неизмѣнно свѣтитъ глубокая вѣра автора въ торжество свѣтлыхъ идеаловъ общественности, въ плодотворность и красоту борьбы за нихъ, и потому книга въ общемъ оставляетъ свѣжее, бодрящее чувство.

Далеко не всѣ портреты выписаны во весь ростъ; есть и этюды, миніатюры—но всѣ носятъ печать того же мастерства.

Съ особой любовью г. Веселовскій останавливается на сложныхъ, загадочныхъ личностяхъ и типахъ міровой литературы. Одинъ изъ лучшихъ очерковъ посвященъ Джонатану Свифту, этому великому и мрачному уму, сотканному изъ непримиримыхъ противорѣчій. „Только тонкій анализъ въ состояніи указать едва видныя нити, которыя связываютъ и уравниваютъ эти противорѣчія". И авторъ обладаетъ удивительнымъ умѣньемъ находить эти нити. Личность геніальнаго неудачника въ портретѣ вышла рельефной и цѣлостной во всей ея трагической силѣ.

Такой же удачной вышла характеристика Бомарше, геніальнаго творца „Свадьбы Фигаро", фантастическаго и блестящаго сумасброда, полнаго великихъ дарованій и не меньшихъ слабостей. Во весь ростъ нарисованъ Дени Дидро, этотъ типичнѣйшій воплотитель эпохи просвѣщенія, интересовавшійся всѣмъ и всѣми, „пантофилъ", какъ его назвалъ Вольтеръ. Послѣднему посвящена маленькая миніатюра: „У Вольтера", граціозная картинка, вставленная въ прелестную рамку современнаго настроенія. Этюды о Мольерѣ, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ котораго является А. Веселовскій, заканчиваютъ серію западно-европейскихъ портретовъ XVIII вѣка.

Но и болѣе ранняя эпоха представлена въ галереѣ: борецъ терпимости и свободы Джордано Бруно, смѣлый предшественникъ великихъ философовъ XVIII и XIX вѣковъ, трагически погибшій на кострѣ, помѣщается рядомъ съ послѣднимъ рыцаремъ д'Обинье, неутомимымъ бойцомъ за религіозную свободу, одинаково смѣло и энергично работавшимъ какъ мечомъ, такъ и перомъ.

А вотъ и близкіе намъ „рыцари духа" XIX столѣтія: поэтъ гуманности Гюго, веселый chansonnier Беранже, на которомъ съ большой любовью остановился авторъ; вотъ Додэ, Ибсенъ, этотъ одинокій сѣдой левъ сѣвера. А въ русскомъ отдѣлѣ—тоже дорогіе все образы: фонъ-Визинъ, Радищевъ, Чаадаевъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Пушкинъ—вотъ сюжетъ этюдовъ, очерковъ, картинъ, полныхъ глубокаго интереса и оригинальности. А съ какой теплотой вырисованъ портретъ старца-юноши Юрьева, идеальный памятникъ, воздвигнутый любящей рукою друга.

Двумъ мотивамъ, надъ которыми такъ часто останавливались

геніальнѣйшіе поэты человѣчества, мотиву о донъ-Жуанѣ и Прометеѣ, посвящены этюды, блещущіе эрудиціей и глубиной мысли.

Не художественныя откровенія въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ даетъ г. Веселовскій, но ему удивительно удается подмѣтить типичныя черты своихъ героевъ, выдвинуть ихъ, вплести въ образъ писателя сущность исторической обстановки, оживить портретъ бытовой подробностью, жанровой картинкой, а иногда и граціознымъ пейзажемъ. Глубокая эрудиція ученаго критика не только не подавляетъ читателя,—она незамѣтна, и только опытный глазъ узнаётъ, сколько труда мелкаго и упорнаго пришлось затратить, чтобы дать тотъ гармоническій рельефъ, которымъ такъ легко и любовно наслаждается читатель.

V.

— Ш. Ланглуа. Инквизиція по новѣйшимъ трудамъ, перев. подъ редакціей Н. И. Карѣева. Спб. 1903.

Цѣль книжки—популяризировать результаты, добытые научнымъ изслѣдованіемъ объ инквизиція, не перестающей интересовать широкіе круги. Какъ указываетъ авторъ во введеніи, не только большая публика, но и ученые историки получаютъ въ этомъ вопросѣ разнообразные отвѣты, смотря по тому, съ какими воззрѣніями они приступаютъ къ его разсмотрѣнію. Ш. Ланглуа, слѣдуя крупному труду американца Ли (Histoire d'inquisition au moyen âge), старается, отрѣшившись отъ предубѣжденій, набросать основныя черты предмета.

Прежде всего авторъ констатируетъ, что существованіе и дѣятельность инквизиціи есть лишь частный случай общаго явленія нетерпимости, свойственной всякой, и религіозной, и политической догмѣ, претендующей на абсолютную непогрѣшимость. Въ этомъ повиненъ, напр., и протестантизмъ, нашедшій уже возможнымъ при самомъ своемъ появленіи казнить еретиковъ (судъ надъ Серветомъ въ Женевѣ). Авторъ довольно скептически смотритъ на кажущуюся побѣду терпимости въ новѣйшее время: „Людей больше не сжигаютъ. Но это скорѣе нужно отнести на счетъ истощенія и размноженія вѣрованій, чѣмъ на счетъ общаго смягченія нравовъ. Новѣйшія общества представляютъ среду, очень неблагопріятную для расцвѣта новыхъ догмъ; секты, создающіяся теперь, быстро эволюціонируютъ и скоро обезцвѣчиваются, смѣшиваясь съ прежними партіями“. Но нетерпимость не исчезла, измѣнились формы ея, и кромѣ того, нетерпимость, какъ и все остальное, секуляризировалась, и на нашихъ глазахъ практикуютъ ее по мѣрѣ своихъ силъ „церкви“ политическія.

Отличительной чертой католической нетерпимости въ средніе вѣка является то, что она выработала свой искусный механизмъ, извѣстный подъ именемъ инквизиціи. Объективному изученію теоріи и практики этого механизма по подлиннымъ документамъ и посвящена главнымъ образомъ книжка Ланглуа. Особенный интересъ представляетъ глава, посвященная инквизиціонному судопроизводству. Вліяніе этого вида „правосудія" испытали и свѣтскія юрисдикціи, и имъ заразились уголовные процессы почти всѣхъ европейскихъ странъ. Слѣды этихъ традицій исчезли изъ кодексовъ, и то не окончательно, только въ наши дни.

Для характеристики культурнаго вліянія инквизиціи тамъ, гдѣ она стала орудіемъ общаго управленія, Ланглуа разсматриваетъ детально инквизицію въ Испаніи, гдѣ она сдѣлалась національнымъ, политическимъ учрежденіемъ. „Въ теченіе трехъ столѣтій она лѣпила испанскій народъ по своему образцу. Путемъ террора и цензуры она вполнѣ осуществила въ немъ церковный и авторитарный идеалъ единогласной и закованной въ правовѣріе націи, огражденной отъ вліянія извнѣ, молчащей, послушной". И „успѣхъ", говорятъ поклонники инквизиціи, превзошелъ ожиданія (successus opinionem superavit). Жозефъ де-Местръ, начинающій въ наши дни снова находить признаніе, восклицалъ: „благодаря инквизиціи, въ Испаніи за три послѣдніе вѣка было больше мира и счастья, чѣмъ въ остальныхъ странахъ Европы... Короли Испаніи, нѣсколькими каплями грязной крови остановившіе потоки крови драгоцѣнной, сдѣлали превосходный разсчетъ"...

„Миръ и счастье" выразились, какъ показываетъ Ланглуа, въ томъ, что испанскій народъ, объятый тишиною смерти, неспособенъ даже на реакцію противъ нищеты и несчастія. Какъ оказывается, „историческій опытъ очень мало благопріятствуетъ взглядамъ Торквемады". „Но,—заканчиваетъ свой интересный этюдъ авторъ,—политическіе дѣятели, которые въ разныхъ мѣстахъ продолжаютъ ихъ еще пропагандировать, и особаго рода публика, которая съ ними соглашается, на историческій опытъ вниманія не обращаютъ".—Г—анъ.

VI.

— И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина (съ портретомъ и 7 факсимиле). Спб. 1903.

Въ послѣднее время наша литература исполнена юбилеями. И настоящая книга къ нимъ прикосновенна, потому что составляетъ продолженіе литературы, вызванной послѣднимъ Пушкинскимъ юбилеемъ. Въ рядахъ этой литературы книга г. Шляпкина займетъ мѣсто одно изъ наиболѣе значительныхъ.

„Уже давно было высказано мнѣніе, что каждая строчка Пушкина

драгоцѣнна", замѣчаетъ г. Шляпкинъ, и книга его въ значительной мѣрѣ состоитъ изъ этихъ строчекъ,—набросковъ, замѣтокъ и т. п., требующихъ объясненія. Нѣкогда, во времена Бѣлинскаго, высказывалось другое отношеніе къ подобнымъ посмертнымъ находкамъ и изданіямъ. Думали именно, что не всякая строка драгоцѣнна,—драгоцѣнно цѣлое, законченное произведеніе, представляющее работу писателя во всей высотѣ ея художественнаго достоинства. Юношеское незрѣлое произведеніе, самимъ поэтомъ не включенное потомъ въ его изданія, неконченный набросокъ, черновые листки—казались непріятнымъ диссонансомъ, нѣсколько или совсѣмъ грубымъ вмѣшательствомъ слишкомъ усердныхъ библіомановъ въ личную, кабинетную работу... Вѣроятно, впрочемъ, что относительно Пушкина и самъ Бѣлинскій помирился бы съ усердіемъ библіомановъ. Такъ великъ былъ писатель, такъ многозначительно его дѣйствіе на послѣдующую судьбу русской литературы, такъ фатально прервалась его дѣятельность въ самомъ разцвѣтѣ великаго ума и дарованія, что естественно было стремленіе къ самому подробному изученію того, что̀ осталось изъ его труда, хотя бы это были нерѣдко лишь намеки на его мысль, на занимавшіе его предметы, и только проблески его поэтическаго творчества. Къ этому присоединился въ послѣднее время еще новый интересъ—стремленіе изучать самый процессъ творчества. Наконецъ, въ мелкихъ замѣткахъ могутъ открываться подробности біографическія.

Все это въ обиліи находится въ матеріалахъ г. Шляпкина, которые доставятъ множество любопытнаго для тѣхъ, кто занятъ изученіемъ Пушкина.

Откуда же взялся этотъ матеріалъ, наполнившій собою большой томъ мелкой печати?

Оказывается, что г. Шляпкинъ, занимаясь редакціей сборника сочиненій Пушкина, издававшагося по Высочайшему повелѣнію для русской арміи, познакомился съ полковникомъ Ѳ. И. Анненковымъ, служившимъ въ главномъ штабѣ и у котораго хранился цѣлый ящикъ бумагъ его отца, генералъ-адъютанта И. В. Анненкова, брата Павла Вас. Анненкова, извѣстнаго издателя Пушкина. И. В. Анненковъ еще съ сороковыхъ годовъ былъ знакомъ съ П. П. Ланскимъ, вторымъ мужемъ Н. Н. Пушкиной; въ тѣ годы онъ служилъ подъ начальствомъ Ланского въ лейбъ-гвардіи конномъ полку, и отсюда знакомство и дружба съ Н. Н. Ланской, у которой онъ управлялъ и ея частными дѣлами. Въ 1851 онъ заключилъ съ ней формальное условіе объ изданіи сочиненій Пушкина, которое исполнено было Павломъ Вас. Анненковымъ. „Оба брата,—пишетъ г. Шляпкинъ,—были очень дружны между собою, жили въ это время вмѣстѣ, и работы надъ Пушкинымъ велись совмѣстно. Конечно, главенствующая роль

принадлежала Павлу Васильевичу, но и Иванъ Васильевичъ, по словамъ его сына, высоко цѣнилъ Пушкина, зналъ его почти наизусть и всячески помогалъ брату при его работахъ... Анненковское изданіе сочиненій Пушкина, вышедшее въ 1855 году, было цѣлымъ откровеніемъ о нашемъ великомъ поэтѣ, несмотря на рядъ недостатковъ и пропусковъ... Оно было выполнено знатокомъ дѣла, съ любовью и необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Самъ П. В. и въ старости (онъ родился въ 1811) не оставлялъ задушевной мысли о новомъ, болѣе полномъ и обработанномъ изданіи Пушкина: въ бумагахъ И. В. Анненкова сохранились тетради, представляющія дополненіе къ изданію 1855 г. Среди нихъ, иногда въ большомъ безпорядкѣ, даже по неосторожности разорванныя, находились нынѣ издаваемыя бумаги; на многихъ изъ нихъ надпись *цит.*, т.-е. цитованы, но многія бумаги не были использованы и такъ и остались въ помянутомъ ящикѣ съ 1887 года, когда скончались оба брата Анненковы: И. В. въ Спб. (4 іюня 1887) и П. В. (8 марта) въ Дрезденѣ. Теперь онѣ составляютъ мою собственность".

Г. Шляпкинъ замѣчаетъ далѣе, что изъ собственнаго долголѣтняго собирательскаго опыта онъ убѣдился, какъ легко пропадаютъ всевозможные историческіе документы по волѣ случая, и потому въ своемъ настоящемъ трудѣ онъ рѣшилъ вполнѣ исчерпать матеріалы, оказавшіеся въ его рукахъ,—такъ, чтобы, еслибъ и эти матеріалы какимъ-либо образомъ были утрачены, книга замѣнила ихъ, хотя отчасти, для будущихъ изслѣдователей.—Рѣшеніе владѣльца этихъ матеріаловъ было безъ сомнѣнія правильное; оно было бы еще правильнѣе, еслибы, кромѣ этого изданія, владѣлецъ заранѣе обезпечилъ бы дальнѣйшую судьбу этихъ бумагъ,—а именно, имъ вообще не слѣдовало бы оставаться въ частныхъ рукахъ, и всего лучше было бы, еслибы онѣ хранились въ какомъ-либо общественномъ книгохранилищѣ.—Примѣромъ случайности можетъ быть исторія самыхъ этихъ матеріаловъ: съ конца восьмидесятыхъ годовъ они были подъ спудомъ; настоящій владѣлецъ пріобрѣлъ ихъ вслѣдствіе случайнаго знакомства; они остались неизвѣстны Л. Н. Майкову, который усиленно разыскивалъ матеріалы Анненкова для академическаго изданія,—и такъ ихъ и не нашелъ.

При изданіи, г. Шляпкинъ расположилъ эти матеріалы въ три отдѣла. Въ первый отдѣлъ вошли: сохранившіяся въ рукописяхъ самого Пушкина стихотворенія, цѣльныя, начатыя и набросанныя, неизвѣстныя или извѣстныя, но въ которыхъ заключаются новые варіанты; драматическая сцена; прозаическія статьи и замѣтки; стихотворенія, сохранившіяся въ копіяхъ П. В. Анненкова и не вошедшія въ изданіе Литературнаго Фонда; одно стихотвореніе, найденное въ Берлинѣ. Во второмъ отдѣлѣ помѣщены черновыя письма Пушкина

къ разнымъ лицамъ, въ подлинныхъ рукописяхъ. Въ третьемъ отдѣлѣ находятся письма разныхъ лицъ къ Пушкину и его близкимъ, до сихъ поръ неизвѣстныя, преимущественно тридцатыхъ годовъ (96 писемъ), и также нѣкоторые другіе документы.

Издатель отнесся къ дѣлу чрезвычайно внимательно. Общій взглядъ его на издаваемые имъ, хотя бы случайные и отрывочные, матеріалы таковъ. „Не представляя, за небольшими исключеніями, цѣлыхъ произведеній Пушкина, они даютъ намъ возможность судить, какъ зарождалась и формулировалась первоначальная мысль поэта, какъ раньше своего воплощенія она уже звенѣла риѳмой, какъ отыскивалась соотвѣтственная традиціонная или новая форма, какъ измѣнялся первоначальный образъ по различнымъ художественнымъ соображеніямъ, какую внутреннюю цѣнность придавалъ поэтъ одному выраженію передъ другимъ; наконецъ, часто первоначальный набросокъ даетъ намъ возможность найти то зерно, изъ котораго пышнымъ цвѣтомъ развернулось великое произведеніе поэта. Передъ нами отраженіе внутренней работы Пушкина, лабораторія поэтическаго творчества".

Всѣ эти черновыя, отрывки, наброски Пушкина издатель обставляетъ чрезвычайно внимательнымъ изслѣдованіемъ. Прежде всего онъ описываетъ внѣшность рукописи; потомъ возстановляетъ текстъ—нерѣдко изъ обрывочныхъ словъ и фразъ, старается угадать недописанный стихъ, для котораго есть только намекъ въ отдѣльныхъ словахъ, и т. д.; пріурочиваетъ рукопись къ извѣстному времени, лицу, случаю и т. д.; наконецъ, приводитъ множество справокъ, исправляетъ ошибки прежнихъ изслѣдователей и т. д.

Работа очень кропотливая, и для будущихъ издателей и біографовъ Пушкина она доставитъ не мало весьма любопытныхъ указаній.

VII.

— Къ столѣтію Комитета министровъ (1802—1902). Историческій Обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Томъ третій. Часть I. Спб. 1902.

— Томъ третій. Часть II. Составилъ С. М. Середонинъ. Спб. 1902.

— Томъ четвертый. Составленъ И. И. Тхоржевскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. (Изданіе Канцеляріи Ком. мин.). Спб. 1902.

— Наша желѣзно-дорожная политика по документамъ архива Комитета министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія Канцеляріи Комитета министровъ Н. А. Кислинскимъ. Томъ третій. Изданіе Канцеляріи Ком. мин.

— Томъ четвертый. Составленъ начальниками отдѣленій Канцеляріи Комитета министровъ кн. П. В. Чегодаевымъ, княземъ Татарскимъ, и Н. А. Кислинскимъ. (Оба тома подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина). Спб. 1902.

Въ одномъ изъ предъидущихъ „Литерат. Обозрѣній" было указано начало этого въ высшей степени интереснаго юбилейнаго изданія Кан-

целяріи Комитета министровъ. Недавно явилось еще пять большихъ книгъ этого изданія, гдѣ заканчивается „Историческій Обзоръ“ и изложеніе „Желѣзно-дорожной политики“.

Въ двухъ частяхъ третьяго тома „Обзора“ излагается дѣятельность Комитета министровъ въ царствованіе имп. Александра II; въ четвертомъ томѣ—Комитетъ министровъ въ царствованіе имп. Александра III.

Мы уже говорили о важномъ историческомъ интересѣ „Обзора“, и этотъ интересъ еще возростаетъ, когда изложеніе достигаетъ болѣе близкаго къ намъ времени. Таковы именно свѣдѣнія, сообщаемыя „Обзоромъ“ за послѣднія царствованія: въ Комитетѣ разсматривались дѣла первостепенной государственной важности и возбуждавшія величайшій интересъ въ обществѣ; начиная отъ временъ Крымской войны и освобожденія крестьянъ до вопросовъ финансовыхъ, административныхъ, учебныхъ, цензурныхъ и т. д., здѣсь въ послѣдовательномъ изложеніи сообщается множество любопытныхъ подробностей о томъ, какъ слагались взгляды на общее положеніе вещей и отдѣльные вопросы въ одномъ изъ главныхъ органовъ правительства.

Это многотомное изданіе есть, безъ сомнѣнія, одно изъ важнѣйшихъ въ юбилейной литературѣ, посвящаемой нынѣ столѣтію нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, и одинъ изъ наиболѣе значительныхъ вкладовъ въ историческое изученіе нашего недавняго прошлаго.—А. П.

Въ теченіе февраля мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Изд. 10-е. Спб. 903.

Азанчевскій, В.—Опытъ рѣшенія проблемы о произвольномъ вліяніи на полъ потомства. Популярное изложеніе новой гипотезы. Спб. 903. Ц. 50 к.

Армашевскій, П.—Геологическія изслѣдованія въ области бассейновъ Днѣпра и Дона. Общая геологическая карта Россіи. Полтава-Харьковъ-Обоянь. Съ геологическою картою. Спб. 903.

Бадмаевъ, П. А.—Главное руководство по врачебной наукѣ Тибета Жуд-Ши. Въ новомъ переводѣ, съ введеніемъ, разъясняющимъ основы тибетской врачебной науки. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Базилевичъ, М. Е.—Пластическая роль бѣлаго кровяного шарика и реактивныя начала въ развитіи злокачественныхъ новообразованій эпителіальнаго типа. Житом. 900. Ц. 70 к.

Барсуковъ, Николай.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 17. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Баръ, Германъ.—Апостолъ. Драма. М. 903. Ц. 75 к.

Баръ, Ф.—Главныя причины упадка и задолженности крупнаго и средняго землевладѣнія крестьянскихъ общинныхъ хозяйствъ въ Россіи и мѣры къ коренному преобразованію. Спб. 903.

Бенедиктъ.—На жизненномъ базарѣ. Юмористическія стихотворенія. Спб. 903. Ц. 1 р.

Бернштейнъ, А.—Химическія силы и Электрохимія. Съ нѣм. ж.-вр. Е. Вургафтъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Боборыкинъ, П. Д.—Вѣчный городъ. Итоги пережитаго. М. 903. Ц. 1 р.

Богдановичъ, Л. А.—Пять лѣтъ въ гостяхъ у Джонъ Буля. Т. I. М. 903. Ц. 1 р.

Брандесъ, Г.—Собраніе сочиненій. Т. XI: Молодая Германія. Съ датск. п.-р. М. Лучицкой. Кіевъ. 903. Ц. за 12 т.—5 р.

Вант Гоффъ, I. Г.—Восемь лекцій по физической химіи, читанныя по приглашенію университета въ Чикаго. Перев. Е. Браудо, п. р. проф. П. Вальдена. Съ 9 рис. въ текстѣ. Рига, 903.

Видеманъ, К. И.—Проектъ Благотворительнаго Общества предупрежденія появленія среди населенія Россіи бѣдности и нищеты и прогрессивнаго ихъ роста. Спб. 903.

Духинскій, Л. Э.—Миссіонерка. Пьеса въ 5 д. Изъ жизни сельской учительницы. Спб. 903. Ц. 80 к.

Зоринъ, А. Е.—Спиритъ, ром. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Зеленинъ, Д.—Пѣсни деревенской молодежи. Записаны въ Вятской губерніи. Вятка, 903. Ц. 50 к.

Измайловъ, А. А. (Смоленскій).—Рыбье слово. Повѣсти и разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н.—Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособіе для средняго образованія. Съ историч. картами. Спб. 903. Ц. 80 к.

Киплингъ, Р.—„Смѣлые мореплаватели“. Полный перев. съ англ. А. Каррикъ. Съ 36 иллюстр. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Комаровъ, А.—Графическая грамотность. Руководство для преподавателей и самообученія. Спб. 902. Ц. 30 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. II. Часть особенная. Изд. 4-ое. Спб. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Лейкинъ, Н. А.—Купецъ пришелъ! Повѣствованіе о разорившемся дворянинѣ и разбогатѣвшемъ купцѣ. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Леонтьевъ, А.—Конспектъ по исторіи русскаго права. Періодъ Имперіи. Составл. по лекціи проф. Латкина. Спб. 903. Ц. 75 к.

Липскій, В. И.—Горная Бухара. Результаты 3-лѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію въ 1896, 97 и 99 гг. Ч. II: Гиссаръ. Хребетъ Петра В. Алай. Спб. 902.

Лосскій, Н.—Основныя ученія психологіи, съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Марковъ, Евгеній.—Очерки Крыма. Картины крымской жизни, исторіи и природы. Изд. 3-ье, съ 257 картин. и рис. Спб. 903.

Метерлинкъ, Морисъ.—Монна Ванна. Пьеса въ 3 д. Перев. А. Чеботоревской. М. 903. Ц. 30 к.

Миропольскій, С.—Наставленіе для обучающихъ по „Учебнику грамоты для молодыхъ солдатъ“. Изд. 10-е. Спб. 903. Ц. 15 к.

Молчанскій, В. А.—Больной вопросъ. Посвящается многимъ домовладѣльцамъ. Кіевъ, 903. Ц. 20 к.

Монгомери, Ф.—Его не поняли. Повѣсть. Съ англ. Спб. 902. Ц. 45 к.

Москаль, Мих.—Два пути къ счастью. Христіанство и соціализмъ. М. 903. Ц. 25 к.

Новомбергскій, Н.—По Сибири. Сборникъ статей по крестьянскому праву, народному образованію, экономикѣ и сельскому хозяйству. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Нордау, Максъ.—Собраніе сочиненій. Т. XI: Драмы. Парижскія Письма. Съ нѣм. В. Н. Михайловъ. Кіевъ, 903. 12 томовъ—5 руб.

Ожешко, Эл.—Собраніе сочиненій. Съ польск. перев. С. Зелинскаго. Т. 12: Нѣсколько словъ о женщинахъ. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—5 р.

Озеровъ, проф. Ив.—Почта въ Россіи и заграницей. Спб. 903. Ц. 30 к.

Осадчій, Т.—На службѣ обществу. Повѣсть. 1882—1902. Второе, переработанное изданіе: „Силы деревни", дополненное 3-ью частью. М. 903. Ц. 75 коп.

Первовъ, П. Д.—Жители крайняго Сѣвера. Эскимосы. М. 903. Ц. 15 к.

Покровская, М. И., ж.-вр.—По подваламъ, чердакамъ и угловымъ квартирамъ Петербурга. Спб. 903. Ц. 60 к.

——— О жертвахъ общественнаго темперамента. Спб. 903. Ц. 50 к.

Пыпинъ, А. Н.—Исторія русской литературы. Т. IV: Времена имп. Екатерины II.—Девятнадцатый вѣкъ.—Пушкинъ и Гоголь.—Утвержденіе національнаго значенія литературы. Изд. 2-е пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 903. Цѣна за 4 тома—10 руб.

Пѣтуховъ, Е. В.—Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ, за сто лѣтъ его существованія. Т. I: 1-й и 2-й періоды (1802—1865). Съ фототип. приложеніями. Юрьевъ. 902. Съ приложеніемъ „Статистическихъ таблицъ и личныхъ списковъ" (1802—1901 г.).

Ренанъ, Эрн.—Собраніе сочиненій. Съ франц., п. р. В. Н. Михайлова. Т. X. Воспоминанія дѣтства и юности. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—5 руб.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Съ нѣм. Б. Юргенсонъ, п. р. Ю. Энгеля. М. 903.

Сегенъ, Э.—Воспитаніе, Гигіена и Нравственное леченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей. Съ франц. М. Лебедевой, п. р. В. А. Енько. Спб. 903. Ц. 2 руб.

Семевскій, В. И.—Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II. Т. I. Изд. 2-е исправл. и дополн. Спб. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Сенизовъ, І. П.—Герои христіанскаго міра. М. 903. Ц. 75 к.

——— Очерки по исторіи евреевъ и другихъ народовъ Востока. Спб. 903. Ц. 50 к.

Сергѣевичъ, В.—Древности русскаго права. Т. III: Землевладѣніе. Тягло. Порядокъ обложенія. Спб. 903. Ц. 2 р.

Символистъ. Басни. Житом., 903. Ц. 60 к.

Скворцовъ, А.—Основы экономики земледѣлія. Ч. II, вып. 2: Организація хозяйства и счетоводства. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Сѣрошевскій, Вацлавъ.—Полное собраніе повѣстей и разсказовъ. Т. I. Спб. 903. Ц. 1 р.

Тарасовъ, П.—Образованіе женщинъ и женскій трудъ. М. 903. Ц. 25 к.

Тарасовъ, П. Г., и *Моравскій*, С. П.—Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Съ 12 иллюстр. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Уальдъ, О.—Баллада Рідингской тюрьмы. Пер. Н. Норнъ. Спб. 903. Ц. 30 коп.

Фаресовъ, А. И.—Въ одиночномъ заключеніи. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 1 р.

Файгингеръ, Г., проф. въ г. Галле.—Ницше, какъ философъ. Съ нѣм. П. Шутяковъ. М. 903. Ц. 30 к.

Чайковскій, М.—Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. III: 1885—93 гг. Вып. 23, 24, 25. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Чеглокъ, А. А.—Родная природа. Звѣри, птицы и гады Россіи. 12 разсказовъ изъ жизни животныхъ. Съ 25 рис. Спб. 903. Ц. 1 р.

Шараповъ, Сергѣй.—Сочиненія. Т. VIII: Черезъ полвѣка, фантазія-романъ. Ч. 1. М. 902.

Шиповъ, д-ръ Н. Н.—О материнскомъ инстинктѣ. Смол. 903. Ц. 20 к.

Яблоневъ, Александръ.—Воздухоплаваніе. Устройство аэромобиля. Съ 20 черт. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Эйслеръ, Р.—Основныя положенія теоріи познанія. Съ нѣм. Г. Шпеттъ. Кіевъ, 902. Ц. 50 к.

Эрастовъ, І.—Искусство чтенія. Практическій курсъ логическаго и выразительнаго чтенія для преподаванія и изученія. Съ предисловіемъ В. М. Давыдова. Спб. 903. Ц. 1 р.

Эразмъ Роттердамскій.—Похвала глупости. Съ лат., съ введеніемъ и примѣчаніями проф. П. Н. Ардашева. 3-е изд. Юрьевъ, 903. Ц. 1 р.

Borkovsky, E.—Turgenjew. Berl. 903. Ц. 3 м. 80 пф.

— Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета за 100 лѣтъ его существованія (1802—1902). Т. I. П. р. Г. В. Левицкаго. Юр. 902.

— Буддійскій Катехизисъ. Перев. съ монгольскаго. Спб. 902. Ц. 30 к.

— Владиміръ Красное-Солнышко. Спб. 903.

— Географическія чтенія: Азія, Африка: Перев. съ англ., съ 35 рис. М. 903. Ц. 80 к.

— Дѣйствія Нижегородской губернской Ученой Архивной Коммиссіи: Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Т. V. Н.-Новг. 903.

— Книгоиздательство П. П. Гаршунина: 1) Мезіеръ, Черный Спартакъ, съ рис. Ц. 50 к. 2) Рубакинъ, Н. Н. Вѣчная слава, съ рис. Ц. 75 к. 3) Его же Чудо на морѣ, съ рис. Ц. 15 к. Спб. 903.

— Краткій обзоръ дѣятельности казеннаго лѣсного управленія за 1893—1902 г. Состав. Т. Нехорошевъ. Спб. 903.

— Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. Спб. 902.

— Народы и страны. Географическая Библіотека: 1) Среди мусульманъ, съ рис. Ц. 65 к. 2) Путешествія на край свѣта, съ рис. Ц. 50 к. 3) Въ невѣдомыя страны, съ рис. Ц. 50 к. 4) Докторъ Гиссенъ, съ рис. Ц. 35 к. 5) Разсказы о жаркой странѣ, съ рис. Ц. 50 к. 6) На плавающихъ льдинахъ по Ледов. океану, съ рис. Ц. 35 к. 7) Приключенія въ странѣ рабства, съ рис. Ц. 40 к. 8) На необитаемомъ островѣ, съ рис. Ц. 40 к. Спб. 903.

— „Наши вечера“. Литературно-художественный сборникъ Одесскаго Литерат.-артист. Общества. Вып. 1. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.

— Обзоръ дѣятельности Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за 8-ой годъ его существованія 1901—1902 гг. Спб. 902.

— Общеобразовательная Библіотека, п. р. Л. Е. Оболенскаго: 1) Успѣхи біологіи, ц. 25 к. 2) В. Гладстонъ, ц. 25 к. 3) Бобровая шуба и Красный пѣтухъ, ц. 50 к. 4) Научныя основы красоты и искусства, ц. 75 к. 5) Бьерн-

стерне-Бьернсонъ, Пауль Ланге и Тора Парсбергъ, пьеса, ц. 35 к. 6) Зудерманъ, Родина, др., и „Да здравствуетъ жизнь, пьеса, ц. 75 к. 7) Арендъ, Успѣхи химіи въ XIX в., ц. 25 к. 8) Интеллигентные пролетаріи во Франціи, ц. 60 к. 9) Женскій трудъ и женскій вопросъ, ц. 50 к. 10) Эпоха великихъ реформъ въ Японіи, ц. 35 к. 11) Основы философіи химіи, ц. 75 к. 12) О безработицѣ, ц. 60 к. Спб. 903.

— Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Обзоръ 1900 года. Пермь, 903.

— Промышленность и здоровье. Вѣстникъ професс. гигіены, фабричнаго и санитарнаго законодательства: Годъ I. П. р. А. Погожева. Спб. 903. Въ годъ 9 вып.—ц. 6 р.

— Рѣчи, прочитанныя на вечерѣ въ память Н. В. Гоголя въ г. Баку. Б. 902. Ц. 20 к.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1901 годъ. Т. I и II. Новг. 902.

— Сборникъ свѣдѣній по состоящему подъ августѣйшимъ покровительствомъ Е. В. Государыни Императрицы Александры Өеодоровны Попечительству о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Вып. VI: Отчетъ за 1901 г. Спб. 902.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1902 г. Вып. II. В. 902.

— Статистическій обзоръ Калужской губерніи за 1901 годъ. Вып. 1. Кал. 902.

— Статистическій обзоръ современнаго положенія казачьихъ войскъ, съ приложеніемъ картограммы и многихъ діаграммъ. Спб. 903.

— Труды Общества больничныхъ врачей въ Спб., съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1901 годъ. П. р. Н. Я. Кеппера. Годъ 1-ый. Спб. 903.

— Труды Саратовскаго Общества естествоиспытателей. Т. IV: Памяти А. А. Токарскаго. Сарат. 903.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *Ellen Key*. Essays. Стр. 317. Berlin. 1902 (S. Fischer, Verlag).

Философскіе этюды Элленъ Ки, извѣстной скандинавской писательницы, принадлежатъ къ очень распространенному теперь въ западной Европѣ роду литературы. Форма эта менѣе всего новая,—классическіе образцы ея созданы уже Монтэнемъ, а впослѣдствіи Маколеемъ и многими другими писателями, въ особенности англійскими. Но современные эссэисты задаются иными цѣлями, чѣмъ ихъ предшественники. Прежде форму „опытовъ“ избирали философы, когда хотѣли, подобно Монтэню, отдѣлить себя отъ педантизма школьныхъ мудрецовъ и связать свои мысли съ выводами изъ непосредственной дѣйствительности. Называя свой трудъ „опытомъ“, мыслитель какъ бы бралъ на себя меньше отвѣтственности, не обязывался дать систематическое изложеніе цѣльной философской системы, и могъ съ большей свободой примѣнять свои идеи къ жизни, поучать, не сосредоточиваясь на теоретическихъ построеніяхъ. Поэтому моралисты всѣхъ временъ особенно охотно пользовались этой полу-философской, полулитературной формой для своихъ разсужденій о жизни; къ эссэистамъ слѣдуетъ поэтому причислить и такихъ философовъ, какъ Монтэнь и Паскаль (его „Pensées“ вполнѣ соотвѣтствуютъ „Опытамъ“ Монтэня), и моралистовъ въ родѣ Лабрюэра и Ларошфуко, а впослѣдствіи Вовенарга. Въ XIX вѣкѣ форма „опытовъ“ привилась главнымъ образомъ къ литературной критикѣ и, утративъ прежнюю непринужденность, стала обозначать цѣльный и всесторонній анализъ художественнаго творчества въ философскомъ освѣщеніи. Не всякаго критика, даже выдающагося, можно назвать эссэистомъ; ни Лессингъ въ своихъ эстетическихъ трактатахъ, ни Сентъ-Бёвъ въ своихъ портретахъ и характеристикахъ, въ которыхъ психологическое чутье и чистая литературность преобладаютъ надъ философскими выводами, ни Брандесъ въ своихъ историко-литературныхъ трудахъ, не могутъ быть названы эссэистами. Къ числу же послѣднихъ принадлежитъ главнымъ образомъ Тэнъ, каждый очеркъ котораго проникнутъ ясно выраженной idée-maîtresse и является образцомъ художественной цѣльности содержанія и стилистической законченности формы. Эссэистами

могутъ быть также названы Бурже въ своихъ „Essais sur la Psychologie contemporaine" и еще болѣе—англійскій писатель Вальтеръ Пэтеръ, авторъ книги „Renaissance": она состоитъ изъ отдѣльныхъ сжатыхъ, но исчерпывающихъ идейное значеніе „Возрожденія" очерковъ о творцахъ итальянскаго классическаго искусства. Въ послѣднее время эта форма особенно культивируется нѣмецкими писателями; продуманностью и стильностью „опытовъ" серьезные критики борются противъ поверхностности и нелитературности періодической печати, которая только торопливо отмѣчаетъ „новинки", не вникая большей частью въ истинный смыслъ новыхъ литературныхъ явленій. Названіемъ „Essay" въ сущности даже злоупотребляютъ въ Германіи: всякій болѣе или менѣе обстоятельный критическій очеркъ носитъ названіе „опыта", хотя въ немъ иногда вовсе нѣтъ идейнаго синтеза, составляющаго отличительную черту этого высшаго рода критики.

За послѣдніе годы—главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Ницше—западно-европейскіе писатели стали излагать философскія ученія въ формѣ „опытовъ", т.-е. безъ учености, замѣненной художественностью идейной проповѣди. Философія сливается съ художественнымъ творчествомъ и становится тѣмъ самымъ доступной не исключительно профессіональнымъ ученымъ, а всему мыслящему человѣчеству. Къ философской литературѣ этого рода относятся теоретическія произведенія Метерлинка, его „Trésor des Humbles", „Sagesse et Destinée", „Temple Enseveli". Свою гуманную жизненную мораль Метерлинкъ проповѣдуетъ какъ художникъ; философское обоснованіе его этическихъ идеаловъ выясняется безъ всякой теоретичности, въ увлекательной поэтической формѣ—ясной и простой, въ противоположность туманности его драмъ. Ницше, а въ послѣднее время Метерлинкъ, имѣютъ цѣлый рядъ послѣдователей, которые излагаютъ нравственное ученіе, идеалы современнаго передового человѣчества въ болѣе живой убѣдительной формѣ, чѣмъ отвлеченныя теоретическія разсужденія, т.-е. въ „опытахъ", обращенныхъ къ живому чувству, примѣняющихъ къ непосредственной дѣйствительности свои отвлеченные принципы. Такого рода „опыты" сводятся такимъ образомъ къ живой проповѣди, исходящей изъ философскаго пониманія задачъ жизни. Особенностью этого рода литературы является забота о художественности изложенія; книги Метерлинка, напримѣръ, поражаютъ и привлекаютъ главнымъ образомъ поэтичностью и выразительностью образной, вдохновенной рѣчи автора.

Къ этому роду литературы принадлежитъ и новая книга Элленъ Ки. Не создавая „новой морали", какъ это дѣлаютъ Ницше и Метерлинкъ, Элленъ Ки является скорѣе послѣдовательницей смѣлыхъ этическихъ ученій новѣйшихъ индивидуалистовъ, но самобытная раз-

работка ихъ идей придаетъ выдающійся интересъ ея „опытамъ". Элленъ Ки—уроженка Скандинавіи, и это сказывается въ ея сосредоточенномъ стремленіи къ внутренней свободѣ, которая ей кажется величайшимъ идеаломъ, высочайшимъ завоеваніемъ просвѣтленнаго, развитого духа. Въ своихъ этическихъ взглядахъ, въ своемъ пониманіи задачъ современнаго человѣчества она ближе всего сходится со своимъ великимъ соотечественникомъ, Ибсеномъ. Толкуя ученіе Ницше, она тоже вкладываетъ въ него смыслъ, сближающій нѣмецкаго философа съ сѣверными моралистами, проповѣдниками свободы личности. „Сверхъ-человѣкъ" Ницше кажется ей воплощеніемъ свободы отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и страстей, идеаломъ духовнаго совершенства. Сѣверный характеръ ученія Элленъ Ки сказывается и въ томъ, что, при всемъ своемъ идеализмѣ, она не отрывается отъ реальной дѣйствительности и не проповѣдуетъ мистическихъ идеаловъ, неосуществимыхъ въ жизни. Цѣль ея книги—углубить пониманіе задачъ жизни и тѣмъ самымъ обогатить духовный міръ человѣка, внушить не презрѣніе къ жизни, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые мистики, а напротивъ того, показать, какъ прекрасна и благородна можетъ быть жизнь, если люди будутъ обогащать ея духовное содержаніе. Указывая на пути, которыми можетъ быть достигнуто это высшее счастье, Элленъ Ки противопоставляетъ господствующему въ западной Европѣ идеалу внѣшней культуры идеалъ внутренняго совершенствованія. Въ интересной центральной главѣ книги Элленъ Ки выясняетъ несостоятельность культурнаго идеала, направленнаго на исключительныя заботы объ умноженіи матеріальныхъ благъ. Мѣриломъ культурнаго развитія считается обыкновенно возростаніе потребностей, и дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ, современность стоитъ очень высоко,—та потребность въ комфортѣ, которая существуетъ теперь въ западной Европѣ у средняго человѣка, превосходитъ потребности самыхъ притязательныхъ баловней судьбы прежнихъ временъ; а вмѣстѣ съ потребностями возростаютъ и становятся общедоступными средства къ ихъ удовлетворенію, умножаются открытія и изобрѣтенія, составляющія славу нашего вѣка, осуществившаго во многихъ отношеніяхъ то, о чемъ прежде только въ сказкахъ разсказывали. Европа гордится этимъ гигантскимъ ростомъ матеріальнаго прогресса, въ которомъ человѣческій разумъ торжествуетъ побѣду надъ трудностями существованія,—и со стороны западно-европейскихъ писателей рѣдко приходится замѣтить скептическое отношеніе къ спасительности этихъ внѣшнихъ завоеваній разума. Культъ комфорта проникъ во всѣ слои литературы,—онъ проявляется и въ защитникахъ правъ порабощенной рабочей массы, и въ такихъ пророкахъ индивидуализма, какъ Ницше: его идеалъ могущества въ значительной степени обозначаетъ и ши-

рокое пользованіе всѣми внѣшними благами культуры, т.-е. разростаніе матеріальныхъ потребностей. Тѣмъ отраднѣе встрѣтить у писателя, примыкающаго въ остальныхъ своихъ воззрѣніяхъ къ западно-европейскимъ идеямъ, протестъ противъ этой религіи удобства и матеріальнаго прогресса. Въ этомъ тонѣ говорили до сихъ поръ главнымъ образомъ только русскіе писатели,—и въ походѣ Элленъ Ки противъ духа времени чувствуется вліяніе родственныхъ ей по духу русскихъ писателей, въ особенности Достоевскаго. Она считаетъ современный ростъ культуры количественнымъ, а не качественнымъ. „То, что̀ обыкновенно называется культурой,—говоритъ она,—т.-е. весь внѣшній строй жизни, общественныя учрежденія, сумма знаній, изобрѣтенія во всѣхъ областяхъ,—не углубляетъ и не облагораживаетъ духовнаго содержанія жизни. Напротивъ того, культура, которая, въ обычномъ смыслѣ этого слова, кажется высокой,—для болѣе тонкаго пониманія представляется лишь болѣе осложненной грубостью“. Поэтому задачей современныхъ передовыхъ людей должно быть не Kulturträger'ство въ прежнемъ смыслѣ слова, а противодѣйствіе огрубѣнію культуры. Нужно поднять тяготѣніе къ истинному и прекрасному; нужно не только чтобы передовое меньшинство создавало новыя культурныя цѣнности, но чтобы и большинство научилось съ тонкимъ выборомъ пользоваться этими цѣнностями. Другими словами, дѣло не только въ творчествѣ отдѣльныхъ культурныхъ дѣятелей, углубляющихъ потребности духа, а въ томъ, чтобы ихъ творчество стояло въ тѣсной внутренней связи съ запросами большинства и тѣмъ самымъ возвышало и обогащало духовную жизнь всѣхъ. Въ этомъ призывѣ къ общей массовой культурной дѣятельности заключаются особенность и значеніе книги Элленъ Ки. Большинство современныхъ западно-европейскихъ идеалистовъ проникнуто крайнимъ аристократизмомъ; они видятъ спасеніе только въ разрывѣ съ жизнью толпы,—она же, напротивъ того, говоритъ о сліяніи, о необходимости пріобщить массы къ просвѣтленной жизни духа, безъ чего въ культурной жизни будетъ царить по прежнему и все болѣе усиливаться грубость, даже культурная дикость,—какъ ни странно такое сочетаніе словъ.

Характеристика внутренней несостоятельности современной культуры, т.-е. того, что̀ Элленъ Ки называетъ „отсутствіемъ интенсивности“, поверхностностью,—очень мѣткая. Скандинавская моралистка вѣрно подмѣтила отрицательныя стороны современной интеллектуальной жизни. Образованіе опредѣляется въ наше время количествомъ знаній, а этотъ критерій неудовлетворителенъ. „Образованіе,—по оригинальному и мѣткому опредѣленію Элленъ Ки,—это то, что̀ остается въ насъ, когда мы забудемъ то, чему учились; оно заключается въ тѣхъ мысляхъ, ассоціаціяхъ, чувствахъ и образахъ фантазіи, которые

возвышаютъ и углубляютъ самобытную дѣятельность нашего духа". Это внутреннее обогащеніе не достигается среди торопливости и практичности современной культурной жизни, среди стремленія накопить въ наименьшій по возможности срокъ наибольшее количество свѣдѣній, изъ которыхъ можно было бы извлечь практическую пользу. Въ результатѣ получается искусственная, обманчивая образованность, ведущая только къ возростанію матеріальныхъ культурныхъ потребностей, но не обогащающая духовную жизнь, не содѣйствующая поднятію общаго нравственнаго уровня. Практичность современной культуры парализуетъ значеніе тѣхъ средствъ, которыя должны были бы содѣйствовать обогащенію внутренней жизни: путешествія стали болѣе легкими и общедоступными, но прежде люди обогащали умъ и сердце общеніемъ съ природой и знакомствомъ съ жизнью и бытомъ чужихъ странъ во время медленныхъ и трудныхъ путешествій, а теперь девизомъ большинства путешествующихъ является быстрое накопленіе разнообразныхъ впечатлѣній, желаніе увидать какъ можно больше въ возможно меньшій промежутокъ времени. Вдумчивое отношеніе къ впечатлѣніямъ природы и жизни при этомъ, конечно, исчезаетъ, и развивающее значеніе путешествій становится ничтожнымъ.

Главнымъ средствомъ для поднятія общаго духовнаго развитія Элленъ Ки считаетъ, конечно, облагораживающее вліяніе искусства и литературы,—но въ современномъ искусствѣ она тоже видитъ пагубную рознь съ жизнью. Пока искусство не входитъ въ число насущныхъ потребностей общества, пока оно считается прихотью обезпеченнаго меньшинства и не связано съ общимъ развитіемъ чувства красоты—какъ это было во времена высокаго расцвѣта искусства—до тѣхъ поръ творчество отдѣльныхъ художниковъ не повліяетъ на поднятіе общаго духовнаго уровня. Красивы будутъ только отдѣльныя художественныя произведенія, но въ жизни не водворится та атмосфера красоты, которая служитъ признакомъ благородства культуры,—какъ, напр., въ древней Греціи, когда сооруженіе храма было событіемъ, волнующимъ весь народъ. Теперь, несмотря на процвѣтаніе искусства, въ обыденной жизни продолжаетъ царить безвкусіе;—въ массѣ нѣтъ эстетическихъ потребностей. Нужно, чтобы возродилась воспріимчивость къ жизни природы; это—источникъ эстетическаго развитія и благородства культурной жизни. Какъ на поучительный примѣръ страны, въ которой культура проникла въ жизнь, Элленъ Ки указываетъ на Японію, гдѣ любовь къ природѣ развита болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Тамъ, напр., въ то время, когда цвѣтутъ вишневыя деревья, всѣ отправляются въ лѣсъ и наслаждаются прекраснымъ зрѣлищемъ съ глубоко благоговѣйнымъ чувствомъ. Это развитіе чувства природы у всего народа и обусловливаетъ особое благородство японскаго ис-

кусства, которое обновило своимъ вліяніемъ европейскую живопись XIX вѣка. Лучшіе европейскіе мастера восприняли у японцевъ ихъ внимательное и набожное отношеніе къ природѣ—и такимъ образомъ создалась новая пейзажная живопись, составляющая гордость современнаго искусства. Но то, что проникло въ сознаніе отдѣльныхъ художниковъ, должно слиться съ пониманіемъ и духовными потребностями большинства, и только тогда станетъ фактомъ культурной жизни. Въ этомъ сліяніи, т.-е. въ воспитательномъ вліяніи искусства, заключается ближайшая задача культурныхъ дѣятелей. Въ современной литературѣ скандинавская писательница усматриваетъ такое же отсутствіе связи между исканіями передовыхъ писателей и потребностями большинства, равнодушнаго ко всякому идейному движенію, ко всему, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ матеріальной сторонѣ жизни, не увеличиваетъ комфорта или не забавляетъ. Литература, преслѣдующая серьезныя идейныя и художественныя цѣли, идетъ своими путями, но, за отсутствіемъ сочувствующаго отношенія въ массѣ, она какъ бы витаетъ въ воздухѣ и не вліяетъ на поднятіе культурнаго духа, не противодѣйствуетъ тому, что Элленъ Ки, быть можетъ, нѣсколько рѣзко называетъ „культурной дикостью" нашего времени. Дикость эта, по ея мнѣнію, проявляется въ прессѣ, потворствующей рутиннымъ грубымъ вкусамъ большинства, преслѣдующей чисто промышленныя, а не культурныя цѣли. Элленъ Ки очень рѣзко нападаетъ и на общее равнодушіе общества къ литературѣ, на одичалость западно-европейской прессы, извращающей задачи литературной критики и литературы вообще, прессы, порабощенной промышленнымъ духомъ и не имѣющей поэтому никакого просвѣтляющаго воспитательнаго вліянія. Цѣлью литературы, какъ и искусства, она считаетъ именно воздѣйствіе на массу. „Ближайшая задача созидателей культуры въ наше время,—говоритъ она,—заключается въ томъ, чтобы подготовить чувства и умы современниковъ къ воспріятію созидательной работы творческаго генія. Нужно, чтобы идейный творецъ, мыслитель или художникъ явился со свѣточемъ къ поколѣнію, которое шло бы на встрѣчу ему съ пламеннымъ ожиданіемъ и встрѣтило бы его съ благоговѣйной радостью".

Указывая пути, которыми должно идти передовое культурное человѣчество, чтобы подготовить почву для будущаго общаго просвѣтленія, Элленъ Ки проповѣдуетъ принципы индивидуалистической этики. Все дѣло въ томъ, чтобы поднять жизненное чувство въ людяхъ, заставить ихъ полно и сознательно проявлять свою личность, быть смѣлыми и свободными въ выраженіи своихъ индивидуальныхъ чувствъ и понятій, не подчиняясь игу рутины. „Количество жизненной силы увеличилось бы въ тысячу разъ,—говоритъ она,—еслибы мы всѣ стали

отважны, еслибы мы рѣшались исповѣдывать вѣру, которую мы пріобрѣли, вмѣсто той, которую мы утратили, выражали бы убѣжденія, которыя есть у насъ, а не тѣ, которыхъ мы никогда не имѣли; еслибы мы цѣнили наши собственные взгляды, даже если они расходятся со взглядами нашихъ единомышленниковъ". До сихъ поръ эта смѣлость свойственна только исключительнымъ натурамъ, способнымъ на мученичество, но нужно, чтобы она стала общимъ достояніемъ;—только тогда создается основа для истинной культуры. Элленъ Ки—проповѣдница индивидуалистической морали. Многое она заимствуетъ у Штирнера и Ницше; страницы о благотворномъ дѣйствіи уединенія и молчанія навѣяны Метерлинкомъ, но самобытное значеніе книги Элленъ Ки заключается въ томъ, что аристократическую мораль Ницше и Метерлинка она примѣняетъ къ жизни, къ общенію между людьми; она менѣе всего отстаиваетъ идеалъ отреченія во имя духовнаго совершенствованія, а напротивъ того, учитъ вносить въ самую жизнь то благородство духа, которое умножаетъ счастье и красоту существованія.

Кромѣ философски-этическаго содержанія, книга Элленъ Ки представляетъ литературный интересъ и художественностью изложенія, и свѣдѣніями о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ скандинавскихъ писателяхъ, какъ, напр., о шведскомъ поэтѣ Альмквистѣ, авторѣ „Книги о шиповникѣ". Шиповникъ кажется Альмквисту символомъ двойственности жизни—роза и шипы на одной и той же вѣткѣ. Роза символизируетъ въ книгѣ Альмквиста также разнообразіе и въ то же время единство жизни тѣмъ, что множество лепестковъ соединяется въ одинъ цвѣтокъ. Элленъ Ки продолжаетъ его разсказъ въ духѣ новѣйшей индивидуалистической философіи.

II.

Clara Viebig. Das Weiberdorf. Roman. Стр. 289. Berlin, 1902 (Verlag von F. Fontane).

Клара Фибигъ, одна изъ наиболѣе извѣстныхъ и популярныхъ современныхъ нѣмецкихъ романистокъ, пріобрѣла сочувствіе читающей публики своими драматичными и колоритными разсказами и романами изъ жизни обитателей Эйфеля, суровой гористой мѣстности на границѣ Франціи. Въ Германіи теперь наибольшій успѣхъ имѣютъ „областные" писатели, созидатели такъ называемой Heimaths-Kunst. Каждый изъ выдающихся беллетристовъ и драматурговъ избираетъ себѣ какую-нибудь отдѣльную нѣмецкую провинцію и сосредоточивается на изученіи и описаніи ея быта, мѣстнаго нарѣчія и встрѣ-

чающихся въ ней типовъ. Гауптманъ—бытописатель швабскаго населенія, Фонтанъ—спеціалистъ по бранденбургской маркѣ, т.-е. описываетъ коренное прусское населеніе; новѣйшій кумиръ нѣмецкихъ читателей—Густавъ Френсенъ—прославился романомъ изъ жизни Голштиніи; много романистовъ описываютъ исключительно берлинскую жизнь. Нѣмецкому патріотизму особенно дорого такое внимательное, исчерпывающее изученіе каждаго отдѣльнаго уголка родины, а литература несомнѣнно выигрываетъ отъ разнообразія реалистическихъ элементовъ, вносимыхъ въ нее изображеніемъ столь различныхъ укладовъ жизни, типовъ и характеровъ, обычаевъ и міросозерцаній. Вводя въ свои произведенія разныя мѣстныя нарѣчія, романисты обогащаютъ литературный языкъ, увеличиваютъ его выразительность и колоритность—такъ что во всѣхъ отношеніяхъ „областной романъ" имѣетъ благотворное вліяніе на развитіе нѣмецкой литературы.

Клара Фибигъ открыла новый, никѣмъ до нея не изученный интересный уголокъ Германіи. Въ горномъ суровомъ Эйфелѣ живутъ крестьяне, привыкшіе къ тяжкому, неблагодарному труду, къ жизни полной лишеній,—но въ этихъ закаленныхъ трудомъ и нуждой натурахъ таятся сильныя, бурныя страсти, могучая воля, прорывающаяся въ трагическія минуты жизни. Контрастъ между внѣшней непривлядностью и однообразіемъ трудовой жизни крестьянъ этой мѣстности и затаенной страстностью и силой ихъ душевныхъ переживаній, составляетъ основную тему повѣстей Клары Фибигъ. По своимъ пріемамъ она принадлежитъ къ натуралистической школѣ; изображеніе страстей—не приподнято-романтическое, а вполнѣ жизненное; психологія дѣйствующихъ лицъ—понятная и правдивая, въ изображеніи быта много простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ колоритности,—такъ что, при всей драматичности фабулъ ея произведеній, они производятъ впечатлѣніе вѣрно наблюденной и правдиво изображенной дѣйствительности. Наиболѣе трагичны повѣсти, составляющія сборникъ „Kinder der Eifel"; въ нихъ описываются странные, замкнутые люди; безудержныя страсти пробиваются какъ подземныя силы среди самой будничной обстановки. Новый романъ Клары Фибигъ, „Das Weiberdorf", интересенъ и съ бытовой стороны, и по психологической драмѣ, которая въ немъ описывается. Въ маленькой деревушкѣ Эйфельшмитѣ живутъ круглый годъ однѣ только женщины. Чахлая и скудная почва не можетъ кормить населеніе, и потому работоспособные мужчины уходятъ на заработки въ лежащіе по близости рудники,—предоставляя женщинамъ справляться съ трудными полевыми работами на ихъ маленькихъ участкахъ земли. Женщины въ этой мѣстности—сильныя и очень самостоятельныя; онѣ привыкли справляться со всѣми обстоятельствами, не разсчитывая на поддержку мужчинъ. Но, при всей трудности жизни,

онѣ полны душевныхъ силъ и свѣжести чувствъ, веселы и бодры, способны на рѣшительные и смѣлые поступки, и жизнь ихъ въ борьбѣ съ суровыми обстоятельствами складывается очень драматично. Онѣ отдыхаютъ и веселятся только во время возвращенія молодежи на родину, два раза въ годъ, лѣтомъ и на Рождество; это—время непрерывныхъ танцевъ и гуляній, время влюбленій, помолвокъ и свадебъ; затѣмъ, съ уходомъ рабочихъ, опять наступаютъ долгія трудовыя будни. Эта привычка къ кратковременности радостныхъ ощущеній выработала въ обитателяхъ обездоленной, угрюмой мѣстности сосредоточенность и страстность натуры. Минуты счастья имъ достаются очень рѣдко, покупаются цѣной тяжелаго и упорнаго труда, но зато они умѣютъ пользоваться ими съ особенной цѣльностью и напряженностью чувствъ. Они порывисты и страстны въ увлеченіи, молчаливы и выносливы въ будничной жизни, легкомысленны и благодарны судьбѣ за малѣйшую радость и мирятся съ своей тяжелой долей безъ всякаго озлобленія. Жизнь людей съ такой психологіей представляетъ благопріятную почву для драматическихъ событій, которыя и составляютъ содержаніе романа „Женское село".

Герой романа, слесарь Петеръ Миссертъ, наиболѣе полно воплощаетъ характерныя черты эйфельскаго населенія. На первый взглядъ это добродушный, нѣсколько апатичный, лѣнивый человѣкъ; онъ легкомысленно пользуется всякимъ случаемъ пріятно провести время, не думая о завтрашнемъ днѣ. Онъ молчаливъ, необидчивъ и часто служитъ предметомъ поддразниваній со стороны деревенской молодежи. Но за этой добродушной наружностью скрывается глубокая, сильная натура, которая и проявляется въ осложнившихся условіяхъ его жизни. Положеніе Петера въ деревнѣ—особенное. Онъ единственный молодой человѣкъ, который весь годъ живетъ дома, и поэтому онъ пользуется симпатіями всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Онъ любитъ свою жену, задорную красавицу Люси, но не противится заигрываніямъ другихъ женщинъ, не придавая значенія своимъ легкимъ успѣхамъ у скучающихъ односельчанокъ. Во время наѣздовъ мужского населенія, обаяніе Петера падаетъ—женщины не обращаютъ на него вниманія, мужчины косятся на него, такъ какъ каждый втайнѣ ревнуетъ къ нему свою жену или невѣсту. Для самого Петера праздничные дни очень мучительны: его жена—царица всѣхъ увеселеній; ее окружаетъ толпа ухаживателей, и она отдается веселью со всей необузданностью своей легкомысленной натуры, забывая, среди танцевъ и шутокъ, о мужѣ и о своемъ грудномъ ребенкѣ. Петеръ страдаетъ отъ ревности, но терпѣливо ждетъ ухода рабочихъ, зная, что тогда снова станетъ общимъ любимцемъ. Въ промежуткѣ между двумя побывками эйфельшмидскихъ рабочихъ, въ жизни Петера происходитъ трагедія, составляю-

щая содержаніе романа. Главной причиной его несчастія становится легкомысліе его жены Люси. Она—добрая женщина, любитъ мужа, но еще больше любитъ наряды и развлеченія. Въ деревню пріѣзжаетъ торговецъ съ образцами модныхъ матерій, и Люси теряетъ голову отъ желанія пріобрѣсти нарядное платье. Ловкій продавецъ еще болѣе разжигаетъ ея тщеславіе, ухаживая за ней, расхваливая ея красоту. Она принимаетъ его ухаживанія; онъ угощаетъ ее виномъ въ трактирѣ, и все это происходитъ на глазахъ Петера, ревность котораго разгорается. Люси упрашиваетъ его выписать матерію по приглянувшемуся ей образчику. Она нѣжна съ мужемъ и всячески старается склонить его на покупку. Петеръ готовъ былъ бы сдѣлать все возможное, чтобы привязать къ себѣ жену, но у него нѣтъ денегъ. Онъ старается сначала урезонить ее, но она его даже не слушаетъ. Она отлично знаетъ, что у бѣднаго слесаря съ его грошевыми заработками нѣтъ восьми талеровъ на покупку платья, но уже совершенно не разсуждаетъ, а только упрашиваетъ мужа сдѣлать ей подарокъ, какъ будто дѣло только въ его доброй волѣ. Торговецъ тоже пристаетъ къ нему и разжигаетъ его ревность, заигрывая при немъ съ Люси и говоря, что для такой красотки нужно быть щедрымъ. При этомъ онъ подпаиваетъ и Петера, и Люси, которая, отчаяваясь повліять на мужа, въ отместку ему усиленно любезничаетъ съ торговцемъ. На Петера находитъ какое-то безуміе; имъ овладѣваетъ безсильная злоба при мысли о томъ, какую роковую силу имѣютъ деньги. Вся его любовь—ничто въ глазахъ вѣтренной жены; она теперь съ презрѣніемъ отталкиваетъ его и благосклонно принимаетъ все болѣе смѣлыя ухаживанія торговца, а стоитъ только Петеру дать деньги на платье, чтобы она снова стала любящей женой. Въ эту минуту охмелѣвшему отъ вина Петеру деньги кажутся проклятіемъ—чѣмъ-то презрѣннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно желаннымъ. Не будучи въ состояніи выносить любезничанья Люси съ соблазняющимъ ее торговцемъ, Петеръ гордо и презрительно заявляетъ, что согласенъ на покупку, и торговецъ условливается съ нимъ тутъ же, что сдѣлаетъ заказъ на фабрикѣ, и что матерія будетъ выслана наложеннымъ платежомъ. Петеръ въ эту минуту и не думаетъ о томъ, какъ онъ достанетъ деньги для уплаты;—ему важно только, что его согласіе измѣнило настроеніе и поведеніе Люси, что она снова нѣжна съ нимъ,—онъ видитъ воочію, какъ сильна власть денегъ. Торговецъ, замѣтивъ его растерянность, приписываетъ ее заботѣ о предстоящемъ расходѣ, и въ приливѣ великодушія предлагаетъ Петеру попытать счастья въ картахъ. Петеръ соглашается и сразу увлекается игрой. Ему везетъ, и онъ опьяненъ легкой наживой, передъ нимъ открываются какія-то фантастическія перспективы могущества и власти

надъ міромъ. Онъ выигралъ талеръ, и, получивъ блестящую серебряную монету, испытываетъ какое-то непонятное волненіе, точно въ его жизни наступилъ какой-то переворотъ. Проигравшій торговецъ радъ, что доставилъ такую радость мужу хорошенькой и не особенно строптивой молодой женщины, и онъ еще выхваливаетъ доставшійся Петеру талеръ, говоритъ о его звонкости, доказывающей его подлинность, разсказываетъ о прибитомъ на стѣнкѣ въ почтамтѣ фальшивомъ талерѣ. Всѣ его рѣчи производятъ сильное впечатлѣніе на Петера, усиливаютъ мгновенно зародившуюся въ его страстной душѣ мечту завладѣть міромъ, осчастливить всѣхъ несчастныхъ и недовольныхъ посредствомъ денегъ. Стоитъ только, чтобы счастье улыбнулось ему—какъ въ игрѣ съ торговцемъ—и онъ будетъ видѣть вокругъ себя только довольныя лица. Эта мысль настолько имъ овладѣваетъ, что все остальное перестаетъ интересовать его. Онъ такъ увлеченъ игрой, и при этомъ настолько опьяненъ непривычно большимъ количествомъ выпитаго вина, что совершенно равнодушенъ къ поведенію жены; отуманенная виномъ, она на глазахъ у мужа позволяетъ торговцу обнимать себя. Петера это не огорчаетъ; теперь для него все дѣло въ томъ, чтобы стать богатымъ, чтобы имѣть какъ можно больше звонкихъ талеровъ—тогда не будетъ измѣнъ, не будетъ несчастныхъ. Выигранный первый талеръ вскружилъ голову Петеру; онъ чувствуетъ въ эту минуту, что талеры у него будутъ, хотя самъ не знаетъ, какъ это сдѣлается. На слѣдующій день послѣ роковой для Петера попойки, начинаются для него и для Люси тяжелыя будни. Въ домѣ ни гроша, ребенокъ боленъ, и голодъ особенно чувствителенъ послѣ грезъ о богатствѣ. Петеръ лежитъ на постели въ мрачныхъ думахъ; мысль о томъ, чтобы отправиться искать обычныхъ грошевыхъ заработковъ, ему противна; ему нужно богатство, чтобы измѣнить всю окружающую жизнь, а не гроши, чтобы длить нищенское существованіе.

Такую же нужду, какъ у себя въ домѣ, Петеръ видитъ и у своихъ односельчанъ. Особенно близко къ сердцу онъ принимаетъ бѣдственное положеніе самой честной, кроткой и скромной молодой женщины въ Эйфельшмидтѣ, Бэбби. Она вѣрна своему возлюбленному, Лоренцу, и не въ примѣръ другимъ женщинамъ села не любезничаетъ съ Петеромъ въ отсутствіе своего друга; за это Петеръ и чувствуетъ къ ней дружескую привязанность и уваженіе. Въ одну изъ побывокъ на родинѣ Лоренцъ женится на Бэбби, торопясь свадьбой въ виду того, что Бэбби готовится стать матерью. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, Лоренцу приходится вернуться на работу, и онъ оставляетъ молодую жену въ домѣ своихъ родителей. Тамъ начинаются для нея мытарства; несмотря на ея болѣзненное состояніе, ее заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ впроголодь

и постоянно попрекаютъ ея непорядочнымъ поведеніемъ, тѣмъ, что она заставила Лоренца жениться на ней. Преслѣдуютъ ее и другія женщины и дѣвушки въ деревнѣ, пользуясь ея беззащитностью. Петеръ видитъ ея страданія, старается ободрить ее, но понимаетъ, что тутъ нужна болѣе существенная помощь. Особенно тяжело ему сознавать свое безсиліе, когда, проходя мимо дома, гдѣ живетъ Бэбби, онъ слышитъ ея крики, узнаетъ, что она опасно больна, но что къ ней не призываютъ врача во избѣжаніе лишнихъ расходовъ. Родивъ ребенка, Бэбби болѣетъ и говоритъ навѣщающему ее Петеру, что готовится умереть, такъ какъ на выздоровленіе—при отсутствіи даже необходимыхъ для покупки молока денегъ—нѣтъ надежды. Все это безконечно озлобляетъ и волнуетъ Петера, убѣждая его во всемогуществѣ денегъ, въ безплодности однихъ только добрыхъ намѣреній. Волнуетъ его также и поведеніе жены, ея постоянныя отлучки изъ дому то въ обществѣ соблазняющаго ее подарками торговца, то красавца жандарма, который вывозитъ ее на вечеринки въ сосѣднія деревни. Петеръ знаетъ, что его Люси вовсе не испорченная, распутная женщина, что она по своему любитъ его, но что она молода и ей хочется пожить весело,—поэтому она рада всякому, кто доставляетъ ей хоть минутныя радости, давая ей возможность забыть о грустной домашней обстановкѣ. И тутъ все дѣло въ деньгахъ: если бы Петеръ могъ удовлетворять ея въ сущности не особенно притязательной любви къ нарядамъ,—она бы не поощряла своихъ поклонниковъ. Однажды Люси исчезаетъ на цѣлый день; торговецъ повезъ ее прокатиться въ ближайшее мѣстечко, и въ ея отсутствіе къ Петеру поочередно приходятъ сосѣдки, замужнія женщины и молодыя дѣвушки, и, ехидствуя надъ вѣтренной Люси, кокетничаютъ съ нимъ. Петеръ раздраженъ противъ жены, старается забыться, поддаваясь заигрываніямъ посѣтительницъ, изъ которыхъ одна, смѣлая и порывистая дѣвушка, Тина, ему очень нравится; но когда всѣ онѣ уходятъ, у него остается гадливое чувство въ душѣ; ему стыдно за свою безхарактерность, ему жаль этихъ женщинъ, которыя ищутъ хоть какихъ-нибудь развлеченій, чтобы забыть нужду и горе. Опять онъ начинаетъ мечтать о деньгахъ, какъ о средствѣ общаго спасенія.

Въ такомъ душевномъ состояніи выигрышъ талера и связанные съ этимъ разговоры оказываютъ особенно сильное дѣйствіе на Петера. Не зная, на что купить хоть хлѣба, Люси вспоминаетъ о выигранномъ талерѣ и хочетъ его размѣнять. Но Петеръ ни за что на это не соглашается, самъ не отдавая себѣ отчета—почему. Его призываетъ пасторъ, и проситъ его починить упавшую съ потолка люстру, припаять отвалившіяся части; для того, чтобы починка обошлась дешевле, онъ предлагаетъ Петеру снабдить его матеріаломъ для ра-

боты. Онъ отправляется съ Петеромъ въ ризницу, отворяетъ большой шкафъ и достаетъ множество старой поломанной оловянной утвари, предлагая Петеру взять столько олова, сколько ему нужно для починки. Петера осѣняетъ страшная мысль, когда онъ стоитъ передъ полками, заставленными оловянной утварью: ему судьба какъ бы нарочно даетъ средство составить счастье всего села. Съ быстрой рѣшимостью онъ говоритъ пастору, что возьметъ нужный ему матеріалъ; затѣмъ, когда пасторъ отходитъ въ сторону, онъ засовываетъ подъ пальто нѣсколько кубковъ и чашъ, беретъ въ руки старые жестяные подсвѣчники, объявляя пастору, что въ нихъ достаточно олова для починки, и уходитъ, обѣщая скоро принести приведенную въ надлежащій видъ люстру. Вернувшись домой, онъ запирается въ своей маленькой мастерской, устроенной имъ на чердакѣ, и въ теченіе цѣлой недѣли почти не выходитъ оттуда, никого не пуская къ себѣ. Люси удивляется его рвенію, но очень довольна, во-первыхъ, потому что надѣется на хорошій заработокъ мужа, а еще и потому, что Петеръ предоставляетъ ей полную свободу, увлеченный своей работой. Она этимъ пользуется, постоянно ѣздитъ на разныя увеселенія въ сосѣднихъ деревняхъ, въ сопровожденіи своего новаго друга, жандарма. Петеръ не обращаетъ на это вниманія, даже не спрашиваетъ ее о томъ, гдѣ она была. Но, несмотря на его усердную работу, заказъ пастора не исполненъ въ надлежащее время. Пасторъ не сердится за это; встрѣтивъ Петера въ церкви въ необычное время, видя, какъ усердно и горячо молится Петеръ въ безлюдной церкви, онъ хвалитъ его за благочестивость и говоритъ, что понимаетъ, до чего трудно починить люстру. Обѣщавъ скоро доставить работу, Петеръ отправляется на кладбище, молится на могилѣ своихъ родителей и возвращается домой въ чрезвычайно возбужденномъ настроеніи. Онъ сначала отправляется пройтись по селу и прежде всего заходитъ къ Бэбби, которую застаетъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Она и ея ребенокъ почти умираютъ отъ недостатка пищи. Петеръ даетъ ей три талера и проситъ ее не скупясь тратить деньги, чтобы скорѣе оправиться. Онъ говоритъ, что надѣется и впредь помогать ей, такъ какъ его дѣла теперь хороши. Вернувшись домой, онъ чувствуетъ желаніе отдохнуть отъ работы,—покутить. Но Люси нѣтъ дома; къ Петеру приходитъ Тина и разсказываетъ, что Люси ушла на вечеринку по сосѣдству. Петеръ предлагаетъ Тинѣ отправиться съ нимъ туда же; по дорогѣ они встрѣчаютъ еще нѣсколько дѣвушекъ, и Петеръ является на вечеринку въ сопровожденіи цѣлой ватаги молодыхъ дѣвушекъ. Появленіе его производитъ сенсацію; онъ очень веселъ, всѣхъ угощаетъ, и даже не сердится, увидавъ среди танцующихъ свою жену съ жандармомъ. На обратномъ пути домой онъ по секрету сообщаетъ

Тинѣ, что получилъ наслѣдство, и что теперь онъ будетъ ее баловать.

Вѣсть о наслѣдствѣ Петера разносится, конечно, очень быстро по деревнѣ—и за Петеромъ начинаютъ ухаживать еще больше, чѣмъ прежде. Жизнь его измѣняется, нужды въ домѣ нѣтъ, а самъ Петеръ въ приподнятомъ настроеніи духа—онъ чувствуетъ себя свободнымъ человѣкомъ, радъ, что можетъ спасать другихъ отъ нужды; радъ также покутить и побаловать дѣвушекъ, которыя теперь неотступно сопровождаютъ его на прогулкахъ. Но Люси хотя и довольна, что миновала нужда, что у нея новое платье и еще другія обновы, но ей грустно; съ полученіемъ наслѣдства Петеръ какъ-то отстранился отъ нея; онъ или сидитъ дома у себя на чердакѣ, или уходитъ кутить по окрестностямъ; она только слышитъ отъ злорадныхъ кумушекъ, что онъ не жалѣетъ денегъ и всюду мѣняетъ талеры за талерами. Дома же Петеръ далеко не такъ веселъ, какъ прежде; онъ погруженъ въ мрачныя мысли и не слышитъ, что происходитъ вокругъ него; или же онъ возбужденно веселъ и шутитъ съ жандармомъ, который сдѣлался завсегдатаемъ въ ихъ домѣ. Кажущееся благополучіе недолго продолжается,—недолго Петеръ радуется своей независимости и открывшейся ему возможности создавать довольство и счастье вокругъ себя. Въ деревнѣ распространяется сенсаціонная вѣсть о томъ, что у какого-то крестьянина оказался фальшивый талеръ. Крестьянинъ въ отчаяніи; онъ не можетъ вспомнить, гдѣ ему дали монету, такъ какъ объѣхалъ со своимъ товаромъ много деревень,—но фактъ на лицо, и вся деревня волнуется. Вскорѣ находятъ еще нѣсколько фальшивыхъ талеровъ въ окрестностяхъ;—вся полиція на ногахъ, ищутъ преступника по всѣмъ деревнямъ,—но напрасно. Петеръ сначала испугался, потомъ успокоился, видя, что никто его не подозрѣваетъ. Онъ принимаетъ оживленное участіе въ общихъ толкахъ, распространяетъ басни о шайкѣ злоумышленниковъ, работающей гдѣ-то далеко и распространяющей всюду свои издѣлія. Но онъ не рѣшается пускать въ оборотъ новыя монеты и говоритъ всѣмъ, что его наслѣдство уже истрачено. Однако, когда толки о фальшивыхъ монетчикахъ утихаютъ, и нужда снова одолѣваетъ его, когда Люси начинаетъ мучить его просьбами о деньгахъ, думая, что онъ навѣрное припряталъ часть наслѣдства, онъ не можетъ устоять противъ искушенія: онъ запирается у себя на чердакѣ, и черезъ нѣсколько дней отправляется въ очень далекую деревню мѣнять деньги. Но на этотъ разъ за нимъ слѣдятъ: въ деревнѣ поселился новый житель, богатый старикъ, который не взлюбилъ Петера за его успѣхи у женщинъ, въ особенности же за то, что онъ не пускаетъ работать къ нему въ домъ Люси, которая очень нравится старику. Разсказъ о наслѣдствѣ, которое полу-

чилъ Петеръ, кажется ему неправдоподобнымъ; онъ слѣдитъ за разбогатѣвшимъ слесаремъ и убѣждается, что фальшивые талеры—его издѣліе. По настоянію старика, къ Петеру является полиція и находитъ у него на чердакѣ всѣ доказательства его вины. Люси въ ужасѣ, отстаиваетъ невинность мужа, но главнымъ образомъ сѣтуетъ о себѣ, и поэтому успокоивается, когда старикъ обѣщаетъ заботиться о ней. Эти слова старика выводятъ Петера изъ апатіи, въ которую онъ впалъ съ приходомъ полиціи; онъ бросается на старика, и заклинаетъ жену не забывать его. Люси, въ слезахъ, обѣщаетъ ему вѣрность навѣки—съ тѣмъ же легкомысліемъ, съ какимъ она тотчасъ же готова была принять помощь старика. Петера уводятъ, и по дорогѣ въ тюрьму онъ имѣетъ случай еще разъ убѣдиться въ легкомысліи и вѣроломствѣ женщинъ своего села. На встрѣчу ему идетъ толпа женщинъ, которыя хотятъ отбить его у полиціи и дать ему возможность убѣжать. Начинается отчаянная схватка, и нѣсколько полицейскихъ, конвоирующихъ Петера, не могутъ справиться съ толпой разъяренныхъ женщинъ; но въ это время раздаются крики и пѣсни—въ деревню возвращаются рабочіе, и, услышавъ ихъ голоса, защитницы преступника убѣгаютъ, предоставляя Петера его судьбѣ.

Таково содержаніе интереснаго романа Клары Фибигъ. Смѣсь грубости нравовъ съ искренними порывами человѣколюбія и высокаго идеализма очерчена очень сильно и жизненно въ психологіи героя и окружающихъ его людей. Особенно интересна въ романѣ бытовая сторона—жизнь въ своеобразномъ царствѣ женщинъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1903.

Празднованіе дня освобожденія крестьянъ. — Произнесенъ ли смертный приговоръ надъ столичнымъ общественнымъ самоуправленіемъ? — Вѣрность „привычкамъ рабства“.—Рѣшеніе сената и комментарій къ нему въ „Гражданинѣ“. — Обвинительный приговоръ по дѣлу Шафрова.—Юбилей В. А. Гольцева.—А. А. Головачевъ †.

Сорокъ-два года спустя послѣ освобожденія крестьянъ состоялось опредѣленіе св. синода о праздновании дня 19-го февраля торжественнымъ богослуженіемъ во всѣхъ православныхъ храмахъ имперіи. Мысль о такомъ праздновании зародилась уже давно; ее одобрилъ, въ 1882-мъ году, императоръ Александръ III—но въ дѣйствительность она до настоящаго времени не переходила. Въ 1886-мъ году не могло даже состояться чествованіе двадцатипятилѣтія великой реформы. Слишкомъ распространены, очевидно, были еще сомнѣнія въ цѣлесообразности и своевременности дѣла, совершившагося въ 1861-мъ году. Не исчезли такія сомнѣнія и теперь—но сорокалѣтняя давность отодвинула ихъ на задній планъ и затруднила открытое, искреннее ихъ выраженіе. Когда запоздалые поклонники старины, въ родѣ автора „Русскихъ рѣчей“ [1]), говорятъ о допущенной въ шестидесятыхъ годахъ „ошибкѣ, непростительной и можетъ быть непоправимой“, они спѣшатъ прибавить, что считаютъ ошибкой не самый фактъ освобожденія крестьянъ, желательный и благой, „а то, *какъ онъ былъ осуществленъ*“ (курсивъ въ подлинникѣ). Въ сущности, впрочемъ, для противниковъ реформы больше ничего и не нужно: ссылаясь на неправильное, будто бы, ея осуществленіе, они свободно могутъ отстаивать всѣ сдѣланныя къ ней „поправки“ и предлагать новыя, еще больше извращающія ея значеніе.

Довольно странные комментаріи опредѣленіе св. синода вызвало въ газетѣ, не принадлежащей къ крипто-крѣпостнической группѣ органовъ печати. „Чрезвычайно важно“ — читаемъ мы въ „Новомъ Времени“ (№ 9676),—„что мысль объ увѣковѣченіи историческаго дня освобожденія крестьянъ получила осуществленіе при ближайшемъ духовномъ участіи императора Александра III-го и нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, авторитетъ коихъ ручается, что идеи 19-го фев-

---

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ“ № 2, стр. 632—3.

раля жизненны, плодотворны и вполнѣ соглашаются съ основами нашего государственнаго уклада. Многіе смѣшивали и смѣшиваютъ идеи, легшія въ основу реформы 19-го февраля, съ такъ называемымъ либерализмомъ, т.-е. съ извѣстнымъ политическимъ умозрѣніемъ, съ которымъ очень немного общаго имѣетъ гражданская свобода... Гражданская свобода—это состояніе, которое не простирается за предѣлы частной дѣятельности, тогда какъ свобода политическая ищетъ себѣ поприща въ сферѣ государственной дѣятельности". Всѣ эти разсужденія кажутся намъ по меньшей мѣрѣ излишними. Жизненность идеи, положенной въ основаніе реформы 19-го февраля, не требовала и не требуетъ никакихъ новыхъ удостовѣреній; достаточнымъ доказательствомъ ея служитъ историческій опытъ. Совершенно невѣрно, далѣе, что гражданская свобода не имѣетъ ничего общаго съ либерализмомъ. Въ составъ либеральныхъ программъ, на извѣстной ступени развитія государственной жизни, всегда и вездѣ входила и входитъ свобода личности—свободное передвиженіе, свободный выборъ профессіи или промысла, прекращеніе обязательствъ, ставящихъ одну часть населенія въ зависимость отъ другой. Эти пожеланія исполняются, обыкновенно, раньше другихъ—но исполняются не безъ противодѣйствія со стороны тѣхъ, кому ненавистна свобода, въ чемъ бы она ни заключалась. Такъ было и у насъ, въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ: мысль объ освобожденіи крестьянъ встрѣтила страстный отпоръ ультра-охранителей—и столь же страстную поддержку либераловъ. Конечно, реформа не могла бы состояться, еслибы ея необходимость не была признана въ болѣе широкихъ и вліятельныхъ сферахъ; но это не измѣняетъ ея значенія, освободительнаго въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Комбинація условій, которую мы видѣли сорокъ лѣтъ тому назадъ, существуетъ, въ главныхъ чертахъ, и въ настоящее время. Теченія, когда-то затруднявшія и замедлявшія *основаніе* гражданской свободы, теперь идутъ въ разрѣзъ съ ея *распространеніемъ* и *укрѣпленіемъ*—а за довершеніе дѣла стоятъ тѣ же общественные элементы, которые привѣтствовали его начало... Между гражданской свободой и либерализмомъ есть еще одна точка соприкосновенія. Гражданская свобода—необходимый фундаментъ для всякой другой. Пока цѣлые общественные классы не пользуются личной свободой или пользуются ею въ крайне ограниченной мѣрѣ, до тѣхъ поръ немыслима свобода рѣчи и печати, немыслимо широкое, активное участіе населенія хотя бы въ мѣстномъ хозяйственномъ управленіи... „Принципъ гражданской свободы"—таковъ заключительный выводъ „Новаго Времени"—„красуется на знамени того новаго порядка вещей, осуществленіе котораго началось реформой 19-го февраля 1861-го года и полное торжество котораго возвѣщается нынѣ

установленіемъ празднованія 19-го февраля". Основательна ли выраженная здѣсь надежда—это мы узнаемъ не раньше, какъ по окончаніи работы особаго совѣщанія. Лучшія desiderata сельско-хозяйственныхъ комитетовъ безспорно обнимаютъ собою всю полноту гражданской свободы—но ихъ судьбу нельзя еще ни предугадать, ни предвидѣть.

„Обозрѣнію с.-петербургскаго городского хозяйства и управленія", произведенному недавно товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, Н. А. Зиновьевымъ, у насъ посвящена особая статья [1]); мы остановимся здѣсь только на пріемѣ, встрѣченномъ этимъ „обозрѣніемъ" со стороны нѣкоторыхъ органовъ печати. Восторгъ „Гражданина" и „Московскихъ Вѣдомостей" не знаетъ предѣловъ. Осужденнымъ и приговореннымъ къ смерти кажется имъ самый принципъ самоуправленія; остается только исполнить приговоръ и выкопать могилу поглубже, чтобы покойникъ не могъ возвратиться на бѣлый свѣтъ. Кн. Мещерскій ожидаетъ появленія „бабы-яги", съ чисто метущею метлою—или дубинки Петра Великаго, которая замѣнила бы собою „хартіи самоуправленія". Оправдываются ли, однако, такія ожиданія самымъ обозрѣніемъ, если и предположить, что оно представляетъ собою безусловно полную и вѣрную картину петербургскаго городского хозяйства? Вѣдь по одному городу нельзя судить о всѣхъ остальныхъ, по одному моменту въ жизни города — и моменту, притомъ, крайне ненормальному (припомнимъ, что полномочія с.-петербургской городской думы окончились, собственно говоря, полтора года тому назадъ, и что при обычномъ ходѣ вещей составъ ея могъ бы быть теперь совершенно иной), — нельзя судить о всемъ его прошломъ. Скажемъ болѣе: заключеніе, къ которому пришла ревизія, не имѣетъ ничего общаго съ толкованіями реакціонной печати. Недостатки, обнаруженные ревизіею, обусловлены, по словамъ ревизіоннаго отчета, „не основными началами, на которыхъ покоится строй городского управленія, но, въ значительной степени, отступленіями отъ этихъ началъ". Изъ-за чего же, спрашивается, возликовали враги самоуправленія? Гдѣ же осужденіе ненавистнаго имъ принципа?

Ошибки, недосмотры, злоупотребленія возможны при самыхъ различныхъ порядкахъ управленія. Для того, чтобы обратить отдѣльные факты въ аргументъ противъ системы, необходимо доказать, что ничего подобнаго не бываетъ и не можетъ быть при системѣ противоположной. Въ спорѣ, предметомъ котораго служитъ теперь петербург-

---

[1]) См. выше: „Вторая ревизія спб. город. общ. управленія въ 1902 году", стр. 363.

ское городское хозяйство, противниками самоуправленія не представлено даже того, что̀ юристы называютъ „началомъ доказательства" (commencement de preuve). Возьмемъ, для примѣра, положеніе городскихъ больницъ. Изъ „обозрѣнія" видно, что оно оставляетъ желать весьма многаго. Основываясь на этомъ, „Московскія Вѣдомости" сопровождаютъ извѣстіе о безпорядкѣ въ одной изъ петербургскихъ больницъ слѣдующимъ восклицаніемъ: „чему же тутъ удивляться, коль скоро этою больницей завѣдуетъ выборная дума"? Итакъ, въ больницахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи невыборнаго учрежденія, все всегда обстоитъ благополучно? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы почерпнемъ изъ показанія свидѣтеля (К. К. Случевскаго), достовѣрность котораго „Московскія Вѣдомости" отрицать не станутъ. Вотъ что̀ онъ писалъ, въ 1890 г. („Новое Время", № 5097), объ обуховской больницѣ, переданной за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, вмѣстѣ съ другими петербургскими больницами, изъ вѣдѣнія административныхъ учрежденій въ вѣдѣніе города. „Немедленно (вслѣдъ за передачей) расширились, распахнулись окна, до того малыя, тюрьмообразныя, и, за-одно со свѣтомъ, дохнулъ въ больницу и свѣжій воздухъ. Больные стали получать все, что имъ слѣдовало; исчезли знаменитые супы, варившіеся изъ однѣхъ только костей, жира, жилъ и обрѣзковъ; исчезли знаменитыя семь лаханокъ, съ семью прачками, мывшими все колоссальное количество бо̀льшею частью заразнаго бѣлья; исчезли знаменитые узлы съ лохмотьями, нерѣдко продававшіеся, и въ помѣщеніе которыхъ нельзя было войти безъ того, чтобы не быть покрытымъ тысячами насѣкомыхъ; замѣнены тогда же новыми древнія оконныя рамы, постоянно промерзавшія зимою"... Дальше идетъ перечень всего того, что̀ исправлено и вновь заведено городскимъ управленіемъ [1]. „По отзыву людей спеціальныхъ"—такъ заканчиваетъ К. К. Случевскій свое описаніе,—„больница неузнаваема, и страшная ея репутація не только отходитъ, но и отошла въ былое". Что̀ сказали бы „Московскія Вѣдомости", еслибы кто-нибудь, прочитавъ описаніе прежней обуховской больницы, воскликнулъ: „чему же тутъ удивляться, коль скоро этой больницей завѣдывали чиновники"?.. Какъ ни велики замѣченные ревизіей недостатки нынѣшнихъ городскихъ больницъ, ни одна изъ нихъ, очевидно, не стоитъ на уровнѣ до-реформенной больницы, изображенной г. Случевскимъ... Недостаточной и не вполнѣ удовлетворительною оказалась, при ревизіи, санитарная часть; но изъ той же статьи г. Случевскаго видно, что до 1881-го года санитарно-эпидеміологическій надзоръ въ Петербургѣ не существовалъ вовсе. Организація его, хотя бы и несовершенная (много ли у насъ вообще со-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" за 1891 г., № 1, стр. 382—383.

вершенныхъ учрежденій?), составляетъ безспорную и крупную заслугу петербургскаго городского общественнаго управленія. Судить объ этомъ можно, между прочимъ, по слѣдующимъ цифрамъ: въ пятилѣтіе съ 1879 по 1883 г.г. смертность въ Петербургѣ доходила до 34,7 на тысячу жителей; въ пятилѣтіе съ 1884 по 1888 г.г. она понизилась до 28,8, въ пятилѣтіе съ 1889 по 1893 г.г.—до 25,6, въ пятилѣтіе съ 1894 по 1898 г.г.—до 25,2. Не ясно ли, что эти цифры составляютъ крупный вкладъ въ активъ столичнаго самоуправленія?

Въ газетахъ появился слухъ, что нѣкоторыми гласными с.-петербургской городской думы внесено предложеніе избрать подготовительную коммиссію для всесторонняго разслѣдованія всѣхъ упущеній, упомянутыхъ въ „обозрѣніи", и докладъ коммиссіи, еслибы имъ выяснились факты, ослабляющіе или опровергающіе значеніе обращенныхъ на городское управленіе обвиненій, представить министру внутреннихъ дѣлъ. „Московскія Вѣдомости" усматриваютъ въ этомъ предложеніи „претензію контролировать выводы лица, по Высочайшему повелѣнію производившаго ревизію". „О такихъ домогательствахъ"—восклицаетъ газета—„еще не приходилось слышать"! На степень „неслыханнаго домогательства" возводится здѣсь совершенно естественное, совершенно законное желаніе. Обвиняемому всегда должна быть дана возможность оправдаться. Рѣчь идетъ вовсе не о контролированіи *выводовъ* ревизіи, не о полемикѣ съ лицомъ, ее производившимъ, а о собраніи фактовъ, которые, при краткости времени, назначеннаго для ревизіи, и при допускаемой самимъ отчетомъ ея неполнотѣ, легко могли остаться незамѣченными или надлежащимъ образомъ неоцѣненными. „Благородное негодованіе" „Московскихъ Вѣдомостей" доказываетъ только одно: не исчезла у насъ еще до сихъ поръ „страшная вѣрность привычкамъ рабства", которую, тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, оплакивалъ незабвенный авторъ „Медвѣжьей охоты"!

Мѣсяцъ тому назадъ въ общемъ собраніи перваго и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената состоялось рѣшеніе, заслуживающее вниманія не столько само по себѣ, сколько по комментаріямъ, которые оно вызвало въ печати. Въ 1898 г., нѣкто Давингофъ, много лѣтъ занимавшійся преподаваніемъ танцевъ, снялъ для этой цѣли помѣщеніе въ домѣ № 88 по Невскому проспекту. Въ сентябрѣ того же года отъ него была, по распоряженію с.-петербургскаго градоначальника, отобрана подписка о воспрещеніи ему продолжать преподаваніе. Запрещеніе это было вызвано заявленіемъ начальницы помѣщавшейся въ томъ же домѣ частной женской гимназіи, госпожи Лохвицкой-Скалонъ, находившей, что ученицамъ гимназіи

неудобно встрѣчаться на лѣстницѣ съ разнохарактерной публикой, посѣщающей школу Давингофа. Давингофъ предъявилъ къ градоначальнику искъ объ убыткахъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе вышеупомянутаго распоряженія. Въ своемъ отвѣтѣ градоначальникъ указалъ, что Давингофъ былъ не учителемъ танцевъ, а содержателемъ танцкласса; тѣмъ же, въ сущности, были и прежнія его заведенія, что подтверждается какъ свѣдѣніями врачебно-полицейскаго комитета, такъ и вновь произведеннымъ дознаніемъ. Соединенное присутствіе сената, которому, по закону (уст. гражд. судопр. ст. 1317), подвѣдомственны подобныя дѣла (если должность отвѣтчика выше пятаго класса), отказало въ искѣ Давингофа, признавъ, что истецъ ничѣмъ не опровергъ объясненія о настоящемъ характерѣ его заведенія. Въ апелляціонной жалобѣ на это рѣшеніе повѣренный Давингофа просилъ объ обязаніи отвѣтчика представить полицейское разслѣдованіе, на которое имъ сдѣлана ссылка. Въ объясненіи на жалобу было указано, что полицейское разслѣдованіе и свѣдѣнія врачебно-полицейскаго комитета не подлежатъ оглашенію и потому представлены быть не могутъ. Въ распоряженіи, давшемъ поводъ къ иску, нѣтъ, притомъ, признаковъ неосторожности, неосмотрительности или нерадѣнія, которыми оправдывалось бы предъявленіе гражданскаго иска; оно могло бы быть разсматриваемо развѣ какъ превышеніе власти, подлежащее преслѣдованію въ уголовномъ порядкѣ. Къ этому послѣднему доводу присоединился, въ своемъ заключеніи, и оберъ-прокуроръ общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената. Общее собраніе, признавъ распоряженіе градоначальника о воспрещеніи Давингофу преподаванія танцевъ въ домѣ № 88 по Невскому проспекту неосмотрительнымъ, предоставило Давингофу взыскивать съ генералъ-лейтенанта Клейгельса убытки, въ размѣрѣ не свыше 35 тысячъ рублей, въ порядкѣ исполнительнаго или общаго гражданскаго судопроизводства.

Рѣшеніе общаго собранія представляется, какъ извѣстно, окончательнымъ, дальнѣйшему обжалованію не подлежащимъ; но пересмотръ его взяла на себя, съ свойственнымъ ей апломбомъ, газета кн. Мещерскаго. Нетрудно угадать, что вмѣсто критическаго анализа рѣшенія получилось новое testimonium paupertatis, выданное самому себѣ редакторомъ „Гражданина". Разсматривая дѣло съ юридической стороны, онъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ общее собраніе сената могло діаметрально разойтись съ соединеннымъ присутствіемъ: „тѣ же подсудимые"—восклицаетъ онъ,—„тѣ же судьи, только въ бо̀льшемъ числѣ, тѣ же обстоятельства дѣла—и въ результатѣ рѣшеніе противоположное"! Выходъ изъ недоумѣнія онъ ищетъ въ сплетняхъ—и, основываясь на словахъ, сказанныхъ ему, будто бы, „однимъ сенато-

ромъ", приписываетъ рѣшеніе раздраженію (!) судей противъ градоначальника за отказъ представить потребованныя отъ него свѣдѣнія. На самомъ дѣлѣ недоумѣніе создано не чѣмъ инымъ, какъ невѣжествомъ „Гражданина". Еслибы онъ имѣлъ понятіе о существѣ и цѣли апелляціоннаго производства, онъ не сталъ бы удивляться тому, что вторая инстанція, при тождествѣ „подсудимыхъ" (т.-е. сторонъ) и обстоятельствъ дѣла, расходится иногда съ первою въ опредѣленіи смысла фактовъ или въ юридической ихъ оцѣнкѣ. Еслибы ему былъ извѣстенъ составъ соединеннаго присутствія, разсматривающаго, въ качествѣ первой инстанція, иски о взысканіи убытковъ съ должностныхъ лицъ, онъ зналъ бы, что число членовъ общаго собранія во много разъ больше числа членовъ соединеннаго присутствія [1]) и что, слѣдовательно, о тождествѣ судей не можетъ здѣсь быть и рѣчи. „Сенаторы"—такъ гласятъ дальше *юридическія* (!) разсужденія „Гражданина", одинаково образцовыя и по формѣ, и по содержанію,—„не могли не знать, что то, что просилъ у Сената давингофскій адвокатъ потребовать отъ градоначальника, была ловушка, ему поставленная, ибо, еслибы градоначальникъ объяснилъ Сенату то, что онъ зналъ и обязанъ знать о причинахъ, побудившихъ его лишить права на танцклассъ Давингофа, то этотъ же Давингофъ, кромѣ гражданскаго иска въ 35 тысячъ рублей, вчинилъ бы градоначальнику искъ уголовный за клевету". Во всемъ этомъ нѣтъ ни одного слова правды. Представленіе суду оффиціальныхъ документовъ отнюдь не можетъ служить поводомъ къ обвиненію должностного лица, ихъ представившаго, въ оклеветаніи того, кто самъ просилъ о ихъ истребованіи; такое обвиненіе было бы мыслимо только по отношенію къ составителямъ документовъ (въ данномъ случаѣ—къ низшимъ полицейскимъ чиновникамъ), еслибы, притомъ, ими было допущено сознательное и намѣренное отступленіе отъ истины. Клевета въ оффиціальной бумагѣ составляетъ, далѣе, преступленіе должности, преслѣдуемое въ порядкѣ, болѣе чѣмъ достаточно ограждающемъ должностное лицо отъ легкомысленныхъ обвиненій. О взысканіи убытковъ не могло бы, наконецъ, быть и рѣчи, еслибы была документально доказана основательность запрещенія, постигшаго школу Давингофа.

Безусловно несостоятельны разсужденія „Гражданина" и о томъ, что онъ называетъ политическою стороною вопроса. Онъ начинаетъ съ „смѣлаго" (дѣйствительно, смѣлаго!) увѣренія, что „не только въ Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, но и Парижѣ подобное дѣло не могло быть

---

[1]) На основаніи ст. 117^1 учр. суд. устан. число членовъ соединеннаго присутствія не можетъ быть болѣе *девяти*—а въ общемъ собраніи перваго и обоихъ кассаціонныхъ департаментовъ оно можетъ доходить, приблизительно, до пятидесяти.

рѣшено въ пользу *какого-нибудь* Давингофа [1]); вездѣ къ отказу въ искѣ побудило бы судъ сознаніе невозможности ставить на одни вѣсы главнаго охранителя порядка въ столицѣ съ какимъ-нибудь Давингофомъ въ дѣлѣ, гдѣ первый представляетъ защиту нравственнаго порядка, а второй—свои доходные рубли отъ танцклассовъ. Всякій понимаетъ, съ точки зрѣнія нравовъ, разницу между уроками танцевъ и танцклассами, и потому можно ли допустить, чтобы танцклассистъ Давингофъ могъ выиграть въ Сенатѣ право на искъ съ градоначальника въ Петербургѣ"? Дальше кн. Мещерскій называетъ искъ Давингофа „дерзкимъ покушеніемъ на авторитетъ градоначальника, съ замысломъ уронить его дискреціонную власть", а рѣшеніе общаго собранія — „печальнымъ прецедентомъ, призваннымъ имѣть вліяніе и на судебную, и на общественную совѣсть" и грозящимъ градоначальнику исками со стороны „всѣхъ Давингофовъ Петербурга". Отъ отказа въ искѣ Давингофу—таковы заключительныя слова „Гражданина" — „сморщился бы одинъ Давингофъ; отъ выиграннаго имъ права на искъ поколеблются въ своихъ политическихъ и служебныхъ принципахъ морали всѣ служащіе порядку въ петербургскомъ градоначальствѣ и всѣ преданныя порядку сотни тысячъ жителей". Дальше достигнутыхъ здѣсь предѣловъ безцеремонность рѣдко идетъ даже въ „Гражданинѣ". Прежде всего совершается явное извращеніе фактовъ: доказаннымъ признается именно то, что еще требовалось доказать. Давингофъ провозглашается „танцклассистомъ", въ извѣстномъ, специфическомъ смыслѣ этого слова, между тѣмъ какъ, за непредставленіемъ документовъ, неразъясненнымъ остался именно характеръ заведенія Давингофа. Еслибы было установлено, что запрещенію подвергся „танцклассъ", устроенный подъ видомъ танцовальной школы, то о „неосмотрительности" запрещенія, а слѣдовательно и о правѣ Давингофа на убытки, не было бы и рѣчи... На вѣсахъ правосудія взвѣшиваются, въ дѣлахъ гражданскихъ, не люди, а права. Для суда, понимающаго свое призваніе и остающагося ему вѣрнымъ, нѣтъ и не можетъ быть „какихъ-нибудь" истцовъ или отвѣтчиковъ; для него существуютъ только лица, отыскивающія или отстаивающія свое законное право—и только это право можетъ служить предметомъ судебнаго рѣшенія. Степень доказанности иска или отвѣта не зависитъ ни отъ положенія, которое занимаютъ тяжущіеся, ни отъ нравственныхъ ихъ качествъ, а исключительно отъ свойства и силы представленныхъ ими фактическихъ данныхъ и юридическихъ соображеній. Никому и ни въ чемъ судъ не обязанъ вѣрить на слово; никто не можетъ быть осуж-

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ „Дневника" кн. Мещерскій называетъ Давингофа *евреемъ*. Черезъ нѣсколько дней въ газетахъ появилось заявленіе Давингофа, что онъ—христіанинъ отъ рожденія.

денъ въ гражданскомъ дѣлѣ на основаніи „политическихъ“ соображеній. Ничего „дерзкаго“ нѣтъ въ обращеніи къ суду; для авторитета власти нѣтъ ничего опаснаго въ признаніи ея частной ошибки. Гораздо больше авторитетъ власти могъ бы пострадать отъ систематически отрицательнаго отношенія къ искамъ, мотивированнымъ неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ. Торжество „политики“, рекомендуемой „Гражданиномъ“, было бы тяжелымъ ударомъ для „общественной совѣсти“, подрывая вѣру въ равенство всѣхъ передъ судомъ и возстановляя значеніе старинной поговорки: „съ сильнымъ не судись“. Во что обратились бы тогда „служебные принципы морали“ (т.-е. принципы служебной морали)—это не требуетъ объясненія. Въ основаніи разсужденій „Гражданина“ лежитъ все та же „страшная вѣрность привычкамъ рабства“, съ которою мы только-что встрѣтились въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

Дѣло бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера Шафрова, о которомъ мы говорили въ предъидущей хроникѣ, окончилось обвинительнымъ приговоромъ: подсудимый присужденъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ на два года въ исправительное арестантское отдѣленіе. Теперь, слѣдовательно, можно считать доказаннымъ, что для привлеченія Шафрова къ уголовной отвѣтственности имѣлось достаточно вѣскихъ основаній; теперь можно дать надлежащую оцѣнку преградамъ, которыя такъ долго встрѣчало правосудіе, и которыя оно съ такимъ трудомъ преодолѣло. Главныхъ точекъ опоры у Шафрова было, повидимому, двѣ: репутація распорядительности, которою онъ пользовался у своего начальства, и отсутствіе у обывателей увѣренности, что, жалуясь на полиціймейстера, они не попадутъ изъ огня да въ полымя. Похвальный отзывъ о Шафровѣ дали суду оба кронштадтскихъ губернатора, бывшій и настоящій. „Бываютъ полиціймейстеры“—такъ выразился одинъ изъ нихъ,—„которые умѣютъ отчитываться, но не умѣютъ управлять; намъ важно, чтобы полиціймейстеръ былъ хорошимъ администраторомъ“. Сообразно съ этимъ взглядомъ дѣйствовала и коммиссія, назначенная губернаторомъ вслѣдствіе первыхъ сообщеній прокуратуры о злоупотребленіяхъ Шафрова. Предсѣдатель ея показалъ при предварительномъ слѣдствіи, что ревизія полиціи производилась поверхностно, записи въ книгахъ не провѣрялись, цейхгаузъ былъ провѣренъ „на глазомѣръ“. Одинъ изъ членовъ коммиссіи подписалъ протоколъ ея „на вѣру“; по удостовѣренію другого, работа коммиссіи въ канцеляріи полиціймейстера была закончена въ полтора или два часа. Другая твердыня, сокрушить которую могло только вмѣшательство судебной власти, освѣщена всего ярче свидѣтелемъ Зеленымъ (генералъ-маіоромъ, военно-морскимъ су-

дьей). „Во времена Шафрова"—показалъ онъ при предварительномъ слѣдствіи,—„въ Кронштадтѣ жить стало труднѣе. Въ городѣ циркулировало изреченіе: полиціймейстеръ нагналъ на всѣхъ страхъ и трепетъ". Какъ членъ кронштадтской городской думы, г. Зеленый могъ убѣдиться въ томъ, что гласные безпрекословно исполняли требованія Шафрова, хотя бы они и не были предусмотрѣны смѣтой. Шафровъ „неоднократно являлся въ засѣданія думы и своимъ присутствіемъ предупреждалъ возможность робкаго протеста; критиковали его дѣятельность потихоньку, опасаясь репрессалій съ его стороны, до высылки включительно". Съ „непослушными" гласными Шафровъ говорилъ „въ вызывающемъ тонѣ". По просьбѣ Шафрова, дума, открытой баллотировкой, освободила его отъ годовой платы (650 руб.) за занимаемую имъ въ городскомъ зданіи квартиру. На слѣдующій годъ онъ опять обратился въ думу съ такимъ же ходатайствомъ, но г. Зеленый настоялъ на закрытой баллотировкѣ, и ходатайство было большинствомъ голосовъ отклонено... Привилегированное положеніе Шафровъ сохранилъ отчасти и послѣ преданія его суду: рядомъ свидѣтельскихъ показаній установлено, что онъ продолжаетъ занимать полиціймейстерскую квартиру, ничего за нее не платя. Понятно, что отсюда должно было возникнуть предположеніе о возможности возвращенія Шафрова на должность полиціймейстера—а это, въ свою очередь, должно было отозваться на нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, данныхъ на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи.

Интересный самъ по себѣ, процессъ бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера даетъ богатый матеріалъ для общихъ выводовъ. Одинъ изъ нихъ сдѣланъ въ статьѣ Н. И. Лазаревскаго, напечатанной въ газетѣ „Право" (№ 8): это—необходимость измѣнить дѣйствующій порядокъ преданія суду за преступленія должности. Въ побѣдѣ, одержанной правосудіемъ по дѣлу Шафрова, г. Лазаревскій совершенно правильно отказывается видѣть доказательство тому, что таковъ *нормальный* исходъ подобныхъ столкновеній. „Въ дѣлѣ Шафрова прокуратура находилась въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ: это была прокуратура столичнаго суда, имѣющая возможность непосредственныхъ сношеній съ министерствомъ юстиціи и поэтому могущая пользоваться наиболѣе энергичной его поддержкой. Весьма существенное значеніе имѣло и то исключительное условіе, что петербургская прокуратура дѣйствовала противъ должностного лица, подчиненнаго не петербургской городской или губернской администраціи, а, такъ сказать, иногородному военному губернатору. И многіе согласятся съ тѣмъ, что при всемъ блестящемъ подборѣ личныхъ силъ, при всей поддержкѣ министерства юстиціи, петербургская прокуратура могла бы оказаться безсильной противъ должностного лица, которое не находилось бы

въ этихъ исключительныхъ условіяхъ". Вся бѣда въ томъ, что преданіе суду должностныхъ лицъ зависитъ, по общему правилу, отъ ихъ начальства, слишкомъ часто склоннаго видѣть въ немъ подрывъ для престижа учрежденія или для собственнаго своего авторитета. Новый проектъ устава уголовнаго судопроизводства вноситъ въ этотъ порядокъ лишь нѣсколько частныхъ, нерѣшительныхъ измѣненій. По справедливому замѣчанію г. Лазаревскаго, необходимо идти гораздо дальше: если нельзя уравнять преступленія по должности со всѣми остальными, то слѣдуетъ предоставить преданіе суду должностныхъ лицъ либо внѣвѣдомственному учрежденію, дѣйствія котораго были бы обставлены всѣми судебными гарантіями (въ родѣ германскаго высшаго административнаго суда), либо, въ крайнемъ случаѣ, высшему внѣвѣдомственному административному учрежденію (въ родѣ нашего перваго департамента сената).

Второй общій выводъ, вытекающій изъ дѣла Шафрова, указанъ нами въ предъидущей хроникѣ. Онъ заключается въ томъ, что *назначеніемъ* должностныхъ лицъ далеко не всегда обезпечивается удачное замѣщеніе должности, и еще меньше—отвѣтственность за нарушеніе служебнаго долга. Два раза Шафровъ былъ изобличенъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ по службѣ—и два раза послѣ того получалъ равную или высшую должность. Преданіе его суду состоялось вопреки усиленному противодѣйствію его начальства. Неудачнымъ можетъ быть, конечно, и *выборъ*, сдѣланный общественнымъ учрежденіемъ — но поправить ошибку здѣсь гораздо легче. Дѣйствія выборнаго должностного лица подлежатъ свободной, широкой критикѣ, не стѣсняемой опасеніями въ родѣ тѣхъ, какія испытывали гласные кронштадтской городской думы. Не встрѣчаетъ такое лицо и авторитетной, властной защиты, если возникаетъ вопросъ о привлеченіи его къ уголовной отвѣтственности. Обстановку, въ которой дѣйствуютъ назначенныя должностныя лица, можно сравнить съ глухой стѣной, за которую трудно проникнуть любопытному взгляду; обстановка, въ которую вводитъ выборъ, напоминаетъ собою стеклянное зданіе, со всѣхъ сторонъ доступное для наблюденія... Не лишенъ значенія, наконецъ, боковой свѣтъ, брошенный процессомъ Шафрова на устойчивость нѣкоторыхъ административныхъ традицій. Сюда относится, напримѣръ, равнодушіе къ правильности счетоводства, выразившееся въ приведенныхъ нами словахъ одного изъ начальниковъ Шафрова. Конечно, „умѣнье отчитываться"—не главное изъ качествъ, требуемыхъ отъ полиціймейстера; но безъ правильной отчетности немыслимъ контроль, а безъ контроля немыслима отвѣтственность, сознаніе которой ни на минуту не должно быть чуждо представителю власти. Было время, когда отъ полиціи требовалось лишь поддержаніе внѣшняго

порядка, какъ бы дорого оно ни обходилось обывателямъ: но это время прошло, и нельзя не пожалѣть, что вмѣстѣ съ нимъ не исчезли безслѣдно порожденные имъ взгляды... Шафровъ взялъ себѣ за прожженное на пожарѣ пальто сто рублей изъ денегъ, поступившихъ въ пользу пожарныхъ за удачное тушеніе этого пожара. Въ такомъ распоряженіи Шафрова его начальство не усмотрѣло ничего ненормальнаго—не усмотрѣло, какъ намъ кажется, именно потому, что держалось старой точки зрѣнія на права и обязанности полиціи. Обращеніе полиціймейстеромъ въ свою пользу части денегъ, доставленныхъ ему для передачи подчиненнымъ, можетъ быть оправдано только въ силу начала: „своя рука владыка", давно потерявшаго свою прежнюю силу. Достояніемъ прошлаго является и разладъ между закономъ и практикой—а между тѣмъ „смотрѣніе сквозь пальцы" (напр. по отношенію къ продажѣ крѣпкихъ напитковъ въ домахъ терпимости) допускалось, какъ видно изъ судебнаго отчета, не однимъ Шафровымъ. Ускорить исчезновеніе подобныхъ „пережитковъ" старины можетъ широкое ихъ оглашеніе. Процессъ Шафрова и съ этой точки зрѣнія представляется далеко не безполезнымъ. Очень жаль, что на него недостаточно обратила вниманіе петербургская ежедневная пресса; поучителенъ не только его исходъ—поучительны и многія его подробности. Самыя обстоятельныя свѣдѣнія о немъ даны „Русскими Вѣдомостями" и „Правомъ".

1-го февраля исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности В. А. Гольцева, бывшаго профессора московскаго университета, извѣстнаго публициста, руководителя журнала „Русская Мысль". Въ чествованіи его приняли участіе лучшіе представители московскаго писательскаго міра, справедливо подчеркивая нравственную стойкость юбиляра, его вѣрность однажды усвоеннымъ убѣжденіямъ, неутомимость въ ихъ проведеніи, поддерживаемую глубокой вѣрой въ лучшее будущее. „Ваши книги и статьи, проникнутыя свѣтлыми идеалами общественности",—сказано въ адресѣ редакціи и сотрудниковъ „Русской Мысли", — „раскрывали передъ читателемъ цѣльное и прогрессивное міровоззрѣніе, котораго на протяженіи четверти вѣка не могла поколебать измѣнчивая жизнь, такъ часто зовущая къ покою и духовной лѣни. Вы не уступали этой жизни, вы не хотѣли съ ней примириться, и ваша мысль, вольнолюбивая мысль честнаго писателя, всегда опережала ея медленное теченіе". Намъ пріятно вспомнить, что въ нашемъ журналѣ сочувственно была отмѣчена первая по времени работа В. А. Гольцева — его книга о государственномъ хо-

зяйствѣ во Франціи XVII-го вѣка [1]). Мы привѣтствовали ее „какъ произведеніе строго научное и вмѣстѣ съ тѣмъ полное практическаго интереса, одинаково удачное и по выбору темы, и по ея обработкѣ". Этимъ соединеніемъ разнородныхъ, но одинаково цѣнныхъ качествъ отличается и дальнѣйшая дѣятельность В. А. Гольцева, счастливое продолженіе которой тѣмъ болѣе желательно, чѣмъ тѣснѣе она связана съ такимъ журналомъ, какъ „Русская Мысль".

Въ лицѣ скончавшагося на дняхъ Алексѣя Адріановича Головачева сошелъ со сцены одинъ изъ послѣднихъ „людей сороковыхъ годовъ", въ теченіе всей своей долгой жизни хранившій вѣрность лучшимъ традиціямъ этой эпохи. Отстаиванье права и правды онъ началъ еще въ такое время, когда оно (въ общественной жизни) было чѣмъ-то почти небывалымъ — и продолжалъ его тогда, когда оно угрожало серьезною опасностью. Извѣстно, что только случайность спасла его отъ кары, постигшей его товарищей-тверитянъ, А. М. Унковскаго и А. И. Европеуса. Наиболѣе зрѣлые годы его жизни были посвящены литературной дѣятельности, главнымъ памятникомъ которой остается его извѣстная книга: „Десять лѣтъ реформъ" [2]). Большую цѣнность имѣетъ также его „Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи". Очень долго А. А. состоялъ корчевскимъ уѣзднымъ и тверскимъ губернскимъ гласнымъ, принимая горячее участіе въ трудахъ земскихъ собраній. Земскому и крестьянскому дѣлу посвящена послѣдняя работа А. А. Головачева—„Записка о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности", представленная корчевскому уѣздному комитету и напечатанная, послѣ смерти автора, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 47). „Прежде чѣмъ думать о введеніи разныхъ культурныхъ улучшеній въ сельско-хозяйственной промышленности крестьянъ", — читаемъ мы въ этой запискѣ, которую можно назвать завѣщаніемъ неутомимаго труженика, широко образованнаго и разносторонне образованнаго человѣка: — „необходимо поднять въ значительной степени уровень народнаго образованія, относиться съ бо̀льшимъ довѣріемъ къ мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ и измѣнить въ корнѣ финансовую и эконо-

---

[1]) См. Литературное Обозрѣніе въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1879 г., стр. 274—282.

[2]) Статьи, изъ которыхъ составилась эта книга, печатались первоначально въ нашемъ журналѣ (съ февраля 1871 по май 1872 г.). Сверхъ того А. А. Головачевъ помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы": „Объясненіе по поводу отвѣтовъ на вопросы объ операціяхъ Госуд. Банка" (1874, мартъ); „Вопросъ о службѣ женщинъ въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ" (1874, авг., за подписью Г.), и „Свобода торговли и протекціонизмъ" (1876, май).

мическую политику настоящаго времени, въ смыслѣ облегченія бремени налоговъ и отмѣны покровительственной системы... Всѣ культурныя задачи, предположенныя Совѣщаніемъ, могутъ быть введены въ практическую жизнь только дѣятельностью мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, а не путемъ предписаній свыше, путемъ бюрократическимъ. Большее довѣріе къ мѣстному обществу и меньшая подозрительность къ его неблагонадежности гораздо сильнѣе обезпечатъ успѣшное выполненіе всѣхъ мѣропріятій правительства, клонящихся къ пользѣ населенія, чѣмъ сыскъ благонадежныхъ и не по разуму усердныхъ прислужниковъ администраціи. Само собою разумѣется, что выборъ общественными учрежденіями своихъ агентовъ долженъ быть свободнымъ, а неутвержденіе ихъ со стороны администраціи должно быть мотивировано причинами неутвержденія. Практика доказала всю неправильность существующаго порядка утвержденія выборовъ земскихъ собраній, когда избранные не утверждались предсѣдателями и членами земскихъ управъ и вслѣдъ затѣмъ утверждались предводителями дворянства. Подобной несообразности не должно случаться въ благоустроенномъ государствѣ". Итакъ, самостоятельность и самодѣятельность — вотъ завѣтъ, оставленный русскому обществу А. А. Головачевымъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося населенія.

Неприглядны и тяжелы часто условія жизни тружениковъ. Большинству недоступны даже здоровыя жилища. Коморочныя и коечно-угловыя квартиры—это, по истинѣ, очень дорого оплачиваемыя трущобы, въ которыхъ, однако, вынуждены тѣсно ютиться съ семьями недостаточные люди труда. Въ такихъ чрезмѣрно переполненныхъ, промозглыхъ, грязныхъ и смрадныхъ жилищахъ здоровье обитателей расшатывается, зарождаются заразныя болѣзни, возникаетъ и поддерживается пьянство, падаетъ нравственность дѣтей и взрослыхъ, ослабляются узы семьи — этой основы общественнаго строя, и постепенно надвигается ужасный бичъ человѣчества — вырожденіе физическое и нравственное.

Въ іюнѣ 1902 г., утвержденъ уставъ Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося трудящагося населенія, съ ограниченною отвѣтственностью участниковъ суммою ихъ паевыхъ взносовъ. Возникающее учрежденіе не требуетъ отъ своихъ пайщиковъ благотвореній. Его дѣло—не утопія: оно основывается на правильномъ коммерческомъ разсчетѣ. Опредѣляя вступной взносъ въ 2 руб., цѣнность пая въ 25 руб. и допуская разсрочку оплаты паевъ до 2 лѣтъ, уставъ предоставляетъ возможность участія въ Товариществѣ и малосостоятельнымъ лицамъ, а предназначая складочный капиталъ Товарищества на покупку земли и на постройки, онъ обезпечиваетъ его недвижимымъ имуществомъ, которое, въ свою очередь, обезпечиваетъ доходъ съ паевъ въ размѣрѣ до $4^1/_2{}^0/_0$. Товариществу, дѣятельность котораго не ограничивается какою-либо мѣстностью, уставомъ предоставлены важныя права и, между прочимъ, право открывать учрежденія, способствующія улучшенію жизненной обстановки нуждающагося трудящагося населенія.

Въ 1890 г., въ Штутгартѣ, общество содѣйствія улучшенію благосостоянія тружениковъ обратилось съ воззваніемъ къ жителямъ города. Вскорѣ было собрано по подпискѣ болѣе 400.000 марокъ изъ $3^0/_0$, а въ 1901 г. на постройку рабочихъ жилищъ уже было затрачено до 5 милліон. мар. Неужели менѣе отзывчивыми окажутся русскіе люди?

Вѣдь дѣло идетъ объ охранѣ семейной жизни, объ охранѣ здоровья, работоспособности и нравственности согражданъ—объ исполненіи нашего христіанскаго долга и долга передъ родной страной.

Ростетъ населеніе, ростетъ и тяжелая жилищная нужда. Вскорѣ Петербургъ будетъ праздновать свою двухсотлѣтнюю годовщину. Пусть же наканунѣ ея болѣе обезпеченные *дѣятельно* задумаются надъ улучшеніемъ быта тѣхъ, чей упорный трудъ могущественно содѣйствуетъ увеличенію богатствъ страны.

Временноуполномоченные собранія учредителей твердо вѣрятъ, что гуманитарныя и истинно патріотическія задачи Товарищества встрѣтятъ живое сочувствіе и содѣйствіе русскаго общества, отзывчиваго на все доброе.

Заявленія о желаніи вступить въ число членовъ Товарищества и оплата вступныхъ взносовъ (2 руб. съ лица) и паевъ (25 руб. пай) принимаются у нижепоименованныхъ временноуполномоченныхъ:

А. Б. Враскаго (Литейный, 24, отъ 6—7½ ч. веч.); В. О. Губерта (Мойка, 85, Общ. орх. народн. здр., отъ 6—9 ч. веч.); Е. М. Дементьева (ул. Жуковскаго, 6, ежедневно исключая Понед. и Субб., отъ 10—12 ч. д.); Н. В. Дмитріева (Сергіевская, 34, отъ 10—1 ч. д. и отъ 5—7 ч. в.); Д. А. Дриль (Невскій, 166, отъ 9—12 ч. д.); П. А. Корсакова (Б. Конюш., 27, Банкъ, отъ 10—12 ч. д.); Е. Д. Максимова (Николаевская, 38, Канцелярія Попечит., отъ 1—5 ч. д.); М. Н. Нижегородцева (Спасская, 6, Вторн. и Пятн., отъ 3½—5 ч. д.); А. Н. Никитина (Спасская 7 и СПБ. Об. Вз. Кредита); Э. Г. Перримондъ (Николаевская, 70, отъ 10—11 ч. у. и отъ 6—7 ч. в.); В. А. де Плансонъ (Кирочная, 12, отъ 11—12 ч. д.); В. И. Покровскаго (В. О., 1 л., 54, отъ 9½—11 ч. у. и отъ 6—7½ ч. в.); В. Н. Пясецкаго (Загородный, 70, отъ 9—11 ч. у. и отъ 6—7 ч. в.); Л. Б. Скаржинскаго (В. О., у Биржи, въ зданіи Гл. Упр. Неокл. Сборовъ, отъ 2—5 ч. д.); А. А. Шумахера (Дмитровскій, 16, отъ 10—12 ч. у.); въ Вольномъ Экономическомъ Общ. (Забалканскій, 33, библіотека, отъ 8—10 ч. в.); въ конт. журн. „Нива“ (ул. Гоголя, 22), а также у Е. Н. Харламовой (Гатчина, Дворцов. Управ.).

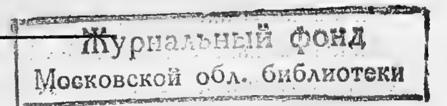
II.—Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ въ геліо-гравюрахъ (на мѣди), съ художественнымъ воспроизведеніемъ картинъ изъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III.

Открытыя письма будутъ выходить послѣдовательно серіями по 20 штукъ въ каждой, попеременно копій съ картинъ Музея и Эрмитажа. Цѣна каждой серіи, 20 разныхъ открытыхъ писемъ—2 рубля, или по 10 к. за письмо.

Адресныя стороны открытыхъ писемъ снабжены штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императ. Женск. Патріот. Общ.", а также украшены художественными виньетками.

Подписка на серіи открытыхъ писемъ принимается у почетнаго старшины Фридриха Борисовича Бернштейна: Спб., Фонтанка, 134, гдѣ и можно получать справки по сему изданію.



Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Очерки Крыма. Картины крымской жизни, исторіи и природы. Евгенія Маркова. Съ 257 картинами и рисунками. Изд. 3-ье. Тов. М. О. Вольфа. Спб. и М. 903. Стр. 520 in 4°. Ц. 5 руб.

Крымъ знакомъ автору съ половины 60-хъ годовъ; тамъ онъ провелъ безвыѣздно нѣсколько лѣтъ, что дало ему возможность изучить во всѣхъ подробностяхъ эту, по выраженію Екатерины Вел., лучшую „жемчужину" нашего отечества. „Я, — говоритъ авторъ, — посѣтилъ не разъ всѣ его уголки, осмотрѣлъ всѣ его памятники, прочелъ все, что могъ достать о древней исторіи Крыма... Крымскія степи, крымскія горы, крымское море, легенды и развалины древности, легенды и развалины роковой исторіи новаго времени, Бахчисарай и Севастополь, южный берегъ и пещерные города—все типичное Крыма нашло свое мѣсто на страницахъ этихъ очерковъ"... Такое близкое и всестороннее изученіе края весьма выгодно отразилось на настоящемъ трудѣ автора, появившемся впервые 30 лѣтъ тому назадъ, въ 1872 году. Несмотря на всю скудость нашей литературы по отношенію Крыма, оно разошлось только десять лѣтъ спустя, и второе изданіе появилось только въ 1882 г., совпавъ, такимъ образомъ, съ первымъ столѣтіемъ нашего господства въ Крыму. Новое, третье изданіе отличается существенно отъ своихъ предшественниковъ главнымъ образомъ тѣмъ, что оно богато снабжено иллюстраціями; будучи отчетливо выполнены, онѣ весьма наглядно дополняютъ текстъ и прочно отпечатываютъ въ памяти читателя описанія безчисленныхъ красотъ Крыма. Авторъ справедливо замѣчаетъ, говоря: „Очерки Крыма" —не путеводитель по Крыму, и потому не нуждаются въ сообщеніяхъ о новыхъ постройкахъ, новыхъ дорогахъ, новыхъ гостинницахъ... Крымское небо, крымское море, крымскія горы и степи, точно также какъ человѣкъ Крыма, какъ старая исторія Крыма, остаются неизмѣнно все тѣми же, какими они были при первомъ столкновеніи съ ними автора"—тридцать лѣтъ тому назадъ. Внѣшняя сторона изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго, и ни въ чемъ не уступитъ подобнымъ же роскошнымъ изданіямъ заграничнымъ.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ восьмой. Начала русскаго государственнаго права, ч. 2-я: Органы управленія. Спб. 903. Ц. 3 р.

Вторая часть курса русскаго государственнаго права, при жизни автора, имѣла три изданія (1876—87 гг.), и въ нынѣшнемъ изданіи она составляетъ особый восьмой томъ. Въ приложеніяхъ къ этому тому помѣщены восемь статей, появившихся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ газетѣ „Голосъ"; это были статьи о государственномъ совѣтѣ, комитетѣ министровъ и первомъ департаментѣ сената; къ этому же тому приложены еще двѣ статьи: „Переустройство нашего мѣстнаго управленія" и „Всесословная мелкая единица", хотя по содержанію своему онѣ состоятъ въ болѣе тѣсной связи съ содержаніемъ девятаго, послѣдняго тома, куда войдетъ третья часть „Началъ русскаго государственнаго права". Выше, въ „Литературномъ Обозрѣніи", можно найти подробный обзоръ содержанія восьмого тома, представляющаго особенное значеніе въ виду предполагаемой реформы мѣстнаго управленія въ смыслѣ децентрализаціи его.

Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселянъ внутреннихъ губерній Россіи. Составилъ Г. Г. Савичъ. Спб. 1903. Стр. 997. Ц. 4 р. 50 к.

Сборникъ этотъ, составленный по послѣднему (1902 г.) изданію Свода законовъ, касается 47 внутреннихъ губерній и содержитъ въ себѣ всѣ относящіеся къ крестьянскому дѣлу законы, правила, инструкціи, извлеченія изъ опредѣленій сената и циркуляры министерствъ. Книга состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: первый обнимаетъ Общее положеніе о крестьянахъ и положеніе о выкупѣ; второй—о поземельномъ устройствѣ крестьянъ; третій — объ установленіяхъ, завѣдывающихъ крестьянскимъ дѣломъ; четвертый, дополнительный, заключаетъ извлеченія изъ законовъ о состояніяхъ, устава строительнаго, устава о наказаніяхъ, о гербовомъ сборѣ, о земскихъ повинностяхъ, мѣстныхъ положеній о поземельномъ устройствѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и многихъ другихъ источниковъ, дополняющихъ и разъясняющихъ содержаніе первыхъ трехъ отдѣловъ. Для Сибири составленъ г. Савичемъ особый сборникъ крестьянскихъ положеній и правилъ („Сб. законовъ объ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ Сибири и Степного края", Спб. 1903. Ц. 4 р. 50 к.).

Петръ Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Опытъ анализа сельско-хозяйственныхъ отношеній. Спб. 1903. Изд. М. И. Водовозовой. Стр. VIII+493. Ц. 2 р. 75 к.

Въ книгѣ г. Маслова изслѣдуются главныя формы и проявленія нашей земледѣльческой жизни съ точки зрѣнія извѣстныхъ, заранѣе установленныхъ теоретическихъ взглядовъ. По справедливому замѣчанію автора, въ спеціально-экономической литературѣ долго господствовало стремленіе накоплять груды сырого матеріала, не давая имъ надлежащаго освѣщенія, и въ этомъ смыслѣ земледѣлію удѣлялось теоретиками наименьше вниманія. Но „марксистская" теорія „эволюціи производительныхъ силъ", которой придерживается г. Масловъ, мало помогаетъ объясненію фактовъ и даетъ въ сущности только внѣшнюю рубрику, нисколько не замѣняющую и не облегчающую анализа. Книга распадается на двѣ части: первая трактуетъ объ „общихъ условіяхъ развитія сельскаго хозяйства", а вторая—о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Россіи. Многія свѣдѣнія, приводимыя авторомъ, крайне интересны, хотя и не новы; такъ, по описанію д-ра Тезякова, въ большинствѣ землевладѣльческихъ экономій нѣтъ помѣщеній для временныхъ рабочихъ, а тамъ, гдѣ они есть, они едва ли не хуже, чѣмъ помѣщенія для скота. Рабочимъ даютъ въ пищу тухло-гнилое мясо и горько-гнилой хлѣбъ; когда рѣжутъ этотъ хлѣбъ, то изъ-подъ ножа летитъ цѣлое облако зеленой пыли,—и это бываетъ въ крупныхъ имѣніяхъ, владѣльцы которыхъ обыкновенно жалуются на недобросовѣстность рабочихъ и требуютъ для нихъ уголовныхъ каръ. Подобные факты, къ сожалѣнію, не укладываются въ рамки какой бы то ни было „эволюціи".

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1903 г.
(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ.

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академич. пер., 7.

[illegible]